УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск V

УЛЬЯНОВСК
1953

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК V

г. УЛЬЯНОВСК
1953

ЕЩЕ ТЕСНЕЕ СПЛОТИМСЯ ВОКРУГ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ!

Коммунистическая партия Советского Союза, трудящиеся нашей страны и всего мира понесли тягчайшую утрату. Перестало биться сердце соратника и гениального продолжателя дела Ленина, мудрого вождя и учителя Коммунистической партии и советского народа — Иосифа Виссарионовича Сталина.

Бессмертное имя Сталина всегда будет жить в сердцах людей нашей Родины и всего прогрессивного человечества. Это имя выражает величие победоносного Советского Союза и зовет к борьбе за светлое будущее народов.

Вся славная, полная героическими трудами и подвигами жизнь Иосифа Виссарионовича Сталина была посвящена борьбе за дело рабочего класса, за счастье народов.

«Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной», — говорил товарищ Сталин.

Вместе с Лениным товарищ Сталин создал могучую партию коммунистов, воспитал и закалил ее в суровых боях за освобождение трудящихся, был вдохновителем и вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире социалистического государства. Продолжая бессмертное дело Ленина, товарищ Сталин привел советский народ к всемирно-исторической победе социализма в СССР. Под мудрым водительством товарища Сталина наш народ отстоял честь, свободу и независимость своей Родины, одержал всемирно-историческую победу в Великой Отечественной войне, спас человечество от угрозы фашистского порабощения.

В послевоенный период Коммунистическая партия, товарищ Сталин вдохновили и организовали советский народ на борьбу за восстановление и дальнейшее развитие

народного хозяйства нашей страны. За короткий срок после войны советские люди восстановили разрушенную промышленность, транспорт, сельское хозяйство и обеспечили значительное превышение довоенного уровня во всех отраслях социалистической экономики.

Величайшая сила нашей партии в том, что она во всей своей деятельности руководствуется марксистско-ленинской теорией. Опираясь на ленинское наследие, теоретически развивая и обогащая марксизм-ленинизм, товарищ Сталин обобщил опыт социалистического строительства в нашей стране, вооружил партию и весь народ великой и ясной программой борьбы за коммунизм. Неоценимое значение для марксистско-ленинской теории, для всей нашей практической деятельности имеет гениальное произведение товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Вооруженная сталинской наукой о строительстве коммунистического общества, историческими решениями XIX съезда, наша партия уверенно ведет народ к заветной цели — к коммунизму. Советский народ питает безраздельное доверие и проникнут горячей любовью к своей родной Коммунистической партии, так как он глубоко убежден в том, что высшим законом всей деятельности партии является служение интересам народа.

Рабочие, колхозники, советские интеллигенты, все трудящиеся нашей страны знают, что партия неустанно заботится о максимальном удовлетворении постоянно растущих материальных и культурных потребностей советских людей. Они знают, что партия всемерно укрепляет Советскую Армию, Военно-Морской Флот и органы разведки с тем, чтобы постоянно быть готовыми дать сокрушительный отпор любому агрессору. Они знают, что внешней политикой Коммунистической партии и Правительства Советского Союза являлась и является незыблемая политика сохранения и упрочения мира.

Верные знамени пролетарского интернационализма, народы Советского Союза укрепляют и развивают братскую дружбу с великим китайским народом, с трудящимися всех стран народной демократии, дружественные связи с трудящимися капиталистических и колониальных стран, борющимися за дело мира, демократии и социализма.

В эти скорбные дни все народы нашей страны еще теснее сплачиваются вокруг Коммунистической партии, созданной и воспитанной Лениным и Сталиным.

Советский народ твердо уверен в том, что воспитанные

товарищем Сталиным его верные ученики и соратники безусловно обеспечат успешное проведение в жизнь выработанной нашей партией и правительством политики как во внутренних делах нашей страны, так и в международных делах. Коммунистическая партия Советского Союза побеждала, побеждает и будет побеждать, ибо она кровными узами связана с широкими массами трудящихся.

Главное условие силы и могущества нашей партии — стальное единство и монолитная сплоченность ее рядов. Задача состоит в том, чтобы как зеницу ока хранить единство партии, воспитывать коммунистов как активных политических бойцов за проведение в жизнь политики и решений партии, еще более укреплять связи партии со всеми трудящимися, с рабочими, колхозниками, интеллигенцией. Необходимо воспитывать коммунистов и всех трудящихся в духе высокой политической бдительности, в духе непримиримости и твердости в борьбе с внутренними и внешними врагами.

Под руководством Коммунистической партии народы Советского Союза уверенно строят величественное здание коммунизма.

«В мире нет таких сил, — говорил на XIX съезде партии тов. Г. М. Маленков, — **которые могли бы остановить поступательное движение советского общества. Наше дело непобедимо. Нужно крепко держать руль и итти своим путём, не поддаваясь ни провокациям, ни запугиванию».**

Руль партийного и государственного руководства в нашей стране — в надежных руках, в руках верных учеников и соратников великого Сталина. В ответ на обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Совета Министров Союза ССР и Президиума Верховного Совета СССР партия и все трудящиеся нашей Родины еще теснее сплачиваются вокруг Центрального Комитета и Советского правительства, мобилизуют все свои силы и творческую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране.

Передовая «Правды» от 8 марта 1953 г.

ТРЕГУБОВ И.
кандидат экономических наук

О ХАРАКТЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАКОНОВ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Гениальная работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» является выдающимся вкладом в марксистско-ленинскую науку об обществе и законах его развития. В этом труде товарищ Сталин изложил законы общественного производства и распределения материальных благ в социалистическом обществе и определил научные основы развития социалистической экономики, указал пути постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Ленин и Сталин являются создателями политической экономии социализма. В работах В. И. Ленина содержится анализ объективных закономерностей, действовавших в нашей стране в период перехода от капитализма к социализму. Всесторонний марксистский анализ сложившегося социалистического строя, как первой стадии коммунистической формации, изложен в трудах И. В. Сталина и особенно в его новой работе «Экономические проблемы социализма в СССР».

Особенно большое значение для науки, для практической деятельности коммунистических партий, трудящихся масс Советского Союза и стран народной демократии имеет обоснование И. В. Сталиным объективного характера экономических законов социалистического общества.

Экономические законы выражают сущность экономических явлений, причинную связь и зависимость между ними.

Если рассматривать социалистический способ производства материальных благ как общественное явление, то существенным в нём является производство продуктов с целью максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всех членов социалистического общества.

Обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего обще-

ства путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники выражает сущность социалистического способа производства и потому является основным экономическим законом социализма.

Если рассматривать распределение материальных благ, то существенным в нём является распределение предметов личного потребления между членами социалистического общества в соответствии с количеством и качеством затраченного труда. Поэтому распределение по труду является экономическим законом социализма. Распределение по труду является объективной необходимостью. Это значит, что социалистическое общество не может распределять продукты производства между членами общества уравнительно, независимо от степени участия их в общественном производстве. Недостаточно высокий уровень производительных сил социалистического общества исключает возможность распределения продуктов по потребности. Поэтому единственно возможной и необходимой формой распределения продуктов производства является распределение по труду.

В работе «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин всесторонне обосновал объективный характер экономических законов любого общества, в том числе и социалистического общества.

Объективный характер экономических законов означает, что они существуют независимо от воли и сознания людей. Из признания объективного характера экономических законов вытекает, что их нельзя уничтожить, преобразовать. Люди не властны отменить одни законы и установить новые законы развития человеческого общества. Классиками марксизма-ленинизма неоднократно отмечался объективный характер экономических законов.

«Маркс рассматривает общественное движение, — писал В. И. Ленин в конце прошлого века, — как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерения людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения»[1]

Некоторые советские экономисты считали, что экономические законы носят объективный характер в досоциалистических формациях, а в социалистическом обществе они утрачивают объективный характер. Причиной этого является смешение двух различных понятий: объективности и стихийности.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 149.

Экономические законы при капитализме, как в любом обществе, носят объективный характер. Но действуют они там насильственно по отношению к людям, очень часто разрушительно, по отношению к их хозяйству.

В социалистическом обществе люди познают экономические законы и учитывают их в своей практической деятельности. Экономические законы утратили в социалистическом обществе стихийный, разрушительный характер. Но свойства объективности они сохранили. Объективность экономических законов заключается не в стихийности, а в материальности. Стихийность проявления экономических законов представляет собой специфически-историческую особенность, свойственную досоциалистическим формациям.

Другие экономисты смешивали юридические законы с экономическими. Юридические законы представляют собой волю господствующего класса, которая возводится в закон обязательный для соблюдения всеми лицами общества. Юридические законы создаются людьми, изменяются ими и за ненадобностью их совершенно отменяются. Совершенно иной характер носят экономические законы. В отличие от законов правовых они не создаются людьми, не изменяются ими. Люди могут открыть экономические законы, понять их, использовать в практической деятельности. Но люди не могут изменить законы, преобразовать их или создать новые.

Отрицание объективного характера экономических законов означает скатывание с материалистических позиций на идеалистические. А идеализм закрывает путь к познанию действительности и тем самым является серьёзной помехой для её изменения. Марксистско-ленинская теория, ведя решительную борьбу с идеализмом, ставит своей задачей познать объективный мир с тем, чтобы изменить его. Только изучив объективные законы развития человеческого общества и действуя в соответствии с их требованиями, люди могут изменять мир в лучшую для себя сторону.

Некоторые экономисты при рассмотрении экономических законов впадали в другую крайность. Правильно считая, что экономические законы носят объективный характер, они делали из этого положения неправильный вывод, что люди бессильны перед лицом экономических законов и действия их носят неотвратимый характер. Подобный взгляд на экономические законы представляет собой фетишизацию законов, преклонение перед ними, отдачу себя в рабство законам.

Товарищ Сталин в своей новой работе подверг резкой кри-

тике и этот неправильный и вредный взгляд на экономические законы, ибо он не мобилизует людей на познание законов, на активную преобразовательную деятельность, а обрекает их на пассивность.

Товарищ Сталин учит, что в действительности общество не бессильно перед лицом экономических законов. Оно может познать их, «...дать другое направление разрушительным действиям некоторых законов, ограничить сферу их действия, дать простор другим законам, пробивающим себе дорогу...»[1].

Так, например, закон стоимости является при капитализме стихийным регулятором беспланового хозяйства. На основе закона стоимости в погоне за большой прибылью происходит распределение средств производства и вследствие этого и рабочей силы между различными отраслями капиталистического хозяйства. На основе закона стоимости происходит удушение технически отсталых хозяйств передовыми. Под угрозой разорения и гибели капиталисты вынуждены совершенствовать технику и приёмы производства.

Действие закона стоимости неизбежно приводит к классовому расслоению простых товаропроизводителей. Большая часть крестьян, ремесленников разоряется, лишь незначительная часть их становится капиталистами-предпринимателями.

Действие закона стоимости при капитализме приводит к анархии в общественном производстве, ожесточенной конкурентной борьбе, резким диспропорциям между различными отраслями хозяйства, кризисам перепроизводства. В период кризисов производственные мощности в значительной степени бездействуют, товары гниют на складах или преднамеренно уничтожаются. Если же товар не может реализовать свою стоимость, то не может быть реализована и его потребительная стоимость. Это значит, если товар не продан, он не может стать предметом удовлетворения человеческой потребности.

Следовательно, действие закона стоимости связано с разрушительными последствиями.

Совершенно иначе действует закон стоимости в социалистическом обществе. Сфера действия закона стоимости ограничена в нашей стране общественной собственностью на средства производства, действием закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, хозяйственной политикой Советского государства. Закон стоимости не является

---

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 5.

регулятором социалистического производства. Развитие социалистического производства подчинено требованию основного экономического закона социализма, а не закону стоимости.

Если действие закона стоимости при капитализме связано с разрушительными последствиями, то в социалистическом обществе закон стоимости является орудием осуществления режима экономии — важнейшего метода социалистического хозяйствования. Мы используем закон стоимости, чтобы с минимальными издержками добиваться производства максимального количества потребительных стоимостей, в целях наиболее полного удовлетворения непрерывно растущих материальных и культурных потребностей тружеников социалистического общества.

Следовательно, закон стоимости подчинен в социалистическом обществе требованиям основного экономического закона и используется как инструмент выполнения его требований. На примере закона стоимости мы видим, как социалистическое общество ограничило сферу действия закона стоимости и ликвидировало те разрушительные последствия, к которым приводил этот закон, стихийно действующий, подобно демоническому повелителю, в буржуазном обществе.

Но социалистическое общество не «преобразовало» закона стоимости. Люди не могут изменить экономический закон, если бы даже они очень желали этого. Но люди могут изменить экономические условия, порождающие действия того или другого закона. Изменяя экономические условия, люди могут ограничивать или совершенно упразднять те разрушительные последствия, к которым приводил закон при прежних экономических условиях.

Из этого факта некоторые философы и экономисты делают вывод, что люди могут управлять законами природы и общества, руководить ими. Так, например, в статье В. П. Тугаринова «О законах объективного мира и законах науки» (автор статьи уже знаком с гениальными положениями И. В. Сталина, изложенными в «Экономических проблемах социализма в СССР») говорится: «Знание законов может быть использовано для управления ими и предотвращения их нежелательного действия»[1].

Утверждение, что люди могут управлять, руководить законами, ведёт к субъективистскому пониманию их. Если бы люди могли управлять законами природы и общества, руководить

[1] «Вопросы философии», 1952, № 4, стр. 91.

ими, то они (законы) стали бы зависимыми от воли и желания людей, утратили бы свойство объективности. В действительности люди не могут руководить законами природы и общества (а могут лишь руководствоваться ими), не могут управлять законами, а могут изменять, «управлять» окружающими человека условиями.

Работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» нацеливает прогрессивные слои современного общества на активное отношение к экономическим законам, т. е. к познанию объективных экономических законов и осуществлению своей практической деятельности в духе требований этих законов.

Товарищ Сталин учит, что общество может не только ограничить сферу действия одних законов, но и предоставить простор другим экономическим законам, пробивающим себе дорогу. Так, например, экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил давно пробивает себе дорогу в капиталистических странах. Борьба трудящихся капиталистических стран за уничтожение частной собственности на средства производства и порожденные ею буржуазные производственные отношения, при которых неизбежно обнищание трудящихся масс, безработица, кризисы и войны, является борьбой за установление соответствия между производительными силами и производственными отношениями: это борьба за то, чтобы закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил получил полный простор для своего действия.

Если он ещё не пробил себе дорогу и не вышел на простор, то это потому, что он встречает сильнейшее сопротивление со стороны отживающих сил общества. Нужна общественная сила — союз рабочих и крестьян,—чтобы преодолеть это сопротивление. Такая сила нашлась в нашей стране. Такая сила образовалась в странах народной демократии. Но такой силы пока ещё не нашлось в капиталистических странах.

То же самое, как нам кажется, можно сказать про закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Капитализм создал общественное по своему характеру производство. А оно требует планомерного развития. Но планомерного развития не может там быть, ибо экономической основой буржуазного общества является частная собственность на средства производства. Частно-капиталистическая собственность порождает закон конкуренции и анархии производст-

ва. Результатом действия этого закона являются диспропорции и кризисы. Стремление избежать кризисы перепроизводства заставляет капиталистов предпринимать попытки развивать хозяйство по плану. Но эти попытки терпят провал, ибо в капиталистических странах не действует закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. А так как экономические законы носят объективный характер, то капиталисты не могут уничтожить закон конкуренции и анархии производства и создать закон планомерного развития народного хозяйства.

Экономические законы развития человеческого общества изучаются политической экономией. Законы политической экономии являются объективными законами, поскольку они выражают объективные закономерности, присущие обществу. Это полностью относится к экономическим законам социализма, познаваемым политической экономией социализма.

«...законы политической экономии социализма, — пишет И. В. Сталин, — являются отражением в головах людей объективных закономерностей, существующих вне нас»[1].

Те экономисты, которые отрицают наличие закономерностей в экономической жизни, отрицают по существу политическую экономию как науку. Если бы не было объективных закономерностей в развитии человеческого общества, не было бы и науки об обществе. Ни одна наука, — учит товарищ Сталин, — не может жить и развиваться без признания объективных закономерностей, без изучения их.

«Ликвидировав же науку, — пишет И. В. Сталин, — мы лишили бы себя возможности предвидеть ход событий в экономической жизни страны, то есть мы лишили бы себя возможности наладить хотя бы самое элементарное экономическое руководство»[2].

Товарищ Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР» определил две особенности экономических законов, познаваемых политической экономией, по сравнению с законами естествознания. «Одна из особенностей политической экономии состоит в том, — пишет И. В. Сталин, — что её законы, в отличие от законов естествознания, недолговечны, что они, по крайней мере большинство из них, действуют в течение определённого исторического периода, после чего они уступают место новым законам»[3].

---

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 84.

[2] Там же, стр. 85.

[3] Там же, стр. 5.

Смена экономических законов — утрата силы одними законами и возникновение других — объясняется изменением экономических условий жизни общества. Даже в рамках одной общественной формации вследствие изменения экономических условий претерпевают значительные изменения и экономические законы. Так, например, при перерастании домонополистического капитализма в империализм произошли существенные изменения в экономических законах буржуазного общества: изменился основной экономический закон капитализма, — монополистический капитал не довольствуется средней прибылью, а требует максимальной прибыли, приобрёл качественно новое значение закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран и т. д. Тем более значительные изменения в экономических законах происходят при переходе от буржуазного общества к социалистическому. Изменяется содержание экономических законов и форма их проявления вследствие коренного изменения экономических условий.

Другая особенность экономических законов состоит в том, что в отличие от законов естествознания, где открытие и применение нового закона проходит более или менее гладко, в экономической области открытие и применение нового закона, задевающего интересы отживающих сил общества, встречает сильнейшее сопротивление со стороны этих сил.

Открытие и применение законов природы происходит более или менее гладко потому, что эти законы не подрывают основ материального благополучия господствующих классов. Напротив, многие законы естественных наук используются на капиталистических предприятиях в целях извлечения наиболее высоких прибылей.

Классики марксизма-ленинизма убедительно доказали в своих работах, что в основе столкновений и борьбы социальных групп лежат материальные интересы.

Так, Маркс писал в «Капитале» «...высокая англиканская церковь скорее простит нападки на 38 из 39 членов её символа веры, чем нападки на 1/39 её денежного дохода. В наши дни сам атеизм представляет собою culpa levis (небольшой грех) по сравнению с критикой традиционных отношений собственности»[1].

Что касается экономических законов, то открытие их, а тем более их использование, задевает материальные интересы

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 8.

различных классов, неизбежно приводит к обострению классовой борьбы в классово-антагонистических формациях.

Товарищ Сталин пишет: «Использование экономических законов всегда и везде при классовом обществе имеет классовую подоплёку, причём знаменосцем использования экономических законов в интересах общества всегда и везде является передовой класс, тогда как отживающие классы сопротивляются этому делу»[1].

Следовательно, в классово-антагонистическом обществе в силу противоположности интересов классов использование экономических законов в интересах одного класса идёт вразрез с интересами другого класса или других классов.

Экономические законы, особенно общие, используются, прежде всего, в своих классовых интересах. Но поскольку данный класс выступает как организатор высшей формы общественного производства, то использование им экономических законов означает движение всего общества вперед.

Так, например, буржуазия использовала закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил в своих интересах, а также в интересах всего общества. Она низвергла феодальные производственные отношения, ставшие к тому времени оковами для производительных сил, и заменила их новыми, буржуазными производственными отношениями, которые определенный период времени были главной и решающей силой развития производительных сил общества.

Открытие Марксом и Энгельсом законов развития человеческого общества, глубокое и всестороннее обоснование экономических законов капиталистического способа производства вызвало бешеные нападки буржуазии на марксизм. В своих гениальных трудах Маркс и Энгельс научно, неопровержимо доказали неизбежность гибели капитализма и торжества коммунизма.

В эпоху империализма и особенно в период общего кризиса капитализма буржуазия стала ещё более реакционной, чем прежде. И. В. Сталин в своей исторической речи на XIX съезде партии указал трудящимся массам, что «... сама буржуазия, — главный враг освободительного движения, — стала другой, изменилась серьезным образом, стала более реакционной, потеряла связи с народом и тем ослабила себя»[2].

---

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 49—50.
[2] «Коммунист», 1952, № 20, стр. 4.

В капиталистических странах знаменосцем использования экономических законов в интересах общества является теперь рабочий класс, носитель высшего, по сравнению с капитализмом, социалистического способа производства.

Нам кажется, что экономические законы могут быть использованы и действительно используются не только прогрессивными силами, но и реакционными классами. Это относится к использованию не только специфических экономических законов, но и общих экономических законов, присущих всем формациям.

Так, например, буржуазия в эпоху империализма использует, конечно в своих интересах, основной экономический закон и другие законы, присущие капиталистическому производству для получения максимально высоких прибылей. Если бы буржуазия не учитывала требования экономических законов капитализма, если бы она действовала вопреки им, то не было бы капиталистического хозяйства. Однако буржуазия использует экономические законы капитализма не в интересах общества, а в своих корыстных целях, в целях личного обогащения.

Однако реакционные классы использовали опять-таки в своих интересах, а не в интересах общества, не только специфически-исторические экономические законы, но и общие экономические законы, присущие всем формациям. Так, например, русские помещики использовали, как нам кажется, экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, но не для того, чтобы установить полное соответствие между ними, — для этого нужно было бы им отказаться от частной собственности на землю в пользу крестьян, на что они не могли пойти, ибо это означало бы самоубийство для них, — а для того чтобы ослабить вопиющее несоответствие между производительными силами и производственными отношениями, чтобы сохранить свои классовые привилегии.

Подобным же образом помещики поступили и в 1906 году, приступив к проведению столыпинской реформы.

В. И. Ленин в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» писал: «Они (помещики и Столыпин.—**И. Т.**) поняли, что без насильственной ломки заржавевших средневековых форм землевладения **нельзя** очистить дороги для развития России. И они смело пошли на эту ломку **в интересах помещиков»**. И далее. «Они **не могут** поступать иначе в интересах сохранения своего

господства, как класса, ибо они сознали необходимость приспособиться к капиталистическому развитию, а не бороться с ним»[1].

Следовательно, в классово-антагонистических формациях (например, при феодализме и капитализме) реакционные классы, опираясь на экономические законы, проводили реформы с целью избежать или отсрочить революцию. Итак, реакционные классы использовали общие экономические законы для проведения реформ, прогрессивные классы — для проведения революций, первые действовали в корыстных, узко классовых интересах, в интересах сохранения своих привилегий, вторые — не только в своих классовых интересах, но и в интересах всего общества.

Что касается буржуазии в эпоху империализма, то она не может использовать общие экономические законы в интересах общества, ибо объективный ход исторического развития противоречит субъективным интересам буржуазии. Общие экономические законы развития общества, действующие, по словам Маркса, с железной необходимостью, требуют упразднения частной собственности на средства производства и замены ее общественной собственностью. Интересы капиталистов, их усилия направлены на укрепление частной собственности на средства производства, на укрепление давно отживших свой век буржуазных производственных отношений. Политика буржуазии идёт вразрез с требованиями экономических законов. Такая политика—реакционна. Она рано или поздно неизбежно должна потерпеть крах. Но пока она действует, она приносит трудящимся массам неисчислимые бедствия и страдания. Поэтому усилия трудящихся масс капиталистических стран направлены против политики капиталистов, наиболее полно и последовательно осуществляемой буржуазным государством.

Таким образом, субъективные интересы буржуазии идут вразрез с требованиями исторической необходимости, с объективным ходом развития. Напротив, субъективные интересы трудящихся масс полностью совпадают с объективным ходом исторического развития. Борьба трудящихся против буржуазного государства, против буржуазных производственных отношений, порожденных частной собственностью на средства производства, — справедливая, прогрессивная борьба угнетенных против угнетателей, это борьба за светлое будущее человечества.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 13, изд. 4, стр. 387.

* * *

Исходя из работы И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», экономические законы развития человеческого общества можно разделить на две основные группы.

Во-первых, экономические законы, действующие лишь в одной общественной формации. Это специфические законы.

Во-вторых, экономические законы, присущие всем общественным формациям. Это общие или социологические законы.

Политическая экономия — историческая наука. Она изучает, прежде всего, экономические законы развития определенной социально-экономической формации. Специфические экономические законы выражают внутреннюю необходимость развития исторически определенного способа производства. С изменением способа производства у общества изменяются и экономические законы. В. И. Ленин ещё в конце прошлого века писал: «Маркс отрицает именно ту идею, что законы экономической жизни одинаковы и для прошедшего и для настоящего. Напротив, каждый исторический период имеет свои собственные законы»[1].

Так, например, в буржуазном обществе действует закон прибавочной стоимости, который предопределяет основные черты капиталистического производства, всеобщий закон капиталистического накопления, капиталистический закон народонаселения и другие законы, которые уже не действуют в социалистическом обществе. С победой социалистической системы хозяйства в нашей стране возникли и стали действовать новые экономические законы, которых не было в досоциалистических формациях. При этом экономические законы капитализма не были уничтожены социалистическими производителями, а они утратили силу, сошли со сцены вследствие изменения экономических условий.

Товарищ Сталин учит, что экономические законы не уничтожаются, а теряют силу в результате новых экономических условий и сходят со сцены, чтобы уступить место новым законам, которые не создаются волею людей, а возникают на базе новых экономических условий.

Новыми экономическими законами, порожденными общественной собственностью на средства производства, социалистической системой хозяйства, являются: основной экономический закон социализма, закон планомерного, пропорционального

[1] В. И. Ленин, Соч, т. I, изд. 4, стр. 150.

развития народного хозяйства, закон распределения предметов потребления между членами социалистического общества в соответствии с количеством и качеством затраченного труда и другие.

Из специфически-исторических экономических законов, присущих данной общественной формации, И. В. Сталин выделяет один основной экономический закон, который определяет не какую-либо отдельную сторону или какие-либо отдельные процессы развития определенного способа производства, а определяет все главные стороны и все главные процессы его развития, следовательно, определяет его сущность.

Основной экономический закон определяет, во-первых, непосредственную цель общественного производства и, следовательно, основной движущий фактор производства и, во-вторых, какими средствами обеспечивается достижение данной цели. При этом следует иметь в виду, что цель общественного производства определяется не субъективными желаниями отдельных лиц или классов, а носит объективный характер, она обусловлена типом производственных отношений общества. Все другие экономические законы находятся в зависимости от основного экономического закона, подчиняются ему.

Таким образом, основной экономический закон даёт ключ к пониманию и объяснению всех закономерностей данного экономического строя, он даёт ключ для понимания корней всех явлений и процессов, происходящих в обществе.

Огромное значение для науки, для практической деятельности трудящихся масс имеет открытие и обоснование товарищем Сталиным основного экономического закона современного капитализма и основного экономического закона социализма.

Главными чертами и требованиями основного экономического закона современного капитализма следует считать: «обеспечение максимальной капиталистической прибыли путём эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной страны, путём закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых стран, наконец, путём войн и милитаризации народного хозяйства, используемых для обеспечения наивысших прибылей»[1].

Открытый И. В. Сталиным основной экономический закон современного капитализма объясняет нам причину прогрес-

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 38.

прующего обнищания трудящихся масс в капиталистических странах, рост противоречий между трудом и капиталом, сокращения производства гражданской продукции и увеличения производства военной продукции, он вскрывает корни агрессивной политики капиталистических стран, неизбежность захватнических войн в период империализма. Ни одно явление в жизни капиталистических стран не может быть понято до конца вне связи с требованиями основного экономического закона современного капитализма.

В гениальной работе И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» впервые в нашей литературе сформулирован основной экономический закон социализма. «Существенные черты и требования основного экономического закона социализма, — пишет И. В. Сталин, — можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники»[1].

Основной экономический закон социализма требует от всех трудящихся социалистического общества, чтобы они активно содействовали росту и совершенствованию социалистического производства, в целях наиболее полного удовлетворения непрерывно растущих материальных и культурных потребностей всех граждан социалистического общества.

Различие между основным экономическим законом современного капитализма и основным экономическим законом социализма определило различия в линиях общественного развития. «Одна линия, — говорил Г. М. Маленков на XIX съезде партии, — это линия непрерывного подъёма мирной экономики в Советском Союзе и странах народной демократии, экономики, не знающей кризисов и развивающейся в интересах обеспечения максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей общества. Эта экономика обеспечивает систематическое повышение жизненного уровня народных масс и полную занятость рабочей силы. Для этой экономики характерно дружественное хозяйственное сотрудничество стран, составляющих демократический лагерь.

Другая линия — это линия экономики капитализма, производительные силы которого топчутся на месте, экономики,

[1] И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 40.

бьющейся в тисках всё более углубляющегося общего кризиса капитализма и постоянно повторяющихся экономических кризисов, линия милитаризации экономики и однобокого развития отраслей производства, работающих на войну, линия конкурентной борьбы между странами, порабощения одних стран другими»[1].

И. В. Сталин пишет: «...общественные формации не только отделены друг от друга своими специфическими законами, но и связаны друг с другом общими для всех формаций экономическими законами»[2].

Рассмотрим вторую группу экономических законов, которые действуют во всех формациях.

Такими общими экономическими законами, которые сохраняют свою силу на протяжении всей истории человеческого общества, являются: закон об единстве производительных сил и производственных отношений в едином общественном производстве, закон об отношениях между производительными силами и производственными отношениями в процессе развития всех общественных формаций, закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Марксизм считает, что определяющей силой в развитии общества является способ производства материальных благ. Способ производства представляет собой органическое единство производительных сил общества и производственных отношений. Только наличие обеих сторон даёт нам общественное производство.

Внутри этого единства, т. е. между производительными силами и производственными отношениями, существует связь, взаимозависимость. Эту связь и выражает закон об отношениях между производительными силами и производственными отношениями. Отношения между производительными силами и производственными отношениями могут быть двух видов — соответствия или несоответствия. Если в обществе установились новые производственные отношения, то в таком случае имеет место соответствие между производительными силами и производственными отношениями. При этом производительные силы получают простор для своего развития. Товарищ Сталин учит, что новые производственные отношения являются такой

---

[1] Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), 1952, стр. 7.

[2] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 71.

главной и решающей силой, которая, собственно, и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил, и без которых производительные силы обречены на прозябание, как это имеет место в настоящее время в капиталистических странах.

Если же в обществе выросли новые производительные силы, а производственные отношения остались старые, то между ними — производительными силами и производственными отношениями — образуется несоответствие, и производственные отношения из формы развития производительных сил общества превращаются в их оковы.

Итак, развитие производительных сил общества зависит от того: соответствуют или не соответствуют им производственные отношения, т. е. являются ли они по сравнению с производительными силами новыми или старыми.

Третий общий экономический закон, обязательный для всех формаций, гласит о том, что между производительными силами и производственными отношениями должно быть соответствие. Это является важнейшим условием развития производительных сил общества, а следовательно, и всего общества.

Товарищ Сталин учит, каковы производительные силы у общества, таковы должны быть и производственные отношения. Отставание производственных отношений от уровня производительных сил не может быть очень длительным по времени. В противном случае это привело бы к коренному нарушению единства производительных сил и производственных отношений в системе общественного производства, к кризису производства, к разрушению производительных сил общества. Такие последствия поставили бы общество перед угрозой гибели.

Несоответствие между производительными силами и производственными отношениями И. В. Сталин рассматривает как экономическую основу социальной революции.

Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, открытый Марксом и всесторонне разработанный И. В. Сталиным, имеет чрезвычайно важное значение для революционной деятельности рабочего класса. Опираясь на требования этого закона, трудящиеся массы капиталистических стран ведут освободительную борьбу против буржуазных производственных отношений, против системы наемного рабства.

«Опираясь на экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производитель-

ных сил, — указывает И. В. Сталин, — Советская власть обобществила средства производства, сделала их собственностью всего народа и тем уничтожила систему эксплуатации, создала социалистические формы хозяйства. Не будь этого закона и не опираясь на него, Советская власть не смогла бы выполнить своей задачи»[1].

Таким образом, различные общественные формации, в том числе и социалистическое общество, подчиняются не только своим специфическим законам, но и общим законам, присущим всем формациям. На основе этих общих закономерностей сохраняется преемственность в развитии общества, совершается переход от низших форм общественного производства к высшим формам и, в частности, от капитализма к коммунизму.

Но есть такие экономические законы, как, например, закон стоимости, которые нельзя отнести ни к первой группе, ни ко второй, т. е. ни к специфическим законам, ни к общим. Поэтому нам кажется, что помимо двух основных групп, на которые делят обычно экономические законы, следует выделить третью группу законов[2]. В эту группу следует отнести экономические законы, которые действуют не в одной формации и не во всех, а в нескольких. В третью группу экономических законов войдут законы, обусловленные наличием в обществе товарного производства: закон стоимости, экономический закон, определяющий количество денег, необходимых для обращения, и другие.

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «... законы, имеющие силу для определенных способов производства и форм обмена, имеют также силу для всех исторических периодов, которым общи эти способы производства и формы обмена. Так, например, вместе с введением металлических денег вступает в действие ряд законов, имеющих силу во все соответствующие исторические периоды и для всех стран, в которых обмен совершается посредством металлических денег»[3].

* * *

Экономические законы социалистического общества коренным образом отличаются от экономических законов капиталистического общества как по содержанию, так и по форме

---

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 7.

[2] Это положение выдвигается в порядке постановки вопроса для обсуждения.

[3] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1948, стр. 138.

их проявления. В экономических законах буржуазного общества выражены буржуазные производственные отношения, отношения господства и подчинения, отношения эксплуатации наемных рабочих капиталистами. Так, например, в законе прибавочной стоимости — основном законе капитализма — выражена капиталистическая форма эксплуатации рабочих капиталистами, следовательно, антагонизм между ними. В социалистическом обществе в экономических законах выражены новые производственные отношения — отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи работников, которые навсегда освобождены от ярма эксплуатации.

Таким образом, экономические законы социализма отличаются от экономических законов капитализма, прежде всего, по содержанию.

Второе существенное отличие экономических законов социализма от экономических законов капитализма относится к форме их проявления. Маркс в своём бессмертном «Капитале», отмечая форму действия экономических законов буржуазного общества, писал: «Вообще при капиталистическом производстве всякий общий закон осуществляется весьма запутанным и приблизительным образом, лишь как господствующая тенденция, как некоторая никогда твердо не устанавливающаяся средняя постоянных колебаний»[1].

Следовательно, экономические законы капитализма действуют в виде господствующей тенденции. Они осуществляются путем постоянного неосуществления.

Так, например, одним из важнейших законов простого товарного производства является закон стоимости.

В соответствии с этим законом все товары должны продаваться по стоимости, т. е. по количеству затраченного на их производство общественного труда. Однако в действительности товары продаются по стоимости в виде исключения, лишь в тех немногих случаях, когда предложение товаров на рынке и платежеспособный спрос на них совпадают.

Обычно товары продаются по ценам либо выше стоимости, либо ниже её. Только таким путем, т. е. через постоянные колебания цен вокруг стоимости, и осуществляется закон стоимости.

Точно также действует в буржуазном обществе закон средней прибыли. По этому закону равновеликие капиталы, неза-

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1949, стр. 168.

висимо от отрасли хозяйства, куда они вложены, приносят своим владельцам равные прибыли. В действительности индивидуальные прибыли отдельных капиталистов очень редко совпадают со средней прибылью. Они либо выше её, либо ниже её. Но осью колебаний является всё же средняя прибыль.

Экономические законы буржуазного общества действуют стихийно, насильственно по отношению к людям, разрушительно по отношению к их хозяйству. Они, подобно демоническим повелителям, стоят над обществом и навязывают ему свою силу.

К. Маркс, определяя характер закона стоимости при товарном производстве, писал, что он действует «... подобно закону тяготения, когда на голову обрушивается дом»[1].

Следовательно, экономические законы при капитализме действуют подобно слепым силам природы — насильственно и разрушительно.

Чем же объяснить стихийный характер действия экономических законов при капитализме? Чем объяснить те разрушительные последствия, которые образуются в результате действия этих законов?

Главной причиной стихийного, насильственного характера действий экономических законов буржуазного общества и тех разрушительных последствий, с которыми связано их осуществление, является сам капиталистический способ производства, его основное противоречие, а именно — противоречие между общественным характером производства и частной собственностью на средства производства и вытекающим отсюда частным присвоением.

Капитализм создал общественное по своему характеру производство, с высоким уровнем обобществления труда. В силу разделения труда, — а оно является условием существования любого товарного производства, в том числе и капиталистического, — между отдельными отраслями хозяйства существует тесная связь, взаимозависимость. Взаимозависимость между отдельными отраслями хозяйства требует пропорциональности в их развитии. Но пропорционального развития не может быть в буржуазном обществе, вследствие господства частной собственности на средства производства. Она исключает создание такого экономического центра, который учитывал бы потребность общества в различных товарах, и на основе познанной потребности предписывал бы кому, что и в каком количестве

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 81.

производить. Поэтому производство ведётся при капитализме каждым хозяином — большим или малым — за свой страх и риск в погоне за наиболее высокой нормой прибыли. Условием преуспевания капиталистических хозяйств является получение в эпоху домонополистического капитализма средней прибыли, а в период империализма — максимальной прибыли.

Связь между капиталистическими хозяйствами, обусловленная разделением труда, происходит через рынок. Цены на рынке устанавливаются стихийно в зависимости от соотношения между предложением товаров и платежеспособным спросом на них. Так как это соотношение постоянно изменяется, то изменяются и цены. Колебание цен вокруг стоимости и является формой проявления закона стоимости. Закон стоимости является регулятором капиталистического производства, но этот регулятор, в силу указанных факторов, действует стихийно.

Господство стихийно действующего в буржуазном обществе закона стоимости проявляется в виде господства рыночной стихии над производителями. И хотя люди имеют представление о законе стоимости и тех требованиях, которые он к ним предъявляет, но полностью познать эти требования и действовать в соответствии с ними, люди не могут, ибо при капитализме, как отмечал Маркс в «Капитале», «...правило может прокладывать себе путь сквозь беспорядочный хаос только как слепо действующий закон средних чисел»[1].

Вследствие столкновения интересов людей, ожесточенной борьбы между ними получаются такие результаты их хозяйственной деятельности, которых люди не предвидели, которые не желательны для них и которые иногда оказываются совершенно противоположными их стремлениям.

Иногда в нашей литературе встречается ошибочное утверждение, что знание законов общественного развития даёт возможность господствовать над ними. Так, Тугаринов В. П. в уже цитированной нами статье, утверждает: «Человек — раб закона, если не познал его. Однако люди, познавшие действия законов, в состоянии господствовать над ними»[2]. Конечно, пока люди не познали требования объективных законов развития, они не могут господствовать над ними. Но вместе с тем, следует указать, что одного знания экономических законов совершенно недостаточно, чтобы господствовать над ними. Классики марксизма-ленинизма открыли законы разви-

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. I, 1949, стр. 109.
[2] «Вопросы философии», 1952, № 4, стр. 91.

тия буржуазного общества, но эти законы попрежнему господствуют над людьми. Объективные условия для господства над законами общественного развития появляются в обществе лишь с победой социализма. Именно с этого момента заканчивается предистория человеческого общества, когда люди не могли предвидеть отдаленных последствий своих действий, и начинается подлинная его история. Только при социализме люди могут регулировать отдаленные общественные последствия своей производственной деятельности.

«Однако для того, чтобы осуществить это регулирование,— пишет Ф. Энгельс, — требуется нечто большее, чем простое познание. Для этого требуется полный переворот в нашем существующем до сего времени способе производства и вместе с ним во всём нашем теперешнем общественном строе»[1].

Общественная природа современных производительных сил требует общественной собственности на средства производства. Но этому противятся, защитники частнокапиталистической собственности на средства производства, защитники капиталистического способа производства. Пока люди отказываются признать на деле общественный характер современных производительных сил, производительные силы действуют вопреки нам, до тех пор они властвуют над нами. Энгельс писал: «Но раз понята их природа, они могут превратиться в руках ассоциированных производителей из демонических повелителей в покорных слуг»[2].

Действие экономических законов при капитализме напоминает разрушительную силу электричества в молниях грозы. Действия экономических законов при социализме напоминает укрощенное электричество в телеграфном аппарате или в обыкновенной электрической лампочке.

Экономические законы социалистического общества — объективные законы. Но они действуют не стихийно. Экономические законы, присущие социалистическому обществу, познаются Коммунистической партией и её теоретиками. Особенно велика роль в познании экономических законов социализма великих вождей рабочего класса Ленина и Сталина.

Познанные экономические законы сознательно используются государством и трудящимися массами в интересах всестороннего и быстрейшего развития производительных сил социа-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения в двух томах, т. II, 1948, стр. 81.

[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 263.

листического общества, в интересах повышения материального и культурного уровня трудящихся масс.

Энгельс предвидел в «Анти-Дюринге», что экономические законы в социалистическом обществе «...будут применяться людьми с полным знанием дела, следовательно, будут подчинены их господству»[1].

Товарищ Сталин, развивая марксистско-ленинскую теорию, указывает, что когда говорят о «покорении» сил природы или экономических сил, о «господстве» над ними, то этим вовсе не хотят сказать, что люди могут не считаться с законами. «Наоборот, — пишет И. В. Сталин, — этим хотят сказать лишь то, что люди могут открыть законы, познать их, овладеть ими, научиться применять их с полным знанием дела, использовать их в интересах общества и таким образом покорить их, добиться господства над ними»[2].

Таким образом, господство над экономическими законами заключается в познании экономических законов и действии общества в соответствии с их требованиями.

Коммунистическая партия Советского Союза познает экономические законы социализма и в соответствии с ними строит свою политику. В политике партии выражены назревшие потребности развития социалистического общества.

И. В. Сталин писал: «...партия пролетариата, если она хочет быть действительной партией, должна овладеть, прежде всего, знанием законов развития производства, знанием законов экономического развития общества.

Значит, чтобы не ошибиться в политике, партия пролетариата должна исходить как в построении своей программы, так и в своей практической деятельности, прежде всего, из законов развития производства, из законов экономического развития общества»[3].

Политика Коммунистической партии носит научно обоснованный характер. Она опирается на знание объективных законов развития социалистического общества. Она соответствует интересам трудящихся масс. В этом заключается одна из главных причин успешного претворения в жизнь политики Коммунистической партии.

Знание экономических законов, действие советских людей в соответствии с этими законами ускоряет наше движение к коммунизму.

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 267.

[2] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 9.

[3] Краткий курс истории ВКП(б), стр. 116—117.

САФРОШКИН В. Г.
кандидат философских наук

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАЗИС И НАДСТРОЙКА[1]

Учение о базисе и надстройке является одним из главных вопросов исторического материализма как науки об обществе и законах его развития.

Для ясности понимания следует заметить, что термин «базис» в марксистской литературе употребляется с разным значением. Так, Карл Маркс в «Капитале» много раз говорит о том, что капитализм создает соответствующий ему свой технический базис. В. И. Ленин, например, называл «материальным базисом»[2] социализма тот достигнутый уровень материальной культуры, на который опирается пролетариат, приходя к власти. Или, создавая великие стройки коммунизма, мы говорим, что это означает серьезный скачок в создании материально-технической базы коммунизма. В данной же работе понятие базиса рассматривается в смысле экономических основ общества, находящихся всегда в единстве и определенной взаимосвязи с общественной надстройкой.

Если до выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» в преподавании общественных наук не разграничивали часто понятия «материальные основы» общества и «экономические основы» общества, то сейчас обязаны это делать. Смешение этих двух понятий запутывает правильное понимание учения о базисе.

В 1951 г. вышла в свет книга М. П. Каревой «Право и нравственность в социалистическом обществе», в которой де-

---

[1] В основу данной работы положена лекция, читанная многократно автором для студенчества и разных групп актива, интеллигенции, напечатанная в сокращенном виде в газете «Ульяновская правда» 14 ноября 1951 г. При этом автор статьи исходил из опыта преподавания исторического материализма на основе сталинских работ по вопросам языкознания.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 269.

сятки раз[1] употребляется выражение «материальные основы» там, где по смыслу речь идет об экономических основах общества. Так, например, на стр. 101 в этой книге мы читаем: «Сами материальные основы буржуазного общества—капиталистическая частная собственность и капиталистическая система хозяйства»... В то же время мы говорим, что в недрах капитализма создаются необходимые материальные основы для неизбежного перехода к социализму в виде новых производительных сил, наличия пролетариата, как главной производительной силы, обобществления труда и т. д.[2]. Под материальными основами общества марксизм понимает производство, достигнутый уровень в развитии производительных сил в отличие от экономических основ или экономического базиса.

Марксизм учит, что определяющей и главной силой развития любого общества является способ производства материальных благ, представляющий собой воплощение единства двух сторон: производительных сил и производственных отношений. Способ производства всегда есть общественное производство, которое, с одной стороны, выступает как отношение общества к силам природы, в борьбе с которыми люди добывают необходимые материальные блага, а, с другой стороны, это есть производственные или экономические отношения (отношения людей друг к другу в процессе производства). По выражению К. Маркса производство есть переделка природы, и отношение людей к природе опосредствуется производственными отношениями. Последние в совокупности образуют общественную форму производства, и только в рамках этих отношений совершается производство. Производственные отношения находятся всегда в зависимости от производительных сил, определяются их уровнем развития. С своей стороны они активно влияют на производительные силы.

Таким образом, можно сказать, что способ производства есть материально-техническая основа общества (это производительные силы) и экономическая основа общества (это производственные, экономические отношения).

---

[1] М. П. Карева, Право и нравственность в социалистическом обществе, стр. 13, 55, 56, 57, 58, 62, 63, 72, 102, 105, 125 и др.

В. В. Николаев, Советское государство — политическая надстройка над социалистическим базисом, где на стр. 28 говорится: «Экономической основой перехода от социализма к коммунизму является прежде всего мощное развитие производительных сил».

[2] Исторический материализм, 1951, стр. 310.

Известно, что в любом обществе между людьми существуют различные общественные отношения (в экономической и политической жизни, в области права, философии, религии, морали, искусства и т. п.). До Маркса буржуазные ученые брали за основу не материальные, экономические отношения, а те или другие отношения в общественной жизни вторичного порядка (политические, правовые, религиозные, моральные и т. п.), тем самым они идеалистически понимали общественную жизнь, не вскрывали материальных корней духовной жизни людей.

Применяя основную идею философского материализма о первичности материи и вторичности сознания к объяснению общественных явлений, К. Маркс доказал, что в жизни общества первичными являются производственные отношения, а политические, правовые отношения между людьми являются вторичными, производными.

В. И. Ленин видит великую заслугу К. Маркса, превратившего социологию в действительную науку, в том, что он «сделал это посредством выделения из разных областей общественной жизни области экономической, посредством выделения из всех общественных отношений — **отношений производственных**, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения»[1].

Производственные отношения называются материальными отношениями потому, что они складываются между людьми в процессе производства объективно, т. е. независимо от воли людей, все остальные общественные отношения (кроме производственных) В. И. Ленин, вслед за Энгельсом, называет идеологическими отношениями, потому что они «... прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей»...[2] В связи с этим важно подчеркнуть ленинскую мысль о том, что существенным отличием идеологических отношений является то, что они складываются сознательно, отражая экономический строй общества[3].

В. И. Ленин сформулировал основную идею материалистического понимания истории в сжатом тезисе: «...общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми»[4].

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 120.
[2] Там же, стр. 122.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 5.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 134.

К. Маркс в гениальном предисловии «К критике политической экономии» в 1859 г. писал: «Совокупность производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания». В то же время К. Маркс называл производственные отношения имущественными отношениями, отношениями собственности, потому что основой любых производственных отношений является определенная форма собственности на средства производства и она-то определяет весь строй производственных отношений. Это значит, какая собственность господствует в данную эпоху, таков и экономический базис данной эпохи, иначе говоря, собственность определяет тип базиса. Изменить базис — значит, прежде всего, изменить форму собственности. Именно экономический базис выражает специфику общественной формации как в целом, так и на разных ступенях ее развития.

В свете сказанного ясно, что вопрос о собственности является коренным вопросом социальных преобразований в любой революции. История учит, что действительное господство того или другого класса выражается, прежде всего, в вопросе о собственности. Так было, например, с буржуазией, которая, придя к власти и создав свою надстройку, поставила ее на службу капиталистической собственности, объявив ее священной и неприкосновенной. По этому вопросу В. И. Ленин на IX съезде партии говорил: «Дух, основное содержание всех прежних конституций до самой республиканской, демократической, сводился к одной собственности»[1].

Делю установления политического господства буржуазии облегчалось тем, что еще до победы буржуазной революции она уже в недрах феодального строя стала экономически господствующей силой, сосредоточив в своих руках решающие богатства (производство, банки, деньги и т. д.). Пролетариат же, оставаясь угнетенным классом, не может создать в недрах буржуазного строя социалистическую собственность. Поэтому вопрос о замене старой собственности новой в социалистической революции стоит намного сложнее и острее в сравнении с буржуазной революцией.

Устанавливая свое политическое господство в 1917 г., рабочий класс нашей страны прежде всего настойчиво стремился разрешить вопрос о собственности. Насильственно уничто-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 426.

жая помещичью и буржуазную собственность, заменяя ее общественной социалистической собственностью, пролетариат тем самым подводил под свою диктатуру необходимую экономическую базу. Без этого была бы фикция, а не диктатура. По этому вопросу Ленин говорит: «Господство пролетариата выражается в том, что отнята помещичья и капиталистическая собственность»[1]. Первая Советская Конституция 1918 г. закрепила указанную победу пролетариата.

Экономический базис характеризует собою весь общественный строй, своеобразие того или иного общества. В любой общественно-экономической формации базис, по выражению В. И. Ленина, является ее «скелетом», а надстройка — «плотью и кровью»[2].

По отношению к надстройке базис есть первичное, её непосредственная, реальная основа. Во взаимосвязи производства, базиса и надстройки специфической особенностью базиса является то, что он **непосредственно** определяет надстройку. К. Маркс учит, что в эпоху социальной революции «с изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке». Такова общая закономерность в развитии человеческого общества.

Известно, что Марксу и Энгельсу приходилось наносить основной удар по идеалистическому пониманию истории, которое господствовало до них. Поэтому они «главный упор», по выражению Энгельса, делали на доказательстве того, что решающим в общественном развитии и жизни людей является материальное производство, и, тем самым, экономические отношения. Ленин и Сталин творчески развивали дальше марксизм в условиях эпохи империализма и строительства социализма, когда серьезную опасность для рабочего движения и марксистской партии представляла вульгаризация марксизма «экономистами», меньшевиками, Каутским, «пролеткультовцами» и т. п., которые извращали марксизм в духе экономического материализма.

Характерным же для представителей экономического материализма, как разновидности вульгарного материализма в его применении к общественной жизни, является недооценка значения и роли сознания в общественном развитии, особенно, роли марксистской партии, передовых идей, революционной теории. Каутскианцы и тому подобные вульгаризаторы

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 426.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 124.

марксизма стремились все общественные события и изменения ставить в непосредственную зависимость от состояния и уровня производительных сил. Теорию «производительных сил» Каутского товарищ Сталин разоблачил, как фальсифицированный «марксизм», как теорию «хвостизма» на европейский лад[1].

Вот почему в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина мы находим всестороннее и глубокое учение не только о базисе, но особенно о надстройке и роли идей, сознания, партий в развитии общества (достаточно вспомнить книгу В. И. Ленина «Что делать?», работу И. В. Сталина «Коротко о партийных разногласиях», учение Ленина—Сталина о Советском государстве, как главном орудии построения социализма, коммунизма и др.).

Неоценимым вкладом в учение марксизма-ленинизма о базисе и надстройке явились гениальные труды И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР», в которых это учение поднято на новую, высшую ступень.

Обобщая опыт исторического развития, особенно опыт развития социалистического общества, товарищ Сталин со всей глубиной раскрыл диалектику взаимоотношений производства, базиса и надстройки, специфику базиса и надстройки, их значение и роль.

В своих последних трудах товарищ Сталин устранил путаницу в понимании базиса, имевшую распространение в нашей пропаганде. Эта путаница выражалась, прежде всего, в отождествлении базиса со способом производства.

Определив базис, как экономический строй общества на данном этапе его развития, как совокупность производственных отношений, И. В. Сталин тем самым показал, что нельзя базис смешивать с производством. Отмечая одно из коренных отличий между надстройкой и языком, товарищ Сталин пишет: «Она связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе»[2]. Как понимать сказанное? Сперва изменяются производительные силы, производство, а уж потом на основе

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 90—93.

[2] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1951, Госполитиздат, стр. 11.

изменений в производстве изменяется базис, или экономика. Понятия «базис» и «экономика» И. В. Сталин рассматривает как тождественные. Но несмотря на ясные разъяснения товарища Сталина путаница по вопросу о понимании базиса имеет еще хождение в нашей литературе, даже и после выхода в свет труда «Марксизм и вопросы языкознания».

Даже в учебнике по историческому материализму, под ред. проф. Константинова, где каждое определение должно быть особенно четким, допускается нечеткость, запутывающая читателя. На стр. 169 социалистический способ производства отождествляется с экономическим фундаментом социализма (т. е. базисом). На стр. 437 говорится: «Безраздельно господствующая социалистическая система хозяйства является теперь общим экономическим базисом развития всех народов СССР», а в конце книги мы читаем: «Достоинства и преимущества социалистической системы, т. е. социалистического способа производства»[1]...

Наиболее грубое извращение в понимании базиса допущено в статье проф. М. К. Добрынина «Литература как надстройка», в которой говорится: «Теоретическое определение базиса как экономического строя общества на данном этапе его развития имеет в виду марксистское содержание понятия «условий материальной жизни общества»[2]. Условия материальной жизни общества это общественное бытие, которое охватывает собою всю систему объективных материальных факторов развития общества: географическую среду, или окружающую нас природу, рост народонаселения и способ производства материальных благ. В способе производства одну из его сторон составляют производственные отношения, а другую сторону — производительные силы. Таким образом, базис (т. е. совокупность производственных отношений) есть одна из сторон общественного бытия. Понятие общественного бытия предельно широкое, а понятие базиса более узкое, отражающее только часть, одну сторону этого бытия.

Итак, под базисом, или экономическим строем общества товарищ Сталин понимает не условия материальной жизни общества и не способ производства, а совокупность исторически определенных производственных отношений и находящихся всецело в зависимости от них отношений распределения.

---

[1] Исторический материализм, 1950, стр. 697. Большая советская энциклопедия, т. 2, стр. 43.

[2] Сборник Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, 1951, стр. 51.

В совокупность производственных, экономических отношений И. В. Сталин включает: а) формы собственности на средства производства; б) вытекающее из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение; в) всецело зависимые от них формы распределения продуктов[1].

Такое понимание базиса наиболее точно выражает объективную истину.

Товарищ Сталин учит, что люди производят материальные блага не для производства, а для удовлетворения своих потребностей, что производство, оторванное от удовлетворения потребностей общества, хиреет и гибнет.

Следовательно, процесс производства материальных благ есть в то же время и определенный процесс распределения продуктов между различными социальными группами населения по экономическим законам данного общества. Форма распределения продуктов определяется прежде всего сущностью и требованиями **основного** экономического закона данного общества.

Главным в любом экономическом базисе, его сущностью является господствующая форма собственности, то, в чьем владении фактически находятся средства производства. Отсюда уже вытекает положение различных социальных групп в производстве, взаимоотношения между ними и формы распределения продуктов. Относя к производственным отношениям и формы распределения, товарищ Сталин тем самым развивает теоретические положения К. Маркса по этому вопросу.

Как известно, К. Маркс отношения распределения рассматривает, как следствие производственных отношений и как одну из сторон таковых. «Определенное отношение распределения есть, следовательно, лишь выражение исторически определенного отношения производства... Исторический характер этих отношений распределения есть исторический характер производственных отношений, только одну сторону которых они выражают»[2].

Марксизм учит, что базиса «вообще» нет, а есть всегда определенный базис на данном этапе развития общества. Это значит, что при изучении базиса нужно подходить конкретно

---

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 73.

[2] К. Маркс, Капитал, т. III, изд. 1950, стр. 896—897.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 40—41.

исторически, раскрывая и выясняя при этом, как данный базис возникает, развивается и изменяется в зависимости от хода движения и изменения производительных сил и как на этой основе меняется роль данного базиса. Производственные отношения всегда как-то соотносятся с производительными силами; причем это соотношение бывает двоякого рода: соответствия, или несоответствия. Поскольку производительные силы, как величина определяющая по отношению к производственным отношениям, всегда находятся в состоянии постоянного развития, то благодаря этому изменяется и роль базиса. Когда производственные отношения соответствуют состоянию производительных сил, тогда они являются движущей силой развития производительных сил, давая им простор. Но производительные силы есть наиболее подвижный и революционный элемент общественного производства. Сперва изменяются эти силы, а уж вслед за этим и на этой основе изменяются и производственные отношения. Таким образом, общей чертой развития любого способа производства является то, что на определенной ступени развития производства обнаруживается отставание данного базиса от производительных сил. Это значит, что данный базис уже не соответствует новым производительным силам, благодаря чему он начинает играть роль препятствия, тормоза, даже оков по отношению к ним. Такое состояние наиболее характерно для капитализма эпохи империализма. В эту эпоху господствуют монополии, монополистический капитал, благодаря чему современный буржуазный базис превратился в фактор даже разрушительный по отношению к производительным силам, и последние обречены на прозябание.

Такое положение образуется потому, что обе стороны общественного производства изменяются неодновременно, в силу чего возникает и развивается противоречие между производительными силами и производственными отношениями В истории прошлого это приводило к конфликтам, к социальным революциям, в ходе которых происходила замена старого базиса новым.

Следует обратить особое внимание на глубокое раскрытие диалектики развития общественного производства в труде И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Товарищ Сталин учит, что нужно всегда выяснять не только развитие производительных сил, но и то, как в связи с этим изменяется роль данных производственных отношений. Подчеркивая активную роль базиса, И. В. Сталин говорит:

«...новые производственные отношения являются той **главной** и решающей силой, которая собственно и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил и без которых производительные силы обречены на прозябание, как это имеет место в настоящее время в капиталистических странах»[1]. Роль новых производственных отношений «состоит в том, чтобы быть главным двигателем дальнейшего развития производительных сил»[2].

Впервые в марксистской литературе так высоко оценивается роль новых производственных отношений, как общественной формы производства. Именно они **определяют** мощное развитие производительных сил социализма, находясь с ними в полном соответствии, именно они являются **главным двигателем** этого развития.

Своеобразие развития производственных отношений состоит в том, что они проходят путь от роли главного двигателя к роли тормоза производительных сил, что И. В. Сталин называет одним из главных элементов марксистской диалектики.

Правильность такого понимания наиболее ярко подтверждается на примере стран современного капитализма, где буржуазные производственные отношения уже давно играют роль тормоза производительных сил. Для того, чтобы производительные силы этих стран вывести из состояния прозябания и дать их развитию полный простор, необходимо насильственно уничтожить прогнивший буржуазный экономический строй и заменить его строем социалистическим.

Поскольку любой способ производства воплощает в себе неразрывное единство двух разных сторон — содержания и формы, производительных сил и производственных отношений, то поэтому недопустимо отождествлять производственные отношения с производством и сводить производственные отношения к производительным силам. В то же время нельзя отрывать производственные отношения от производительных сил. Последние выражают собою материальную преемственность и непрерывность в развитии человеческой истории, ибо каждое новое поколение людей наследует и берет в свои руки созданные до них производительные силы, двигая и развивая их дальше, изменяя при этом форму производства, т. е. производственные отношения. Отрыв производственных отношений от производительных сил (формы от содержания) оз-

---

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 61.

[2] Там же, стр. 62.

начает идеализм, а включение в экономический базис производительных сил означает вульгаризацию марксизма. Вульгаризация и опошление марксизма здесь двоякого рода. Во-первых, при таком понимании базиса пришлось бы объяснять изменения надстройки непосредственно и прямо уровнем развития производительных сил, что противоречит действительному ходу истории. Во-вторых, включение в базис производительных сил ведет к вредной и опасной практике. При таком понимании пролетариат в ходе социалистической революции должен бы уничтожить не только буржуазные производственные отношения, но и ранее созданные производительные силы.

В практике строительства социализма и коммунизма особую опасность представляет вульгаризация марксизма богдановско-бухаринского толка, выразителем которой недавно выступил Ярошенко Л. Д. Главная ошибка Ярошенко выразилась в чрезмерном преувеличении роли производительных сил и чрезмерном преуменьшении роли производственных отношений при социализме, роли базиса. Ярошенко договорился до того, что, якобы, производственные отношения при социализме перестают быть серьезным фактором развития, их самостоятельная роль исчезает и они поглощаются производительными силами, как часть целым.

Сводя производственные отношения социализма к производительным силам, Ярошенко тем самым при рассмотрении экономических процессов встал на путь подмены марксистской диалектики механицизмом, на путь ликвидации политической экономии социализма как науки, изучающей законы экономического развития общества. На практике эта вредная точка зрения ведет к затушевыванию противоречий в экономическом развитии общества и к непониманию экономических проблем социализма.

История учит, что производственные отношения многообразны по типу и форме в зависимости от того, какая собственность лежит в их основе. Беря эту сторону вопроса, важно подчеркнуть, что в антагонистических обществах производственные отношения носят антагонистический характер, будучи отношениями эксплуатации, господства и подчинения. Но несмотря на это, любой, в том числе и антагонистический, базис играет активную роль, ускоряя или замедляя развитие производительных сил.

В этом свете понятно, почему марксизм решительно выступает против враждебных ему течений (меньшевизма, каут-

скианства, бухаринщины и т. п.), которые производственные отношения рассматривают только как пассивное следствие развития производительных сил. Отрицая активную роль за производственными отношениями, открытые изменники марксизма — правые социалисты — обосновывают вредный вывод о том, что максимальное развитие производительных сил капитализма стихийно, мирно и постепенно приведет к замене его социализмом. Такое понимание особенно выгодно современной империалистической буржуазии, стремящейся к увековечению своего базиса, которое обрекает пролетариат на пассивность и рабское существование в рамках капитализма.

Марксизм-ленинизм, подтвержденный опытом СССР и стран народной демократии, учит, что только путь социальной революции в состоянии уничтожить, ликвидировать силой старый базис, тормозящий развитие производительных сил. После второй мировой войны успешно ликвидируется буржуазный базис в странах народной демократии, строящих социализм, а в Китае успешно завершена ликвидация старого прогнившего феодального базиса и создается экономический строй нового, демократического общества.

Даже в условиях советского строя в развитии деревни пришлось проделать **особого рода революцию**, в ходе которой в советской деревне старый экономический базис был заменен новым, социалистическим базисом. «В течение 8—10 лет, — говорит товарищ Сталин, — мы осуществили в сельском хозяйстве нашей страны переход от буржуазного индивидуально-крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю. Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переворот совершился не путём взрыва, т. е. не путём свержения существующей власти и создания новой власти, а путем постепенного перехода от старого буржуазного строя в деревне к новому»[1]. Эта революция положила конец существованию буржуазной частной собственности в нашей стране и тем самым разрешила противоречие между старыми производственными отношениями и новыми производительными силами, успешно развивавшимися на путях социалистической индустриализации страны и технической реконструкции народного хозяйства. Необходимость переворота в экономических отношениях нашего сельского хозяйства вытекала из противоречия двух

---

[1] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.

качественно различных экономических основ, на которые опиралась Советская власть до этой революции. Советская власть опиралась, с одной стороны, на социалистическую промышленность, которая развивалась по принципу расширенного воспроизводства и вытесняла в своем развитии капиталистические элементы из нашей экономики, с другой — на отсталое мелкотоварное производство крестьян, не способное на расширенное воспроизводство. Если же в отдельных случаях оно и осуществлялось, то это вело к рождению капиталистических элементов.

В ходе этой революции происходил постепенный перевод трудящихся крестьян на путь социалистических отношений и ликвидации кулачества как класса путем коренной, революционной ломки буржуазного строя в деревне.

В революции, проведенной в деревне в тридцатых годах, следует, как нам кажется, различать две стороны, связанных между собой. С одной стороны, в ходе этой революции происходило постепенное преобразование мелкокрестьянской собствености в социалистическую и постепенное изменение социальной природы трудящихся крестьян, как класса — союзника пролетариата. Эта сторона данной революции не выражала собою форму конфликта, столкновения классов. С другой стороны, революция представляла собою процесс экспроприации кулацкой собственности, насильственного её уничтожения и передачи кулацких средств производства в собственность колхозов. В этом отношении революция носила форму социального конфликта, характер резкого и острого столкновения между союзом рабочего класса и трудящегося крестьянства, с одной стороны, и кулачеством — с другой.

В связи с этим следует подчеркнуть, что социалистическая собственность образуется двумя путями. Первый путь — это экспроприация помещичьей и буржуазной собственности. Второй путь — постепенное преобразование мелкокрестьянской и т. п. собственности в социалистическую.

С ликвидацией кулачества — последнего эксплуататорского класса в нашей стране — была уничтожена почва для переворотов в производственных отношениях в ходе дальнейшего развития социалистического общества.

При социализме, учит товарищ Сталин, дело обычно не доходит до конфликта между производственными отношениями и производительными силами. Здесь общество имеет возможность вскрывать и преодолевать возникающие противоречия в экономической жизни планомерно, не доводя дело до

конфликта, потому что на этом пути нет отживающих классов, могущих организовать сопротивление необходимым экономическим преобразованиям в развитии общества. «...в наших социалистических условиях экономическое развитие происходит не в порядке переворотов, а в порядке постепенных изменений...»[1].

Замена старых производственных капиталистических отношений в деревне новыми, социалистическими производственными отношениями открыла широкий простор для бурного развития производительных сил нашего сельского хозяйства и вывела их из состояния прозябания, в котором они находились до коллективизации.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила **начало** процессу уничтожения буржуазного базиса и формирования социалистического базиса в нашей стране. Это было сделано путём уничтожения помещичьей и капиталистической собственности и превращения земли, банков, железных дорог, заводов, фабрик и др. в общественную собственность. Таким образом возникли социалистические производственные отношения, образовав в совокупности социалистический уклад в экономике страны, который сразу же стал играть ведущую роль в развитии народного хозяйства, а в дальнейшем занял в нём преобладающее и господствующее место. Социалистический уклад явился пока зародышем нового базиса. Превращение этого зародыша в новый базис занимает особую историческую эпоху — переходный период от капитализма к социализму.

Переходный период характеризуется усилением общественной собственности и завершается её победой во всех сферах народного хозяйства с победой колхозного строя.

Возникновение и развитие социалистического базиса имеет свою специфику. Если буржуазные производственные отношения возникают и развиваются, к тому же стихийно, ещё в недрах старого феодального строя, то социалистические производственные отношения возникают только в ходе социалистической революции, которая своей политической победой создаёт решающее условие для их возникновения, формирования и развития. Этим условием является диктатура пролетариата. Социалистический базис не складывается стихийно, он создаётся сознательно, организуется и развивается советским

---

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 53, 67, 68.

государством под руководством марксистской партии. Новый базис строится усилиями победившего рабочего класса в союзе с трудящимся крестьянством. Термин «сознательно» надо понимать в марксистском смысле, материалистически, а не субъективистски. Советская власть, приступив к созданию социалистических форм хозяйства в 1917 году, опиралась при этом на объективный экономический закон **обязательного соответствия** производственных отношений характеру производительных сил. Опираясь на этот закон, Советская власть обобществила средства производства, уничтожила систему эксплуатации и тем самым создала социалистический базис. Без действия этого закона и правильного его понимания и использования задачу по созданию социалистического базиса выполнить было бы нельзя.

Октябрьская революция создала самую передовую в мире политическую власть в стране, где преобладала старая, частнокрестьянская отсталая экономика. Таким образом, возникло новое реальное противоречие в жизни. Историческая задача сводилась к тому, чтобы под самый передовой политический строй подвести соответствующую ему экономическую основу. В. И. Ленин и И. В. Сталин ясно увидели это противоречие сразу же с возникновением Советской власти и вели партию и весь народ по пути преодоления этого противоречия, через создание социалистической экономики.

«...выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти, — писал Ленин в 1918 году, — осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими»[1].

Ленин учил, что после завоевания власти пролетариатом и победы в гражданской войне, необходимо перестроить экономические основы жизни народа на социалистических началах. И только после решения (в главных и основных чертах) этой, к тому же, самой трудной задачи пролетарской революции «...можно будет сказать, что Россия стала не только советской, но и социалистической республикой»[2].

Эту же мысль многократно подчеркивал и развивал И. В. Сталин. Высоко оценивая план электрификации России в 1921 г., товарищ Сталин писал В. И. Ленину: «Единственная в наше время марксистская попытка подведения под советскую надстройку хозяйственно-отсталой России действи-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 302.

[2] Там же, стр. 214.

тельно реальной и единственно возможной при нынешних условиях технически-производственной базы»[1].

Известно, что своеобразием экономики переходного периода от капитализма к социализму является её многоукладность, сосуществование и переплетение разных типов и форм производственных отношений. В. И. Ленин не раз говорил о наличии пяти экономических укладов в экономике Советской России переходного периода (социалистический, частнокапиталистический, мелкотоварный, государственно-капиталистический и натурально-патриархальный). Ныне в переходной экономике стран народной демократии, строящих социализм, имеется три экономических уклада (социалистический, частнокапиталистический и мелкотоварный). В силу пестроты, многоукладности переходной экономики Советская власть в переходный период вынуждена была опираться на две разных экономических основы[2]: на социалистическую промышленность в городе и мелкотоварное крестьянское хозяйство в деревне. Применительно к этому проводилась соответствующая экономическая политика в направлении укрепления союза рабочих и крестьян. Экономическую роль Советского государства переходного периода Ленин видел в том, чтобы «...строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка»...[3]; а сущностью экономических отношений между рабочим классом и крестьянством в стране победившей пролетарской революции с преобладанием крестьянства он считал в меру необходимости товарность производства и товарообмен.

Отсюда следует важный вывод. В переходный период базис нашей страны был переходным экономическим строем и его противоречивость выражалась прежде всего в многоукладности. На XIV съезде партии товарищ Сталин говорил по этому вопросу: «...наш строй в целом нельзя ещё назвать ни капиталистическим, ни социалистическим. Наш строй в целом есть переходный от капитализма к социализму, — где всё ещё преобладает, в смысле объема продукции, частновладельческое крестьянское производство...»[4].

Весь переходный период, как период становления, формирования и созидания социалистического базиса, был заполнен острой классовой борьбой, выражавшей антагонистическую борьбу социалистических элементов с элементами капи-

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 50.
[2] И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 6, 253, т. 12, стр. 145.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 203.
[4] И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 310.

талистическими по формуле Ленина «Кто кого?». Эта борьба увенчалась победой социалистического базиса и уничтожением капиталистического базиса в нашей стране. Экономическая победа социализма над капитализмом сперва была достигнута в области промышленности (факт этой победы определился уже к XVI съезду партии), а потом и в области сельского хозяйства. В результате выполнения первой сталинской пятилетки в СССР уже был построен экономический фундамент социализма. А на XVII съезде ВКП(б) в докладе товарища Сталина был обоснован замечательный вывод о том, что социалистическая система хозяйства стала единственной системой народного хозяйства СССР, а капиталистическое хозяйство в СССР к этому времени было полностью ликвидировано. «Факты говорят, — заявил тогда товарищ Сталин, — что мы уже построили фундамент социалистического общества в СССР и нам остаётся лишь увенчать его надстройками»...[1] Анализируя изменения в экономике страны за период от 1924 года по 1936 год, товарищ Сталин на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов СССР говорил: «В результате всех этих изменений в области народного хозяйства СССР мы имеем теперь новую, социалистическую экономику, не знающую кризисов и безработицы, не знающую нищеты и разорения и дающую гражданам все возможности для зажиточной и культурной жизни»[2].

Победа социалистического экономического строя в СССР означает уничтожение эксплуатации человека человеком и утверждение общественной собственности и социалистической системы хозяйства в их неразрывном единстве и взаимообусловленности, как незыблемой экономической основы советского общества. Отсюда вытекает главная задача социалистической надстройки — охранять, защищать и развивать социалистический базис.

Победа общественной собственности на орудия и средства производства привела к установлению полного соответствия между социалистическими производственными отношениями и характером производительных сил. Полное соответствие выражается в том, что общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства, благодаря чему производственные отношения при социализме являются отношениями товарищеско-

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 325.
[2] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 510.

го сотрудничества и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников.

Социалистические производственные отношения выступают в роли могучей движущей силы развития социалистического производства, открыв широкий простор для непрерывного и бурного движения производительных сил. Именно в этом нужно усматривать главный источник экономических преимуществ социализма перед капитализмом, обеспечивших возможность развития социалистического производства в СССР темпами, превышающими во много раз среднегодовые темпы роста капиталистического производства. За последние 20 с лишним лет (1929—1951 гг.) объем промышленной продукции в СССР увеличился почти в 13 раз, в США только в два раза, в Англии — на 60 проц., а во Франции всего на 4 проц.[1].

До последнего времени неправильно трактовалось понятие полного соответствия. В нашей пропагандистской, учебной литературе обычно было принято объяснять, что в условиях социализма при наличии полного соответствия производственные отношения якобы не могут вступать в противоречие с производительными силами.

Такое понимание явно идет вразрез с духом марксистской диалектики и творческим ее истолкованием товарищем Сталиным. И. В. Сталин учит, что общей закономерностью в истории любого общества является то, что сперва изменяются производительные силы, или содержание общественного производства, а уже потом, вслед за этим изменяются и производственные отношения, или форма производства. Значит, развитие общественного производства характеризуется отставанием производственных отношений от развития производительных сил и преодолением этого отставания, приведением в соответствие формы с содержанием. Следовательно, полное соответствие формы и содержания в социалистическом способе производства нельзя понимать в абсолютном смысле слова. Полное соответствие не исключает противоречивости в развитии. И при социализме сперва изменяются производительные силы, а производственные отношения несколько отстают от их роста и лишь спустя некоторое время преобразуются применительно к состоянию производительных сил. В чем же тогда выражается специфика противоречивости в развитии социалистического способа производства?

---

[1] Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), 1952, стр. 8.

Раньше в рамках антагонистических формаций отставание производственных отношений от роста производительных сил приводило к конфликтам, к социальным революциям, насильственному уничтожению старых производственных отношений и отживающих реакционных классов, защищающих старый базис. При социализме же нет антагонизмов, противоречия носят неантагонистический характер. Здесь нет почвы для конфликтов, переворотов в производственных отношениях, потому что нет реакционных, отживающих классов, которые могли бы оказать сопротивление замене старых производственных отношений новыми.

При социализме руководство, в лице государственной власти и партии Ленина—Сталина, проводя научно-обоснованную политику, имеет возможность своевременно выявлять отставание производственных отношений от роста производительных сил и приводить в соответствие форму с содержанием, не доводя дело до конфликта. Таким образом, марксизм требует не замазывать противоречия в нашей жизни, а вовремя их вскрывать и преодолевать. Так учит партию и народ великий мастер творческого марксизма И. В. Сталин. Такое понимание мобилизует партию и советский народ на своевременное преодоление трудностей, противоречий нашей жизни на пути движения к коммунизму. Именно такое понимание, как научное, подтверждается практикой.

За последние годы в нашей колхозной деревне произошли серьезные изменения, выразившиеся в укрупнении колхозов. Чем это вызвано? В чем причина, корень этих изменений? Это следует объяснить так. Послевоенные годы ознаменовались в нашей стране серьезным ростом производительных сил, могучим развитием новейшей техники. Мелкая сельскохозяйственная артель в этих условиях стала уже не соответствовать дальнейшему росту производительных сил, она оказалась препятствием на пути внедрения в сельское хозяйство новой техники. Возникло противоречие в развитии социалистического производства в деревне. В противоречие с ростом производительных сил в деревне вступили не производственные отношения в целом, а некоторые стороны, черты этих отношений. К этим чертам, как нам кажется, следует отнести недостаточный уровень обобществления труда в мелкой артели, несовместимость новой мощной техники с узкими рамками этой артели.

Наша партия своевременно вскрыла это противоречие и успешно провела ряд важнейших мер, направленных к приве-

дению в полное соответствие производственных отношений с характером производительных сил. Укрупнение колхозов сопровождается возрастанием уровня обобществления труда, а в связи с этим более быстрым ростом производительности труда и обобществленных фондов в колхозах, улучшением качества руководящих колхозных кадров, повышением уровня планирования, повышением уровня всей организации производства и труда, широким внедрением в колхозное производство новейшей техники и др. Приведенный пример говорит о том, что социалистический базис изменяется вслед за ростом производительных сил, он всесторонне укрепляется и совершенствуется в своем развитии.

Социалистический базис своей основой имеет две формы общественной собственности. Пока у нас система производственных отношений неоднородна, хотя и однотипна. Наличие колхозной собственности, как собственности групповой, порождает еще необходимость в действии закона стоимости и товарного обращения. А это, в свою очередь, создает препятствия для полного охвата всего народного хозяйства, особенно сельского хозяйства, государственным планированием не только производства, но и всей продукции общественного производства в интересах общества. Такое состояние выражает специфику противоречивости социалистического базиса и оно не может оставаться неизменным. По мере движения нашей страны от социализма к коммунизму расширение и укрепление общественной собственности будет представлять собой процесс подъема колхозной собственности до уровня общенародной.

Государственная собственность, будучи высшей формой социалистической собственности, выражает более зрелые производственные отношения, в силу чего во всей социалистической экономике она занимает ведущее и определяющее место.

Колхозное же производство, в отличие от государственного производственного сектора, ограничено рамками групповой собственности. Благодаря этому уже сейчас целый ряд новых явлений в развитии производительных сил СССР (строительство крупных электростанций, лесозащитных полос, оросительных и осушительных систем и т. п.) не укладывается в рамки общественной собственности отдельных колхозов и порождает объективно экономическую необходимость постепенного превращения с помощью государства колхозной собственности во всенародную.

«Дальнейшее развитие производительных сил нашего об-

щества, необходимость полного, всестороннего охвата всего народного хозяйства государственным планированием потребует по мере продвижения к коммунизму изменения производственных отношений в колхозах, приведет к постепенному превращению колхозной собственности во всенародную»[1].

Это превращение будет представлять собой процесс постепенного образования всенародной коммунистической собственности, как основы экономического базиса коммунизма. Несмотря на всю постепенность, это будет коренной переход от экономики социализма к экономике коммунизма в рамках одной коммунистической формации.

Товарищ Сталин в своем программном труде «Экономические проблемы социализма в СССР» гениально раскрыл конкретные формы и пути подъема колхозной собственности до уровня общенародной, закономерности и условия перехода от социализма к коммунизму. Нужно при этом со всей силой подчеркнуть, что этот **переход характеризуется постепенностью.** Эта закономерность вытекает из того, что в социалистическом обществе на пути коренных изменений экономики нет таких отживающих классов, которые оказывали бы упорное сопротивление в этой области, что могло бы неизбежно приводить к конфликтам, переворотам в производственных отношениях.

Переход от экономики социализма к экономике коммунизма включает в себя постепенные, но коренные изменения в экономической жизни. Какие же коренные изменения произойдут в экономике? Главные отличия экономического базиса коммунизма от базиса социализма следующие:

Экономической основой коммунистического общества будет единая общенародная коммунистическая собственность на средства производства. Колхозная собственность поднимется до уровня общенародной. Внутри страны перестанет действовать закон стоимости.

При коммунизме труд превратится «...в глазах общества в первую жизненную потребность, а общественная собственность — в незыблемую и неприкосновенную основу существования общества»[2].

Единый общенародный план охватит все производство и распределение всей производимой продукции в интересах общества и его членов.

---

[1] «Большевик», 1952, № 15, стр. 17, 18.

[2] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 66.

Будут преодолены существенные различия между городом и деревней, между людьми умственного и физического труда, а в связи с этим и все классовые различия.

Социалистический принцип распределения будет заменен коммунистическим: «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Хотя экономика коммунизма является высшей по отношению к экономике социализма, хотя между ними имеются существенные различия, — это две формы экономики, два базиса в рамках одной общественной формации, это две ступени в развитии единого способа производства. Каковы общие главные экономические черты этих двух ступеней, объединяющие их в рамках одной формации?

При социализме и при коммунизме действует один и тот же основной экономический закон, открытый гением И. В. Сталина. Этот закон выражает сущность социалистического способа производства, основанного на господстве общественной собственности, на отсутствии эксплуатации человека человеком. **Целью** социалистического производства является «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества»[1], а **средством** для достижения указанной цели является непрерывный рост и совершенствование социалистического производства на базе высшей техники с преимущественным ростом производства средств производства перед производством средств потребления.

И при социализме и при коммунизме действует объективный экономический закон планомерного развития народного хозяйства.

Характерной экономической чертой социализма и коммунизма выступает планирование народного хозяйства, правильно учитывающее и отражающее требования экономических законов данного общества.

Развитие общества при социализме и коммунизме совершается благодаря сознательным усилиям людей на основе осознания объективной закономерности, экономической необходимости. Следовательно, социализм постепенно перерастает в коммунизм, а социалистический базис постепенно превращается в коммунистический базис, который будет представ-

---

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 40, 77, 78.

лять новое качество и в то же время дальнейшее обогащение и развитие главных устоев экономики социализма (господство общественной собственности, отношения социалистической взаимопомощи и сотрудничества свободных от эксплуатации людей и др.).

Как известно, любое явление имеет свою специфику, раскрытие которой является наиболее важным для науки. Говоря о базисе, также следует помнить, что он, в отличие от других общественных явлений, имеет свою специфику. «Специфические особенности базиса, как учит товарищ Сталин, состоят в том, что он обслуживает общество экономически»[1].

Любое производство материальных благ осуществляется в рамках определенных производственных отношений. В зависимости от характера собственности и типа производственных отношений складывается определенная система хозяйства, определенные формы распределения материальных благ между людьми в обществе, определенная степень удовлетворения материальных и культурных потребностей людей. Основным экономическим законом современного капитализма, учит товарищ Сталин, является обеспечение максимальной капиталистической прибыли путем эксплуатации, разорения и обнищания большинства населения данной капиталистической страны, путем закабаления и систематического ограбления народов других стран, путем войн и милитаризации народного хозяйства. Именно из существа буржуазного базиса, частнокапиталистической собственности, вытекает главная цель, стоящая перед капиталистическим производством — получение максимума прибыли в интересах капиталистических монополий.

Другое положение при социализме. Основным экономическим законом социализма является максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники. Именно из господства общественной собственности вытекает цель социалистического производства — обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества.

Господство общественной собственности в СССР превратило труд из подневольного бремени, что характерно для ка-

---

[1] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 35—36.

питализма, в глубоко творческий, созидательный. Это из года в год ведёт к повышению производительности труда и ускоренному развитию производительных сил. Если звериная конкуренция при капитализме выражает сущность буржуазных производственных отношений, то социалистическое соревнование наиболее ярко выражает сущность социалистических производственных отношений.

Как обслуживает базис общество экономически видно на простом сравнении. В буржуазных странах растет армия безработных, увеличивается нищета масс при огромном росте прибылей монополистов, особенно американских, а в СССР происходит неуклонный рост материального и культурного уровня народных масс, систематическое снижение цен на промышленные и продовольственные товары, рост реальной зарплаты рабочих, служащих и доходности колхозников и т. д. Эта противоположность в материальном и культурном положении трудящихся масс показывает огромные преимущества социалистического базиса перед капиталистическим. Два противоположных базиса дают два противоположных способа экономического обслуживания общества.

* * *

До выхода в свет труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» имела хождение путаница и вульгаризация в понимании общественной надстройки. Марр ошибочно считал язык и мышление надстройкой. Среди философов распространено было такое неверное понимание, когда в надстройку безоговорочно включали все формы общественного сознания, всю науку, культуру, логику как науку о законах и правилах человеческого мышления.

Творчески развивая учение марксизма-ленинизма о надстройке, товарищ Сталин своим классическим определением надстройки охватил в единстве важнейшие её стороны и элементы, выяснил существенные её особенности, специфику в отличие от языка и других общественных явлений. Со всей силой он подчеркнул величайшую активную роль надстройки.

«Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»[1].

---

[1] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 5.

Данное определение говорит о том, что надстройка представляет сложную **совокупность, единство определённых** идей, взглядов, учений и соответствующих им учреждений и организаций, вырастающих и оформляющихся на основе определённого базиса. Базис определяет надстройку, она служит ему и тем общественным силам (классам, социальным группам), которые господствуют в экономической жизни общества.

Надстройка есть неразрывное единство двух основных сторон — идеологической (совокупность идей, взглядов) и материально-людской (совокупность учреждений и организаций). В каком соотношении находятся эти две стороны?

Идеи, взгляды, составляя общественное сознание, отражают общественное бытие и прежде всего экономический строй общества. Взгляды в надстройке играют ведущую роль по отношению к учреждениям в том смысле, что в ходе развития общества возникают определённые новые учреждения и организации людей только лишь в соответствии с уже имеющимися идеями и взглядами. Можно сказать, что через учреждения и организации происходит материализация идей, благодаря чему последние превращаются в большую активную силу. Те, или иные идеи, взгляды являются движущей силой общественного развития не сами по себе, а лишь тогда, когда они воплощаются в определённых учреждениях и организациях, призванных распространять эти идеи среди людей.

В своём учении о надстройке товарищ Сталин подчеркивает исключительно важное место учреждений в системе надстройки. Вопрос о роли учреждений приобрел особенно важное значение при построении социализма и коммунизма, когда люди достигают сознательного управления общественным развитием. Теоретическая разработка И. В. Сталиным вопроса о значении и роли учреждений и организаций в развитии общества является серьёзным новым вкладом в марксистско-ленинскую науку.

Состав надстройки не ограничивается только теми основными элементами, которые охвачены сталинским определением (политический, правовой, религиозный, художественный, философский). Опираясь на данное определение, философы и другие работники теоретического фронта обязаны путём исследования конкретизировать состав надстройки той или другой общественно-экономической формации и обоснованно показать, что является надстроечным в культуре, науке и некоторых других общественных явлениях.

Следует заметить, что в идеологическую часть надстройки входят и этические взгляды, нравственные принципы, наряду с политическими, эстетическими и др. И товарищ Сталин по этому вопросу учит, что нравственные принципы «у буржуа и пролетариев прямо противоположны»[1].

Для понимания различных элементов надстройки определённую трудность представляет вопрос о правовых учреждениях. Понимание других элементов надстройки не вызывает таких затруднений.

Политические взгляды — это взгляды определённого класса об общественном строе, о государственной власти и о способах, формах её организации. В марксистских политических взглядах, например, главным является учение о диктатуре пролетариата, а в связи с этим, о непримиримой классовой борьбе антагонистических классов, о построении социализма, коммунизма и др. Политическими же учреждениями В. И. Ленин называл «учреждения власти». В политическую часть надстройки входят государство, правящие политические партии и т. п.

Религиозными учреждениями являются церковь, различные религиозные организации.

Художественные или эстетические взгляды выражают понимание определённым классом вопросов искусства, его отношения к действительности, его места, роли и назначения в обществе и т. п. Художественные взгляды воплощаются и распространяются в произведениях искусства разных видов, а также в учреждениях искусства (театры, музеи, выставки, галереи, художественные издательства и т. п.).

Философские взгляды, идеи распространяются через определенные философские учреждения (философские общества, институты, философские кафедры, издательства и др.).

Каждый элемент надстройки, составляя единство взглядов и учреждений, характеризуется своеобразием, своей спецификой. В чём же специфика правовых учреждений? Некоторые авторы неправильно разграничивают правовые нормы и правовые учреждения. «Система правовых норм, читаем мы в одной учебной книге, существующих в данном классовом обществе, и соответствующих им правовых учреждений является юридической надстройкой над определённым экономическим базисом»[2]. Получается, система правовых норм — это одно,

[1] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 16.
[2] Исторический материализм, учебник, 1950, стр. 274.

а правовые учреждения нечто другое; правовые нормы ставятся на место правовых взглядов.

В классовом обществе у каждого класса имеются свои определённые правовые взгляды, или правовое сознание (правосознание), в котором данный класс выражает своё понимание вопросов о правах и обязанностях граждан в обществе, о законности или беззаконии совершаемых людьми поступков, о преступлении, вине, наказании и т. д. Правовые взгляды господствующего класса входят в его надстройку. В соответствии с этими взглядами класс создаёт своё право, совокупность определённых правовых норм. Право — это воля господствующего класса, возведенная его государством в закон. Правовые нормы устанавливает и санкционирует государство, и устанавливает такие законы, которые угодны и выгодны господствующему классу. Право регулирует определённым образом общественные отношения между людьми так, чтобы всячески охранять, защищать экономический строй, господствующую собственность на средства производства.

Если право создается государством, то ясно, что для проведения в жизнь правовых норм требуются и определенные органы государства, в роли которых выступает суд, прокуратура и т. п. Эти органы одновременно являются политическими и юридическими учреждениями.

Но кроме указанных учреждений специфически правовыми учреждениями являются правовые институты, юридические установления, выраженные в законах, или нормы права. Например, в буржуазном обществе важнейшим правовым институтом выступает институт наследства, порожденный капиталистической частной собственностью, и направленный на ее сохранение и укрепление.

В. И. Ленин в 1921 году к числу правовых учреждений отнес, например, «натурпремирование»[1], в смысле узаконения порядка премирования и превращения его в юридическую норму, содействующую развитию социалистического хозяйства.

В условиях царской России сохранение таких юридических норм, как прикрепление крестьян к наделу, круговую поруку в старой деревне и т. п. Ленин называл остатками средневековых учреждений, устарелыми учреждениями[2].

Таким образом, под учреждениями, входящими в данную надстройку, следует понимать, кроме организаций людей, также и законы, правовые институты, нормы права.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 370.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 53—54.

Одной из особенностей политико-юридической надстройки является то, что в классовом обществе политические и правовые взгляды бывают разные (у буржуазии свои взгляды, у пролетариата — свои), а государство и право только одно — именно господствующего класса.

Надстройка, как целое, существует всегда в единстве с базисом и находится с ним в определённом взаимодействии. В этом взаимодействии важно понимать, что **базис определяет надстройку**, он первичен, а надстройка вторична; характер надстройки, развитие и смена надстройки также непосредственно зависят от базиса.

Если новый базис возникает объективно в соответствии с состоянием и уровнем развития производительных сил, то надстройка в классовом обществе создаётся сознательно усилиями господствующего класса, конечно, не по субъективному произволу, а в соответствии с объективными условиями своего бытия. Имея в виду буржуазную надстройку Франции I половины XIX века, К. Маркс писал: «Над различными формами собственности, над социальными условиями существования поднимается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений. Весь класс творит и формирует всё это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений»[1]. Если буржуазия сознательно творит свою надстройку, то тем более это присуще пролетариату, сознательно использующему объективные законы развития общества.

Новый класс в ходе борьбы за установление своего господства в обществе привлекает на свою сторону талантливых людей из других классов, в том числе, наиболее дальновидных и из среды старых классов, для создания своей надстройки и укрепления своего классового господства.

Надстройка, как особое социальное явление, имеет свои специфические особенности и выполняет свою, определенную роль в обществе. «Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создаёт для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения»[2].

Слова «обслуживает общество» не означают, что всякая надстройка служит всему обществу. В обществе, разделённом

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, 1949, т. 1, стр. 235, 236.

[2] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 36.

на враждебные классы, надстройка служит не всему обществу, а господствующему классу. Но поскольку это происходит в обществе, то надстройка обслуживает и всё общество своего времени и обслуживает так, как это выгодно господствующей, например, ныне в буржуазном обществе империалистической буржуазии в ущерб пролетариату и всем угнетённым массам.

В сталинском определении надстройки на первом месте стоят идеи, взгляды, а потом соответствующие им учреждения. Это не случайно, а отражает закономерную связь в развитии общественных явлений.

Закономерность такова, что в обществе сперва изменяются производительные силы, производство. Изменения же в производстве преломляются в изменениях базиса, а изменения в базисе, в свою очередь, отражаются в сознании людей данной эпохи. Следовательно, под влиянием изменений в экономическом строе общества **сперва** возникают новые идеи и взгляды, определённые учения, а **потом** в соответствии с этими взглядами создаются и новые учреждения.

Так, например, в XVIII веке во Франции на основе новых назревших материальных потребностей в развитии общества и обострения классовой борьбы, в связи с ростом буржуазных экономических отношений возникло новое буржуазно-демократическое учение Руссо, направленное против абсолютизма и феодализма. В ходе же французской буржуазной революции якобинцы создавали новые политические учреждения и свою конституцию в соответствии с учением Руссо.

Или другой пример. В условиях капиталистического строя и формирования пролетариата как класса Маркс и Энгельс создали своё учение — марксизм, как научное мировоззрение, теорию и программу борьбы за коммунизм. Главной идеей марксизма является идея диктатуры пролетариата. Десятки лет пролетариат боролся под знаменем этой идеи. В. И. Ленин, творчески обогащая учение о диктатуре пролетариата, открыл в Советской власти новую государственную форму диктатуры пролетариата. В соответствии же с учением Ленина о Советской власти в Октябре 1917 г. была установлена практически диктатура пролетариата и тем самым главная идея марксизма нашла своё материальное воплощение в форме Советского государства — системе политических учреждений нового типа. Наличие ленинского учения о Советской власти в огромной мере облегчило победу социалистической революции. Без этого «Партия блуждала бы в потемках, Советы были бы дезорганизованы, мы не имели бы Советской власти, марксист-

ская теория потерпела бы серьёзный урон. Проиграл бы пролетариат, выиграли бы враги пролетариата»[1].

В любой надстройке все её элементы, части необходимы, но не равноценны для базиса. Некоторые элементы надстройки играют главную и определяющую роль по отношению к другим её составным частям. А какой элемент играет главную роль во всей надстройке, это объясняется характером базиса в данную эпоху развития общества. К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на то, что в античном мире главную роль в надстройке играла политика, а в средние века — католицизм, что было обусловлено спецификой рабовладельческого и феодального базиса[2]. Классики марксизма не раз заявляли, что в эпоху феодализма из всех элементов феодальной надстройки господствующую роль играла религия, церковь. Богословие подчинило тогда себе все другие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию и т. д. «Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того, что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя»[3].

В буржуазном и особенно в социалистическом обществе главную роль в надстройке и определяющую по отношению к другим её элементам играет политическая часть надстройки (политические взгляды, государство, правящие партии, политика). Правовые, эстетические, этические и др. взгляды, входящие в надстройку, находятся под определяющим влиянием политических взглядов и политики господствующего класса, ею руководствуются и ей служат. Тот факт, что политическая часть надстройки играет главную в ней роль, объясняется тем, что политика в наиболее концентрированном виде выражает экономическое положение и экономические интересы господствующего класса.

Политико-юридическая часть надстройки имеет первостепенное значение для сохранения и укрепления своего базиса и играет роль главного средства для господствующего класса. Это и понятно. Государство и право непосредственно связаны с базисом и прямо выражают господствующие производственные отношения. Из всех надстроечных форм и средств государство обладает наибольшей силой в деле защиты своего

---

[1] История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, стр. 341.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 92.

[3] Там же, т. 8, стр. 128.

базиса. Например, буржуазное государство со всем государственным аппаратом, армией, полицией, жандармерией, судами, правящими партиями и т. д. представляет из себя серьезную материально-людскую силу. Первостепенное значение государства для буржуазии особенно ярко выступает в эпоху империализма, когда классовая борьба пролетариата с буржуазией обостряется, в силу чего вся буржуазная надстройка раздувается и вырастает до огромных размеров, пытаясь спасти капиталистический базис от неизбежной гибели.

В своей работе «Анархизм или социализм?» товарищ Сталин подчеркивал, что если до сих пор прогнивший буржуазный строй всё ещё не разрушен и пока противостоит атакам пролетариата, «то это прежде всего объясняется тем, что его защищает капиталистическое государство, капиталистическое правительство»[1]. Отсюда следует очень важный вывод для практической деятельности марксистской партии и борьбы пролетариата. Чтобы уничтожить буржуазный базис, надо сперва уничтожить политическое господство буржуазии, разрушить её государство и, опираясь на политическую победу, добиваться экономической победы социализма над капитализмом.

Важной составной частью надстройки являются политические, юридические, философские, экономические, художественные, этические и другие взгляды общества. Всё это, вместе взятое, образует идеологическую надстройку, которая в своём развитии находится в решающей зависимости от государства и его политики, а базис влияет на идеологическую надстройку больше косвенно, через посредство политики господствующего класса. Ф. Энгельс в 1890 г. заявлял, что экономика влияет на развитие философии «лишь косвенным образом, между тем как важейшее действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения»[2].

Во избежание возможной путаницы следовало бы все явления надстроечного порядка, порождаемые антагонистическими противоречиями экономических отношений, основанных на эксплуатации человека человеком и борьбой классов, вытекающей отсюда, разграничивать на два рода: надстроечные явления одного рода входят в надстройку данной эпохи, а надстроечные явления другого рода не входят в неё.

В классовом обществе в надстройку входят идеи, взгля-

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 333—334.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 430.

ды и учреждения господствующего класса, а взгляды и организации противоположных ему классов, не переставая быть надстроечными явлениями, не входят в надстройку данной эпохи. Так, русская материалистическая философия XIX века — Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова — и их эстетика, бесспорно явления надстроечного порядка. Они являются продуктом противоречий экономического строя своей эпохи. Но несмотря на это, их взгляды не входили в феодально-дворянскую надстройку, потому что эти взгляды подрывали и ослабляли феодально-крепостнический базис с его надстройкой, выражали стремления и интересы революционного крестьянства. Другой пример. Ленинизм — явление надстроечного порядка. Но эта идеология не входила и не может входить в буржуазную надстройку, потому что она является могучим оружием пролетариата в его борьбе против буржуазного базиса и буржуазной надстройки. То же надо сказать и о любых пролетарских взглядах и учреждениях в условиях капитализма. «Политические, правовые, художественные, философские взгляды, а также организации рабочего класса, его марксистская партия, профсоюзы и др. — явления надстроечного порядка, зарождающиеся в недрах капитализма, но они не входят в буржуазную надстройку, ибо не содействуют оформлению и укреплению капиталистического базиса, а, наоборот, служат делу его уничтожения»[1].

Кто не признаёт деления надстроечных явлений на два указанных выше рода, допускает теоретическую путаницу. Не случайно некоторые литературоведы пришли к неправильной теории, согласно которой стали в буржуазную надстройку включать не только буржуазные взгляды, но и взгляды угнетённых классов. Логическая аргументация сторонников указанной странной теории такова. Базис антагонистического общества противоречив, представляя собою экономические условия жизни эксплуататоров и эксплуатируемых. Отсюда и надстройка над данным базисом тоже противоречива, включая в себя взгляды угнетателей и угнетённых. Получается видимость диалектики, а в действительности вредная путаница. Если согласиться с этой «теорией», то тогда нужно сказать, что буржуазная надстройка одной своей стороной укрепляет буржуазный базис, а другой своей стороной его разрушает. Такое понимание грубо извращает сталинское уче-

[1] «Большевик», М. Каммари, Классическое произведение творческого марксизма, 1952, № 12, стр. 13.

ние о надстройке. Товарищ Сталин надстройкой считает то, что служит своему базису, активно помогает ему оформиться и укрепиться. Если данный элемент надстройки отказывается от этой своей служебной роли, то он теряет качество надстройки и перестаёт быть таковой.

Среди литературоведов ошибочное толкование данного вопроса наиболее ярко выразили А. Еголин и М. К. Добрынин. «Кроме господствующей идеологии в данном обществе, — говорит М. К. Добрынин, — есть также идеология угнетённых классов, которая тоже входит в надстройку, хотя и не укрепляет базис, на котором она возникала»[1].

На страницах журнала «Советская педагогика» в ходе дискуссии по вопросу о воспитании, как общественном явлении, подобное же понимание выразил П. В. Тишков. Точку зрения, согласно которой в надстройку включаются педагогика и школа лишь господствующего класса, Тишков объявляет «недоразумением». Он заявляет: «Все школы, все педагогические взгляды и вся педагогика полностью — все это элемент надстройки. Но как в базисе, так и в надстройке классового антагонистического общества есть прошлое и будущее, старое и новое»[2]. Если согласиться с «диалектикой» П. В. Тишкова, то тогда мы должны включить в социалистическую надстройку и пережитки капитализма в сознании людей, в том числе и религию, что было бы нелепостью.

В своем классическом труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин раскрывает характерные особенности надстройки, её активную роль в развитии общества, закономерности её развития и смены.

Надстройка в целом зависит от базиса, связана непосредственно с ним, как величиной определяющей по отношению к надстройке. Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Любая надстройка, как и базис, носит конкретно-исторический характер. Любая надстройка изменяется в соответствии с изменениями базиса и живёт недолго, столько, сколько существует базис, её породивший.

Если базис порождает свою надстройку, то отсюда следует главная особенность надстройки — её служебная роль по отношению к базису. Основная функция надстройки — это функция активной защиты и укрепления своего базиса. Она не

---

[1] Сборник Вопросы литературоведения в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, АН СССР, 1951, стр. 64.

[2] «Советская педагогика», 1952, № 2, стр. 96.

есть пассивное отражение потребностей, запросов своего базиса.

«Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы.

Иначе и не может быть. Надстройка для того и создаётся базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой. Стоит только отказаться надстройке от этой её служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла своё качество и перестала быть надстройкой»[1].

Следовательно, надстройка не только — следствие развития базиса, но в то же время и одна из причин его развития, оказывающая огромное активное влияние на движение базиса. В диалектически понятом взаимодействии базиса и надстройки базис является **основой** этого взаимодействия и единства, он определяет возникновение, изменения и смену надстройки. Если бы надстройка всё время играла роль следствия, то тогда мы логически не имели бы права признавать за ней роль активной движущей силы. Не диалектический, а механистический материализм признает за надстройкой лишь роль пассивного следствия, отрицая за ней силу обратного воздействия на экономический базис[2].

Надстройка в своих формах и своими средствами защищает свой базис и ведёт активную борьбу с отживающим старым базисом и его надстройкой. На какой почве возникает эта борьба? В любой антагонистической формации есть разные типы производственных отношений, разные классы с их классовыми интересами и взглядами. При одновремённом существовании разных производственных отношений одни из них являются господствующими, образуя экономический базис данного общества, а другие составляют или элементы старого

---

[1] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 7.

[2] «Большевик», 1952, № 10, стр. 17, 18, Мао Цзэ-дун, Относительно противоречия.

базиса, или элементы будущего базиса. В соответствии с этим сложно выглядит и область надстроечных явлений. В этой области кроме надстройки над базисом есть элементы старой и новой будущей надстройки.

В условиях капитализма марксистские идеи, взгляды, а также марксистская партия и другие пролетарские организации составляют элементы будущей социалистической надстройки, с которыми буржуазная надстройка ведёт непримиримую борьбу. И, наоборот, в условиях социализма религия, реакционные идеи космополитизма, расизма, идеализма и т. п. составляют элементы буржуазной надстройки, с которыми социалистическая надстройка ведёт непримиримую борьбу.

По отношению к своему базису надстройка всегда выполняет активную служебную роль. Эту роль надо отличать от той роли, которую надстройка играет по отношению к развитию всего общества и его материальных основ — производительных сил. В этом отношении, как и при изучении любого общественного явления, требуется конкретно исторический подход. Роль надстройки в разные периоды развития данного общества различна, в зависимости от того, какую роль выполняет базис. В эпоху восходящего развития капитализма буржуазный базис содействовал развитию производительных сил, а благодаря этому и буржуазная надстройка выполняла тогда по отношению к развитию общества прогрессивную роль. Другое положение образовалось в эпоху империализма. Буржуазный базис с господством монополистического капитала превратился в величайший тормоз, в оковы для развития производительных сил, что обусловило и реакционный характер буржуазной надстройки империалистической буржуазии.

В условиях общества, разделенного на враждебные классы, развитием производства и базиса «заведует» господствующий класс. Конечно, этот класс создаёт и изменяет соответствующую его бытию и материальным интересам надстройку, призванную служить именно этому классу в ущерб другим классам. Следовательно, надстройка, как мощное орудие в руках господствующего класса, прямо выражает и защищает своими средствами и в своих формах его классовые интересы. Если перед нами буржуазная надстройка, то все её элементы приспособлены к защите буржуазии для эксплуатации и подавления угнетённых масс.

Известно, что буржуазные идеологи, в том числе и правые «социалисты», стараются всегда затушевать классовый ха-

рактер капиталистической надстройки (от государства до философии и морали), чтобы этим затемнить сознание эксплуатируемых масс и затруднить их борьбу с буржуазным строем. Так, сегодня правосоциалистические прислужники империалистов кричат о том, что буржуазные государства США, Англии, Франции являются надклассовыми, что цель этих государств, по выражению теоретика английских лейбористов Г. Ласки, — удовлетворение желаний всех граждан в равной мере. Эти холуи американских империалистов говорят, что государство США стремится не к мировому господству, а к установлению социализма в других странах. И подобная чудовищная ложь в буржуазных странах навязывается сознанию трудящихся масс.

В связи с этим следует иметь в виду, что важнейшим теоретическим и методологическим принципом марксизма является положение о классовом характере надстройки в классовом обществе. В этом свете теоретически и политически вполне обоснована непримиримая борьба марксизма-ленинизма с реакционными буржуазными идеями о «надклассовости» государства и демократии, о «беспартийности» философии и учёных, о «чистом» искусстве, об общечеловеческой морали и т. д. В ответ на эти и им подобные буржуазные идеи В. И. Ленин ответил: «Беспартийность есть идея буржуазная. Партийность есть идея социалистическая»[1].

Классовый характер надстройки особенно ярко выражен в современной буржуазной надстройке. Давно назрела объективная необходимость уничтожения прогнившего капиталистического базиса. И если он до сих пор существует, то только потому, что его защищает вся современная буржуазная надстройка, начиная с буржуазного государства. Характерными чертами современной реакционной буржуазной надстройки являются: фашизация империалистических государств и идеологии; полицейско-террористический режим, господство милитаризма, расизма, шовинизма; усиленно пропагандируется реакционная идеология космополитизма; вся буржуазная идеологическая надстройка (философия, искусство, литература, мораль и др.) носит откровенно растленный и гнусный характер. Чудовищно разбухает вся империалистическая надстройка, происходит небывалый рост армий, разведки, полицейско-чиновничьего аппарата. Достаточно привести только одно сравнение. В США в 1951/52 году на военные цели из-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 61.

расходовано по бюджету средств в 76 раз больше, чем в 1939 г., а на образование ежегодно отпускают в 300—500 раз средств меньше, чем на военные приготовления[1].

Вся деятельность надстройки империалистических стран сегодня направлена на подготовку третьей мировой войны, на чудовищный обман трудящихся масс.

В этой связи необходимо напомнить указание товарища Сталина о том, что для нас большую опасность представляет недооценка факта капиталистического окружения, а в связи с этим недооценка роли и значения буржуазных современных государств и их разведывательных органов. Учитывая это, Советское государство усиливает и будет усиливать мощь СССР во всех отношениях: экономическом, техническом, оборонном, идеологическом и др.

Только насильственная ликвидация капиталистического базиса и буржуазной надстройки в странах капитализма освободит производительные силы от оков буржуазного строя и откроет широкую дорогу для прогрессивного развития современного общества по пути построения социализма во всём мире.

Любая надстройка изменяется в соответствии с развитием и изменением своего базиса, она ликвидируется и исчезает с ликвидацией и исчезновением данного базиса. В этом И. В. Сталин видит одну из существенных особенностей надстройки. Отсюда вытекает важное методологическое указание для марксистов-историков и других учёных, изучающих общественные явления надстроечного характера. Если изменения в надстройке происходят после изменений в базисе, отражая эти изменения, то причины изменений в надстройке, характер, направление и своеобразие форм изменений надстроечных явлений надо искать не в самой надстройке, а в конечном счёте в экономических условиях жизни общества данной эпохи.

Но изменения надстройки — процесс сложный. В ходе своего развития та или иная сторона надстройки стремится к относительной самостоятельности при сохранении общей закономерности — зависимости надстройки от базиса. Каждый элемент надстройки специфичен и по различному выглядит зависимость разных её элементов от базиса. Если государство и право прямо выражают требования базиса и непосредственно с ним связаны, то на идеологическую часть надстройки базис

---

[1] Газета «Правда» за 31 мая 1951 г.

влияет не всегда прямо, а больше косвенно. Это, между прочим, объясняется также и тем, что на развитие идеологической надстройки влияет не только данный базис, но влияют и учения, идеи, взгляды в соответствующей области сознания, выработанные в предшествующий период. Так, Маркс и Энгельс при разработке своей философии — диалектического материализма — критически использовали всё ценное, что было дано в развитии наук и философии в домарксистский период. В частности, они критически использовали «рациональное зерно» диалектики Гегеля и «основное зерно» материализма Фейербаха. Энгельс не раз заявлял, что представители идеологической надстройки своей эпохи (философии, искусства, религии и др.) всегда опираются на идейный материал, созданный при старом базисе и исходят из этого материала. «Философия каждой эпохи, — писал Энгельс, — располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей её предшественниками и из которого она исходит»[1]. То же можно сказать и о научном социализме, как теории, которая критически перерабатывала взгляды Сен Симона, Фурье и др.

В понимании данного вопроса товарищ Сталин прямо примыкает к указаниям Энгельса и Ленина, подчеркивая историческую связь и преемственность в развитии надстроечных форм. Критикуя вульгарную позицию Н. Я. Марра и его нигилистическое отношение к положительным достижениям в языкознании прошлого, И. В. Сталин говорит: «Маркс и Энгельс были куда скромнее: они считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период»[2]. Какой характер носит преемственность в развитии надстроечных форм это зависит от классовой природы новой надстройки.

Вопреки ясным указаниям классиков марксизма-ленинизма о преемственной связи в развитии надстроечных форм, некоторые авторы у нас начинают возрождать пролеткультовско-богдановскую, марристскую позицию в понимании этого вопроса, выдавая её за действительно научный и революционный взгляд. Причём такое нигилистическое отношение к идейно-культурному наследству прошлого этим авторам нужно всегда для того, чтобы аргументировать ненадстроечный характер некоторых общественных явлений. Так, С. М. Шабалов в статье

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 430.
[2] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 34.

«Воспитание как общественное явление» категорически заявляет: «...в строительстве надстроек... нет и не было преемственности»[1]. Некоторые товарищи аргументируют ненадстроечный характер науки также в форме силлогизма: надстройка уничтожается, а наука не уничтожается, она наследуется из поколения в поколение: следовательно, наука не надстройка. Опуская вопрос о специфике науки, требующий глубокого и специального изучения, следует только заметить, что преемственность, историческая связь и последовательность в развитии является характерной особенностью, только в разной степени как надстроечных, так и ненадстроечных явлений духовной жизни, как естественных, так и общественных наук, а не только естествознания. Здесь пока нет речи о преемственности в развитии материальной жизни общества. Это особый вопрос. «Конечно, смена надстроек не исключает известной **преемственности** в их развитии, но при замене одного базиса другим... создаётся **новая** надстройка, соответствующая новому базису»[2].

Как старая надстройка заменяется новой? Общая закономерность в этом отношении такова: при переходе от одного антагонистического общества к другому и при переходе от капитализма к социализму вслед за уничтожением старого базиса в ходе социальной революции уничтожается и старая надстройка, заменяясь новой. Однако при этом надо подходить конкретно исторически, чтобы не впасть в схематизм и вульгаризацию. Уничтожение старой надстройки — процесс относительно длительный и сложный. Разные её элементы уничтожаются не одновременно: одни быстрее, другие медленнее, одни стороны старой надстройки уничтожаются целиком, или почти целиком, другие её элементы, приспособляясь к условиям и требованиям нового базиса, в изменённом виде, в большей или меньшей мере, входят в новую надстройку.

В ходе социальной революции уничтожаются прежде всего главные орудия старой власти: правительство, генералитет, органы разведки, армия, суды и т. п., — такие органы, существование которых представляет собой наибольшую опасность для новых классов, приходящих к власти. К тому же по-разному и с разной степенью глубины уничтожается старая политико-юридическая надстройка в буржуазной и социа-

---

[1] «Советская педагогика», 1951, № 11, стр. 89.

[2] М. Корнеев, Труд И. В. Сталина по языкознанию — ценнейший вклад в марксистско-ленинскую науку, Госполитиздат, 1952, стр. 17.

листической революции. Известно, что К. Маркс еще сто лет тому назад, говоря об отношении буржуазных революций к старому государству, сделал свой гениальный вывод: «Все перевороты усовершенствовали эту машину, вместо того, чтобы сломать её»[1].

Более подробно этот вывод, вместе с В. И. Лениным, обосновывает товарищ Сталин. «Буржуазная революция ограничивается заменой у власти одной эксплуататорской группы другой эксплуататорской группой, ввиду чего она не нуждается в сломе старой государственной машины, тогда как пролетарская революция снимает с власти все и всякие эксплуататорские группы и ставит у власти вождя всех трудящихся и эксплуатируемых, класс пролетариев, ввиду чего она не может обойтись без слома старой государственной машины и замены её новой»[2].

Как видим, при замене одной надстройки эксплуататорского класса надстройкой другого эксплуататорского класса преемственность сохраняется особенно заметно, потому что и надстройка феодальная, и надстройка буржуазная имеют много родственного в своём назначении: быть средством, орудием угнетения масс. Вот почему буржуазия, приходя к власти, широко использует в строительстве своей надстройки формы, опыт, средства феодально-дворянской надстройки и не нуждается в сломе старой государственной машины.

Пролетариат, приходя к власти, строит свою, принципиально новую надстройку, призванную быть главным и решающим средством, орудием по уничтожению всякой эксплуатации. И тут без коренного, решительного слома, уничтожения старой надстройки не обойтись, хотя при этом и не исключается преемственность в развитии.

Таким образом, можно сказать, что в наиболее классической форме старая надстройка уничтожается в социалистической революции. Конечно, и буржуазная революция XVIII в. во Франции тоже ликвидировала старый, т. е., феодальный базис[3] и феодально-дворянскую надстройку (на смену помещикам-дворянам к власти пришла буржуазия, установившая свое государство, право и господство своей идеологии).

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, 1949, т. 1, стр. 292.

[2] И. В. Сталин, Соч., т. 8, стр. 21, 22.

[3] И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 48, 49.

Но при этом нужно видеть коренные различия между буржуазной и социалистической революцией и специфику замены старого базиса новым и старой надстройки новой надстройкой как в той, так и в другой революции.

При рассмотрении процесса уничтожения старой идеологической надстройки и возникновения новой дело обстоит не менее сложно. Ф. Энгельс подчеркивал, что в области идеологии базис не создаёт всё заново, а надстроечный характер некоторых идеологических форм (философии, религии и др.) выражается в том, что новый базис определяет новое направление в развитии идеологии, которое ближе всего соответствует его потребностям. Причем свое влияние на развитие идеологии базис оказывает главным образом через посредство классовой борьбы.

При уничтожении старой надстройки в новую надстройку входят из старой такие элементы, которые могут в преобразованном виде служить новому базису. Приведём пример, ярко подтверждающий такое понимание. Известно, что христианство, как форма религии, возникло и оформилось в период разложения рабовладельческого строя, будучи «плотью от плоти» (Энгельс) греко-римского мира. В эпоху феодализма христианская религия и церковь становятся мощной экономической силой и господствующей идеологической силой, подчинив своей власти политику, философию, право, искусство, мораль. Переход от феодализма к капитализму привёл к тому, что христианская религия, видоизменяясь на буржуазный лад (реформация в Германии, Франции и др.), превратилась даже в мировую религию, став важным элементом буржуазной надстройки. Как видим, эта религия пережила историю трёх базисов, основанных на эксплуатации человека человеком, входя в надстройку трёх базисов, исторически сменявших друг друга. И только Октябрьская социалистическая революция привела к тому, что в СССР религия не входит в социалистическую надстройку, потому что не соответствует социалистическому базису и противоречит ему. Выпав из состава идеологической надстройки, религия еще существует в качестве наиболее вредного пережитка капитализма в сознании части советских людей, в силу отставания сознания людей от развития их общественного бытия.

В. И. Ленин и И. В. Сталин учат, что уничтожение буржуазной надстройки есть сложный процесс борьбы нового со старым. Быстрым и решительным ударом в форме взрыва пролетарская революция в России уничтожила буржуазное

государство, старую юридическую надстройку, заменив буржуазное право новым, советским правом, новой законностью, запретила существование контрреволюционных партий, печати и т. д.

Но в то же время Ленин неустанно подчеркивал задачу критического использования всего ценного, что было создано за всю прошлую историю в области культуры, науки, искусства, организационно-производственного опыта и т. д., отсекая при этом всё вредное и реакционное для дела социализма, преобразуя наследуемое в соответствии с характером и требованиями задач по строительству социализма[1].

Как известно, в первые годы Советской власти выступила левацко-сектантская богдановская группа вульгаризаторов марксизма — «пролеткультовцы», которая требовала голого отбрасывания, «зряшнего отрицания» старой культуры, искусства, литературы на том основании, что всё старое создано в условиях эксплуататорского общества и якобы не соответствует социалистической природе пролетариата. В дальнейшем эту антиленинскую линию отстаивали рапповцы в литературе, Марр и его последователи в языкознании. Товарищ Сталин в своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» нанёс сокрушительный и окончательный удар по этой антиленинской позиции, определив её идейно-теоретическую сущность как «вульгарно-анархический взгляд» на общество и историю его развития.

В свете сказанного понятно, что представители советской философии, науки, искусства, литературы, руководствуясь идеями Ленина и Сталина, широко, но критически используют и дальше развивают богатейшее наследство выдающихся людей русской материалистической философии, передовой русской науки, классического реалистического искусства, литературы. Кстати нужно заметить, что на основе классических работ И. В. Сталина по языкознанию представители советской философии и науки усиленно работают над тем, чтобы конкретнее и точнее раскрыть и понять специфику таких общественных явлений, как, например, культура, наука, и установить, каково в них соотношение надстроечных и ненадстроечных элементов.

В учении товарища Сталина о надстройке выделяется и та специфическая особенность надстройки, что она в отличие,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 51, 52; 56, т. 26, стр. 78, 81, 86, т. 31, стр. 259.

например, от языка, связана с производством не прямо, а косвенно, через посредство базиса. Как следует это понимать? Изменения в производстве сперва преломляются в базисе, вызывая в нём определенные изменения. А происшедшие изменения в базисе в свою очередь получают соответствующее отражение в надстройке.

В связи с этим следует заметить, что излюбленным приёмом вождей II Интернационала, русских меньшевиков и т. п., а ныне — правых «социалистов» является попытка объяснять изменения в надстройке прямо и непосредственно состоянием производительных сил. Это вульгаризация марксизма.

История развития общества убедительно показывала и показывает именно косвенную связь надстройки с производством, подтверждая истину марксизма.

Известно, что развитие производительных сил капитализма обусловило переход от домонополистической его стадии к империализму. Именно изменения в производительных силах вызвали определённые структурные изменения и в буржуазной экономике при сохранении буржуазного типа производственных отношений. Новое в экономике выразилось в установлении господства монополий, что в свою очередь породило соответствующие изменения и в буржуазной надстройке. В. И. Ленин по этому вопросу писал: «Политической надстройкой над новой экономикой, над монополистическим капитализмом... является поворот от демократии к политической реакции. Свободной конкуренции соответствует демократия. Монополии соответствует политическая реакция»[1]. Отсюда для эпохи империализма характерным является то, что монополии подчиняют своей власти буржуазное государство, и в буржуазном государственном аппарате открыто, или завуалированно заправляют ставленники монополистического капитала. Другой пример. Путь социалистической индустриализации СССР означал собою процесс коренных изменений в производстве, по существу, создание новых производительных сил и техническую реконструкцию народного хозяйства, что вызвало коренные изменения в экономическом строе страны. Изменения в производстве привели к победе социалистического базиса в городе и деревне, к победе общественной собственности и ликвидации буржуазной собственности во всех областях народного хозяйства, что в свою очередь получило

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 31.

уже соответствующее отражение, закрепление и оформление в надстройке через принятие Сталинской Конституции.

Надстройка, в свою очередь, также оказывает влияние на производство косвенно, через посредство базиса. Так, Сталинская Конституция явилась результатом победы социалистического базиса в стране. Но новая Конституция оказывает огромное воздействие на базис, её породивший, охраняя и укрепляя силой советских законов общественную собственность, социалистические производственные отношения, а через базис содействует дальнейшему развитию социалистического производства. В этом выражается творческая роль социалистического права, как элемента советской надстройки.

Советская литература, как элемент социалистической надстройки, своими произведениями благотворно влияет на чувства, мысли и поведение советских людей, а через это на производственные отношения (на отношение людей к труду, к общественной собственности, к трудовой дисциплине и т. д.), способствуя своим влиянием более ускоренному развитию производства.

Говоря о связях надстройки с базисом и производством, следует обратить внимание на то, что все элементы надстройки взаимно связаны друг с другом, влияют друг на друга в той или иной степени. При раскрытии взаимосвязи и взаимозависимости внутри надстройки в каждом отдельном случае надо подходить конкретно исторически, выясняя при этом, какой элемент надстройки, с чем и как связан. Общим в этом отношении является зависимость всех форм идеологической надстройки от господствующей политики, от государства, как определяющего элемента во всей надстройке. Внутри надстройки, особенно социалистической, большое влияние на все формы идеологии оказывает марксистско-ленинская философия, как мировоззрение. Общепризнанным является то, что в условиях социализма диалектический и исторический материализм, будучи последовательно научным мировоззрением, оказывает могучее положительное влияние на развитие советской науки, искусства и литературы, на развитие правовых, этических и других взглядов нашего общества.

Для ясности полезно заметить, что понятия «идеологическая надстройка» и «формы общественного сознания» не тождественны. Общественное сознание — предельно широкое понятие, и не вся область общественного сознания охватывается идеологической надстройкой. К формам общественного сознания относятся политические и правовые взгляды, философия

и наука, искусство и литература, религия, мораль. Не все это входит в данную надстройку, а только взгляды господствующего класса, способные служить базису. Это, во-первых. Во-вторых, есть такие формы общественного сознания, которые вообще не составляют элемента надстройки. К таким формам советские философы относят прежде всего науку (совокупность естественных и технических наук), считая надстроечным философские и идеологические основы науки. В отличие от естественных наук общественные науки господствующего класса составляют элемент надстройки своей эпохи.

Некоторые авторы пытаются доказывать, что искусство, подобно науке, как особую форму общественного сознания нельзя отождествлять с надстройкой. В статье, напечатанной в отделе «Дискуссии и обсуждения» журнала «Вопросы философии», ее автор И. А. Масеев формулирует такой вывод:

«...искусство, как и надстройка, является классовым общественным явлением и используется тем или иным классом в качестве орудия классовой борьбы, в том числе используется и надстройкой, **служит надстройке** (если это искусство господствующего класса)»[1]. Короче, вывод И. А. Масеева таков: искусство не надстройка, но оно служит надстройке. Вывод оригинальный, но согласиться с ним нельзя. Искусство и литература — явления надстроечного порядка[2].

* * *

Особо необходимо рассмотреть вопрос о своеобразии возникновения социалистического базиса и надстройки, специфике их развития и о их роли.

До пролетарской революции в недрах буржуазного строя объективно создаются материальные предпосылки социализма и пролетариат, как новая производительная сила. На основе материальных потребностей, порождённых развитием капитализма и экономических условий жизни пролетариата там же возникают элементы будущей социалистической надстройки: марксистские идеи, взгляды (философские, политические, правовые, художественные, этические и др.) и соответствующие им пролетарские организации (политическая организация —

---

[1] «Вопросы философии», 1952, № 2, стр. 230.

[2] Д. И. Чесноков, Марксизм-ленинизм о базисе и надстройке, 1951, стр. 29; академик Г. Ф. Александров, И. В. Сталин о роли надстройки в развитии общества, «Вопросы философии», 1952, № 1.

марксистская партия, экономические организации рабочих — профсоюзы, кооперативы и др.). В ходе пролетарской революции возникают новые, пролетарские политические учреждения — государство, новое право и др. и оформляется новая надстройка как целое.

Назначение марксистских идей и пролетарских организаций принципиально различно **до** Октября и **после** Октября. До пролетарской революции их назначение подрывать, ослаблять и взорвать буржуазный базис и буржуазную надстройку. После пролетарской революции главная их функция творческая, а не разрушительная: создать, построить новое социалистическое общество со своим базисом и надстройкой.

Если раньше в недрах феодализма **сперва** возникли и победили буржуазные производственные отношения, а уж затем на этой основе сложилась буржуазная надстройка, то с возникновением социалистического базиса дело обстоит иначе.

Объективное положение пролетариата как носителя социалистических производственных отношений при капитализме таково, что он, как угнетённый класс, лишён совершенно средств производства. Благодаря данной особенности своего бытия пролетариат, как новый класс, заинтересованный в освобождении производительных сил от оков капиталистического базиса, в недрах капитализма не может заменить буржуазную собственность социалистической.

Вот почему пролетариат приходит к своей революции «...при отсутствии, или почти при отсутствии, готовых форм социалистического уклада»[1].

Отсюда вытекает и специфика пролетарской революции. Основную задачу последней товарищ Сталин видит в том, чтобы построить новую, социалистическую экономику взамен буржуазной. Главным рычагом, орудием, средством в экономическом преобразовании общества является диктатура пролетариата как политическая надстройка. Политическая победа социализма предшествует его экономической победе.

Не противоречит ли это общему объективному закону — базис первичен, а надстройка вторична, базис определяет надстройку? Нет, не противоречит. Если бы диктатура пролетариата возникла без экономических причин, тогда бы противоречило.

В действительности же экономическими причинами для возникновения диктатуры пролетариата явились экономиче-

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 8. стр. 21.

ские противоречия капитализма. До Октябрьской революции в России не было даже зачатков социалистического хозяйства. Несмотря на это Советская власть обязана была построить новую экономику. Это удалось сделать потому, как учит товарищ Сталин, что Советская власть опиралась на экономический закон **обязательного соответствия** производственных отношений характеру производительных сил. Производительные силы страны, особенно в промышленности, имели общественный характер при частно-капиталистической собственности. Учитывая это противоречие, опираясь на закон обязательного соответствия, Советская власть обобществила средства производства, превратила их в собственность всего народа и создала таким путём социалистические формы хозяйства. Отсюда можно сказать, что вторичность надстройки (Советского государства) выражается в том, что Советская власть преобразовывала общество не по своему субъективному произволу, а учитывая экономическое состояние страны, характер экономических противоречий. В соответствии с этим она строила и свою практическую деятельность.

Возникшее Советское государство сразу же закрепляет и оформляет свою политическую победу в революции юридически и вместе с этим кладет начало созданию новой экономической базы. В ходе ломки буржуазных порядков, экспроприации капиталистов и помещиков, уничтожения помещичьей и буржуазной собственности было положено начало ликвидации буржуазного базиса и созданию социалистического базиса. Переходной формой и ступенью к этому был рабочий контроль над производством и распределением.

Сам акт установления диктатуры пролетариата и юридическое выражение и закрепление этого в первых декретах Советской власти представляло собою уже определенное вторжение в старые экономические отношения, подрыв капиталистической системы хозяйства, ломку буржуазного базиса, который лишался мощной политической поддержки, поскольку буржуазное государство было уничтожено в ходе революционного взрыва одним решительным ударом.

Таким образом, возникновение диктатуры пролетариата явилось исходным моментом и необходимым решающим политическим условием для возникновения социалистической экономики. Создание же социалистического сектора в народном хозяйстве, игравшего ведущую роль в его развитии, представляет собою необходимое экономическое условие для существования и укрепления диктатуры пролетариата. Такова взаимо-

связь и взаимообусловленность в возникновении социалистической экономики и социалистического государства. С возникновением социалистического государства возникает и новая хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная функция, свойственная только ему, как государству нового типа.

Между возникновением социалистической экономики и экономической победой социализма лежит целый переходный период. В этом отношении своеобразием пролетарской революции является то, что социализм побеждает сперва политически, а потом экономически.

Такое понимание вытекает из учения Ленина и Сталина о том, что экономическое освобождение пролетариата и всех эксплуатируемых масс достигается через политическую борьбу и политическую победу, что марксистская партия и Советское государство играют роль главного орудия и ведущего начала по отношению к развитию экономики страны, вставшей на путь построения социализма. Но деятельность политической надстройки в этом отношении уходила своими корнями в объективную действительность. Последняя имела в себе реальную возможность построения социализма. Отсюда родившееся Советское государство выступает как социалистическое по своему устремлению, по своей решимости и готовности превратить социализм из возможности в действительность.

«В октябре 1917 года рабочий класс победил капитализм **политически**, установив свою политическую диктатуру... Теперь (говорится о 1925 годе. — **В. С.**) главная задача состоит в том, чтобы развернуть по всей стране строительство нового, социалистического хозяйства и тем добить капитализм также и **экономически**»[1].

Эти указания ясно говорят о том, что, во-первых, политическая победа социализма предшествует его экономической победе; во-вторых, что Советское государство в переходный период являлось социалистическим по своей цели, назначению и классовой природе, а не по характеру экономического строя, который был в тот период переходным строем (многоукладность экономики).

Марксизм учит, что тип государства определяется типом базиса, каков базис, такова и надстройка. Если базис после Октября 1917 г. переходный, то и советская надстройка со-

---

[1] История ВКП(б), Краткий курс, стр. 260. И. В. Сталин, Соч., т. 9, стр. 22.

держала в себе черты переходного периода, отражая в себе специфику и запросы базиса. «Мы часто говорим, что наша республика, — заявлял И. В. Сталин в 1928 году, — является социалистической. Значит ли это, что мы уже осуществили социализм?.. Ясно, что не значит. Имеем ли мы право в таком случае называть нашу республику социалистической? Конечно, имеем. С какой точки зрения? С точки зрения нашей **решимости** и нашей **готовности** осуществить социализм, уничтожить классы и т. д.»[1].

Это значит, что в переходный период советская надстройка выполняла величайшую активную роль в создании социалистического базиса, перестраивая экономику в меру роста и развития производительных сил, преодолевая таким путём несоответствие между старой экономикой страны и передовой надстройкой.

Вообще нужно сказать, что особенностью в соотношении социалистического базиса и надстройки является то, что надстройка, находясь постоянно в определенной зависимости от состояния и структуры базиса и на этой основе строя свою практическую деятельность, в то же время по отношению к развитию базиса выполняет роль ведущей и направляющей силы, руководствуясь при этом правильно познанными объективными законами развития производства и экономики. Но было бы ошибкой, отступлением от принципов материалистического понимания истории, если бы мы сказали, что политика определяет экономику. Несмотря на ведущую и направляющую роль политики, все-таки и при социализме базис определяет надстройку, экономика — политику.

В период построения социализма в нашей стране были ликвидированы буржуазный базис с его надстройкой и построены социалистический базис и социалистическая надстройка.

В 1922 году В. И. Ленин с гениальной прозорливостью заявил: «...из России нэповской будет Россия социалистическая»[2]. Это предвидение блестяще оправдалось. Достижение экономической победы социализма в СССР дало основание В. М. Молотову в 1935 году на седьмом Всесоюзном съезде Советов заявить: «Россия нэповская стала Россией социалистической».

На основе экономической победы социализма изменилось и

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 311, 312.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 405.

Советское государство по своей форме и функциям, превратившись в государство страны победившего социализма с самой демократической Конституцией в мире. По этой Конституции в СССР была установлена демократия для всех, а в переходный период она не могла быть демократией для всех[1].

Это означало, что Советское государство окончательно сложилось, как **социалистическая,** политическая **надстройка,** социалистическая именно по характеру своего базиса. В свете сказанного понятно теоретическое обобщение, сделанное товарищем Сталиным в докладе на XVIII съезде ВКП(б): «Как видите, мы имеем теперь совершенно новое социалистическое государство, не виданное еще в истории и значительно отличающееся по своей форме и функциям от социалистического государства первой фазы»[2].

Следует обратить внимание на слова «совершенно новое социалистическое государство». Это значит, что социалистическое государство второй главной фазы своего развития качественно отличается от социалистического государства первой главной фазы развития. Новое качество в том, что теперь социалистическое государство опирается на социалистический базис, его защищает и развивает, ему служит. Благодаря этому государство изменилось по форме и функциям.

Таким образом, весь переходный период был периодом возникновения, становления и оформления социалистической надстройки в соответствии с ходом экономических изменений. Это длительный процесс развития и борьбы.

«На протяжении последних 30 лет, — говорит товарищ Сталин, — в России был ликвидирован старый, капиталистический базис и построен новый, социалистический базис. Соответственно с этим была ликвидирована надстройка над капиталистическим базисом и создана новая надстройка, соответствующая социалистическому базису»[3].

Следовательно социалистическая надстройка в СССР в **целом** окончательно **сложилась** и оформилась **как новая надстройка** в соответствии с развитием социалистического базиса и на основе его победы. Общая объективная закономерность истории об определяющей роли базиса по отношению к надстройке обязательна и для развития социалистического общества, хотя и проявляется она здесь специфически.

---

[1] И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 11 изд., стр. 30 и 524.
[2] Там же, стр. 606.
[3] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 6.

* * *

Социалистическая надстройка есть надстройка нового и высшего типа, она коренным образом отличается от любой другой в истории прошлого надстройки и ей свойственны свои характерные черты и особенности. Это вытекает из характера социалистического способа производства и общественного строя социализма, в условиях которого отсутствуют антагонизмы классов и общество развивается на основе новых движущих сил: морально-политического единства советского общества, дружбы народов, советского патриотизма, критики и самокритики.

Социалистическая надстройка играет роль могучей, созидательной силы. Только ей присущ в подлинном смысле творческий характер. Если любая надстройка играет активную роль по отношению к своему базису, то это особенно верно в условиях социализма, где гигантски возрастает сила обратного активного воздействия социалистической надстройки на развитие своего базиса и всего производства.

Деятельность любой надстройки эксплуататорского класса ограничена, главным образом, функцией защиты, охраны своего базиса. Антагонистический базис, основанный на эксплуатации человека человеком, порождает неизбежно надстройку, как антинародную силу. В любом классовом обществе до социалистической революции надстройка противостоит народу, сковывает и душит его. Социалистическая надстройка, наоборот, служит всему советскому народу и обслуживает всё общество своими идеями, взглядами, учреждениями и организациями в интересах трудящихся народных масс. В этом высшее назначение Советского государства и партии Ленина—Сталина, марксистской философии и коммунистической морали, социалистического права, искусства, литературы и др. Это значит, что важнейшей чертой социалистической надстройки выступает её народность. Народ—творец истории, ему принадлежат средства производства, ему и служит надстройка социализма. Противоречие между надстройкой и народом преодолевается вместе с гибелью капитализма. А раз так, то социалистическая надстройка не может ограничить свою деятельность только функцией защиты, охраны базиса. Сфера ее действий расширяется. Опираясь на познанные объективные законы развития общества и руководствуясь ими, она сознательно направляет развитие базиса и производства при социализме. В этом специфика ее назначения. Вот почему гигантски возрастает здесь сила обратного воздействия надстройки

на базис. Она усиливает свое воздействие на людей строителей коммунизма (их труд, чувства, поведение, сознание) и тем самым ускоряет развитие базиса и производства в направлении перехода к коммунизму.

В период постепенного перехода от социализма к коммунизму все более повышается организаторская и воспитательная роль великой партии Ленина—Сталина в жизни советского общества и ее ответственность за судьбы коммунизма, как решающей и определяющей силы во всей социалистической надстройке. Этим обстоятельством, в частности, объясняется принятие XIX съездом измененного Устава партии.

В развитии социалистического общества Советское государство выступает в роли **главного орудия**, средства построения коммунизма, а научно обоснованная политика партии является жизненной основой всего советского строя.

Советское государство, исходя из своей специфической и главной — хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функции, планомерно и всесторонне организует и направляет развитие производства, экономики, науки, искусства, — культуры в целом.

Советское государство руководит процессом создания материально-технической базы коммунизма, претворением в жизнь великого плана построения коммунистического общества.

Таким образом, социалистическое государство выполняет особую, новую экономическую роль, направляя развитие экономики и производства. Причем эта новая роль вытекает из того, что Советское государство соединяет в себе политическую власть, политическую надстройку с правом собственности фактически, а не только юридически. Сама же новая роль государства обусловлена социалистическим базисом, господством общественной собственности на средства производства.

Социалистическое государство, руководимое партией Ленина—Сталина, явилось главным орудием ликвидации капиталистического базиса с его надстройкой и построения социалистического базиса с его надстройкой. Созидательная и преобразующая роль нашего государства еще больше будет возрастать и углубляться по мере роста охвата государственным планированием развития всего народного хозяйства.

В связи с этим важно подчеркнуть ту величайшую заслугу товарища Сталина, что он со всей глубиной теоретически обосновал вопрос о необходимости всестороннего укрепления Советского государства. По существу линия на усиление со-

циалистического государства является законом построения социализма и коммунизма. Опираясь на богатейший опыт существования и развития страны Советов, И. В. Сталин создал цельное и законченное учение о социалистическом государстве. В труде «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин говорит о том, что когда победа социализма имеет место только в одной стране, то эта страна должна не ослаблять, а всемерно усиливать свое государство, органы государства, органы разведки, армию, если эта страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением.

Данное указание И. В. Сталина мобилизует нашу партию и советский народ на укрепление всех органов социалистического государства, на укрепление всех элементов и сторон социалистической надстройки.

Особенностью развития социалистической надстройки является непримиримая борьба с проникновением к нам влияния буржуазной идеологии во всех областях жизни (борьба с идеализмом и метафизикой, аполитичностью, объективизмом, формализмом, космополитизмом и т. д.). На первом плане стоит борьба против пережитков капитализма в сознании людей. Задачи построения коммунизма в СССР требуют усиления борьбы с влиянием буржуазной идеологии через внедрение марксизма во все области советской культуры, науки, искусства, литературы.

Марксизм учит, что господствующими идеями в любом обществе являются идеи господствующего класса, составляющие важную сторону его надстройки. В условиях социализма достигнуто морально-политическое единство советского общества. Благодаря этому идеология рабочего класса—марксизм-ленинизм — стала идеологией всего советского народа, хотя господствующей она является в нашей стране с Октябрьской революции.

Марксизм-ленинизм составляет теоретический и идейный фундамент всей социалистической надстройки.

При переходе к коммунизму резко возрастает значение и роль всей нашей идеологической надстройки, призванной служить коммунистическому воспитанию трудящихся. В этот период мобилизующая, организующая и преобразующая роль идей марксизма-ленинизма выступает со всей силой. Партия Ленина—Сталина придает первостепенное значение подъёму всей идеологической работы в стране, направленной на воспитание всех трудящихся СССР в духе ленинизма. Это является необходимым условием построения коммунизма в

СССР. Все мероприятия партии в послевоенные годы (решения ЦК партии по идеологическим вопросам, проведенные дискуссии в области философии, биологии, языкознания, физиологии, политической экономии и др.) направлены на дальнейший подъем идеологической работы в стране. Размах идеологической работы партии Ленина—Сталина исходит из учета той особенности эпохи социализма, что коммунизм создаётся, строится народом не стихийно, а планомерно и сознательно.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза убедительно и всесторонне продемонстрировал огромные преимущества социалистического базиса и социалистической надстройки перед прогнившим буржуазным строем.

В то же время съезд определил конкретные пути и меры по дальнейшему развитию и укреплению базиса и надстройки социалистического общества. Особенно же съезд подчеркнул необходимость дальнейшего подъема всей идеологической работы, как **первостепенной обязанности партии** и преодоления недооценки этой работы, имеющей место в некоторых партийных организациях.

«Мы должны всегда помнить, что всякое ослабление влияния социалистической идеологии означает усиление влияния идеологии буржуазной.

В нашем советском обществе нет и не может быть классовой базы для господства буржуазной идеологии. У нас господствует социалистическая идеология, нерушимую основу которой составляет марксизм-ленинизм. Но у нас еще сохранились остатки буржуазной идеологии, пережитки частнособственнической психологии и морали. Эти пережитки не отмирают сами собой, они очень живучи, могут расти и против них надо вести решительную борьбу. Мы не застрахованы также от проникновения к нам чуждых взглядов, идей и настроений извне, со стороны капиталистических государств, и изнутри, со стороны недобитых партией остатков враждебных советской власти групп. Нельзя забывать, что враги Советского государства пытаются распространять, подогревать и раздувать всяческие нездоровые настроения, идеологически разлагать неустойчивые элементы нашего общества»[1].

Величайшее теоретическое и практическое значение имеет программный труд И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». «В этом труде всесторонне исследова-

---

[1] Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 74.

ны законы общественного производства и распределения материальных благ в социалистическом обществе, определены научные основы развития социалистической экономики, указаны пути постепенного перехода от социализма к коммунизму. Своей разработкой вопросов экономической теории товарищ Сталин продвинул далеко вперед марксистско-ленинскую политическую экономию»[1].

В своем гениальном новом труде И. В. Сталин творчески развил и обогатил учение марксизма-ленинизма о базисе и надстройке, особенно учение о законах возникновения и развития социалистического базиса, его специфики, взаимосвязи базиса и надстройки при социализме и закономерностях перехода от экономики социализма к высшей экономике — экономике коммунизма. Этим трудом товарищ Сталин поднял марксизм-ленинизм, как важный элемент социалистической надстройки, на новую и высшую ее ступень.

* * *

Сталинское учение о базисе и надстройке вооружает теоретически и практически как Коммунистическую партию Советского Союза, так и все братские коммунистические и рабочие партии.

Товарищ Сталин учит советских людей всемерно укреплять, развивать и совершенствовать социалистический базис и социалистическую надстройку, тем самым укреплять и развивать все движущие силы развития нашего общества в период постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Товарищ Сталин учит своевременно и смело вскрывать и преодолевать противоречия в экономической жизни социалистического общества, своевременно подтягивать социалистические производственные отношения к уровню быстро развивающихся производительных сил, с таким расчетом, чтобы производственные отношения, постепенно изменяясь и приспосабливаясь к характеру производительных сил, выполняли бы все время свою роль главного их двигателя.

---

[1] Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), стр. 78.

КОРНЕЙЧИК Т. Д.
кандидат педагогических наук

И. М. СЕЧЕНОВ КАК ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И ВОСПИТАТЕЛЬ СТУДЕНЧЕСТВА

I

В блестящем ряду великих русских естествоиспытателей-материалистов второй половины XIX века одно из первых мест принадлежит И. М. Сеченову (1829—1905).

Его влияние на русскую науку, на совершенствование методов исследования и преподавания было глубоким и благотворным.

Академик И. П. Павлов книгу И. М Сеченова «Рефлексы головного мозга» назвал «гениальным взмахом русской научной мысли». В этой работе И. М. Сеченов выдвинул новаторскую идею распространения понятия рефлекса на деятельность высшего отдела нервной системы, на психическую жизнь человека.

Открытие И. М. Сеченовым центрального нервного торможения и его «Рефлексы головного мозга» рассеяли мистический туман, веками окутывавший высшие проявления нервной деятельности человека, и впервые в истории науки глубоко и серьезно поставили вопрос о материальном субстрате психики. «К чести русского ума, — пишет И. П. Павлов, — нужно сказать, что Сеченов первый начал научное изучение психических явлений».

В последующих своих работах великий русский ученый и философ выступает как воинствующий материалист, сражающийся с идеалистами в физиологии, философии и психологии.

Его научные трактаты—«Элементы мысли», «Впечатление и действительность», «Кому и как разрабатывать психологию?», «Предметная мысль и действительность» — имеют огромное теоретико-познавательное значение.

Психологические работы И. М. Сеченова представляют

исключительный интерес для педагогов и психологов. Вопросы происхождения психики, развитие у детей ощущений, представлений, речи, эмоций, воли, предметного мышления, переход от конкретного мышления к абстрактному были поставлены гениальным ученым в основном правильно и впервые в психологии получили материалистическое освещение. Исходя из материалистического понимания психики, из признания того, что психическое развитие, главным образом, определяется окружающей человека внешней средой, условиями жизни, И. М. Сеченов огромное значение в формировании личности человека придает воспитанию и образованию. Он утверждает, что только «... из реальных встреч ребенка с окружающим материальным миром и складываются все основы его будущего психического развития»[1]. Отсюда вытекает и следующее положение И. М. Сеченова: «В неизмеримом большинстве случаев характер психического содержания на 999/1000 дается воспитанием в обширном смысле слова, и только на 1/1000 зависит от индивидуальности»[2].

И. М. Сеченов правильно определил предмет, методы и задачи материалистической психологии. Ему первому принадлежит честь общего определения сущности мышечных ощущений, которые впоследствии были названы английским физиологом идеалистом Шеррингтоном проприоцептивными ощущениями. С именем этого ученого и связывается изучение всей области мышечной системы как органа чувств, что неправильно и несправедливо.

Научные основы физиологии труда и физиологии высотных полетов также были заложены И. М. Сеченовым. Ему принадлежит ряд ценнейших химических и физико-химических исследований физиологических процессов.

Вся научная, педагогическая и общественная деятельность И. М. Сеченова была глубоко прогрессивной. Она была органически связана с материализмом и общественно-политическими идеями Чернышевского, Добролюбова и других революционных демократов.

Правящие круги царской России, крепостники и либералы всех мастей и оттенков, были напуганы мощным развитием материалистического естествознания и связанного с ним атеизма, были напуганы тем, что материалистические идеи революционизировали сознание и поведение молодежи, главным об-

---

[1] Сеченов И. М., Избранные философские и психологические произведения, 1947, стр. 258.

[2] Сеченов И. М., Избранные труды, 1935, стр. 168.

разом, студенчества, которое с увлечением слушало вдохновенные лекции и изучало труды таких профессоров, как Сеченов, Мечников, Менделеев, Тимирязев. Начался поход против передовой науки. На борьбу с материализмом Чернышевского и Сеченова, на борьбу с дарвинизмом были мобилизованы Кавелин, Юркевич, Страхов, Данилевский и другие представители и защитники официальной лженауки.

Но все эти меры не могли заглушить нараставшего общественно-политического движения масс и связанного с ним развития передовой науки и общественной мысли.

В. И. Ленин в статье «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» писал: «...были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский»[1].

Будучи революционером в науке, И. М. Сеченов всей своей научной и общественно-педагогической деятельностью укреплял позиции немногочисленных тогда революционеров, во главе которых стоял Н. Г. Чернышевский.

И. М. Сеченов был не только великий ученый, но и замечательный педагог-просветитель, несший в массы студенчества и передовой интеллигенции живое слово научной правды, материалистические идеи, прогрессивную общественную мысль.

Мы все еще недостаточно внимательны к славным педагогическим традициям, созданным лучшими деятелями науки: мало изучаем и развиваем замечательные достижения, новаторские приемы и методы великих русских ученых в преподавательском искусстве, в чтении лекций, в постановке и демонстрации лабораторных опытов, в воспитательном влиянии на массы студенчества.

Передовые русские деятели науки были не только великими учеными, создателями новых отраслей научного знания и новых путей в исследовании явлений природы, но и замечательными педагогами-новаторами, часто непревзойденными лекторами, слушать которых стекались студенты всех факультетов и курсов. Они были также истинными воспитателями юношества, настоящими друзьями студентов, их защитника-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, том 17, Огиз, 1948, стр. 96.

ми от произвола правительственных чиновников, учителями и наставниками будущих ученых. Они были просветителями народа в самом высоком и благородном смысле этого слова.

Эта педагогическая и просветительная деятельность русских ученых мало изучается, не анализируется, не обобщается, о ней большинство преподавателей советской высшей школы почти ничего не знает.

Достойно удивления и сожаления, что в наших лучших монографиях и исследованиях, посвященных жизни и творческой деятельности отдельных ученых прошлого и вышедших в последние два-три года, а также в наших учебных пособиях и учебниках по истории педагогики совершенно отсутствуют разделы или главы о вдохновенной и вдохновляющей преподавательской и воспитательской работе ученых, об их педагогических идеях и взглядах.

Изучение преподавательской деятельности великих русских ученых имеет большое научно-педагогическое, образовательное и воспитательное значение. Разработка классического наследства в этой области наряду с изучением лучшего опыта лекционных, семинарских, лабораторных и практических занятий советских преподавателей поможет разрешению наболевших вопросов, связанных с мастерством преподавания в наших вузах.

Прекрасна и поучительна преподавательская деятельность И. М. Сеченова!

Свою научно-педагогическую работу И. М. Сеченов увязывал с требованиями общественно-политической жизни, с практическими задачами освободительного движения. Его высказывания о характере, задачах, содержании, методах и организации работы высшей школы, его лекции, лабораторные занятия, подготовка молодых ученых, его популярные публичные лекции, все это заслуживает самого пристального и глубокого изучения. Всестороннее исследование многогранной и плодотворной педагогической деятельности И. М. Сеченова будет способствовать обогащению дидактики и методики советской высшей школы.

II

По окончании Московского университета и заграничной командировки И. М. Сеченов в 1860 г. получил кафедру физиологии в Петербургской медико-хирургической академии. Молодой ученый развил огромную научно-исследовательскую,

преподавательскую и общественно-педагогическую деятельность.

Лекции И. М. Сеченова в академии для студентов и вне стен академии для широких слоев петербургской интеллигенции вызвали небывалый интерес к вопросам материалистической физиологии и философии и были выдающимся событием в истории русской культуры и науки.

О лекциях И. М. Сеченова, их крупном значении для русских натуралистов и их влиянии на слушателей сохранились восторженные отзывы таких современников его, как И. И. Мечникова и К. А. Тимирязева, которые сами были первоклассными учеными, новаторами в науке и блестящими лекторами.

К. А. Тимирязев так говорит о лекциях И. М. Сеченова: «Те, кому привелось присутствовать на его знаменитой публичной лекции, на которой он в первый раз излагал свои «Рефлексы головного мозга», конечно, помнят, что эта лекция была событием не для одной только медицинской академии, а всколыхнула умы русских натуралистов и далеко за её пределами»[1].

И. И. Мечников в статье «К истории биологии в России» пишет: «...Сеченов занял кафедру в медико-хирургической академии, где вскоре заявил себя не только как первоклассный ученый-экспериментатор, но и как блестящий лектор»[2]. А в «Воспоминаниях о Сеченове» И. И. Мечников так характеризует первый период научной и преподавательской деятельности И. М. Сеченова: «По прошествии короткого времени он заявляет себя выдающейся работой по физиологии (о газах крови) и вскоре возбуждает всеобщее внимание в высшей степени талантливым сочинением «Рефлексы головного мозга»... Повсюду в России заговорили о Сеченове... Идеи Сеченова, высказанные им в этом сочинении, не замедлили войти в плоть и кровь молодого поколения... Известность Сеченова среди молодежи еще более увеличилась вследствие распространившихся слухов о том, что он изображен в виде одного из героев романа Чернышевского «Что делать?» — Кирсанова. После этого Сеченов сразу был признан «новым» человеком, первообразом, которому нужно было следовать во всем. Аудитория его наполнялась многочисленными слушателями, в число которых попало и несколько жен-

---

[1] Тимирязев К. А., Сочинения, т. VIII, 1939, стр 165.

[2] Мечников И. И., Страницы воспоминаний, изд. Академии наук СССР, 1946, стр. 10.

щин (из первых, получивших высшее образование), все они жадно ловили каждое слово, выходящее из уст любимого профессора»[1].

Любимый профессор студенчества был близок к самым передовым людям шестидесятых годов, к лагерю революционных демократов, во главе которого стоял Н. Г. Чернышевский и с которым И. М. Сеченов был лично знаком.

Десять лет проработал в медико-хирургической академии И. М. Сеченов, создавая новую, материалистическую физиологию, привлекая на свои лекции огромные массы студентов, а в свою лабораторию — преданных учеников и последователей. Он высоко поднял культуру исследовательской и педагогической работы в академии.

Имя великого физиолога было дорого для студенчества, для русской науки, для той русской культуры, которую создавали Чернышевский и другие предшественники русской социал-демократии. Но это же имя было ненавистно господствующим классам, представителям мракобесия и официальной лженауки и вызывало у них злобу и страх.

Под особое подозрение и наблюдение царской охранки подпадает научно-педагогическая деятельность И. М. Сеченова после покушения в 1866 году Каракозова на жизнь царя. «Рефлексы головного мозга» министр внутренних дел Валуев включил в список книг, исходящих из «той общественной литературной среды, в которой способна получить развитие мысль о цареубийстве».

А когда И. М. Сеченов после ухода из медико-хирургической академии был избран профессором физиологии Новороссийского университета, товарищ министра народного просвещения Делянов писал попечителю Одесского учебного округа: «... г. Сеченов имеет репутацию отъявленного материалиста, который старается проводить материализм не только в науку, но и в самую жизнь... вменяю себе в обязанность обратить внимание вашего превосходительства на вышеозначенную сторону репутации г. Сеченова и покорнейше прошу вас сообщить мне: можете ли вы иметь уверенность, что преподавание г. Сеченова в Новороссийском университете и близкие его отношения к юношеству не будут иметь вредные последствия на его нравственное развитие и не повлияют ли вредным образом на спокойствие в университете»[2].

---

[1] Мечников И. И., Страницы воспоминаний, изд. Академии наук СССР, 1946, стр. 46—47.

[2] Князев Г. А. и Князева М. Ф., И. М. Сеченов и Академия наук, «Труды института истории науки и техники», серия 1, выпуск 7, стр. 408.

Царский сатрап был напуган тем влиянием, какое оказывал своими лекциями, своими материалистическими идеями великий русский ученый на юношество, на его «нравственное развитие».

Сила Сеченова заключалась в силе его передового общественно-политического мировоззрения, в силе его материалистических научно-философских взглядов, в силе его высокого морального облика, отражавшего лучшие черты русского народа.

И. М. Сеченов, своими гениальными открытиями высоко поднявший знамя русской науки, был одновременно и наиболее ярким представителем новых методов преподавания в высшей школе, настоящим другом, идейным учителем и воспитателем студенчества.

Все это не могло нравиться министерству народного просвещения, видевшему не без основания в Сеченове идейного врага всей своей реакционной политики в области высшего образования. Не нравилась деятельность И. М. Сеченова и реакционной профессуре медико-хирургической академии, в которой «партия хороших профессоров» (выражение Чернышевского) к концу 60-х годов уменьшилась.

И. М. Сеченов открыто боролся с царившей в академии семейственностью и кумовством, благодаря которым на кафедры попадали профессора, не имевшие особых заслуг перед наукой, или молодые люди, только что окончившие профессорский пансион при академии, ничем пока себя не проявившие. Когда в академии освободились кафедры зоологии и гистологии, на первую из них И. М. Сеченов, в интересах развития науки и славы академии, выдвинул кандидатуру И. И. Мечникова.

Враждебной И. М. Сеченову частью профессуры кандидатура И. И. Мечникова была забаллотирована. И. М. Сеченов тяжело переживал этот позорный случай в истории медико-хирургической академии.

В письме к И. И. Мечникову И. М. Сеченов, оскорбленный до глубины души недостойным поведением большинства членов совета академии, писал: «... все еще не могу притти в себя от чувства негодования и омерзения, которое вызвала во мне вчерашняя процедура Вашего неизбрания...

Верьте мне или не верьте, но вслед за этой подлой комедией меня взяло одну минуту такое омерзение и горе, что я заплакал. Хорошо, что я успел во-время закрыть лицо, чтобы не доставить удовольствия окружающим меня лакеям... Про-

стите же меня еще раз, что я позволил себе ошибиться, как ребенок, насчет моральных свойств большинства моих почтенных товарищей, но вместе с тем посмотрите, в какую помойную яму попали бы Вы, будучи избраны...»[1].

Глубоко принципиальный ученый, никогда и ни перед кем не поступавшийся своими убеждениями, И. М. Сеченов ушел из академии. Его избрали профессором физиологии Новороссийского (Одесского) университета, но министр народного просвещения его избрание долгое время не утверждал.

После ряда сложных хлопот и ходатайств, о которых не всегда знал Сеченов, он был, наконец, утвержден профессором физиологии Новороссийского университета, где и проработал почти шесть лет (1871—1876 гг.).

В Одессе работала группа замечательных русских ученых: ботаник и микробиолог Л. С. Ценковский, биологи И. И. Мечников и А. О. Ковалевский, физик Н. А. Умов.

Это были передовые ученые, прекрасные педагоги, любимые студенчеством профессора, вносившие живую струю чистого воздуха в затхлую атмосферу казенного режима университетской жизни.

Реакционная профессура была настроена враждебно по отношению к свободомыслящим ученым и всячески старалась избавиться от них.

Борьба за науку, за новые методы преподавания, за дружеское отношение к студентам, за влияние передовых идей на молодежь продолжалась в течение всех лет работы Сеченова, Мечникова, Ковалевского, Умова в Новороссийском университете.

Вскоре после приезда в Одессу И. М. Сеченова в университете начались студенческие волнения. Поводом к ним было грубое обращение со студентами реакционного профессора истории славянского законодательства Богишича. Студенты перестали ходить на лекции Богишича, потребовав его удаления из университета.

«За это-то великое преступление, — пишет И. М. Сеченов, —и закрыли университет на все время суда над бунтовщиками, что продолжалось три недели».

Главных зачинщиков «бунта» — студентов Желябова (будущего известного революционера) и Белкина — исключили из университета.

Влияние И. М. Сеченова на студентов было огромное. Сам

[1] «Борьба за науку в царской России», под ред. С. Штрайха, Соцэкгиз, М., 1931, стр. 53—55.

он в «Автобиографических записках» о первых годах своей жизни в Одессе заявляет в явно ироническом тоне: «... вел я себя смирно: не совратил с пути за два года ни единого студента, не вызвал ни единого бунта, не строил баррикад...»[1].

Баррикад И. М. Сеченов в Одессе не строил, но сразу же после приезда начал чтение публичных лекций и лекций для студентов, вкладывая в них свои обширные знания, талант и страсть блестящего лектора, пропагандируя передовую науку, материалистические идеи, «совратившие», надо думать, не одного студента Новороссийского университета.

На публичные лекции И. М. Сеченова, как и в Петербурге, стекалось огромное количество народа. Успех лекций Сеченова реакционные профессора стремились всячески умалить.

Рассказывая о трудностях, которые нужно было преодолеть новаторам науки, пролагавшим, по образному выражению академика Н. Д. Зелинского, «пути к будущему сквозь безвременье царской России», И. М. Сеченов сообщает характерный случай из истории борьбы за дарвинизм в Новороссийском университете. Молодой священник, читавший богословие студентам, решил «следить за преподаванием наук в университете, насколько оно соответствует православию. С такими мыслями в голове, — продолжает Сеченов, — он, конечно, не преминул посетить вступительную лекцию нового профессора А. О. Ковалевского, для ознакомления с его образом мыслей. К вящшему его смущению новый профессор оказался на лекции еретиком — завзятым дарвинистом. Батюшка... встал на дыбы и, по словам профессора Богдановского, замышлял послать министру громовое донесение на лектора и его учение...»[2].

В таких условиях наступления реакции и поповщины на науку передовые ученые, воодушевленные идеей бескорыстного служения науке и народу, еще теснее сомкнули свои ряды.

И. М. Сеченов, И. И. Мечников, А. О. Ковалевский, Н. А. Умов представляли в университете кружок боевых деятелей науки, боровшихся с реакцией и мракобесием в науке, с ее фальсификацией и вульгаризацией, где бы они ни проявлялись, боровшихся за торжество материализма в науке, за победу прогрессивных идей в общественной жизни. Не-

---

[1] Сеченов И. М., Автобиографические записки, изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 138.

[2] Там же, стр. 137.

даром Делянов так боялся Сеченова, «который, по его словам, старается проводить материализм не только в науку, но и в самую жизнь». Недаром найденная в архивах одесского генерал-губернатора политическая характеристика Мечникова гласит: «Человек крайних убеждений, невозможный ни в каком учебном заведении».

А ведь ни Сеченов, ни Мечников не были революционерами в политическом смысле этого слова. Но, будучи революционерами в науке, последовательными и убежденными материалистами, они своими лекциями революционизировали сознание студентов, что порождало страх и злобу у царских чиновников и реакционных профессоров.

Люди большой культуры, разносторонних знаний — Сеченов, Мечников, Ковалевский, Умов — любили художественную литературу, музыку, живопись, театр, посещали музеи и картинные галереи, и сами творчески были причастны к искусству. «Могучую кучку» одесских натуралистов объединяли и роднили также любовь к детям, интерес к педагогическим течениям, к воспитательным проблемам, к вопросам дидактики высшей школы.

Они внесли огромный вклад в теорию и практику преподавания естественных наук в высшей школе. Сеченов, Мечников, Ковалевский и Умов, работая в созданных ими лабораториях, учили студентов постановке классически точных и изящных экспериментов, прививали у молодежи любовь к науке, к черновой работе в области исследования явлений и законов природы.

В созданной трудами И. М. Сеченова лаборатории началась систематическая работа по изучению газов крови. В одесской лаборатории, как и в петербургской, царила атмосфера дружбы, взаимного понимания и уважения между Сеченовым, с одной стороны, и его помощниками и учениками, с другой. И. М. Сеченов был прекрасным организатором и тактичным руководителем лабораторных занятий. В лаборатории Сеченова было полезно и приятно работать. И. М. Сеченов не представлял себе научной и преподавательской работы без лаборатории и экспериментов. И. И. Мечников вспоминает: «Когда речь заходила о Сеченове и кто-нибудь спрашивал, где его можно найти, то обыкновенно следовал ответ: «Идите в его лабораторию, он там качает»[1]. Он в совершен-

[1] Мечников И. И., Страницы воспоминаний, изд. Академии наук СССР, 1946, стр. 56—57.

стве владел экспериментальной техникой и, по словам А. Ф. Самойлова, был мастером и виртуозом своего дела.

В одесский период жизни И. М. Сеченов написал ряд блестящих статей по психологии, направленных преимущественно против Кавелина, разоблачив в них идеализм типичного либерала семидесятых годов XIX века. И. М. Сеченов доказал всю несостоятельность и ложность основных положений умозрительной, спекулятивной психологии и развил естественнонаучные, материалистические положения в их приложении к психологии. Полемические статьи Сеченова по психологии имели большое общественно-политическое значение: они укрепляли лагерь революционных демократов и способствовали распространению материалистических идей.

Этой же задаче пропаганды материализма служили и переводы на русский язык произведений Ч. Дарвина, в редактировании которых деятельное участие принимал И. М. Сеченов.

Как ни продуктивна была научно-преподавательская, писательская, пропагандистская и общественная работа И. М. Сеченова в Одессе, все же его тянуло в Петербург, где возможности исследовательской и педагогической работы были шире. В Новороссийском университете медицинского факультета не было, студентов-естественников было мало, вследствие чего Сеченов не мог создать своей школы учеников.

III

Петербургский университет, в котором И. М. Сеченов в 1876 году получил кафедру физиологии, блистал тогда такими именами, как П. Л. Чебышев, Д. И. Менделеев, А. М. Бутлеров, А. Н. Бекетов. В петербургских высших учебных заведениях продолжали работать С. П. Боткин, А. П. Бородин. И. М. Сеченов сразу же очутился в кругу близких людей, таких же, как и он энтузиастов, идейных служителей науки.

Начавшиеся гонения на студенчество, административно-политические меры, запрещавшие студентам, замешанным в беспорядках, поступать на службу, вызвали со стороны профессуры протест.

Это было время, о котором В. И. Ленин писал: «Росли силы демократии и социализма — сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников...»[1].

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 17, Огиз, 1948, стр. 97.

В этой интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников принимали участие лучшие студенты. Н. Е. Введенский, студент Петербургского университета, будущий ученик И. М. Сеченова, ставший впоследствии знаменитым русским физиологом, арестованный по «процессу 193», более трех лет просидел в тюрьме.

В эти годы в Петербурге, особенно в университетских кварталах города, по воспоминаниям Сеченова, улицы кишели «гороховыми пальто» для наблюдения за обывателями вне домов, а внутри домов жильцы были отданы под присмотр дворников и прислуги.

И. М. Сеченов в петербургский период жизни отдает все свои силы дальнейшему развитию русской физиологии, пропаганде через кафедру и литературные работы материалистических идей и подготовке целой школы выдающихся представителей отечественной физиологии.

С любовью и уважением вспоминает И. М. Сеченов Бестужевские женские курсы, где он состоял преподавателем в течение ряда лет. Его педагогическая деятельность на курсах была весьма плодотворной.

В петербургской лаборатории И. М. Сеченов работал очень удачно и качественно сделал в сущности больше, чем в какой-либо из прежних лабораторий.

Но Сеченову мешали спокойно работать в лаборатории. Толстой, Делянов, вместе с известным мракобесом Катковым, подготавливали новый университетский устав, который был направлен против передовой профессуры и студенчества, против свободы преподавания и научного исследования.

И. М. Сеченов пишет большую статью о научной деятельности русских университетов за последние двадцать пять лет, в которой на основании анализа многочисленных фактов доказывает, что только при разумном автономном университетском строе, при условии сочетания преподавательской деятельности с научно-исследовательской возможны дальнейшее развитие и расцвет настоящей науки.

Царское правительство продолжает преследовать Сеченова, его не избирают членом Академии наук, не утверждают в звании заслуженного профессора университета, хотя он прослужил более 25 лет в должности преподавателя высшей школы. Его исследовательскую работу пытаются не признавать.

В 1888 году И. М. Сеченов оставляет Петербургский университет. Через год он переезжает в Москву.

В 1889 году И. М. Сеченов — приват-доцент кафедры физиологии Московского университета. Его лекции по физиологии центральной нервной системы привлекали огромное количество слушателей, но курс был «приватный», частный, не обязательный.

Одновременно И. М. Сеченов начал читать публичные лекции для врачей, на которые шли и педагоги, инженеры, различные слои передовой интеллигенции, желавшие услышать живое и правдивое научное слово великого русского ученого. В одном из своих писем жене Сеченов сообщает, что на его лекции были известные московские профессора: А. Г. Столетов, Браунг и Грот. В другом письме Сеченов пишет жене: «Лекциями моими публика должно быть довольна, потому что до сих пор желающих слушать было больше, чем мест...» Желающих попасть на лекцию Сеченова всегда было очень много. Это было показателем не только огромного авторитета передового русского ученого, но и показателем того интереса к материалистической физиологии центральной нервной системы, который проявляли широкие слои русской интеллигенции.

В 1891 году он получил кафедру физиологии в Московском университете. «Сознание, что на этом месте я могу принести медицинскому факультету больше пользы, чем приват-доцентством без рабочего угла, заставило меня принять предложение, и в последовавшие затем десять лет профессорства (1891—1901 гг.) не было повода раскаиваться в этом решении»[1].

В Москве И. М. Сеченов близко сходится с группой передовых ученых, представителей материалистической науки: А. Г. Столетовым, К. А. Тимирязевым, М. А. Мензбиром, Н. А. Умовым, вернувшимся из Одессы, и др. Он безвозмездно занимается на женских курсах, организованных Московским обществом воспитательниц и учительниц.

В 1894 году за участие в студенческих волнениях из Москвы были высланы многие студенты. Сеченов, Мензбир, Стороженко и другие профессора выступили в защиту высланных, за что и попали в список политически неблагонадежных.

Всю жизнь И. М. Сеченов был на стороне передовой молодежи, на страже ее научных и общественных интересов. Он смело боролся за право студентов на самостоятельное, твор-

[1] Сеченов И. М., Автобиографические записки, изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 165—166.

ческое и критическое отношение к явлениям общественной жизни, за право и долг молодежи честно и бескорыстно служить интересам и нуждам народа. И. М. Сеченов обрушивается на вожаков медицинского факультета Московского университета, которые деморализовали часть наименее устойчивого студенчества своим стяжательством, погоней за крупными доходами, постройкой домов. «Все здешние медицинские светила, — пишет Сеченов Мечникову, — понастроили себе дома в сотни тысяч и страшно деморализуют учащуюся молодежь». И. М. Сеченов ставит перед собой боевую задачу — отвоевать у спекулянтов от науки, позорящих почетное и благородное звание ученого, молодежь: «авось на старости лет удастся образовать хоть маленькое здоровое ядро»[1].

Но ему удалось в Москве, как и в Петербурге, образовать не только ядро, но целую школу, из которой вышло немало замечательных деятелей русской передовой науки. Из московской лаборатории И. М. Сеченова вышел М. Н. Шатерников, развивший дальше идеи своего учителя по физиологии труда и физиологии питания и создавший свою школу учеников; в Москве под влиянием И. М. Сеченова формировались научные взгляды и приобретались навыки и умение блестящего экспериментатора, виднейшего русского ученого, обогатившего своими исследованиями физиологию нервно-мышечной системы, А. Ф. Самойлова.

Влияние И. М. Сеченова не ограничивалось и созданием школы ученых. За ним шли целые поколения молодежи. Об этом прекрасно говорит М. Н. Шатерников. В 1891 году, получив кафедру физиологии в Московском университете, И. М. Сеченов приступил к чтению лекций медикам. Вот как описывает М. Н. Шатерников первую лекцию знаменитого ученого: «С понятным нетерпением ожидали студенты-медики 2-го курса, в числе коих находился и пишущий эти строки, первой лекции С. (Сеченова) и вместе со студентами-естественниками собрались на нее в громадном количестве. Все места в аудитории были заняты, заняты были и все проходы, до прохода к кафедре включительно. По мере приближения времени выхода в аудиторию профессора волнение слушателей росло, и, наконец, когда в дверях аудитории показался И. (Иван) М. (Михайлович), разразился гром аплодисментов, не смолкавший все время, пока И. М. своей особенной, какой-то скромной и благородной походкой, наклонив голову, проби-

[1] «Борьба за науку в царской России», 1931, письмо № 3, стр. 114.

рался сквозь толпу слушателей к кафедре. Волнение слушателей, видимо, передалось и профессору. Не поднимая головы, дрогнувшим голосом, он начал... Голос профессора окреп, приняв свой обычный металлический, звенящий характер, полились чеканные фразы его речи, и он с увлечением, блестя своими замечательными глазами, столь хорошо отражавшими его высокую и чистую душу, повел за собой еще одно молодое поколение»[1].

Именно повел за собой еще одно поколение студентов. Поэтому заявление И. М. Сеченова в письме к И. И. Мечникову: «Хотелось бы спасти от такой деморализации хоть несколько единиц» (студентов) можно объяснить скромностью ученого и недооценкой той роли, какую он играл в воспитании молодежи. Влиянию дельцов и спекулянтов от медицины И. М. Сеченов противопоставил влияние великой правды разрабатываемой им науки, освещавшей светом истины самые темные и запутанные идеалистами стороны жизни человеческого организма. Стяжателям и корыстолюбцам противостоит светлый образ ученого высокой моральной чистоты, красоты, бескорыстья и глубокой преданности науке и общественным идеям демократов—просветителей шестидесятых годов. В своих лекциях, на заседаниях советов факультета и университета И. М. Сеченов открыто боролся с лжеучеными, разоблачая низменную подоплеку их реакционных взглядов и поступков.

Неподкупный голос одного из величайших ученых мира раздавался с кафедры Московского университета в течение десяти лет. Голос этот был слышен далеко за пределами Москвы. Имя создателя русской физиологической школы стало знаменем всего передового и смелого в исследовании природы, что разрушает старые научные догмы и прокладывает новые пути в науке. Гениальный продолжатель дела И. М. Сеченова И. П. Павлов назвал сеченовскую идею о материальной сущности психики научным рычагом, направляющим огромную современную работу над головным мозгом.

Последние годы своей жизни И. М. Сеченов хотел посвятить пропаганде достижений физиологии среди рабочих, учившихся на Пречистенских вечерних курсах. С энтузиазмом 74-летний ученый начал читать лекции рабочей аудитории, которая производила на него самое отрадное впечатление своим вниманием и явным пониманием читаемого. Но правительство,

---

[1] Сеченов И. М., Избранные труды, стр. 23.

попрежнему боявшееся революционной науки Сеченова, запретило ему читать лекции рабочим.

Так закончилась более чем сорокалетняя преподавательская деятельность И. М. Сеченова.

Умер И. М. Сеченов в 1905 году.

IV

В. И. Ленин говорит о трёх этапах освободительного движения в России — дворянском, примерно с 1825 по 1861 год, разночинском, или буржуазно-демократическом, приблизительно с 1861 по 1895 год, и пролетарском, с 1895 по настоящее время[1].

Расцвет научно-исследовательской, преподавательской и общественно-педагогической деятельности И. М. Сеченова падает на период разночинского, или буржуазно-демократического освободительного движения, вызванного падением крепостного права и характеризуемого выходом на сцену разночинца, «как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности»[2].

Освободительное движение шестидесятых годов XIX столетия и материалистическая философия революционных демократов повлияли на выработку общественно-политических, научных и педагогических взглядов И. М. Сеченова и определили жизненный путь гениального физиолога-материалиста.

О роли освободительного движения в судьбе великих русских ученых, как всегда, ярко и образно говорит К. А. Тимирязев:

«Не пробудись наше общество вообще к новой кипучей деятельности, может быть, Менделеев и Ценковский скоротали бы свой век учителями в Симферополе и Ярославле, правовед Ковалевский был бы прокурором, а сапер Сеченов рыл бы траншеи по всем правилам своего искусства»[3].

Но русское освободительное движение, возглавлявшееся революционными демократами, спасло для России и всего человечества гениальных создателей материалистической науки о природе, непревзойденных мастеров лекционно-преподавательского и практически-лабораторного искусства.

---

[1] В. И. Ленин, Из прошлого рабочей печати, Соч., изд. 4, т. 20, стр. 223.

[2] Там же, стр. 224.

[3] Тимирязев К. А., Соч., т. VIII, 1939, стр. 144.

Педагогические взгляды революционных демократов, а также взгляды и педагогическая деятельность К. Д. Ушинского, Н. И. Пирогова, Л. Н. Толстого, борьба за народную школу, дискуссии о среднем и высшем образовании, — все это интересовало, увлекало великих русских ученых и находило деловой, творческий отклик в их научно-преподавательской и литературно-педагогической деятельности.

В борьбе прогрессивных и революционных сил с реакцией и мракобесием царского правительства в области просвещения, педагогики и университетского образования И. М. Сеченов, как и его друзья — И. И. Мечников, Д. И. Менделеев, К. А. Тимирязев, Н. А. Умов, А. Г. Столетов, А. О. Ковалевский — принимал активное участие на стороне прогрессивных сил.

Совершенно естественно, что великих русских ученых особенно волновали вопросы высшего образования.

Русским университетам и состоянию научно-исследовательской и преподавательской работы в них посвятили свои статьи: Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, И. И. Мечников, К. А. Тимирязев, А. Г. Столетов.

Борьба за передовую науку, за свободу исследования и свободу преподавания в высшей школе шла не только в печати, где по цензурным условиям она была ограничена и затушевана, но и непосредственно в жизни, на заседаниях ученых советов университетов, факультетов, в студенческих аудиториях, в работе научных и педагогических обществ, в выступлениях на собраниях, в письмах, прокламациях и нелегальных заграничных изданиях Герцена.

Университетский устав 1863 года, предоставлявший некоторую автономию университетам, ученые советы которых могли избирать ректора, проректора, деканов, профессоров (по конкурсу), уже к концу 60-х гг. подвергся ограничениям, а в начале 70-х гг. министр народного просвещения Д. А. Толстой решил внести в него существенные изменения, сводившие на нет имевшиеся в нем элементы автономии. По существу был уже подготовлен новый, реакционный устав, узаконенный позже, в 1884 году. После утверждения нового университетского устава борьба передовых русских ученых за свободную университетскую науку не прекращалась.

В этой борьбе за материалистическую науку, за новые методы исследования, за педагогическое и методическое новаторство в высшей школе, за повышение уровня университет-

ского образования видное и почетное место занимает И. М. Сеченов, имя которого, как и имена Д. И. Менделеева, К. А. Тимирязева, И. П. Павлова и других великих русских ученых, должно по праву войти в историю русской педагогики.

С первых шагов своей профессорской деятельности в Петербургской медико-хирургической академии И. М. Сеченов проявляет большую заботу о повышении общефилософского, научного и педагогического уровня преподавания в ней.

Стремление молодого ученого поднять на должную высоту преподавание физиологии увенчалось блистательными успехами. Лекции его были образцовыми как по глубокой научности и новому содержанию, так и по композиции и дидактическому оформлению их. Они тогда же были опубликованы в «Военно-медицинском журнале» и сыграли, по словам Х. Коштоянца, исключительную роль в научном воспитании не только студентов академии, но и широких кругов интеллигенции за пределами её. Лекции по животному магнетизму И. М. Сеченов сопровождал остроумными, но вместе с тем простыми и изящными опытами.

Своими замечательными лекциями и лабораторно-экспериментальными работами И. М. Сеченов высоко поднял научный престиж медико-хирургической академии. Ему больно было видеть, как реакционное большинство профессуры снижало требования к научно-исследовательской и педагогической работе в академии, приглашая на ее кафедры людей не по научным их заслугам и педагогическим качествам, а потому только, что они были воспитанниками профессорского пансиона при академии или близкими друзьями и знакомыми отдельных профессоров-реакционеров.

Когда И. И. Мечников, как было сказано выше, выдвинутый И. М. Сеченовым профессором на кафедру зоологии, не был избран советом академии, великий физиолог с горечью писал своему другу, великому эмбриологу:

«...**в академии я не останусь** — это положительно, потому что быть хотя и невольным участником в процессе погружения ее в болото не имею ни малейшей охоты... Нужно ли говорить, что Ваше письмо было для меня действительной отрадой при моем теперешнем душевном мраке? Поверьте честному слову, что оно освежило и ободрило меня...»[1].

Поддерживая и ободряя друг друга, И. М. Сеченов и

---

[1] «Борьба за науку в царской России», М., 1931, стр. 55.

И. И. Мечников, вместе с К. А. Умовым и А. О. Ковалевским, продолжали высоко держать знамя передовой материалистической науки и свободного творческого преподавания и в Новороссийском университете.

Там, как и в других русских высших школах того времени, образовалось два лагеря — лагерь прогрессивных деятелей науки, лучших профессоров и воспитателей студенчества, во главе которого стояли И. М. Сеченов и И. И. Мечников, и лагерь реакционеров, мракобесов, ремесленников от науки, царских чиновников, снижавших научный уровень преподавания в университете; к этому лагерю в Одессе принадлежал печальной памяти профессор Цитович, применявший самые гнусные, грязно-клеветнические приемы борьбы с передовыми учеными-материалистами.

Борьба между двумя лагерями шла постоянная и напряженная, достигая в периоды студенческих волнений особо острых форм.

Для характеристики некоторых форм борьбы с реакционерами представляет большой интерес следующее письмо И. М. Сеченова к И. И. Мечникову от 3 мая 1873 года:

«Ради самого создателя берегите себя, милый, дорогой Илья Ильич. Поверьте слову, что от вашей деятельности в университете будет зависеть уже не процветание здешнего естественного факультета, а спасение его: теперешние руководители так и тянут университет в сторону уездного училища, а я, по сущности своей природы, сделать против этого ничего не могу, тогда как у вас в руках есть страшное средство обуздать гадин — насмешка. Умоляю вас еще раз быть благоразумным и беречь себя»[1].

Беречь себя для науки, для борьбы за университет, за естественные науки, для борьбы с гадинами, тянувшими университет в сторону уездного училища.

Усилиями И. М. Сеченова, И. И. Мечникова, А. О. Ковалевского, Н. А. Умова, ученых мирового значения, Новороссийский университет прославился как один из демократических русских научных центров, где были высоко подняты естественные науки и куда стекалась молодежь из самых отдаленных уголков России.

Из Новороссийского университета тех лет вышла целая плеяда замечательных русских ученых, доживших до советского времени: профессор химии академик Зелинский, бактериолог

---

[1] «Борьба за науку в царской России», М., 1931.

почетный академик Гамалея, первый президент Украинской Академии наук Заболотный, геолог академик Андрусов и некоторые другие.

В 1883 году И. М. Сеченов, узнав о вынужденном уходе И. И. Мечникова из Новороссийского университета, пишет последнему из Петербурга: «Я уже слышал от Дювернуа о Вашем намерении оставить университет; нахожу его, конечно, совершенно естественным и естественно же проклинаю те условия, которые делают заштатным такого человека, как Вы»[1].

Но И. М. Сеченов не только проклинал условия, которые заставили уйти из университета ученого с мировым именем, но активно боролся с этими ненормальными условиями, созданными всем буржуазно-крепостническим строем России.

Он выступает против изгнания из Московского университета профессора Ф. Ф. Эрисмана, известного гигиениста, конструктора современной двухместной школьной парты. «Не печально ли, — говорит в своих «Автобиографических записках» И. М. Сеченов, — что та же самая рука (г. Делянова), которая удалила заслуженного человека, сажала на кафедры ничтожества, позорящие профессорское имя? Настанет ли когда-нибудь конец таким печальным явлениям?»[2].

Он борется с лжеучеными медиками Московского университета, которые, по его словам, «норовят состряпать диссертацию, не умея вымыть чашки, а состряпав таковую, исчезают, дабы добывать деньги»[3].

В целях повышения качества подготовки будущих врачей в медицинских учебных заведениях И. М. Сеченов вносит проект о необходимости введения в круг медицинского образования психологии, которая, по ему мнению, все более и более сближается с физиологией головного мозга и становится основой психиатрии. И. М. Сеченов разрабатывает также проект изменения экзаменов на ученую степень доктора медицины, требуя от соискателя ученой степени сначала защиты диссертации, а потом уже сдачи общеобразовательных экзаменов.

Общественно-педагогическая деятельность И. М. Сеченова и его выступления в печати усиливаются в период наступления реакции на университетское образование. Это было время,

---

[1] «Борьба за науку в царской России», 1931, письмо № 34, стр. 105.

[2] Сеченов И. М., Автобиографические записки, изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 172.

[3] «Борьба за науку в царской России», 1931, письмо № 37, стр. 114.

когда царские чиновники расчищали почву для введения нового университетского устава, ликвидировавшего ту относительную автономию, которой пользовались университеты по уставу 1863 года. Катков, Леонтьев, Толстой, Делянов всячески поносили университетскую материалистическую науку о природе, обвиняя ее в том, что она воспитывает «нигилистов», безбожников, «потрясателей» основ монархического государства. Они требовали усиления полицейского надзора за студентами и преподавателями, особенно за передовыми учеными-материалистами, профессорами естественных наук.

И. И. Мечников так характеризует это время: «Хотя по закону действовал уже устав 1863 г., но в воздухе уже носился будущий устав 1884 г. Это выражалось в том, что очень многие постановления совета кассировались высшей властью, видящей во всем... крамолу... Кандидаты на кафедру, научный ценз которых был ниже всякой критики, делались профессорами и выставляли свое невежество с невероятным цинизмом»[1].

Министр народного просвещения Николаи уже угрожал профессорам привлечением их к ответственности в случае повторения беспорядков в университетах. «Правительство имеет право рассчитывать, — писал министр в 1881 г., — на то, что преподаватели в университетах будут служить ему не для одного только чтения лекций, но и для внушения своим слушателям и словом и примером тех начал высокой нравственности, уважения к закону и порядку, которые составляют условия гражданской доблести. Всякое уклонение от этого пути и всякое отсутствие единодушия в его преследовании должны поколебать доверие, которое правительство выказывает к ученой коллегии в совокупности и к каждому из ее членов в отдельности; они поставили бы правительство, при повторении беспорядков, в печальную необходимость искать корни их возникновения не в одной только среде увлекающегося юношества, но и между членами профессорской корпорации»[2].

Письмо было направлено в адрес прогрессивных профессоров, которых так боялось и ненавидело правительство.

К официальным погромщикам естественных наук и упразднителям университетской автономии примкнули такие реакционные профессора, как упоминавшийся выше одесский про-

---

[1] Мечников И. И., Страницы воспоминаний, стр. 81.
[2] Записки Новороссийского университета, т. 35, 1883, стр. 40—41.

фессор Цитович, профессор физики Московского университета Любимов и другие, пытавшиеся доказать в своих статьях, что цветущая пора университетской науки миновала, что расцвет русских университетов был в дореформенное время, до устава 1863 года. В 1883 году И. М. Сеченов выступает с глубоко научной, прекрасно аргументированной и, как всегда, блестящей по форме статьей в защиту материалистического естествознания и свободного творческого его развития и преподавания в русских университетах, в защиту университетской автономии. В своей статье «Научная деятельность русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие» И. М. Сеченов с достоверными фактами в руках опровергает клеветнические утверждения об упадке университетской науки в период действия устава 1863 года.

«В текущей литературе до сих пор не сделано попытки, — пишет И. М. Сеченов, — подвести, на основании фактических данных, итоги научной деятельности наших университетов за последние двадцать пять лет; и это обстоятельство составляет, я думаю, главную причину, почему в печати так **незастенчиво** (подчеркнуто нами.—**Т. К.**) раздаются по временам огульные приговоры, будто наши университеты падают, что цветущая пора их научной жизни миновала и т. п.»[1].

И. М. Сеченов в опровержение ложных и клеветнических утверждений об упадке науки в университетах приводит огромный фактический материал, который специально собрали для его статьи такие крупные ученые, как Петрушевский (по физике), Меншуткин (по химии), Бекетов и Бородин (по ботанике), Богданов (по зоологии), Иностранцев (по геологии) и сам автор статьи (по физиологии и анатомии). Он дает глубокий анализ исторического развития естественных наук в дореформенный и пореформенный периоды в русских университетах. До шестидесятых годов XIX столетия количественные и качественные достижения естествознания были недостаточны, научные силы были разобщены, коллективные формы научной работы применялись редко. Из всех естественных наук за этот период больше других посчастливилось химии.

Одной из главных причин малочисленности и разобщенности научных сил в области естествознания И. М. Сеченов считал весь строй университетской жизни и реакционный университетский устав 1835 года. На университет смотрели как

---

[1] Сеченов И., Научная деятельность русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие, «Вестник Европы», 1883, книга 11, ноябрь, Петербург, стр. 330.

на рассадник готового знания, как на учреждение, готовящее преданных крепостническому строю чиновников. «К этому, — пишет И. М. Сеченов, — приспособлена была вся деятельность университетов, и она, собственно, проходила в том, что профессора читали лекции, стараясь преподнести слушателям последние выводы науки, а слушатели пассивно воспринимали их. Научной работы — того, что теперь составляет истинную ученость — от профессоров в сущности не требовалось; она была достоянием немногих избранных и замкнутая в тиши кабинетов очень редко вступала в живую связь с аудиторией... Ученость определялась начитанностью, современность — тем, насколько профессор следит книжно за наукой, дельность — внесением в преподавание здравой логической критики, талантливость — уменьем обобщать, а преподавательские способности — ораторским талантом...»[1].

Считая, что перечисленные качества являются необходимыми и драгоценными в каждом хорошем профессоре, И. М. Сеченов вместе с тем отмечает, что одних этих качеств далеко недостаточно для того, чтобы двигать науку вперед. В дореформенных университетах преподавание с кафедры было главной целью, а самостоятельный научный труд хотя и ценился, но был необязателен и считался делом личного вкуса.

Исключения составляли естественный факультет Петербургского университета и Казанская химическая лаборатория, в которых и тогда была уже коллективная научная работа и которые приготовили несколько крупных деятелей науки.

Новый университетский устав 1863 г., предоставивший относительную свободу университетам в области научного и преподавательского творчества, а также организация при университетах лабораторий по естественным наукам, обязывавшая профессуру вести исследовательскую работу, в значительной мере изменили характер развития наук о природе.

Университетские лаборатории изменили и систему обучения. Как учреждения, приспособленные к практической разработке научных вопросов многими, лаборатории заменили собою прежние замкнутые кабинеты ученых и ввели в среду учащихся самый процесс созидания науки. Как школа практического обучения, лаборатории значительно повышают уровень образования в массах, а как рабочие центры, где нау-

---

[1] Сеченов И., Научная деятельность русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие, «Вестник Европы», 1883, книга 11, ноябрь, Петербург, стр. 332.

ка разрабатывается не единичными усилиями, а сообща, они значительно повышают научную производительность страны.

В дальнейшем, перечисляя важнейшие научные исследования и открытия русских ученых-естествоиспытателей в области физики, физиологии, анатомии, экспериментальной патологии, ботаники, Сеченов с гордостью за русскую науку, которая разрабатывалась преимущественно в университетах, повторяет слова знаменитого английского ученого Франкланда о том, что в России по химии появляется больше самостоятельных исследований, чем в Англии. «Но химики наши, — добавляет И. М. Сеченов, — берут не только количеством. В науке существуют целые отделы, по которым они причисляются к лучшим специалистам; главные же представители нашей школы занимались вопросами, охватывающими всю область химических знаний»[1].

Творцами новых отраслей знаний, заложившими новую фазу, новый период в развитии зоологии, явились также русские зоологи и эмбриологи. «Во главе нового направления встали по счастью крайне талантливые и энергичные работники: А. О. Ковалевский и И. И. Мечников, пользующиеся в Европе не менее почетным именем, чем главные представители нашей химической школы», — пишет И. М. Сеченов.

Таковы научные итоги организации при университетах лабораторий и творческой исследовательской работы в них.

Не менее ценны дидактические и методические результаты по-новому организованной преподавательской работы, связанной с лабораториями и спытами. В физической лаборатории Петербургского университета работало постоянно около 100 студентов, в химической — около 220 человек. «Большинство студентов, — пишет И. М. Сеченов, — занималось практически, т. е. получало в руки самое главное орудие натуралиста — знакомство с основными методами исследования, всякий практикант приобретает, кроме того, навык к обращению с инструментальными пособиями и к производству опытов. Но это еще не все: **у того, кто прошел практическую школу, голова уже иначе относится к слышанному с кафедры — знание становится более сознательным и прочным»**[2] (подчеркнуто нами.—**Т. К.**). Это замечательное дидактическое положение должно быть целиком включено и в дидактику совет-

---

[1] Сеченов И., Научная деятельность русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие, «Вестник Европы», 1883, книга 11, ноябрь, Петербург, стр. 339.

[2] Там же, стр. 333.

ской высшей школы, как и следующее принципиальное заключение о характере работы университетов: «... **университеты, для выполнения их назначения служить рассадником знания, должны быть не только учреждениями, где наука проповедуется, но и рабочими научными центрами, где она развивается. Простая и в сущности старая мысль, что учить и учиться можно с успехом только работая**»[1] (подчеркнуто нами.—**Т. К.**).

Эта мудрая, хотя старая и простая, мысль была направлена против казенных установок, тянувших университеты, по образному выражению И. М. Сеченова, к уездному училищу. Царское правительство смотрело на университеты как на учреждения, готовившие чиновников для различных отраслей государственной деятельности, и меньше всего заботилось о развитии настоящей науки.

Мысль Сеченова о гармоническом сочетании научной работы с преподавательской в высшей школе была поддержана и развита в статьях Менделеева, Тимирязева и Столетова. Д. И. Менделеев писал: «Профессор исполняет свой долг надлежащим образом не тогда, когда он читает много лекций, а когда он внушает научные истины и методы своим слушателям, как влиятельный провозвестник — словом и делом, с должной убедительностью, ясностью и выразительностью, которые даются только тогда, когда профессор сам работает в науке, принимает участие в современном ее движении не как судья, а как деятель...»[2].

Эта плодотворная мысль великих русских ученых, подчеркивающая, что научная работа есть база высшего образования и что от постановки исследований зависит и качество учебной работы, имеет огромное теоретическое и практическое значение и для советской высшей школы.

Заветы И. М. Сеченова, Д. И. Менделеева, К. А. Тимирязева, А. Г. Столетова, выражающиеся в том, что высшая школа есть учреждение, где наука не только преподается, но где она и создается, и где преподаватель всегда ученый, а ученый обязательно педагог, мастер научного и образного изложения достижений своих и чужих научных исследований, мастер эксперимента, знакомящий слушателей с методами нау-

---

[1] Сеченов И., Научная деятельность русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие, «Вестник Европы», 1883, книга 11, ноябрь, Петербург, стр. 333.

[2] Менделеев Д. И., Соч., изд. Академии наук СССР, 1952, т. XXIII, стр. 352.

ки, — заветы эти в новых, социалистических условиях, на новой, диалектико-материалистической основе получили дальнейшее свое развитие в лучших вузах Советского Союза. Московский государственный ордена Ленина университет имени М. В. Ломоносова стремится обеспечить единство учебного процесса и научных исследований. «Научная работа, — пишет проректор Московского университета, профессор Г. Вовченко, —является базой повышения качества учебного процесса. Без серьезно поставленной научной работы не может осуществляться подготовка кадров специалистов на уровне современной передовой науки»[1].

Советская высшая школа должна научить студента, будущего специалиста, пользоваться всеми достижениями науки, научить его научно мыслить, должна вооружить его методикой и техникой исследовательской работы. А для этого, говорит профессор В. Столетов, «необходимо прежде всего самому преподавателю постоянно вести научную работу, а не повторять неизменно, из года в год, однажды заученные положения. Начётничество, талмудизм — это отрыв теории от практики, науки от жизни, нежелание применять теорию к фактам современной жизни и борьбы...

Для преподавателя высшей школы выполненная научная работа — это его отчет перед нашим народом об уровне преподавания. Каждой своей научной работой профессор, преподаватель как бы говорит народу: вот на каком уровне мы ведем обучение молодежи в высшей школе. Между тем, есть еще у нас такие кафедры, которые не ведут научной работы, не выполняют своего долга перед народом, партией, государством»[2].

Решение XIX съезда Коммунистической партии, требующее улучшить научно-исследовательскую работу высших учебных заведений, гениальные труды И. В. Сталина по языкознанию и политической экономии социализма открывают перед профессорско-преподавательским составом новые блестящие перспективы в их учебно-преподавательской и научно-исследовательской работе.

И. М. Сеченов протестовал также против запрещения свободного общения между студентами различных факультетов и свободного посещения студентами лекций профессоров других факультетов. Он высоко расценивал создавшиеся в передовых

[1] «Молодой большевик», 1952, № 16, стр. 28.

[2] Столетов В., Некоторые вопросы работы высшей школы, «Большевик», 1951, № 23, стр. 30.

русских университетах традиции свободного посещения студентами лекций лучших профессоров любого другого факультета и по любой другой научной дисциплине. Сам И. М. Сеченов, будучи студентом-медиком Московского университета, охотно посещал лекции Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева, профессоров историко-филологического факультета. Большим недостатком Петербургской медико-хирургической академии Сеченов считал то, что студенты академии были лишены возможности посещать профессоров и слушать лекции по другим наукам, не связанным непосредственно с медициной. Студенты в течение пяти лет варились в своем собственном, медицинском, соку, совершенно не общаясь со студентами других специальностей, что отрицательно сказывалось на их общем развитии.

Совсем другое положение было в Московском университете, когда в нем учился И. М. Сеченов. «Злосчастного университетского устава г. Делянова тогда еще не существовало, — пишет И. М. Сеченов, — и в университетах лекции любимых профессоров все еще продолжали посещаться не одними только слушателями своего факультета, да и товарищеское общение между студентами различных факультетов было еще свободно. Так было в мое студенчество и я знал не один пример, что в голову студента-медика попадало много доброго с чужих кафедр. Тот, кто умел воспользоваться этим благом университетской жизни, имел, очевидно, шансы выйти из университета более образованным человеком, чем его товарищ, питавшийся пять лет одной медициной»[1].

И эта мысль И. М. Сеченова имеет огромное принципиальное значение для нашего времени. Студент любого высшего учебного заведения не должен быть узким, ограниченным только своей специальностью человеком. Каждый специалист, кроме глубокого изучения и досконального знания своей специальности обязан знать, — говорит И. В. Сталин, — марксистско-ленинскую науку об обществе, науку «...о законах развития общества, о законах развития пролетарской революции, о законах развития социалистического строительства, о победе коммунизма. Ибо нельзя считать действительным ленинцем человека, именующего себя ленинцем, но замкнувшегося в свою специальность, замкнув-

---

[1] Сеченов И. М., Автобиографические записки, изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 130.

шегося, скажем, в математику, ботанику или химию и не видящего ничего дальше своей специальности»[1].

Каждый студент должен знать и смежные со своей специальностью научные дисциплины, быть широко образованным и высококультурным человеком, которому доступны и понятны достижения других наук и для которого, перефразируя слова Н. И. Лобачевского, не мертва природа, не чужды красоты поэзии, не лишена прелести и великолепная архитектура, и занимательна история веков.

V

Положения и мысли И. М. Сеченова о связи научной работы с преподавательской, о необходимости ознакомления студентов с процессом созидания науки и выработки у них умений и навыков обращаться с инструментами и производить опыты, требования великого физиолога освещать в лекциях научные проблемы глубоко и широко, возбуждать у студентов интерес и стремление к разрешению наименее исследованных явлений природы и человеческой психики, будить их творческую мысль, направлять ее на путь материалистического понимания окружающего мира, поднимать их культурный уровень, — все это талантливо, оригинально, с большой страстью и глубокой убежденностью в правоте своего дела осуществлялось в течение более чем сорокалетней преподавательской деятельности великим мастером педагогического труда И. М. Сеченовым.

Лекции И. М. Сеченова, его меткие характеристики лекций профессоров Московского университета и прославленных западноевропейских ученых являются глубоко поучительными и представляют огромный педагогический и дидактический интерес.

Все известные дидактические требования — научность, систематичность, сознательность, наглядность, доступность — были присущи каждой лекции И. М. Сеченова. Но сказать только это — почти ничего не сказать о великолепном педагогическом мастерстве ученого. Лекции его содержат в себе гораздо больше педагогических ценностей, чем это предусмотрено обычной дидактикой.

Уже первые лекции молодого ученого о животном магнетизме или об электрофизиологии содержат в себе такие особенности, **как дерзание смелой научной мысли, новаторство,**

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, 1946, стр. 598—599.

полемический характер лекций, художественность и образность изложения самого сложного научного материала. Причем все это излагалось **на широкой философско-материалистической основе, освещалось светом передового философского и общественно-политического мировоззрения.**

Во вступительном слове к лекции «Рефлексы головного мозга», прочитанной им публично в 1863 году, И. М. Сеченов, требуя смелости в постановке и разрешении научных проблем, дерзания в поисках научной истины, борьбы с рутиной, говорил:

«Всякий, следящий лет с десяток за умственным движением в России..., заметил, без сомнения, что в делах этого рода (т. е. в научной смелости.—**Т. К.**) наше общество отличается большой подвижностью.

Есть люди, которым последнее свойство нашего общества сильно не нравится... Страшно подумать, что сталось бы с человечеством, если бы строгим средневековым опекунам общественной мысли удалось пережечь и перетопить, как колдунов, как вредных членов общества, всех этих страстных тружеников..., которые бессознательно строили химию и медицину. Да, кому дорога истина вообще, т. е. не только в настоящем, но и в будущем, тот не станет нагло ругаться над мыслью, проникшей в общество...

Имея в виду этих бескорыстных искателей будущих истин, я решаюсь пустить в общество несколько мыслей относительно психической деятельности головного мозга, мыслей, которые еще никогда не были высказаны в физиологической литературе по этому предмету»[1].

В этом кратком введении к «Рефлексам головного мозга» есть и смелая постановка совершенно новой проблемы, и резкое осуждение обскурантов, боявшихся истинной материалистической науки и готовых «пережечь и перетопить, как колдунов, как вредных членов общества», всех бескорыстных тружеников науки (под средневековыми опекунами общественной мысли подразумевались современные Сеченову гонители науки, один из которых, Валуев, позднее, действительно, предлагал сжечь «Рефлексы головного мозга»), есть здесь и полемика и замечательная простота и образность языка.

И. М. Сеченов вел непримиримую борьбу с идеализмом, воевал с лжеучеными типа Страхова. Последний утверждал, что «развитие организмов происходит под влиянием некоей

[1] Сеченов И. М., Собрание сочинений, т. II, М., 1908, стр. 1—2.

заключенной в организме духовной идеи, что переход в высшие формы зависит не столько от внешних условий, сколько от самих организмов». В одной из первых лекций о животном магнетизме, прочитанных в 1861 году, И. М. Сеченов следующим образом разоблачает ложь, невежество и вред идеалистического понимания развития организма:

«Понятие это (о животном организме.—Т. К.), к сожалению, у многих до сих пор извращено, и потому я считаю нелишним сказать об этом несколько слов. Вы, вероятно, когда-нибудь слышали или читали, что под организмом разумеется такое тело, которое внутри себя заключает условия для существования в той форме, в какой оно существует. Эта мысль ложная и вредная, потому что ведет к огромным ошибкам. Организм без внешней среды, поддерживающей его существование, невозможен, поэтому в научное определение организма должна входить и среда, влияющая на него»[1].

Полемическая форма лекций, отрывки из которых мы привели, придавала им определенность и особую доказательность истинности идей передовой науки, вводила студентов в атмосферу борьбы, которая происходила в области изучаемой науки, знакомила их с картиной состояния физиологии, толкала студентов на дальнейшую самостоятельную работу по ознакомлению с литературой вопроса, давала молодежи правильные установки и должное понимание основных течений в науке.

Сила лекций И. М. Сеченова заключалась в их философской материалистической основе, в их высокой научности и плодотворном новаторстве, открывавших перед физиологией и психологией широкие горизонты и новые перспективы развития.

«Предметный мир существовал и будет существовать, по отношению к каждому человеку, раньше его мысли; следовательно первичным фактором в развитии последней всегда был и будет для нас внешний мир с его предметными связями и отношениями»[2], — говорил И. М. Сеченов. Это материалистическое философское положение лежало в основе всей научно-исследовательской и преподавательской работы Сеченова.

[1] Сеченов И. М., Лекции о животном магнетизме, «Медицинский вестник», 1861, № 25.

[2] Сеченов И. М., Элементы мысли, изд. Академии наук СССР, 1943, стр. 210.

Прав А. Ф. Самойлов, когда говорит, что «характерной чертой его научного творческого облика, его сильного ума, ума широкого и глубокого охвата, было именно то, что, будучи специалистом физиологом, он неудержимо устремлялся в сторону общих философских вопросов естествознания»[1]. Свою речь о И. М. Сеченове А. Ф. Самойлов заканчивает следующими замечательными словами, характеризующими особенности научного творчества и преподавательского новаторства великого ученого: «Он имел право пускаться в царство общих философских вопросов естествознания. Мы смотрим с восторгом и гордостью на **его отвагу и на его дерзания** (подчеркнуто нами.—**Т. К.**). Сильным уменьем и знанием своей специальности, он завоевывал для физиологии новые обширные области и озарял своей сильной физиологической мыслью коренные вопросы естествознания»[2].

И. М. Сеченова законно следует считать одним из первых и наиболее талантливых реформаторов всей системы преподавания естественно-научных дисциплин в высшем учебном заведении.

Анализируя в педагогическом отношении его произведения «Лекции о животном магнетизме», «Физиология нервной системы», «Рефлексы головного мозга», «О предметном мышлении с физиологической точки зрения», «Впечатление и действительность», представляющие собою не что иное, как лекционные курсы или эпизодические лекции ученого, изучая воспоминания его учеников, ставших впоследствии виднейшими русскими физиологами (Н. Е. Введенского, М. Н. Шатерникова, А. Ф. Самойлова), мы можем наметить основные дидактические и методические особенности преподавательского мастерства И. М. Сеченова.

Кроме указанных выше сторон лекционного преподавания И. М. Сеченова — широкой философской основы, историчности, научности, смелой постановки новых научных проблем, отваги и дерзания мысли, новаторства, иногда полемической формы занятий, — кроме этого, в его лекциях поражала слушателей неумолимая логика, последовательность, аргументированность и стройность изложения материала.

Об этих качествах лекций ученого говорят все авторы воспоминаний о нем.

А. Ф. Самойлов пишет: «...лекторское дарование И. М.

---

[1] Самойлов А. Ф., Избранные статьи и речи, изд. Академии наук СССР, 1946, стр. 43—44.

[2] Там же, стр. 69.

заключалось... в силе и особенной убедительности сеченовской логики. Его логика порабощала слушателя. С первых же слов его в аудитории воцарялась мертвая тишина. Спокойно льется эта прекрасная отчетливая речь, и одна мысль нанизывается на другую с неумолимой логикой. Студенты не раз говорили мне, что записывать лекции Сеченова нельзя, — жалко. И это правда: жалко было растрачивать свое внимание на труд поспешного записывания и терять целостность впечатления и наслаждения, которые давали эти лекции[1]. Сеченов говорил необыкновенно убедительно; все его выводы из показанных и рассказанных опытов казались понятными сами собой.

Я сам сильно переживал обаяние лекций И. М. Сидишь, бывало, на табуретке сбоку у экспериментального стола и упиваешься красотой и силой мастерства этого чародея, этого художника»[2].

Другой ученик И. М. Сеченова, Николай Евгеньевич Введенский писал: «Лекции эти (публичные) составляли в то время одно из выдающихся явлений петербургской жизни и, собирая в аудиторию многочисленную и разнообразную публику, встречались с живыми симпатиями. **Ясное** и **стройное** изложение, **наглядность** и **доказательность** развиваемых физиологических положений увлекает нас даже в печатном изложении; тем более они должны были очаровать публику в живом изложении лектора в сопровождении с опытами»[3].

Лекции И. М. Сеченова по своему построению и методическому оформлению коренным образом отличались от дедуктивно-догматического изложения, характерного для многих преподавателей того времени.

Его лекции характеризовались строгим анализом фактов, сопровождались блестящими опытами над животными и демонстрацией инструментов и приборов, при помощи которых опыты эти производились. Самой системой изложения научного материала, логикой материалистического мышления, последовательностью излагаемых фактов, установлением причинных связей, постановкой опытов, мастером и виртуозом которых он был, И. М. Сеченов не только приобщал слушателей к вершинам научных знаний в области физиологии, но знакомил их с путями исследования самых сложных яв-

[1] С. В. Ковалевская, «незаконно» слушавшая И. М. Сеченова, записывала его лекции дома по памяти.

[2] Самойлов А. Ф., Избранные статьи и речи, стр. 46—47.

[3] Введенский Н. Е., Иван Михайлович Сеченов, 1906, стр. 24.

лений и процессов живого организма, призывал их смело вторгаться в неисследованные области природы.

Биограф и ученик И. М. Сеченова М. Н. Шатерников так характеризует то новое, творческое, глубоко враждебное начетничеству и схоластике, что было в лекциях его учителя: «Лекции о животном электричестве, прочитанные И. М. в оставшееся до каникул время, произвели огромное впечатление не только в академических кругах, но и далеко за пределами их, не только по содержанию, но и по выполнению.

Помимо простой, но в высокой степени увлекательной манеры читать лекции, помимо новизны предмета, успех курса был обеспечен благодаря **новому методу преподавания** (подчеркнуто здесь и ниже нами.—**Т. К.**).

Талантливый лектор, — пишет дальше М. Н. Шатерников, — открывал перед слушателями **в строгой последовательности едва ли не самые таинственные листы книги природы** и не для того, чтобы заставить их в молчаливом сознании своего ничтожества преклониться перед непостижимой загадочностью явлений, а для того, чтобы показать им путь и возможность расчленения этих сложных явлений на простейшие, доступные пониманию элементы.

С энтузиазмом молодости, сам преисполненный веры в силу науки и разума, **он учил их вопрошать природу и получать от нее ответ; он говорил не только о том, что сделано уже в таинственной области нервных явлений, но и о том, что предстоит еще сделать, пробуждая этим мысль слушателей и открывая перед ней новые широкие горизонты.**

Блестящие эксперименты, производимые на лекциях перед глазами слушателей, **знакомили их с методикой научного** исследования и в то же время поучали их языку фактов»[1].

М. Н. Шатерников ярко и правдиво рисует образ ученого-энтузиаста в студенческой аудитории, такой отзывчивой на все живое и передовое, такой благодарной за все то, что давал ей молодой профессор, беззаветно служивший науке, показывавший пример бескорыстного и честного служения народу.

И. М. Сеченов учил студентов трудному искусству испытывать и проверять опытным путем отдельные явления природы, добывать ответы на самые сложные вопросы, связанные с наименее изученными и наиболее запутанными сторонами жизни организма.

---

[1] Сеченов И. М., Избранные труды, стр. 23.

Весьма ценным педагогическим качеством его лекций было то, что гениальный ученый говорил не только о том, что сделано, но и о том, что предстоит сделать, о путях и перспективах развития науки. Он строго придерживался исторического метода в изложении науки.

И. М. Сеченов не жалел времени и не щадил своего здоровья для того, чтобы дать настоящие знания студентам и ввести их в круг научных интересов, помочь им овладеть методикой и техникой экспериментирования. Кроме лекций с демонстрацией на них опытов, И. М. Сеченов систематически проводил не обязательные для профессора практические занятия в физиологической лаборатории. Его лекции и практические занятия посещали «нелегально» первые русские женщины, боровшиеся за высшее образование, среди которых были Бокова, Суслова, позже Софья Ковалевская.

Для характеристики лекций И. М. Сеченова, а также того, в каких тяжелых условиях приходилось первым русским женщинам пробивать путь к знанию и как помогал им в этом великий физиолог, имеют значение следующие места из писем Софьи Васильевны Ковалевской к ее сестре Анне Васильевне: «Лекция продолжалась час. Сеченов говорил очень ясно, и я не проронила ни слова...»[1]. «Сегодня опять были на лекции; народу было так много, что пришлось всю лекцию простоять; начальство, кажется, заметило; не знаю, что будет завтра»... «Сейчас вернулась с лекции. Все еще не прогнали; лекция была очень хорошая. Начальство не заметило, кажется...»[2].

И. М. Сеченов самоотверженно боролся за право женщин на высшее образование и оказывал большую помощь слушательницам своих лекций. В одном из писем к сестре С. В. Ковалевская пишет: Сеченов «очень хороший, и ко мне очень мил, т. е. не только позволил слушать свои лекции и заниматься с 1-го октября в своей лаборатории, но обещал сверх того помогать мне...»[3].

Через два месяца С. В. Ковалевская снова пишет о Сеченове: «Представь себе, Сеченов по пятницам битых три часа занимается нами, т. е. **переделывает все опыты**, показанные на лекциях, **объясняет, толкует** и **поучает** нас (подчеркнуто здесь и ниже нами. — **Т. К.**). Ведь это ужасно мило

[1] Ковалевская С. В., Воспоминания и письма, изд. Академии наук СССР, 1951, стр. 228.

[2] Там же, стр. 229.

[3] Там же, стр. 230.

его стороны, тем более, что **он** делает это просто так, как сделал **бы для каждого желающего учиться,** а не потому, что знаком со мной; я даже не вижу его, за исключением этих лекций»[1].

И. М. Сеченов любил проделывать опыты, объяснять, толковать, поучать, любил преподавательскую работу, педагогический труд, чтение лекций, уважал и любил юношество. В свою очередь те, кто слушал его лекции, кто работал в его лаборатории, навсегда сохранили глубокую благодарность, любовь и уважение к своему гениальному учителю и старшему другу. И. М. Сеченов радовался радостью бескорыстного и идейного деятеля науки каждому достижению своих учеников, каждому их, даже маленькому, открытию, каждому продвижению вперед. Добытые им экспериментально-научные данные он легко и свободно уступал иногда своим ученикам, как это было, например, в случае с Н. П. Сусловой, которой он помог своими работами закончить диссертацию.

«Я отдал Сусловой все, — пишет И. М. Сеченов, — что было сделано до 31 октября включительно. Только при этом условии могла в самом деле диссертация получить блеск соответствующий важности события»[2].

И. М. Сеченову важно было науку создавать, а под чьим именем будут опубликованы результаты отдельных исследований, не столь уж важно. Существенно, чтобы общество узнало о том новом, что есть в науке, и чтобы другие ученые на основе этого нового продолжали начатое дело. Это пример самого бескорыстного, беззаветного, глубоко идейного служения науке.

Полным бескорыстием, исключительным доброжелательством по отношению к студентам и своим ученикам, постоянным творческим контактом с аудиторией отмечалась вся научно-преподавательская деятельность И. М. Сеченова.

Увлечение педагогической работой, пропагандой и популяризацией своей науки было одной из основных черт И. М. Сеченова.

Он любил, как сказано выше, читать лекции, делать доклады, ставить эксперименты. Его родственник, великий русский математик и кораблестроитель, А. Н. Крылов вспоминает:

---

[1] Ковалевская С. В., Воспоминания и письма, изд. Академии наук СССР, 1951, стр. 493—494.

[2] Коштоянц Х. С., И. М. Сеченов, М., 1950, стр. 185.

«Летом в Теплый Стан[1] наезжал гостить к братьям профессор Иван Михайлович Сеченов, знаменитый физиолог. Иногда он читал собравшимся родным и знакомым лекции на лягушках, которых мне поручалось наловить в прудах филатовского сада, за что я тоже допускался на эти лекции»[2].

Лекции читались так просто, понятно, увлекательно, сопровождались такими наглядными и убедительными опытами на лягушках, что даже десятилетний мальчик Алеша Крылов понимал, о чем говорилось в этих лекциях, и проявлял большой интерес к опытам с лягушками. «Я уже тогда твердо знал, — пишет А. Н. Крылов, — строение тела лягушки и зачем какой орган служит, о чем в свою очередь, я читал лекции мальчишкам многочисленной сеченовской дворни, препарируя лягушек перочинным ножом по-своему»[3].

Как о большом утешении и отраде, вспоминает И. М. Сеченов о своих бесплатных лекциях на женских курсах при Московском обществе воспитательниц и учительниц.

Говоря о том, как он читал лекции рабочим Пречистенских вечерних курсов, И. М. Сеченов с глубоким моральным удовлетворением записывает: «И моя аудитория производила на меня очень отрадное впечатление своим вниманием и явным пониманием читаемого»[4]. Чтение лекций его утешало, ободряло и вдохновляло.

Любовь великих русских ученых к чтению лекций хорошо подметил и показал А. П. Чехов в своей повести «Скучная история». Старый профессор, видный ученый, Николай Степанович, говорит: «Никакой спор, никакие развлечения и игры никогда не доставляли мне такого наслаждения, как чтение лекций. Только на лекции я мог весь отдаваться страсти и понимал, что вдохновение не выдумка поэтов, а существует на самом деле»[5].

---

[1] Село Теплый Стан (б. Симбирской губ., Курмышского уезда) известно в истории русской науки тем, что в нем или родились и воспитывались, или часто туда наезжали связанные родственными отношениями: И. М. Сеченов, А. Н. Крылов, братья Ляпуновы — Александр Михайлович — всемирно известный математик, академик, Борис Михайлович — лингвист, академик, Сергей Михайлович — известный русский композитор, Нил Петрович Филатов — знаменитый педиатр, профессор Московского университета, родственник ныне здравствующего выдающегося советского ученого В. П. Филатова.

[2] Крылов А. Н., акад., Воспоминания и очерки, Воениздат, М., 1949, стр. 81.

[3] Там же, стр. 81.

[4] Сеченов И. М., Автобиографические записки, изд. 1907, стр. 194.

[5] Чехов А. П., Полное собрание соч. и писем, том 7, Огиз, 1947, стр. 235.

Одной из задач своей научно-педагогической работы И. М. Сеченов считал подготовку новых научных деятелей, способных на дальнейшее творческое развитие материалистической физиологии и родственных с нею наук. В подборе своих учеников он был строг и требователен. Студент, обнаруживший склонность к научно-исследовательской работе и пожелавший работать в лаборатории И. М. Сеченова, обязан был знать не только физиологию, но и математику, физику, химию.

Он требовал от своих учеников, кроме больших разносторонних знаний, черновой работы, уменья все самим делать, терпения и настойчивости в выполнении поставленной экспериментальной задачи; он требовал точности в опытах и исследованиях и строгой логичности в мышлении. Своим авторитетом никогда не подавлял инициативы и самостоятельного творчества учеников. В его лаборатории всегда царила дружеская атмосфера, полное взаимопонимание между учителем и учениками. М. Н. Шатерников вспоминает: «Работать под руководством И.М. было в высшей степени поучительно и приятно. В нем совмещались все качества драгоценного учителя».

Еще в большей степени, чем чтение лекций, любил И. М. Сеченов работу в лаборатории. Выйдя в отставку, он продолжал жить и работать в двух комнатах физиологической лаборатории. «Какое это счастье (жить в лаборатории.—**Т. К.**), может понять лишь тот, кто подобно мне прожил чуть не полвека в лаборатории (с 1856 г.) и уже неспособен к иной форме существования»[1], — говорит Сеченов.

Проработав почти полвека в лаборатории, он подготовил и выпустил за это время большое количество русских физиологов, с успехом продолживших дело своего великого учителя. Среди учеников и последователей И. М. Сеченова мы видим таких выдающихся русских ученых физиологов как Н. Е. Введенский, А. Ф. Самойлов, М. Н. Шатерников, И. Р. Тарханов, Б. Ф. Вериго, как биохимик С. С. Салазкин, фармаколог И. П. Кравков, гигиенист Г. В. Хлопин, основоположник патологической физиологии В. В. Пашутин и другие.

И. П. Павлов, хотя и не работал непосредственно в лаборатории И. М. Сеченова, считал себя последователем И. М. Сеченова. «Ровно полстолетия тому назад, — говорил

[1] Сеченов И. М., Автобиографические записки, изд. 1907, стр. 183.

И. П. Павлов в 1913 году, — была написана... русская научная статья «Рефлексы головного мозга», в **ясной, точной и пленительной форме**, содержащая основную идею того, что мы разрабатываем в настоящее время. Какая сила творческой мысли требовалась тогда, при тогдашних физиологических данных о нервной деятельности, чтобы родить эту идею! А родившись, идея росла, зрела и сделалась в настоящее время научным рычагом, направляющим огромную современную работу над головным мозгом»[1].

И. П. Павлов отмечает ясную, точную и пленительную форму «Рефлексов головного мозга» И. М. Сеченова. Ученый широкого размаха, сильной и смелой мысли, экспериментатор, владевший в совершенстве методикой и техникой физиологического эксперимента, талантливый педагог-новатор, прокладывавший новые пути в преподавательском искусстве, — И. М. Сеченов был одновременно одним из тех профессоров, кто обогащал русский научный язык, кто умел ясно, точно и пленительно излагать науку как в своих книгах, так и в лекциях перед студенческой аудиторией. Он был замечательным стилистом, оратором в самом высоком и благородном смысле этого слова. Ораторское искусство ученого, профессора-лектора — не краснобайство, не риторика с ложноклассическими приемами речи; оно выражается в глубоко научной, содержательной, композиционно правильно построенной, дидактически оформленной, вразумительной и красивой речи. Именно такое понимание ораторского искусства профессоров имел в виду А. П. Чехов, когда по поводу введения преподавания декламации в Московском университете писал в статье «Хорошая новость»: «Нельзя не порадоваться этому прекрасному нововведению... На кафедрах у нас сидят заики и шептуны, которых можно слушать и понимать, только приспособившись к ним... А сколько анекдотов можно было бы рассказать ...про жрецов науки, которые «изводили» своих слушателей и в конце концов возбуждали к науке полнейшее отвращение». Профессора обязаны **«по службе говорить не только учено, но и вразумительно и красиво»**[2] (подчеркнуто нами.—**Т. К.**).

И. М. Сеченов умел писать и говорить просто, вразумительно, изящно. А. Ф. Самойлов так характеризует научный

---

[1] Павлов И. П., Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Л., Медиздат, 1932, стр. 217.

[2] Чехов А. П., Полное собрание сочинений и писем, Огиз, т. 8, 1947, стр. 499—500.

язык И. М. Сеченова: «Он дал образцы исключительного изящества русского научного языка. Язык Сеченова отличается образностью и какой-то особенно сильной меткостью, хочется сказать, каким-то здоровьем: в нем чувствуется что-то от силы деревни, ее полей и лесов»[1].

Язык И. М. Сеченова был дальнейшим развитием русского научного языка, созданного русскими учеными на основе общенародной русской речи. По словам академика В. В. Виноградова, русские ученые XVIII века проявляли большой интерес к народной — ботанической, зоологической, медицинской, промысловой и технической — номенклатуре. Академик Лепёхин, объясняя «все слова, изъявляющие естественные произведения в отечестве нашем, также орудия, употребляемые в рыбных и звериных промыслах», широко пользовался народными названиями. Академик Озерецковский опирался на народные обозначения при определении растений.

Отводя огромную роль общенародному русскому языку в формировании русской научной терминологии XVIII века, А. Н. Пыпин в «Истории русской этнографии» пишет: «То обстоятельство, что законодательство в языке досталось здесь в руки натуралистов, было очень благоприятно для признания этого права народного языка. Как ученые исследователи, они приготовлены были предположить в языке известные требования и законы исторические, о которых иные из них и догадывались; в своих путешествиях они встречали подлинную народную жизнь, видели воочию богатство и разнообразие народной речи, и им естественно представлялась мысль, что это богатство не должно лежать и оставаться мёртвым капиталом — напротив, оно должно стать общим достоянием, послужить обогащением всего русского языка»[2].

Русский научный язык становился все больше и больше языком жизни, языком народной деятельности; в него органически входили новые научные достижения, облекаясь в плоть и в кровь общенародного русского языка. В отличие от науки западноевропейской, в которой длительное время господствующим языком был язык латинский, русская наука развивалась с самых своих истоков на родном языке. «Русские академики от Ломоносова до Севергина, — пишет

[1] Самойлов А. Ф., Избранные статьи и речи, стр. 46.

[2] Виноградов В. В., акад., Величие и мощь русского языка, «Русский язык и литература в школе», вып. 2, Учпедгиз, М., 1944, стр. 9.

академик М. Н. Сухомлинов в «Истории Российской Академии», — составляли учебники и руководства на русском языке, читали публичные лекции, помещали научные общедоступные статьи в повременных изданиях и т. д. Членам Академии наук Российской Академии принадлежит честь создания и усовершенствования русской научной терминологии. Благодаря их усилиям, наука впервые заговорила у нас на родном языке — событие в высшей степени важное не только в истории русского литературного языка, но и в истории русской образованности вообще. В литературе всех просвещенных народов считается эпохою введение родного языка в область науки»[1].

В дальнейшем развитии русского научного языка колоссальную роль сыграли великие русские натуралисты XIX века — И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев, К. А Тимирязев, И. П. Павлов. Они сделали язык науки доступным и понятным широким слоям грамотного населения, они смело ломали перегородки, нарочито воздвигавшиеся господствующими классами между языком науки и общелитературным языком.

Блестящие образцы научного языка, приближающегося к языку художественной литературы, мы находим во многих лекциях и статьях И. М. Сеченова.

«Кто не знает, что ребенок пускает в ход все заученные им движения, и пускает в ход с непостижимой для взрослого энергией? — пишет Сеченов, говоря о развитии желаний ребенка. — В эту минуту его тянет к себе блестящий предмет, и он бежит к нему, но по дороге промелькнула перед глазами муха, и он ловит ее; там пискнула птица, и это уважительный предлог, чтобы обратить энергию в другую сторону; издали замычала корова, и он останавливается, чтобы промычать и т. д. и т. п. И однако через всю эту бестолковую и безустанную суетню тянется всегда один и тот же мотив: ребенку **хочется** забрать себе в руки все, что он ни видит и ни слышит, его **тянет** ко всем предметам то самое чувство, которое замечалось и тогда, когда сидел еще на руках у матери или няньки, только теперь это чувство определилось яснее, как след от более яркого наслаждения. Хотите убедиться, насколько сильны эти стремления в ребенке, — уведите его с прогулки и заставьте силком просидеть хоть час неподвижно. Долго неудовлетворяемое стремление к движению как будто заражает нервную систему, и тогда достаточно самого

[1] Виноградов В. В., акад., Величие и мощь русского языка, «Русский язык и литература в школе», вып. 2, Учпедгиз, М., 1944, стр. 13.

ничтожного толчка, чтобы чувство перелилось, как говорится, через край и выразилось криками, плачем, чуть не судорогами»[1].

Глубокая мысль о характерных элементах детской психики изложена конкретно, ясно, просто. Построение фразы плавное, ритмичное. Стиль речи динамичный, энергичный. Употребление хотя и редких в литературе, но образных, сильных, метких народных слов и оборотов речи — «безустанная суетня», «силком», «чувство перелилось через край», — делает речь не только образной, но и эмоциональной.

И. М. Сеченов часто прибегает к чисто народным словам и выражениям. Так, вместо «щупальцы» он говорит «щупалы». Мышечные ощущения он называет «темным мышечным чувством». «Это — прекрасное выражение, — говорит А. Ф. Самойлов. — Оно обозначает, очевидно, то же самое, что впоследствии Шеррингтон, прославленный английский физиолог, назвал «проприоцептивным» чувством... Термин Сеченова «темное мышечное чувство» сильнее и выражает глубже то, о чем идет речь»[2].

Его выводы и определения ясны, кратки, без единого лишнего слова, до предела сжаты и компактны. Свою статью «Предметная мысль и действительность» И. М. Сеченов заканчивает выводом: «Итак, **всем элементам предметной мысли, насколько она касается чувствуемых нами предметных связей и отношений в пространстве и времени, соответствует действительность**»[3].

В языке И. М. Сеченова наиболее выпукло отразились те свойства русского научного языка, о которых говорил когда-то Н. В. Гоголь. Он писал, что в сфере научного познания русскому языку присущи реалистичность и краткость, что ему чужды «нарумянивания» и «подслащивания», что русский научный язык резко отличается от витиеватого, запутанного и туманного языка немецкой философии, что «своим живым духом он станет доступен всем — и простолюдину и непростолюдину»[4].

У нас встречаются иногда лекции и статьи, претендующие на научную глубину, но изложены они таким нарочито усложненным наукообразным языком, в такой запутанной син-

[1] Сеченов И. М., Элементы мысли. Сборник избранных статей, изд. Академии наук СССР, М., 1943, стр. 42.

[2] Самойлов А. Ф., Избранные статьи и речи, стр. 50.

[3] Сеченов И. М., Элементы мысли, стр. 210.

[4] Виноградов В. В., акад., Величие и мощь русского языка, стр. 3.

таксической форме, что добраться до смысла их мудрено и специалисту. Определения в таких статьях и лекциях напоминают анекдотическое определение драки, приводимые известным судебным деятелем А. Ф. Кони в его книге «На жизненном пути». «Драка есть такое состояние, субъект которого, выходя из границ объективности, совершает вторжение в область охраняемых государством объективных прав личности, стремясь нарушить целость ее физических покровов...».

Простая мысль одета в лохмотья средневековой учености, за которыми трудно уловить сущность вопроса.

А вот еще более уродливые образцы ложнонаучного языка:

«С другой стороны, признание факта существования двух архитектонических систем перративного человеческого творчества, систем, автохронных генетически, но ведущих в историческом финале к аналогичным результатам — к образованию особой сказочной структуры... подводит исследователя к интереснейшему выводу». Или: «Феноменологизм это и есть дескриптивизм, но дескриптивизм, идущий дальше дескрипции и дальше эмпирического, отождествляющий себя с метафизикой»[1].

Для борьбы с подобного рода языковыми извращениями, с нарочитым стремлением заменять русский язык тарабарщиной из иностранных слов и тем самым затемнять смысл излагаемого, — для борьбы за чистоту, красоту и доступность русского научного языка лучшим средством является изучение, пропаганда и распространение языка корифеев современной науки В. И. Ленина и И. В. Сталина, а также языка классиков русского естествознания — Сеченова, Менделеева, Тимирязева, Павлова.

Очень близок к истине выдающийся советский писатель А. Н. Толстой, когда говорит: «Я считаю, что нет принципиального различия между языком мышления, науки и языком литературы. До сих пор почему-то живет предубеждение, что язык художественной литературы непригоден для выражения серьезной мысли, для политической статьи и учебника, научного трактата, что для этих вещей нужен какой-то другой язык. Это — ошибочное и вредное мнение. Есть

---

[1] Гумилевский Л. и Рыкачев Я., Словесные сорняки иностранщины, «Литературная газета», 16 ноября 1949 г.

единый русский язык, мощный, гибкий, богатый язык, которым мы до сих пор по-настоящему еще не овладели».

Эта мысль подтверждается многими произведениями великого русского физиолога, как и произведениями Тимирязева, Менделеева, Павлова, по-настоящему не только овладевших языком, но и обогативших родной язык новыми словами и оборотами речи.

Язык публичных лекций и популярных статей И. М. Сеченова, а также язык его замечательных «Автобиографических записок», отличается богатством мыслей, красотой образов, силой и благородством эмоций. Нельзя не согласиться с А. Ф. Самойловым, когда он говорит о языке Сеченова: «Что же касается его русского языка, то многие места из его популярных статей и речей заслуживают того, чтобы быть внесёнными в хрестоматии наряду с отрывками наших лучших писателей и беллетристов»[1].

Привлекательна была и внешняя манера чтения лекций И. М. Сеченовым. По воспоминаниям его слушателей, он читал лекции спокойно и ровно. Его речь текла в стройном сочетании кратких, метких, сильных фраз. Дикция была предельно четкой и ясной. Голос его был звонкий, высокого баритонного характера. «Слова, произносимые им, вылетали удивительно остро отточенными, вычеканенными, и это делалось само собою, без всякого умысла... Он иногда во время лекции выходил из-за стола, останавливался у кого-нибудь из слушателей в первом ряду и как бы беседовал с ним, стараясь и словами, и жестами как бы убедить его в чем-то. Он во время лекции слегка жестикулировал, причем жесты его были и своеобразны, и выразительны; в руках его, когда он и не жестикулировал, в их позе, когда они лежали спокойно, было много характерного, что прекрасно выразил Репин в своем великолепном портрете И. М., находящемся в Третьяковской галерее... Временами во время лекции вдруг прозвучит как-то особенно вдохновенно какая-нибудь блестящая мысль, какое-нибудь неожиданное обобщение, которое заставит всех встрепенуться, и все это опять с тем же спокойствием, с той же спокойной аргументацией и логикой»[2].

---

[1] Самойлов А. Ф., Избранные статьи и речи, стр. 46.

[2] Там же, стр. 46—47.

* * *

Из сказанного видно, что особенности лекционного преподавания и лабораторно-практических работ И. М. Сеченова заключались в следующем:

1. Все лекции И. М. Сеченова были построены на основе материалистической философии, последовательной и выдержанной. В отличие от некоторых других ученых естествоведов XIX века, бывших «стихийными» материалистами, И. М. Сеченов совершенно сознательно проводил в научно-исследовательской и преподавательской работе философский материализм, представителями которого были Герцен, Белинский и особенно Чернышевский. Своими глубокими исследованиями физиологии и психологии он не только обосновывал и доказывал правильность материалистической теории познания, но обогащал материализм, развивал его отдельные положения, особенно положения, относящиеся к природе психики, нанося сокрушительные удары по различного рода идеалистическим течениям в науке и философии.

Боевой, воинствующий характер материализма И. М. Сеченова, его передовое общественно-политическое мировоззрение, его демократизм и патриотизм придавали лекциям по физиологии особую действенность, жизненную направленность; возбуждали в студентах интерес не только к науке, но и к материалистической философии, к большим и сложным вопросам теоретико-познавательного значения, к проблемам переустройства общества на новых началах. И хотя Сеченов не смог подняться до диалектического материализма в решении вопросов теории познания и общественного развития, его лекции воспитывали студентов в духе непримиримого отношения к идеализму, в духе освободительных идей русских революционных демократов шестидесятых годов.

2. Лекции И. М. Сеченова в значительной своей части были результатом его собственных научно-исследовательских работ. Это обстоятельство придавало лекциям оригинальный, творческий характер. И. М. Сеченов создавал новую науку, материалистическую экспериментальную физиологию. На лекциях и через лекции он знакомил студентов не только с последним словом своей науки, но и выносил на суд молодежи это последнее слово, проверяя иногда, таким образом, правильность и своих выводов и заключений. Все это импонировало слушателям, расширяло их научный горизонт, будило творческую мысль, вводило их в лабораторию деяний и размышлений своего учителя, стимулировало стремление са-

мим включиться в работу по разгадыванию и изучению непознанных пока, запутанных идеалистами вопросов физиологии и психологии.

3. Вся научная деятельность И. М. Сеченова носила глубоко новаторский характер; он прокладывал новые пути в науке, ломая старые традиции, отбрасывая мертвые догмы, устанавливая и пропагандируя единственно правильные и глубоко плодотворные материалистические взгляды на организм человека и его психику. Новаторство в науке требовало дерзаний, отваги и смелости творческой мысли.

Новаторству в науке соответствовало и новаторство в преподавании науки. Лекции его иногда носили полемический характер. Ученый смело ставил новые вопросы, сам отвечал на них, попутно разоблачая идейных врагов своих. Достоверность своих положений тут же подтверждал демонстрацией опытов.

Полемическая форма отдельных лекций, демонстрация прекрасно поставленных опытов, а также практические занятия студентов во внеучебные часы в физиологической лаборатории, — все это помогало студентам познакомиться с методами научно-исследовательской работы, с аппаратурой и техникой эксперимента, с методами идейной борьбы за передовую науку, наглядно и убедительно доказывало и показывало торжество нового над старым, материализма над идеализмом.

4. Данные материалистической философии, научные факты и выводы, результаты экспериментов излагались с неумолимой, чисто сеченовской логикой, стройно, ясно, последовательно. Лекции Сеченова были образцом и школой логического мышления; они приучали студентов серьезно и ответственно относиться к доказательствам, аргументам, к установлению причинных связей, к уменью пользоваться анализом и синтезом, индукцией и дедукцией, сопоставлением и сравнением, фактами и абстрактными категориями. Логикой своих лекций, силой своей честной мысли И. М. Сеченов учил слушателей честно, логично и правильно мыслить, учил их самостоятельно делать выводы и умозаключения.

5. Кроме демонстрации опытов на лекциях, И. М. Сеченов широко применял различные виды наглядности. Он часто показывал студентам картины, рисунки, схемы, чертежи, демонстрировал модели устройства человеческого тела. Его лекции по физиологии, изданные под названием «Физиологические очерки», снабжены множеством рисунков, схем, таблиц,

диаграмм, чертежей. Благодаря широкому и умелому применению наглядных пособий, студенты более сознательно воспринимали лекционный материал и глубже, прочнее его усваивали.

6. И. М. Сеченов был убежденным и страстным противником лживого лозунга — «наука для науки». Наука для жизни, для народа, для счастья человечества. Многие теоретические положения своих лекций И. М. Сеченов связывал с потребностями жизни, с практическими запросами общества. Вместе со своим другом С. П. Боткиным он организует серию экспериментальных работ, связанных с практической медициной, привлекая на них и студентов. Его лекции и статьи по физиологии питания, физиологии труда, его исследования физиологических процессов в организме человека в условиях пониженного давления воздуха на определенных высотах имеют непосредственно практическое, жизненное значение. На лекциях, в лаборатории великий ученый, осуществляя связь теории с практикой, учил студентов и учеников работать для жизни, для народа.

7. Одним из сильнейших средств воспитательного воздействия Сеченова на студентов был богатый, образный и красивый язык его лекций. В свете гениального учения И. В. Сталина о языкознании сеченовский язык науки представляет величайший интерес. Самые глубокие идеи и мысли, философские проблемы, система науки изложены простым, ясным, изящным, общенародным русским языком. Своими лекциями И. М. Сеченов не только давал знания, учил мыслить, приобщал к науке, но и воспитывал в студентах любовь и уважение к великому русскому языку, стремление овладеть самим всеми богатствами родного языка, учил их высокой культуре речи.

8. Огромное воспитательное значение имело то, что И. М. Сеченов любил педагогический труд, любил читать лекции, работать в лаборатории, любил и уважал своих молодых слушателей. Он обладал замечательным педагогическим тактом, у него всегда с аудиторией был контакт, который устанавливается обычно при наличии глубокого взаимного понимания и уважения.

Своими содержательными и прекрасными по форме лекциями, экспериментами, своими смелыми научными мыслями, чистотой и высокой идейностью своих общественно-политических взглядов, всем моральным обликом своим И. М. Сеченов глубоко влиял на студенчество, которое видело в нем

все лучшее, что было в жизни и что изображали писатели-реалисты в героях, представителях нового типа русских людей, рожденных освободительным движением.

VI

Великолепное преподавательское искусство И. М. Сеченова не было дано ему в готовом виде. Оно было результатом большого труда, длительной предварительной научной и педагогической подготовки, результатом творческой работы по подготовке буквально каждой лекции.

И. М. Сеченов учился у многих прославленных ученых, русских и иностранных. Его учителями в России были: М. В. Остроградский, П. А. Ильенков, К. Ф. Рулье, И. Т. Глебов, Ф. И. Иноземцев, А. Н. Орловский. Он слушал в Московском университете лекции Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева. За границей ему пришлось работать у Гельмгольца, Иоганна Мюллера, Людвига, Клода Бернара, Бунзена, Дюбуа-Реймона.

Он долго, терпеливо и плодотворно готовился к научно-преподавательской работе. В письме на имя совета Московского университета, написанном И. М. Сеченовым за три года (в 1857 году) до занятия им кафедры физиологии, он излагает свой взгляд на профессорскую деятельность и подготовку к ней. Профессор обязан быть настоящим ученым, всю жизнь свою отдающим науке и ее распространению. Будущий профессор должен знать не только результаты науки, но и пути исследования науки, пути научных достижений, без этого невозможна самостоятельная творческая работа и критика в науке. Огромным недостатком в профессоре Сеченов считал отсутствие в нем творческого, критического отношения к научным концепциям других ученых. Профессору физиологии нужно знать высшую математику. Сообщая о проделанной им за 9 месяцев работе, он пишет, что познакомился в химической лаборатории с количественным и качественным анализом неорганических веществ и почти всех животных, занимался нервной физикой, сравнительной остеологией, слушал курсы физики, химии, гистологии, сравнительной анатомии, истории развития зародыша, а также курс физиологии животного электричества. В дальнейшем намечает побывать в Лейпциге у профессоров Веберов и Фуке, в Бонне — у Гельмгольца, в Париже он собирается зани-

маться исключительно сравнительной анатомией и физиологией растений и т. д.

В каждом слове этого письма чувствуется, как ответственно относился И. М. Сеченов к научно-педагогической деятельности, как высоко он ставил звание профессора, учителя молодежи. Преподаватель высшей школы должен быть вооружен методами научного исследования, последними достижениями науки, у него должны быть свои собственные ученые труды, дающие ему право учить науке других и возможность критически разбираться в научных открытиях своих сотоварищей по работе.

И. М. Сеченов дает меткие и глубокие педагогические характеристики своих учителей.

Характеристики эти представляют собой богатый и интересный материал для раскрытия и понимания педагогических и дидактических взглядов И. М. Сеченова.

Из них следует, что только те ученые были прекрасными преподавателями-лекторами, кто имел передовое для своего времени материалистическое мировоззрение, кто сам разрабатывал и двигал науку вперед, кто жил интересами народа и воспитывал студентов в духе материалистических и передовых общественно-политических идей.

Иностранные ученые, будучи крупными исследователями, экспериментаторами, как, например, Иоганн Мюллер, Герман Гельмгольц, не отличались выдержанным передовым философским мировоззрением, не были проводниками прогрессивных общественно-политических идей. И. Мюллера В. И. Ленин характеризует как «физиологического идеалиста». О Гельмгольце В. И. Ленин говорит: «Гельмгольц, крупнейшая величина в естествознании, был в философии непоследователен, как и громадное большинство естествоиспытателей. Он склонялся к кантианству, но и этой точки зрения не выдерживал в своей гносеологии последовательно»[1]. Хотя Гельмгольц и признавал зависимость ощущения от действующего на рецептор раздражителя, но зависимость эту трактовал совершенно неправильно. По учению Гельмгольца, ощущения, являясь продуктом воздействия предметов материального мира на нервную систему, сами по себе ничего общего с предметами не имеют. Гельмгольц писал: «Я обозначил ощуще-

[1] В. И. Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Огиз, 1948, стр. 216.

ния как **символы** внешних явлений, и я отверг за ними всякую аналогию с вещами, которые они представляют»[1].

И. М. Сеченов высоко ценил Гельмгольца как ученого, сделавшего очень много для физиологии органов внешних чувств, но он, опираясь на достижения физиологии и философский материализм Н. Г. Чернышевского, доказывал вопреки Гельмгольцу сходство наших ощущений и восприятий с предметами и явлениями реального мира. «Сходства и различия, находимые человеком между чувствуемыми им предметами, суть сходства и различия действительные»[2], — писал И. М. Сеченов.

Западноевропейские ученые — И. Мюллер, Людвиг, Гельмгольц и другие занимались преимущественно изучением периферических нервных органов, считая невозможным производить опыты над головным мозгом. «Это все равно, — говорил Людвиг, — что изучать механизм часов, стреляя в них из ружья». Этот ничем не прикрытый агностицизм был присущ многим иностранным натуралистам.

Гениальный русский ученый, преодолев робость и непоследовательность западноевропейских физиологов, во всеоружии физиологических, философских знаний и экспериментальных умений приступил к изучению физиологии головного мозга и высшей нервной деятельности животных и человека, заложив, таким образом, основы истинно научной психологии.

Вспоминая своих учителей на склоне лет, И. М. Сеченов видел все их недостатки и с высоты своих философских, научных позиций и своего педагогического опыта оценивал их преподавательское искусство. И. Мюллер, Людвиг, Гельмгольц, Клод Бернар в своих лекциях были односторонни, излагаемый ими богатый и нужный экспериментальный материал не освещался светом передового научного мировоззрения или освещался с идеалистических позиций. Это затемняло иногда материалистическую сущность добытых фактов и делало лекции ученых недостаточно обоснованными и последовательными.

Кроме того, лекции Мюллера и Гельмгольца, по воспоминаниям Сеченова, и с внешней стороны не представляли большого интереса: читались они сухо, без увлечения, иногда элементарно.

Западноевропейские ученые не были учителями жизни, не были представителями материалистической философской

---

[1] Каганов В., Мировоззрение И. М. Сеченова, Огиз, 1948, стр. 210.
[2] Сеченов И. М., Собрание сочинений, т. II, стр. 257.

мысли, не были глашатаями большой общественно-политической правды. Поэтому лекции их, давая конкретные знания, предлагая вниманию слушателей иногда интересные факты, носили ограниченный характер, они не были связаны с поисками передовой молодежью единого материалистического мировоззрения, не были связаны с ее общественно-политическими интересами и запросами. Но, не будучи учителями жизни, западноевропейские ученые были хорошими педагогами в узком смысле этого слова. Они настойчиво, последовательно, шаг за шагом, путем демонстрации опытов на лекциях, усердно работая в своих лабораториях, словом и показом учили своих учеников искусству экспериментирования.

И. М. Сеченов положительно отзывается о постановке химических, физических и физиологических экспериментов в лабораториях Бунзена, Людвига, Клода Бернара. Овладев методикой и техникой экспериментирования, И. М. Сеченов начал вносить улучшения и исправления в существовавшие тогда способы выделения газов из крови. В конечном счете, он сконструировал новый прибор, абсорбциометр, позволявший с большой точностью производить анализ поглощения кровью газов. «Широко распространенные в настоящее время в лабораториях всего мира манометрические аппараты являются лишь усовершенствованием прибора Сеченова»[1], — говорит академик Х. С. Коштоянц.

Учась мастерству постановки опытов и экспериментов у западноевропейских ученых и обгоняя некоторых из них в этом мастерстве, конструируя свои приборы для лабораторных исследований, И. М. Сеченов одновременно вел большую самостоятельную научную работу, которая привела его к блестящим выводам, положившим начало материалистической физиологии и психологии. Он продолжал слушать лекции берлинских профессоров, но они мало давали молодому ученому для его научной работы. Сеченов говорит, что лекции эти «при всей их внутренней ценности были в сущности элементарны»[2]. Не лекции, а эксперименты, естественно-научные методы исследования явлений и процессов живого организма, а также заложенные еще в России, в Московском университете, передовые философские, научные и общественно-политические идеи, и особенно влияние Н. Г. Чернышевского на молодого ученого, и вся последую-

[1] Коштоянц Х. С., И. М. Сеченов, стр. 137.

[2] Сеченов И. М., Автобиографические записки, 1907, стр. 77.

щая деятельность И. М. Сеченова в русской высшей школе, помогли ему стать величайшим ученым мира, воинствующим материалистом, демократом и замечательным педагогом.

Передовые профессора Московского университета, у которых учился И. М. Сеченов до поездки за границу, во многом отличались от западноевропейских ученых. Почти все великие русские ученые, начиная с Ломоносова, были демократами, пламенными патриотами, горячо любившими и уважавшими свой народ, свое отечество. Они защищали материалистические идеи в науке, самобытность и оригинальность русской науки, связь теории с практикой. Передовые русские ученые никогда не замыкались в кругу узких кастовых интересов, они стремились популяризировать науку среди народа, рассматривая эту свою деятельность как служение народу, как выполнение общественного долга.

Как было сказано выше, И. М. Сеченов в Московском университете учился у Грановского, Кудрявцева, Рулье, Глебова, Иноземцева. Ни Грановский, ни Кудрявцев не были материалистами, не были революционными демократами. Но «имя Грановского, — пишет газета «Правда», — неотделимо от имени Белинского и Герцена. Между ними существовали расхождения. У каждого был свой политический и литературный облик. Но они творили общее дело»[1] А. И. Герцен писал о своем друге: «Грановский думал историей, учился историей и историей впоследствии делал пропаганду», представлявшую собою «постоянный протест против существующего порядка в России»[2].

Этот протест против самодержавно-крепостнического строя в России и привлекал студентов других факультетов на лекции Грановского, который видел зло, ненавидел его и всеми доступными ему средствами противился ему.

К. Ф. Рулье был настоящим борцом за материалистическую науку, патриотом, честно и преданно служившим своей родине. «Напрасна наука, которая живет вне общества», — говорил он. Рулье был создателем, по утверждению академика Л. Ш. Давиташвили, «единственной в мире додарвинской школы естествоиспытателей-эволюционистов»[3]. «В природе

[1] Газета «Правда» от 21 марта 1938 года.

[2] Герцен А. И., Былое и думы. Огиз, 1946. стр. 279.

[3] «Вопросы истории отечественной науки», изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 424—425.

нет покоя, нет застоя... В природе всеобщее, непрерывное движение!!»[1] — писал Рулье.

К. Ф. Рулье и физиолог И. Т. Глебов были талантливыми педагогами-лекторами. Лекции их имели огромное просветительно-образовательное и воспитательное значение, наталкивали студентов на раскрытие основных законов природы, приучали их к философским обобщениям.

Мастерству построения лекций, уменью использовать богатства русского литературного и научного языка, уменью связывать теорию с практикой, трудному искусству влиять на студенческую аудиторию, — всему этому И. М. Сеченов учился у передовых ученых Московского университета.

Вооруженный всеми достижениями современной ему физиологии и психологии, глубоким знанием физики, химии, математики, уменьем и навыками лабораторных исследований, вооруженный методикой и техникой разнообразных экспериментов и вивисекторского искусства, педагогически подготовленный изучением трудов известных педагогов и слушанием лекций лучших московских и западноевропейских профессоров, знакомый с материалистической философией и сам уже выдающийся мыслитель и ученый, — И. М. Сеченов приступил к чтению лекций в Петербургской медико-хирургической академии.

Вот как об этом говорит он сам в «Автобиографических записках»:

«...исполняя приказ начать чтение тотчас же по получении места, я мог начать читать лекции по никем незнаемому в то время в России животному электричеству... Лекции я составлял подробно, от слова до слова, и получил через это возможность напечатать их в течение этого же года в «Военно-медицинском журнале»[2]. Дальше Сеченов пишет: «С осени 1860 года началось настоящее профессорствование в медицинской академии. У меня осталось несколько листков из того времени, свидетельствующих, что, готовясь к лекциям, я писал их от слова до слова»[3].

В течение всей своей преподавательской деятельности по каждому новому курсу И. М. Сеченов тщательно готовился к каждой лекции, составляя полный письменный текст их. К

---

[1] Микульский С. Р., К. Ф. Рулье — биолог-материалист, «Вопросы философии», кн. 3, 1950, стр. 162.

[2] Сеченов И. М., Автобиографические записки, изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 104.

[3] Сеченов И. М., Автобиографические записки, 1907, стр. 115.

этому вынуждало его и отсутствие нужных учебников. Ведь он закладывал основы новой науки. Из лекций составлялись книги. Так появилась его «Физиология нервной системы», в предисловии к которой И. М. Сеченов писал: «Написать физиологию нервной системы побудило меня главнейшим образом то обстоятельство, что во всех, даже лучших, учебниках физиологии в основу частного описания нервных явлений кладется чисто-аналитическое начало..., я же с первого года преподавания нервной системы стал следовать другому пути, именно описывал на лекциях нервные акты так, как они происходят в действительности. Эта попытка удалась, и теперь я представляю попытку на суд публики в форме книги»[1].

В Москве, после почти тридцатилетнего преподавания, И. М. Сеченов, как и в молодости, лекции свои писал от слова до слова. В письме к своей жене он сообщает из Москвы: «Все будущее содержание лекций уложилось уже в голове, и я уже начал писать 1-ю лекцию. Писанье идет бойко, и я не замечаю за ним времени, просиживая до 2-го часа»[2].

Заранее написанная лекция содержит в себе зрелые, выношенные мысли, убедительные факты, строго отобранный и критически оцененный научный материал. В процессе подготовки лекции происходит отбор нужного от ненужного, главного от второстепенного, всему материалу придается наиболее совершенная словесная форма. Заранее подготовленная лекция представляет собою нечто целое, законченное, структурно строго выдержанное, как это и было у И. М. Сеченова.

Написанная лекция обеспечивает свободу творчества в процессе чтения самой лекции, свободу маневрирования, возможность экскурсов в смежные области знаний, стимулирует творческие импровизации.

И. М. Сеченов прекрасно умел сочетать особенности письменной речи с особенностями устной речи. У него во время чтения лекции, как вспоминают его слушатели, «вдруг прозвучит как-то особенно вдохновенно какая-нибудь блестящая мысль, какое-нибудь неожиданное обобщение, которое заставит всех встрепенуться» (А. Самойлов). Изложение заранее подготовленной лекции было не сухим и скучным чте-

---

[1] Сеченов И. М., Автобиографические записки, 1907, стр. 134—135.

[2] Письмо И. М. Сеченова к жене от 28 сентября 1889 года. Впервые опубликовано в книге В. Каганова «Мировоззрение И. М. Сеченова», стр. 33.

нием ее, а живым, красочным, убедительным и захватывающим научным рассказом. Недаром слушатели называли его художником и чародеем.

Сам Сеченов впоследствии весьма критически оценивал свою преподавательскую работу, считая ее несовершенной, а себя недостойным кафедры экспериментальной науки. Просматривая свои лекции первых лет профессорствования через сорок три года, И. М. Сеченов писал:

«Оказывается, что я не во всех случаях умел отличать важное от второстепенного, не умел обозначать точно словами различных понятий и отличался вообще наклонностью к анекдотическим, иногда даже очень резким суждениям»[1].

Только величайшая скромность великого ученого могла продиктовать эти строки, не отвечающие действительному значению его лекций.

В 1903 году, после 43 лет преподавательской работы в высшей школе, И. М. Сеченов начинает готовиться к чтению лекций по анатомии и физиологии для рабочих на Пречистенских курсах. Желая ближе познакомиться со своими будущими слушателями и с методами преподавания на курсах, он специально посещает лекцию известного московского химика М. И. Коновалова. С восторгом отзывается Сеченов о его педагогическом мастерстве. «В жизнь мою я не слышал такого умелого приспособления серьезного чтения к умственным средствам аудитории, — пишет И. М. Сеченов. — Курс, очевидно, был задуман и приводился в исполнение так, что всякий шаг вперед имел основание в одном из предшествующих ближайших. Делая такой шаг, лектор обращался к аудитории с вопросом, что послужило для этого шага основанием, и из аудитории каждый раз раздавался верный ответ. При этом нужно заметить, что лекция М. И. (Коновалова) нисколько не отличалась по содержанию от лекций, читаемых в университетах студентам»[2].

Непревзойденный мастер-педагог, художник живого научного слова, так много сделавший в области дидактики и методики преподавания, Сеченов с радостью отмечает умелое построение всего курса и отдельных лекций по химии своего молодого коллеги. Он готов был учиться у каждого искусного и добросовестного преподавателя, не считаясь с тем, что за плечами у него самого почти полувековой опыт педаго-

---

[1] Сеченов И. М., Автобиографические записки, изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 106.

[2] Там же, стр. 175—176.

гической работы и что он давно признанный корифей науки, умеющий как никто другой науку создавать и ее мастерски, вдохновенно преподавать.

Поразила его и аудитория. «Сильное впечатление получалось и от аудитории, слушавшей с какою-то жадностью простую и ясную речь своего профессора, подкреплявшуюся на каждом шагу опытом», — пишет Сеченов.

Еще с большим вниманием слушала рабочая аудитория лекции самого И. М. Сеченова, сопровождавшиеся опытами, подготовленными его ассистентом М. Н. Шатерниковым. Лекции Сеченова на курсах продолжались с октября 1903 г. по февраль 1904 г.

Великий ученый-материалист приложил все свое педагогическое мастерство, свое уменье излагать самые сложные научные вопросы просто, ясно и доходчиво, словом, сделал все, чтобы рабочие слушатели легко восприняли и усвоили основные положения материалистической физиологии. С большим моральным удовлетворением Сеченов записывает: «И моя аудитория производила на меня очень отрадное впечатление своим вниманием и явным пониманием читаемого»[1].

Но И. М. Сеченову запретили читать лекции на курсах. боясь его влияния на рабочих.

Всю жизнь свою отдал Сеченов борьбе за передовую науку, за свободу исследований, борьбе за новые методы преподавания в высшей школе, за научное и педагогическое новаторство, за передовые философские и общественно-политические идеи.

Результаты этой борьбы огромны.

Гениальный русский ученый, заложивший основы материалистической физиологии и психологии и целого ряда смежных отраслей знания, воинствующий философ-материалист, убежденный враг самодержавно-крепостнического строя и соратник революционных демократов, — И. М. Сеченов был одновременно замечательным русским педагогом, реформатором преподавания естественных наук в высшей школе, развившим и обогатившим русский научный язык. Его смело можно назвать одним из теоретиков русского высшего образования и одним из создателей материалистической дидактики высшего учебного заведения. Если к этому прибавить естественно-научное обоснование, данное им психологии и педагогике и развитое дальше И. П. Павловым, то совер-

[1] Сеченов И. М., Автобиографические записки, изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 176.

шенно непонятным и обидным становится игнорирование педагогической деятельности И. М. Сеченова в наших работах и учебниках по истории педагогики.

И. М. Сеченов своими трудами и своей жизнью обессмертил свое имя и прославил свой народ.

В дни тяжелых испытаний нашей Родины, когда фашистские орды рвались к Москве, великий вождь советского народа и всего передового человечества И. В. Сталин имя И. М. Сеченова поставил в ряду славнейших представителей великой русской нации.

ГРИЦЕНКО Н. П.
кандидат исторических наук

ВОЛНЕНИЯ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОЙ ЗАПАШКОЙ

(1828—1860 гг.)

Изучение истории рабочего класса и крестьянства России является одной из первоочередных задач наших историков. И. В. Сталин учит нас, что «...историческая наука, если она хочет быть действительно наукой, не может больше сводить историю общественного развития к действиям королей и полководцев, к действиям «завоевателей» и «покорителей» государств, а должна, прежде всего, заняться историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов»[1].

За последние годы вышли в свет капитальные работы по истории крестьянства, среди которых необходимо назвать монографии академика Б. Д. Грекова «Крестьяне на Руси» и члена корреспондента Академии наук СССР Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева». Несмотря на многочисленные работы по общей истории крестьянства, история удельных крестьян до сих пор не изучена. Н. М. Дружинин говорил: «Нельзя, например, дать обобщающей истории крестьянства XIX века без создания монографии об удельных крестьянах — темы совсем нетронутой»[2].

В журнальных статьях об удельных крестьянах, написанных в последней четверти XIX и в начале XX веков буржуазные историки всячески затушевывали классовую борьбу в удельной деревне. Они доказывали, что удельные крестьяне в дореформенный период жили хорошо, без классовой борьбы, что удельное ведомство своими «попечительными» мерами спо-

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 116.
[2] «Вопросы истории», 1948, № 11, стр. 149.

собствовало благосостоянию удельных крестьян. Примером такого освещения истории удельных крестьян является двухтомная работа «История уделов за столетие их существования», написанная по заданию Департамента уделов и изданная в 1902 году.

Советские историки мало уделяли внимания истории удельных крестьян, хотя этот разряд среди других категорий крестьянства занимал не последнее место.

В конце XVIII века крепостных крестьян в России насчитывалось 9,9 миллиона душ мужского пола, государственных крестьян—свыше 7 миллионов, удельных крестьян (ранее дворцовых, переименованных в удельные павловским указом 5 апреля 1797 года) — 597 тысяч, приписных к горным заводам — 264 тысячи и посессионных — 80 тысяч душ мужского пола[1]. В первой половине XIX века число удельных крестья значительно возросло. В 1858 году помещичьих крестьян разных наименований — около 8 миллионов душ мужского пола, и в ведении Департамента уделов насчитывалось удельных, дворцовых и государевых крестьян 955 тысяч душ мужского пола[2]. Причем, одних удельных крестьян насчитывалось свыше 825 тысяч душ мужского пола[3]. Таким образом, удельные крестьяне к числу помещичьих крестьян занимали 8,5 проц., а к числу государственных крестьян — 10,3 проц.

Значительная часть удельных крестьян России была сосредоточена в Среднем Поволжье: в Симбирской, Самарской и Казанской губерниях. В этих губерниях по 10-й ревизии 1858 года одних удельных крестьян (без крестьян других наименований, входивших в заведование удельных контор Среднего Поволжья) насчитывалось 361.531 душа мужского пола, или 38 проц. всех удельных крестьян России[4]. Поэтому выводы, сделанные в данной статье о положении удельного крестьянства и их борьбе в Среднем Поволжье, в значительной степени относятся ко всему удельному крестьянству России.

* * *

Разряд удельных крестьян был образован на основании павловского закона 5 апреля 1797 года «Учреждение об императорской фамилии». Согласно этому закону все дворцовые кре-

---

[1] П. Лященко, История народного хозяйства СССР, М., 1939, стр. 233—234.

[2] Там же, стр. 325.

[3] История уделов... т. 2, Спб, 1902, стр. 528, 563.

[4] Там же, стр. 361.

стьяне превращались в удельные, для которых были определены тем же законом и их обязанности. Главная обязанность удельных крестьян состояла в том, чтобы своим трудом содержать многочисленную императорскую фамилию. «Имения удельные, — говорилось в павловском законе, — хотя и числятся особо под сим названием, не входя в разряд помещичьих, но во всех случаях, где употребление сих последних потребно, употребляются наряду с ними и имения удельные»[1]. Таким образом, главными феодальными владельцами удельных крестьян были Романовы, первые помещики России.

Для эксплуатации и управления удельными крестьянами в Петербурге был создан Департамент уделов, на местах — удельные экспедиции, а после их ликвидации в 1808 году — удельные конторы[2]. Непосредственными руководителями удельных крестьян были сельские приказы, исполнители воли Департамента уделов и удельных контор. Эти учреждения по управлению и эксплуатации удельных крестьян не менялись, за некоторыми деталями, вплоть до 1863 года — реформы в удельной деревне.

Разряд удельных крестьян возник в тот момент, когда в недрах феодально-крепостнического строя шел процесс развития новых, капиталистических отношений, которые со всей силой начали проявляться в промышленности и в сельском хозяйстве как в городе, так и в деревне. Дальнейшее развитие товарно-денежных отношений, рост обмена и развитие внутреннего рынка разрушало натуральную систему хозяйства. Товарно-денежные отношения проникали в помещичье хозяйство, а также в удельную и государственную деревню.

Удельное ведомство, руководимое непосредственно царем, приспосабливало свое огромное хозяйство к новым условиям. И если Екатерина II и Павел I в интересах господствующего класса в больших размерах раздавали дворцовые земли и тех же крестьян, то в первой половине XIX века мы наблюдаем другое явление: путем покупки происходит увеличение земель и удельных крестьян. За период 1801—1863 гг. было куплено

---

[1] Свод удельных постановлений, ч. 1, СПБ, 1843, стр. 1.

[2] До 1808 года удельными крестьянами Среднего Поволжья ведала Казанская удельная экспедиция. С ликвидацией ее были образованы удельные конторы: Симбирская, Казанская, Нижегородская, Пензенская, В 1835 году с передачей государственных крестьян Симбирской губернии в рязряд удельных были образованы новые удельные конторы: Самарская, Сызранская и Алатырская.

876230 дес. земли и 58118 душ крестьян мужского пола[1]. Если же учесть приобретение земель другими путями (обмены, получение земель из государственных фондов и т. д.), то мы увидим следующую картину: в 1800 году общая площадь удельных имений равнялась 4.162.006 десятинам, в 1860 году эта площадь возросла до 8.992.110 десятин, или за 60 лет увеличилась более чем в два раза[2].

Огромное удельное хозяйство приносило большие доходы дому Романовых. Основную сумму дохода получали от эксплуатации удельных крестьян. Только подушного оброка, до введения поземельного сбора, по подсчетам составителей «Истории уделов», поступало в Департамент уделов: в 1800 году — 2.177 руб. асс., в 1830 г. — 5110 тыс. руб. асс.[3]. Не довольствуясь подушным оброком, удельное ведомство решило ввести так называемый поземельный сбор. Сущность поземельного сбора состояла в усилении эксплуатации удельных крестьян.

В 1830 году министр двора Волконский представил царю доклад о преобразовании податного обложения в удельной деревне. Волконский утверждал, что «подати должны быть налагаемы соразмерно со способом плательщиков», а для уравнительного сбора податей с крестьян критерием должна служить земля, как единственный источник крестьянских доходов. В докладе обосновывалось взимание сбора в зависимости не только от количества, но и качества земли, находящейся в пользовании крестьян. С введением поземельного сбора, утверждал Волконский, «крестьяне удостоверились бы, что земля не есть их собственность, но находится у них, так сказать, только в оброчном содержании»[4].

Готовясь к введению поземельного сбора, Департамент уделов решил малодоходные удельные имения и плохо обеспеченных землею крестьян передать в казну, а лучшие земли и хорошо обеспеченных землею государственных крестьян взять в удельное ведомство.

В 1835 г. обменная операция состоялась. Департамент уделов отдал казне по 18 губерниям более 210 тыс. душ удельных крестьян мужского пола и 1.618 тыс. десятин земли, а получил из казны в одной Симбирской губернии до 200 тыс. крестьян мужского пола и 2.711 тыс. десятин земли. Обменная операция для Департамента уделов была выгодной:

---

[1] История уделов..., т. 1, Спб, 1902, стр. 650.
[2] Там же, стр. 345.
[3] Там же, стр. 663.
[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 229, листы 134—135.

удельные имения в 18 губерниях, переданные в казну, приносили дохода 1.856 тыс. рублей, Симбирское имение, переданное в удел, приносило дохода уже в 1835 году 2.206 тыс. рублей[1].

В результате обмена число удельных крестьян в Симбирской губернии значительно возросло. По 8-й ревизии коренных удельных крестьян в губернии насчитывалось 39844 души мужского пола. С перечислением государственных крестьян в уделы, число удельных крестьян возросло до 239.155 душ мужского пола и «поступающих в одно только удельное управление» лашман, свободных хлебопашцев, пахотных солдат, ямщиков, однодворцев и их крестьян — 49.645 душ мужского пола. Следовательно, в заведывании 4-х удельных контор Симбирской губернии всех крестьян, числившихся по 8-й ревизии, было 288.800 душ мужского пола[2].

В 1830 году был введен поземельный сбор. В результате оценки земли, находившейся в пользовании крестьян, последним выделили определенное количество земли (коренные участки), а так называемую излишнюю (или запасную) землю отрезали от коренных участков, за которую крестьяне должны платить особый оброк, а в случае их отказа, такую землю передавали в оброчные статьи.

Поземельный сбор, существовавший на протяжении более 30 лет в удельной деревне (1830—1863), постоянно увеличивался и возрастал. Если в 1828 году, до введения поземельного сбора, Департамент уделов получал дохода из Симбирского имения только 402 тысячи руб., а в 1835 году, с перечислением казенных в удельные крестьяне — 2.206 тыс. рублей ассигнациями, то в конце 50-х годов XIX века — 1583 тыс. рублей серебром или более 4750 тыс. руб. ассигнациями[3]. Доход Департамента уделов только от поземельного сбора увеличился по Симбирской и Самарской губерниям более чем в два раза.

С увеличением дохода в пользу Департамента уделов постепенно и ощутительно сокращался жизненный уровень зна-

---

[1] История уделов, т. 1, стр. 219—222.

[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 451, листы 16—19; ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 81, лист 7; ф. 318, оп. 1, д. 418, листы 126—127, 262—263, 346, 349, 456.

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 106, листы 337—353; д. 267, листы 73—92; д. 305, лист 8; д. 1219, лист 1; д. 1182, листы 118—128; ф. 320, оп. 1, д. 159, листы 27—35; ф. 322, оп. 1, д. 834, листы 3—22; История уделов, т. 1, стр. 220.

чительной части удельных крестьян. Земельные наделы их заметно сокращались.

С введением поземельного сбора образовался большой земельный фонд за счет «излишней», или, как позже было названо, «запасной» земли. Запасная земля превращалась в оброчные статьи. Крестьяне, плохо обеспеченные землей, вынуждены были находившуюся ранее в их распоряжении землю арендовать, платить за нее по ценам поземельного сбора.

Поземельный сбор коснулся не только тех крестьян, кто кормился только от земли, но и тех, кто занимался промыслами и торговлей. Поземельному налогу подлежала не только пахотная земля, но и луга, огороды, сады. Причем, при взимании поземельного сбора, учитывались способы сбыта хлеба, расстояние селений от торговых центров, пристаней, а соответственно этому повышался или понижался поземельный налог.

Удельные крестьяне были обязаны выполнять многочисленные другие повинности: платить подушную подать, давать деньги на земские нужды и содержание земской полиции, деньги на содержание приказов и разъезды приказных старшин; платить рекрутские деньги, отбывать подводную, дорожную повинности. Повинности удельных крестьян были неисчислимы.

Если учесть, что удельные чиновники сплошь и рядом были взяточники и вымогатели, то денежные подати крестьян были значительно выше установленных законом. Для иллюстрации можно привести один из многочисленных фактов. Чиновники Симбирской удельной конторы десятилетиями грабили крестьян. О взятках этих чиновников наконец узнали в Петербурге, и в 1828—1829 годах Департамент уделов произвел ревизию Симбирского удельного имения. Ревизоры наряду с другими преступлениями установили чрезмерные поборы с удельных крестьян. Так, крестьяне Ставропольского и Самарского уделов по удельному расписанию должны были в 1827 году платить 14 руб. 55 коп. с ревизской души, на самом же деле они платили с души по 20 рублей, «но к кому оные излишние деньги от сборщика поступали, им, крестьянам, неизвестно». Крестьяне Алатырского и Ардатовского уездов «находятся в посредственном состоянии, почти все крестьяне единогласно показывают, что сбор с них производился через приказных старост по семнадцати и восемнадцати рублей с каждой ревизской души; тогда, когда оный на казенную, удельную и общественную повинности установлен был на 1827

год с души по 14 рублей 64,5 коп. Кому старосты или сборщики отдавали излишние взятые с них деньги, крестьянам неизвестно». Даже с крестьян д. Подгорной Баевой Ардатовского приказа, которые находились «в худом состоянии, не имея почти вовсе земли, и чтобы дешевле таковую для посева нанять, ездят за триста верст» — тоже брали по 18—20 руб. с души[1].

Увеличение феодально-крепостнических повинностей, сокращение земельных наделов и периодические неурожаи, голодное существование — все это толкало удельных крестьян на классовую борьбу. И чем больше крепостники наступали на крестьян всех разрядов, тем все больше разгоралась классовая борьба. Удельные крестьяне часто выступали совместно с помещичьими и государственными крестьянами. Когда в 1839 году в Среднем Поволжье в результате пожаров вспыхнули волнения помещичьих крестьян, к ним немедленно присоединились удельные крестьяне и лашманы. В 50-х годах накануне реформы, в период революционной ситуации, удельные крестьяне вместе с помещичьими крестьянами своими волнениями заставили первого помещика России Александра II пойти на отмену крепостного права не только в помещичьей, но и в удельной деревне.

Одной из тяжелых повинностей была общественная запашка. Крестьяне многократно выступали за ее уничтожение, а вместе с ней требовали «порешить» и удельное ведомство.

Мы и поставили перед собой задачу на основе документальных материалов Государственных архивов Ульяновской[2] и Куйбышевской областей, отчасти Центрального Государственного исторического архива в Ленинграде и Центрального архива Древних актов в Москве, показать волнения удельных крестьян в связи с «общественной запашкой», которая являлась своеобразной формой феодально-крепостнического угнетения.

* * *

Удельную деревню, как и всякую другую, в период феодально-крепостнического строя часто посещал голод, эпидемии, неурожаи и другие бедствия, от которых страдало кре-

---

[1] ЦГАДА, ф. 264, Департамент (уголовный) Правит. Сената, оп. 6, д. 183179, листы 4—7, 303.

[2] В Государственном архиве Ульяновской области сохранились материалы Казанской удельной экспедиции, Казанской, Алатырской, Симбирской, Сызранской, Самарской и Сарапульской удельных контор.

стьянство. Царское правительство и непосредственные владельцы крестьян, признавая голод и неурожаи бедствием, обычно не принимали реальных мер по борьбе с ними. «Ближайшая причина голода, — писал В. И. Ленин, — неурожай — бедствие, в глазах массы, чисто стихийное, божье попущение. А так как эти сопровождаемые голодовками неурожаи тянутся с незапамятных времен, то и законодательство давно уже вынуждено считаться с ними. Давно уже существуют (главным образом на бумаге) целые уставы народного продовольствия, предписывающие целую систему «мероприятий»[1].

Это положение В. И. Ленина относится не только к голоду 1901 года, но и к дореформенному периоду. Законы и уставы о народном продовольствии на случай голода существовали и в XVIII и в XIX веках, но они существовали часто на бумаге, и редко в незначительной мере воплощались в жизнь.

Выполняя общие постановления правительства о создании хлебных магазинов на случай неурожайных лет, Департамент уделов, ведавший удельными крестьянами, в начале XIX века распорядился пополнять магазины крестьянским хлебом по 20 фунтов озимого и столько же ярового с каждой десятины земли, находившейся в распоряжении крестьян.

С ликвидацией Удельных экспедиций и образованием Удельных контор в 1808 году сбор крестьянского хлеба для запасных магазинов пополнялся уже не от количества земли, а по числу ревизских душ, «по получетверику ржаного и по полугарнцу ярового хлеба с каждой[2]. На основании предписаний Департамента удельные крестьяне Казанской, Симбирской и Нижегородской (куда входила в это время и часть территории будущей Пензенской губернии) губерний в числе более 80 тысяч ревизских душ должны были к 1800 году построить 261 магазин и собрать хлеба: ржи — 242346 четвертей и ярового — 30293 четверти[3]. Но магазины в этом году оказались пустыми, т. к. крестьяне не имели хлеба для пополнения их, что подтвердила в 1800 году Казанская удельная экспедиция[4].

Положение не изменилось и в следующем году. Хлебные магазины не пополнялись, а тот хлеб, который был осенью ссыпан в магазины крестьянами, весною разбирался на посев

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 5, изд. 4, стр. 252.

[2] Государственный архив Ульяновской области (в дальнейшем ГАУО), ф. 342, оп. 1, д. 194, лист 187.

[3] ГАУО, ф. 534, д. 38, листы 42—68.

[4] ГАУО, ф. 534, д. 64, лист 370.

и для еды. В 1806 году в д. Старые Печуры старшины Покровского приказа Пензенской губернии обнаружили, что «собранного прошлых лет в запасном магазине хлеба в наличности не оказалось, который разобран теми обывателями весь без остатку, а с какого повеления о том они не известны, да и прочих подведомых оному приказу селениях из состоящих магазинов весь же хлеб обывателями разобран»[1]. То же самое было по Ефаевскому приказу той же губернии: «В селениях в магазейнах собранный с крестьян наличный хлеб по сущей бедности жителей самими собою заимообразно весь разобран и ныне оного в тех магазейнах налицо нигде не состоит»[2]. В 1803 году Княгининский приказ Нижегородской губернии уведомлял Казанскую экспедицию, что 12 селений этого приказа имеют крайнюю нужду в хлебе — ржаном и яровом. Поэтому он просит сданный крестьянами хлеб в хлебные магазины отдать неимущим из них[3]. Некоторые приказы Казанской экспедиции доносили в 1804 году, что в силу неурожая крестьяне не могут выполнить хлебных взносов в магазины. Один из приказов писал, что выборные «тщательно старались о выполнении своей повинности, но крестьяне по неурожаю ныне аржаного хлеба ко взносу не имеют, а едва только могли засеять озимой посев».

В 1807 году с просьбой выдать хлеб на пропитание и на посев обратились в экспедицию 6 селений Троицкого приказа Пензенской губернии и 4 селения Чистопольского приказа Казанской губернии, а выборные Козловского приказа Симбирской губернии доносили, что «многие в селениях их крестьяне, не имея в наличности хлеба, пропитывать своих семейств не могут как только распродажею на покупку оного своего скота...». 3 селения Краснослободского приказа Пензенской губернии, 18 селений Вараксинского, 12 селений Воскресенского и многие селения Анатышского приказов Казанской губернии[4], не могли вносить хлеб в запасной фонд. Как видим, крестьяне не только не могли создать продовольственного фонда на случай неурожая, но для многих из них не хватало хлеба для себя, так как значительную часть его они вынуждены были продавать на рынке для уплаты оброка, податей, на содержание старшин, приказных домов, на наем лоша-

---

[1] ГАУО, ф. 534, д. 124, листы 361—362.
[2] Там же, лист 356.
[3] ГАУО, ф. 534, д. 191, лист 494.
[4] ГАУО, ф. 534, д. 326, листы 156—157, 305—306; д. 325, лист. 927.

дей для разъездов приказного и земского начальства, деньги на отбывание рекрутской и многих других повинностей.

О положении казанского крестьянства всех разрядов в 1800 году сенаторы Спиридонов и Лопухин, ревизовавшие Казанскую губернию, дали такой отзыв: «Крестьяне, будучи обязаны платить подати, удовлетворяют ныне повинность сию по большей части продажею хлеба и при настоятельном взыскании с них сбора принуждены продавать оного весьма знатное количество, чем иногда делают немалое оскудение в собственных своих надобностях. Не могут также содержать довольного количества домашнего скота, как для работ и прочих употреблений. А в местах к хлебопашеству неудобных, должны они для своего собственного продовольствия покупать хлеб и потому нужно, чтобы они имели другие способы к своему продовольствию и к удовлетворению государственных податей, без приведения себя в убожество, а наконец в несостояние удовлетворить ни тому, ни другому»[1].

Урожайность в первой четверти XIX века была низкой, так как поля обрабатывали примитивно. Те же сенаторы отмечали, что земли обрабатываются «инде сохами... инде плугами... в иных же местах касулями»[2]. Царское правительство иногда изыскивало способы для предотвращения голода в деревне, но всегда безуспешно.

В 1822 году по распоряжению правительства во всех губерниях были созданы «Комиссии народного продовольствия», которые должны были открыть во всех селениях постоянные хлебные магазины. В тех селениях, где таких магазинов открыть нельзя было, предлагалось собирать с каждой души по 25 копеек для создания хлебного капитала.

На основании правительственного распоряжения Департамент уделов предписал всем своим конторам, чтобы сельские магазины с 1822 года наполнялись крестьянским хлебом — по 3 гарнца озимого и по одному ярового с каждой ревизской души.

Но все меры по борьбе с голодом, предпринимаемые правительством и Департаментом уделов, при беспечности и казнокрадстве местного начальства, не имели успеха. Даже в тех случаях, когда правительство выдавало деньги для голодающих крестьян, последние ни денег, ни хлеба обычно не получали. В декабре 1833 года А. С. Пушкин записал в сво-

---

[1] ЦГАДА, ф. 270 (сенаторские ревизии), оп. 1, д. 7, лист. 56.

[2] Там же, лист 52.

ем дневнике: «Кочубей и Нессельроде получили по 200000 на прокорм своих голодных крестьян, эти четыреста тысяч останутся в их карманах»[1]. Если Кочубей и Нессельроде присваивали деньги, отпущенные для голодающих крестьян их вотчин, то что же тогда делали рядовые чиновники на местах?! Они не только воровали отпущенные для крестьян деньги, но и забирали последние пожитки их.

Крестьяне постоянно голодали, так как низкие урожаи, большие налоги и подати заставляли их продавать не только хлеб, скот и домашнюю утварь, но и итти в кабалу, на заработки, что, естественно, подрывало их платежеспособность уделу и казне, а затем и разоряло удельную деревню в целом. Удельному ведомству такое разорение крестьян было невыгодно, так как оно лишалось возможности не только увеличивать оброк и другие денежные повинности с крестьян, но и могло потерять прежние доходы. К тому же, при таком состоянии крестьянского хозяйства наполнить хлебные магазины установленным порядком было несбыточной мечтой для удельного ведомства.

Вот почему министр императорского двора Волконский в 1827 году в докладе царю писал, что, несмотря на все принятые меры, «наличное количество запасного хлеба нигде почти не соответствует определенному назначению; а поселяне некоторых губерний по причине неурожаев обременены неоплатными хлебными долгами»[2]. Основная причина хлебного недобора заключалась в том, что количество сбора, — утверждал Волконский, «не поставлено в соразмерность с количеством запаса, назначенного последним постановлением: ибо, чтоб основать магазейн для селения, примерно из 1000 душ состоящего, собирая ежегодно по 4 гарнца с каждой ревизской души, т. е. чтобы иметь в оном 2000 четвертей, потребно не менее 32 лет, при условиях исправного взноса и постоянного на все сие время урожая». Можно было сбор хлеба заменить деньгами, но и таким путем, по мнению министра двора, нельзя достигнуть желаемых результатов. «Денежный сбор, — писал Волконский царю, — не говоря уже о недоимках, с ним не разлучных, также не достигает цели. Чтобы составить сумму, потребную для покупки одной четверти хлеба (количества, признанного достаточным на годовое продовольствие крестьянина), полагая цену оной в неурожайный год круглым числом по

---

[1] А. С. Пушкин, соч., т. V, 1933, стр. 825.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 254, лист 3.

12 рублей, нужно, чтобы крестьянин взносил сии 25 коп. в течение сорока осьми лет бездоимочно»[1].

Для того, чтобы обеспечить крестьян хлебом в неурожайные годы, министр двора и удельное ведомство рекомендовали отменить сбор хлеба и денег с удельных крестьян, и вместо всего этого ввести так называемую **общественную запашку.** Для этой цели предлагалось отрезать от крестьянских земель на каждую ревизскую душу по $^1/_{16}$ части десятины в каждом поле многоземельных селений и по $^1/_{32}$ части десятины в каждом поле малоземельных селений.

Такие земли, отрезанные от крестьянских полей и сгруппированные в лучшем месте и при том рядом с селением, предлагалось назвать **общественными.** Эти земли должны быть «удобряемы, обрабатываемы и убираемы всем миром по наряду». Для наблюдения за полевыми работами и хранением хлеба предлагалось назначить особых приказчиков, избираемых крестьянами в каждом селении на определенное время. Такой приказчик, или смотритель, как он впоследствии стал именоваться, назначался на участок, состоящий из 500—1000 душ крестьян. При таком участке обыкновенно учреждался хлебный магазин. Весь хлеб, собранный крестьянами из таких участков, поступал в общественный магазин под ответственность приказчика. Чтобы не было злоупотреблений, удельное начальство должно следить за деятельностью приказчиков, но оно «не должно однакож вмешиваться в их хозяйственные распоряжения, на счет удобрения и обрабатывания земли, посева и уборки хлеба, но обязано во всяком случае оказывать им нужное пособие мерами полицейской власти»[2].

Удельное ведомство, рекомендуя царю утвердить положение об общественной запашке, указало на то, что подобные поля уже заведены некоторыми «благоразумными хозяевами» и для уделов обещают большие выгоды.

Таким образом, учредители общественной запашки, рассматривая удельных крестьян крепостными царского дома, которыми они были на самом деле, заимствовали способы пополнения хлебных магазинов из практики крупного помещичьего хозяйства.

Говоря о выгодах удельного ведомства, учредители общественной запашки считали, что, когда будут общественные по-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 194, листы 187—188.
[2] Там же.

ля, тогда «лежащие на крестьянах обременительные хлебные недоимки уничтожатся, магазейны всех удельных имений в самое короткое время пополнятся определенным количеством хлеба». Удельное ведомство, учреждая запашку, предусматривало и другую пользу. Оно полагало, что при таком способе пополнения хлебных магазинов будут оставаться хлебные излишки, которые могут итти на продажу, а вырученные от продажи хлеба деньги «составят со временем немаловажный капитал, назначаемый преимущественно на предмет продовольствия крестьян в голодные годы и на полезные для них же заведения... Что «земледелие... во всех казенных, или оброчных селениях, непременно будет усовершенствоваться и распространяться к общей пользе, к улучшению самой нравственности поселян». Доказывая пользу от общественной запашки, учредители не забыли и о хлебных магазинах: чтобы обеспечить на будущее запасные магазины хлебом, «а более в осторожность самих крестьян, при возврате раздаваемого им взаимообразно хлеба, взыскивать оный с небольшими процентами»[1].

Анализируя предложения удельного ведомства о введении запашки, мы легко убеждаемся, как под личиной попечительства о крестьянах, всю тяжесть и заботу о них в голодные годы перекладывали на плечи самих же крестьян. И не только перекладывали на удельных крестьян заботу о хлебных запасах, но и стремились при помощи общественной запашки создать капитал, который использовался впоследствии в интересах Департамента уделов, в интересах дома Романовых.

В сентябре месяце 1827 года царь утвердил доклад министра двора о введении запашки в удельных селениях, а в октябре того же года последовало распоряжение на имя управляющих конторами о создании общественных полей и выборе приказчиков. Уже весной 1828 года общественные поля должны были быть засеяны яровым хлебом, а к осени приказано приготовить землю и для посева озимых хлебов.

Департамент уделов большое место в организации общественной запашки отводил приказчику — центральной фигуре нового хозяйственного предприятия. В приказчики должны быть избраны не просто удельные крестьяне, а такие из них, которые были бы способны к распорядительности, «сведущи в деревенском хозяйстве, чему собственное их благосостояние должно служить лучшим доказательством». Крестьяне, зани-

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 194, листы 187—188.

мавшие должность приказчика, избавлялись от телесных наказаний, освобождались от общественных работ, а обидевшие их «подвергались строгому взысканию».

Для приказчиков была разработана специальная инструкция, в которой определялись их права и обязаности. Так как приказчик являлся центральной фигурой в работах по общественной запашке, то поэтому о нем необходимо сказать более подробно. Ответственный за общественную запашку приказчик должен понуждать крестьян обрабатывать ее лучшим способом, что должно быть примером для самих же крестьян «в возделывании собственных полей». Общественные поля должны во-время засеваться, тщательно обрабатываться и удобряться навозом с крестьянских дворов; чтобы запашка не подвергалась потраве скота, приказчик должен позаботиться об обнесении ее плетнем или окопать канавой «как в предосторожность от скота, так и для удобнейшего обозрения оных при осмотре начальников». Больше того, каждая десятина должна быть обведена «заметною бороздою и казаться находящейся как бы в рамке». Для обработки каждой десятины назначалось определенное количество крестьян с их инвентарем и лошадьми. Приказчику вменялось в обязанность наблюдать за пожарными инструментами, за хозяйством крестьян, за предохранением крестьянских овинов от огня. Удельные крестьяне должны «почитать своего приказчика, повиноваться ему и беспрекословно исполнять все наряды на общественные работы». Приказчик доводил до сведения приказного начальства о нерадивых и непослушных крестьянах, которое должно «оказывать приказчикам всякое со своей стороны содействие». Чтобы приказчик был заинтересован в работе, ему определялась плата по 40 коп. с ревизской души из сумм, получаемых от продажи хлеба. Ему же поручалось наблюдение за оброчными статьями, приносящими до 50 рублей дохода. Мелкие оброчные участки земли, по утверждению удельного ведомства, «не привлекающие городских жителей, но хорошо известные окрестным поселянам, часто остаются не отданными, или идут за ничтожную цену, единственно оттого, что торги на них производятся в конторе, куда за дальностью расстояний крестьяне ездят неохотно, и где небольшое число изворотливых людей, в каждом губернском городе находящихся, пользуясь леностью их и простодушием, откупают статьи сии за самую низкую цену и, отправляясь на место, передают их тем же крестьянам вдвое дороже». Мелкие статьи поэтому

предлагалось отдавать с торгов, преимущественно в приказах, и чтобы не было убытка, отдавать их крестьянам.

Голова приказа не мог распоряжаться приказчиком. Если он замечал за ним дурные поступки или нерадение, то должен был доносить управляющему конторой, и только последний мог уволить от работы приказчика.

В помощь приказчику назначались в поле десятские, а для охраны хлебных магазинов — сторожа[1].

Департамент уделов, учреждая общественную запашку, во избежание недоразумений среди крестьян, разъяснял управляющим удельными конторами, что под селениями малоземельными нужно понимать такие, которые имеют от одной до трех десятин земли на одну ревизскую душу. Был также установлен процент за выдачу крестьянам хлеба из магазинов: полугарнец с четверика[2].

* * *

Когда Департаментам уделов все было разъяснено и установлено, тогда по всем имениям начали вводить общественную запашку. В 1828 году управляющие конторами приняли самые энергичные меры по введению общественной запашки в удельных селениях. Управляющий Казанскою конторою приказал своим чиновникам, «чтобы непременно был яровой хлеб ныне засеян хлебом из хранящихся магазинов способным для посева, если же окажется по гнилости и другим причинам негодный, то как крестьяне обязаны таковой хлеб обменять, то посему для посева переменять другим, а неспособный отдать мирским обществам». Обмен гнилого хлеба на крестьянский для посева запашки[3] — такое начало ничего хорошего не предвещало удельным крестьянам. Крестьяне еще больше поняли сущность запашки, когда у них начали отбирать лучшие и рядом расположенные с селением земли, когда заставляли их обрабатывать, унаваживать землю под запашку, прежде чем свои поля. Они воочию убеждались, что лучшие дни страдной поры должны отдать запашке, навоз, приготовленный для своего поля, отдать туда же, свой труд и даже хозяйственный инвентарь отдать в распоряжение приказчика. К тому же с введением общественной запашки, крестьянские поля должны были еще более сократиться.

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 203, листы 50—52.

[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 194, лист 184.

[3] В дальнейшем «общественная запашка» будем называть просто «запашка».

Плохо обеспеченные землей удельные крестьяне Казанского имения в результате запашки потеряли 2097,5 десятин лучшей земли. Удельные крестьяне Симбирской губернии только по Буинскому, Симбирскому, Карсунскому, Ставропольскому и Самарскому уездам потеряли 8589 десятин земли[1].

Чтобы убедиться в том, как значительны были отрезки в пользу запашки, приведем данные по некоторым приказам Симбирского имения за 1828 год[2].

№№ п/п	Название приказа	Число душ по 7 ревизии	Земли в 3 полях в десят.	Взяли земли д/запашки в дес.	% уменьшения крестьянских полей
1.	Урусовский	2640	6312,5	249,5	3,9
2.	Ардатовский	2920	5211	163	3,1
3.	Козловский	3702	8238	257	3,1
4.	Лобаскинский	3935	8268	258	3,1
5.	Сыресевский	4076	9521	297	3,1
6.	Моргинский	4655	11 162	349	3,1
7.	Нижнесанчелевский	2673	10 330	591	5,7
8.	Анатышский	3974	10 265	321	3,1
9.	Кержеманское отд.	1820	5585	246	4,4
	ИТОГО	30395	74892,5	2731,5	3,6

В среднем, крестьянские земли с введением запашки сократились от 3 до 4 проц., а вместе с поземельным сбором крестьянское землепользование значительно сократилось. Но общественная запашка в первые годы не принесла ожидаемых результатов. Удельные чиновники не получили личной выгоды от общественной запашки, хотя и выполняли циркулярные предписания по ее организации, все же не уделяли ей должного внимания. Поэтому поля плохо обрабатывались, а бывало и так, что вместо хлеба жали лебеду. Характерно в этом отношении донесение Урусовского приказа в 1832 году Симбирской конторе: «Ведомства сего приказа смотритель общественной запашки Урусовского 1-го участка Клементий Филиппов явился в сей приказ, представил вырученные им че-

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 401, листы 492, 514, 524.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 267, лист 113.

рез посредство продажи уродившейся на общественных полях состоящих: в селе Урусове и деревни Жабиной травы лебеды: ибо на оных урожай хлеба был весьма соломою изреженный, так что и семена не вышли, а по местам только и была одна лебеда: деньги... двадцать один рубль» приказ представляет в контору[1].

Удельные крестьяне не видели для себя никаких выгод от общественной запашки. Они смотрели на нее, как на новую для них обязанность, как на выдумку удельного начальства, не дающую ничего полезного для них. Больше того, они новую повинность назвали «казенною пашнею», т. е. созданную для дохода казны.

Подобная оценка запашки крестьянами дошла до Петербурга, и глава удельного ведомства Перовский, обращаясь к управляющим конторами, предлагал непременно внушить крестьянам, что «сказанная запашка учреждена не для чего иного, как для обеспечения продовольствием удельных крестьян в неурожайные годы и... что деньги, выручаемые продажею хлеба от этой запашки, обращаются для вспомоществования самим же крестьянам и в их нуждах, почему и следует называть ту запашку общественною, а не казенною»[2].

Несмотря на разъяснения и внушения со стороны удельного ведомства, крестьяне рассматривали запашку как барщину, но барщину более изнуряющую, чем в помещичьем хозяйстве. Враждебно относясь к запашке, крестьяне старались не засевать ее полей и всячески уклонялись от работ, связанных с нею. Чиновники Департамента уделов, посланные на места, доносили удельному ведомству, что часть общественных полей, а в некоторых местах и часть крестьянских полей остается незасеянной. На это донесение министр двора разразился грозным предписанием: «если кто-либо из управляющих не донесет в свое время о неполном засеве полей, или неурожае и недостатке хлеба, то будет отрешен от должности и предан суду»[3].

Крестьяне не только плохо обрабатывали запашку, но в некоторых местах открыто выступали против нее. Крестьяне многих селений Качкинского приказа Вятской удельной конторы в 1828 году при введении общественной запашки оказали неповиновение начальству «и продолжали упорство, доколе не

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 2, д. 41, лист 77.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 356, лист 70.
[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 272, лист 51.

были усмирены воинскою командою». Комитет министров вынес решение по указанному делу. На докладе комитета царь наложил резолюцию: двоих прогнать сквозь тысячу человек два раза и отдать в крепостные навсегда, четырех прогнать через пятьсот человек по одному разу и отдать в арестантские роты; сельских выборных десяти селений «наказать батожьем и оставить в жительстве». Все расходы, понесенные казной на усмирение восстания, «равно убытки откупщика питейных сборов от закрытия в селе Качках на несколько дней винной продажи», отнести за счет крестьян[1]. Какое число крестьян выпороли батожьем без «решения», об этом документы умалчивают.

Удельное начальство, напуганное волнением крестьян в Качкинском приказе Вятской конторы и неповиновением крестьян Писковского приказа Смоленского удельного имения, строго приказало управляющим конторами впредь доносить о чрезвычайных происшествиях путем эстафеты и раньше, чем об этом донесет губернатор. На тех крестьян, говорилось в распоряжении, которые имеют влияние на односельцев и ведут себя непочтительно к начальству, завести в конторе специальные книги, а приказному начальству, неослабно наблюдать за их поведением. В числе чрезвычайных происшествий управляющие должны считать прежде всего возмущение удельных крестьян и «открытие важнейших государственных преступников»[2].

Это распоряжение свидетельствует об усилении классовой борьбы среди удельных крестьян. Приведенные нами факты говорят о том, что крестьяне многих селений одновременно и активно выступали против эксплуатации и угнетения, проводимых через посредство запашки.

Убедившись, что крестьяне враждебно относятся к запашке, удельное ведомство решило силою заставить их выполнить возложенную на них обязанность. Крестьян заставляли составлять мирские приговоры с обозначением персонально, кто и что будет делать на запашке. Тяжелые и обременительные обязанности возмущали крестьян. Они неохотно подписывали кабальные приговоры, а некоторые селения отказались составлять их. Так, Анатышский приказ сообщал в Казанскую контору в 1834 году, что крестьяне сел Шумковой и Ошняка

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 203, листы 508—509.
[2] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 1, лист 31; ф. 342, оп. 1, д. 203, листы 511, 521.

«за многократными требованиями приговоров своих и поныне не представили, говоря, что мы работаем и будем работать как прежде без приговоров, и если сделаем приговоры для обрабатывания общественных полей, то тогда еще прибавят работ, а посему от составления сих приговоров совершенно отказались»[1].

Там же, где крестьяне составляли такие приговоры, все работы на запашке расписывались очень подробно. По ним можно убедиться, насколько эта запашка носила крепостнический характер, что она на деле была барщиной для удельных крестьян. Удельные крестьяне д. Ермаковой Чистопольского уезда записали в приговор, что общественную запашку в шесть десятин, в трех полях состоящую, должны обрабатывать одну десятину три сохи и две бороны, а так как людей в этой деревне было мало, то с каждых двух ревизских душ приходилась или соха, или борона. Далее в приговоре было указано поименно, кто и что должен делать. Так, Игнатий Игнатьев, Павел Игнатьев и Дмитрий Игнатьев — каждый из четырех душ, должны пахать поле. Для жатвы и возки с полей хлеба назначали поименно 8 тягол; для обмолота хлеба и засыпки в магазины назначалось 25 пеших и 14 конных работников. «Что же касается до удобрения земли навозом, — говорится в приговоре, — то обязуемся все мы, выше означенные крестьяне, вывезти на каждую десятину по 800 возов»[2].

Мы привели пример из жизни небольшей деревни Ермаковой, где по 7 ревизии числилось только 34 ревизских души[3], которые ежегодно должны были делать на запашке: 18 человек пахать, 12 человек боронить, 40 человек убирать, молотить, веять, ссыпать в магазины и вывезти сообща 2400 возов навоза. В приговоре не указано еще и то, что они должны за десятки верст возить собранный хлеб на продажу «в наполнение хлебного капитала». Таким образом, десятки лучших дней в хозяйственном году удельный крестьянин должен потратить на запашке.

В начале 30-х гг. XIX века положение с общественной запашкой не улучшилось, поэтому поставленная Департаментом уделов цель не была достигнута. Удельное ведомство видело, что и при наличии большого количества земли, отведенной под общественную запашку, хлебные магазины попол-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 276, лист 83.
[2] Там же, лист. 85.
[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 94, лист 19.

няются медленно, доходов особых Департамент не получает, что в организации запашки наблюдаются многие упущения. Поэтому в 1834 году из Петербурга последовало распоряжение, чтобы в обработке запашки и получения с нее доходов было заинтересовано все удельное начальство — снизу доверху. «Дабы поощрить к рачительнейшему надзору за обрабатыванием и хорошим удобрением общественных полей, — говорилось в распоряжении, — и тем самым вызвать доход с оных, назначается степень урожая, которую получить должно в каждом удельном имении, смотря по климату и почве. Степень сия именуется урожаем постоянным. От приобретенного, сверх постоянного урожая, излишка определяется вознаграждение лицам, участвующим в надзоре».

Для губерний Среднего Поволжья, где находились удельные имения, устанавливались такие постоянные урожаи: озимого сам 4, ярового сам 3,5.

Департамент уделов в этом распоряжении, как в предыдущих и последующих, на первое место ставил доход от запашки, а не благосостояние крестьян. Новое распоряжение еще больше усиливало эксплуатацию удельных крестьян.

Если до этого распоряжения в общественной запашке был заинтересован один смотритель, получавший за это деньги, то теперь за счет излишков урожая могли кормиться: смотритель участка, приказный голова, чиновники конторы, ее управляющий. Большая сумма денег от продажи хлеба отчислялась и в пользу Департамента уделов[1].

Распоряжение Департамента уделов о «вознаграждении лицам, участвующим в надзоре за запашкой» сразу же изменило к ней отношение местного начальства. Больше того, многие управляющие конторами обратились со встречными предложениями по улучшению способов обработки и повышению доходности запашки. Управляющие конторами соглашались обрабатывать такие поля шестипольной системой, предлагали «ввести на пару посев картофеля, кормовых трав и других хозяйственных растений». Они предлагали заранее в конторе распределять работы по запашке и через приказы извещать об этом мирские общества.

Управляющий Симбирскою конторою Бестужев в 1834 году выступил с проектом улучшения обработки общественной запашки. Этот проект впоследствии, за некоторым исключением, удельными имениями был воплощен в жизнь.

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 272, лист 85.

Анализируя этот проект, мы видим, как в его положениях отражается лицо заядлого крепостника, опытного помещика по эксплуатации крестьян, готового для достижения цели на все, не считаясь ни с трудом, ни с жизнью крестьян.

Бестужев считал, что в запашке должно принимать участие все крестьянское население: мужчины, женщины, старики и дети, от нее никто не должен быть освобожден. Для того, чтобы никто не уклонялся от запашки, он рекомендовал иметь тягловые именные списки удельным крестьянам обоего пола с номерами, «каковых надлежит быть четыре разряда: 1-го и 2-го разряда крестьяне и крестьянки от 18 до 50 лет, 3-го и 4-го — крестьянские мальчики и девки, первые от 12 до 18-летнего возраста, а последние от 12-летнего возраста и дальше. По сим спискам можно назначить работу с желаемою уравнительностью».

Он предлагал работы разделить на общественной запашке на примере с. Ключищ, расположенного вблизи Симбирска. В этом селе имеется 412 душ, или 250 тягол. По удельным законам тягол должно быть (412 : 2) 206, но Бестужев поясняет, что тягловыми следует считать всех крестьян от 18 до 50 лет. У них общественной запашки в 3 полях 77 дес. 600 саж., по 25 дес. 1800 саж. в каждом поле. Для обработки запашки он предлагал 250 тягол разделить на две равные половины, «из коих наряд крестьянам производится следующим образом: 17 апреля парят землю под яровое 75 тягол (полагая на каждую десятину по 3 тягла), 25-го числа сию же пашню боронят 50 тягол (для сего полагается на десятину по 2 тягла). 29-го числа оную пашню вновь пашут и засевают 75 тягол, а 50 по посеве на другой день заборанивают. 1-го июня 75 тягол возят снопы с поля в гумно. 1-го ноября 125 человек яровой хлеб садят на овин, сушат, молотят, веют, ссыпают оный в амбар. Для сих работ назначается к каждому овину по 6 человек. С 1-го декабря 175 тягол подобным же образом обрабатывают ржаной хлеб, а 75 тягол по продаже поставляют оный. Впоследствии времени тот, кто пахал, уже должен боронить, а кто боронил, тот пахать и т. д. «Таким образом, с апреля по декабрь на общественной запашке 525 крестьян с лошадьми должны пахать и боронить поле, 375 — сушить, молотить, ссыпать в амбары хлеб и возить на продажу. На всех этих работах должно быть занято 900 крестьян. Но Бестужев не указывает, за сколько же дней могут сделать всю эту работу 900 мужчин с лошадьми. Лучшее время страды

Бестужев отводит для запашки. Здесь он не оставляет в покое и девушек, и женщин. «Женщины и девки... должны быть разделены так же на две половины коих 250 из них 125 человек обязаны жать яровое, а другие 125 ржаное... женщины все без изъятия должны чистить общественное гумно». Таким образом, 250 женщин должны жать хлеб. Срок уборки также не указывается. Бестужев нашел работу для девочек и мальчиков: «Мальчики от 12 до 18-летнего возраста и девочки от 12-летнего возраста, равно и женщины, наряжаются для полотья ярового хлеба, которых на десятину ставится, смотря по надобности, — примерно по шесть человек на десятину», или в среднем — 150 человек. Кроме того, крестьяне без всякой нормы обрабатывают землю для посева картофеля, «а посев и уборка оного производится женщинами, полотье же крестьянскими мальчиками и девками».

Бестужев рекомендовал: «Чтобы улучшить поля общественной запашки и достигнуть желаемой цели правительста, необходимо нужно поля унаваживать следующим образом»... распахать предварительно каждую десятину земли на 600 клеток, в каждую положить по одному возу навоза, который затем разбросать по всей десятине и уравнять граблями». Даже ремонт гуменников и овинов предлагалось производить хозяйственным способом, т. е. силами и средствами тех же крестьян. Крестьяне обрабатывали общественное поле в присутствии приказчика и целого штата десятников: один десятник наблюдал за вспашкой поля, другой находился на гумне, третий — на прополке хлеба и т. д. Трудно сказать, сколько же крестьяне должны тратить на запашку дней, если на всех главных объектах работы должно быть занято на протяжении года до 1500 человек, 325 лошадей, не считая вывозку навоза в поле, уборку и прополку картофеля и других более мелких работ. А всех взрослых мужчин и женщин в с. Ключищах было не больше 350—400 человек, но они должны были обрабатывать и свое поле.

Чтобы полностью представить себе проект Бестужева, мы должны остановиться и на других деталях. Для выполнения указанных работ должен производиться в воскресные дни наряд у приказной избы, «и грамотными из оных подписывается, и буде нет грамотного, то за них подписывает посторонний, какого б звания и ведомства не был». По проекту Бестужева — люди теряли свое лицо, свою фамилию, отныне их знали только под номерами: все наряды рассылаются приказом

по селениям «без обозначения имян крестьянами и крестьянками, а пишутся только одни №№»[1].

Этот проект был написан в 1834 году, когда все громче и громче звучал голос за освобождение крепостного крестьянина, когда в стране все шире развивалось общественное движение.

Почти все предложения Бестужева были приняты Департаментом уделов и в виде инструкции разосланы в другие конторы.

Всем этим инструкциям и положениям по общественной запашке мог позавидовать самый закоренелый крепостник. От взора Бестужева никто не ускользнул: ни дети, ни девушки, ни даже предполагаемые по инструкции «неблагонамеренные» люди, которые могли бы выступить против новой и самой жестокой формы барщины в удельной деревне.

Полученные предложения Бестужева Департамент уделов направил директору земледельческого училища Байкову, который согласился со всеми пунктами, кроме одного, что «унаваживание—по 600 возов на десятину столь велико, что можно опасаться, дабы не повалился хлеб». Байков заметил также, что «вместо полотья картофеля крестьянскими мальчиками и девками... гораздо удобнее и спорее употреблять для сего обыкновенную соху, посеяв картофель рядами»...[2].

Таким образом, крепостнические предложения Бестужева были полностью приняты в Департаменте уделов, их считали образцовыми, отвечающими целям общественной запашки. Инструкция эта отражала крепостнические взгляды всего удельного ведомства, возглавляемого помещиком-царем.

Удельные крестьяне по новой инструкции должны были более половины своего лучшего времени отдавать запашке, остальное — своим полям.

Результаты новой системы вскоре почувствовали все: крестьяне в силу чрезмерной их эксплуатации — бедность и нищету, чиновники, наоборот, — сотни и тысячи рублей дохода. Уже в 1836 году удельное начальство получило за «излишний» урожай по конторам[3]:

---

[1] ГАУО, д. 318, оп. 1, д. 371, листы 9—12.

[2] Там же, лист 131.

[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 345, лист 317.

Наименование контор	Чиновникам, командируемым по общ. запашке	Помощникам столонач. обществ.	Столонач. по общ. запашке	Помощник удельными конторами	Управляющим удельными конторами	Итого
Архангельская	556	222	339	4741	4633	10491
Владимирская	1724	690	1034	2299	14368	20115
Вологодская	760	304	456	1013	6333	8871
Вятская	614	246	369	819	5120	7168
Казанская	33	13	20	49	273	388
Костромская	2294	918	1376	3059	19118	26765
Красносельск.	36	—	22	—	—	58
Московская	340	136	204	454	300	1434
Нижегородская	455	182	273	606	2835	4351
Новогородская	365	146	219	487	3790	5007
Пермская	135	54	181	180	3043	3593
Саратовская	747	299	448	996	1128	3618
Симбирская	503	201	802	670	6223	8399
Алатырская	1100	440	660	1467		
Самарская	496	198	298	662	21928	27249
Тверская	950	879	570	1266	7915	11580
Сызранская	532	213	319	709		1773
Оренбургская	—	—	—	—	—	—
Орловская	—	—	—	—	—	—
Итого	11640	5141	7590	19477	97007	140860

Кроме этих сумм, чиновники много получали денег за «излишний» урожай картофеля на общественной запашке[1]. Приведенная таблица наглядно свидетельствует о том, кому больше всего была нужна запашка. Она была нужна при такой коммерческой постановке чиновникам и Департаменту уделов. Из этой таблицы не видно, какие суммы денег получал Департамент уделов. Известно только, что из местных удельных чинов получали больше всего управляющие конторами: из общей суммы более 135 тысяч рублей управляющие получали

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 345, лист 318.

97 тыс. рублей, или 71,5 проц. общей суммы. И если управляющие получали жалование 2—3 тыс. рублей в год, то за «излишний» урожай они получали в год от одной тысячи до 19 (Костромская контора). За счет общественной запашки кормились и обогащались сотни удельных чинов.

Меньше всего перепадало сельскому удельному начальству, непосредственному исполнителю воли удельного ведомства. Однако и им была установлена плата за «излишний» урожай хлеба.

В 1835 г. Департамент уделов распорядился отменить выплату жалования смотрителям общественной запашки, а выдавать вознаграждение за «излишний» урожай[1]. Заинтересованное в деньгах удельное начальство с новой энергией взялось за крестьян. Не считаясь ни с количеством, ни с качеством крестьянской земли, удельные чины отрезали, где только можно, лучшие земли, превращая их в запашку. Ее заводили даже там, где крестьяне не занимались земледелием.

В 1835 году удельные крестьяне гг. Сенгилея, Сызрани, Алатыря и Курмыша обратились к начальству с просьбой заменить запашку сорокакопеечным сбором с ревизской души на том основании, что они занимаются «более промышленностью, нежели земледелием». Департамент уделов на эту просьбу крестьян ответил, что «из числа 6086 душ упомянутых крестьян, только 1133 души отдают свои земли в найм, занимаясь сами ручною промышленностью». Поэтому он требовал разъяснения у Симбирской конторы: «Какая именно причина может быть уважительною к замене общественной запашки денежным сбором с остальных 4953 душ, которые, имея достаточное количество земли и занимаясь сами обрабатыванием оной, повидимому должны подлежать общим о запашке правилам»[2]. Департамент уделов не освободил их от запашки потому, что терял дополнительный источник дохода.

Только в одном случае была сделана крестьянам уступка в запашке, так как у них почти не было земли. Такую уступку сделали крестьянам г. Курмыша и подгородной деревни Жуковой. «Что же касается до крестьян города Курмыша с подгороднею деревнею Жуковою, — писали из Петербурга, — у которых находится земли действительно малое количество — на 47 душ 61 дес., т. е. по 1 дес. 550 саж. на каждую, то в уважение сего дозволить управляющему впредь до наделения

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 392, лист 11.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 401, лист 682.

их оною, не учреждать общественной запашки, а взыскивать взамен сего... по 40 коп. в год с души, не распространяя впрочем, сей льготы на тамошние городские слободы: Казачью, Стрелецкую и Пушкарскую, как имеющие земли достаточное количество»[1]. Как видим, только 47 душ из многих тысяч удельных крестьян освободили от этой барщины, и то не навсегда, а лишь до наделения их землею.

* * *

Запашка приняла особенно широкие размеры, когда в 1835 году все казенные крестьяне Симбирской губернии стали удельными. Запашка распространялась не только на этих крестьян, но и на тех, которые попали только в заведование удельного ведомства: лашман, пахотных солдат, ямщиков[2].

Разряд крестьян-лашман образовался ещё в первой четверти XVIII века, в период бурного строительства русского флота при Петре I. Лашманы освобождались от рекрутской повинности, но обязаны были рубить и сплавлять корабельный лес, оберегать его от произвольной порубки и выполнять другие государственные повинности, во всём подчиняясь адмиралтейству.

В 30-х годах XIX века (по 8 ревизии) лашман насчитывалось во всех губерниях Среднего Поволжья более 160 тысяч душ мужского пола. 25 августа 1818 года было издано положение о лашманах, определяющее круг их обязанностей и отношение к морскому министерству. После указа о передаче всех казённых крестьян Симбирской губернии в удельное ведомство, началась переписка между морским и удельным ведомствами о лашманах[3]. В конце концов министр уделов согласился принять лашман Симбирской губернии «впредь до окончательной сдачи их в хозяйственное управление Морского министерства». Все эти мнения о лашманах нашли отражение в указе правительствующему Сенату 25 января 1835 года: «Оной же губернии (Симбирской.—**Н. Г.**) лашман, впредь до нового их устройства, подчинив тому же управлению (удельному.—**Н. Г.**), оставить во всём без исключения по отправлению лашманской повинности на нынешнем положении в ведении морского министерства»[4].

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 2, д. 271, листы 994—995.
[2] Там же,
[3] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 659, листы 2—5.
[4] Там же.

Таким образом, лашманы Симбирской губернии оказались во власти двух ведомств — Морского — по заготовке корабельного леса и удельного — в отбывании всех остальных повинностей.

До сих пор лашманы выполняли только свою определённую повинность в пользу морского ведомства и отбывали другие повинности наравне со всеми государственными крестьянами, за исключением рекрутской, в пользу Казённой палаты. Теперь же они попадали под власть нового хозяина, в новое управление с новыми повинностями и податями, дополнительными к прежним.

Хотя лашманы переходили в административное подчинение Симбирской удельной конторе только «для единообразного в губернии управления», удельное ведомство стремилось распространить и на них все удельные порядки, в том числе и общественную запашку. В 1836 году лашманы ответили на это массовым волнением. 40 тысяч крестьян-лашман выступили против запашки в Буинском, Курмышском и Симбирском уездах. Центром крестьянского восстания стало большое село Бездна Буинского уезда, куда собирались массы крестьян. Они бурно обсуждали свое положение и в категорической форме отказывались от запашки. Тех удельных чиновников, которые настаивали на запашке, лашманы арестовали, посадили в избу, заколотили ее и приставили караул.

Перепуганный управляющий Симбирской конторой Бестужев спешно отправился в Петербург с докладом к вице-президенту Департамента уделов Перовскому. В спешном порядке прибыл в Симбирск генерал-адъютант князь Лобанов-Ростовский с неограниченными полномочиями. В лашманские селения направили солдат и конных жандармов. Было пущено в ход оружие. Начались массовые пытки и истязания крестьян. Сопротивление лашман было сломлено, многих сослали в Сибирь, других отдали в солдаты, третьих отправили в смирительные дома[1].

В связи с распространением запашки на лашман и другие категории крестьян, входивших в управление удела, у них отбирали тысячи десятин лучшей земли. Только по 14 лашманским приказам отрезали для запашки до 2-х тыс. десятин, сотни десятин земли отрезали у ямщиков и пахотных сол-

---

[1] Стогов, «Очерки, рассказы и воспоминания», «Русская старина», 1878, стр. 658—672, 697—703.

дат[1]. Кроме того, у лашман под запашку отобрали их собственные земли, не считаясь со старинными их правами[2].

Несмотря на сопротивление и даже восстание этих категорий крестьян против удельных порядков с их ненавистною запашкою, управляющий Симбирскою конторою требовал от своих подчиненных «внушать крестьянам, что сие делается ни для какой-либо прибыли или приращения удельных доходов, а единственно с отвращением голода, как то было в прошедших годах»[3]. Несмотря на подобные словесные и физические «внушения», на аресты, смирительные дома и ссылку в Сибирь, крестьяне остались при своем справедливом мнении, что общественная запашка — «помещичья запашка».

Бестужев стал действовать осторожно, исподволь приучая лашман к новым крепостным порядкам. Он предлагал закрепить за ними вначале небольшие участки запашки, пока «крестьяне совершенно не ознакомятся с пользою, порядком и целью сего учреждения и решительно постигнут благую попечительность об них начальства, что прежде 2-х или 3-х лет последовать не может, судя по местным соображениям»[4]. Касаясь хлебных магазинов, он считал, что они могут быть наполнены хлебом как от запашки, так «и от взыскания прежних хлебных долгов, коих на одних новоудельных крестьян озимого и ярового простирается до 100 и более тысяч четвертей; почему если взыскать сей хлеб, что должно быть непременно исполнено, то количество оного, с урожаями каждого года по общественной запашке, не только может обеспечить на несколько лет продовольствие крестьян, но и составит большой избыток в запасах хлебных»[5].

Надежды управляющего Симбирской удельной конторой не оправдались. Весною 1836 года он сообщал в Петербург «о введении у ямщиков, пахотных солдат и лашман Симбирской губернии общественной запашки». Он писал: «я сделал уже все надлежащие по сему предмету распоряжения, которые первыми двумя сословиями крестьян приняты к исполнению беспрекословно. Но при отводе у лашман таковой же запашки я встретил следующие обстоятельства»... Далее Бестужев сообщал о сложных земельных отношениях в лашманской деревне, когда одна часть крестьян имела общую, или так на-

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 402, листы 302—316, 328—329.
[2] ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 12, д. 796, листы 8—9.
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, л. 396, лист 263.
[4] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 401, лист 601.
[5] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 401, лист 601.

зываемую «мирскую землю», а другая, и при том большая часть крестьян, имела собственные земли, «доказывая право на оные жалованными предками их грамотами, родословными, наследственными выписями, или купчими крепостями, из коих многие акты, по сомнительности оных, запутанности или неправильному об них разумению, служат поводом к беспрестанным между владельцами и не владельцами процессам, находящимся в разбирательствах уездных судов, гражданской палаты и даже в правительствующем сенате». Такие владельцы земель, по словам Бестужева, по внушению их поверенных отказываются от общественной запашки, «а от сего и другие одножители их, имея законные домогательства на земли владельцев, весьма неохотно приступают к запашке и доселе продолжаются одне обременительные, как от тех, так и от других просьбы об отмене запашки и о рассмотрении запутанных их прав и домогательств, чем, выигрывая время, ищут доставить себе только предлог к неисполнению начальственных распоряжений»... относительно запашки. Настолько трудно было ввести среди лашман запашку, что даже такой крепостник как Бестужев, предлагал вместо нее обложить каждую лашманскую десятину 75-ти копеечным сбором[1].

Удельное ведомство, невзирая на запутанность земельных отношений в лашманской деревне, не считаясь даже с тем, что лашманы находились только в его управлении, не обращая внимания на то, что сами лашманы упорно и настойчиво отказывались от подобного попечительства, все же ввело у них запашку. Ее пытались распространить и на однодворцев, положение которых отличалось от других категорий крестьян как формой владения землей, так и другими, исторически сложившимися условиями. Департаменту уделов удалось распространить запашку на тех однодворцев, которые были переселены из других мест и оказались на казенной земле. В 1836 году однодворцы с. Батрацкого Сызранского приказа просили удельное ведомство освободить их от запашки. Департамент уделов, основываясь на том, что у лашман Симбирской губернии повсеместно введена запашка и что они «наравне с однодворцами состоят только в заведывании конторы, находит, что за сим означенные однодворцы с. Батрацкого не могут быть освобождены от запашки тем более, что они земли собственной не имеют, а пользуются удельною, и потому, с ут-

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 402, листы 172—177.

верждения г. министра, предписывает отказать в удовлетворении их просьбы»[1].

Таким образом, запашку навязали всем удельным крестьянам, лашманам, пахотным солдатам, ямщикам и однодворцам, на всех их одели ярмо барщины. Многие крестьяне как удельные, так и входившие в управление удела, готовы были платить любые деньги, чтобы избавиться от запашки. Характерно в этом отношении прошение крестьян с. Кирзяти Моргинского приказа на имя управляющего Симбирской конторой. В 1835 году они писали: «Не безизвестно вашему высокородию и Симбирской удельной конторе, что села нашего в обеих частях удельных крестьян земли пашенной состоит в весьма малом количестве, так что во всех трех полях недостает по разделу под посев хлебов и по-полу десятины в поле, и поля имеют... землю песчаную и глинистого грунта, на каковой урожай и в удобные дождливые лета бывает самый посредственный, и на продажу кроме домашнего содержания не бывает. Из столь же небольшого количества по распоряжению начальства вырезано у нас под общественную запашку десять десятин с половиною...» Они убедительно упрашивали отменить запашку и заменить ее денежным сбором[2].

Но просьбы оставались просьбами. Удельное же ведомство противопоставляло свои более жестокие требования. Оно уже не довольствовалось тем урожаем, какой был на запашке, а требовало дальнейшего его повышения. Для начальства неважно было, что крестьяне не удобряли своих полей, отдавая навоз на общественное поле, оно заботилось лишь о том, чтобы запашка была в порядке.

В 1836 г. Департамент распорядился, чтобы крестьяне свозили весь навоз на запашку не только со своих дворов, но и собирали его по улицам села вместе с мусором для удобрения полей запашки. Было приказано также, чтобы стойбища для скота в летнее время устраивали на запашке. В тех местах, где скот в летнее время оставляется на ночь в поле, его предлагалось сгонять на паровой клин запашки, «делая для сего нарочно жердяные изгороди, которые передвигать с одного места на другое, по мере удобрения огороженных участков». Удельное ведомство понимало новую тяжесть для крестьян и предлагало приступать к этому осторожно, «чтобы сии распо-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 402, лист 185.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 401, лист 21.

ряжения не произвели в крестьянах от ложных понятий, какие-либо неудовольствия»[1].

В 1845 году снова было предписано, чтобы для общественных полей собирать навоз даже вне крестьянских дворов — по улицам, дорогам, оврагам — и свозить его в поле под навесы[2]. По мысли Департамента уделов общественная запашка должна способствовать улучшению крестьянских полей. На самом же деле она отнимала много времени у крестьян, выжимала последние соки у них, так что крестьяне только урывками, в худшее время могли обрабатывать свои поля.

В 1846 г. крестьяне с. Теньковки, Верхнетемерсянского приказа жаловались чиновнику Симбирской конторы в том, что они не могут убрать с полей собственного хлеба «оттого, что заставляют их поверять общественный хлеб, для чего должно его веять и перевозить в амбары. Да кроме того, велят им строить овин с молотильным сараем, для чего кроме наряда людей на работы, предположено с них собрать по 30 копеек ассиг. с души на платеж подрядчику за постройку овина»[3].

Отдавая все время запашке и обрабатывая свои поля кое-как, крестьяне собирали низкие урожаи со своих полей.

В этом нас полностью убеждают цифровые данные за 9 лет об урожае крестьянских полей и запашки по Верхне-Мелекесскому приказу Самарской удельной конторы[4]:

Годы	Урожай на крестьянских полях			На запашке		
	посеяно озимого в четв.	уродилось озимого в четв.	урожай сам	посеяно озимого в четв.	уродилось в четв.	урожай сам
1841	3252	10107	3	195	1122	5
1842	6479	38877	6	270	2574	9
1843	4815	15145	3	270	2046	7,5
1844	4815	21271	4,6	226	2369	10 4
1845	4815	24075	5	235	2417	10.3
1846	4815	16852	3.5	196	1481	7.5
1847	4840	16971	3,5	196	1810	9
1848	4862	504	—	196	424	2
1849	3627	2129	—	196	424	2
	42320	145932	3,3	1980	14665	7,5

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 345, лист 189.

[2] Куйбышевский Госархив, ф. 43, оп. 11, д. 256, лист 65,

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 323, лист 186.

[4] ГАУО, ф. 323, оп. 4, д. 1, листы 33—34, 35—36.

Нужно сказать, что 1848—1849 гг. были неурожайными годами. По данным таблицы мы можем видеть, что запашка в 2—3 раза больше урожая крестьянских полей.

Даже в неурожайный 1848 год, когда крестьяне со своих полей не собирали 1/9 части затраченного на посев зерна, на запашке в этот же год урожай равнялся сам 2. За девять лет средний урожай запашки равнялся сам 8.

Чрезмерная эксплуатация крестьян сопровождалась насилиями и издевательствами над ними.

Свист плети и стон крестьян постоянно раздавались в удельной деревне. Били крестьян все: чиновники, старшины, приказчики. Побои считались нормальным делом. Больше же всего били за запашку.

25 апреля 1843 года в деревню Аксы Паркинского приказа приехали писарь приказа Кочетков и приказный Игнатьев, тут же созвали мирской сход и потребовали у крестьян денег, обещая освободить их от запашки. Крестьяне, повидимому, веря таким обещаниям, уже неоднократно давали деньги, на этот раз приказным в деньгах они отказали. Тогда Кочетков и Игнатьев начали обвинять крестьян в том, что земля на запашке плохо обработана и что в этом повинны они, крестьяне, и смотритель Алексеев, которого чиновники тут же на сходе решили наказать. Когда крестьяне не дали избить Алексеева, тогда писарь Кочетков и Игнатьев взяли его с собой под предлогом осмотреть запашку. В поле они избили Алексеева. На крики Алексеева верхами прискакали односельчане, которые застали его лежащим на земле, окровавленным и без памяти.

Алексеева привезли в деревню, освидетельствовали и нашли, что голова у него проломлена в 3-х местах. «Судя по гноесточивости ран, — писал уездный лекарь, — их чувствительности, надобно полагать, что удары наносимы были с большею силою». При осмотре же запашки оказалось, что запашка ярового поля была вспахана еще осенью, раннею весною было отвезено туда по 80 возов навозу на десятину, затем земля была еще раз вспахана и заборонована и, наконец, в третий раз перепахана. За два дня до этих событий в деревню Аксы приезжал Игнатьев и, узнав, что крестьяне на десятину положили навозу только по 80 возов, приказал положить еще по 20. В тот же день — в субботу, а некоторыми крестьянами в воскресенье, навоз был вывезен в поле. А в понедельник пос-

ле того как было выполнено приказание, произошла суровая расправа над Алексеевым[1].

В деле наказания крестьян у старшин приказов была своя логика. Чем больше будут пороть крестьян, думали они, тем больше денег дадут старшинам. И действительно, за запашку последние получали большие деньги. Так, в 1839 году по Казанскому имению голова Анатышского приказа получил до 100 рублей, Воскресенского — 232 руб., Сухорецкого — 143 руб. В 1842 году получили денег за запашку: голова Сухорецкого приказа — 246 руб., Анатышского — 187 руб., Варакинского — 300 рублей[2].

В 1839 г. вице-президент Департамента уделов Перовский вспомнил о том, что «с приемом в удельное заведование лашман, пахотных солдат и ямщиков Симбирской губернии, отведено у них не полное количество земли под общественную запашку, какое следует по положению, а только одна третья часть». Он даже проявил беспокойство о том, что «столь мелкая запашка недостаточна для составления у них хлебных запасов и далеко не обеспечивает их продовольствие даже в обыкновенные годы». Поэтому Перовский предлагал уравнять запашку лашман, ямщиков и пахотных солдат с удельными крестьянами. Это уравнение запашки предлагалось им проводить на следующих основах: в тех селениях, где земли приходилось на каждую душу не менее трех десятин, отводить под запашку $^{1}/_{16}$ часть десятины, или 150 кв. саж. в одном поле, а в 3 полях по $^{3}/_{16}$ части, или 450 кв. саж. на душу, в прочих же селениях, где земли меньше 3 десятин, предлагалось отводить $^{3}/_{32}$ части десятины в 3 полях, или по 225 кв. саж. на каждую душу[3].

Стремление удельного ведомства расширить запашку у лашман встретило с их стороны упорное сопротивление. Отказ лашман от составления приговоров по обработке общественной запашки совпал с пожарами в Симбирской губернии, на почве которых вспыхнули во многих селениях волнения удельных и помещичьих крестьян. Крупные волнения удельных крестьян в 1839 г. произошли в д. Старое Тимошкино, Анкудимовского приказа, где крестьяне избили сельских писарей и грозили убить не только голову приказа, но и управляющего Сызранской конторой. Подобные волнения произошли в д. Ах-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 292, листы 47—49.
[2] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 366, лист 287, д. 377, лист 194.
[3] ГАУО, ф. 320, оп. 3, д. 22, лист 3.

метлее, Больше-Сайманского приказа, в с. Троицкий Сунгур, Сызранского уезда, в с. Дворянском, Сенгилеевского уезда, и во многих других местах[1].

Волнения удельных крестьян и лашман 1839 года, вспыхнувшие на почве пожаров, были направлены против поземельного сбора, общественной запашки, против усиливающегося феодально-крепостнического гнета.

Повидимому, сопротивление лашман Алатырского уезда было отзвуком крестьянских волнений 1839 года. Весною 1840 года у лашман силою отрезали лучшую землю, также силою заставили их обрабатывать новые земли запашки. Лашманы глухо роптали, но распоряжения приказов выполняли. Составлять мирские приговоры о распределении работ на запашке крестьяне многих лашманских селений наотрез отказались.

Сопротивление лашман удельному начальству произошло в селениях Красноостровского и Петрякинского приказов Алатырской удельной конторы[2]. В селениях Старых и Новых Мочалей, Большой и Малой Рыбушкиных, Медяны, Чембилей, Пиловального завода и Можаровского майдана лашманы не только отказались от составления мирских приговоров, но и заявили управляющему конторой, что они на будущее время отказываются и от обработки запашки. Услыхав такой ответ лашман, управляющий пригласил на помощь курмышского земского исправника и вместе с ним отправился в с. Пиловальный завод Петрякинского приказа. Исправник прочитал на лашманском сходе распоряжение удельного ведомства об увеличении запашки, но лашманы и в его присутствии отказались составлять мирской приговор. Управляющий остался не доволен деятельностью исправника, и в донесении симбирскому губернатору жаловался, что Толстов к своей обязанности по успокоению крестьян отнесся плохо, не обратил внимания на шум крестьян и не заметил главных зачинщиков и подстрекателей крестьян, не арестовал их, «от чего все лашманы более увлеклись к упорству против убеждений и многие из них самовольно расходились с мирских сходок». Управляющий просил у губернатора помощи в наведении порядка в лашманских селениях и для этой цели просил прислать в Курмышский уезд особого чиновника[3].

---

[1] Е. Мороховец, Крестьянское движение в Поволжье в 1839 г., Труды института истории. Сбор. ст., вып. 1, 1926, стр. 435—452.

[2] ЦГАДА, 6 Департамент сената, д. 21692, лист 16—59.

[3] ГАУО, ф. 320, оп. 3, д. 22, листы 49—53.

24 мая 1840 г. в лашманские селения управляющий отправился с новыми силами — чиновниками конторы, исправником, полицией для того, чтобы сломить сопротивление крестьян и заставить их подписать мирские приговоры, «внушить им при том, что за оказанное им в даче тех приговоров новое сопротивление, они не только преданы будут суду, но даже подвергнутся строжайшему наказанию». В с. Пиловальный завод снова был созван сход крестьян различных селений, куда помимо приглашенных старшин прибыли многие крестьяне, которые «сделали на сходе буйство, произнося громогласно слова: не давай приговора». Руководителей лашман Алексеева и Андрианова арестовали, отправили в тюрьму, после чего старшины подписали желаемый для начальства приговор[1].

Из с. Пиловальный завод, управляющий с приставом и исправником отправился в Красноостровский лашманский приказ. Голова приказа разослал рассыльных в селения для высылки на сход старшин, но лашманы своих старшин не отпустили и, «собравшись в своих деревнях на улице во множестве, с озорством и дерзостью кричали, что они приговоров на обрабатывание общественной запашки не дают и старшин на волостной сход не отпускают, и хотя голова Жалилов хотел из среды татар несколько старшин, а в особенности сотенных взять и представить в присутствие, но татары взволновались, стали кричать, что никого мы из деревень не выдадим». После такого сопротивления лашман, в деревни отправились полицейские с приказом: всех зачинщиков арестовывать и отправлять в тюрьму.

В деревню Большую Рыбушкину прибыли исправник и пристав, где и объявили, чтобы крестьяне выслали своих старшин в приказ. Но вместо старшин пришли все находившиеся в деревне мужчины и подростки 15—17-летнего возраста с палками. Когда им приказали собраться в круг, старшие мужчины вышли вперед, а младшие остались позади старших. После объявления о составлении мирских приговоров для работ на запашке «все стали кричать», что таких приговоров составлять не будут и старшин в приказ не отпустят. Когда исправник начал угрожать расправой, «тогда создался еще больший крик и крик этот был сзаду, кричали молодые татары, которые, наверно, были в сговоре со старшинами и были подстрекаемы ими». Когда исправник потребовал себе сотских и выборных, то крестьяне «еще с большим азартом кричали, что

---

[1] ГАУО, ф. 320, оп. 3, д. 22, листы 58—59.

не отдадим». Исправник с приставом хотели взять выборных, но крестьяне не дали их, окружили выборных и кричали, что «вам будет худо». Ничего не могли сделать представители уездной власти, только записали фамилии некоторых крестьян и отправились в уезд[1]. Затем последовали аресты, в селение был направлен следователь. Но и после арестов, крестьяне не давали приговоров. 15 июня 1840 г. в д. Малую Рыбушкину отправился управляющий Курмышским отделением, но и он не мог склонить крестьян на такой приговор. «К сожалению моему, — писал управляющий в Алатырскую контору, — должен был возвратиться без всякого успеха. Когда по приезде моем в д. Малую Рыбушку, где находился становой пристав Брызгалов, приказал я голове собрать человек десять старшин, то их хотя и пришло на двор до двадцати старшин, но вместе с женами, которые подняли крик: а потому я велел нескольким из старшин взойти в избу, но никто не хотел: жены же, ухватясь за них, не пускали и когда их отгоняли, то едва могли с становым приставом убедить двоих, которые и взошли, жены их подошли к окнам, неистово кричали, чтобы они вышли из избы. Видя, что никто более не идет, мы принуждены были выйти к ним на двор, а они со двора ушли на улицу и разошлись. Немного спустя опять собрались и встали на другой стороне улицы против ворот квартиры моей и по многим моим и станового пристава убеждениям, чтобы подошли ближе, они оставались на своем месте и говорили, чтобы мы читали, и что они и там услышат. Видя такое упрямство, мы со становым приставом подошли к ним, и они на все наши представления молчали, а когда сказали им о составлении приговора, то одногласно сказали не хотим. Сверх того, когда я приказал... новому выборному вступить в должность, то они кричали не хотим нового выборного, давай нам старого...[2].

Лашманы 6 селений Курмышского уезда подали жалобу в Департамент уделов о том, что у них отрезали под запашку по полдесятины земли с души и что эта отрезка произведена неожиданно и притом из крепостных земель, «...жалованных издревле их предкам по грамотам и писцовым книгам» и что «некоторые бедные лашманы продали часть своей земли богатым, отчего отвод земли под запашку будет неуравнителен, так что иные совсем лишаются своего участка»[3].

---

[1] ГАУО, ф. 320, оп. 3, д. 22, листы 61—63.
[2] Там же, листы 105—106.
[3] Там же, листы 119—120.

Подобное сопротивление удельное начальство встретило и во многих селениях Муратовского приказа Симбирской губернии[1]. В Алатырском имении 25 человек предали суду, многим грозила ссылка в Сибирь и отдача в рекруты, однако Сенат в 1841 году вынес определение: «данных лашман (25 человек) взять под строгий сельский надзор, но с места жительства не удалять»[2].

Удельные крестьяне гор. Сызрани и гор. Горюшек, Сенгилеевского уезда, также оказали сопротивление властям при отрезке у них под запашку новых земель, «за что упорнейшие из них, по высочайшему повелению отданы: годные в рекруты, а неспособные в арестантские роты»[3].

Только бесцеремонной отрезкой крестьянских земель для запашки, расширением ее, усилением эксплуатации крестьян можно объяснить продажу большого количества хлеба в виде излишков на рынок. В 1838 году продано приказами Сызранской конторы «излишнего» хлеба на сумму 71705 руб. 34 коп.[4].

По Симбирской конторе за десятилетие было продано «излишков» хлеба[5].

ГОДЫ	Количество проданного хлеба (в чет.)	На сумму Руб. Коп.
1850	33460	56487—11
1851	44521	55423—56
1852	43157	45831—29
1853	23336	40166—42
1854	17027	24649—97
1855	14543	31473—04
1856	24568	55931—28
1857	28106	51273—32
1858	22978	53308—56
1859	11647	41380—17
Итого	263393	455924—72

В конечном итоге, запашка превращалась в коммерческое предприятие. Удельным конторам указывалось придерживать

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 539, лист 1.
[2] ГАУО, ф. 320, оп. 3, д. 22, листы 314—315. ЦГАДА, 6 Департамент сената, дело 21692, лист 59.
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 392, лист 248.
[4] ГАУО, ф. 322, оп. 1, д. 99, лист 41.
[5] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1219, лист 32.

хлеб, не продавать его, пока цены на рынке низкие. Например, в 1853 году управляющему Самарской конторой предписывалось: «не производить продажи запасного хлеба, пока будет продолжаться чрезвычайная дешевизна... по миновании же оной, продать, в числе означенных на 1853 год 50 тыс. четвертей, такое количество, какое будет возможно сбыть по ценам не слишком низким». Только за 1853—1854 гг. Самарская контора продала до 100 тыс. четвертей хлеба[1]. В отдельные годы Симбирская контора продавала очень большие партии хлеба. Так, в 1843 г. она продала хлеба 70 тыс. четвертей на 138709 руб., из которых 97913 руб. контора передала в Департамент уделов[2].

Большие суммы за вырученный хлеб шли в пользу чиновников: в 1836 году чиновники Симбирской конторы получили[3]:

смотрители общественной запашки и головы приказов	— 4942 р. 60 к.
чиновники, командируемые по делам запашки	— 502 р. 80 к.
помощники столоначальников	— 201 р. 12 к.
столоначальник	— 301 р. 68 к.
помощник управляющего конторой	— 4190 р.
департамент уделов	— 2547 р. 52 к.
Всего	12685 р. 72 к.

В хлебный же капитал было отчислено в том же году Симбирскою конторою только 3429 рублей.

Даже по такой конторе как Казанская, которая по количеству крестьян уступала другим конторам Среднего Поволжья, чиновники от запашки получали значительные суммы. Об этом наглядно показывает нижеприводимая таблица[4]:

Годы	Смотрители и головы приказов Руб.	Чиновники конторы Руб.	Управляющий Руб.	Департамент уделов Руб.	ВСЕГО
1850	2135	811	2028	1347	**6321**
1851	2041	850	2125	1411	**6427**
1852	1532	550	1375	911	**4368**
1853	1699	625	1562	1038	**4924**

[1] Куйбышевский Госархив, ф. 43, оп. 13, д. 3, листы 9, 335.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 617, лист 67.
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 392, лист 213.
[4] ГАУО, ф. 538, д. 22, листы 115—116.

Годы	Смотрители и головы приказов Руб.	Чиновники конторы Руб.	Управляющий Руб.	Департамент уделов Руб.	ВСЕГО
1854	1165	499	1248	828	3740
1855	1165	430	1075	714	3384
1856	1233	477	1192	792	3694
1857	2375	883	2207	1466	6931
1858	2512	1018	2545	1690	7765
1859	1059	409	1022	679	3169
Итого	16916	6552	16380	10878	50726
Сред. в г.	1691	655	1638	1087	5072

Эта таблица показывает, что управляющий конторой получил столько же, сколько десятки смотрителей и голов приказов. Департамент уделов получил от общественной запашки до 20 проц. Сколько получили чиновники по всему удельному хозяйству от запашки по всем конторам за несколько лет видно из нижеприведенной таблицы[1]:

Название контор	1841 г	1843 г	1845 г	1847 г.	1849 г.
	в рублях				
Архангельская	5004	—	4344	4260	4629
Алатырская	4440	5517	6142	6549	3232
Владимирская	—	6301	5178	4098	5595
Вологодская	2571	—	2736	4656	3429
Вятская	6011	8222	8232	8481	7802
Казанская	1557	3227	8078	1904	970
Костромская	—	3300	4265	4457	5905
Красносельская	—	—	192	251	3
Московская	1689	2364	4401	4203	4371
Нижегородская	225	3987	3405	3060	3351
Новогородская	3120	174	3399	6693	4926
Орловская	620	1855	2446	5296	2583
Оренбургская	—	4518	6527	3206	3335
Пермская	913	1288	963	1253	1309
Саратовская	—	5007	6461	3642	4098
Симбирская	3258	6319	8550	5968	3247
Самарская	2172	8550	8550	7664	6726
Сызранская	6817	8550	8550	8550	8550
Тверская	—	819	1530	2106	—
Итого	38397	69998	93949	86297	74613

[1] Куйбышевский Госархив, ф. 43, оп. 11, д. 256, листы 21, 28, 43, 59, 101, 119, 137, 168, 242.

Таким образом, за девять лет доходы чиновников от запашки все возрастали: больше всего получали доходы чиновники Вятской, Саратовской, Самарской, Сызранской и Симбирской контор.

Беззастенчиво грабя удельных крестьян на запашке, чиновники превращали их в барщинных крестьян. Даже такой крепостник, как Перовский, в 1838 г. вынужден был в письме к управляющему заметить:

> «Департамент уделов, внимательно наблюдая ход общественной запашки в удельных имениях, замечает, что изданные по сей части правила не везде исполняются в точности: с установлением наград по степени урожаев, лица, коим эти награды назначены, заботятся наиболее о том, чтоб сколько возможно возвысить сумму награждений; к этой только односторонней цели они направляют все свои действия по общественной запашке, с упущением, а иногда и с явным нарушением установленных для нее правил».

Он указывал, что в обработке запашки действует произвол местных распорядителей с отягощением удельных крестьян, работы производятся неуравнительно, навоз требуют от крестьян «в неумерном количестве, как бы желая вознаградить дурное ее качество»; степень урожайности показывается неверно, хлеб крестьянам выдают взаимообразно «в гребло, а в возврат требуют с верхом, и происходящий от того излишек, который в общей сложности бывает значителен, присоединяется к действительному урожаю, сообразно чему выводится в расчет вознаграждений». Продажа хлеба, — указывал он, — также производится неправильно:« или по ценам, предварительно назначенным, а не по тем, по каким можно бы продать, или с доставкою далее 30 верст крестьянами по наряду». По многим конторам открыто, что хлеб «вопреки всякой справедливости, раздается самим крестьянам, против их желания, со взысканием с них денег, по произвольному назначению смотрителей и приказов».

Перовский вынужден был признать, что за всеми корыстными действиями чиновников и приказов по запашке главная цель ее упущена, «и сия последняя, вместо того, чтобы служить для крестьян указанием к усовершенствованию собственного их земледелия, обращается для них в тягость»[1]. В другом письме удельным конторам Перовский писал, что в приказах не утруждают себя продажей хлеба на сторону, а раз-

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 349, лист 152.

дают его крестьянам против их желаний, по ценам, назначенным приказами[1]. Сказанное Перовским далеко от той тяжелой действительности, в условиях которой крестьяне работали на запашке. Запашка превратилась в источник самого беззастенчивого грабежа со стороны смотрителей, голов, чиновников и управляющих контор. Всех злоупотреблений не перечесть, их было слишком много. Мы остановимся на более крупных фактах, какие выходили из рамок всяких пределов и каких нельзя было скрыть от общественного мнения. Эти злоупотребления разбирались следственным порядком и зафиксированы в документах удельного ведомства. Злоупотребления берут свое начало сразу же с введения запашки в удельной деревне.

Один из активных деятелей по введению поземельного сбора, управляющий Казанской удельной конторой, Коваленский, запашку превратил в источник личной наживы. Став в 1830 году управляющим, он развернул кипучую деятельность по обиранию крестьян. Приступив к исполнению своих обязанностей, управляющий сразу же отобрал у смотрителей запашки тетради по учету хлеба. Этот учет он вел самолично. Как правило, он вызывал в Казань смотрителей с бирками о приходе и расходе хлеба, отбирал эти бирки и при помощи вызванных из приказов писарей сам составлял хлебные ведомости. Для того, чтобы скрыть следы преступлений, Коваленский не давал в приказы письменных распоряжений о продаже или перевозке хлеба: он отправлялся на место сам, или посылал туда чиновника. На месте Коваленский устранял смотрителей и голов, чтобы они не могли учитывать хлеб, «и действовал одним своим лицом». Делал же он это с явным намерением запутать учёт, чтобы скрыть свои злоупотребления, «и сие простер до того, что все письменное по общественной запашке производство... находилось всегда за 1832 и 1833 годы непрестанно в собственном кабинете Коваленского и он сам составлял отчеты».

Как выяснилось при следствии, многих документов по учету хлеба и многих хлебных ведомостей и письменных распоряжений по запашке не оказалось. Естественно, что при таком состоянии дел нельзя было установить точных данных о сборе хлеба с запашки имения, нельзя было определить количество проданного хлеба и полученную за него сумму денег. По приблизительным подсчетам чиновника Департамента, реви-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 345, лист 305.

зовавшего дела Коваленского, установлено, что на 1 января 1834 года было похищено хлеба: озимого 712 четвертей, ярового 1313 четвертей, или около 16200 пудов. Но эта цифра похищенного хлеба не точна. Удельные крестьяне показывали, что только за 1833 год «поступило с общественных полей 211 четвертей озимого хлеба более того, сколько показано по ведомостям», а какое количество было украдено в 1830—1832 гг., крестьяне не помнят.

Удельные крестьяне показывали о том, как Коваленский и его приближенные продавали хлеб запашки. В расходных тетрадях Воскресенского приказа по настоянию Коваленского было записано о продаже 41 четверти хлеба, на самом же деле, как показали крестьяне, продано 300 четвертей хлеба, о чем они представили расписку подручного управляющего.

По распоряжению Коваленского в 1831 г. Воскресенский приказ продал хлеботорговцу Судакову 400 четвертей овса, а деньги 1241 руб. 45 коп. получил управляющий. По представленным распискам Судакова на следствии обнаружилось, что Коваленский и его помощник получили от хлеботорговца 2434 руб. 48 коп. за 594 четверти овса, но «сей продажи, писал чиновник Департамента, по делам конторы в 1831 году вовсе не значится».

Коваленский продал купцу Саввинову хлеб по 3 руб. 64 к. за четверть, а в Департамент сообщил, что такой хлеб он продавал по 3 руб. 24 коп. Тому же купцу было продано управляющим хлеба на 5 тыс. рублей, но такая продажа в документах не значится.

В 1832 году Вараксинский приказ по распоряжению конторы купцу Бобылеву продал 1199 четвертей ржи на сумму 7900 рублей, но деньги эти конторою не заприходованы.

В 1831 году купец Фомин купил у Вараксинского приказа 11000 пудов хлеба на сумму 7200 рублей, контора заприходовала только 2088 пудов на сумму 1461 руб. 60 коп.

Коваленский получил большие доходы прямым обманом крестьян, спекулируя на их голоде и нищенском положении. Крестьяне Воскресенского приказа в 1831 году в результате голода, обратились к управляющему с просьбой, чтобы им продали хлеб из общественных магазинов. Известно, что и запашка и хлебные магазины существовали для того, чтобы в голодные годы помогать крестьянам. Коваленский донес в Департамент уделов, что он продал крестьянам 1068 четвертей хлеба по 3 рубля 64,5 коп. за четверть. На самом деле кре-

стьяне купили 1708 четвертей овса по 4 руб. 50 коп. за четверть. На голоде крестьян Коваленский нажился и положил себе в карман тысячи рублей.

Крестьяне Вараксинского и Анатышского приказов показывали на следствии, что они покупного хлеба не видели, а запашку засеяли крестьянским хлебом. Список преступлений Коваленского можно было продолжить. Можно было бы указать, как он брал взятки с крестьян за освобождение от рекрутства, за раздел семейств, за разрешение свободного въезда в лес; вместе с управляющим взятки брали чиновники конторы за приплывшее мертвое тело к берегу, за обещание выбрать в головы, брали взятки за выход замуж в другое селение и т. д. и т. п. За счет голода крестьян, их чрезмерной эксплуатации чиновники составляли себе капиталы.

Преступления по запашке не единичны, они глубоко вкоренились в практику других контор и приказов. Ярким примером тому, как запашку превращали в источник обогащения, служит Алатырская контора. С 1838 по 1851 год возглавлял эту контору Бороздин. Он безраздельно господствовал в удельной конторе до 1849 года. В 1849 году различными путями дошли слухи до Петербурга о злоупотреблениях Бороздина и его чиновников. Слухи эти были настолько достоверны, что из Департамента уделов была направлена специальная комиссия, которая прибыла в г. Алатырь и приступила к расследованию. При следствии выяснилось, что собственные поля Бороздина, как помещика, обрабатывались удельными крестьянами по наряду, что удельные крестьяне убирали и хлеб с его полей, возили навоз туда, подвозили из дальних мест материалы для сооружения дома Бороздина. Такой наряд проводился во многих селениях из 10, а в других из 20 душ по одной подводе. Все эти работы совершались бесплатно. Как показывали крестьяне, они такие работы выполняли в имении Бороздина на протяжении многих лет. Те крестьяне, которые не могли послать к Бороздину подводы, должны были нанимать за себя. При удобрении бороздинских полей, крестьяне должны были класть на десятину навоза до 400 возов, на что всегда требовались сотни подвод удельных крестьян[1].

Чтобы удержать удельных крестьян в повиновении, эксплуатировать их не только на запашке, но и в своем имении, Бороздин подбирал для себя таких приказных старшин, которые беспрекословно выполняли все его распоряжения и во

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 11, д. 44, листы 133—138.

всем повиновались ему. Он заставлял крестьян избирать тех людей в старшины, которые были годны Бороздину[1].

Крестьяне строили каменные хлебные магазины, а деньги, собранные с тех же крестьян на строительство магазинов, Бороздин присваивал себе. При строительстве зданий для Алатырской конторы покупали материал по одной цене, приходовали по высоким ценам, а разницу клали в карман.

Помощник Бороздина Пылаев с ведома управляющего сгонял из окрестных селений удельных крестьян на строительство ледяных гор для развлечения дворян города Ардатова. Тому же Пылаеву удельные крестьяне построили новый дом. Необходимо добавить к этому, что Бороздин, Пылаев и другие чиновники брали с крестьян взятки, которые в общей сумме выражались в тысячах рублей.

Специальная комиссия, наряду с вышеприведенными и многими мною не приведенными фактами злоупотреблений Бороздина и его помощника, обнаружила крупные преступления по общественной запашке и продаже «излишнего хлеба». В роли руководителя запашки Бороздин выступает перед нами — уже не как управляющий конторою и помещик, а как предприниматель, коммерсант. В образе Бороздина воплощены как бы два лица: одно лицо еще тесно связано с феодально-крепостническим строем, с его порядками и привычками, а другое смотрит уже не назад, а в будущее, стремится к капиталистическому предпринимательству. В целях выгодного сбыта хлеба, Бороздин создал специальную компанию, на что получил разрешение удельного ведомства. Разрешая такую компанию, Департамент уделов указывал, что она должна способствовать удельным крестьянам сбывать по выгодным ценам их собственный хлеб за пределы Симбирской губернии. Компания вскоре была юридически оформлена и утверждена Петербургом. В её состав вошло 9 человек, но только на 5 компаньонов были представлены ручательства сельских обществ на 50 тысяч рублей. 4 человека совершенно не знали, что они являются компаньонами и в Департамент были представлены их фамилии для формы. Компания существовала только юридически, так как всеми хлебными операциями ведали подставные лица Бороздина — головы приказов.

В период деятельности компании, Бороздин доносил в Департамент уделов, что хлеб для компании покупался только у

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 11, д. 44, листы 145—360.

богатых удельных крестьян и партиями отправлялся судами для продажи в Рыбинск и другие места. Следствием было установлено, что донесения управляющего Алатырской конторою являлись вымыслом, хлеба не покупали у крестьян, а брали его из магазинов запашки. Так, например, из 28789 кулей хлеба, предназначенных для продажи в 1849 году, только 4590 куплены у крестьян, а остальные были взяты из общественных магазинов.

Сам Бороздин, пользуясь даровым трудом удельных крестьян в своем поместье, большие партии хлеба продавал «компании»[1].

Так называемая хлебная компания, созданная Бороздиным, служила исключительно целям обогащения за счет запашки, в конечном счете — за счет тех же удельных крестьян. Комиссия не могла установить злоупотреблений управляющего за все десять лет его деятельности, она могла уличить Бороздина в его преступлениях за 2—3 года. Но и за этот короткий срок, по заключению комиссии, он принес убыток Департаменту уделов в 29839 рублей, а его помощник Пылаев в 16375 рублей. Какой убыток он принес крестьянам, об этом комиссия умолчала[2].

Дело Бороздина и Пылаева было передано в Симбирскую палату уголовного суда, а затем в Сенат. Суд царских чиновников 20 лет решал совершенно ясное для него дело о Бороздине и Пылаеве, и тянул «дорасследованием» это дело с явной целью обеления преступников[3].

Колоритной фигурой среди портретов галереи взяточников, лихоимцев, эксплуататоров удельных крестьян, корыстолюбцев, живущих за счет запашки и крестьянского хлеба, был управляющий Сызранской удельной конторой Каблуков. 12 лет (1840—1852 гг.) Каблуков распоряжался удельными крестьянами, как своими крепостными.

В 1852 году Департамент уделов обвинил Каблукова в превышении «предоставленной ему по званию управляющего власти преимущественно при производстве в удельном имении разных построек с отягощением крестьян и другие противозаконные действия»[4]. «Другие противозаконные действия» связаны были с запашкой.

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 11, д. 44, лист 649.
[2] Там же.
[3] Там же, листы 643—654; ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 11, дд. 42, 43,
[4] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 466, лист 54.

На смену Каблукова пришел Хвостов, ранее ревизовавший дело Бороздина. Хвостов на протяжении многих лет обкладывал крестьян «данью» по 10 коп. с души, но т. к. эту дань платили головы приказов, то и они не оставались в убытке. Подобная дань давала Хвостову до 7 тыс. руб. дохода в год[1]. Но все эти взятки меркнут перед злоупотреблениями, которые Хвостов делал в области запашки. Он, как и Бороздин, общественную запашку превратил в коммерческое предприятие.

Прежде чем продавать хлеб из общественных магазинов. Хвостов посылал одного из голов приказа на Промзинскую пристань, чтобы узнать цены на хлеб и уговорить купцов покупать только удельный хлеб. При этом Хвостов ставил условие, чтобы купцы, покупая хлеб запашки, давали бы в пользу Хвостова 20 коп. с рубля. Если подсчитать, что за время пребывания Хвостова управляющим конторою (1852—1858 гг.) было продано удельного хлеба в среднем на 450 тысяч рублей, то в карман управляющего перепало до 28 тысяч рублей.

Вместе с Хвостовым обирал крестьян управляющий Карсунским отделением Штенгер. Он брал бесконтрольно хлеб из магазинов вместе с управляющим и головами приказов, присваивал деньги, пожертвованные крестьянами на воинов Крымской войны. Хвостов и Штенгер брали взятки с крестьян, избивали их. Хотя эти преступники были отданы под суд, но Симбирская палата уголовного суда взяла их под защиту»[2].

В 1866 году судебное дело закончилось в пользу Хвостова и Штенгера: им предложили уплатить небольшую сумму денег[3].

Вместе и заодно с Хвостовым действовали головы приказов. Голова Бабаев торговал как своим хлебом, так и хлебом общественных магазинов, он заставлял крестьян возить этот хлеб на пристань, караулить его. Крестьяне строили кирпичные здания для магазинов, а деньги, отпущенные на их строительство, Бабаев брал себе. Он держал в своем хозяйстве бесплатно работников—удельных крестьян, за которых все повинности отбывали миром их односельчане. Деньги, отпускаемые крестьянам, дома которых были уничтожены огнем, брал Бабаев; деньги, собираемые на отправление рекрутов, на канцелярские расходы, отопление и освещение приказного дома,

---

[1] ГАУО, ф. 322, оп. 3, д. 234, листы 412—415; д. 235, листы 124—126, 129—131, 134—136, 139—140; 142—143.

[2] ГАУО, ф. 340, оп. 4, д. 15, листы 1—157; оп. 3, д. 15, листы 21—23, 24. 25, 267—269.

[3] ГАУО, ф. 340, оп. 6, д. 43, листы 1—49.

оставались в кармане Бабаева. За 15 лет (1843—1858 гг.) Бабаев так разбогател, что завел расшиву, построил для себя несколько жилых домов, накопил большие средства[1].

Голова Коченеевского приказа Дрондин продавал общественный хлеб в зависимости от конъюнктуры цен на рынке, в благоприятный для него момент. В 1856 г. контора разрешила ему продать 1500 четвертей овса по 1 руб. 90 коп. за четверть. По документам проведено, что он этот хлеб продал купцу Мартьянову, на самом же деле его купили удельные крестьяне по 2 руб. 36,5 коп. серебром за четверть. Дрондин отпускал нуждающимся крестьянам хлеб, за что брал никем и никогда не установленные высокие проценты. Лично Дрондин присутствовал при сбмолоте хлеба общественной запашки, при этом он показывал произвольную степень урожая. В 1857 году в с. Малом Карсуне производился подобный обмолот в присутствии головы. В акте обмолота показали, что 50 снопов ржи дают 3 четверика 2,5 гарнца, на самом же деле 50 снопов давали 4 четверика 3,5 гарнца. В том же селении был заприходован урожай с 24 десятин овса, которого нажали якобы 9200 снопов, или 380 снопов с десятины. На самом деле, десятина этого поля дала 600 снопов, или 14400 снопов со всего участка. Таким образом, голова вкупе с приказчиком показал на 5200 снопов меньше, или присвоил себе 36 проц. всего урожая.

Трудно установить количество разворованного из магазинов и проданного Дрондиным хлеба, потому что «наличные запасы хлеба, — говорится в донесении следователя, — не поверялись посредством перемеры с 1849 года», т. е. на протяжении 8 лет[2].

Сотни подобных примеров можно привести о злоупотреблении чиновников контор и голов приказов. Но и приведенные факты достаточно убедительны, чтобы видеть, во что превращалась запашка, а вместе с нею и жизнь удельных крестьян.

* * *

Могли ли крестьяне равнодушно смотреть, как их грабили и обирали чиновники. Разве им неизвестно было, куда идет хлеб запашки, кто обогащается этим хлебом. И они, естественно, протестовали против запашки. Протестовали путем плохой обработки запашки, отказом возить на эти поля навоз, во-

---

[1] ГАУО, ф. 322, оп. 3, д. 234, листы 2—4; 8—10, 412—415.
[2] ГАУО, ф. 322, оп. 3, д. 235, листы 3—8.

зить на продажу хлеб общественных магазинов. Но иногда такой протест выливался в массовое неповиновение крестьян, охватывавшее многие уезды и даже губернии.

В начале 40-х годов удельные крестьяне и лашманы все настойчивее писали прошения и жалобы к мнимому «защитнику» царю и министру двора, все больше показывали глубокое недоверие к удельным чиновникам контор, приказным чинам и губернским властям.

Волнения удельных крестьян 40-х годов вливались в общий поток недовольства существующим строем и крепостническими порядками всего крестьянства.

Усиление классовой борьбы всей массы крестьянства способствовало дальнейшему разрушению феодально-крепостнического строя.

В отличие от 30-х годов, когда удельные крестьяне Среднего Поволжья негодовали против поземельного сбора и запашки, в 40-х годах, наряду с этим, удельные крестьяне и особенно лашманы требовали «порешить» с уделом, освободиться от ненавистного удельного ведомства.

Волнения удельных крестьян и лашман подрывали хозяйственную деятельность удельного ведомства, наносили ему большой экономический ущерб.

Естественно, что Департамент уделов во главе с царем всячески старались пресечь волнения крестьян в зародыше. Там, где это не удавалось, волнение подавляли силой.

Крупные волнения удельных крестьян и лашман, направленные на уничтожение запашки, произошли в 1843—1844 годах в Симбирском и Самарском удельных имениях.

Уже в первой половине 1843 года посыпались в Петербург жалобы и просьбы от удельных крестьян и лашман многих уездов и приказов Симбирской губернии. В столицу отправились крестьяне-ходоки и поверенные с тем, чтобы просить об отмене запашки. Удельный крестьянин Ильин, избранный крестьянами Бюргановского приказа поверенным, в мае месяце 1843 года подал просьбу царю, в которой обрисовал тяжелое положение крестьян.

В этой жалобе крестьяне писали, что запашка была создана только для пользы удела, но не для крестьян. «Эта обязанность, — продолжал поверенный, — в течение времени дошла до того, что 30 и потом 16 душ должны были обрабатывать одну десятину. Ныне же местное удельное начальство, не объявляя нам никакого распоряжения правитель-

ства, требует, чтобы им дали подписку обрабатывать одну десятину земли в каждом поле только 8 душами»[1].

Такие же, или им подобные, мотивы излагают в своих жалобах как русские, так и татары, чуваши. Татары и чуваши удельной деревни Новой Чекурской Паркинского приказа, Буинского уезда, писали через поверенного на имя царя «об облегчении участи нашей по малому количеству земли, которой у нас менее, нежели по одной десятины на душу и по недостатку других угодий, которыми бы можно поддерживать наше благосостояние, мы постепенно начали впадать в бедность и крайнее разорение, чему более способствовали бывшие в прошлых годах неурожаи».

Разорению крестьян способствовала запашка, самая тяжелая из всех повинностей крестьян. «Для обеспечения народного продовольствия, — писали они, — положена у нас общественная запашка, которую исполняем мы с совершенною готовностью и без малейшего уклонения, однако ж, при настоящем нашем расстроенном положении, это для нас не совсем удобно». Далее они указывали, что «казенные крестьяне Казанской губернии с 1842 года освобождены от такой запашки»[2], а общественные магазины засыпают своим хлебом и платят по 3 коп. с души, а поэтому, признавая эту меру повинности «за удобнейшую и облегчительную в сравнении с натуральным пополнением запасов через запашку, решились испытать своего счастья...» и просить заменить запашку хлебным сбором[3].

В прошении лашман с. Старого Студенца, Буинского уезда, на имя министра императорского двора отражены чаяния всех лашман, находившихся в ведении удельного ведомства. Эта просьба настолько глубоко раскрывает их положение, что небезинтересно привести ее более полно. Поверенный с. Старого Студенца писал: «Количество запашки назначено сообразно с силами и удобствами лашман, но от постоянных в Буинском уезде неурожаев с 1837 года ламшаны стесняются в исполнении повинности этой подобным образом, по тем причинам, что, терпя неурожай и будучи обязаны исполнять прочии свои повинности, они во избежание недоимок должны были, взамен предполагаемой выручки денег через продажу

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 277, лист 3.

[2] В государственной деревне запашка была введена в 1835 г. и отменена в 1842 г.

[3] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 289, листы 22—23.

хлеба, продавать в числе прочего скота лошадей, изнуренных работой и голодом, за совершенный бесценок, с тем вместе, по неимению хлеба, употреблять их по своему обычаю в пищу, в большом противу прежнего количестве... Следовательно, с уменьшением, или можно сказать с изводом большей части лошадей, способы к пашне сделались совершенно трудными, особенно в настоящее время, потому что, распродав лошадей, они оставили их малейшую часть для исправления собственно лашманской только повинности, а истощив через это источник к приобретению денег для своего пропитания, продавали дома, как обременительное имущество, для содержания которого требовались при покупке хлеба еще особые расходы, в числе коих особое внимание заслуживает покупка дров дорогою ценою...

Продажа домов так же, как и продажа лошадей, производилась по самой низкой цене, от зародившейся в них гнилости, по случаю употребления с них соломенных крыш на корм оставшемуся скоту и частью на размол для примеси к дорогому хлебу... Многие другие обстоятельства, — пишет доверенный министру, — до того расстроили лашман, что они, лишаясь необходимого, должны были войти еще, как в казенные, так и в частные долги, а продавши и потребивши в пищу лошадей, не в состоянии теперь выполнять собственной своей обязанности, также обеспечивать продовольствие через запашку иначе как наймом и наймом обременительным для их состояния, даже таким, который со временем доведет их до совершенной нищеты, а с нищетою будут оставаться без исполнения всех их повинностей». Доверитель, излагая другие трудности в исполнении запашки, просил от имени всех селений Старостуденецкого приказа отменить ее и заменить запашку натуральным сбором хлеба или деньгами, потому что оставшимися лошадьми едва ли сумеют обработать свою горсть земли для собственного существования[1].

Просьба поверенного является зеркалом, в котором отражены нищета и бесправие лашман. Многочисленные жалобы и просьбы раскрывают тяжелое положение удельных крестьян и лашман. Тяжесть налогов, неурожаи, продажа скота, домов для уплаты налогов и оброков, снятие с крыш соломы для корма скота, голод, нищета, барщина в виде запашки — такова картина удельной деревни 40-х годов XIX века.

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 390, листы 2—5.

Многочисленные просьбы и жалобы из разных удельных имений, переход крестьян отдельных селений от просьб к действиям напугали Департамент уделов. Удельное ведомство запросило управляющего Симбирскою конторою о причинах и мотивах поданных в Петербург многочисленных просьб и жалоб.

Симбирский управляющий Глинка не замедлил с ответом, в котором писал, что «единообразное содержание всех помянутых лживых просьб, решительно есть дело выдуманное и конечно имеющую несбыточную цель отмену общественной запашки». Как видно из донесения, сам Глинка выезжал в Буинский уезд в удельные и лашманские селения для выяснения причин волнения крестьян. В донесении Департаменту Глинка объяснял, что никаких распоряжений относительно обработки одной десятины общественной запашки 8 душами местное начальство не делало, а требовало только мирские приговоры на обработку ее. Сам Глинка опрашивал крестьян и лашман «из чего они взяли приносить лживую жалобу о работе восемью душами одной десятины, то на сие другого не отвечали мне, что они так думали, от многих о том слышали и потому боялись, чтобы сего не случилось на самом деле»[1].

Но дыма без огня не бывает. В некоторых приказах, действительно, старшины пытались определить на одну десятину запашки по 8 человек. Крестьяне были взбудоражены и управляющий, приезжая в удельные селения, везде находил мирские сходки крестьян. На вопрос о причине сходки, он везде получал одно объяснение: крестьяне послали просьбу царю об отмене запашки, просят и Глинку отменить ее.

На вопросы министра и удельного ведомства о корнях возбуждения крестьян и о том, кто подсказал мысль им о подаче жалоб в Петербург, Глинка отвечал: «Я полагаю, что корень сего зла должен находиться в лашманских селениях и основываю предположение мое на следующем: лашманы с первого введения в селениях их общественной запашки показали неповиновение, впоследствии времени хотя оное миновалось, но негодование на сие полезное дело, введенное у них, осталось. При всяком случае, когда входя в положение их быта, я расспрашивал об оном и оне, говоря о бедности от неурожаев, всегда вмешивали в причины и работу на запашке,

[1] ГАУО, ф. 318, д. 274, листы 13—16.

и в настоящее время, несмотря ни на какое вразумление, оне желают уничтожения оной».

Глинка сетовал и негодовал на то, что чуваши и татары совместно выступают против запашки, что у них общая линия в борьбе с уделом, так как татары и чуваши, селения которых расположены рядом, находятся в общении друг с другом. Чуваши, как пишет Глинка, во всем верят татарам: «Чуваши верят им и это доказывается тем (что) на всякой мирской сходке, где в селении чувашском есть несколько татар, там сей последний занимает первое место и говорит за всех. Чуваши, безмолвствуя, поддерживают слово говоруна только криком. Следовательно, влияние татар на чуваш неоспоримо. Татары по пронырству своему, бывая и разведывая, где что делается, бывают часто и в соседственной Казанской губернии».

Слухи же об отмене запашки, доносил управляющий, дошли из Казанской губернии, где государственных крестьян освободили от ее выполнения. Узнав об этом, многие селения удельных крестьян уже весною 1843 г. отказались сеять яровое на запашке, а затем отказались и составлять приговоры. В начале от составления таких приговоров отказались три лашманских приказа, за ними вскоре стали отказываться другие.

В заключение Глинка пишет: «Таким образом, по мнению моему, лашманы татары, успевшие в злом своем предприятии, составили с чувашами союз и, подкрепляя их советами, спокойно ожидают развязки затеянного ими дела, других же причин к тому я не полагаю»[1].

Хотя управляющий Симбирской конторой отвечал Департаменту в спокойных тонах, на самом же деле картина была иная. Уже в мае—июне месяце многие удельные и лашманские селения открыто выступили против запашки. Удельное начальство, не будучи в состоянии само справиться с крестьянами, вынуждено было обратиться за помощью к губернатору. Особенно грозных размеров крестьянское неповиновение достигло во многих приказах Буинского уезда. Туда направились чиновники конторы, следователи, полицейские чины. Симбирский губернатор, выполняя приказ министра внутренних дел, предписал Буинскому земскому суду оказать всемерное содействие удельному начальству. Затем губернатор просил управляющего конторой сообщить ему: «какое еще нужно

[1] ГАУО, ф. 318, д. 274, листы 13—16.

вам содействие к исполнению возложенного на вас поручения по предмету разыскания о подаваемых лашманами просьбах частию об отмене, а частию об уменьшении общественной запашки»[1].

Выехавшие в Буинский уезд чиновники начали разыскивать зачинщиков волнений, арестовывать и допрашивать их. Допрашивали прежде всего ходоков в Петербург, а также тех, кто распространял слухи об отмене общественной запашки среди государственных крестьян Казанской губернии.

Крестьянин Большецильнинского приказа Ибрагимов на допросе показал о том, что он весною 1843 года действительно был в Казани и, возвратясь домой в д. Старую Шаймурзину, говорил своим односельчанам, что у казенных крестьян Казанской губернии отменена запашка. После его приезда собралась крестьянская сходка, где обсуждался вопрос о том, как отменить общественную запашку и кому об этом написать просьбу. На сходе спросили Ибрагимова, правда ли, что отменена запашка в Казанской губернии? Он на это ответил утвердительно[2].

Ибрагимова и других арестовали. Но слух об отмене запашки все ширился и распространялся в другие уезды. Удельные крестьяне тайно передавали друг другу об этом, собираясь небольшими группами. Затем они открыто на сходах стали выносить свои решения об отмене запашки. Все почти приговоры крестьян были одного содержания: «Мы, вышеозначенные, дали свой приговор Большецильнинского приказа Менделю Мулюкову в том, чтобы он просил у государя императора милости, по примеру прочих губерний, отменить общественную запашку, заменить ее сбором хлеба в магазины. В удостоверении чего и приложили свои тамги»[3]. Этот же Мулюков показывал на следствии, что после того, как в деревне Большой Цильне состоялся сход, на котором он был избран поверенным ходоком, к нему дня через три привезли такие же приговоры из других деревень: из Елховоозерной, из Старой Шаймурзиной, Новых Маклауш. Получив эти приговоры, Мулюков отправился в Симбирск, где прошение ему написал неизвестный человек. Это прошение и было отправлено в Петербург[4].

---

[1] ГАУО, ф. 318, д. 274, лист 41.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 288, листы 52—53.
[3] Там же, лист 38.
[4] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 283, листы 50—51.

Чиновники конторы и полицейские власти отобрали десятки таких крестьянских приговоров[1].

Против запашки выступали единым фронтом русские, мордва, татары и чуваши. Крестьяне Паркинского приказа посылали крестьянина д. Чекурной Антона Никитина и татарина Искандера Лати в Симбирск для подыскания писца прошения. Вместе они диктовали писцу требования крестьян, затем написанное прошение они отправили в Петербург[2].

В других селениях крестьяне выступали не только против запашки, но и за выход из удельного ведомства. На крестьянском сходе д. Кадышевой Кайсаровского приказа выступил Петр Родионов, «соглашая бывших (на сходе) крестьян составить мирской приговор о выборе поверенного на подачу просьбы государю императору с принесением жалобы на местное начальство в том, что оное... не объявляет указа об уничтожении удела, уверив крестьян, что им будет тогда хорошо, свободно, будут рубить лес и освободят от обработки общественной запашки». Такой приговор был написан приглашенным писцом из другого селения, но крестьяне своего решения не успели отправить, потому что местной властью сход был разогнан, а приговор изорван[3].

В начале крестьяне ограничивались сходами только своего села, своей деревни. Вскоре стали созываться общеприказные сходы, куда приходили представители всех селений приказа. На этих сходах крестьяне обсуждали пути избавления от общественной запашки.

Крестьянин из д. Старого Студенца Старостуденецкого приказа Курамшин на следствии показывал, что на сходке в деревне после написания приговора выборный Ялилов объявил ему и его односельчанину Салюкову, чтобы они шли в деревню Старые Типчали, где собирается Старостуденецкого приказа общая сходка для выбора ходоков. Курамшин и его товарищ пришли в Старые Типчали, «где уже и застали собранную общую со всех деревень сходку, на коей и избрали меня (Курамшина.—**Н. Г.**) от всей волости поверенным»[4].

Несмотря на аресты и допросы крестьянских ходоков, начали распространяться более настойчивые слухи о ликвидации удела, об освобождении крестьян из удельного ведомства. Эти слухи выражали стремления и чаяния удельных крестьян

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 283, листы 39—42 и др.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 289, лист 20.
[3] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 274, лист 3.
[4] Там же, листы 27—28.

и лашман освободиться от удельного начальства, а главное от поземельного сбора и запашки. И, естественно, что крестьяне и лашманы пытались эти слухи превратить в действительность.

В начале июня 1843 года Кайсаровский приказ сообщал управляющему Симбирской удельной конторой о том, что в деревню Стямышево пришли на сход многие крестьяне как русские, так и татары дд. Верхних Тархан, Починок, Толбы Таушевой, Вожей, Утямишевой, Бессоновой, с. Кильдюшева. На сходе Мавлютов и другие говорили, что от царя «последовал указ об исключении крестьян из удельного ведомства, но скрывает сие местное начальство и склоняло бывших на объясненном сборище крестьян к подаче просьбы к государю-императору об уничтожении удела... Прочия простолюдимыя крестьяне, бывшие на сходе, уверясь на их ложном слухе, передали оной каждой в своей деревне и обыватели оных послали в город Симбирск для узнания о сем...». Вместе с другими крестьянами в Симбирск поехал Рафик Абайдуллов из деревни Больших Тархан «и наверно нашел там случай, — доносил приказ, — уверить посланных из прописных деревень обывателей, что сказанные им с прочими... слова справедливы, которые крестьяне, возвратясь из Симбирска, уверили в том также каждой своей деревни обывателей, каковой ложный слух разнесся по всем селениям ведомства здешнего приказа, даже в соседственные селения других приказов». Кайсаровский приказ писал и о том, что все крестьянские сходки происходят тайно, что они «умысел сей делают от приказа скрытно». В том же донесении сообщалось, что крестьяне для общего совета собираются не только из селений данного приказа, но и других приказов, что крестьяне сообща посылают своих ходоков в Симбирск. Чтобы отделить крестьянскую массу от ее руководителей, этот приказ послал своих чинов для их ареста, но крестьяне оказали сопротивление и «за всеми мерами в приказ не явились»[1].

Управляющий Буинским удельным отделением 2 июля 1843 года доносил в Симбирскую контору, что в приказах Батыревском, Шаймурзинском «доныне крестьяне собираются секретно на сходки: на дворах, в лесах и полях, а для чего открыть невозможно»[2].

Летом 1843 г. удельные крестьяне Буинского и Симбирско-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 274, листы 1—2.
[2] Там же, листы 45—46.

го уездов переходят от многочисленных сходок к открытому неповиновению властям. В Симбирск из разных приказов сообщали о неповиновении крестьян. О том же доносили симбирскому губернатору исправники. Симбирское начальство, узнав о волнении крестьян, растерялось. Симбирский губернатор 14 июля писал управляющему конторой: «После совещания моего, вчерашний день, с вашим высокоблагородием, по известному вам делу касательно общественной запашки, я получил от Буинского земского исправника подобное донесение, что крестьяне Муратовского и Шаймурзинского приказов... всего до десяти деревень решительно отказались от двоения земли для общественной запашки, что все убеждения его, с управляющим Буинским удельным отделением, остались тщетными, и что крестьяне с упорностью отвечали, что не только они, но и все удельные крестьяне Буинского уезда засевать землю общественной запашки не будут, и что требуемых ими крестьян, замеченных в неповиновении управляющим удельными отделениями для отсылки к вам, они ни ему исправнику, и никому не дадут».

В помощь другим чиновникам губернатор направил в Буинский уезд чиновника особых поручений «для вразумления удельных крестьян»[1].

Но меры, принятые губернскими властями, не дали желательных результатов. 17 июля губернатор сообщал в Петербург о том, что удельные крестьяне Верхних Тимерсян вышли совершенно из повиновения «до такой степени, что помощнику (управляющего)... Пузыревскому оказали грубость и хотели даже тащить его за волосы, а голову своего Андрея Иванова и добросовестного Михайлова, захватив, продержали всю ночь привязанных к изгороди»[2].

Управляющий удельной конторой принимал меры к тому, чтобы успокоить удельных крестьян и лашман, прибегал к помощи губернатора, но в Департамент уделов не сообщал. И когда в Петербург от Симбирского губернатора стали поступать тревожные сообщения о волнении удельных крестьян, удельное ведомство в гневном тоне писало Симбирскому управляющему о том, что оно «крайне удивляется, что вы о столь необыкновенном происшествии не донесли тотчас же по нарочной эстафете, а ограничили ваши распоряжения тем, что уведомили о случившемся начальника губернии, притом, за-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 274, листы 55—59.
[2] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 273, лист 142.

мечая в действиях ваших относительно отложившихся от повиновения крестьян 12 деревень, слабость предпринимаемых мер: вместо того, что прямой долг ваш лично отправиться на место и решительно действовать к прекращению беспорядков употребив к тому, если нужно было, военную силу — предписывает вам по нарочной эстафете: тотчас же отправиться на место означенных беспорядков и решительными мерами положить конец оным»[1].

Силой и жестокими наказаниями заставляли крестьян итти на барщину — запашку, руководителей сопротивления ловили и отправляли в Симбирск. Но крестьяне не выдавали своих односельчан. И если чиновник особых поручений и доносил губернатору об успокоении крестьян, то сам губернатор вынужден был сообщить министру внутренних дел, что крестьяне Буинского уезда Муратовского и Шаймурзинского приказов отказались работать на общественной запашке, они «оправдывают свое упорство тем, что не получили разрешения по поданным просьбам на высочайшее имя»[2].

Чиновники разъезжали по деревням, искали зачинщиков, пороли крестьян. Крестьяне готовились к встрече чиновников, договаривались между собою, как отвечать им. Большецильнинский приказ доносил конторе, что крестьянин д. Большая Цильна Мулюков говорил другим крестьянам, «что когда придут чиновники производить по поданному нами прошению следствие, тогда надо сказать, что нас приказом принуждали обрабатывать общественную запашку по 8 душ десятину, потому что во всех прочих приказах показывают так, и если этого не покажем, то нам будет худо»[3]. Вместе с рапортом в Симбирск был отправлен и Мулюков.

В сентябре 1843 года лашманы 8 селений Сугутского приказа оказали упорство чиновнику конторы и отказались составлять приговоры для работы на запашке[4].

Слухи об отмене запашки проникли на территорию Самарского имения. Удельные крестьяне Верхнемелекесского, Ново-Еремкинского, Уренского, Селидбинского, Калмаюрского, Ново-Малыклинского и других приказов отказывались от работ по запашке. Из удельных селений Самарского имения полился поток прошений, жалоб царю, министру двора, наследнику.

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 273, лист 142.
[2] Там же, лист 149.
[3] Там же, д. 283, лист 10.
[4] Там же, д. 273, лист 281.

В Петербург пошли ходоки, в селениях начали собираться сходы скрытые и явные, на которых требовали отмены запашки. Вслед за удельными крестьянами выступили пахотные солдаты Тинарского приказа, Ставропольского уезда[1].

Министр двора и Департамент уделов полагали, что крестьянами кто-то руководит извне. Начали разыскивать писцов, чиновников, писавших крестьянам просьбы и жалобы. В Симбирске нашли несколько человек. Министр двора приказал управляющему Симбирской удельной конторой «наблюсти, чтобы открытые сочинители таковых жалоб, о коих вы сообщали гражданскому губернатору, не остались без наказания, и чтобы они были удалены из губернии»[2].

Кто были люди, писавшие крестьянам жалобы, указывавшие на их тяжелое положение, мы не знаем, но, по отрывочным сведениям, мы можем прямо сказать, что это были лица, разделявшие требования крестьян, пытавшиеся посредством жалоб показать царившие беззакония на местах и тяжелое положение крестьянских масс.

Мы располагаем обширным «Объяснением» чиновника 14 класса Григория Алексеева Симбирской гражданской полиции.

Управляющий Симбирской удельной конторой обвинял Алексеева в подстрекательстве крестьян, в ложных жалобах, писанных им от имени крестьян в Петербург и в другие места.

На все эти обвинения Алексеев отвечал, что действительно он писал такие прошения: писал прошения крестьянам об уничтожении чресполосного владения после того, когда они не получили ответа от губернских властей; писал крестьянам и другие прошения, но «они едва ли заключают в себе какую недельность, а тем паче ябедничество». В ответе Алексеева с тонким сарказмом показаны все язвы удельной деревни, бесправие их, задавленность удельных крестьян. «Один просит, — продолжал Алексеев, — об освобождении от рекрутства, другой из ремесленной школы детей, третий о заключенных безвинно в рабочий дом; иные об обмерах волостными начальниками, другие о родовом имуществе и взыскании собственных денег...» Отвергая обвинение в ябедничестве и защищая крестьян, Алексеев писал: «Если кто жаловался на стеснение или обиды, то сего нельзя еще назвать ябедою и недельным: са-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 377, лист 459.
[2] Там же, лист 459.

мое законное производство следствия раскрыло бы истину и показало, что с кем должно за то сделать; кто просил об освобождении от рекрутства, от ремесленной школы, из рабочего дома и прочее... Это не есть еще недельность, а от власти того лица, или места, к которому поступило прошение, зависимо уважать оное... или, смотря по обстоятельствам, отказать то же самое можно разумно и по другим предметам».

Алексеев в своем ответе полиции не отрицал, что он писал от имени крестьян на притеснения их писарями, старшинами, о лихоимстве последних. На конкретных примерах Алексеев показывает, как писаря и старшины обирали крестьян, избивали и даже увечили их[1]. В период следствия крестьяне показывали, что неведомые им люди в городе Симбирске писали жалобы и оказывали помощь в отправлении их по назначению[2].

Неизвестные люди, имена которых не дошли до нас, пытались помочь крестьянам, защитить их от произвола и насилий.

О чиновнике Алексееве симбирский губернатор приказал полиции произвести детальное следствие. Следствие было произведено и над чиновниками Крестовским, Бердниковым, писавшими крестьянам жалобы. Дальнейшая судьба их неизвестна, но они, повидимому, поплатились за это[3].

В крестьянских волнениях принимали участие отставные солдаты и унтер-офицеры. Обычно это были люди, испытавшие на своей спине произвол властей, видевшие порядки во многих местах России, а некоторые и за пределами ее. Отставной унтер-офицер Скрыпкин в 1843 году возглавил возмущение крестьян деревни Спушевой, Буинского уезда. После подавления сопротивления крестьян Скрыпкин два года находился под следствием и по распоряжению Департамента уделов был удален из удельных селений. Скрыпкин не угодил в Сибирь потому, что был награжден орденами Георгия и Анны, серебряной медалью за русско-персидскую войну и польским знаком отличия[4].

В движении удельных крестьян замешаны и муллы. Удельное ведомство сообщало Оренбургскому магометанскому муфтию о поступках 13 мулл, «которые содействовали сами в составлении и написании приговоров». Ставленник царского

---

[1] ГАУО, фонд 318, оп. 3, д. 259, листы 60—63.
[2] Там же, д. 259, листы 50—51.
[3] Там же, д. 277, листы 160—168.
[4] Там же, лист 171.

правительства Оренбургский муфтий сообщал в Департамент уделов о том, что он внес предложение магометанскому духовному собранию, чтобы всех вышеупомянутых 13 мулл, в страх прочим, лишить духовных званий «и обратить их в первобытное состояние». Другим муллам внушить, «чтобы на будущее время не выходили из пределов своей обязанности и не принимали никакого участия в хозяйственных между обывателями распоряжениях».

Целое лето и осень 1843 г. губернские и уездные полицейские власти подавляли сопротивления удельных крестьян и лашман.

Вторая половина 1843 и первая половина 1844 гг. заполнены репрессиями по отношению к удельным крестьянам и лашманам. Из Петербурга в удельные конторы сыпались распоряжения о наказании крестьян: одних — в Сибирь на поселение, других — в арестантские роты, третьих — в смирительный дом.

По неполным подсчетам по Симбирскому и Самарскому удельным имениям было сослано в Сибирь — 16 человек, отдано в рекруты — 9 человек, в арестантские роты — 3 человека, в смирительные дома — 17 человек, выпорото розгами — 46 человек, оштрафовано от одного до 6 рублей каждого — до 200 человек[1].

В Сибирь многие отправлялись с женами и детьми, некоторые томились в тюрьмах по 2 года и больше. Отсылая на поселение вместе с отцом детей, Департамент уделов уведомлял Тобольское губернское правление о том, чтобы детей, достигших десятилетнего возраста, оно возвратило в Симбирское или Самарское имение.

Так Департамент уделов с ведома и утверждения самого царя расправился с крестьянами, которые выступили против барщины-запашки. Но крестьяне выступали не только против общественной запашки. Они требовали отменить принудительную посадку картофеля в поле, посадку овощей, рекомендованных уделом; выступали против постройки кирпичных сараев. Крестьяне требовали отменить долги за розданных им лошадей, которые были так стары, что вскоре подохли. Они пытались избавиться от излишней опеки начальства по пла-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 377, листы 449, 445, 459, 455, 466, 472, 443, 438, 451, 453, 447, д. 398, листы 321, 326, 328, 314, 316, 318, 330, 332, 335, 347, 354, 311, ф. 318, оп. 3, д. 289, лист 103, оп. 3, д. 273, листы 207, 295, 219, 201, 210.

нировке улиц, строительству домов, колодцев, обременительных пожарных инструментов. В конечном итоге, крестьяне выступали против неслыханного произвола удельного чиновничества, против кабалы и угнетения.

Лашманы, выступая против удельного начальства, требовали уничтожить запашку, выступали против излишней опеки, стеснявшей крестьян. Они более решительно настаивали на том, чтобы освободиться от удельного ведомства[1].

Волнения крестьян и лашман показали их солидарность против общего врага — удельного ведомства. Буинский уезд, где сопротивления крестьян и лашман были наиболее упорными, являлся пестрым по национальному составу, что видно из следующих данных[2]:

Название приказов	Число селений	Национальный состав				
		русских	татар	мордвы	чуваш	всего
Шмалаковский	30	832	641	51	2635	4159
Шигалинский	32	58	193	185	3334	3770
Старостуденецкий (лаш.)	9	—	3275	—	—	3275
Бюргановский	33	360	869	—	2704	3933
Муратовский	31	88	199	189	3720	4196
Ново-Какерлинский (лаш.)	12	—	4378	—	—	4378
Шаймурзинский	28	42	—	40	3654	3736
Бezднинский	10	—	3039	—	173	3212
Батыревский	25	—	196	—	3710	3906
Паркинский	24	410	171	1067	2388	4036
Сугутский	13	—	3799	—	29	3841

Несмотря на такой состав, люди, говоря на разных языках, понимали друг друга, поддерживали связь не только селения с селением, но и приказа с приказом. Однако они не могли сплотиться, так как их выступления не носили определенных, ярко выраженных целей. «Когда было крепостное право, — писал В. И. Ленин, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем за-

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 274, листы 19—20.
[2] ГАУО, ф. 536, оп. 1, д. 60, листы 4—46.

давлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»[1].

* * *

В последнее десятилетие перед падением крепостного права появилось много предвестников распада старого хозяйственного строя. В пятидесятых годах XIX века кризис крепостного хозяйства еще больше обострился. Положение крестьянских масс значительно ухудшается в связи с усилением внеэкономического принуждения со стороны помещиков. Помещики увеличивают барщину, оброк, уменьшают крестьянские наделы, а иногда и совсем лишают земли. Ухудшается положение не только помещичьих, но и удельных крестьян. Департамент уделов усиливает нажим на своих крестьян, повышает оброк за землю, расширяет запашку, увеличивает другие повинности. Крымская война еще больше ухудшила положение народных масс. Вся тяжесть войны легла на плечи крестьянства. В связи с войной увеличились прямые и косвенные налоги. Крестьяне в этих условиях не в состоянии были выполнять возложенных на них денежных повинностей, недоимочность деревни возрастала.

Тяжелое положение крестьян вызывает новую волну крестьянских выступлений. Крестьянские волнения усились после Крымской войны. «Крымская война, — писал В. И. Ленин, — показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить **сверху**, чем ждать, пока свергнут **снизу**»[2].

О нарастании крестьянских выступлений говорят следующие данные: с 1826 по 1854 год было 712 выступлений помещичьих крестьян России, а за 6 лет перед реформой таких выступлений насчитывалось 474[3].

Наряду с выступлением помещичьих крестьян, усиливается движение среди удельных крестьян. В это же время в России создаются тайные революционные общества. Исключительно большую роль в это время играл «Колокол» Герцена и Огарева и революционная проповедь Чернышевского, идейного

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 384.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 95.

[3] Игнатович И., Крестьянские волнения первой четверти XIX в., «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 48—49.

вождя и вдохновителя крестьянской революции. Революционная ситуация 1859—1861 годов заставила правительство отменить крепостное право, не дожидаясь, пока крестьяне отменят его сами. Однако, как известно, правительство не торопилось с отменой крепостного права. Удельное ведомство усиливало эксплуатацию крестьян. В 50-х гг. XIX века запашку не только не отменили, а расширили ее.

Поземельный сбор, общественная запашка, многочисленные поборы и повинности с крестьян — все это усиливало эксплуатацию их. На усиление эксплуатации удельным ведомством крестьяне ответили массовым неповиновением. Они с жадностью прислушивались ко всякому слуху об освобождении их и других разрядов крестьян от крепостного права, от запашки и других повинностей; они на лету ловили слово «воля». Слухам о скорой воле, о скором освобождении их от удельного ведомства, из каких бы уст они ни исходили, крестьяне верили.

В апреле месяце 1851 года один чиновник, ехавший из города Сызрани в Самару через удельные Новые Костычи, Верхние хутора, Екатериновку, Купино и другие селения Самарского имения, «разглашал между крестьянами сих селений, что они поступают в ведомство казны, что для приема их послан уже особый чиновник, который отправил его с этою целью вперед, и что сверх сего он предлагал им готовность писать просьбы по этому предмету». Сказанное чиновником в одном селении быстро распространилось с добавлениями в далекие селения, возбуждая крестьянские умы. Действия неизвестного чиновника вскоре узнал управляющий Самарской удельной конторой. В донесении губернатору он писал, что такие слухи среди крестьян «могут повлечь за собою вредные для них последствия». Вскоре были выяснены подробности о неизвестном чиновнике и его действиях. Чиновник Павлов, ехавший из Пензы в Самару, остановился в удельном селе Новые Костычи у крестьянина Власа Михеева. Как только вошел в дом неизвестный человек, к Михееву пришли многие крестьяне узнать от приезжего новости. В беседе с крестьянами Павлов, между прочим, сказал им, что «со 2-й половины настоящего года удельные крестьяне будут переименованы в казенные». Подобные слова чиновник говорил и в других селениях, что «удельные крестьяне с 1 июня сего года будут принадлежать казенному ведомству, и что Павлов послан вперед своим начальником, который будет управлять ими.

Управляющий удельной конторой, стремясь пресечь подобные толки, распорядился «о внушении удельным крестьянам объясненных выше селений, чтобы они отнюдь не вверялись неосновательным разглашениям о поступлении их в ведомство казны, под опасением вредных для них последствий и самого наказания и что виновники подобных толков будут преследуемы по законам со всею строгостью»[1].

Несмотря на все строгости удельного начальства, слухи среди крестьян ширились и распространялись на большой территории. В 1858 году бессрочно-отпускной унтер-офицер Красинский из села Старая Майна, Самарской губернии, говорил удельным крестьянам в своем и других селениях, чтобы они подавали прошения начальству о переходе в разряд государственных крестьян, призывал не обрабатывать общественной запашки, будто бы уже отмененную уделом. Многие крестьяне поверили словам Красинского, отказались работать на запашке и выполнять повинности в пользу удела. Удельные крестьяне деревни Собакеевой, Ново-Майнского удельного отделения, «отказались итти на работы по общественной запашке, потому что до них дошла молва, что будто бы удел **порешили**»[2].

Слухи об освобождении от власти удела, от власти помещиков ширились среди всей массы крестьянства. Известный славянофил, Самарский и Симбирский помещик Ю. Самарин, хорошо зная настроение крестьян в России и особенно в своих вотчинах, в 1856 г. писал: «При современном состоянии крепостного сословия — пьяная речь беглого солдата, превратно понятый указ, появление небывалой болезни... всякое происшествие, почему-либо обращающее на себя внимание, может произвести где-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободе: ничтожный беспорядок может также легко перейти в бунт, а бунт развиться до общего восстания. Все это возможно в каждую минуту, и никакая полиция, разумеется, добросовестная, не поручилась бы за один день спокойствия»[3].

То, о чем писал Самарин, имело многочисленные случаи среди крестьянской массы Среднего Поволжья. Крестьянское неповиновение, часто переходящее в открытое выступление против помещичьей власти и власти удельного ведомства, уве-

---

[1] Куйбышевский архив, ф. 3, оп. 85, д. 14, лист 1.
[2] Куйбышевский госархив, ф. 3, оп. 10, д. 15, лист 1, 5.
[3] Самарин Ю. Г., соч., т. II, М., 1878, стр. 33.

личивается во время Крымской войны и после нее, оно достигает небывалого размаха накануне реформы.

В 1858 году крестьяне Муратовского, Шаймурзинского приказов Симбирской конторы отказались выполнять повинности удельного ведомства на том основании, что вышел какой-то указ, но его не оглашают народу удельные чиновники. Вскоре крестьяне этих приказов открыто выступили и потребовали, чтобы им прочли содержание указа. Зачинщиков волнения Архипова и Моисеева арестовали. Царь распорядился: «Архипова безотлагательно сослать для примера в Сибирь на житье, а Моисеева переселить в другое отдаленное удельное имение под особый надзор начальства». Повеление царя было исполнено. «Архипова отправили этапом в Сибирь, Моисеева — в Архангельское удельное имение»[1].

С удалением Архипова и Моисеева волнение крестьян не прекратилось. К крестьянам Муратовского и Шаймурзинского приказов присоединились крестьяне Шемалоковского приказа. Среди указанных крестьян «возникли толки о возможности освободиться от удельного ведомства». Возбужденные крестьяне отказывались подписывать ревизские сказки, составлять мирские приговоры на обработку запашки, избирать лесных сторожей, отказывались и от других требований удела. Крестьяне открыто собирались на сходы, где бурно обсуждали пути избавления от удельного ведомства. Удельное начальство объясняло, что «неповиновение это произошло от боязни крестьян подписать приговор, или бумагу, которые впоследствии лишают их права на предполагаемое ими освобождение из удела».

Обыкновенными мерами местные власти уже не могли успокоить крестьян, они вынуждены были обращаться за помощью в губернский город. Волнения крестьян все ширились и принимали угрожающий характер. Настроение крестьян разделяли мелкие служители приказов, которые повседневно испытывали на себе всю тяжесть феодально-крепостнического гнета. Так, в деревне Ибресь оспопрививатель Павлов по собственной инициативе собрал крестьянскую сходку, на которой крестьяне обсуждали, как им быть дальше. 29 апреля симбирский губернатор предписал буинскому исправнику «принять решительные меры к открытию и задержанию главных возмутителей». Полиция приняла меры, нашла новых зачинщиков в лице оспопрививателя Павлова, крестьян — Фе-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 632, листы 102—103.

дорова, Мокеева и Леонтьева; Павлова, как главного руководителя крестьян, немедленно арестовали «впредь до особого о нем распоряжения», остальных жестоко наказали и направили «к употреблению в продолжение месяца на работы при кирпичном заводе». Подавив волнение крестьян, симбирский губернатор доносил Департаменту уделов, что только деятельными мерами земской полиции восстановлено было между крестьянами спокойствие[1].

Удельное ведомство, обеспокоенное частыми крестьянскими волнениями, в 1858 году разослало в конторы от имени председателя Департамента уделов Муравьева пространную инструкцию о том, как поступать управляющим на случай беспорядков в удельной деревне. В этой инструкции говорилось: «В предупреждение, могущих иногда оказаться между удельными крестьянами, беспорядков и волнений, по поводу принимаемых ныне мер к устройству быта помещичьих крестьян, признавая необходимым, чтобы малейшее по сему предмету ослушание и своеволие крестьян были немедленно прекращаемы благоразумными мерами необходимой строгости, приписываю Вашему высокородию при первом о том сведении, донося начальнику Губернии, отправляться немедленно на места беспорядков, где по надлежащем вразумлении крестьян в их заблуждении, внушить им всю меру строгого наказания, которому подвергнутся они, в случае дальнейшего ослушания, более же виновных из них, особенно же зачинщиков и подстрекателей, с содействием полиции, наказать тут же на месте в пример другим, заключить под стражу, и обо всем случившемся подробно доносить мне, без всякого отлагательства, по эстафете. В случаях же более важных просить неукоснительно содействия губернаторского начальства и военной силы»[2].

Департамент уделов уже не надеялся собственными мерами успокоить удельных крестьян. Он предвидел бурный характер крестьянских волнений и возлагал свои надежды только на военные силы.

Предвидение удельного ведомства и его председателя Муравьева оправдалось. Летом 1858 года крестьяне многих приказов, выражая свой протест против общественной запашки, против удельного ведомства, начали жечь хлебные запасные магазины, здания приказов и другие удельные строения. Толь-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 632, листы 55—56, 102—103, 127—128.
[2] ГАУО, ф. 320, оп. 1, д. 173, лист 61.

ко за май месяц 1858 года в Безднинском и Новокакерлинском приказах симбирской удельной конторы сгорело от поджогов 18 хлебных магазинов[1].

Это было началом тех крупных выступлений удельных крестьян, которые в бурной форме произошли в период реформы.

Запашка в удельной деревне существовала до 1861 года. Опасаясь, чтобы удельные крестьяне после обнародования манифеста 19 февраля 1861 года не взбунтовались, Департамент уделов в том же году распорядился, чтобы все земли, находившиеся под запашкою, передать в оброчные статьи по таким ценам, какие существуют на земли самого лучшего качества у частных владельцев. Земли бывшей запашки предлагалось передать в оброчное содержание удельным крестьянам, если же они откажутся — передать с торгов в другие руки. Лица, взявшие указанные земли в оброчную аренду, обязаны были их держать в должном порядке и следить за тем, чтобы «границы полей из-под общественных запашек были тщательно охраняемы». Если же по ценам, утвержденным конторами, останутся не арендованные участки земли, их предлагалось обращать «в хозяйственное заведение, и в то же время принимать меры к извлечению из них возможно большего дохода, посредством раздачи их по частям, по-десятинно, под один посев, в порядке принятого севооборота, из платежа оброка или сполу, как окажется выгоднейшим».

Удельные селения, которые не отказывались от земель общественной запашки, по распоряжению Департамента уделов, должны были составить об этом мирские приговоры, после чего им следует «предоставить право удержать настоящий способ обеспечения продовольствия», т. е. работать попрежнему на запашке. Селения, отказавшиеся от земель запашки, должны были пополнить хлебные магазины путем денежного сбора[2].

Повидимому, многие удельные крестьяне отказались от запашки, это доказывается тем, что в ноябре 1861 года поступило новое распоряжение, чтобы обработку общественных полей заменить пополнением хлебных магазинов «натурою, и что при предполагаемом слитии в одно сословие крестьян разных наименований неудобно удерживать или заводить вновь в некоторых удельных селениях исключительные меры обеспе-

---

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 3, д. 632, лист 52.

[2] ГАУО, ф. 318, оп. 1· д. 1215, лист 216.

чения продовольствия», а поэтому на основании 43 и 55 ст. XIII т. св. зак. уст. о народном продовольствии заменить отсыпкою хлеба в общественные магазины»[1].

По неполным архивным данным, в распоряжение Департамента уделов отошло следующее количество бывшей общественной запашки[2].

По Казанскому имению	1825 дес. 1579 саж.
По Симбирскому имению	11736 дес. 1700 саж.
По Самарскому имению	16822 дес. 467 саж.
По Алатырскому имению	7861 дес. —
По Сызранскому имению	20625 дес. —
Всего	58870 дес. 1346 саж.

Таким образом, почти 59 тысяч десятин лучшей земли было отрезано у крестьян. Отрезка земли, бывшей запашки — это первый шаг Департамента уделов к подготовке реформы в удельной деревне. До 5 процентов крестьянских земель отрезано было под видом общественной запашки в пользу Департамента уделов. Отрезав землю, конторы рекламировали в печатных объявлениях о сдаче ее в аренду.

Крестьяне считали такую отрезку неправильной, они не брали этих земель в оброчное содержание и надеялись, что она останется за ними. Казанская удельная контора не скрывала этого, когда писала: «Крестьяне же других селений от этих земель отказались, несмотря на необходимость в оных, тем более, что они расположены почти при самых сельских околицах и в самых лучших местах»[3].

Таким образом, земли, отрезанные у крестьян под запашку, им уже не возвращались, а переходили в собственность удела. Это был ничем не прикрытый захват лучших крестьянских полей, расположенных у самих селений. Если раньше земли, сдаваемые в аренду, находились вдали от крестьянских полей, то теперь, с передачей земель бывшей запашки в оброчные статьи, образовывалось для крестьян чересполосное землепользование. В связи с этим начинается новый этап борьбы крестьянства за землю.

[1] ГАУО, ф. 318, оп. 1, д. 1215, лист 232.

[2] Куйбышевский госархив, ф. 43, оп. 13, д. 35, листы 211—215, ГАУО, ф. 538, оп. 1, д. 21, листы 52—59, ф. 318, оп. 1, д. 1284, листы 154—157, 198—200, ф. 322, оп 1, д. 471, лист 87—88, ф. 318, оп. 1, д. 406, лист 131. ЦГИАЛ, ф. 515, оп. 9, д. 741, листы 59—71.

[3] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 349, лист 198.

* * *

1. Итак, мы видели, что общественная запашка приносила большие доходы удельному ведомству, чиновникам контор и сельскому удельному начальству. За счет запашки оклады чиновников увеличились во много раз. Департамент уделов посредством запашки ежегодно на сотни тысяч рублей увеличивал доходы царской фамилии.

2. Но формально главная цель организации запашки — оказывать помощь крестьянам в неурожайные годы — не выполнялась. Больше того, запашка, как следовало ожидать в условиях крепостнического строя, превратилась для крестьян в особый вид барщины. За невыполнение работ по запашке, крестьяне подвергались порке, отдавались в рекруты и арестантские роты, ссылались в Сибирь.

3. Заботясь исключительно о своих доходах, удельное ведомство поставило крестьян в такие условия, что они не все могли воспользоваться хлебом из запасных магазинов, так как он был не доступен крестьянам-беднякам. Даже чиновник Департамента уделов должен был признать, что для получения бедняку хлеба из запасного магазина, небходимо было не только удостоверение о его крайней нужде, но и поручательство от мирского общества об исправном возврате хлеба. «От чего случается иногда, — писал чиновник, — что беднейшему крестьянину, который преимущественно перед прочими должен бы воспользоваться таковым пособием, общество отказывает в этом, опасаясь быть за него порукою»[1].

4. Удельные крестьяне, вместе с другими разрядами крестьян, с каждым годом усиливали борьбу с феодальными порядками и крепостниками. Если до 20-х годов XIX века, до введения общественной запашки, положение удельных крестьян было несколько лучше помещичьих, то с конца 20-х годов оно все более и более ухудшалось. Перед реформой удельные крестьяне находились в очень тяжелом положении.

5. Причиной тяжелого положения крестьян были не только обременительные работы по запашке, все увеличивающиеся с 1827 по 1860 гг., но и другие тягогы. Поземельный сбор, введенный в 1830 г., значительно сократил землепользование крестьян в связи с многочисленными переоценками земли; сам поземельный сбор постоянно увеличивался; росли в это же время крестьянские повинности: подводная, рекрутская, квар-

---

[1] ГАУО, ф. 342, оп. 1, д. 349, лист 198.

тирная, дорожная и другие. Феодальная опека и «попечительство» удельного ведомства усугубляли тяжесть крестьянского положения.

6. В ответ на усиление феодального гнета крестьянские массы в удельной деревне оказывали все возрастающее неповиновение, которое часто выливалось в открытое волнение крестьян. Чем ближе ко времени революционной ситуации 1859—1861 годов, тем больше было таких волнений и в Среднем Поволжье. Наиболее крупные из них были в 1836, 1839, 1843—1844 и в 1858—1860 годах. Однако все эти волнения были разными по своему характеру. Волнение лашман в 1836 году было направлено против удельного ведомства, удельных порядков и общественной запашки. Волнения удельных крестьян совместно с помещичьими крестьянами в 1839 году были направлены против усиливающейся эксплуатации со стороны крепостнического государства, против общественной запашки и поземельного сбора. Волнения удельных крестьян и лашман в 1843—1844 годах были направлены, главным образом, против общественной запашки и стеснительной опеки удельного ведомства. Волнения удельных крестьян 1858—1860 годов на первом этапе были направлены против общественной запашки, против удельного ведомства за освобождение от феодально-крепостнической зависимости и, наконец, в период проведения реформы, удельные крестьяне выступили за землю, против выкупных операций, они выступили против крепостнической реформы 1863 года.

ТРЕГУБОВ И. Н.
кандидат экономических наук

КРЕСТЬЯНСКИЙ БАНК — ОРУДИЕ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

(По материалам Симбирской губернии)

Капиталистическое земледелие вырастает из феодального. Однако капитализм не получает от феодального общества готовых форм землевладения, которые бы полностью ему соответствовали. Маркс в «Капитале» писал: «...та форма, в которой находит земельную собственность зарождающийся капиталистический способ производства, не соответствует этому способу. Соответствующая ему форма впервые создается им самим посредством подчинения земледелия капиталу...»[1].

Развитие капитализма в сельском хозяйстве России привело в конце прошлого века к подчинению капиталу как феодальной земельной собственности, так и мелкой земельной собственности крестьян.

Феодальные поместья после отмены крепостного права постепенно стали превращаться в хозяйства капиталистического типа. Наиболее существенным моментом этого превращения является замена труда крепостных крестьян трудом наемных рабочих. При крепостном праве помещичьи поля обрабатывались преимущественно крестьянским инвентарем. Капитализирующиеся помещики должны были обзавестись своим скотом, инвентарем, машинами.

Только при этих условиях они могли нанимать наемных рабочих. Следовательно, без собственных средств производства помещики не могли перейти к капиталистическим формам производства. Для капиталистической системы хозяйства наиболее характерным является наем рабочих, которые

[1] К. Маркс, Капитал, т. 3, 1949, стр. 630.

обрабатывают землю инвентарем владельца. При этом земледелие превращается в «обыкновенную промышленность», где главной целью производства, как и в других отраслях хозяйства, является получение наиболее высокой прибыли.

Превращение барщинных хозяйств в хозяйства капиталистические является одним из моментов в процессе становления буржуазного базиса в деревне.

С другой стороны, капитал, проникая в общину, разлагает общинное землевладение и раскалывает крестьян как самостоятельных производителей на два диаметрально противоположных класса: наемных рабочих и капиталистов.

Разложение крестьянства на пролетариат и буржуазию является основным содержанием процесса становления буржуазного строя, т. е. буржуазных производственных отношений в русской деревне.

Значительную роль в возникновении, развитии и укреплении буржуазного базиса сыграл капиталистический кредит. Развитие капиталистического кредита повлекло за собой ограничение и вытеснение ростовщического капитала, задерживавшего развитие капитализма в сельском хозяйстве.

В. И. Ленин в гениальном труде «Развитие капитализма в России» писал: «... самостоятельное развитие торгового и ростовщического капитала в нашей деревне задерживает разложение крестьянства». В. И. Ленин указывал далее, что «...чем более будут развиваться европейски правильные формы кредита, вытесняя деревенского ростовщика, — тем дальше и глубже должно пойти разложение крестьянства. Капитал зажиточных крестьян, вытесняемый из мелкой торговли и ростовщичества, обратится в более широких размерах на производство...»[1].

Самостоятельное развитие ростовщического капитала задерживало разложение крестьянства, было серьезной помехой в развитии капиталистических производственных отношений в русской деревне.

Объясняется это тем, что ростовщик свой капитал использовал непроизводительно. Он употреблял его не на расширение производства, — это означало бы развитие капиталистического способа производства, — а ссужал деревенской бедноте, попавшей по каким-либо обстоятельствам в затруднительное положение.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 152—153.

Ростовщик, подобно пиявке, присасывался к должнику и посредством высоких процентов отбирал у него не только прибавочный продукт, но и нередко значительную часть необходимого продукта. Он не давал должнику возможности ни снова встать в ряды самостоятельных хозяев, ни окончательно разориться; он не давал ему возможности ни жить, ни умереть.

Ростовщик эксплуатировал бедняка не как наемного рабочего, — это была бы капиталистическая форма эксплуатации, —а как мелкого производителя.

Маркс объясняет в «Капитале», что наемный рабочий в качестве производителя не имеет нужды занимать деньги. Если же он занимает, то только для личных нужд, как например, в ссудной кассе. Совершенно иначе дело обстоит с мелкими производителями: крестьянами, ремесленниками. Сохранение или потеря ими условий производства зависит от тысячи случайностей. Любой неблагоприятный для крестьянина момент: пожар, падеж скота, неурожай и т. п. легко выбивает его из обычной жизненной колеи.

Этот неблагоприятный момент в жизни крестьянина является благоприятным для ростовщика, так как его преуспевание основывается на разорении крестьян.

Паразиты-ростовщики, присосавшиеся к мелким производителям, мешали им развивать производство, заставляли сокращать до крайнего минимума средства для жизни. При этом производители испытывали постоянный страх перед угрозой лишиться своего имущества или попасть на скамью подсудимых.

Замена ростовщического капитала буржуазным кредитом является прогрессивным фактором в развитии общества. Однако этим воспользовались, главным образом, зажиточные слои деревни — крестьянская буржуазия.

Крестьянская буржуазия использовала кредит — в отличие от помещиков — для производительных целей. С помощью заемных средств зажиточные крестьяне приобретали хорошие земли, усовершенствованный сельскохозяйственный инвентарь, породистый скот и т. п. Кредит позволил им расширить и укрепить свои хозяйства, как хозяйства капиталистического типа.

Кредитом пытались воспользоваться и средние слои деревни. Однако лишь незначительная часть крестьян-середняков смогла с его помощью создать прочные, зажиточные хо-

зяйства. Большая часть их достигала совершенно противоположного результата. Дело в том, что большинство малодоходных середняцких хозяйств, не имея возможности своевременно погасить задолженность и уплатить высокий процент за ссуду, разорялось.

Что касается деревенской бедноты, то для нее кредит был совершенно недоступен. Кредитные учреждения не рисковали выдавать ссуду, не будучи уверены в платежеспособности заемщика.

Таким образом, только для зажиточных крестьян кредит сыграл роль крыльев, с помощью которых они смогли быстро подняться над остальной крестьянской массой. Для большинства же крестьян кредит оказался тяжелым грузом, который ускорил их погружение на дно разорения.

Итак, кредит ускорил разложение крестьянства на пролетариат и буржуазию, а стало быть, и становление буржуазного базиса в русской деревне.

Значительную роль в укреплении буржуазного базиса в русской деревне сыграл Крестьянский поземельный банк, созданный самодержавием в 1883 году.

Цель Крестьянского банка, по мнению его создателей, состояла в том, чтобы содействовать крестьянам в приобретении земель в тех случаях, «когда владельцы пожелают продать, а крестьяне приобрести оные».

В положении о Крестьянском банке указывалось, что он является «правительственным учреждением», состоящим в ведении министерства финансов.

Самодержавие, защищавшее интересы помещиков и капиталистов, в организации Крестьянского банка видело средство расширения своей социальной опоры. Оно пыталось использовать и действительно использовало это учреждение для насаждения и укрепления нового класса, который, наряду с помещиками, был бы кровно заинтересован в защите частной собственности на средства производства, и выступал бы врагом социальной революции.

Крестьянский банк с самого начала своего возникновения, вплоть до его ликвидации Советской властью в 1917 году, делал ставку на зажиточное крестьянство.

Однако в работе банка за треть века его существования происходили значительные изменения. Деятельность Крестьянского банка распадается на три периода.

Первый период охватывает время с момента возникновения банка до его первой реорганизации — 1883—1895.

Второй период в деятельности банка начинается с 1895 года и заканчивается в 1905 году.

Третий период — с 1906 года по 1917 год.

В первый период своей деятельности Крестьянский банк занимался посредническими операциями. Крестьяне в то время покупали землю непосредственно у частных лиц, но денежные средства для этих покупок они получали в виде долгосрочного кредита от банка. Таким образом, Крестьянский банк играл роль посредника при продаже помещичьих земель.

Размер ссуды, как это было определено положением о Крестьянском банке, не должен был превышать 75 процентов стоимости покупаемой земли. Четвертая часть цены приобретаемой земли должна быть оплачена покупателем сразу же при взятии ссуды. Уже это одно требование лишало деревенскую бедноту возможности выступить в качестве покупателей земли, в которой она испытывала большую потребность.

Деятельность Крестьянского банка в первый период его существования не получила широкого размаха.

Объясняется это дороговизной продаваемой земли, необходимостью больших доплат из собственных средств при ее покупке, дороговизной кредита (за предоставленный крестьянам кредит взимались высокие проценты: 7—8 годовых).

Кроме того, многие крестьяне не желали иметь дело с банком, так как он взимал со своих клиентов недоимки принудительным путем, нередко доводя их до полного разорения.

Понятно, что деятельность Крестьянского банка ни в какой мере не устраивала крестьян. Но посредническая деятельность Крестьянского банка не удовлетворяла и помещиков. Несмотря на энергичную поддержку самодержавия, многие помещичьи имения, не приспособившиеся к товарно-капиталистическому производству, разорялись. Их земли иногда по-дешевке переходили к купцам, земельным спекулянтам и крестьянской буржуазии. Сельскохозяйственный кризис, обострившийся в первой половине 90-х годов, ускорил разорение помещичьих латифундий. Не мог предотвратить их гибели и Дворянский банк, созданный самодержавием в 1885 году, чтобы «крепче привязать помещиков к их владениям». Помещики заинтересованы были в активизации деятельности Крестьянского банка, не без основания надеясь, что он поднимет цены на землю. В этих условиях правительство сочло необхо-

димым провести изменения в деятельности Крестьянского банка. Наиболее значительное из них заключалось в том, что ему было предоставлено право покупать за свой счёт частновладельческие земли и перепродавать их крестьянам. Кроме того, новый устав банка удлинил срок погашения ссуд, сократил размер своих средств, доплачиваемых крестьянами непосредственно при покупке земли. В отдельных случаях кредит предоставлялся в размере стоимости покупаемой земли, т. е. от покупателя не требовали никаких доплат. Уменьшен был и размер ссудного процента.

Новый устав Крестьянского банка, заменивший собой Положение 18 мая 1882 года, все же сохранил его основные черты. Изменения, внесенные в устав банка, были сделаны прежде всего для того, чтобы облегчить помещикам продажу своих земель по высоким ценам.

Новый устав банка в большей мере стал содействовать классовому расслоению крестьянства.

Крестьянский банк предоставлял кредиты сельским обществам, товариществам и отдельным, преимущественно зажиточным, крестьянам. Однако первоначально среди заемщиков преобладали крестьянские общины. Купленная общиной, с помощью банковского кредита, земля распределялась не между всеми членами общины, а только среди тех, кто вносил деньги на её покупку. Распределение земли между покупателями происходило не уравнительно, а в зависимости от размера денежного взноса. Купленная земля в отличие от надельной, не перераспределялась среди крестьян.

Таким образом, несмотря на усилия самодержавия искусственно сохранить общину с уравнительным землепользованием, внутри ее складывались буржуазные производственные отношения: появлялась крестьянская буржуазия и пролетарии с наделом. И Крестьянский банк объективно содействовал разрушению общины, развитию буржуазных отношений внутри ее.

О становлении буржуазных отношений в русской деревне говорит сам факт превращения земли в товар, т. е. в предмет купли и продажи и распределение земли в силу этого обстоятельства по капиталу.

Банк в своей повседневной работе достигал тех результатов, которые стали особенно желательны для самодержавия с 1906 года, когда разложение крестьянства и насаждение ку-

лацких хозяйств стали важнейшими задачами государственной политики.

В данной статье мы намерены рассмотреть третий период в деятельности Крестьянского банка. Работа банка ни в первый период, ни во второй не носила интенсивного характера. Значительная часть частновладельческих земель покупалась зажиточными крестьянами без содействия Крестьянского банка.

Существенные изменения в деятельности банка произошли в связи с первой русской революцией. В ноябре 1905 года появился царский манифест, в котором самодержавие объявило о некоторых незначительных уступках народу с тем, чтобы сохранить существующий строй. В манифесте, в частности, было объявлено о сокращении наполовину выкупных платежей на 1906 год и об отмене их с января 1907 года. В отношении Крестьянского банка в манифесте говорилось, что ему нужно предоставить возможность «успешнее помогать малоземельным крестьянам в расширении площади их землевладения, увеличив для сего средства банка и установив более льготные правила для выдачи ссуд».

Эти слова о помощи малоземельным крестьянам были сказаны для того, чтобы охладить революционный пыл деревенской бедноты, которая особенно энергично выступала за экспроприацию помещичьих земель.

Вслед за манифестом царское правительство разработало ряд мероприятий, направленных на ослабление революционного движения крестьянства и предотвращение его на будущее время.

4 марта 1906 года был издан указ об учреждении комитета по землеустроительным делам и об учреждении губернских и уездных землеустроительных комиссий.

«В целях оказания помощи Крестьянскому банку в выполнении возложенных на него манифестом от 3 ноября задач по облегчению покупки крестьянами земель, — говорится в этом указе, — признали мы за благо образовать особые губернские и уездные комиссии...». На эти комиссии самодержавие первоначально возложило обязанность устранять недостатки существующего землевладения и землепользования, «при непременном сохранении законных прав частных владельцев»[1]. Землеустроительные комиссии должны были руководствоваться не интересами крестьянства, а интересами помещиков. Губерн-

[1] Собрание узаконений и распоряжений 1906 г., стр. 307.

ские и уездные комиссии развернули интенсивную деятельность после издания указа 9 ноября 1906 года, когда они превратились в важнейшие государственные организации по осуществлению аграрной политики Столыпина. Суть этой политики сводилась к разрушению общины, к созданию и укреплению зажиточных крестьянских хозяйств за счет разорения массы крестьянства, но при сохранении помещичьего землевладения.

В осуществлении аграрной политики Столыпина должен был принять активное участие и Крестьянский банк.

Управление Крестьянского поземельного банка в своих циркулярах указало своим отделениям на новые задачи, которые они обязаны осуществлять на месте.

«К прежней его задаче (т. е. задаче банка.—**И. Т.**), — говорится в одном из таких циркуляров, — по оказанию помощи в увеличении площади крестьянского землевладения присоединилась новая — по содействию к устройству сельского населения на началах единоличного владения землей»[1].

Таким образом, в последний период деятельности Крестьянского банка перед ним была поставлена задача: принять активное участие в осуществлении столыпинской аграрной политики — насильственном разрушении общины и насаждении в деревне кулацких хозяйств, которые послужили бы социальной опорой самодержавия.

Крестьянский банк явился мощным орудием осуществления столыпинской аграрной политики. Действуя согласованно с землеустроительными комиссиями, он приобретал помещичьи земли и продавал их тем крестьянам, которые выделялись на хутора или организовывали отрубные хозяйства. Таким образом, Крестьянский банк из чисто кредитного учреждения превратился в землеустроительное учреждение, которое приняло участие в разрушении общины и насаждении кулацких хозяйств, послуживших социальной опорой самодержавия.

Крестьянский банк как землеустроительное правительственное учреждение, подчиненное министерству финансов, непосредственно примыкал к тем учреждениям, которые входили в надстройку феодально-капиталистической Рсссии.

Как кредитное и землеустроительное учреждение Крестьянский банк сыграл огромную роль в процессе становления и укрепления буржуазного базиса в русской деревне.

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 3, д. 2.

В данной статье мы намерены проследить как Симбирское отделение Крестьянского банка осуществляло на месте столыпинскую аграрную политику, как оно способствовало разложению крестьянства на пролетариат и буржуазию.

Накопление земельного запаса Симбирским отделением Крестьянского поземельного банка

С 1895 года Крестьянскому банку было предоставлено право покупки частновладельческих земель с последующей продажей их крестьянам.

Купля земель Симбирским отделением Крестьянского поземельного банка отражена в нижеследующей таблице[1].

Земельный запас, образовавшийся	Накопление земельного запаса по годам			
	число имений	площадь в десятинах	покупная стоимость (в рублях)	средняя цена[1] дес (в руб.)
до I января 1906 г.	3	5.477,7	528,513,50	96,48
в 1906 г.	18	19.362,3	2.186,150,76	112, 9
в 1907 г.	95	199.528,4	16.132.989,91	80,87
в 1908 г.	44	43.193,9	4.098,425,10	94,88
в 1909 г.	20	13.901,8	1.388.564,27	99,93
в I половину 1910 г.	4	1.907,9	161.271,60	84,54
Итого	184	283.372,0	24.495.915 р. 14 к.	86,45

Из таблицы видно, что за 4,5 года Симбирское отделение Крестьянского банка купило 181 имение общей площадью 277.894 десятины. Из них, примерно, половина имений (95), притом наиболее крупных, приходится на 1907 год — период активного выступления симбирских крестьян против помещиков.

В 1907 году отделение банка заключило соглашение с графом Орловым-Давыдовым о покупке у него земли в количестве 7.711 десятин за 542.600 рублей. Банк купил в том же году имение княгини Куракиной площадью в 5.311 десятин за 676,5 тыс. руб., имение княгини Оболенской площадью около 5 тыс. десятин за 398 тыс. руб., имение наследников графа Зубова размером около 9 тысяч десятин за 650 тыс. руб.,

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 3, ед. хр. 4, л. 21.

имение помещика Шихобалова размером более 5,5 тыс. дес. за 346 тыс. руб. и т. д.[1].

С 1908 года, вследствие подавления самодержавием революционных выступлений крестьянства, продажа помещиками своих имений значительно сократилась. Сокращение наблюдалось и в последующие годы[2].

Годы	Подано заявлений о желании продать свою землю	Земельная площадь (в десятинах)
в 1910 г.	9	2.299,8
в 1911 г.	6	1.531,6
в 1912 г.	3	679,7
Итого за 3 года	18	4.511,1

Из данных этой таблицы видно, что в 1912 году количество заявлений частных владельцев о намерении продать свою землю по сравнению с 1911 годом уменьшилось в два раза, а по сравнению с 1910 годом — в три раза.

Симбирское отделение Крестьянского банка в своем отчете за 1912 год уменьшение количества продавцов земельных участков объясняет «наступлением нормального течения сельскохозяйственной жизни, равновесие которой нарушено было событиями 1906—1908 года»[3].

Таким образом, уменьшение количества продавцов земельных участков объясняется спадом революционного движения в деревне после 1907 года, а также абсолютным сокращением помещичьего землевладения в губернии. По данным подворно-хозяйственной переписи 1910—1911 гг. у дворян Симбирской губернии осталось 510,5 тыс. десятин земли, т. е. 12,2 процента по отношению ко всей удобной земле губернии.

В связи с подавлением революционных выступлений крестьянства некоторые помещики, изъявившие желание продать землю банку, взяли обратно свои заявления. Поэтому за период с 1907 года по 1913 год Симбирским отделением Крестьянского поземельного банка фактически было куплено 137 имений общей площадью в 171.748 десятин земли. Кроме того, к Симбирскому отделению банка перешло за это время 4 имения от удельного ведомства размером в 118.558,7 десятины.

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 5, ед. хр. 10, л. 25.
[2] ГАУО, ф. 126, оп. 6, ед. хр. 10, л. 87.
[3] Там же л. 88.

Всего было приобретено Симбирским отделением банка 290.307 десятин земли[1]. Из приведенных цифровых данных видно, что в пополнении земельного запаса Симбирского отделения Крестьянского банка видное место занимают удельные земли, которые по отношению ко всей земле, купленной отделением банка, составили более 40 процентов.

Во время войны, когда по распоряжению правительства от 9 августа 1914 года покупка частновладельческих земель Крестьянскому банку была запрещена, земельный запас Симбирского отделения Крестьянского банка пополнялся исключительно за счет земель удельного ведомства. Так, в 1914 году отделению банка перешло от удельного ведомства одно имение размером в 2.911 десятин, в 1915 году отделение банка купило участок удельной земли площадью в 4 десятины, заплатив за него 667 рублей, т. е., примерно, по 167 рублей за десятину[2]. Скупка Крестьянским банком частновладельческих земель, по ценам значительно выше рыночных, помогла помещикам выгодно продать свои имения. Особенно значительную услугу оказал Крестьянский банк помещикам в период первой русской революции, когда предложение земель на рынке резко возросло, а спроса на них со стороны крестьян почти не было: крестьяне надеялись получить землю от помещиков бесплатно. Во время революции Крестьянский банк фактически был монопольным покупателем помещичьих земель. Как покупатель-монополист он мог диктовать продавцам свои цены на землю. Однако банк не использовал выгод своего положения. Вместо того, чтобы покупать землю по ценам ниже рыночных, он покупал ее по ценам выше рыночных. В этом факте ярко проявился классовый характер Крестьянского банка. Созданный помещиками, он был использован ими в своих корыстных целях.

Выше рыночных цен продолжал скупать банк помещичьи земли в послереволюционный период (1908—1917 гг.). Так, например, средние цены на землю в Симбирской губернии были:

в 1910 г. — 83 руб. 15 коп. за десятину
в 1911 г. — 108 руб. 33 коп. за десятину
в 1912 г. — 98 руб. 77 коп. за десятину

---

[1] Статистический ежегодник по Симбирской губ. за 1914 г., Симбирск, 1914, стр. 182.

[2] Отчет Крестьянского поземельного банка за 1915 год, Петроград, 1916, стр. 88.

Симбирское отделение Крестьянского банка платило в 1912 г. за каждую десятину помещичьей земли 125 руб. 97 коп., т. е. переплачивало помещикам на каждой десятине по 27 рублей[1].

Росту цен на частновладельческие земли содействовали уездные землеустроительные комиссии, которые иногда оценивали предложенные для продажи банку земли выше, чем запрашивали сами помещики.

Так, например, в первом квартале 1909 года Симбирскому отделению Крестьянского банка было предложено к продаже 16 земельных участков общей площадью в 24.531 десятину. Землевладельцы оценили одну десятину земли в среднем по 136 рублей, оценщики Крестьянского банка — по 128 рублей, а землеустроительные комиссии — по 142 рубля[2].

Цена земли определялась банком, исходя из ее доходности. Оценщики Крестьянского банка определяли доходность помещичьих имений несколько выше их действительного размера. За это они получали от помещиков взятки[3]. Отделение банка обычно устанавливало за землю несколько меньшую цену, чем запрашивали продавцы. Но землеустроительные комиссии, как это видно из приведенного примера, предложили банку заплатить помещикам большую сумму, чем они сами просили. Этот факт еще раз подтверждает, что землеустроительные комиссии в своей деятельности стремились получше устроить дела помещиков, а не трудового крестьянства.

Скупка Крестьянским банком помещичьих земель по высоким ценам способствовала росту цен на землю по всей губернии. Цена одной десятины хорошей земли доходила в Симбирской губернии перед первой мировой войной до 400 рублей[4].

Грабительские цены на землю, установленные Крестьянским банком, отнюдь не способствовали развитию капитализма в сельском хозяйстве. Дело в том, что при высоких ценах

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 6, ед. хр. 10, л. 91.

[2] ГАУО, ф. 126, оп. 3, ед. хр. 5, л. 2.

[3] Это подтверждает Н. Я. Семеко, проработавший бухгалтером Симбирского отделения Крестьянского банка с 1908—1917 гг. В настоящее время т. Семеко работает бухгалтером облсельхозбанка в г. Ульяновске.

[4] В Статистическом ежегоднике по Симбирской губ. за 1914 г. указывается, что крестьянин села Старое Шеймурзино Велиулла Бархеев купил у землевладельца Аф. Зиновьева 5 дес. земли, уплатив за них 2.000 руб., т. е. по 400 руб. за десятину.

на землю значительное количество денег уходило от крестьян к помещикам и потому они не могли быть использованы как капитал в целях развития капиталистического производства.

«...Затрата денежного капитала на покупку земли, — пишет Маркс, — вовсе не представляет из себя затрату земледельческого капитала. Напротив, она означает соответственное уменьшение того капитала, которым могут располагать в своей сфере производства мелкие крестьяне»[1].

Крестьянский банк, поднимая цены на землю в интересах крупных земельных собственников, задерживал тем самым развитие капитализма в сельском хозяйстве, задерживал разложение крестьянства на пролетариат и буржуазию. В этом факте ярко проявился противоречивый характер деятельности Крестьянского банка. Созданный самодержавием Крестьянский банк должен был энергично поддерживать помещиков и одновременно активно содействовать развитию буржуазного строя в деревне.

Но интересы крестьянской буржуазии и помещиков были в данном случае противоположны: помещики стремились продать земли подороже, зажиточное крестьянство, напротив, старалось купить подешевле. И чем выше Крестьянский банк поднимал цены на землю, чем больше услуг он оказывал помещикам, тем больший вред он наносил буржуазии и тем сильнее проявлялась консервативная сторона в деятельности банка.

В качестве продавцов земли выступали не только помещики, но и выделявшаяся из общины деревенская беднота. Потеряв всякую возможность заниматься земледелием, беднота «укрепляла» наделы в частную собственность, чтобы затем продать их деревенским богачам. Разоряющиеся крестьяне, выступая на земельном рынке в качестве продавцов своих наделов, не смогли извлечь никакой выгоды из высоких цен на землю. Дело в том, что надельная земля была, как правило, хуже помещичьей, и потому продавалась по низкой цене. Так, например, средняя цена надельной земли в Симбирской губернии в 1913 г. составляла всего лишь 67 рублей, а в 1914 г. 71 рубль за десятину, т. е. надельная земля ценилась, примерно, в два раза меньше, чем помещичья[2].

---

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, 1950, стр. 823.

[2] Статистический ежегодник по Симбирской губ. за 1914 г., стр. 254.

Следовательно, ростом цен на землю воспользовались, главным образом, помещики, а не крестьянская беднота.

Крестьянский банк продавал купленные у помещиков земли преимущественно зажиточным крестьянам. Как шла продажа банковских земель за период с 1906 г. по 1914 г. можно проследить по таблице[1].

	Отдельным домохозяевам	Товариществам	Сельским обществам	Итого
I. Количество сделок	10.371	82	60	10.513
II. Количество домохозяев-покупателей	10.329	2.490	12.042	24.861
III. Количество проданной земли	168.474,5	14.448,5	6.725,6	189.648

Из таблицы видно, что за девятилетний период наиболее интенсивной деятельности Симбирского отделения Крестьянского банка (1906—1914 гг.) около 25 тысяч крестьян губернии купило, примерно, 190 тысяч десятин земли. Если принять во внимание, что в Симбирской губернии, согласно данным подворной переписи 1910—1911 гг., насчитывалось более 285 тысяч крестьянских хозяйств, то только 10 процентов дворов купили у Крестьянского банка землю. Таким образом, даже в этот период наиболее активной деятельности банка его услугами воспользовалась лишь незначительная часть крестьянских хозяйств Симбирской губернии.

Небезинтересно далее проследить, кто же были покупатели банковской земли и как она была распределена среди них.

Если вычислить средние данные о распределении земли между покупателями, то окажется, что на 1 двор приходилось, примерно, 7—8 десятин. Однако эти средние данные затушевывают процесс концентрации банковских земель в руках зажиточного крестьянства. В приведенной таблице покупатели банковской земли разделены на три группы: отдельные домохозяева, товарищества крестьян и сельские общества.

Почти половина покупателей банковской земли — крестьяне-общинники. Но они купили всего лишь 6,5 тысячи десятин земли, т. е. примерно, по $1/2$ десятины на один двор. Большая часть банковской земли, свыше 96 процентов, была куплена

[1] Таблица составлена по данным Статистического ежегодника, стр. 182.

отдельными домохозяевами, которые организовали на ней хуторские и отрубные хозяйства (в среднем по 16 десятин на двор).

Таким образом, Симбирское отделение Крестьянского банка сыграло большую роль в насаждении кулацких хозяйств хуторского и отрубного типа.

Взаимоотношения между Крестьянским банком и покупщиками банковской земли

Покупщиками банковских земель являлись преимущественно зажиточные крестьяне. Деревенской бедноте банковская земля была недоступна. Это объясняется, во-первых, тем обстоятельством, что при покупке земли у банка требовалось немедленно уплатить часть ее цены из своих средств, а во-вторых, банк продавал большей частью крупные участки земли — отруба и хутора, обработать которые малоимущим крестьянам было не под силу.

Покупка земли у банка осуществлялась следующим образом: крестьянин получал от банка кредит и на этот кредит покупал у банка землю. Следовательно, банк одновременно выступал и в качестве продавца и в качестве кредитора. Он одновременно и продавал крестьянам землю и предоставлял кредит для её покупки.

Главным моментом в этой операции, как нам кажется, является купля земли у банка. Однако очень важную роль при этом играл и кредит. Он являлся главным условием купли земли. Без кредита даже зажиточные крестьяне не смогли бы купить больших земельных участков, цены на которые, вследствие крестьянского малоземелья, держались на очень высоком уровне.

Реально крестьянин получал от банка землю. Но юридически эта операция оформлялась таким образом, что крестьянин получал от банка денежную ссуду, на которую и покупал у банка землю. При этом купленная земля являлась материальным обеспечением банкирского кредита. Таким образом, Крестьянский банк в этих операциях выступал как ипотечный банк. За определенный промежуток времени, но не более 55,5 лет, заемщик должен ликвидировать задолженность перед банком, т. е. возвратить полностью ссуду и уплатить проценты за пользование заемными средствами.

Покупатель банковской земли, он же и заемщик банка,

обязан был в течение года делать в банк два взноса: первый в апреле месяце, второй — в октябре. При неуплате очередного взноса земля отбиралась у крестьянина и поступала в продажу с торгов. Если не находилось желающих купить эту землю, то она оставалась за банком. Таким образом, земля являлась материальным обеспечением кредита.

Крестьянин, купивший землю у банка, попадал к нему в полную зависимость. Эта зависимость заключалась не только в том, что он обязан был регулярно вносить платежи в банк, пока полностью не погасит задолженности, но и вести хозяйство, руководствуясь указаниями банка. В частности «покупщикам на купленной земле вменялось в обязанность ввести трехпольный и многопольный севообороты»[1].

Однако соблюдение всех правил, установленных банком для своих должников и в частности внедрение многопольного севооборота, было не под силу маломощным хозяйствам.

«Некоторые покупщики, — сообщал один из непременных членов совета банка, — ведут хозяйство на купленных участках двухпольное и даже однопольное, засевая зачастую участок одним каким-либо хлебом»[2].

Примитивные формы ведения земледелия чаще всего встречались в мелких, маломощных хозяйствах, которые практически не имели возможности организовать многопольный севооборот.

Крестьянский банк принимал строгие меры в отношении тех крестьян, которые не соблюдали агротехнических правил ведения хозяйства на купленной земле. Банк предупреждал своих должников: «В случае нарушения покупщиком указанных... условий, он обязан по требованию банка в месячный срок погасить полностью всю выданную ему ссуду, в противном случае заложенная земля всей своей площадью... назначается банком в продажу установленным порядком с публичного торга»[3].

Хозяйства с отсталыми приемами земледелия, при наличии товарно-капиталистического производства, являются верными кандидатами на разорение. Но администрацию банка беспокоило не то, что они разорятся, а то, что они возвратят банку истощенную почву. Следовательно, строгость банковских правил в отношении приёмов ведения хозяйства покупщиками

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 4, ед. хр. 3, л. 18.
[2] ГАУО, ф. 126, оп. 4, ед. хр. 3, л. 18.
[3] Там же.

банковских земель объясняется не столько стремлением укрепить эти хозяйства, сколько стремлением гарантировать себя от убытков. Хотя Крестьянский банк и считался государственным учреждением, но он подобно любому частному банку беспокоился в первую очередь о росте своих доходов. Этим, между прочим, объясняется неоднократное напоминание администрации Симбирского отделения Крестьянского банка своим служащим о том, что «отступления от установленного порядка землепользования поведут, с одной стороны, к истощению земли, под которую выдана банком ссуда, а с другой — могут повлечь к весьма нежелательным последствиям в случае перехода участков к банку»[1].

Неуплата очередного взноса крестьянами в банк являлась первым предлогом к отбору земли у малосостоятельных покупщиков, что приводило последних к разорению, превращению в пролетариев.

О тяжелом положении многих покупщиков рассказывают их заявления в банк с просьбой об отсрочке уплаты очередного платежа.

В «Прошении» банку крестьяне поселка № 27 Мазуренко Д. Н., Скичко А. Е. и другие пишут, что до 1911 года они исправно вносили деньги в банк за купленные отруба. «Но в 1911 году, — сообщают они, — в виду года неурожайного мы, как ни старались, употребляя свои последние силы для того, чтобы уплатить следуемые за участки деньги, однако были не в состоянии этого сделать и в силу необходимости завели недоимки за собой, которые надеялись полностью внести с платежами 1912 года. 6 июня сего года нас постигло новое ужасное бедствие: выпал град и совершенно уничтожил наш хлеб. В нашу же пользу осталась одна только солома. Таким родом, мы лишились самого необходимого, которое составляло наше существование и очутились в крайне бедственном положении, а именно прокормиться нечем, одеться не во что и платить за землю и семена, которые мы брали для посева в банке, нечем»[2].

Крестьяне в заявлении просят банк «рассрочить» им платежи. Отсрочка заключалась в том, что уплата очередного платежа переносилась на будущее время, причем, согласно указанию из Петербурга, «максимальным периодом, на кото-

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 4, ед. хр. 3, л. 18.
[2] ГАУО, ф. 126, оп. 5, ед. хр. 15, л. 46.

рый срок взноса платежа может быть отдален, является годовым»[1].

Крестьянский банк не всегда внимал голосу крестьянской нужды. Редко и с большой неохотой он предоставлял малоимущим крестьянам отсрочку в уплате платежей. Но отсрочка не всегда спасала крестьянина от гибели. Она лишь отдаляла ее.

С просьбой об отсрочке платежа обратился в Крестьянский банк крестьянин Чукманов И. Г. из Сызранского уезда. За купленный с помощью банковской ссуды участок он не уплатил в 1911 году 106 руб. 36 коп. Не смог он уплатить ни первый, ни второй взнос в 1912 году. Не погасил Чукманов И. Г. задолженности и по семенной ссуде в размере 62 рублей. В итоге он задолжал банку около 300 рублей, довольно крупную для крестьянина сумму. В заявлении на имя банка он писал: «Я не имею никаких средств чем платить означенную сумму, потому что в текущем году урожай хлебов на купленном мною участке оказался совершенно плохим... через что я остаюсь без хлеба на зиму»[2].

Чукманов просит правление банка войти в его бедственное положение и отсрочить платежи до будущего года. Однако банк отказал Чукманову в его просьбе.

Некоторым хуторянам и владельцам отрубов, не имевшим семян для посева, Симбирское отделение Крестьянского банка предоставляло семенную ссуду. Семенная ссуда записывалась за должником в денежном выражении. Это означало, что крестьянин должен возвратить банку не семена, а их стоимость. Юридически банк за семенную ссуду никаких процентов с заемщиков не брал. На первый взгляд кажется, что банк оказывал бескорыстную помощь крестьянской бедноте, не взимая с нее за семенную ссуду никаких процентов. Но эта видимость не соответствует сущности. Сущность и форма её проявления, как известно, очень часто не совпадают. С подобным случаем мы сталкиваемся, когда рассматриваем операции по семенной ссуде Симбирского отделения Крестьянского банка.

Банк, предоставляя крестьянам весной семенную ссуду, определял ее размер, исходя из высоких рыночных цен. Осенью цены на зерно резко падали. Поэтому крестьяне для покрытия долга банку вынуждены были продавать на рынке больше хлеба, или других сельскохозяйственных культур. Так, например, крестьянин Жигун П. Т. весной 1912 года получил от

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 4, ед. хр. 2, л. 58.

[2] Там же.

банка семенную ссуду: пшеницы 12 пудов на сумму 27 рублей 36 коп. и овса 10 пудов на сумму 10 рублей. Таким образом, Жигун должен был заплатить осенью банку 37 рублей 36 коп. По данным Статистического ежегодника по Симбирской губернии весной 1912 года 1 пуд пшеницы стоил 1 руб 47 коп., а 1 пуд овса — 1 руб. 2 коп. Осенью один пуд пшеницы снизился до 1 руб. 1 коп., а пуд овса — до 64 коп.

Следовательно, чтобы вернуть ссуду банку, крестьянин Жигун П. Т. должен был продать осенью 27 пудов пшеницы и более 15 пудов овса. От такой «помощи» банка крестьянин Жигун потерял 9 пудов пшеницы и более 5 пудов овса. Если учесть, что семенная ссуда выдавалась весной, а возвращалась осенью, т. е. примерно на полгода, то окажется, что уровень ссудного процента, который фактически выплачивал крестьянин-заемщик банку, составлял для него 100 процентов годовых.

Самодержавие запрещало частным банкам взимать ссудный процент более 10 годовых. Крестьянский банк, будучи Государственным банком, в замаскированной форме взимал со своих клиентов — деревенских бедняков — ростовщические проценты, превышавшие в 10 раз установленный правительством максимум.

В операциях по семенной ссуде Крестьянский банк выступал, с одной стороны, в качестве продавца семян, а с другой стороны—в качестве кредитора. Вся операция представляла собой органическое единство первого и второго, т. е. продажи и ссуды, где доминирующим фактором была, конечно, продажа.

Что касается крестьян, получавших семенную ссуду от банка, то они были одновременно и покупателями семян и заемщиками их. Следовательно, семенная ссуда была не чем иным, как коммерческим кредитом. Обычно коммерческий кредит имеет место в сделках между функционирующими капиталистами, т. е. промышленниками и торговцами. Здесь же мы сталкиваемся со сравнительно малораспространенным случаем, когда банк, наряду с банкирским кредитом, осуществлял и коммерческий кредит.

Коммерческий кредит был использован Крестьянским банком как средство умножения своего капитала.

Семенная ссуда не могла улучшить положения крестьян. Ростовщический процент, взимаемый с заемщиков, приводил к тому, что петля нужды еще туже затягивалась вокруг крестьянской бедноты.

О тяжелом положении крестьян, получивших семенную ссуду, можно судить по их заявлениям, в которых они просят банк отсрочить уплату долга.

Так, например, группа крестьян Сенгилеевского уезда, Чертановской волости, получила весной 1912 года семенную ссуду. «В виду засухи, — писали крестьяне в заявлении, — не уродилось ничего, так что не получили даже высеянных семян. Если нам уплатить взятую нами ссуду, то придется продать по последней лошади, без которых нам никак невозможно будет обрабатывать участки, больше же имуществ, которые можно бы продать, мы не имеем»[1].

Эти крестьяне могли погасить задолженность перед банком только ценою полного разорения, путем распродажи своего имущества.

Значительное количество заявлений оставалось «без последствий», т. е. крестьянам отказывали в отсрочке платежа. Так, например, крестьянин села Паньшино, Сызранского уезда, И. Е. Щепалин получил весной 1912 года семенную ссуду: пшеницы 22 пуда и овса 11 пудов, всего на сумму около 44 рублей. Урожай в 1912 году на участке Щепалина получился очень низкий. «Даже ссудовые семена не воротил», — сообщал он в банк. В заявлении Щепалин просил банк отсрочить ему уплату за семенную ссуду до урожая 1913 года. Однако напрасны были надежды Щепалина на «благосклонную резолюцию». В левом углу его «прошения» стоит лаконичная резолюция, написанная рукою равнодушного чиновника — «отказать». Щепалину через волостное правление было вручено извещение, что его просьба об отсрочке уплаты семенной ссуды в размере 44 рублей до 1913 года «Отделением оставлена без последствий»[2].

Крестьянский банк, через посредство семенной ссуды, подобно ростовщику, эксплуатировал покупщиков и арендаторов банковской земли. От подобной «помощи» ускорялся процесс пролетаризации малосостоятельных и середняцких хозяйств. Не имея возможности засеять свои поля, они хватались за семенную ссуду, подобно тому, как утопающий инстинктивно хватается за соломинку. Семенная ссуда не могла выполнить роль спасательного круга для разоряющихся крестьян. Напротив, она являлась гирей, которая увлекала

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 5, ед. хр. 15, л. 44.
[2] Там же, л. 3.

на дно разорения малосостоятельных покупщиков и арендаторов.

Помимо семенных ссуд Симбирское отделение Крестьянского банка предоставляло крестьянам кредит для покупки скота и сельскохозяйственного инвентаря. Но в отличие от семенной ссуды, которая была доступна сравнительно широкому кругу крестьян, ссуда в денежной форме предоставлялась преимущественно состоятельным крестьянам. Малосостоятельным крестьянам Симбирское отделение Крестьянского банка в кредите отказывало. Так, например, на заседании совета банка 17 марта 1912 года рассматривался вопрос о предоставлении крестьянам ссуды на покупку лошадей.

Инспектор банка сообщил совету, что крестьяне А. Н. Кулик, П. И. Штамберг, «имея плохо обставленные хозяйства, являются некредитоспособными, тем более, если принять во внимание доход от урожая одного года, то такового будет очень недостаточно для того, чтобы уплатить текущие платежи за землю, за семенную ссуду и погасить частные долги, в виду чего этим лицам в ходатайстве следует отказать, несмотря на действительную нужду их».

В отношении других 8 крестьян, — сообщил инспектор, — «установлено, что все они, имея удовлетворительно обставленные хозяйства, будут вполне надежными плательщиками взятой ссуды».

Совет банка, выслушав соображения инспектора, принял решение: восьми состоятельным крестьянам предоставить кредит, а безлошадным крестьянам А. Н. Кулику и П. И. Штамбергу в кредите отказать[1].

В. И. Ленин в конце прошлого века писал: «...всеми этими кредитами, улучшениями, банками и т. п. «прогрессами» в состоянии будет воспользоваться только тот, кто имеет при правильном, прочном хозяйстве известные «сбережения», т. е. представитель ничтожного меньшинства мелкой буржуазии»[2].

Кредитная деятельность Симбирского отделения Крестьянского банка еще раз подтверждает правильность приведенного ленинского положения. Кредит, оказываемый банком зажиточным крестьянам, ускорил разложение крестьянства. С его помощью укреплялась крестьянская буржуазия, ускорялось развитие капитализма в сельском хозяйстве.

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 5, ед. хр. 256.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4, стр. 220—221.

Принудительное взимание недоимок

Симбирское отделение Крестьянского банка уделяло большое внимание своевременному поступлению причитающихся с крестьян различных платежей. Нередко у задолжавших крестьян принудительно, при содействии полиции, отбиралось имущество и путем распродажи его ликвидировалась задолженность перед банком.

В издававшейся в Симбирске газете «Волжские вести», которую ни в коем случае нельзя считать органом, выражавшим интересы трудящихся масс, описывается симбирская деревня во время сбора с крестьян недоимок. «Уже с самого раннего утра на селе царит сильное возбуждение, на лицах видны растерянность и испуг. Страшное магическое слово «продажа» у всех на устах: оно вырывает из-под ног обычную, повседневную крестьянскую колею, не дает сосредоточиться на чем-либо другом, постороннем...

Встрепенулся и деревенский кулак-маклак, он также переживает период возбуждения, но возбуждения другого сорта, — радостного возбуждения, бодрящего и торжествующего, ибо он отлично знает, что без него не обойтись, и на крестьянской беде он наживет ни один десяток рублей и ехидно-плотоядная улыбка подергивает мускулы его жирной физиономии.

И действительно, чаяния его не напрасны: крестьяне, то тот, то другой ежеминутно шныряют в расписные ворота деревенского буржуа и между ними происходит приблизительно следующий, крайне несложный, но многозначительный диалог:

— Иван Петрович, не надо ли овсеца?

— 20 копеек, — лаконически отвечает тот.

— На базаре 45 копеек, — робко замечает первый и тут же спешит согласиться на продиктованные условия.

Получив деньги, крестьянин стремглав бежит на выручку отобранной у него ярки, оказывается мало; деньги взяты, а ярку не возвращают, требуют продовольственный налог, да еще какую-то «доплату».

Бежит опять к тому же Ивану Петровичу и запродает ему последнюю, оставленную для весенне-полевых работ, порцию овса, но уже по 18 коп...»

Волостной старшина, урядник, окруженные сотскими и десятскими, идут от одного крестьянского двора к другому, от-

бирая у крестьян за неуплату податей и платежей хлеб, скот, обувь, одежду и предметы домашнего обихода.

Вот из ворот близлежащего дома выводят тёлку, а вслед за ней стремительно выбегает женщина и, громко плача, пытается отнять телку, «но две дюжие руки, — как пишет автор заметки, — парализуют ее намерение».

Корреспондент здесь смягчает то грубое насилие, которое чинили сборщики платежей и недоимок над теми крестьянами, которые не желали расстаться со своими пожитками. Непокорных крестьян избивали и отдавали под суд за «сопротивление властям».

«До глубокой ночи крестьяне толпятся у сборной избы, где находятся отобранные у них вещи. Кое-кому удается различными путями наскрести немного денег, чтобы выкупить, хотя бы часть своего собственного имущества, наиболее необходимого для жизни. Невыкупленное имущество отправлялось на следующий день на рынок, где продавалось с публичного торга»[1].

Крестьяне Симбирской губернии, хорошо зная принудительный метод взыскания недоимок, просили банк не прибегать к нему. Так, например, крестьянин села Ивановки, Симбирского уезда, Кузнецов Д. Ф., в заявлении банку писал, что по случаю недорода уплатить очередной взнос за землю 37 руб. 68 коп. он не может и просит отсрочить время платежа до следующего 1913 года.

В конце заявления Кузнецов написал: «... а в случае будут взыскивать принудительно, то я должен лишиться необходимого в хозяйстве, что повлечет за собой к явному расстройству хозяйства»[2].

В конце 1910 года банк обсуждал вопрос о способах более успешного выколачивания из крестьян недоимок. На заседании отмечалось, что порядок взыскания платежей через полицейских и волостные правления «недостаточно достигает цели, так как означенные лица, будучи обременены массой работы по прямым своим обязанностям, могли уделять для сбора банковских недоимок лишь незначительное время и относились к этому побочному для них делу без достаточной энергии»[3].

В виду того, что полицейские и волостные правления, по

---

[1] «Волжские вести», № 308, 7 апреля 1910 г.
[2] ГАУО, ф. 126, оп. 5, ед. хр. 15, л. 184.
[3] Там же, оп. 5, ед. хр. 16, л. 1.

мнению работников банка, недостаточно энергично взимали с крестьян недоимки, было признано «в интересах дела» взыскание недоимок поручить районным заведующим имениями банка.

От районных заведующих имениями банка требовали, чтобы они не делали должникам никаких скидок, никаких «поблажек».

«Поблажка, — говорилось в одном из циркуляров, — поведет к тому, что администрация банка потеряет совершенно престиж и тогда уже трудно будет ожидать аккуратных платежей»[1].

Новая организация взыскания недоимок дала в следующем 1911 году «весьма удовлетворительные результаты», несмотря на то, что этот год был неурожайным[2].

Однако в 1912 году, в связи с упразднением должности районного заведующего имениями банка, снова был поставлен вопрос об улучшении сбора недоимок. На этот раз сбор недоимок был возложен на заведующих имениями банка и ликвидаторов, «как на лиц, еще ближе стоящих к населению, чем районные заведующие и потому лучше знающие экономическое положение заемщиков в каждый данный момент»[3].

Помыслы правления банка были направлены к тому, чтобы не упустить удобного момента для получения с крестьян платежей. Управляющий Симбирским отделением Крестьянского банка требовал от заведующих имениями и ликвидаторов, чтобы они посещали «единоличных заемщиков, купивших землю из имений банка, с целью побуждения их к своевременной уплате причитающихся банку платежей, объясняя им выгодность своевременной уплаты денег и вредные последствия несвоевременного взноса, как-то: накопление задолженности, влекущее за собой начисление пени и поставку имения на торги, с уплатой публикационных расходов»[4].

Несмотря на принудительные меры взимания недоимок, задолженность крестьян банку была очень велика. Так, в конце 1911 года за крестьянами Симбирской губернии значилось недоимок на сумму в 241.929 рублей. В 1912 году было начислено платежей по ссудам на 1.260.347 рублей. Хотя 1912

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 5, ед. хр. 16, л. 1.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 28.
[4] ГАУО, ф. 126, оп. 5, ед. хр. 16, л. 28.

год считается урожайным в губернии, но крестьяне недоплатили банку в этот год 651.942 рубля[1].

В проекте отчета Симбирского отделения Крестьянского банка за 1912 год говорится, что «для взыскания недоимок Отделением командировались на места непременные члены Отделения, которые посещали товарищества и общества; заведующие же имениями при служебных своих поездках побуждали к уплате единоличных владельцев. Кроме лиц, находящихся на службе у банка, меры по взысканию недоимок применялись земскими начальниками и судебными приставами, для каковой цели Отделение снабжало вышеуказанных лиц списками неисправных плательщиков.

К самым упорным недоимщикам применялись меры, указанные в статьях 89—92 Устава Банка»[2].

В отчетах банка упоминается, что отдельные крестьяне не вносят платежи «просто из озорства», но действительной причиной роста недоимок являлась бедность крестьян, которые из-за низких урожаев не могли прокормить себя, не говоря о том, чтобы своевременно вносить очередные платежи банку.

Некоторые крестьяне отказывались от владения приобретенными у Крестьянского банка участками. Убедившись в бесплодности всех попыток завести с помощью банка свое крепкое хозяйство и зная, что за недоимки земля все равно будет отобрана, крестьяне, не дожидаясь печального конца, подавали в банк заявление с просьбой принять земельный участок обратно в собственность банка. Так поступил в частности и крестьянин Кушниренко К. Т., купивший у банка в 1911 году отрубной участок в 12 десятин. В 1912 году Кушниренко К. Т. не смог уплатить ни первого, ни второго взноса за предоставленный ему кредит для покупки отруба. В начале 1913 года Кушниренко подал заявление в банк, в котором он писал: «В виду чего я, как бедный крайне человек, не в силах платить банку долг — я должен отказаться от владения землей, а потому, заявляя о сем Симбирскому Отделению Крестьянского поземельного банка, прошу означенный отрубной участок принять обратно в собственность банка»[3].

Таким образом, Крестьянский банк в результате принудительного взимания недоимок ускорял процесс разорения неокрепших малосостоятельных хозяйств.

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 6, ед. хр. 10, л. 94.
[2] Там же.
[3] ГАУО, ф. 126, оп. 5, ед. хр. 250, л. 6—15.

Усиливая, с одной стороны, крестьянскую буржуазию, разоряя, с другой — хозяйства неокрепших отрубников и хуторян, Крестьянский банк способствовал ускорению процесса разложения крестьянства на пролетариат и буржуазию, т. е. становлению буржуазного базиса в русской деревне.

Арендные операции Крестьянского банка

Земельные массивы, образовавшиеся у Симбирского отделения Крестьянского банка вследствие скупки их у помещиков, не могли быть сразу проданы. Отделение банка извлекало доходы из этих земель путем сдачи их в аренду крестьянам. Крестьянский банк в этих операциях выступал в качестве земельного собственника, сдающего участки земли в арендное содержание.

Крестьяне арендовали эти земли у банка точно так же, как они арендовали их у прежних владельцев — помещиков.

Из-за земельной нужды крестьяне арендовали землю на чрезвычайно тяжелых для них условиях. Банк требовал от арендаторов, чтобы вся снятая в аренду земля засевалась только теми культурами, которые указывались банком. Землю, снятую под посев озимых хлебов, запрещалось засевать яровыми культурами. Арендаторы обязаны были внести плату в банк за пользование землей не позже 1 июля, «но во всяком случае до начала своза снопов, если таковой будет производиться ранее 1-го июля»[1]. Следовательно, арендатор имел право свезти к себе урожай только после уплаты арендных платежей. Это требование было особенно тяжелым для крестьян, так как они испытывали наибольшие материальные затруднения накануне уборки урожая. Если крестьянин не мог уплатить в установленный срок арендных платежей, то весь его урожай с арендованного участка переходил в собственность банка. Банк имел право в любое время без суда отстранить от пользования землей тех арендаторов, которые не выполняли установленных банком правил.

В договорах банка с арендатором обычно указывалось, что крестьянин может обрабатывать только ту площадь, которая взята им в арендное содержание. Если крестьянин запахивал случайно несколько больше земли, чем ему отведено, то за эту землю он обязан был внести арендную плату в двойном размере. Если же, напротив, в снятом участке ока-

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 3, ед. хр. 11, л. 4.

зывалось фактически меньше земли, чем указано в договоре, и если арендатор своевременно не заявил об этом в банк, то он лишался права на скидку арендной платы за недостающую землю».

О чрезмерной строгости банковских правил в отношении арендаторов говорят также те статьи договора, которые обязывали крестьян полностью вносить арендную плату в банк даже в тех случаях, когда они по каким-либо обстоятельствам не могли засеять снятого участка или получали с него очень низкий урожай.

Кроме того, банк включал в арендный договор и другие пункты (как, например, запрещение пасти скот на арендованной земле и т. д.), которые значительно ограничивали хозяйственную деятельность крестьян-арендаторов.

Небезинтересно отметить, что арендная плата во всех официальных документах Симбирского отделения Крестьянского банка называлась оброком. Хотя по существу этот «оброк» являлся не чем иным, как арендной платой, но с точки зрения банковских работников она, арендная плата, представлялась им оброком, который в свое время взимали помещики с крепостных крестьян. В тех случаях, когда арендаторами земли являлись крестьянские общины или товарищества крестьян, для удобства в собирании «оброка», т. е. арендных платежей, Отделение банка установило круговую поруку.

В арендных договорах очень часто встречается пункт: «В исправном платеже оброка крестьяне... обязались круговой порукой»[1]. При круговой поруке каждый крестьянин отвечал за своевременность взноса арендной платы не только за себя, но и за всех членов общины или товарищества.

Под влиянием роста революционных выступлений крестьянства против феодально-крепостнических пережитков, самодержавие вынуждено было отменить в 1903 году круговую поруку. Однако Симбирское отделение Крестьянского банка реставрировало ее. Правда, круговая порука ни в какой степени не устраивала крестьян, но она вполне устраивала банковских работников, так как зажиточные крестьяне, уплатив арендную плату, побуждали к этому малосостоятельных арендаторов. Таким образом, банк добивался своевременной уплаты всей суммы арендных платежей.

Несмотря на все эти ухищрения, арендная плата вносилась крестьянами неаккуратно. Недоимки достигали особенно

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 3, ед. хр. 11, л. 33.

больших размеров в годы первой русской революции 1905—1907 гг., когда значительная часть крестьян почти совсем прекратила взнос арендных платежей. Это видно из нижеследующей таблицы[1]:

Годы	Причиталось к поступлению: недоимок на 1 января каждого года	Причиталось к поступлению: годовой оклад	Поступило в течение года	Осталось в недоимках	% поступления (к годовому окладу)
1906	5.518	7.660	903	1[illegible].275	11,8
1907	12.275	430.766	260.652	182.389	60,5
1908	182.389	1.241.368	1.099.421	324.336	88,6
1909	324.336	1.097.201	1.232.753	188. 78	112,4
Итого		2.776.995	2.593.729		

Из таблицы видно, что уплата арендных платежей крестьянами в 1906 году почти совсем прекратилась. В 1907—1908 гг. процент недоимочности сократился, но абсолютный размер недоимок продолжал возрастать. Только в 1909 году, т. е. в период разгула реакции, банку удалось получить с крестьян больше начисленной за год суммы. Крестьяне расплачивались за недоимки прошлых лет.

Недоимки, возникшие, главным образом, за период революции, Симбирское отделение Крестьянского банка списывало с крестьян только в тех случаях, когда убеждалось, что получить их не представляется никакой возможности.

Так, например, группа крестьян села Новая Рачейка, Сызранского уезда, в агусте 1905 года сняла в арендное содержание участок пахотной земли площадью в 68 десятин под яровой посев на 1906 г.

Между крестьянами и банком был заключен договор, в котором содержались следующие пункты:

1. Мы, крестьяне, в числе 15 домохозяев, сняли в арендное содержание, из принадлежащих Крестьянскому поземельному банку на участке «Кубра» пахотной земли под яровой посев лето 1906 года.

2. За арендование означенной земли, мы, крестьяне, обязуемся уплатить Отделению банка деньги в следующие сроки: при написании сего условия в задаток 68 рублей, а осталь-

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 3, ед. хр. 4, л. 22.

ные 748 рублей должны быть уплачены не позже 1 сентября 1906 года, без чего мы, крестьяне, хлебов урожая 1906 года убирать права не имеем.

3. Земля, арендуемая нами, должна быть засеяна яровыми хлебами, но отнюдь не масляничными растениями под опасениями штрафа в 2 рубля за каждую десятину.

4. В случае неуплаты арендной суммы, означенной во втором пункте сего условия, Отделение имеет право налагать пени и, кроме того, если будет доведено до судебного разбирательства, то все убытки, могущие произойти от неисправных плательщиков, отнесутся за счет арендаторов и взысканы со всякого нашего имущества.

5. Мы, арендаторы, не должны отказываться от платежа денег за арендуемую нами землю даже в том случае, если окажется недород хлеба в 1906 году, с порукою друг за друга»[1].

Таковы пункты кабального договора, который вынуждены были подписать крестьяне села Новой Рачейки.

Арендаторы, конечно, хорошо понимали те трудности, с которыми было связано выполнение арендного договора, под которым ставить свои подписи заставляла их безвыходная нужда.

Крестьяне не выполнили договора. Во-первых, 1906 год был неурожайным годом. Во-вторых, развернувшееся революционное движение вселило надежду в крестьян, что все земли перейдут к тем, кто на них трудится, кто их обрабатывает.

Работники банка, убедившись в бесплодности своих попыток получить с новорачеевцев арендную плату, передали на них дело в окружной суд.

Поверенный банка В. К. Порозов сообщил суду, что крестьяне уплатили за аренду только 78 рублей. «От платежа же остальных 738 рублей уклоняются»[2]. Однако банк предъявил иск не на 738 рублей, фактически недоплаченных арендаторами, а — 1.050 рублей: на 312 рублей набежало «пени». Кроме того, на крестьян возложили уплату судебных издержек.

«В обеспечение настоящего иска, — писал Порозов суду,— прошу наложить арест на движимое имущество ответчиков, заключающееся в сжатом хлебе, запасах зерна, скоте и домашней обстановке»[3].

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 6, ед. хр. 14, л. 3.
[2] ГАУО, ф. 126, оп. 6, ед. хр. 14, л. 2.
[3] Там же л. 3.

Окружной суд 19 ноября 1913 года вынес решение: взыскать с крестьян села Новая Рачейка в пользу Крестьянского банка 738 рублей «с узаконенными процентами с 1 сентября 1906 года по день удовлетворения, а также 81 рубль 46 коп. судебных и за ведение дела издержек»[1].

Крестьянам дали срок «на добровольную уплату» причитающейся с них суммы. Но крестьяне в установленный срок смогли уплатить лишь небольшую часть долга. Тогда поверенный банка Порозов потребовал назначить торги на имущество неплательщиков, «описанное и арестованное... в обеспечение иска».

На принудительно отобранное у крестьян имущество были назначены торги, которые, однако, не состоялись «за неявкой желающих торговаться»[2].

Вскоре выяснилось, что все должники, кроме одного, «обременены казенными недоимками», а поэтому описанное имущество пойдет в первую очередь на погашение государственных платежей. Узнав об этом, Порозов доложил банку, что дальнейшее взыскание недоимок он находит бесполезным. И только в апреле 1915 года Симбирское отделение банка списало остаток долга «по безнадежности», окончательно убедившись, что получить эту сумму с крестьян не представляется абсолютно никакой возможности.

Крестьяне прибегали к продовольственной аренде, которую В. И. Ленин часто называл голодной, чтобы обеспечить себя средствами к жизни. Распространение голодной аренды является характерным показателем наличия в обществе феодально-крепостнических пережитков. Голодная аренда задерживала разложение крестьянства. И поскольку Крестьянский банк поддерживал существование такой аренды, постольку он задерживал процесс разложения крестьянства.

Наряду с голодной арендой существовала предпринимательская аренда. К ней, — по словам В. И. Ленина, — прибегали «... не от нужды, а от богатства, не для «продовольствия», а для обогащения, для того, чтобы «заработать деньгу»[3].

Следовательно, к предпринимательской аренде прибегали зажиточные крестьяне. Они арендовали у банка не только

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 6, ед. хр. 14, л. 4.
[2] Там же, л. 22.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 81.

пашни и луга, но брали «в арендное содержание» сады, мельницы, участки леса, рыбные ловли, каменоломни и прочее.

Обычно, при сдаче в аренду садов, лесных участков, мельниц и т. п. назначались «соревнования»[1]. Они устраивались банком, чтобы получить за объект, сдаваемый в аренду, наиболее высокую плату. Желающим принять участие в «соревнованиях» предлагалось предварительно внести задаток — определенную сумму денег. Таким образом, формально в «соревнованиях» могли участвовать все крестьяне, фактически — только зажиточные.

Объект аренды переходил в пользование к тому крестьянину, который в «соревнованиях» называл наивысшую сумму. Если он после этого отказывался от заключения договора с банком, то банк лишал его права на получение задатка, который оставался за банком.

Таким образом, так называемые соревнования напоминали внешне, по форме, торги. Но между «соревнованиями» и торгами имеется существенное различие. Дело в том, что на торгах объект торга является товаром, т. е. он продается. Отчуждение товара на торгах означает его продажу, причем продавец теряет на него право собственности. Оно переходит к покупателю.

В «соревнованиях» же отчужденный объект обычно не является товаром, т. е. он не продается, а переходит в «арендное содержание». При этом арендатор не становится собственником принятого в арендное содержание объекта. Он только пользуется им в течение определенного срока. Но право собственности остается за лицом, сдавшим объект в арендное содержание.

Это, в частности, проявлялось в том, что арендатор давал обязательство владельцу сада сохранять целость сада. За каждое поломанное дерево или ветвь банк имел право удержать с арендатора стоимость повреждения. Арендатор мог приступить к сбору плодов только после уплаты арендных платежей.

Так, например, крестьянин деревни Синяковки, Курмышского уезда, Князев И. Л. в «соревнованиях» при сдаче сада в аренду назвал наивысшую сумму — 153 рубля. При заключении договора Князев уплатил 1/3 арендной платы. Осталь-

[1] Такой термин применялся в делопроизводстве Крестьянского банка.

ную же сумму он должен был уплатить в два срока: к 15 июля и к 10 августа, но, «во всяком случае, до сбора яблок»[1].

Таким образом, внесение задатка, который давал право крестьянину участвовать в «соревнованиях», а также уплата арендной платы до сбора плодов, исключали какую бы то ни было возможность деревенской бедноте арендовать сады. Поэтому аренда садов у Крестьянского банка являлась монополией крестьянской буржуазии.

Среди арендаторов имелись спекулянты-посредники. Крестьяне обычно называли их барышниками. Спекулятивные операции «барышников» получили название — барышничество.

Один из таких «барышников» Карл Полле снял в аренду у банка фруктовый сад сроком на 12 лет, с платою в 50 рублей за год. Полле пересдал этот сад в аренду другому крестьянину из села Большое Нагаткино, но уже за 270 рублей в год. Чистый доход спекулянта составил 220 рублей за год[2].

Жадные до денег спекулянты наживались на крестьянской нужде. Крестьяне питали к ним, как и к ростовщикам, особенно сильную ненависть.

Иногда «соревнования» не только напоминали торги по форме, но были таковыми и по существу. Так, например, Крестьянский банк отбирал за неуплату очередных платежей посевы у арендаторов и заемщиков и продавал их на торгах. Азарт и конкуренция, разгоравшиеся на торгах между покупателями, давали возможность банку продавать товары, в частности посевы, значительно выше их стоимости.

Инспектор ликвидации Добротворский писал администрации банка, что «...оставление за банком посевов, произведенных беднейшими покупщиками, имеющими посевы исключительно на банковских землях, приведет к их совершенному разорению, так как материальное благосостояние этих покупщиков и без того уже подорвано расходами по возведению на участках построек и по уплате задатков...». Добротворский просил продать посевы бывшим владельцам, «...не производя соревнования, на котором, при обычном азарте из-за желания приобрести посевы, возможно повышение цен до размеров, превышающих действительную стоимость посевов»[3].

Как и следовало ожидать, ходатайство инспектора не бы-

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 4, ед. хр. 6, л. 58.

[2] Там же.

[3] ГАУО, ф. 126, оп. 15, д. 1, л. 22.

ло удовлетворено. Банк вынес решение: «сохранить существующий порядок продажи посевов, оставшихся в пользу Банка, путем соревнования»[1].

Таким образом, продажа посевов с торгов и была использована банком как орудие ограбления крестьянских масс.

Крестьян эксплуатировал не только банк, но и многочисленные спекулянты-посредники. Они арендовали землю у Крестьянского банка, дробили ее на более мелкие участки и передавали за более высокую плату деревенской бедноте. Разница между относительно низкой ценой, по которой арендовал посредник землю у банка, и более высокой, по которой он передавал ее действительному арендатору, составляла доход посредника. Этот доход являлся частью прибавочного продукта действительного арендатора.

Арендная плата действительного арендатора, из-за высоких арендных цен, иногда включала в себя не только прибавочный продукт производителя, но и часть его необходимого продукта. Она расщеплялась на две основные части. Одна часть оставалась у посредника, другая передавалась в банк. Что касается этой последней части, то она, в свою очередь, иногда тоже расщеплялась на две части. Одна часть оставалась у банка, а другая шла бывшему владельцу этой земли. Это имело место в тех случаях, когда помещик получал при продаже своего имения не наличные деньги, а свидетельства Крестьянского банка. Свидетельства Крестьянского банка — ценные бумаги, которые приносили их владельцам доход в размере 4,5 или 5,5 процента годовых. Следовательно, некоторые помещики, продав свои земли Крестьянскому банку, превратились из земельных собственников в денежных капиталистов. Правда, бывшие землевладельцы оставались денежными капиталистами обычно небольшой срок, так как через определенные промежутки времени свидетельства банка погашались, т. е. обменивались на деньги. Держатели этих облигаций имели возможность продать их, исходя из котировки на петербургской бирже. Так, например, в начале первой мировой войны курс реализации 4,5 процентных свидетельств Крестьянского банка был равен 77 рублям за 100, а 5,5 процентных свидетельств — 88 рублям за 100.

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 15, д. 1, л. 23.

Какой бы период времени бывшие землевладельцы ни оставались держателями облигаций, они получали по ним доходы в виде процентов, на уплату которых бывшим помещикам уходила часть платежей арендаторов. Кроме арендаторов, платежи в банк вносили и покупщики банковской земли. Однако при этом не следует упускать из виду, что платежи мелких арендаторов и покупщиков создавались их собственным трудом, тогда как платежи крестьянской буржуазии представляли из себя часть прибавочной стоимости, производимой в их хозяйствах батраками и поденщиками.

Следовательно, бывшие землевладельцы попрежнему присваивали в качестве дани часть прибавочного продукта, создаваемого в сельском хозяйстве как крестьянами, так и наемными рабочими. Это является характерной чертой прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве.

Влияние Крестьянского банка на разложение общины

Деятельность Симбирского отделения Крестьянского банка была направлена на скорейшее разрушение общины и насаждение кулацких отрубных и хуторских хозяйств. При этом отделение руководствовалось законами и циркулярами, издаваемыми правительством.

Правительство предоставило Крестьянскому банку право выдавать крестьянам кредит под залог надельных земель (закон 5 июля 1912 г.).

В правилах по выдаче ссуд под залог надельных земель указывалось, что основная цель кредита заключается в укреплении «жизненных хозяйств единоличного владения и в создании главнейших условий, необходимых для правильного их развития»[1].

«Предметом залога, — указывалось в этих правилах, — могут быть только укрепленные в собственность отдельных владельцев хуторские и отрубные участки надельной земли»[2].

Крестьянский банк выдавал кредит под надельную землю, уже укрепленную в частную собственность. Следовательно, правильнее говорить не о кредите под надельную землю, а о кредите под бывшую надельную землю, которая уже стала частной собственностью выделившихся из общины крестьян.

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 4, ед. хр. 2, л. 3.

[2] Там же.

Заявления крестьян о предоставлении им кредита под укрепленную в частную собственность надельную землю рассматривались вначале уездными землеустроительными комиссиями. Эти комиссии давали согласие на выдачу кредита тем крестьянам, которые имели хозяйства, устроенные «в соответствии с требованиями закона о землеустройстве». Если уездная землеустроительная комиссия делала заключение «о нецелесообразности указанных просителем расходов», то «дальнейшее производство дела... окончательно приостанавливалось»[1].

Таким образом, получение кредита под залог бывшей надельной земли было поставлено в зависимость от решения уездных землеустроительных комиссий, на которые самодержавие возложило осуществление столыпинской аграрной политики на местах.

Ссуды под залог бывшей надельной земли выдавались не более как на 28 лет. Размер ссуды не превышал 60 процентов «нормальной или специальной оценки участка». Ссуды выдавались крестьянам, согласно их заявлениям или «свидетельствами банка по их нарицательной цене, или наличными деньгами по курсу покупателей этих свидетельств по последней котировке С.-Петербургской биржи»[2].

Выдача крестьянам кредита под залог укрепленных в частную собственность наделов привела к тому, что расширились ипотечные операции Крестьянского банка.

Эта новая функция, как говорилось в постановлении совета Крестьянского банка от 25 июля 1913 года, находится «в прямом согласовании с современной земельной политикой» и направлена «к последовательному поощрению единоличного землевладения»[3].

Кредит под залог надельной земли выдавался не всем крестьянам, а только тем, кто выделился из общины и закрепил свой надел в частную собственность. Следовательно, так называемый подналельный кредит был использован самодержавием как стимулирующее средство для выхода крестьян из общины, как орудие укрепления капиталистических элементов в деревне.

Вместе с тем, Крестьянский банк предупреждал все свои отделения, что «...распоряжением министра финансов... было

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 4, ед. хр. 2, л. 3.
[2] Там же.
[3] Там же.

признано необходимым в целях вящего охранения незыблемости достигнутых результатов землеустройства, неукоснительно закрывать кредит банка, особливо поднадельный, для покупки земли единоличного владения в общую собственность совладельцев, а равно сельским обществам»[1].

Симбирское отделение Крестьянского банка действовало в соответствии с этим указанием. Оно покупало частновладельческие земли, разбивало их на хутора и отруба и продавало в частную собственность преимущественно зажиточным крестьянам. Общинам и крупным товариществам в покупке земли под различными предлогами часто отказывали.

Так, например, П. И. Воротников предложил банку купить у него участок земли в 259 десятин. По поручению банка Алатырская уездная землеустроительная комиссия обследовала местоположение продаваемого участка, а также качество земли. Комиссия дала банку заключение, в котором указывалось, что «земля эта по своему качеству, топографическим условиям и в водном отношении вполне пригодна для устройства хуторских и отрубных с выселением участков»[2].

Предложение Воротникова было принято банком. Вскоре появились большие афиши, в которых сообщалось: «Великий момент! Из 4,5 процентов с погашениями (дешевка!) есть возможность каждому приобрести полный надел земли, жить на нем и пользоваться всеми перечисленными здесь удобствами... Это первый и последний случай в нашей жизни»[3].

Однако, когда товарищество крестьян деревни Дюрек, Паранеевской волости, Алатырского уезда, попыталось с помощью банка приобрести эту землю, то ему в этом было отказано. Отделение банка свой отказ мотивировало следующим образом: «...покупщики живут в расстоянии 13 верст от покупаемой ими земли, а наделы их отстоят еще дальше... Без сомнения, вести два хозяйства, находящиеся одно от другого на таком большом расстоянии, если бы это даже и не шло вразрез с задачей землеустройства, свести владения по возможности в один отруб — было бы для товарищества крайне убыточно»[4].

Основной причиной отказа нужно считать то, что заявления крестьян шли «вразрез с задачами землеустройства».

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 3, ед. хр. 4, л. 12.
[2] ГАУО, ф. 126, оп. 3, ед хр. 22, л. 16.
[3] Там же, л. 13.
[4] Там же.

Ссылка банка на отдаленное местожительство крестьян от покупаемой земли является предлогом, ибо в заявлениях крестьяне указали, что они намерены переселиться на покупаемый участок.

Таким образом, Крестьянский банк разрушал общинное землевладение и содействовал укреплению хуторов и отрубов.

Деятельность отделения банка в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции

Столыпинская аграрная политика, а Крестьянский банк был одним из главных орудий ее осуществления, резко обострила классовые противоречия в деревне. Крестьяне, попав под двойной гнет со стороны помещиков и кулаков, стали подниматься на освободительную борьбу против эксплуатации как старых, так и «новых помещиков». Крестьяне, в отдельных случаях, буквально выживали кулаков из их хозяйств. Так, например, кулак Котюжинский должен был отказаться от владения отрубным участком, купленным у Крестьянского банка. В заявлении он писал: «Ввиду того, что очень часто нападают местные жители и грабят, что нет сил дальше выдержать... я должен отказаться от владения землей, а потому, заявляя о сем Симбирскому Отделению Крестьянского Поземельного Банка, прошу означенный отрубной участок принять обратно в собственность банка»[1].

Классовая борьба в деревне резко обострилась в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции.

Крестьяне стали захватывать земли помещиков, кулаков и Крестьянского банка. Очень часто эти мероприятия проводились организованно. Симбирское отделение Крестьянского банка сообщало управляющему банка в Петроград в апреле 1917 года «о захвате сельскими обществами у единоличных владельцев, приобретенных у Банка участков земли и об отстранении ими же единоличных арендаторов земель Банка с оставлением сих земель в своем пользовании за пониженные цены...»[2].

В сообщении Симбирского отделения Крестьянского банка от 28 октября 1917 года в Петроград указывалось: «Часть

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 5, ед. хр. 253, л. 4.
[2] ГАУО, ф. 126, оп. 10, ед. хр. 12, л. 63.

земель в имениях Банка была засеяна и использована в текущем году обществами и отдельными лицами без заключения надлежащих документов, частью по постановлению исполнительных комитетов, и частью даже без таковых постановлений.

Арендная плата за такие земли была назначена исполнительными комитетами по 2—3 рубля за десятину пахотной земли, каковая цена является совершенно ненормальной и убыточной для Банка.

Означенные явления захватной запашки коснулись всех имений Банка, расположенных в пределах Симбирской губернии»[1].

В том же сообщении отделения банка Крестьянскому банку указывалось, что в 1917 году было сдано в аренду «по добровольному соглашению с арендаторами пашни — 30,5 тыс. десятин за 386 тыс. рублей», т. е. выходит в среднем по 12—13 рублей за десятину, что значительно превосходит уровень арендной платы, установленной земельными комитетами. Крестьянский банк заключал такие соглашения преимущественно с зажиточными крестьянами, кулаками. Высокие цены на хлеб и их непрерывный рост создавали у деревенской верхушки, имевшей деньги, добавочный стимул к заключению арендных соглашений с банком, хотя и по относительно высоким ценам.

Однако деревенская беднота отбирала эти земли от зажиточных арендаторов. В ранее цитированном сообщении говорится: «...часть земли, сданной по обязательствам под ярь, сенокосы и выгоны, была отобрана от арендаторов как по постановлению уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов, так и без постановления таковых и запахана и использована обществами...»[2].

Очень часто эти мероприятия осуществлялись крестьянами организованно. На сходках крестьяне выносили решения об отобрании и использовании земель помещиков, кулаков и земель Крестьянского банка. Так, например, поступило общество крестьян села Ст. Ардатово. 18 апреля они собрались на сход, на котором вынесли решение: всю пахотную землю, в том числе отрубные участки кулаков, переделить между крестьянами по числу душ мужского пола.

---

[1] ГАУО, ф: 126, оп. 10, ед. хр. 12, л. 78.
[2] Там же.

Кулаки Кузьма Тихонов, Степан Кузанкин, В. Я. Кальский и другие обратились с жалобой в волостной земельный комитет на «незаконные и преступные» действия крестьян-общинников. Волостной земельный комитет, принимая во внимание, что вся земля общества крестьян села Ст. Ардатово переделена не самоуправно, а по приговору сельского схода, постановил: «в иске просителям отказать, признав приговор общества составленным правильно»[1].

Волостной земельный комитет, где находились представители деревенской бедноты, не поддержал просьбу кулаков о возвращении им земли, экспроприированной в пользу общины. Не успокоившись на этом, кулаки подали жалобу в Алатырский уездный земельный комитет. Но тоже получили отказ.

Крестьяне Симбирской губернии захватили и использовали следующее количество банковской земли:

I. а) запахано по постановлению исполнительных комитетов — 1.086 д.

б) запахано самовольно 1.730 д.

II. Скошено лугов:

а) по постановлению исполнительных комитетов 903 д.

б) без постановления исполнительных комитетов 697 д.

III. Использовано выгонов:

а) по постановлению земельных комитетов 327 дес.

б) без постановления исполнительных комитетов 1.522 дес.

Всего использовано земли «захватным порядком» 6.265 дес. на сумму 43.643 рубля (по оценке Отделения банка)[2].

Отделение банка жаловалось в Петербург: «Никаких поступлений на землю, запаханную и использованную захватным порядком, не было»[3].

Подобным же образом крестьяне поступали и с лесными угодьями банка.

Симбирское отделение Крестьянского банка уже в конце 1916 года отмечало, что цены на лес достигли «небывалой высоты» («в отдельных случаях на 200 процентов выше таксационной оценки»). В 1917 году цены продолжали повышаться. Вследствие этого лес для большинства крестьян сделался совершенно недоступен. Банк продавал лес капиталистиче-

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 10, ед. хр. 12, л. 79.
[2] Там же.
[3] Там же.

ским компаниям, в частности, много леса было продано Петроградско-Брагорскому лесопромышленному акционерному обществу.

Волостные и уездные комитеты потребовали от банка и помещиков, чтобы они прекратили продажу леса капиталистам и спекулянтам. Крестьяне Симбирской губернии, через земельные комитеты, взяли в свои руки заботу об охране лесов от хищнического истребления со стороны лесопромышленников и капиталистических компаний.

В сентябре 1917 года крестьяне села Пятины заявили непременному члену отделения банка Орлову, что «...население с нетерпением ожидает отпуска дровяного леса из дач банка и при дальнейшей задержке в отпуске топливного материала склонно решение этого вопроса взять в свои руки и приступить к самовольной порубке»[1].

На заседании волостного земельного комитета Пятинской волости было произведено распределение банковских лесосек между крестьянами волости. Комитет вынес решение: приступить к заготовке топлива со взносом задатка по 3 рубля с кубической сажени. На заседании комитета присутствовал Орлов. Он вынужден был согласиться с требованиями, продиктованными крестьянами. «В виду остроты положения, — сообщал он своему начальству в Симбирск, — на условия эти, скрепя сердце, пришлось мне... согласиться»[2].

Банковская администрация прекрасно сознавала, что если она не примет условий, указанных крестьянами, то последние приступят к самовольной рубке леса без заключения каких-либо договоров, как это уже делали крестьяне в некоторых уездах Симбирской губернии. Администрация отделения банка сообщала в Петербург, что население не согласно с ценами, установленными банком и «приступает к рубке леса без заключения надлежащих документов и уплаты причитающихся сумм за лесосеки»[3].

Таким образом, после февральской революции наблюдается захват земель и лесных угодий, а также резкое сокращение всех платежей Крестьянскому банку. Прежде всего значительно снизились поступления платежей от крестьян, купивших землю с помощью банковского кредита. Это сокращение отражено в нижеследующей таблице:

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 10, ед. хр. 12, л. 161.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 79.

Месяцы	Поступления платежей в 1916 году	Поступления платежей в 1917 году
Январь	38.622	39.055
Февраль	25.051	33.842
Март	209.815	46.847
Апрель	113.703	48.501
Май	54.307	14.817
Июнь	56.296	9.214
Июль	26.114	3.323
Август (по 15 вкл.)	16.023	2.608
Итого	539.930	198.207

Значительно уменьшились поступления за арендованную у Банка землю.

Данные о движении арендных платежей за 1916 и 1917 гг.

Время поступления арендной платы	Сумма поступивших платежей (в рублях)	
	в 1916 г.	в 1917 г.
Январь	23.907	21.698
Февраль	65.666	91.014
Март	50.353	77.980
Апрель	41.370	20.840
Май	69.591	4.661
Июнь	63.998	4.583
Июль	33.778	9.704
Август (с—15 вкл.)	15.272	1.096
Итого	363.935	231.576

Управляющий Симбирским отделением Крестьянского банка Фаворин сообщал губернскому комиссару Временного правительства: «Тотчас же после февральского переворота стало замечаться резкое понижение платежей в кассы банка»[1].

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 10, ед. хр. 12, л. 62.

Фаворин пытается найти причины «беспорядков» и их конкретных виновников. «По моему глубокому убеждению, — пишет он в Губернский земельный комитет, — непоступление платежей Банку объясняется теми разрозненными действиями со стороны местных всевозможного рода организаций... что дает местному населению поводы к самостоятельным действиям, нередко поощряемыми теми же организациями». Фаворин сообщал далее, что «по имеющимся в Отделении сведениям населению кем-то внушается, что платить что-либо банку сверх установленной местными комитетами цены, кстати сказать поразительно низкой, никоим образом не следует, причем деньги должны вноситься в Комитеты, а отнюдь не Банку. Это относительно аренды. Платежей же по ссудам, в виду неизвестности будущей судьбы земли, совсем не следует платить»[1].

Крестьянский банк для получения с крестьян платежей пытался опереться на земельные комитеты.

Некоторые уездные комитеты, как, например, Ардатовский. Алатырский, где преобладали эсеры и меньшевики, поддержали деятельность банка по выколачиванию платежей с крестьян. Так, например, Ардатовский земельный комитет потребовал от волостных комитетов, что «...платежи ни в коем случае приостановлены быть не могут и должны взыскиваться в полном размере»[2].

Также поступил и Алатырский земельный комитет. Он выпустил воззвание к населению, в котором в категорической форме предлагалось крестьянам уплатить банку, как учреждению государственному, все срочные платежи и недоимки.

Однако большая часть уездных комитетов не поддержала мероприятия банка. Так, Сызранский земельный комитет, а в Сызрани была наиболее сильная большевистская организация, в октябре 1917 года вынес решение: «...все земли банка, находящиеся в Сызранском уезде, с весны 1918 года обобществить и перейти к многопольному севообороту». Уездный комитет предложил всем волостным комитетам «... не иметь никакого дела с заведующими имениями банка»[3].

В большинстве случаев волостные земельные комитеты так и поступали. Когда отделение банка выслало Промзин-

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 10, ед хр. 12, л. 63.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 80.

скому волостному земельному комитету списки должников банка, с просьбой, чтобы комитет оказал содействие в поступлении платежей, то волостной комитет возвратил списки обратно банку, сообщив при этом: «Настоящее отношение вместе со списками возвращается Симбирскому отделению Крестьянского Поземельного Банка ввиду того, что земли все перешли в ведение Земельных Комитетов»[1].

Таким образом, в тех уездах, где в состав земельных комитетов входили представители беднейшего крестьянства, и особенно — большевики, как, например, в Сызранском уезде, там земельные комитеты бойкотировали Крестьянский банк, игнорировали его мероприятия. Большевики призывали крестьян, не дожидаясь Учредительного собрания, самовольно захватывать помещичьи земли, не платить налогов Временному правительству. И крестьяне поступали так, как их учили большевики. Напротив, в тех комитетах, где преобладали эсеры и меньшевики, там принимались решения, направленные на поддержку мероприятий, проводимых банком. Правда, крестьяне мало считались с такими решениями.

Фаворин, управляющий отделением банка, в одном из сообщений губернскому земельному комитету писал: «На требование Банка уплаты денег население не обращает внимания, очевидно, не придавая им никакого значения»[2]. Управляющий не питал радужных надежд на поступление платежей в будущем. «...Поступление означенных платежей, — писал он в губернский комитет в августе 1917 г., — продолжает падать и на улучшение положения в их поступлении рассчитывать трудно»[3].

В целях улучшения поступления платежей управляющий отделением банка разослал некоторых своих работников по уездам и волостям. Однако поездки их были безуспешны. Некоторые из них прямо сообщали, что без применения силы платежей с крестьян не получить. Так, например, откомандированый в Курмышский уезд непременный член отделения банка Беспалов, сообщал оттуда:

«Вообще же все государственные, земские и прочие платежи по уезду поступают вяло и без понуждений не обойтись, но в какой форме должны быть приняты понудительные меры, еще не решено»[4].

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 10, ед. хр. 12, л. 63.
[2] Там же, л. 63.
[3] Там же, л. 63.
[4] Там же, л. 73.

Симбирские реакционеры, вместе с реакционерами всей России, строили планы удушения революции. Однако революционное движение росло. Непременный член отделения банка Орлов сообщал Фаворину: «В Пятинском районе чувствуется неспокойное настроение населения, доказательством чего служат участившиеся порубки в лесах, разрушение и сожжение надземных частей банковских колодцев,... угрозы со стороны населения лесникам, вследствие чего двое из них при селе Палатове и Вамусах оставили службу, участившиеся лесные пожары, угрозы по адресу заемщиков банка и особенно хуторян, причем у одного из них... 2 октября неизвестно отчего сгорела неработавшая водяная мельница.

Все эти и подобные им факты, по моему мнению, говорят о наступающей земельной разрухе»[1].

Обострившиеся классовые противоречия в деревне свидетельствовали о приближающемся революционном взрыве, который уничтожил буржуазно-помещичий аграрный строй и учреждения им порожденные.

Заключение

Крестьянский банк был использован самодержавием в качестве орудия осуществления столыпинской аграрной политики. Суть этой политики состояла в том, чтобы, не экспроприируя помещичьего землевладения, усилить крестьянскую буржуазию за счет деревенской бедноты и тем самым расширить и укрепить социальную базу самодержавия.

Деятельность Крестьянского банка носила двойственный, противоречивый характер. С одной стороны, Крестьянский банк активно разрушал средневековое общинное землевладение, укреплял через кредит кулацкие хозяйства, основанные на эксплуатации наемного труда. Это была прогрессивная сторона в деятельности банка, так как она была направлена на замену старых производственных отношений новыми—буржуазными—производственными отношениями. А новые производственные отношения, как учит И. В. Сталин, являются главной и решающей силой, которая определяет дальнейшее развитие производительных сил[2]. Следовательно, эта

---

[1] ГАУО, ф. 126, оп. 10, ед. хр. 12, л. 161.

[2] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 62.

сторона в деятельности Крестьянского банка способствовала развитию производительных сил сельского хозяйства.

С другой стороны, Крестьянский банк поддерживал помещиков, помогая им продавать свои земли по высоким ценам. Чем выше Крестьянский банк поднимал цены на землю, тем сильнее сказывалась тормозящая роль банка на развитие производительных сил сельского хозяйства. Задерживали развитие капитализма в деревне и другие операции банка: сдача в аренду деревенской бедноте по высоким ценам небольших клочков земли — продовольственная аренда, семенная ссуда и т. д.

Таким образом, Крестьянский банк как учреждение, поддерживавшее помещиков, тормозил развитие капитализма в сельском хозяйстве, а как учреждение, поддерживавшее сельскую буржуазию, способствовал развитию капитализма в сельском хозяйстве.

Противоречивый характер деятельности Крестьянского банка объясняется тем, что самодержавие пыталось через него одновременно поддерживать и помещиков и кулаков. Через Крестьянский банк самодержавие пыталось расширить свою социальную опору против растущего революционного движения в стране.

Столыпинская аграрная политика потерпела крах. Она не создала в России «покоя», о котором мечтал ее инициатор. Напротив, классовая борьба в деревне за период действия аграрной политики Столыпина (1906—1917 гг.) не только не утихла, а разгорелась с еще большей силой. Правда, за это время количество кулацких хозяйств значительно возросло. Но этот экономический результат был получен ценою ограбления и разорения беднейшего крестьянства, что не могло не привести к обострению классовых противоречий в деревне, проявившихся в октябре 1917 года в виде величайшего революционного взрыва. Рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством сверг власть капиталистов и помещиков и установил диктатуру пролетариата. Советская власть, национализировав землю, прекратила деятельность Крестьянского банка. Социалистическая революция освободила крестьян от уплаты банку 1.300 млн. рублей золотом. Отобранная у помещиков и частично у кулаков земля перешла бесплатно в пользование трудового крестьянства. Этим был сделан важный шаг в сторону развития сельского хозяйства по социалистическому пути.

ЛЕВИНТОВ Н. Г.

кандидат исторических наук

БЕРЛИНСКИЙ ДОГОВОР И ОТНОШЕНИЕ К НЕМУ РАЗЛИЧНЫХ КЛАССОВ БОЛГАРСКОГО ОБЩЕСТВА

Русско-турецкая война 1877—78 гг. закончилась поражением султанской Турции. «3-го марта 1878 г. в Сан-Стефано, у врат Константинополя, был подписан т. наз. Сан.-Стефанский мирный договор, в силу которого на развалинах Европейской Турции, было создано новое государство — Болгария. Этот день вполне справедливо считается днем освобождения болгарского народа от турецкого ига, так как на территорию, которую теперь занимает Народная республика Болгария, никогда больше не ступили орды турецких султанов»[1].

В этой оценке, данной одним из руководителей болгарской коммунистической партии В. Коларовым, отражено значение русско-турецкой войны для освобождения Болгарии. Поэтому «беспредельной и вечной, — говорит там же В. Коларов, — будет признательность болгарского народа братскому русскому народу, пролившему кровь своих 200.000 сынов за наше освобождение»[2].

Создание по Сан-Стефанскому договору большого и сильного славянского государства имело и крупное международное значение; оно могло бы, по мысли В. Коларова, изменить ход исторического развития на Балканском полуострове, создав преграду экспансионистским устремлениям западноевропейских государств.

«Если бы этому государству, — указывает В. Коларов, — было суждено выйти нетронутым из разгоревшегося соперничества и дипломатической игры великих сил, ход истории на Балканах был бы другим. У нас есть основание верить, что освобожденные от оттоманского ига южные славяне нашли

---

[1] В. Коларов, Речь по случаю 70-летия освобождения Болгарии, София, 1948, стр. 3.

[2] Там же, стр. 4.

бы путь в экономическом и культурном отношении, превратившись в мощную преграду для немецкого проникновения. Балканы давно бы перестали быть пороховым погребом»[1].

Однако путь создания болгарского государства оказался более тернистым, мучительным и сложным, благодаря вмешательству европейских держав. Создание независимого славянского государства, способного к отпору колониальным притязаниям западноевропейских держав, не входило в расчеты этих последних. Англо-австрийская коалиция, поддерживаемая Германией, угрожая России войной, принудила ее согласиться на пересмотр Сан-Стефанского договора на европейской конференции в Берлине.

Восстановление турецких феодальных порядков, сохранение гнилой феодальной Турции, как удобнейшего объекта колонизации, удушение национально-освободительного движения на Балканах для обеспечения себе возможности беспрепятственного грабежа балканских стран — вот с какой программой пришли в Берлин европейские державы во главе с Англией.

Берлинский договор, одно «из подлейших и гнилых творений международного империализма», по определению В. Коларова[2], был реакционным актом реализации указанной программы.

23 статьи этого трактата, посвященные Болгарии, лишали её национального единства, государственной независимости, полученных ею по Сан-Стефанскому договору, способствовали реставрации и консервации гнилых феодальных порядков и создавали условия для превращения раздробленной, обессиленной Болгарии в легкий объект захватнических планов европейских государств.

Берлинский договор расчленял Болгарию на 3 части: 1. Северная Болгария, ограниченная Дунаем с севера и Балканами с юга, образовывала «княжество, самоуправляющееся и платящее дань, под главенством Е. И. Султана»[3] (стат. 1).

«На юг от Балкан образуется провинция, которая получит наименование «Восточная Румелия» и которая **останется под непосредственной политической и военной властью Е. И. В.**

[1] В. Коларов, Речь по случаю 70-летия освобождения Болгарии, София, 1948, стр. 12.

[2] Там же, стр. 13.

[3] Ф. Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. VIII, СПБ, 1888, стр. 642.

Султана, на условиях административной автономии»[1] (статья XIII). Македония целиком оставалась у султана. Даже по отношению к северной Болгарии, образовавшей княжество, берлинские реставраторы феодализма постарались в максимальной степени сохранить полуколониальные позиции, завоеванные ими в Турции. Так, статья VIII трактата обязывала Болгарию принять и сохранить режим капитуляций, принять и охранять все договоры и соглашения, ранее заключенные западными державами с Турцией[2]. Статья IX возлагала на Болгарию часть государственного долга Турции, а в ст. X указывается, что «... Болгарское княжество заступает в соответственной доли Блистательную Порту в обязательствах, принятых ею как относительно Австро-Венгрии, так и общества эксплуатации железных дорог в Европейской Турции, а также относительно Рудуко-Варненской железной дороги»[3].

Существо этих постановлений сводилось к созданию условий для превращения нового независимого государства в полуколонию.

Несравненно хуже было положение южной Болгарии. Ст. XV предоставляла султану право иметь крепости и войска на границах Восточной Румелии, а по статье XVI он имел право вводить турецкие войска во внутрь «автономной» области «в случае, если бы внутреннему или внешнему спокойствию области угрожала какая-либо опасность»[4], т. е., фактически, в любой момент, ибо найти предлог в трактовке ст. XVI чрезвычайно не сложно. Таким образом, Берлинский трактат оставлял в В. Румелии в целости, точнее, реставрировал почти полностью турецкую машину национального угнетения, при существовании которой всякие решения об автономии оставались тем, для чего они были созданы — словесной маскировкой факта реставрации власти султана. Характер будущей «автономии» достаточно сказывался в том, что выработка статута В. Румелии была возложена (ст. XVIII) на Европейскую (так называемую Румелийскую) комиссию, состоящую из представителей всех государств, подписавших Берлинский договор, в которой, следовательно, преобладало бы вра-

---

[1]. Ф. Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. 8, СПБ, 1888, стр. 651.

Курсив наш.—**Н. Л.**

[2] Там же, стр. 648.

[3] Там же, стр. 649.

[4] Там же, стр. 655.

ждебное Болгарии большинство. Поручая этой комиссии в трехмесячный срок выработать «образ административного, судебного и финансового управления области»[1], статья XVIII прямо предписывала положить в основу его различные турецкие законы о вилайетах и предложения об автономии, принятые на Константинопольской конференции в декабре 1876 года, то есть еще до разгрома Турции русскими войсками.

Что касается остальных частей Сан-Стефанской Болгарии, не вошедших ни в княжество, ни в Румелию, то есть, что касается Македонии, то здесь не сочли нужным даже прибегать к маскировке, а, вернув её полностью под власть султана, туманно упомянули в ст. XXIII о введении устава, подобного мертворожденному Критскому органическому уставу 1868 г.[2].

Итог берлинской операции над Сан-Стефанским договором подведен одним из главных инициаторов ее британским министром иностранных дел Солсбери, хвастливо заявившим в послании парламенту, что «около двух третей генерал-игнатьевской Болгарии, возвращено под прямую политическую и военную власть султана»[3].

На Берлинском конгрессе представителей болгарского народа не было, голос его не раздавался и позиция его в расчет не принималась[4]. Со свойственным «великим» державам презрением к «малым народам», европейские дипломаты решали судьбу этих народов, не заботясь о том, как будет воспринята их деятельность ее жертвами.

Однако очень скоро европейской дипломатии пришлось не только заметить явно враждебное отношение болгарского

---

[1] Ф. Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. 8, СПБ, 1888, стр. 655.

[2] Там же,

[3] «Times» 17 июля 1878, р. 9.

[4] Попытка представить специальный адрес от болгар Берлинскому конгрессу и послать туда своих представителей предпринималась отдельными болгарскими кругами. Первой по счету была попытка, предпринятая пловдивским протосингелом Мет. Кусевым (Кусевичем), еще до открытия конгресса—составить адрес к нему. Попытка эта не встретила одобрения со стороны русских властей (см. Радев «Строителите на съвремена България», т. 1, София, 1910, стр. 6—8). И. Груев в своих мемуарах вспоминает, что группа пловдивских болгар во главе с митрополитом Панаретом обратилась к императорскому комиссару Дондукову-Корсакову за разрешением послать 2 делегатов для представления адреса конгрессу. К великому удивлению нашему, — пишет И. Груев, — императорский комиссар не одобрил наше предложение и строго прибавил, что это не наше дело, что есть кому заботиться о нашей судьбе» (И. Груев, «Моите спомени», стр. 64).

народа к берлинским решениям, но и самым определенным образом с этим не считаться.

Известие о Берлинском договоре, по выражению одного документа той эпохи, «пришло как смертоносная стрела, поражая сердце каждого болгарина»[1]. Для болгарского народа сразу стало очевидным, кто является главным виновником этих несчастий и основным противником их освобождения. С первых же дней борьба против унизительных и несправедливых условий Берлинского договора принимает ярко выраженный антианглийский характер.

Самым определенным образом и с большой силой отношение болгарского народа к политике английского правительства, к его наглым колонизаторским приемам, его презрению к интересам других народов выражено в первом — из целой серии протестов против Берлинского договора—протесте 94 деревень Восточной Румелии.

«Лорд Биконсфильд подобно жрецу заклал Болгарию в Берлине и предлагает её в жертву английскому идолу, — гневно клеймится в протесте английская политика. — Мир оглушен криками: «Наши интересы! Наши интересы!» — как будто другие нации не имеют своих интересов и как будто все остальные народы всего мира созданы только для того, чтобы служить английским интересам»[2].

Собственный опыт помогает понять и разоблачить легенду о якобы цивилизаторской миссии английского капитализма в колониях. «Мы удивлены, — говорится в протесте, — когда читаем в газетах и книгах, что Англия несет цивилизацию и прогресс в самые дикие и отдаленные уголки Африки и Австралии, в страны, которые не посещаются другими европейцами, так что неизвестно, что она там делает... Видя поведение некоторых ее министров, мы сомневаемся и в этих восхваляемых делах Англии в других частях света»[3].

«Нужно было видеть озлобление болгар против Англии, которую они, кажется, зубами готовы были растерзать», — вспоминает очевидец[4].

---

[1] «Мемоар отправлен до Европейската комисия за устройството на източна Румелия от населения на южна България» в сборнике: «Мемоар отправлен на представителите на Великите сили в Цариград от Българския народ», (б. м.), 1878, стр. 14.

[2] Тичксу № 53, (1878), стр. 70, № 80/2.

[3] Там же, стр. 70.

[4] И. С. Иванов, Сборн. статей о некоторых выдающихся событиях в современной жизни болгар, Кишинев, 1900, стр. 131.

Английские дипломатические представители в Болгарии доносили о всё растущей волне враждебного отношения к Англии, как к главной виновнице берлинских решений. «Ненависть к Англии, — доносил в августе 1878 года британский вице-консул в Пловдиве Кальверт, — родила народную военную песню, направленную против турок и англичан, весьма популярную среди болгарских солдат. Сегодня рекруты, только что прибывшие из деревни, проходили по улицам с криками: «Долой Англию, да здравствует Россия»[1].

Кальверт начинает догадываться, что проведение в жизнь берлинских решений может встретить серьезное сопротивление народа, которому навязали эти решения. «Задача международной Румелийской комиссии, — делает он вывод в том же донесении, — будет, вероятно, очень трудной, ввиду преобладания подобных чувств среди болгар»[2].

Взрыв анти-английских чувств в Болгарии свидетельствовал о том, что болгарский народ быстро понял и правильно оценил перестановку сил во враждебном ему лагере, происшедшую после и в результате поражения Турции в войне, понял, что главным врагом является англо-австрийская коалиция.

Но враги национального освобождения, союзники Англии и Турции, имелись и внутри Болгарии.

Известно, что болгарская буржуазная историография создала легенду о «едином потоке», согласно которой все болгары без исключения были сторонниками своего национального освобождения, и что имевшие место расхождения касались не цели, а только методов достижения её. Эта легенда о «едином потоке» применена была и к тому этапу национально-освободительного движения, который связан с борьбой болгарского народа против берлинских решений. Болгарские буржуазные историки утверждают о полном единодушии всех без исключения болгар в этой борьбе.

Так, известный историк этого периода Радев уверяет, что если и было два течения: «непримирими» — противники Берлинского договора и «умеренны» — сторонники примирения с ним — то и те и другие были истинными патриотами и расходились лишь в выборе лучших путей для спасения своей

---

[1] Тичксу № 53, (1878), стр. 113, № 113/3, Кальверт Лайарду, 21/VIII 1878 г.

[2] Там же, стр. 114.

родины. Такую же точку зрения разделяет и другой авторитетный буржуазный историк Иречек[1].

Каково было действительное отношение различных классов болгарского общества к берлинским решениям?

Еще в ходе русско-турецкой войны начался аграрный переворот, который с особой силой развернулся весной 1878 года, после победы России. Сущностью его была ликвидация турецкого феодального землевладения. Болгарские крестьяне захватывали земли поголовно бежавших турецких беков — крупных землевладельцев, явочным путем аннулировали все феодальные обязанности и повинности.

Болгарскому крестьянству русско-турецкая война принесла и национальную свободу и землю[2].

Вот почему решения Берлинского договора с наибольшей силой **обрушивались** на болгарское крестьянство — на крестьян, отошедших обратно под прямую власть султана юго-западных районов Болгарии, где продолжал господствовать турецкий режим и крепостничество, на крестьянство В. Румелии, для которого «автономия» означала потерю захваченных ими турецких земель, кровавое отмщение турок за эти захваты, восстановление режима национального и феодального гнета.

Берлинский договор, берущий под свою защиту феодальные права турецких земельных собственников и турецкого государства, которое считало себя юридическим собственником всех крестьянских земель, затрагивал самым существенным образом интересы и крестьянства Северной Болгарии.

Эти причины сделали болгарское крестьянство решительным противником Берлинского договора и непримиримым борцом за завершение национального освобождения.

Вместе с крестьянством выступала и революционно-демократическая городская буржуазия, главным образом, мелкая и средняя. Расчленение Болгарии наносило жестокий удар как южно-болгарской, так и северо-болгарской торгово-промышленной буржуазии, связанной с внутренним рынком, ибо оно рвало естественно сложившиеся экономические связи между северными и южными районами Болгарии, воздвигая между ними таможенный барьер.

---

[1] Радев С., Строителите на съвременна България, София, 1910, т. 1, стр. 14—15.

Иречек К., Княжество България, 1898, стр. 409.

[2] Об аграрном перевороте см. Левинтов Н., Аграрный переворот в Болгарии в 1877—1879 гг. «Вопросы истории», 1951, № 12, стр. 55—76.

Южно-болгарская мелкая буржуазия, кроме того, оставалась попрежнему беззащитной перед лицом иностранной конкуренции, спасение от которой она искала в «своем» национальном рынке, огражденном государственными границами. Берлинский договор не приносил и коренного улучшения в политическом положении этой части буржуазии.

Решительным противником Берлинского договора выступил пролетариат, бывший активным борцом за независимость и свободу Болгарии на всех этапах национально-освободительного движения. Таким образом, класс наемных рабочих, крестьянство и революционно-демократическая часть буржуазии, то есть те, кто составлял революционный лагерь накануне Освобождения, те, кто выступал в апрельском восстании 1876 г., те, кто являлся главным союзником русского народа в войне 1877—1878 годов были и теперь кровно заинтересованы экономически и политически в полном освобождении от национального гнета, в решительной ликвидации турецкого феодального режима, в создании национального единого государства. Это обусловливало их активно-непримиримое отношение к Берлинскому трактату, их решимость бороться против него с оружием в руках.

Антиреволюционный лагерь чорбаджийства[1] и либеральной буржуазии, создавшийся в ходе вызревания буржуазной национально-освободительной революции, в целом не имел оснований быть недовольным берлинскими решениями. В экономическом отношении они оставляли в его распоряжении рынки турецкой империи, а в политическом — дарованная в Берлине автономия В. Румелии даже превышала ту половинчатую программу национально-культурной автономии, под знаменем которой он боролся против полного освобождения Болгарии.

Однако для понимания отношения различных классов к Берлинскому договору надо иметь в виду, что в порядок дня стала не только задача борьбы за завершение дела национального освобождения, но и задача создания болгарского

---

[1] Чорбаджийство — собирательное название тех классовых слоев и групп болгарского общества, которые были экономически и политически кровно связаны с системой турецкого национального и феодального угнетения. В состав чорбаджийства входили болгарские крупные землевладельцы-чифликчии, ростовщическая (городская и сельская) и крупно-торговая часть болгарской буржуазии, высшее духовенство, болгары-чиновники, работавшие в турецком государственном аппарате. Чорбаджийство было прямой опорой турецкого режима среди болгар.

государства. В порядок дня стала новая проблема — проблема борьбы за власть во вновь создающемся государстве. Это переплетение двух различных не совпадающих направлений борьбы делает особенно сложным изучение данного периода и, наоборот, оно чрезвычайно облегчает буржуазным историкам выполнение их апологетической задачи затушевывания предательской роли либеральной буржуазии в этот период.

Необходимо со всей силой подчеркнуть то, упорно скрываемое буржуазной историографией, важнейшее обстоятельство, что либерально-чорбаджийский лагерь, начиная с того момента, как определилась победа русского оружия, посвящает себя целиком борьбе за завоевание командных позиций в новом государстве и не изменяет этой линии и после Берлинского конгресса, нимало не заботясь о национальной независимости. Еще грохотали орудия под Константинополем, а идеологи чорбаджийского лагеря уже составляли планы захвата государственной власти в свои руки. Сошлемся в этой связи на ценные признания двух виднейших деятелей этого лагеря — Марка Балабанова и Тодора Икономова.

В своих записках М. Балабанов с фальшивым удивлением отмечает чрезвычайно любопытное явление: вопреки всеобщему ликованию, царившему в Болгарии в феврале—марте 1878 года, когда еще торжествовали Сан-Стефанские идеалы, Тодор Икономов, с которым Балабанов вел постоянную переписку, находился в крайне озабоченном, тревожном и даже подавленном настроении. «Не знаю точно, как и почему, — лицемерно удивляется Балабанов, — но этот одно время самонадеянный, нестеснительный, беззаботный вольнодумец в церковных делах, в письмах ко мне представляется впавшим в уныние, в мрачную меланхолию, в отчаянный пессимизм, вопреки тому, что Болгария воскресала»[1]. Что почва этого «отчаянного пессимизма» не личная, а общественно-социального порядка, подчеркивается самим Балабановым, сообщающим, что письма Икономова «проникнуты беспокойством и заботой или о действующем в то время русском гражданском управлении или о будущем устройстве освобожденной или освобождаемой Болгарии»[2].

---

[1] Балабанов М. Д., Преди първото учредитерно събрания в Търново и преди избрането на първия български княз. Пер. спис., кн. 68, 9—10 (1907), стр. 663.

[2] Там же, стр. 662.

Объяснение столь необычайного настроения Икономова в момент, когда весь болгарский народ испытывал громадный подъем духа, бодрости и энтузиазма, находим в его мемуарах. Как раз в эти дни, в начале февраля 1878 г., он имел случайную встречу с С. Миларовым, ближайшим сподвижником Славейкова, весьма энергичным представителем крайнего левого фланга либералов. Встреча эта произвела чрезвычайное впечатление на Икономова. Предоставим слово ему самому. Миларов «мне рассказал, — записывает в своем дневнике Икономов, — что в Сливене и в других городах, где он бывал, он пытался образовать дружества и сговориться с молодыми с намерением не только отстраняться от общих дел с более старыми людьми, принимавшими участие в этих делах при турках, но и преследовать и чернить их самым беспощадным образом. Он мне прочел и приготовленный устав этих карбонарских обществ. Прямо говоря, я испугался исключительной жестокости этих правил. Они передавали общие дела и будущее управление Болгарии в руки неопытной и увлекающейся молодежи и не обещали ничего хорошего ни для устройства Болгарии, ни для спокойствия граждан. Не входя в подробное рассмотрение этих правил, — отмечает Икономов, — я заметил Миларову, что наше отечество не может обойтись без опыта более пожилых и служилых людей... и поспешил отделаться от него»[1].

Из сообщения Балабанова и из приведенной выше записи Икономова ясно вырисовывается реакция чорбаджийства на победу России, на освобождение Болгарии. Два главных чувства вызывал в чорбаджийстве крах турецкого ига — страх перед расправой с ним за прежнюю верную службу турецким угнетателям и тревога за свои классовые позиции, за место в новом государстве. Страх перед народной расправой был тем реальнее, что у антиреволюционного лагеря были основания опасаться грозных всходов посевов, произведенных Левским и Ботевым, звавших вешать на одном дереве турецких и болгарских угнетателей.

Герои апрельского восстания 1876 г. и их дело не пропало бесследно. Нам, например, удалось обнаружить документы, свидетельствующие о деятельности одного из участников апрельского восстания во время русско-турецкой войны. В марте 1878 г. Свищевский военно-полевой суд рассматривал дело о «разбойничьей шайке», действовавшей в июне—июле 1877 г. в

[1] Т. Икономов. Съчинения, т. IV, Шумен, 1897, стр. 92.

Систовском и Тырновских округах. Внимательное рассмотрение материалов, имеющихся в судебном деле, показывает, что здесь было гораздо более сложное явление, чем то, что царский суд назвал «разбойничьей шайкой». Необычаен уже состав этой «шайки»: в нее входит священник Харизанов, участник героической обороны Дряновского монастыря во время апрельского восстания 1876 г., успевший избегнуть турецкой расправы, служивший затем в сербской армии и вернувшийся в Болгарию вместе с русскими войсками[1]. В нее входили ополченцы болгарских дружин И. Гицов и Стоянов, писарь Поп Христов, учитель Георгий Попрадев и несколько мелких лавочников[2]. Эта «шайка» имела строгую организацию: начальника Гицова, казначея Харизанова, писаря Попрадева. Она имела свое знамя трех цветов (красный, синий, белый) с белым крестом и байрактора — знаменосца[3].

Таким образом, перед нами не разбойничья шайка, а правильно организованная, в соответствии с революционными традициями, чета. Характер деятельности этой четы, несмотря на то, что к ней примыкали и некоторые случайные элементы, не оставляет сомнения — это классовая расправа с предателями революции.

На суде Харизанов показал, что он помогал Гицову открывать «злых людей»[4]. Кто же были эти «злые люди?». В следственных материалах встречаются такие указания. В селе Тенчо «Гицов приставил к горлу Николова (сельского чорбаджия) тесак, допрашивал его, у кого есть деньги, а Харизанов пытался узнать, кто его выдал год тому назад туркам, как члена тайного комитета для восстания болгар»[5].

В селе Патреш житель Трифонов был избит за то, что в 1876 г. по его указанию турки нашли и убили в лесу одного болгарина[6]. Житель того же села Хаджи Величко был бит «за то, что будто бы предавал болгар, но в дальнейшем оказалось, что это не тот Хаджи Величко и его отпустили»[7].

Но не только непосредственные предатели, выдававшие восставших, были объектом мести. Чета вершила более широ-

---

[1] ЦГВИА (Ленинград), ф. 540 (военно-судные дела), оп. № 3, г. 1878, сб. 35, д. 2276, № 64.

[2] Там же, л. 25.

[3] Там же, л. 21.

[4] Там же, л. 65.

[5] Там же, л. 30.

[6] Там же, л. 41.

[7] Там же, л. 42.

кую классовую расправу. Именно так ее расценивали крестьяне села Патреш, жаловавшиеся Гицову на богача Конова, притесняющего их[1], крестьянин села Недан, с помощью четников получивший обратно отнятую у него турецкими ростовщиками за долг корову, да еще с 3 телятами впридачу[2].

Из отдельных штрихов, таким образом, вырисовывается картина классовой борьбы, когда, действительно, турецких и болгарских угнетателей вешали на одно дерево[3]. Поэтому понятна та мечта антиреволюционного лагеря о «железной руке», с которой мы встречаемся в заметке некоего Стойкова, представителя чорбаджийских кругов болгарской колонии в Бухаресте.

«Нам нужно долгое время железная рука подобная той, как у князя Черкасского. Наш народ немножко испортился под разрушительным влиянием турецкого ига. Иной раз нужно употребить силу, иной — словесную строгость, а иногда и нагайку»[4].

«Железная рука» и «нагайка» — это довольно точное выражение желаний испуганного революционным подъемом чорбаджийско-либерального лагеря.

Наряду с ненавистью к революции и страхом перед народом, объединявшим этот лагерь, внутри этого лагеря после победы России и освобождения Болгарии, возникло острое соперничество в борьбе за руководящую роль во вновь создаваемом государстве. Об этой-то борьбе свидетельствуют планы С. Миларова, откровенно изложенные им Икономову. При этом позиции либералов оказались сильнее, чем позиции чорбаджийства.

Схватка за власть, за руководящие позиции в новом государстве, а не завершение национального освобождения, занимала ум и сердце либералов и чорбаджиев.

«Я оставил его (Миларова, — **Н. Л.**), пишет в том же дневнике Икономов, — с внутренним намерением противодействовать этим гибельным планам»[5].

Реализация этого «внутреннего намерения» последовала

---

[1] ЦГВИА (Ленинград), ф. 540, (военно-судные дела), оп. № 3, г. 1873, сб. 35, д. 22—76, № 64, л. 45.

[2] Там же, л. 41.

[3] О классовом характере отрядов болгарских ополченцев см. В. Конобеев. «Русско-болгарское боевое содружество в войне 1877—1878 годов». «Вопросы истории», 1951, № 10, стр. 58—60.

[4] «Новое время», 8 (20 марта), 1878, Курсив наш.—**Н. Л.**

[5] Икономов, Т., цит. соч., стр. 92.

незамедлительно. В письме к М. Балабанову от 5/II—1878 г. Икономов развивает целую программу борьбы за власть.

Главная идея Икономова заключается в том, чтобы, не обращая внимания на дело национального освобождения, сконцентрировать все силы, всё внимание только на одном вопросе — организации будущего государства. «Вопросы внутреннего устройства Болгарии, — пишет он, — также, если не более важны, чем вопросы внешней независимости... Я не верю, что у нас уже уяснён самый основной вопрос будущего самоуправления — вопрос о форме и образе правления. Но неужели, — восклицает он, — подобные вопросы не стоят труда и решение их можно предоставить делу случая. Неужели, — взывает он, — для нас не важно будущее политическое и гражданское устройство отечества нашего»...[1].

И далее Икономов развивает программу практических действий. Он предлагает «более достойным мужам» быть свободными и полностью готовыми приняться за предстоящую работу. Они должны быть постоянно между собою в соглашении и не пропускать ни одного случая без освещения, без истолкования. Большинство предстоящих вопросов должно быть ими не только определено и поставлено. но должно иметь готовое решение и не только для конференции (Икономов в виду имел Европейскую конференцию по утверждению Сан-Стефанского договора. — **Н. Л.**), на которую мы не видим большой необходимости посылать болгар..., но и для самих нас, для русского правительства, которое не может не обратиться к болгарам с различными предложениями по вопросу о будущем устройстве нашего отечества».

Итак, «достойные мужи», представители чорбаджийства, призывались организоваться, взять на себя обработку общественного мнения за границей и внутри страны, показать свою опытность, показать, что они единственно компетентные лица во всех без исключения вопросах будущего государственного устройства, без которых нельзя обойтись.

Нельзя отказать автору этой программы в дальновидности и реальной оценке положения вещей. Сознавая шаткость своих классовых позиций, он решил противопоставить многочисленным буржуазным либералам силу организованности, знаний, государственной и административной опытности.

Идеи и программа действий, высказанные Икономовым в

---

[1] Балабанов М., цит соч., стр. 652.

письме к Балабанову, не были его индивидуальным мнением, а правильно выражали классовые интересы чорбаджийства. Его призывы к сосредоточению сил на вопросе о будущем государственном устройстве нашли горячий отклик у чорбаджийства. Балабанов указывает, что этот вопрос еще в ходе войны был предметом постоянного обсуждения на случайных и не случайных встречах и собраниях. На подобных встречах в его доме в Свищеве (Систове) бывали Н. Геров, М. Дринов, Станищев, Т. Бурмов, Хр. Стоянов, Д. Аниев — видные деятели чорбаджийского лагеря[1].

Расчеты лидеров чорбаджийства имели известные основания. Именно к ним и обратились русские оккупационные власти осенью 1878 г. с вопросами по поводу будущего государственного устройства Болгарии[2]. Они уже были готовы к этому. Подавляющее большинство ответов сводилось к настоятельному требованию создать антидемократическую конституцию с двумя палатами, закрепляющую господство чорбаджийства[3].

---

[1] Балабанов М., цит. соч., стр. 650.

[2] Кроме опубликованных у Овсяного (в «Сборнике материалов по гражданскому управлению в Болгарии в 1877—78—79 гг.», изд. Военно-исторической комиссии главного штаба, под ред. Р. Овсяного, вып. 6-й) шестнадцати ответов на запрос русских оккупационных властей, было послано еще одиннадцать запросов, в том числе группе южно-болгарских деятелей — Гешову, Начевичу, Искрову, Стоилову (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8765, лл. 11—12). Ответы этой группы болгар пока еще не обнаружены, но в том, что они были настроены так же антидемократически, как и другие представители чорбаджийства, сомневаться нельзя: об этом наглядно свидетельствует их яростная борьба в Тырновском учредительном собрании против попыток демократизировать проект конституции.

[3] В свете приведенных выше фактов можно по достоинству оценить утверждение Э. Гримма и Н. Станева по поводу ответов болгар о характере будущего государственного устройства. Гримм утверждает, что предложение высказаться по этой проблеме оказалось неожиданностью для болгар, то есть для Икономова, Бурмова, Балабанова и др. и вызвало у них растерянность (см. Э. Гримм «История и идейные основы проекта органического устава, внесенного в Тырновское учредительное собрание; Годишник на Соф. университет, III, Юр. фак., XVIII, 1922, стр. 158). Смысл этого утверждения заключается в стремлении затушевать борьбу, ведущуюся за овладение государством. Еще дальше по пути фальсификации идет Станев. Нимало не смущаясь тем, что антидемократическое содержание большинства ответов хорошо известно после публикаций Овсяного, Станев пишет: «Итак, на вопрос, какая конституция отвечала бы народному чувству о праве, об общем и частном благосостоянии — ответ был один: демократическая. Так ответили почти все молодые болгары, которые были предварительно запрошены». Н. Станев, История на Нова Болгария», 1878—1927, София, 1929, стр. 8.

Так видный буржуазный историк не останавливается перед созна-

Ближайшим практическим шагом чорбаджиев и либералов было проникновение их в аппарат русского оккупационного управления. Примерно в то же время, когда Икономов формулировал свою программу, целая группа болгар, занимавшая видные посты в турецкой администрации, во главе с известнейшим врагом национально-освободительного движения Хаджи И. Пенчевичем, предлагает свои услуги русскому гражданскому управлению, «желая, — как пишет Пенчевич в своем прошении, — и впредь быть полезным своему отечеству»[1].

В числе «горячо желающих послужить своему отечеству» находится и И. Найденов, бывший редактор и издатель турко-фильских и антиреволюционных газет «Право» и «Напредок»[2], и Ник. Михайловский, крупнейший турецкий чиновник-советник при совете министров с 1868 г.[3], и Величко Пенчев, служивший директором паспортного отдела при областном управлении в г. Рущуке(Русе), и Т. Марков, инженер при том же управлении[4], и президент коммерческого суда Н. Неделков и многие другие, бывшие чиновники турецкого государственного аппарата, предлагающие свой опыт и знания.

Необходимо отметить, что как заведующий гражданскими делами при главнокомандующем князь Черкасский, так и заменивший его российский императорский комиссар в Болгарии князь Дондуков-Корсаков не только шли навстречу этому стремлению, но сами старались подбирать кадры государственного аппарата именно из этой категории «служилых» и «благоразумных» болгар. Еще в самом начале русско-турецкой войны в мае 1877 г. одесское болгарское настоятельство в ответ на запрос Черкасского выслало ему два списка: «болгары, известные членам настоятельства по своей благонадежности» и «лица, занимающие известное положение в Болгарии, но вредные по своему направлению». В первом списке, содержащем 63 фамилии, вниманию Черкасского рекомен-

---

тельной фальсификацией для того, чтобы скрыть истинную позицию чорбаджийства.

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. № 8802, л. 1, прошение Х. И. Пенчевича ген. Анучину от 6.III.1878.

[2] Там же, л. 78; газета «Право» выходила в Константинополе с 1869 г. по 1874 г., с 1874 г. после 6-месячного перерыва начала выходить под наз. «Напредок». В ней сотрудничали С. Бобчев, С. Миларов, Н. Михайловский, М. Балабанов и другие.

[3] Там же, л. 5.

[4] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8802, лл. 2—4.

дуются испытанные деятели контрреволюционного чорбаджийско-либерального лагеря. Здесь Гешовы, Т. Искров, (член администр. совета в Пловдиве), Цока Каблешков, пловдивский чифликчий и т. п.

В январе 1878 г. по поручению Черкасского же бывший русский вице-консул в Пловдиве Н. Геров составил список «лиц из Филиппопольских болгар, которые находятся в Константинополе и которых надо вытребовать оттуда». В числе этих лиц, предназначенных «послужить при введении нового управления в Филиппопольском санджаке», указаны И. Груев, Т. Кесяков (быв. член администр. совета), Георги Стоян Чалоглу (член госуд. совета), Ст. Каблешков (бывш. член. адм. совета), Ф. Власков (бывш. член судебного совета), Георги Волкович Чалики (медик, бывш. личный врач Решид-паши) и т. д.

При благосклонном содействии русского оккупационного управления деятели чорбаджийско-либерального лагеря занимали места в системе создающегося государственного аппарата, готовясь принять бразды правления после окончания назначенного в Берлине 9-месячного срока оккупации.

Чрезвычайно показательно, что в ходе подготовки к овладению командными постами в государственном аппарате, либералы и открытые крепостники, нимало не стесняясь, отреклись от своего главного идейного оружия в прошлом — криков о решающей силе просвещения, которыми они в течение десятилетий отвлекали болгарский народ от революционного дела.

Очень рельефно сформулировал это новое отношение к роли просвещения видный представитель реакционного лагеря Г. Начевич в апреле 1878 г., руководивший в то время курсами русского языка, готовящими чиновников для нужд администрации. В беседе с двумя учителями Начевым и Илиевым, предлагая им поступить на курсы, Начевич сказал: «Слушайте, господа, мы должны прежде всего взять в руки все управление Болгарии от наших освободителей, а после будем иметь время заботиться и о просвещении»[1].

Итак, прежде всего взять управление в свои руки, а просвещение потом[2].

---

[1] А. Илиев, Спомени, София, 1926, стр. 201.

[2] Но и потом, когда власть перешла в руки бывших «просветителей», они самым решительным образом отреклись от своих прошлых утверждений о решающей роли просвещения. Так, уже известный нам С. Миларов,

Эта точка зрения нашла столь быстрое и широкое распространение, что болгарские школы к началу учебного года в 1878 г. остались без педагогов, которые предпочли переквалифицироваться в чиновников[1].

Массовая тяга к государственной службе, охватившая известные слои болгарского общества сразу после освобождения, отмечалась буржуазными историками. Так, Б. Пенев пишет о «страсти к чиновничеству», которая охватила болгарскую интеллигенцию еще во время оккупации русских». И подготовленные и неподготовленные, — пишет он, — домогались государственной службы. Эта страсть отразилась также на торговле и промышленности. Не очень зажиточный торговец предпочитал быть государственным служащим..., а ремесленник бросал свою работу, не дававшую ему обеспеченного дохода и поступал рассыльным или сторожем»[2].

Как всегда, буржуазный историк говорит лишь половину правды, а другую половину правды об источниках «страсти к чиновничеству» вскрывает сухой официальный документ — доклад высшего контрольного финансового органа — Верховной счетной палаты, опубликованный в 1883 году, но охватывающий и интересующий нас период 1878—1879 годов.

Правда же эта заключается в том, что государственная служба для одних являлась источником существования, а

в своей газете «Български лев», возражая духовенству, претендующему на первое место, писал: «Все признают, что мы имеем более важные дела, которые требуется устроить: 1) сохранение имущества и чести от похитителей..., то есть полиция, 2) провосудие, 3) администрация, 4) финансы, 5) установление главных направлений внутренней и внешней политики княжества. Устройство церковных дел, с реальной точки зрения идет наряду с устройством училищ («Българский лев», 1879, № 5, 10.IV — ЦГИАЛ, ф. 932, оп. 1, д. 63, л. 166).

Так, бывший «просветитель», ныне, став у власти, отводит первое место тому, что он так долго «игнорировал» — полиции, тюрьме, судам, то есть аппарату принуждения. Буржуазные историки избегают, между прочим, указывать на эту сторону деятельности бывших «просветителей», столь ярко показывающую истинную их политическую физиономию.

[1] В рапорте Раховского окружного начальства (осень 1878 г.) говорится, что положение школ изменилось к худшему, ибо «те благородные патриоты, которые, получая самое скудное вознаграждение и часто рискуя жизнью, посвящали все свои силы и знания делу обучения народа, теперь нашли другое, более выгодное применение своей деятельности и почти все, оставив педагогическое поприще, переменили его на административную карьеру», Н. И. Ванков, Из архивата на Министерството на Народное Просвещение. София, 1905, стр. 31.

[2] Б. Пенев, Увод в българската литература след Освобождението, София, 1942, стр. 36.

для других — источником быстрого незаконного обогащения.

В докладе показано, какие громадные возможности для злоупотреблений и всякого рода темных комбинаций открывались в этот смутный период созидания нового государства[1].

Приведенные в докладе официальные материалы, свидетельствующие о том, что государственная служба с первых же дней открыла широчайшие возможности для незаконного быстрого обогащения, в достаточной степени объясняют и происхождение тяги к государственной службе и остроту борьбы, которая велась повсеместно, в городах, селах за эти места. При этом надо иметь в виду, что в период русской оккупации почти все государственные функции на местах лежали на выборных городских, окружных, околийских и сельских советах. Поэтому за эти выборные должности развертывалась решительная борьба между чорбаджийской верхушкой, между либеральной буржуазией и между мелкой буржуазией.

«В Сливене, — говорит об этом периоде Икономов, — население было разделено по старой ненависти, но под новыми формами»[2].

Этими новыми формами старой ненависти, характерными не только для одного Сливена, была борьба за место и роль в государственном аппарате.

Нельзя не привести один яркий и любопытный документ, отражающий борьбу на местах за преобладание в местных государственных органах. Речь идет о записках д-ра С. Юрданова, участника русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в качестве врача в румынской армии и выбранного в дальнейшем членом Тырновского учредительного собрания. Осенью 1878 г. Юрданов жил в небольшом городке Котел и, будучи избранным училищным настоятелем, столкнулся с деятельностью городского совета. Его краткие записки, опубликованные недавно, относятся к этому именно периоду и представляют собой либо памятную записку, либо конспект подготавливаемого выступления. Каждое слово его записки направлено против общинных советников («азаив»), кметов и чорбаджиев, захвативших власть в городке и использующих её в своих корыстных целях.

---

[1] Доклад от Върховната сметна палата до народного събрание. Соф., 1883, ЦГИАЛ, ф. 932, оп. 1, 1878, д. 57, л. 20.
[2] Икономов Т., цит. соч., стр. 123.

«Кметы (чорбаджии) захватили турецкую провизию, присвоили ее себе и продают. Продают и даже берут деньги от наших добродетелей и освободителей, которые пролили реки крови и отдали миллиарды за нашу свободу. И для какой же цели взяли несчастные эти деньги? для чорбаджийских сундуков»[1].

Он обрушивается на них за злоупотребления при распределении путевой повинности, за взяточничество в судах, за то, что «азаи» пробираются к власти обманным путем, фальсифицируя выборы.

«В одной махале (в данном случае район города.— **Н. Л.**), — негодует автор, — азаи между собой без населения выбрали одного в совет казы после того, как его уже забаллотировали в члены местного совета... Некоторые употребляют снова то лукавое, человекоубийственное и заразительное средство» — подкуп при выборах[2].

И. Юрданов негодующе пишет: «Если будут такие у нас азаи и волю их будут выполнять каймакамы — тяжело бедному болгарскому народу»[3].

Записка Юрданова отражает настроение демократически настроенной части болгарского народа. Она свидетельствует о том, что решительной схватке на Тырновском собрании в феврале—апреле 1879 г. предшествовал год борьбы на местах, в которой пробовались и накапливались силы для этого решительного боя[4].

Таким образом, борьба за овладение командными позициями в государстве сделалась главной и основной задачей чорбаджийско-либерального лагеря, расколовшегося именно по этому вопросу на две свои составные, враждующие между собой части. Для достижения своей цели, они пытались опереться и увлечь за собой народ, а это было нелегкой задачей: как одни, чорбаджии, так и другие, либералы, своей антире-

---

[1] Д. Минев, Котленски чорбаджии. Из архивата на Юрданов, София, 1941, стр. 4.

[2] Там же, стр. 4.

[3] Там же.

[4] Вот еще один пример. 30 граждан г. Систова в дек. 1878 г. обратились к русским властям с просьбой «заменить членов городского совета, т. к. они потеряли к ним всякое доверие и сомневаются в их честности и бескорыстности по ведению городского хозяйства, причем, полагают, что они допускают большой произвол в наложении новых налогов и штрафов без всяких оснований». ЦГИАЛ, ф. ВУА, д. 8765, л. 289.

волюционной национальной политикой в годы революционного подъема, апрельского восстания и русско-турецкой войны, заслужили недоверие, презрение и ненависть народа.

Процесс упадка авторитета «просветителей» среди болгарского народа начался уже давно. Так, уже в 1870 году русский консул в Измаиле в ответ на запрос министерства иностранных дел об успехах и влиянии болгар, воспитанных в России, отмечал резкое падение влияния ряда некогда авторитетных деятелей просветительства. Об известном деятеле 60—70-х годов Бурмове, например, он писал, что «влияние его столь блестящее во время его учительствования и доблестного ратования против западной пропаганды и фанариотского насильства — упало в последнее время, — голос его более не слышен»[1]. Еще более печально обстоит дело с влиянием другого видного деятеля просветительства И. Михайловского. Михайловский, «много времени учительствовавший с влиянием и успехом в Тырнове, в последнее время стал слепым орудием правительства в деле соединения болгарских училищ и турецких «медресе». Народная молва произнесла приговор, и он теперь едва ли не считается ренегатом»[2].

Общая оценка, данная консулом, что учителя «влияния на болгар теперь не имеют почти никакого»[3], совершенно правильно отразила тот факт, что с подъемом революционного движения антиреволюционная сущность проповедников мирного просветительства стала все более проявляться, в связи с чем авторитет их стал быстро падать. Позиция чорбаджийско-либерального лагеря во время апрельского восстания еще более ослабила влияние этого лагеря в болгарском народе и они вступили в новый этап истории освобожденной Болгарии с репутацией предателей народных интересов. На это обстоятельство, не в малой степени усложнявшее поиски соответствующей классовой опоры внутри Болгарии для проведения русской политики, ссылается главный проводник ее — императорский комиссар Дондуков-Корсаков, как на один из источников вынужденной противоречивости этой политики.

«И в Сан-Стефанском договоре и в инструкциях императорского правительства и в Берлинском трактате, — пишет Дондуков, — неоднократно упоминается о болгарских нота-

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8799, Донесение от 6.III.1870, л. 125.
[2] Там же, л. 125.
[3] Там же, л. 123.

блях, как о чем-то таком, на что власть будущего болгарского правительства может опираться. Ближайшее ознакомление с сими **лучшими** людьми привело, однако, к заключению, что предположение о таковом их значении в стране, более чем преувеличено»[1]. И Дондуков дает следующую характеристику духовенству, зажиточному классу и интеллигенции болгарской, которые подразумевались под понятием «лучшие люди».

«Хотя духовенство и сослужило великую службу Болгарии, значение его в глазах народа совершенно упало, еще свежи были у него воспоминания, когда болгарские архиереи дружили с турецкими пашами.

Еще меньшим влиянием пользуется зажиточный класс, так называемые чорбаджии..., репутация чорбаджиев так некрасива, что болгарин, связывающий свои интересы с чорбаджийскими, становится ненавидим народом»[2].

Такую же оценку степени влияния в народе получает и интеллигенция. Эта характеристика удельного веса чорбаджийского лагеря, данная Дондуковым, хотя и несколько лет спустя, заслуживает самого серьезного внимания. Она раскрывает нам значение подготовки революции и апрельского восстания для соотношения классовых сил, которое и определило в конечном итоге степень демократичности Тырновской конституции. Важнейшим результатом апрельского восстания было почти полное политическое разоблачение чорбаджийско-либерального лагеря, как врагов национального освобождения, предателей народа.

Потеря влияния и авторитета в народе, репутация народных предателей заставляла чорбаджиев и либералов маскировать свои истинные цели и намерения. Свою несомненно антинациональную политику, своё сочувствие берлинским решениям, свой страх перед народным национально-освободительным движением они маскируют патриотической фразой.

Более того, ввиду несомненного всеобщего подъема национально-освободительного движения они делают попытку овладеть этим движением и таким образом решить сразу несколько задач: прослыть горячими поборниками национального дела и заработать себе на этом политический капитал, направить движение по мирному приемлемому для них руслу и не допустить перерастания национальной борьбы в борьбу классовую.

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 932, оп. 1, г. 1886, д. 60, л. 41.
[2] Там же, лл. 42—43.

Таким образом, расстановка классовых сил, переплет классовых интересов, в обстановке, созданной берлинскими решениями, были чрезвычайно сложными. С одной стороны, выступают крестьяне, мелкая буржуазия и наемные рабочие, готовые беззаветно бороться за завершение дела национального освобождения.

С другой — либералы и чорбаджийство, боявшиеся, чтобы развертывание национальной борьбы не привело к развертыванию классовой борьбы. Экономически не задетые Берлинским договором, они готовы были полностью принять его, но в целях обуздания народного движения и восстановления потерянного, благодаря цепи предательств, политического веса, — примкнули к национальному движению.

В свете приведенных выше материалов можно по достоинству оценить рассуждения буржуазных историков о «едином потоке», о «едином хоре возмущения» берлинскими решениями. Голоса чорбаджиев и либералов в этом хоре звучали чрезвычайно громко, но это были фальшивые голоса.

Таким образом, в борьбе против Берлинского договора выступили различные классы с различными целями. Внутренняя история борьбы за национальную свободу на этом этапе есть история борьбы 2 течений — борьбы крестьянства, пролетариата, мелкой буржуазии, готовых к решительному вооруженному сопротивлению берлинскому диктату, — с либерально-чорбаджийской верхушкой, примкнувшей к этой борьбе ради комбинаций в борьбе за власть в новом государстве, ради обуздания размаха классовой борьбы.

НИКОЛЬСКИЙ Н. М.
кандидат филологических наук

РУССКИЙ ЯЗЫК В ТАТАРСКОЙ ШКОЛЕ

ИЗУЧЕНИЕ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Гениальные труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, разоблачившие антимарксистскую сущность так называемого «нового учения о языке», основоположником которого является Н. Я. Марр, и разрешившие в духе марксистско-ленинского учения важнейшие вопросы советского языкознания, открыли широчайшие перспективы для плодотворной научной работы в области языковедения и правильной постановки преподавания русского языка в начальной и средней школе. Только руководствуясь основополагающими трудами И. В. Сталина по вопросам языкознания, можно разрешить надлежащим образом насущные вопросы преподавания русского языка и в нерусской школе.

Псевдомарксистские идеи «нового учения о языке» проникли не только в русскую школу, но и нерусскую; они проникли как в практику, так и в методику преподавания русского и родного языков.

Позволю себе процитировать одно место из статьи Л. И. Базилевича «Вопросы методики преподавания русского и родного языка в нерусской школе»: «Желательно в дальнейшем уделять больше внимания теоретическим основам методики русского языка в нерусских средних школах, общеметодологическим проблемам, связанным с практикой его преподавания, и неизмеримо больше использовать огромное лингвистическое наследство акад. Н. Я. Марра в осознании и обосновании методики преподавания русского и родного языков в нерусской школе»[1].

---

[1] «Русский язык в школе», 1949, № 5, стр. 63, «Критика и библиография».

И. В. Сталин в своей работе «Относительно марксизма в языкознании», в разделе «Каковы характерные признаки языка?», об основах языка пишет: «...грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»[1]. Он указывает, что между словарным составом языка и его грамматикой существуют определенные отношения. Словарный состав, взятый сам по себе, языка не составляет. Он получает, однако, величайшее значение, когда поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов и соединения слов в предложения.

«Грамматика (морфология, синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Следовательно, именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку»[2].

Задача нерусской школы в отношении преподавания русского языка заключается в том, чтобы дать учащимся возможность овладеть русским языком, как своим вторым родным языком. Если для полного и сознательного использования родного языка в целях общения нужно овладеть словарными богатствами его и грамматикой, то и для полного и сознательного овладения русским языком в целях общения необходимо овладение его словарными богатствами и грамматикой. Поэтому теоретическое и практическое изучение словарного состава и грамматики русского языка в нерусской, в частности татарской, школе совершенно необходимо. Следовательно, основной задачей изучения русского языка учащимися татарской школы следует считать изучение фонетики, морфологии и синтаксиса русского языка и его словарного состава.

В преподавании русского языка в татарской школе важно учесть роль родного языка учащихся. При решении вопроса о роли родного языка в преподавании русского языка в татарской школе надо принять во внимание значение родного языка в развитии учащихся. И. В. Сталин писал в 1929 г., отвечая на письма тт. Мешкова, Ковальчука и др., о роли родного языка в культурном развитии масс: «...миллионные массы народа могут преуспевать в деле культурного, политического

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 26. Страницы произведений И. В. Сталина по вопросам языкознания в дальнейшем будут цитироваться по этому изданию.

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23—24.

и хозяйственного развития только на родном, на национальном языке». Поэтому, — писал тогда И. В. Сталин, — для культурного развития нашей страны необходимо (в числе других мероприятий) создать богатую сеть школ на **родном языке,** снабдить их кадрами преподавателей, владеющих родным языком, развернуть прессу, театры, кино и другие культурные учреждения **на родном языке**[1].

Посредство родного языка в преподавании русского языка в школе является не только желательным, но и необходимым. Только успешно овладевая родным языком, его словарными богатствами и грамматикой, учащиеся успешно будут овладевать и русским языком.

Поэтому совершенно необходимо, чтобы учитель русского языка в нерусской школе владел родным языком учащихся, чтобы между учителями родного и русского языка были осуществлены необходимый постоянный деловой контакт и взаимопомощь. Долголетний преподавательский опыт автора настоящей статьи неоднократно убеждал его в целесообразности использования родного языка учащихся в преподавании русского языка.

«Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления», — учит И. В. Сталин[2]. Она, являясь наукой об основах языка, имеет громадное познавательное значение для учащихся, оказывает влияние на развитие их мышления, учит их размышлять над изучаемыми языковыми явлениями, сравнивать, сопоставлять их, делать выводы из этих сопоставлений. Этой чертой грамматики следует воспользоваться при изучении грамматики родного и русского языков. Изучая русский язык, учащиеся могут сравнивать, сопоставлять явления родного и русского языков, чтобы понимать, в каком отношении они находятся друг к другу. Они должны уметь находить в явлениях языка элементы сходства и различия, разграничивать их, чтобы правильно использовать их в речи. Такое сравнение не только целесообразно, но и вполне возможно, так как изучение родного языка в нерусских школах обычно начинается раньше изучения русского.

Задача учителя русского языка состоит в том, чтобы найти правильное соотношение между родным языком учащихся и изучаемым ими русским языком, умело направить в процес-

---

[1] И. Сталин, Сочинения т. 11, стр. 355.

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

се изучения русского языка усилия учащихся на путь указанных сопоставлений, не обременяя учащихся излишними материалами и непосильными работами, не превращая уроков русского языка в уроки родного и наоборот. Учителю русского языка следует хорошо знать особенности русского и родного языков учащихся, чтобы осуществить возможность использования языковых параллелей и тем обеспечить учащимся усвоение русского языка.

Настоящая статья представляет собой попытку изложения хода занятий по грамматике русского языка в начальной татарской школе на основе учета особенностей русского и татарского языков. Темой статьи автор взял имя существительное — такую часть речи, работа над которой проходит через весь школьный курс.

Изучение имени существительного русского языка в татарской средней школе можно разделить на три периода:

1) изучение имени существительного в начальной школе (I—IV классы), 2) в V и 3) в VIII классе средней школы.

В настоящей статье автор ограничивается изложением методики изучения имени существительного в начальных классах татарской средней школы.

В русском языке характерными чертами имени существительного, как части речи, являются его смысловые и грамматические признаки — морфологические и синтаксические.

Имя существительное в русском языке означает название предмета (в широком смысле этого слова) и отвечает на логические вопросы **кто?** и **что?**

В морфологическом отношении характерной особенностью его является изменение по падежам (склонение) в единственном и множественном числе. Наряду с этим имена существительные обнаруживают морфологически и синтаксически принадлежность к одному из грамматических родов — мужскому, женскому или среднему. Имя существительное в русском языке имеет свою, присущую ему систему суффиксального словообразования (например, извоз-**чик**, чита-**тель**, учен-**ица**, учитель-**ство** и т. д.). Известная часть имен существительных представляет собою сложные сокращенные слова (например, сельсовет, горком, МТС и др.); некоторые из имен существительных являются перешедшими в категорию существительных именами прилагательными и причастиями (например, больной, знакомый, трудящийся, ученый).

В синтаксическом отношении имена существительные в русском языке функционируют как главные и второстепенные

члены предложения и могут в соответствующих синтаксических условиях определяться именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями и глаголами; сравнительно редко они определяются наречиями. В свою очередь имена существительные определяют имена и глаголы. В качестве второстепенных членов имена существительные или согласуются с определяемыми (в случае приложения), или управляются ими.

Имя существительное в татарском языке также обозначает название предмета в широком значении этого слова и отвечает на логические вопросы кем? (кто?) и нэрсэ (что?).

При этом, в отличие от русского языка, вопрос кем? (кто?) обозначает только людей, а не людей и животных, как в русском языке[1].

В татарском языке имя существительное изменяется по падежам, имеет формы грамматического числа, но не обнаруживает отношения ни к одному из грамматических родов, так как в татарском языке нет грамматической категории рода .

Система склонения имен существительных в татарском языке содержит 6 падежных форм, как и в русском; однако основные значения падежей в обоих языках в значительной степени различны.

В отношении падежных форм имени существительного татарский язык (агглютинативный по своему строю) имеет, по сравнению с русским (флективным) языком, ту особенность, что в нем эти формы по своему морфологическому облику очень несложны и сводятся к небольшому числу однообразных агглютинативных окончаний (кушымчалар), оформляющих падежи имен существительных как в единственном, так и во множественном числе. Эти своеобразные окончания — послелоги — разнятся между собою фонетически: одни из них представляют твердую, другие мягкую разновидность. Например, в направительном падеже (юнэлеш килеше) слова с твердой основой имеют окончание **га** (калага, урамга — в город, на улицу), с мягкой — **гэ** (белемгэ, илгэ — к знанию, в страну)[2]. Кроме этого, различаются глухая и звонкая разновидности окончаний в зависимости от звонкости или

---

[1] Грамматика русского языка, т. I, изд. АН СССР, 1952, стр. 395.

[2] Вследствие технических причин некоторые буквы татарского алфавита заменены буквами русского: ә—э, ң—н, ү—у, һ—х, ө—о, җ—ж,

глухости последнего согласного основы. (Например, в том же направительном падеже после глухого согласного основы используются окончания **ка, кэ** (фронтка — на фронт хезмэткэ — к труду), после гласного и звонкого согласного — **га, гэ** (см. примеры выше).

Весьма своеобразной чертой в морфологическом строении имен существительных в татарском языке являются их формы притяжательности, не имеющие соответствия в морфологическом строении форм имен существительных в русском языке.

Формы притяжательности имен существительных в татарском языке представляют сложные формы с аффиксами притяжательности 1, 2, 3 лица, присоединяемыми к имени существительному в той или иной падежной форме в целях или усиления притяжательного значения предшествующего существительному местоимения (минем улым — мой сын) или для усиления притяжательного значения предшествующей падежной формы имени существительного (например, аюнын энэ зур, тычканнын кечкенэ була — берлога у медведя большая, нора у мыши маленькая)[1].

В отличие от русского языка имена существительные татарского языка не употребляются с предлогами, так как категории предлога татарский язык не имеет. Роль, подобную той, которую выполняют предлоги русского языка, служащие своеобразной, впереди стоящей флексией имени существительного, в татарском языке выполняют так называемые послелоги (например, М. Горький халык дошманнары белэн корэштэ большевиклар партиясенэ зур ярдэм итте — М. Горький оказал большую помощь партии большевиков в борьбе с врагами народа)[2].

Подобно имени существительному в русском языке имя существительное татарского языка имеет свойственную ему систему суффиксального словообразования (например, эш—эшче — работа —рабочий, имэн—дуб, имэнлек—дубрава).

Синтаксические функции имен существительных в татарском языке те же, что и в русском: имена существительные в татарском языке бывают как в роли главных, так и второстепенных членов предложения. Например, эти газета укый —

---

[1] Пример заимствован из кн. проф. М. Курбангалиева и Р. Газизова «Опыт систематической грамматики татарского языка в сравнении с грамматикой русского языка», Казань, 1931, стр. 28.

[2] Пример заимствован из кн. «Грамота мэктэплэре очен элифба», проф. М. Фазлуллы, Татгосиздат, 1945, стр. 41.

отец читает газету (эти — подлежащее, газета — дополнение); Эхмэт урындыкта утыра — Ахмет сидит на стуле (удындыкта — обстоятельство места); Максим Горький бөек язучы — М. Горький знаменитый писатель (язучы — сказуемое); Шэхэр урамы — улица города (шэхэр — определение)[1].

Основные особенности имени существительного в русском и татарском языках для наглядности представляются в следующей сравнительной таблице:

Русский язык	**Татарский язык**

1. Имя существительное обозначает предмет в самом широком смысле этого слова.

2. В предложении служит в качестве главных и второстепенных членов.

3. Изменяется по падежам и имеет формы числа.

Русский язык	Татарский язык
4. Имена существительные относятся к одному из трех грамматических родов каждое.	4. Имена существительные не имеют грамматической категории рода.
5. Имени существительному свойственны 3 основных типа склонения с их разнообразными падежными формами.	5. Имя существительное имеет однотипное падежное изменение; формы падежей однообразны.

6. Имени существительному свойственно собственное суффиксальное словообразование.

Русский язык	Татарский язык
7. В выражении падежных значений участвуют предлоги[2].	7. В выражении падежных значений участвуют послелоги.
	8. Имеет особые формы притяжательности 1, 2, 3 лица.

---

[1] Примеры заимствованы из указанной кн. проф. М. Фазлуллы и «Татар теле дереслеге» проф. М. Х. Корбангалиева, Казан, 1945.

[2] Падежные значения, весьма разнообразные в обоих языках, частично совпадают, но в значительном числе случаев совпадения не наблюдается. Например, эта бумага белее снега — бу кэгазь кардан аграк. В данном предложении на русском языке сущ. «снега» поставлено в род. пад.; сущ. «кардан» в предложении на тат. языке стоит в исходном падеже, значение которого в этом случае совпадает с значением род. пад. в русском языке; но в предложениях «Я ударил **молотком**» и «Мин чукеч белэн суктым» понятие об орудии действия «молотком» в обоих языках выражено различными падежами, и значение русского творительного падежа не совпадает с значением основного падежа (баш килеш) в татарском языке. Понятие об орудии действия по-татарски выражено основным падежом с послелогом **белэн**.

Из сравнительного анализа основных особенностей имени существительного, как части речи, в русском и татарском языках следует, что в значительном количестве своих явлений данная часть в связном контексте в обоих языках представляет много сходного, и лишь в значительно меньшем числе своих явлений она имеет существенные различия. И если черты сходства между именем существительным в русском языке и именем существительным в татарском могут быть использованы учителем русского языка в татарской школе, как база при изучении этой части речи учащимися-татарами, то черты различия должны быть особо им учтены и продуманы в методическом отношении, как моменты, которые могут до известной степени затруднить изучение имени существительного. К преодолению этих затруднений учитель должен подготовлять учащихся заранее и постепенно.

* * *

В период подготовки к изучению русской грамоты учащиеся-татары знакомятся с именем существительным русского языка во время разговорных (лексических) уроков. Программой по русскому языку для 1 класса татарских школ предусматривается словарный запас новых[1] русских слов в количестве до 600. Программа определяет и качественный состав русского словаря учащихся. Он зависит от тематики бесед, содержания картин и текстов учебников для 1 класса — букваря и книги для чтения в послебукварный период. До занятия по букварю, в первые 24 часа лексических уроков по русскому языку, дети должны усвоить около 100—150 слов.

В последующее полугодие учащиеся должны приобрести еще около 450—500 слов путем чтения, заучивания наизусть, бесед с учителем[2].

Из указываемого программой запаса в 600 слов на русском языке до 50 проц. приходится на имена существительные, т. е. на слова, служащие названиями предметов, так как учащиеся в процессе разговорных уроков, бесед и чтения будут иметь дело, главным образом, с предметами и их назва-

---

[1] Некоторый запас русских слов дети приобретают обычно до школы, особенно в условиях жизни в городе.

[2] См. Программу по русскому языку для I—IV классов начальных, семилетних и средних татарских школ ТАССР. Татгосиздат, Казань, 1952.

ниями на русском языке. Никаких грамматических сведений, никакой русской грамматической терминологии в 1-м классе детям еще не сообщают, так как для занятий по грамматике русского языка учащиеся 1-го класса еще не приобрели надлежащей словарной базы. В этом классе они знакомятся с первоначальными элементарными сведениями только по грамматике родного языка. Усваиваемый учащимися лексический материал на русском языке не следует оставлять в их памяти мертвым багажом, он весь должен быть в составе их активного русского словаря. Учащихся нужно приучать пользоваться накопленным русским словарным запасом в практике своей устной речи на русском языке. Работа по развитию русской устной речи потребует от учеников 1-го класса татарской школы усвоения в порядке занятий по развитию речи некоторых грамматических форм, усвоения образцов простейших предложений на русском языке — сначала из одного слова, как ответ на вопрос (например, «Что это?» — «Окно»), затем из 2 слов (например, «Ученик встал», «Амина писала» и т. п.), затем из 3 слов (например, «Ученик рисует дом») и 4 слов, включая предлоги, и более.

Расширяя свой лексический запас на русском языке, учащиеся не только усвоят значительное количество имен существительных, как слов-названий, но и приучатся находить этим словам место в составе предложения (подлежащее, сказуемое, дополнение), связывать их с другими словами предложения (например, «Ученик сел», «Камер села на стул»).

Остановлюсь несколько подробнее на изложении хода работ по изучению имен существительных в 1 классе начальной татарской школы. Работы эти можно разделить на 2 периода: 1) период первоначального, или, как он назван в программе, «предварительного добукварного устного курса», и 2) период букварных и послебукварных занятий по русскому языку.

Ознакомившись с словарным запасом детей на русском языке, приобретенным ими в дошкольный период, учитель приступает к расширению этого запаса, сообщает учащимся новые слова-названия предметов и действий, признаков и отношений, указательные и вопросительные, утвердительные и отрицательные слова, самые необходимые союзы[1].

---

[1] Программа по русскому языку для I—IV классов начальных, семилетних и средних татарских школ ТАССР. Татгосиздат, Казань, 1952, стр. 26 и сл.

Среди этого ряда слов наиболее значительным является круг слов-названий предметов, т. е. имен существительных. Здесь будут слова со значениями хорошо известных учащимся предметов классной и домашней обстановки, знакомых по школе, семье, по играм, слова различных грамматических категорий — мужского, женского и среднего грамматического рода, категории одушевленности и неодушевленности, в различных падежных и числовых формах, главным образом, в именительном и родительном падежах (последний после слова «нет», например, «Нет карандаша», «Нет брата» и т. п.). Естественно, что ознакомление с названиями различных предметов следует вести дидактически правильно, начиная с близкого, переходя к более отдаленному, начиная с того, что находится перед глазами, что хорошо известно учащимся, переходя к тому, чего у них перед глазами нет, что известно меньше, или совсем не известно. Основные принципы дидактики великого русского педагога К. Д. Ушинского, которые он изложил в «Руководстве к преподаванию по «Родному слову» в отношении к работам по родному языку, можно применить и к работам по русскому языку в нерусской школе. Для развития речи учащихся К. Д. Ушинский предлагает упражнения, которые должны быть **самостоятельными, систематическими** и **логическими.** Согласно учению К. Д. Ушинского, нужно добиваться того, чтобы ребенок мог **самостоятельно** выразить **свою** мысль, а не повторять только сказанное другим или учителем. Поэтому сначала ученик усваивает названия тех предметов, которые находятся перед его глазами, вполне понятны, близки ему.

Совершенно бесполезно называть те предметы, о которых ребенок ничего не знает, даже если бы они находились перед глазами. Упражнения по развитию речи должны быть, — учит Ушинский, — **систематическими.** «Всякое новое упражнение должно находиться в связи с предыдущими, опираться на них и делать шаг вперед, так, например, рассмотрев с детьми какой-нибудь предмет, не должно, перейдя к другому предмету, оставлять тот, который уже рассмотрен, но следует рассмотренный предмет употреблять как средство для того, чтобы полнее овладеть новым», — писал Ушинский. Систематичность упражнений заключается не только в строгой последовательности их и связи изучаемого с изученным, но и в том, что самые работы, упражнения по развитию речи соответствуют силам учащихся и усложняются постепенно.

Необходимо, чтобы упражнения по развитию речи ,— учит

К. Д. Ушинский, — были также **логическими.** Развитие речи учащихся должно идти параллельно и в тесной связи с развитием мышления. В «Предисловии к 1-му изданию «Детского мира» Ушинский писал: «Язык не есть что-либо отрешенное от мысли... Развивать язык отдельно от мысли невозможно». Учитель русского языка (как впрочем и всякой другой дисциплины школьного курса) должен заботиться о том, чтобы ребенок понял, усвоил себе ту или иную мысль и затем правильно ее выразил устно или письменно.

Переходя к вопросу о работе над именами существительными русского языка в предбукварный период в татарской школе, следует рекомендовать учителю русского языка сначала знакомить учащихся с названиями находящихся перед их глазами предметов и лиц, им хорошо известных, связывать прежде изученное с изучаемым и стремиться активизировать приобретенный учащимися запас русских слов, т. е. содействовать тому, чтобы этот запас слов позволял учащимся выражать свои мысли на русском языке. Следует строго следить за тем, чтобы количество вновь сообщаемых учащимся слов соответствовало их силам и подготовке.

Изложенные выше дидактические принципы Ушинского предполагают сообщение новых слов, в частности и имен существительных, отдельно и в составе предложений.

На первых уроках эти предложения будут очень элементарны — из 1—2 слов. Знакомя детей с названием того или иного предмета классной обстановки, учитель, показывая рукой на предмет, говорит: «Это — стол», «Это — стул», «Это — доска».

Орфоэпические навыки должны у детей формироваться с первых же уроков русского языка. Поэтому необходимо, чтобы речь как самого учителя, так и детей была ясной и четкой, а, главное, с произносительной стороны совершенно правильной. Если ученик будет говорить по-русски бегло, но с произносительной стороны неправильно, русская речь его не будет другим понятна и не будет служить для него средством общения.

Во время уроков по развитию речи на вопрос учителя «Что это?» дети или поодиночке, или хором должны отвечать: «Это — стол», «Это — стул» и т. д. Учителю следует внимательно следить за произношением учеников, исправлять их речь путем повторения, показа. Иногда полезно бывает показать уклады органов речи, например, губ. В этом случае объ-

яснения придется давать на татарском языке, вообще же с учащимися учителю следует по возможности говорить во время урока на русском языке; учащиеся тоже должны отвечать ему на русском языке. Особое внимание необходимо обратить на правильность ударения в русских словах[1].

Максимальная наглядность в преподавании совершенно необходима; нужно, чтобы слово ассоциировалось с его значением и с восприятием самого предмета, который обозначается этим словом.

В добукварный период для закрепления в памяти учащихся новых слов, в частности и имен существительных, можно рекомендовать некоторые работы. Это прежде всего ответы учащихся на вопросы учителя: «Что это?», «Что здесь?», «Что там?», «Где стол?», «Это стол или стул?». Ожидаемые ответы: «Это — стул», «Стол», «Это — доска», «Вот стол». Ответ должен сопровождаться указательным жестом. Затем — выполнение приказаний учителя или товарища («Отнеси стул», «Покажи окно», «Принеси мел»). Учащиеся выполняют приказание и говорят: «Стул там», «Вот стул», «Вот мел». Можно практиковать досказывание не произнесенных учителем названий предметов «Я взял что?» (мел), «Я принес что?» (книгу), «На стене что?» (картина) и т. п.

В период прохождения букваря запас слов-названий должен пополниться.

Русская азбука изучается детьми, главным образом, на материале слов, относящихся к именам существительным[2]. Усвоенные путем чтения и бесед имена существительные наравне с другими словами (глаголами, местоимениями, предлогами) следует вводить в самостоятельную речь учащихся на русском языке.

Учащиеся в период букварных и послебукварных занятий приобретут, согласно указаниям программы, не менее 450 новых слов, из которых около половины будет относиться к именам существительным. Наряду с чтением полезно прово-

---

[1] Ударение в русском языке подвижное, разноместное, ударение в татарском языке обычно связано с концом слова (ср. кала, урам, сарык, бакча, балта и т. п.). Поэтому у изучающих русский язык татар проявляется тенденция к наконечному ударению и в русских словах.

[2] Беглый подсчет слов на 27 стр. букваря для взрослых (проф. М. Фазлулла — «Грамота мэктэплэре очен элифба», Татгосиздат, 1945) показал, что из 728 слов, включая сюда и служебные, 326 являются именами существительными, это составляет около 45%.

дить разговорные уроки и заучивание стихотворений (по книге и со слов учителя). Часть вновь усваиваемых слов полезно записывать в тетрадь, с доски и с книги. Программа (стр. 18) указывает дальнейшее расширение тематики разговорных уроков, а именно: жизнь и работа ученика в школе, семья, двор и сад, домашние и дикие животные, птицы и т. д. Так как уроки русского языка должны содействовать развитию мышления учащихся, полезно наряду с сообщением им названий отдельных предметов сообщать и название классов этих предметов, приучать детей к логической обработке словарного материала, к классификации предметов «по родам и видам» (Ушинский). Логическая обработка словаря имен существительных может выражаться в построении предложений следующих типов: «Стол—предмет», «Предметы, это — стол и стул». Этот вид работ по русскому языку следует сочетать с такими же упражнениями и на уроках родного языка. Упражнения, имеющие целью логическую обработку словаря, на уроках татарского языка должны предшествовать таким же упражнениям на уроках русского языка. Из отдельных работ, имеющих целью расширение словаря и вообще развитие русской речи учащихся, можно рекомендовать: 1) ответы на поставленные учителем вопросы («Где стол?» «Вот стол»); 2) ответы на поставленные учащимися друг другу вопросы («Это что?» «Это — стул». «Что делают мальчики?» «Мальчики рисуют»); 3) выполнение действий, указанных учителем или учениками друг другу («Принес мел». «Вот мел». «Положи мел на стол». «Мел на столе»); 4) краткие сообщения из 2—3 предложений («Папа купил книгу. Он подарил книгу мне. Я принесла книгу сюда. Мы читали книгу»); 5) списывание с книги, плаката, доски кратких (из 2—3—4 слов) предложений. («Марат учится. Он читает и пишет. Марат любит школу»); 6) записывание на память слов (Ленин, Сталин, колхоз, пионер). Записывать на уроке можно не более 3—4 слов, так как техника письма и тем более письмо на память в 1 классе могут затруднять учащихся; 7) можно рекомендовать подписи под своими рисунками («Дом», «Окно», «Рыба»); 8) полезно наклеивание картинок на листки альбома (блокнота) и подписывание под ними названий изображенного (Ленин, Сталин, Москва, «Пионер»; «Это — дом», «Дом»); 9) можно рекомендовать наклеивание или вообще прикрепление листьев, цветов, трав и т. п. к листам плотной бумаги и подписывание под ними названий («Дуб», «Осина», «Орех», «Ромашка»). Затрудняющие ребенка названия нужно или указать в книге, или написать на дос-

ке. Во всех случаях ученик должен записать слово правильно, грамотно. Следует пользоваться приемом составления предложений по аналогии: «Шакир пишет», «Аминя пишет», «Наш класс», «Наш колхоз», «Это — доска», «Это — парта».

* * *

Во II классе учащиеся расширяют свой словарный запас на русском языке на той базе, которую они получили в результате работы по русскому языку в I классе. Они вновь в течение года приобретают до 700 слов. Приблизительно около 50 проц. этого количества слов падает опять на имена существительные. Постепенно усваивая в связи с чтением и разнообразными работами по развитию речи и письменными упражнениями разного рода новые слова, учащиеся группируют их, подвергают логической обработке, выделяют слова-названия предметов, лиц, животных, насекомых, времен года и т. п.

Во II классе учащиеся практически овладевают известным кругом грамматических сведений, которые должны послужить базой для более широких сведений по русской грамматике в последующем, III классе.

Подвергая вновь усваиваемые слова-названия логической обработке, учащиеся группируют их по категориям одушевленности и неодушевленности, усваивая попутно и самые грамматические термины. Они учатся распределять слова в связи с использованием логических вопросов кто? что? Некоторую опору для такой группировки имен существительных как слов-названий они найдут в грамматике татарского языка. Наряду с группировкой по логическим признакам одушевленности и неодушевленности учащиеся получают элементарные навыки грамматического анализа имен существительных русского языка. Учитель обращает внимание учащихся на окончания имен существительных, начиная с отчетливо выделяющихся окончаний — **а, я** («Парта», «Стена», «Земля», «Семья»); **о, е** («Окно», «Колесо», «Поле», «Море»). Выделенные устно окончания слов при записи слов на классной доске подчеркиваются. Подбираются и записываются аналогичные слова с выделением и подчеркиванием знакомых окончаний. Таким путем учащиеся постепенно подводятся к одному из существенных приемов распознавания грамматического рода существительных.

Материалы чтения, бесед, письменных упражнений дают возможность учащимся II класса практически ознакомиться с системой падежей в русском языке. Учащиеся приучаются от-

вечать на вопросы именительного, дательного, винительного, творительного, предложного падежей. Некоторую опору учащиеся найдут в грамматике родного языка, в сходстве связей управления (например, Усман — тракторист, Бану — доярка, Али — учитель, вижу Усмана, вижу парту, пишу письмо и т. п.).

Ознакомление с формами падежей имен существительных подведет учащихся к ознакомлению с наиболее часто употребляемыми в русской речи предлогами. С ними учащиеся II класса знакомятся в плане работы по развитию речи, без экскурсов в грамматику русского языка (иду с подругой, играю с товарищем, иду по улице и т. п.).

С формой родительного падежа после слова «нет» учащиеся II класса знакомятся после ознакомления с формами других падежей. Этот прием вызывается трудностью для учащихся-татар усвоить форму родительного падежа после слова «нет»: в татарском языке слово «юк» (нет) сочетается с именительным падежом (баш килеш). Ср. русское «нет книги» и татарское «китап юк», также: «нет карандаша» и «карандаш юк».

Во II классе в порядке работ по развитию речи без применения грамматического анализа учащиеся получают первые навыки согласования глаголов прошедшего времени с именами существительными женского и мужского рода (Али рисовал, Алия рисовала, Мурат писал, Сара писала). Практически, по данным образцам, они знакомятся и с постановкой вопросов какой? какая? какое? (Перо какое? — стальное, перо красивое, бумага какая? — белая, стена белая и т. д.).

* * *

В III классе учащиеся расширяют имеющийся у них словарный запас; в частности увеличивается их запас слов-названий (имен существительных). В связи с чтением, беседами, заучиванием стихотворений, рассказыванием по картинам учащиеся должны довести в III классе свой запас русских слов до 2100, т. е. увеличить его, по сравнению со II классом, на 800 слов. Среди этих 800 новых слов около 50 проц. будет имен существительных. По составу этот запас имен существительных будет представлять слова трех групп: слова-названия предметов и лиц, слова-названия отвлеченных понятий и слова — грамматические термины. Наиболее значительной по количеству составляющих ее слов будет первая

группа. Ученики будут знакомиться и по книге, и в порядке устных бесед, и в процессе заучивания стихов с названиями предметов из окружающей их обстановки, а затем с предметами быта и труда жителей колхоза и города, с названиями революционных праздников, с жизнью и подвигами Советской Армии.

Логическая обработка все увеличивающегося словаря имен существительных дополнит русский словарь учащихся новыми словами-названиями классов и видов предметов, например, «Домашние животные», «Дикие животные», «Действия», «Признаки».

В III классе учащиеся получают новые элементарные сведения по грамматике русского языка. Изучение элементов грамматики также внесет в русский словарь учащихся некоторое количество грамматических терминов (например, «Предложение», «Подлежащее», «Сказуемое» и т. д.). В речь учащихся будут входить в III классе новые грамматические конструкции — формы слов, новые синтаксические построения. От предложений нераспространенных учащиеся будут переходить к распространенным путем прибавления дополнений, обстоятельств (например, «Ученик пишет письмо», «Мы сидим в классе», «Зимой земля покрыта снегом», «Мальчик рисует карандашом», «Девочка читает хорошие книги», «Девочки читают книги», «Мальчик выучил урок», «Аминя выучила уроки» и т. п.).

При ознакомлении с элементами грамматики русского языка в III классе учащиеся знакомятся с терминами «Имя существительное», «Мужской», «Женский», «Средний» род имен существительных. Если термин «Имя существительное» не вызовет у детей особых затруднений, так как он хорошо ассоциируется в их сознании с однозначным термином из грамматики родного языка («Исем»), то терминам грамматического рода имен существительных русского языка в грамматической терминологии татарского языка опоры не найдется, так как самое понятие грамматического рода чуждо татарскому языку. В нем имеются однако некоторые данные, которые учитель может использовать при ознакомлении учеников с категорией грамматического рода. Эти данные учителем русского языка должны быть методически правильно и умело использованы.

В сборнике «Вопросы методики преподавания русского и родного языков в нерусской школе», АПН РСФСР, 1948 г.

обстоятельно рассмотрены как с теоретической, так и методической стороны, вопросы, связанные с изучением в татарских школах категории грамматического рода в русском языке[1].

Рассуждения авторов «Очерков по методике преподавания русского языка в татарской школе» о наличии в зачаточной форме, не получившей «грамматического развития», категории женского рода в татарском языке едва ли убедительны (см. «Очерки», стр. 16). Примеры, которые они приводят в качестве показателей этой категории в татарском языке, свидетельствуют только о том, что в татарском языке есть средства для выражения названий особей мужского и женского пола людей и животных. Но при чем тут категории грамматического рода имен существительных? Категория грамматического рода в русском языке свойственна **всем** именам существительным, она имеет определенное грамматическое выражение и при этом устойчивое, пронизывающее всю систему имени существительного. Грамматическое выражение категории рода (мужского, женского, среднего) выявляется не только во флексии имен. пад., ед. числа, но и в склонении имен существительных, и в системе суффиксального словообразования, и в согласовании. Некоторые колебания в отнесении того или иного существительного к той или иной частной родовой категории только подтверждают актуальность категории грамматического рода в русском языке и нисколько не свидетельствуют о том, как полагают авторы «Очерков», что у говорящего «вырабатывается безразличное отношение к родовым представлениям» (см. «Очерки», стр. 11). Ничего, свойственного категории рода в русском языке, нет в татарском языке. Ни лексический, ни синтаксический, ни морфологический способы выражения родовой категории (использую термины авторов «Очерков») не говорят о наличии категории грамматического рода в татарском языке, хотя бы и в неразвитой форме. Некоторое исключение представляют арабские собственные имена женщин и фамилии с аффиксом **а**, появившиеся под влиянием русского языка. Но и они нисколько не говорят в пользу наличия категории грамматического рода в татарском языке, даже в зачаточной форме.

Исходным пунктом для ознакомления учащихся с катего-

[1] К этому сборнику необходимо отнестись критически. Наряду с ценными грамматическими и методическими сведениями он содержит и антимарксистские положения в духе «нового учения о языке» Марра (стр. 16, статья проф. Б. К. Пашкова и др.).

рией грамматического рода в русском языке слова типа «Закир — «Закирэ», «Исхаков» — «Исхакова» быть могут, так как в этих и подобных словах имеется аффикс **а,** который имеется в словах женского рода в русском языке. Этот аффикс, при первоначальном ознакомлении с категорией грамматического рода в русском языке, для учащихся является устойчивой приметой имен существительных женского рода.

Теоретические предпосылки изучения категории грамматического рода в III классе должны быть сведены до самых необходимых понятий. Изучение этой категории нужно построить в плане усвоения учащимися лексики русского языка; следует прививать учащимся навыки правильного употребления слов и форм, используя необходимые параллели из грамматики родного языка. Задача теоретического осмысления учащимися родовой категории заключается в III классе начальной школы в том, чтобы дать учащимся элементарные представления о наличии категории грамматического рода в русском языке и в связи с этим указать на морфологическое оформление имён существительных в зависимости от их принадлежности к тому или иному грамматическому роду. Затем эта задача должна быть расширена: нужно дать понять учащимся, что в зависимости от грамматического рода существительных происходит согласование других слов с ними. Наконец, опираясь на грамматические признаки согласования в роде, нужно дать учащимся представление о делении имен существительных вообще на три грамматических рода: мужской, женский, средний. Нужно мобилизовать смысловые, синтаксические и морфологические средства, чтобы учащиеся III класса могли **правильно** строить предложение на русском языке. Поэтому осмысление категории грамматического рода должно идти в неразрывной связи с практикой речи в её устной и письменной форме на материале, предусмотренном программой и вполне доступном учащимся.

Остановлюсь на более детальных методических указаниях относительно хода работ по изучению категории грамматического рода русского языка. Дети еще в предыдущем классе получили некоторое представление о морфологическом различии слов-названий в связи с согласованием с ними глаголов (например, «Ученик писал», но: «Ученица писала»). В III классе их следует ознакомить с некоторыми теоретическими положениями относительно грамматического рода имен существительных, используя для этого уже сложившиеся у них навыки говорить на русском языке.

Почему по-русски следует говорить об ученике, что «Он писал», а об ученице — «Она писала»? Почему самые слова «ученик», «ученица» не одинаковы по форме? Поставив несколько подобных вопросов, следует указать учащимся, что в русском языке различаются имена существительные мужского и женского рода, что имена существительные женского рода, например, «ученица» имеют на конце **а**, многие слова мужского рода **а** на конце не имеют, как, например, слово «ученик». Следует подобрать еще несколько подобных слов мужского и женского рода, например, «брат», «сестра», «старик», «старуха», «мальчик», «девочка» и т. п.

В связи с анализом слов типа «ученик», «ученица», полезно напомнить учащимся, что в татарском языке имена существительные не различают ни «мужского», ни «женского» рода. Однако и в татарском языке имеются слова на **а**, **э**, обозначающие имена и фамилии женщин; слова, обозначающие имена и фамилии мужчин, не оканчиваются на **а**. Например, «Гафурова», «Туктарова», «Абдулова»; ср. с словами «Гафуров», «Туктаров», «Абдулов». Или: «Фатыха», «Фатых», «Жэмилэ» — «Жэмиль» и т. п.

По заданию учителя дети могут сами привести примеры слов, аналогичных рассмотренным. Часть этих слов учитель записывает на доске в двух колонках, подчеркивая окончания **а** (я) в словах женского рода.

Мужской род	**Женский род**
Алмаев, Усманов, Арсланов, Шакир, Усман, Касым, учитель, колхозник, мальчик, тракторист, Иванов.	Урусова, Усманова, Арсланова, София, Самария, Изеля, учительница, колхозница, девочка, трактористка, Иванова.

Написанные на доске слова дети переносят в тетради. Далее путем упражнений следует закрепить полученные сведения и сообщить новые, а именно: с словами мужского рода связываются, согласуются слова: «читал», «писал», «говорил», «работал» и т. п., с словами женского рода связываются слова: «читала», «писала», «говорила», «работала» и т. п., например, «Кэрим писал», «София читала», «Пионер работал», «Ученица работала» и т. п. К словам мужского рода можно поставить вопрос: «Кто он?» Например, «Кто он?» — «Алиев» или «Кто он?» — «Учитель» и т. п. К словам женского рода

можно поставить вопрос «Кто она?». Например, «Кто она?» - «София», или «Кто она?» — «Девочка» и т. п.

После усвоения названия лиц в их отношении к грамматическому роду можно перейти к именам существительным, обозначающим животных и птиц, выделяя в словах женского рода **а** (я), ставя те же вопросы: «Кто он?», «Кто она?», Например, «Корова», «Кошка», «Курица» и т. п. Кроме того, можно ввести вопросы: «Какой?», «Какая?», «Чей?», «Чья?», а также слова «мой», «моя», «наш», «наша», «ваш», «ваша» и под., «черный», «черная», «белый», «белая» и др.

Позже, уже во второй половине года, после того, как учащиеся достаточно хорошо усвоят изученное, нужно обратить внимание учащихся на принадлежность к тем или другим родовым категориям названий неживых предметов (доска, дом, класс и др.), ознакомить с понятием, а также морфологической и синтаксической приметами «среднего» грамматического рода. Таким образом, учащиеся III класса получат первоначальные, но достаточные на данном этапе изучения ими русского языка сведения о категории грамматического рода в этом языке.

С самого начала занятий по русскому языку нужно заботиться о том, чтобы учащиеся не только знали, но и **умели** применять полученные знания на практике, **умели** бы правильно говорить и писать по-русски. Поэтому, начиная со II класса, нужно прививать им навыки **правильного** употребления родовых форм слов русского языка.

Если в I— и II классах учащиеся только запоминали сочетания «Мальчик писал», «Девочка писала», то в III классе нужно добиться того, чтобы они сознательно употребляли формы грамматического рода имен существительных, глаголов прошедшего времени, прилагательных и местоимений-прилагательных и научились безошибочно пользоваться ими в своей речи на русском языке. В частности необходимо привить учащимся навык правильно пользоваться словами «мой», «наш», «чей», «какой?» в их сочетании с именами существительными того или иного грамматического рода. Нужно добиваться того, чтобы эти слова «какой?» «наш» и под. прочно ассоциировались в сознании учащихся с именами существительными соответствующего грамматического рода. Совершенно правильно авторы очерка «Категории грамматического рода в русском и татарском языках» отмечают распространенную у учителей русского языка в нерусских школах ошибку

заставлять учащихся-татар, изучающих русский язык, но еще не овладевших им, определять грамматический род имен существительных по сочетаниям «карандаш (мой)», «чернильница (моя)» и т. п., как это обычно для учащихся-русских[1].

Если для учащихся русских школ такие сочетания привычны, и учащиеся по этим сочетаниям безошибочно определяют род имен существительных, то для учащихся татарских школ этот прием может привести к ошибкам в определении грамматического рода, так как указанные сочетания для учащихся-татар непривычны и сами составляют предмет изучения. Поэтому неудивительно, что ученики могут слово «утка» определить как слово мужского рода, так как могут построить ошибочное словосочетание «Мой утка». Но в пределах тех словарных материалов по русскому языку, которые уже усвоены учащимися-татарами хорошо, обращение к сочетаниям типа «чей карандаш»? «Мой карандаш» не будет ни ошибочным, ни бесполезным, а наоборот, возможным и полезным, так как будет вызывать в сознании соответствующие ассоциации и укреплять их. Навыки учащихся в распознавании грамматического рода имен существительных, благодаря использованию словосочетаний типа «мой карандаш», будут укрепляться и расширяться. Поэтому при записи имен существительных в индивидуальные ученические словарики полезно было бы рядом с именем существительным помещать и соответствующий родовой «определитель»: «мой», «какой?» и т. д. (например, «Мой карандаш», или «Карандаш мой», или «Карандаш (мой)». Такие грамматические пометы можно было бы практиковать и при записи новых имен существительных в тетрадях учеников и на настенных таблицах разного рода (лексических, орфографических).

Все виды работ по развитию русской речи учащихся можно сделать средством закрепления и расширения словаря имен существительных, имеющегося у учащихся, и уточнения усвоенных ими грамматических сведений.

Например, при логической обработке накопленного в процессе чтения и тематических бесед словаря очень полезно обратить внимание учащихся на словарь имен существительных. Полезно записывать небольшие по объему словарики на доске, а затем переносить эти записи в тетради учащихся и при

---

[1] «Вопросы методики преподавания русского и родного языков в нерусской школе», 1948, стр. 6.

этом группировать входящие в них имена существительные в зависимости от грамматического рода, надписывая над каждой группой родовой «определитель» в виде слов «мой», «какой?» или других. Эта запись может иметь, примерно, такой вид:

Животные:

Мужской род	**Женский род**
(какой)	(какая)
1. Теленок	1. Корова
2. Козленок и т. д.	2. Коза и т. д.

В работах по изучению имен существительных русского языка необходима максимальная конкретность материала. Например, при подборе слов, обозначающих действие или признак, название предмета, конкретизирующего действие или признак, нужно указать. Общеизвестно, что чем конкретнее слово, обозначающее признак или действие, тем оно прочнее запоминается. Поэтому полезно сказать или написать не просто «бежит», но «теленок бежит» или «корова бежит», не просто «синий», «большой», «белый», а «платок синий», «стол большой», «стена белая» и т. п.

Подписи, небольшие тексты к картинкам могут быть использованы для расширения словаря имен существительных и закрепления изученных детьми грамматических правил. Нельзя забывать, однако, полезного указания К. Д. Ушинского, что письменной работе должна предшествовать устная обработка того материала, который предназначен для письменного изложения. Письменные работы, связанные с орфографическими упражнениями, также могут быть полезными для усвоения имен существительных со стороны их письма, произношения и грамматических особенностей, поскольку письму предшествует устная обработка материала (имеются в виду письменные работы, не имеющие характера контрольных). Списывание различного рода, выписывание из текста книги ответов на поставленные учителем вопросы, предупредительные диктанты, составление и ведение алфавитного русского словаря — все эти работы могут быть соединены с изучением имени существительного как со стороны смысла, так и произношения, письма и грамматических особенностей (имеется в виду отнесение имен существительных к определенному грамматическому роду).

В III классе учащиеся продолжают работу по ознакомлению с падежными формами существительных, но без специального изучения склонений. Ознакомление с падежными

формами имен существительных совершенно неизбежно, так как еще в I и во II классе учащиеся встречались с предлогами русского языка (предлоги занимают очень видное место в русском языке)[1]. Для того, чтобы правильно использовать в речи предлоги **в, на, у, к** и др., указываемые программой, нужно ознакомить учащихся с формами винительного, родительного, дательного и предложного падежей имен существительных.

Изучение падежных форм имен существительных целесообразно связывать с использованием предлогов и элементарным осознанием учащимися значения и роли предлогов в речи. Во II классе трудно обойтись без таких предлогов как **на, в, из, с** в их пространственном значении («Карандаш на столе», «Книга в столе», «Вышел из класса», «Взял со стола»). Употребления предлогов тем более нельзя избежать, что многие из учеников практически, хорошо или плохо, но владеют русской речью и поэтому в своих ответах на вопросы учителя будут употреблять предлоги (например, «Где карандаш?», — спрашивает учитель, — ученик отвечает: — «Карандаш на столе»). Совсем непедагогично, уступая требованиям системы, предусматривающей ознакомление учащихся III класса с предлогами только во втором полугодии, оставлять без внимания и не исправлять такие ответы учеников, как, например, «Карандаш лежит стол», «Снял шапка из головы». Такие ответы нередко можно слышать от только что начавших изучать русский язык учащихся татарской школы. Поэтому, исходя из конкретной классной обстановки, не только можно, но и должно, хотя бы элементарно, познакомить учащихся, как только появится в этом необходимость, с некоторыми предлогами русского языка и остановить их внимание как на предлогах, так и на падежных формах после них, не употребляя на первых порах названия «предлог», оставив ознакомление с этим термином до 2 четверти во II классе. Мой личный опыт работы по русскому языку в татарских школах различных типов убеждает меня в том, что с предлогами русского языка учащихся следует знакомить тогда, когда это окажется необходимым, вызывается ходом работы.

Татарский язык не имеет категории предлогов (в нем имеются так называемые «послелоги»), поэтому учащиеся II и

---

[1] Беглый подсчет количества предлогов на странице, делового текста и странице художественного показал в среднем 10% предлогов, т. е. из каждых 10 слов текста одно — предлог.

тем более III класса, уже третий год изучающие родной язык, не могут не заметить предлогов в русской речи, так как предлоги представляют весьма заметную особенность ее. И эта особенность изучаемого детьми русского языка потребует от учителя необходимых объяснений.

Ознакомление учащихся с предлогами и соответствующими падежными формами имен существительных во II и III классах начальной школы не может и не должно вызывать каких-либо глубоких грамматических экскурсов: на данной ступени обучения эти экскурсы детям будут непонятны и создадут ненужные и преждевременные трудности. Знакомить детей с предлогами и падежными формами имен существительных следует практически, применяя показ, используя необходимые сопоставления русского языка с родным, элементарный, смысловой и грамматический анализ фраз и отдельных форм имен существительных, с которыми связаны предлоги.

Прежде всего нужно ознакомить учащихся с предлогами **в, на, с, из** в их пространственном значении. Предлоги **в, на** употребляются в русской речи в двух пространственных значениях: в значении мест нахождения предмета и в значении направления действия на предмет. В первом случае оба предлога сочетаются с предложным падежом, во втором с винительным. Предлоги **с, из** обозначают исходный пункт движения и требуют родительного падежа имени существительного, обозначающего этот пункт.

Учащимся II класса придется ознакомиться:

1) с значением каждого предлога в связи с соответствующей формой падежа имени существительного и 2) с самой падежной формой. Требуется известная последовательность в работе по изучению особенностей каждого предлога. Сначала следует ознакомить учащихся с предлогами **в, на,** а затем — **с, из.**

Безразличным представляется, с какими именно значениями предлогов **в, на** следует ознакомить учащихся прежде. Конкретная классная обстановка подскажет учителю эту последовательность. Важнее здесь вопрос, как ознакомить учащихся с этими предлогами. Допустим, что приходится в первую очередь ознакомить учащихся с предлогом **на** с предложным падежом существительного в значении местонахождения предмета. Встретившись на уроке с необходимостью ознакомить учащихся с этим предлогом, учитель останавливает их внимание на данном явлении русского языка. Он кладет

карандаш, например, на стол и говорит детям: «Карандаш на столе», показывая на лежащий на поверхности стола карандаш и оттеняя голосом предлог **на.** Затем он отчетливо произносит: «Карандаш—**на** столе»; «Вот—стол», «Вот—карандаш», «Карандаш—**на** столе», давая понять детям, каково отношение карандаша к столу. Затем он, указывая рукой на лежащий на столе карандаш, говорит по-татарски: «Карандаш остэл остендэ». Указывая на карандаш, учитель говорит: «Менэ — карандаш», «Менэ — остэл», «Карандаш остэл остендэ». «Карандаш — **на** столе».

Желая проверить, насколько учащиеся поняли значение предлога **НА**, учитель спрашивает: «Алиев, где карандаш?» Алиев должен сказать: «Карандаш на столе».

Затем следуют аналогичные фразы: «Ручка **на** столе», «Книга, резинка, мел и т. п. на столе», сопровождаемые контрольными вопросами: «Где книга?», «Где ручка?» и т. п.

Подобным же образом, когда это будет необходимо, дети знакомятся с предлогом **в** в значении местонахождения предмета. Непременным условием правильного употребления обоих предлогов является их сопоставление в смысловом отношении и в отношении формы имени существительного после них.

Небесполезным для закрепления навыка правильно употреблять предлог и падежную форму после него является перевод фразы с татарского языка на русский и с русского на татарский.

Следует, изучая с детьми предлоги и падежные формы имен существительных после них, терпеливо, но настойчиво исправлять речевые ошибки учеников и стремиться к тому, чтобы изученное входило в практику их русской речи.

Вместе с устными упражнениями во II и III классе следует практиковать и письменные: **списывание** с доски с заданием подчеркнуть предлог и падежную форму имени существительного после него, **дописывание** фразы с пропущенным именем существительным и предлогом перед ним (перед письменной работой обязательно следует устно разработать подлежащий письму текст), **подписи** под рисунками и картинками (например, учитель показывает нарисованный им на доске стол с лежащей на нем книгой; ученики, сначала устно построив фразу для подписи, пишут: «Книга на столе»).

В III классе количество изученных имен существительных

и предлогов увеличивается, усложняются и формы работы над ними. Дети знакомятся и с самым термином «предлог»[1].

Разрабатывая вопросы изучения имени существительного русского языка в татарской начальной школе, нельзя пройти мимо таких вопросов, как изучение беспредложных падежных форм имен существительных, а также сочетаний имен существительных с местоимением «мой» и др., имея в виду наличие притяжательной формы имен существительных в татарском языке (например, «Минем китабым»).

Программа по русскому языку для начальных классов рекомендует усвоение этих форм со II класса. Во II классе учащиеся знакомятся с беспредложным винительным падежом в роли прямого дополнения, обозначающего объект действия («Ученик пишет письмо»), с творительным в роли сказуемого и косвенного дополнения, обозначающего орудие действия («Ученик пишет пером»), с дательным падежом в функции косвенного дополнения, с родительным после слова «нет».

Усвоение указанных падежей особых трудностей не представляет. Некоторую особенность русского языка по сравнению с родным учащиеся найдут в форме русского творительного падежа. Два из указанных падежей единственного числа (винительный, дательный) и именительный падеж множественного в родном языке учащихся имеют падежные параллели: винительный падеж — тошем килеше, дательный падеж — юнэлеш килеше, именительный множественного — баш килеш множественного числа. Только для русского творительного падежа со значением орудия действия простой падежной формы в татарском языке не имеется: ему может соответствовать «основной» падеж татарского языка (баш килеш) с послелогом «белэн». **Али тимерне чукеч белэн чуки».** (Али кует железо молотом). Так как учащиеся еще не изучают склонений имен существительных русского языка, то все падежные формы слов запоминаются ими во II классе как лексический материал, т. е. как отдельные слова. Некоторую систему представляет изучение изменений имен существительных в III классе.

---

[1] О работе над предлогами русского языка в татарской школе см. цит. выше сборник «Вопросы методики преподавания русского и родного языка в нерусской школе», стр. 54 и сл., а также мою статью «Опыт работы над приставками и предлогами», «Русский язык в школе», 1940, №№ 5 и 6. Во II классе предлоги можно называть просто словами.

Наибольшую трудность в овладении падежными формами существительных русского языка представляют падежные флексии.

Роль родного языка в усвоении падежных форм существительных русского языка является значительной: при помощи грамматики родного языка ученики усваивают значение русских падежных форм. Поэтому, например, форму винительного падежа следует усваивать сперва от существительных мужского и среднего рода, обозначающих предметы, так как в этом случае винительный будет сходен по своему оформлению с именительным. Полезно привести 3—4 параллельных примера на родном языке, например, «Мальчик пишет **письмо»** (Малай **хат** яза), «Мальчик берет шар» (Малай **шар** ала), перевести их на русский язык, сравнить примеры. Затем после усвоения строения предложения с винительным падежом имени существительного, который сходен с именительным, надо перейти к усвоению винительного падежа женского рода на — **у** (например, «Мара читает книгу» (Мара китап укый).

Порядок усвоения падежных предложных и беспредложных форм имен существительных указан в программе по русскому языку для I—IV кл. начальных, семилетних и средних татарских школ(ТАССР, изд. 1952). Как для II, так и для III кл. программа устанавливает следующий порядок изучения падежных форм: творительный падеж с предлогами и затем без предлогов; дательный падеж без предлогов и с предлогами; винительный падеж без предлогов и с предлогами; родительный падеж с предлогами и без предлогов после слова «нет»; для III класса на самом первом месте в указателе порядка изучения падежных форм указан предложный падеж. Указанная система в программе ничем не мотивирована.

Следует обеспечить детям максимальную наглядность, конкретность преподаваемого грамматического материала. Нужно стремиться к тому, чтобы «Подойди к доске», звучало как приглашение учащегося на самом деле к доске; «Мой карандаш (лежит) на столе» звучало бы, как констатация факта. Только в том случае учащиеся будут убеждены в практическом значении изучаемого ими русского языка, если они будут читать, писать, говорить на русском языке и понимать русскую речь. В III классе следует практиковать для изучения имен существительных русского языка и элементарный грамматический разбор небольших предложений, дописывание неоконченных предложений после устного их разбора, и составление коротких предложений на данные слова.

Целью элементарного грамматического разбора может быть: выделение имен существительных, определение их грамматического рода, выделение форм единственного и множественного числа имен существительных, постановка вопросов к именам существительным во фразах («Иду куда?» — «В школу»).

Выделение имен существительных из текста предложения должно опираться на вопросы, на которые отвечают имена существительные в данном предложении («Кто идет?», «У кого карандаш?», «К чему подошел?» и т. п.). Как всегда, письменной работе должен предшествовать тщательный устный разбор предложения. В написанных на доске или указанных в книге предложениях устно выделяются по вопросам имена существительные, затем предложения записываются в тетрадях и, наконец, в записанных учениками предложениях выделяются подчеркиванием имена существительные.

Определение грамматического рода имен существительных можно проводить во время грамматического разбора следующим образом. Дается небольшой совершенно понятный детям текст. Например, «В нашем колхозе новая школа. Мальчики и девочки учатся в школе. Фатых учится в первом классе. Сара маленькая. Она еще не учится в школе».

По вопросам выделяются имена существительные. («Что есть в нашем колхозе?», «Новая школа» или: «Школа». «Какая школа?» «Новая»). Затем выделяются имена существительные, отвечающие на вопрос **кто?** (Фатых, Сара, мальчики, девочки). Далее следует установить, что об одном мальчике на вопрос «Кто это?» нужно ответить: «Это — мальчик», а о девочке: «Это — девочка». Подобным же образом выделяются имена существительные на вопрос **что?** (школа, колхоз, класс). Далее по вопросам устанавливают, что в конце слов «Фатых», «мальчик», «колхоз», «класс» нет звука **а.** Наоборот, в конце слов «Сара», «девочка», «школа» есть звук **а.** «Фатых», «Мальчик» и др.—слова мужского рода; Сара, девочка, школа — женского. Затем все эти слова записываются в 2 колонках так:

Мужской род	**Женский род**
Фатых	Сара
Мальчик	Девочка
Колхоз	Школа.
Класс.	

Морфологическая примета слов женского рода — окончание **а** — подчеркивается.

В дальнейшем в число морфологических примет будут включаться окончания **я** для слов женского рода и **о, е** — для слов среднего. Нужно пользоваться также и синтаксическими «определителями» рода, например, местоимениями **он, она, оно**, или **какой? какая? какое?**, или **наш, наша, наше** и т. п. (См. описание этих работ на стр. 294 и сл.).

Полезными работами по русскому языку в III классе являются дописывание неоконченных предложений и составление предложений на заданные слова. Они дают возможность закрепить, пока на элементарном речевом материале, полученные учащимися навыки в связной русской речи, в уменье самостоятельно выражать на русском языке свою мысль.

Описывая работу над именами существительными русского языка в III классе, следует остановиться на сочетании притяжательных местоимений с именами существительными.

Местоимения **«мой»**, **«твой»**, **«свой»**, **«наш»**, **«ваш»**, **«их»** в их сочетании с именами существительными следует рассмотреть в связи с имеющейся в татарском языке притяжательной формой имен существительных. В татарском языке признак принадлежности выражается не только при помощи притяжательных местоимений (минем — мой, синен — твой, анын — его, безнен — наши и т. д.), но и при помощи специальных притяжательных аффиксов, присоединяемых к соответствующим формам имен существительных. Таким образом, признак принадлежности в татарском языке имеет двойное грамматическое выражение: при помощи препозитивно стоящего по отношению к существительному притяжательного местоимения и постпозитивно присоединяемого к существительному аффикса принадлежности, например, минем китабым сумкада (моя книга в сумке), синен дэфтэрен чиста (твоя тетрадь чистая), бу анын калэме (это его перо)[1].

В русском языке принадлежность предмета 1, 2, 3 лицу выражается при помощи притяжательного местоимения, присоединяемого в порядке согласования к имени существительному, например, «Моя книга», «Мои книги» и т. п.

Трудность усвоения формы выражения принадлежности в русском языке для учащихся-татар будет заключаться в том, что этот признак выражается по-русски только местоиме-

---

[1] Примеры заимствованы из кн. проф. М. Х. Корбангалиева «Татар теле дореслеге», Казан, 1945, стр. 10.

нием; аффиксов принадлежности, присоединяемых к основе существительного, в русском языке нет.

Следует ознакомить учащихся III класса с употреблением притяжательных местоимений (мой, твой, наш, ваш, его, ее, их) в соответствии с татарскими притяжательными местоимениями (минем, синен, анын, безнен, сезнен, аларнын) и согласованием их с именами существительными. Это следует сделать при разборе ответов на вопросы **чей? чья? чье?**. Небесполезно будет обратить внимание учеников на морфологические средства согласования: на падежное, родовое и числовое окончания. Например, («белая стена», «большой колхоз», «большие колхозы» и т. п.).

* * *

Изучение имен существительных русского языка в IV классе начальной татарской школы, по сравнению с III классом, значительно усложняется. Словарь русских слов, которым должны владеть учащиеся, пополняется еще на 800—900 новых слов, которые должны быть усвоены учащимися в течение года. Таким образом, к концу IV класса учащиеся должны, по указанию программы, владеть словарем в количестве 2700—3000 слов. Среди этих 3000 слов около половины будет имен существительных.

В IV классе должны быть закреплены и значительно расширены имеющиеся у учащихся знания и навыки по русскому языку.

Таким образом, в IV классе учащиеся должны получить относительно законченные, хотя и элементарные, сведения из грамматики русского языка, в частности относительно имени существительного. В этом классе новым, по сравнению с III классом, явится изучение склонения имени существительного. В IV классе изучается I и II склонение.

В процессе чтения, бесед на темы из окружающей жизни (колхоз, окружающая природа, быт, труд, отдых, жизнь города, общественно-политическая жизнь страны и т. д.) учащиеся IV класса усвоят значительное количество новых имен существительных.

Весь этот новый, а также и прежде усвоенный, лексический материал нужно сгруппировать по темам, подвергнуть логической обработке, а именно: выделить группы существительных, обозначающих предметы и орудия труда, быта, вы-

делить группу слов общественно-политического содержания и т. п. Нужно подвергнуть их и грамматической обработке: уметь распределять их по признакам грамматического рода, уметь определить падежную форму по вопросам, уметь согласовывать имена прилагательные и глаголы прошедшего времени с именами существительными, например, «Большой колхоз», «Обширное поле», «Грузовая машина» и т. п., уметь согласовывать с именами существительными вопросительные слова **какой? чей?**, слова, обозначающие принадлежность предмета: **мой, твой, свой, наш, ваш.** Следует, кроме указанных грамматических работ, шире практиковать работы над предложением: производить анализ состава предложения по вопросам **кто? что? кем? чем? к кому? к чему?, о ком? о чем?** и т. д. Полезно практиковать прием распространения состава предложения новыми словами, например, именами существительными, прилагательными и др., используя для этой цели логические вопросы: куда? откуда? для чего?. В процессе работы над предложением следует прививать учащимся навыки морфологического анализа слов, в частности и имен существительных. Полезно, в целях последующих занятий по грамматике русского языка в V классе, приучать детей группировать при анализе предложения имена существительные по падежным вопросам вместе с теми словами, которые управляют данными падежами существительных, выделять в падежных формах окончания, группировать падежные формы по признакам грамматического рода.

Например, учащиеся читают отрывок из сказки «О царе Салтане»: «В синем море звезды блещут», усваивают содержание, выделяют из текста имена существительные, распределяют их по признакам грамматического рода на три колонки, примерно, так:

Мужской род	**Женский род**	**Средний род**
Ребенок	Звезда	Небо
День	Волна	Море
Час	Туча	
Камень	Бочка	и т. д.

Затем, после надлежащей устной разработки текста, учащиеся записывают некоторые падежные формы имен существительных с анализом их морфологического состава, например:

Где?	**Что?**
В синем **небе** звезды блещут.	В синем небе **звезды** блещут.
В синем **море** волны хлещут.	В синем море **волны** хлещут.
Туча **по небу** идет.	**Туча** по небу идет.
Бочка **по морю** плывет.	**Бочка** по морю плывет.
	и т. д.

Затем обе колонки можно подвергнуть новой грамматической обработке с целью усвоения падежных форм с точки зрения грамматического рода.

Где?

Мужской род	**Женский род**	**Средний род**
Дуб зеленый **над холмом** (тв. п.)	Мать и сын теперь **на воле** (предл. п.)	В синем **небе** (п. п.) Туча **по небу** идет, Бочка **по морю** плывет (дат. пад.) и т. д.

Усваивая падежные формы имен существительных, учащиеся будут усваивать и соответствующие предлоги.

Усваивая имена существительные, учащиеся получают возможность использовать их в своих работах, например, над книгой, в упражнениях по орфографии, по развитию речи и т. п. Этим закрепляются навыки употребления падежных форм и предлогов в связной речи. Например, читая прекрасное описание грозы в начале лета у Л. Н. Толстого, учащиеся будут иметь возможность дать заглавия к отдельным частям рассказа («Наступление грозы», «Гроза» и т. д.) и записать их. Полезную для себя работу учащиеся могут произвести, выполняя задание учителя назвать действующих лиц прочитанной сказки, басни, рассказа, указать их действия. Например, после ознакомления с рассказом С. Т. Аксакова «Человек под снегом» и надлежащей разработки его содержания по вопросам учащиеся могут выполнить небольшую самостоятельную работу: назвать действующих лиц и описать их действия (в виде рассказа). Например, «Крестьянин Арефий Никитин», «Крестьяне из его деревни», «Охотник», «Народ», «Арефий поехал в лес. Стояла зима. Поднялся сильный буран» и т. д.). При выполнении первых работ этого типа учащиеся могут воспользоваться текстом рассказа, а потом следует потребовать от учащихся описания действий персонажей рассказа своими словами. Выполненную классом работу учитель может записать на доске, учащиеся перепишут ее в тетради, подчеркивая имена существительные, указывая на род, па-

деж, число, сочетая работу по развитию речи с грамматикой. Много пользы для изучения имен существительных принесет детям разработка плана к прочитанному тексту. С помощью учителя (а в конце года и самостоятельно) ученики составляют планы, сначала в виде вопросов, а затем и в виде заглавий к каждой самостоятельной части текста (например, 1. Куда поехал Арефий? 2. Что с ним случилось в дороге? 3. Кто искал Арефия? и т. д. или: 1. Поездка Арефия в лес. 2. Буран. 3. Несчастие с Арефием. 4. Поиски Арефия и т. д.). Устно отработанный вариант плана учитель записывает на доске, учащиеся списывают его в тетради, подчеркивая имена существительные. Можно поручить учащимся составление алфавитного словаря к части имен существительных из текста рассказа, стихотворения или законченного раздела их. Эта работа даст учащимся возможность не только укрепить в памяти новые слова, но попутно выполнить и некоторые задания по морфологии: они могут около каждого из написанных имен существительных поставить обозначение его принадлежности к грамматическому роду путем, например, подстановки вопросительного слова какой? или чей? в соответствующей родовой форме (например, «буран» — м. р., какой?). Словарные работы, соединенные с несложными грамматическими заданиями, послужат для учащихся хорошим средством укрепить свои навыки в построении предложения на русском языке.

Орфографические и орфоэпические работы тоже являются хорошим средством изучения имен существительных. Программа указывает специальные орфографические работы — правописание наиболее распространенных слов и терминов по истории, естествознанию, арифметике: **коммунист, большевик, партиец, организация, экскурсия** и др. Кроме этого, для целей изучения имен существительных русского языка весьма полезными окажутся работы над именами существительными в связи с работой над предлогами, например, «Иду в лес», «Сидим в классе» и т. п.

В работах по изучению имен существительных необходима максимальная наглядность. Этого требуют и особенности детского возраста (конкретность мышления детей) и сложность задач изучения русского языка. Кроме записей на доске, следует широко практиковать показ (стою **у стола,** подошел **к столу,** пишу **мелом** на доске и т. п.), а также таблицы (например, группировка слов по признакам грамматического рода, синтаксические связи между словами в составе предложения, морфологические приметы рода и т. п., например:

Мужской род	Женский род
Мальчик читал	Девочка читала и т. п.

Резюмирую сказанное об изучении имен существительных русского языка в татарской начальной школе.

1. Вопросы преподавания русского языка в нерусской, в том числе и татарской, школе можно удовлетворительно решить только на основе гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.

2. Задача преподавания русского языка в татарской школе заключается в том, чтобы обеспечить учащимся полную возможность овладеть русским языком как своим вторым родным языком.

3. Центральной проблемой изучения русского языка учащимися татарской школы является изучение фонетики, морфологии и синтаксиса русского языка и его словарного состава.

4. В преподавании русского языка в татарской школе важно учесть роль родного языка учащихся как могучего средства обучения неродному языку.

5. До систематического изучения имени существительного в курсе 5 класса, в начальной татарской школе, имя существительное изучается практически в плане работ по развитию речи учащихся на русском языке и только в IV классе изучается склонение имен существительных, как специально грамматический материал.

6. Приобретаемый учащимися в процессе бесед, чтения, письменных работ словарный запас (имеются в виду имена существительные) должен подвергаться логической обработке, группироваться по известным логическим разрядам (лица, предметы, животные и т. п.).

7. Имена существительные должны использоваться учащимися в практике их устной и письменной речи на русском языке.

8. Грамматическая терминология используется в самых необходимых случаях, чтобы назвать то или иное грамматическое явление, выделить, понять его.

9. В занятиях по русскому языку необходимо опираться на сведения, которые имеются у учащихся из грамматики родного языка, и, где это необходимо и целесообразно, использовать грамматические параллели из родного языка.

10. В работе по русскому языку вообще и в частности по изучению имен существительных следует добиваться максимальной наглядности, конкретности изучаемого языкового материала.

ТУРОВ Т. М.
кандидат филологических наук

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА НАРОДНОСТЬ ЯЗЫКА

1. И. В. Сталин о развитии языка и диалектов

Работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» имеет выдающееся значение, она является ценнейшим вкладом в марксистско-ленинскую теорию. Эта работа обогатила нашу советскую науку новыми гениальными открытиями, совершила коренной переворот в языкознании и вывела науку о языке на широкую дорогу подлинного расцвета.

Во главе советской научной мысли всегда стоял товарищ Сталин. Он своим творчеством даёт нам яркий пример, как надо двигать науку вперед, как надо уметь ломать устаревшее и старое и создавать новое, несмотря ни на какие препятствия, вопреки всему.

Работа И. В. Сталина разоблачила антимарксистскую сущность лингвистических взглядов Н. Я. Марра и его учеников, она вооружила советское языкознание новыми положениями, новыми открытиями в области марксистского понимания исторических закономерностей развития языка.

Н. Я. Марр и его ученики декларировали, что скрещивание языков — основной путь образования новых языков и развития их, что в результате скрещивания получается новый, иной язык, качественно отличающийся от всех скрещивающихся языков. Н. Я. Марр и его последователи утверждали, что при скрещивании переход от старого качества языка к новому его качеству осуществляется путём взрыва.

Гениальное учение И. В. Сталина о языке окончательно разбило эти ложные, антимарксистские утверждения Н. Я. Марра, который строил их на основе совершенно ошибочного взгляда, что язык является надстройкой над базисом.

И. В. Сталин указал, что язык — явление общественное, но его никак нельзя считать надстройкой над базисом, что

«смешивать язык с надстройкой — значит допустить серьёзную ошибку»[1].

Товарищ Сталин учит, что «...было бы глубоко ошибочно думать, что развитие языка происходило так же, как развитие надстройки: путем уничтожения существующего и построения нового»[2]. Товарищ Сталин говорит: «Скрещивание языков нельзя рассматривать, как единичный акт решающего удара, дающий свои результаты в течение нескольких лет. Скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет. Поэтому ни о каких взрывах не может быть здесь речи.

Далее. Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещённых языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно своё качество и постепенно отмирает»[3].

«Марксизм не признает внезапных взрывов в развитии языка, внезапной смерти существующего языка и внезапного построения нового языка»[4].

Развитие языка, —учит И. В. Сталин, — происходило не путем уничтожения существующего языка и построения нового, а «путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка. При этом переход от одного качества языка к другому качеству происходил не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»[5]. Из этого положения И. В. Сталина видно, что язык развивается по второй форме скачка, «определяющими признаками которого являются: 1) длительность и 2) постепенность накопления элементов нового качества и отмирания элементов

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 11.

[2] Там же, стр. 27.

[3] Там же, стр. 29—30.

[4] Там же, стр. 27—28.

[5] Там же, стр. 27.

старого качества»[1]. Вот почему язык, его структура не являются продуктом одной эпохи. «Структура языка, его грамматический строй и основной словарный фонд есть продукт ряда эпох.

Надо полагать, что элементы современного языка были заложены ещё в глубокой древности, до эпохи рабства»[2].

Товарищ Сталин учит, что язык — явление общественное, что он является средством, орудием общения людей в обществе. С помощью языка люди обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Но язык не только орудие общения, он «...является вместе с тем орудием борьбы и развития общества»[3].

Товарищ Сталин указал нам и на компоненты языка — на словарный состав, основной словарный фонд и грамматический строй, а также и на закономерности развития этих частей языка. Товарищ Сталин установил закон неравномерности темпов развития компонентов языка: непрерывно изменяется словарный состав языка, так как он прямо и непосредственно отражает развитие производства, культуры, науки, изменения в социальном строе и т. п. Это влечёт за собою непрерывное пополнение словарного состава новыми словами и выпадения из него ряда устаревших и ненужных для общества слов. Очень медленно изменяется основной словарный фонд, ещё медленнее — грамматический строй языка. И основной словарный фонд, и грамматический строй языка сохраняются при сменах нескольких базисов и надстроек — в продолжении ряда веков без существенных изменений. Вследствие этого в грамматическом строе и основном словарном фонде языка отражён и закреплён многовековый опыт познавательной работы народа. Вот почему «...грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»[4].

Н. Я. Марр и его последователи, считая язык «речевой надстройкой» и смешивая язык и культуру, утверждали, что при капитализме существуют только классовые языки, именно: язык буржуазии, язык пролетариата и язык крестьянства. Буржуазия, как господствующий класс, стремится свой классо-

---

[1] Б. Кедров, О формах скачков в развитии природы и общества, «Большевик», № 15, 1951, стр. 12.

[2] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

[3] Там же, стр. 23.

[4] Там же, стр. 26.

вый язык объявить общенациональным. Но это ей не удаётся сделать в силу классовых противоречий капиталистического общества. Следовательно, — говорили представители «нового учения о языке», — при капитализме общего национального языка не существует и не может существовать.

Товарищ Сталин разбил наголову эти ложные утверждения. Он указал и на основу этих ошибочных положений Н. Я. Марра.

И. В. Сталин доказал, что язык не является надстройкой, что язык и надстройка представляют два различных понятия, что законы развития языка, как общественного явления, нельзя смешивать с законами развития и смены базисов и надстроек. Язык коренным образом отличается от надстройки. Эти отличия с гениальной чёткостью определил товарищ Сталин.

Всякий базис имеет свою надстройку, надстройка порождается определённым базисом. Она изменяется и ликвидируется вместе с изменением и ликвидацией своего базиса. Язык же, наоборот, внутри данного общества, порождается всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков.

Надстройка в классовом обществе носит классовый характер. Она служит породившему её базису, помогает ему оформиться и укрепиться. Язык же, наоборот, создан не одним классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он обслуживает все классы общества, язык общенароден. Он «...может одинаково обслуживать как старый, умирающий строй, так и новый, подымающийся строй; как старый базис, так и новый, как эксплуататоров, так и эксплуатируемых»[1].

Надстройка есть продукт одной эпохи — эпохи жизни породившего её экономического базиса. «Язык же, наоборот, является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформляется, обогащается, развивается, шлифуется. Поэтому язык живёт несравненно дольше, чем любой базис и любая надстройка»[2].

Надстройка связана с производством косвенно, через посредство экономического базиса. Язык же непосредственно связан с производственной и всякой иной деятельностью человека. Сфера деятельности языка почти безгранична.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 8.

[2] Там же, стр. 9.

Товарищ Сталин указал, что «марксист не может считать язык надстройкой над базисом»[1].

Затем И. В. Сталин учит, что отождествлять и смешивать язык с культурой совершенно нельзя, так как «...культура и язык — две разные вещи. Культура может быть и буржуазной и социалистической, язык же, как средство общения, является всегда общенародным языком и он может обслуживать и буржуазную и социалистическую культуру»[2].

Товарищ Сталин создал подлинно марксистское учение о нациях и национальных языках. Углубляя и развивая далее учение В. И. Ленина о том, что «...создание... национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»[3], И. В. Сталин учит, что нации не могли возникнуть и существовать до капитализма, «... в период феодализма, когда страны были раздроблены на отдельные самостоятельные княжества, которые не только не были связаны друг с другом национальными узами, но решительно отрицали необходимость таких уз»[4]. Нации развиваются в эпоху подымающегося капитализма. Товарищ Сталин учит: «В дальнейшем, с появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка народности развились в нации, а языки народностей в национальные языки»[5].

Таким образом, И. В. Сталин указывает, во-первых, что национальные языки, развиваясь из языков народностей, не создаются заново в эпоху капитализма как надстройка над капиталистическим базисом; во-вторых, что национальные языки не есть продукт буржуазной культуры, а являются продуктом многовекового развития всего общества. Поэтому они обслуживают все общество, все классы общества, всех членов общества, независимо от их социальной принадлежности. «... национальные языки, — говорит И. В. Сталин, — являются не классовыми, а общенародными языками, общими для членов наций и едиными для нации»[6].

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 11.

[2] Там же, стр. 20.

[3] В. И. Ленин, Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?. Соч., изд. 4, т 1, стр. 137—138.

[4] И. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм, Соч., т. 11, стр. 336.

[5] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, сто. 13.

[6] Там же.

Товарищ Сталин указывает и пути развития языков народностей в национальные языки. Это указание он дает в своем учении о диалектах. И. В. Сталин учит, что существуют «классовые» диалекты, жаргоны и диалекты местные. «Классовые» диалекты, жаргоны нельзя считать языками, — говорит он, — так как «они не имеют своего собственного грамматического строя и основного словарного фонда. Ввиду этого они никак не могут развиться в самостоятельные языки»[1]. Эти диалекты и жаргоны имеют узкую сферу обращения среди членов верхушки того или иного имущего класса и совершенно не годятся, как средство общения людей, для общества в целом. Язык же обслуживает общество в целом. «...диалекты и жаргоны, — учит И. В. Сталин, — представляют ответвления от общенародного национального языка, лишённые какой-либо языковой самостоятельности и обречённые на прозябание. Думать, что диалекты и жаргоны могут развиться в самостоятельные языки, способные вытеснить и заменить национальный язык, — значит потерять историческую перспективу и сойти с позиции марксизма»[2].

«Классовым» диалектам, жаргонам И. В. Сталин резко противопоставляет местные диалекты, местные говоры.

И. В. Сталин указывает, что наряду с общенародным языком существовали местные диалекты. Они существовали как в период племенного строя, так и в период формирования и жизни народностей, «...но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»[3]. Существовали местные говоры и в период образования национального языка и дальнейшей его жизни. Национальный язык является высшей формой, которой подчинены диалекты, как низшие формы. Местным диалектам И. В. Сталин придаёт большое значение как в истории образования самостоятельных языков народностей, так и в истории формирования национальных языков. Он пишет: «Диалекты местные («территориальные»), наоборот, обслуживают народные массы и имеют свой грамматический строй и основной словарный фонд. Ввиду этого некоторые местные диалекты в процессе образования наций могут лечь в основу национальных языков и развиться в самостоятельные национальные языки.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 43.
[2] Там же, стр. 14.
[3] Там же, стр. 13.

Так было, например, с курско-орловским диалектом (курско-орловская «речь») русского языка, который лёг в основу русского национального языка»[1].

Следовательно, национальный язык формируется на основе одного из диалектов родного языка. Так, в основу русского национального языка лёг курско-орловский диалект. Но кроме этого диалекта, в Московской Руси XVII в. и в России XVIII в. и позднее существовало значительное количество других местных говоров. Что же происходило и происходит с ними? И. В. Сталин указывает, что остальные местные диалекты «...теряют свою самобытность, вливаются в эти языки и исчезают в них»[2]. Таким образом, и остальные местные говоры входят постепенно в общность национального языка и участвуют в его дальнейшем формировании.

Поэтому национальный язык **«не противостоит родному языку народа как второй язык, а представляет собою именно родной язык,** возвысившийся на степень национального языка...»[3].

Термин «национальный язык» понимался в языкознании по-разному. И. В. Сталин уточнил его содержание. В своем труде «Марксизм и национальный вопрос» товарищ Сталин, говоря об общности языка, как одной из характерных черт нации, разъясняет, что «национальная общность немыслима без общего языка»[4], и добавляет, что здесь «речь идёт, конечно, **о народно-разговорных языках»**[5]. Таким образом, **под национальным языком марксизм понимает разговорный язык широких народных масс,** а не жаргон аристократического дворянства или верхушечных слоёв буржуазии, отгородившихся с помощью его «...от «грубых» выражений и оборотов национального языка»[6], а также — и не официально-канцелярский жаргон дворянских и буржуазных правительств.

В. И. Ленин указывает, что победа капитализма над феодализмом должна сопровождаться закреплением языка широких народных масс, т. е. вырабатываемого национального языка, в литературе. Об этом он так пишет: «Во всём мире

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 44.

[2] Там же.

[3] Т. П. Ломтев, Некоторые вопросы марксистско-ленинского учения о национальных языках. «Вопросы философии», 1950, № 2, стр. 36.

[4] И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 293.

[5] Там же. (Подчеркнуто мной. — Т. Т.).

[6] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 14.

эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»[1].

Формировавшийся русский национальный литературный язык, в свою очередь, не являлся каким-то особым языком. Это тот же национальный, народно-разговорный язык, только обработанный на протяжении столетий нашими классиками литературы, прогрессивными литературными критиками, русскими революционными и передовыми философами и учёными. Об этом уже давно прекрасно сказал М. Горький: «Уместно будет напомнить, что язык создаётся народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его»[2].

II. Исторические предпосылки борьбы за народность языка

Местная диалектная лексическая струя медленно завоёвывала себе права гражданства как в русской лингвистической науке, так и в русском литературном языке.

Борьба за народность языка продолжалась в течение столетий, особенно усилилась она в рассматриваемый нами период — во второй половине XVIII и первой половине XIX вв. — в связи с развитием капитализма, когда была выдвинута основная задача — закрепить язык широких народных масс,

---

[1] В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение, изд. 4, Соч., т. 20, стр. 368.

[2] М. Горький, О литературе, 1937, стр. 220.

т. е. вырабатываемый национальный язык, в литературе, как об этом мы уже говорили ранее.

Мы даём очерки из истории этой борьбы **по линии лингвистической: диалектологической и лексикографической.** Очерки объединены между собою, во-первых, идеей борьбы за народность языка, или, как тогда говорили, — за «простонародный» язык, куда входили не только местные словарные, но и другие элементы; во-вторых, очерки объединены последовательностью целей этой борьбы в процессе её исторического развития — в хронологических рамках, указанных нами выше.

Цели борьбы прогрессивными языковедами рассматриваемого нами периода объявлялись или в форме этнографической значимости «простонародного» слова; или в форме значимости местной диалектной лексики для более полного и точного изучения различных рукописей и других памятников глубокой старины, познание которых необходимо как для историка языка и древней русской литературы, так и для историка родного народа; или — в форме значимости её как ценного материала для пополнения словаря русской литературной речи; или в форме значимости народности речи как основы для дальнейшего развития русского литературного языка; или, наконец, в форме лингвистической ценности местных говоров, как особой языковой единицы, входящей в состав русского языка, и поэтому необходимой для полного научного изучения его истории. Последняя цель была выдвинута к концу изучаемого нами периода — в 40-х и 50-х гг. XIX в.

Эта борьба должна изучаться в неразрывной связи с историей русского общества в данный период. Язык не имеет своей замкнутой истории, обособленной от истории того народа, который является его носителем. Об этом гениально говорит товарищ Сталин:

«Язык относится к числу общественных явлений, действующих за всё время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»[1].

Поэтому, при анализе явлений, имевших место в развитии русского как живого, устного, так и литературного языка,

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

нам необходимо обращаться к истории русского общества, внутри которого велась упорная борьба за язык. Товарищ Сталин учит:

«...язык, как средство общения людей в обществе, одинаково обслуживает все классы общества и проявляет в этом отношении своего рода безразличие к классам. Но люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения»[1].

В рассматриваемый нами период, вторая половина XVIII в. и первая половина XIX в., шла напряженная борьба между реакционными верхущечными слоями дворянства и прогрессивными элементами русского общества за право вхожденья народно-разговорной речи в литературный язык. Первые стремились не допустить, как тогда говорили, «простонародной» речи в литературный язык. Например, известный в конце XVIII в. филолог Подшивалов, отражавший взгляды дворянских аристократов-космополитов, писал, что худо делает тот автор, который «употребляет простонародныя слова, охотник до пословиц»[2].

Представители прогрессивных слоёв русского общества, наоборот, прилагали все усилия к тому, чтобы дать ценным элементам диалектной лексики литературные права, сделать её полноправным слагаемым среди других составных элементов литературного языка, а также и полноценным объектом научного её изучения, как составной части истории русского языка.

Эта борьба, по существу, шла за утверждение родного языка народных масс в качестве основы литературно-национального языка. Борьба эта была исторически обусловлена победой капитализма в России над феодализмом. Т. П. Ломтев, основываясь на указаниях В. И. Ленина, данных им в статье «О праве наций на самоопределение», пишет: «В. И. Ленин указывает, что национальное движение эпохи краха феодализма наряду с другими задачами должно было решить следующие две задачи: во-первых, государственно сплотить население, говорящее на одном языке, то есть создать национальное государство; во-вторых, закрепить родной

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

[2] Подшивалов, Сокращенный курс Российского слога, 1796, стр. 97, или Грот, Филологические разыскания, изд. 3, т. I, 1885, стр. 84.

язык народных масс в литературе и обеспечить ничем не стесняемый процесс его литературного развития»[1].

Процесс утверждения родного языка в литературе и устранение препятствий, которые стоят на пути его расцвета, продолжается в течение столетий. Он усилился в связи с развитием капитализма в рассматриваемый нами период. Особенно остро проходила эта борьба по линии лексического состава языка. Лексика литературного языка данного периода приковывала к себе особое внимание лингвистов и литературных деятелей, не мало сломавших копий за её состав. Объясняется это тем, что борьба за язык велась с позиций различных мировоззрений, творческих методов и творческих индивидуальностей. В слове же как раз наиболее выпукло и отражаются все эти особенности. Акад. В. В. Виноградов так об этом говорит: «Из того, что язык не является надстройкой, нельзя сделать вывода, что вопрос об отношении языка к надстройке, к разным категориям надстройки совсем безразличен для языкознания... Совершенно очевидно, что связь языка с большей частью категорий надстройки выражается и отражается лишь в словарном составе языка»[2].

В рассматриваемый нами период «простонародная», особенно — местная диалектная речь, её словарный состав и грамматический строй, аристократическим дворянством и реакционным крылом лингвистов и писателей считалась искажением «литературного языка» «высшего общества», по нашей терминологии — литературного жаргона дворянского аристократического салона. Это привело к тому, что «простонародная», особенно — местная диалектная речь, в продолжение длительного времени не могла входить полноправным элементом в литературный язык и стать объектом научного, лингвистического, изучения. Понадобилась длительная упорная борьба со стороны прогрессивной части языковедов и писателей, чтобы завоевать эти права.

Борьба за «простонародный» язык проходила или под флагом борьбы за этот язык в целом, или под флагом борьбы за его местные говоры. Борьба за местные говоры сопровожда-

---

[1] Т. П. Ломтев, Некоторые вопросы марксистско-ленинского учения о национальных языках, «Вопросы философии», № 2, 1950, стр. 37.

[2] В. В. Виноградов, Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания. См. Материалы объединённой научной сессии, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию, изд. АН и ПАН, 1951, стр. 55—56

лась и их изучением. Мы даём обзор этой борьбы, что, по существу, является обзором зарождения и становления русской диалектологии и её лексикографии.

III. Борьба Ломоносова за народность языка

Возникновение, становление и дальнейшее развитие науки «История русской диалектологии» происходило самобытным путём, путём длительных, упорных и кропотливых исследований по вопросам диалектной речи, проделанных многими поколениями русских учёных-филологов. Научные истоки «Истории русской диалектологии» кроются в той исследовательской работе, которую провёл гений нашего народа М. В. Ломоносов по вопросам русского языка. Акад. С. П. Обнорский говорит, что устремления Ломоносова «простирались на научное изучение широкой проблематики в отношении русского языка — на исследование грамматического его строя, на лексикологическую его разработку, на изучение диалектов русского языка и т. д.»[1].

Ломоносов разработал теоретические основы формирования русской литературной речи не только для второй половины XVIII в., но и для дальнейших десятилетий — вплоть до Пушкина. **Эти основы Ломоносов дал по линии словаря и грамматики русского языка.**

Лексический состав современной ему русской речи Ломоносов разбил на три «рода», иначе—на три группы. К третьей группе он отнёс слова исконно русские ...от литературных до «простонародных», как тогда говорили, включительно[2]. Термин «простонародный» во времена Ломоносова и позднее, в XVIII в., имел широкое значение. Под него подводились слова, бытующие в языке «простого народа», — мещан, городских ремесленников, «чернорабочих» и крестьян, в том числе и слова местных диалектов. Словам «простонародного» языка Ломоносов отвёл в словарном составе русской литературной речи значительное место. Это был первый, смелый, новаторский, прогрессивный шаг для того времени, когда «простонародная» речь считалась «низкой» и «подлой» сравнительно с

---

[1] Акад. С. П. Обнорский, Итоги научного изучения русского языка, Ученые записки, МГУ, вып. 106. Роль русской науки в развитии мировой науки и культуры, т. III, кн. I, стр. 5, 1946.

[2] Сочинения М. В. Ломоносова, изд. АН, 1898, т. IV, стр. 227. Статья О пользе книг церковных в Российском языке. Последующие ссылки будут даны по этому изданию.

жаргоном дворянской аристократии и недопустимой поэтому в литературный язык.

Учение о трех «родах» слов послужило Ломоносову фундаментом для создания учения о трех стилях русской литературной речи. Ломоносов писал, что в произведениях третьего стиля — в комедиях, увеселительных эпиграммах, песнях, в прозаических дружеских письмах и в описании обыкновенных дел — «простонародные низкие слова могут иметь место по рассмотрению»[1]. **Это значит, что Ломоносов «простонародной», в том числе и местной диалектной лексике, дал литературные права.** Это был следующий смелый шаг гениального ученого, имевший огромное значение для дальнейшего развития русского литературного языка.

Ломоносов создал первую в России научную грамматику. Он составил ее на основе тщательного изучения, во-первых, прогрессивных элементов книжной речи Московской Руси; во-вторых, на основе прекрасного знания современной ему литературной речи; **в-третьих, на базе глубоко изученной им живой народно-разговорной и местной, диалектной речи.** Народную базу «Российской грамматики» Ломоносова в свое время отметил ещё Ф. И. Буслаев. Он писал, что разнообразные элементы речи, **«впервые собранныя из уст народа,** с необыкновенной проницательностью, ученою и артистическою тонкостью художника, и впервые искусно приведённыя в стройную систему, составляют самое существенное достоинство этой книги»[2]. О народной основе «Российской грамматики» говорит и акад. Обнорский С. П[3].

Народная основа «Российской грамматики» Ломоносова сказалась, как мы полагаем, в её прекрасном русском языке, особенно в приводимых примерах для подтверждения правил. Примеры взяты им из общенародного русского языка как разговорного, так и книжного, или из местных говоров. Они даны Ломоносовым, главным образом, в виде отдельных слов. Читая эти примеры, ярко чувствуешь аромат русской народной разговорной речи. Можно смело к примерам «Российской грамматики» применить слова Белинского, сказанные им о

---

[1] Сочинения М. В. Ломоносова, изд. АН, 1898, т. IV, стр. 228.

[2] Ф. Буслаев. Ломоносов как грамматик. Сочинения М. В. Ломоносова, т. IV, Примечания, варианты, приложения, стр. 43.

[3] С. П. Обнорский, Ученые записки МГУ, вып. 106., т. III, кн. 1; 1946, стр. 4.

языке «Мертвых душ» Гоголя: «При каждом слове его поэмы читатель может говорить: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!»[1]. Даём образцы этих примеров.

Общенародная типично русская лексика: «Убоялся, выбелил, взбесился, повалил, варю, веселю, вижу, ворожу, гною, давлю, дарю, дорожу, жарю, зеленею, квашу, кормлю, курю, молочу, плачу» и др., § 378. **«Проглядел, прозевал, разоспался, разговорился, раскричался»** и др., § 416, 417.

«Речь, степь, слякоть, волдырь, вехоть (мочало. — **Т. Т.**), **ключь, калачь, комель, конь, косарь»** и др., § 143. **«Бадья, лодья, скамья»** и др., § 169. **«Молодка, девка, полка, перепонка»** и др., § 163. **«Топор, клин, кафтан, сапог, чулок, пояс»** и др., § 176. **«Богатый, сладкий, сильный; близок, узок, гадок, низок, короток»** и др., § 213, 221. Такую же лексику мы наблюдаем и во всех других параграфах его грамматики.

Рядом с лексическими примерами из общенародного языка Ломоносов даёт в «Российской грамматике» фонетические и морфологические иллюстрации из «простонародной» речи, в которую могли входить и разнообразные элементы местных говоров. Такие примеры он иногда так помечал: «просторечие», «обыкновенные разговоры», «в некоторых Российских провинциях», «простой русский язык». Даём примеры с пометами.

Из фонетики: «Буквы **«Е»** и **«ЯТЬ» в просторечии** ёдва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет и требует... в **«Е»** дебелости, в **«ЯТЬ»** тонкости», § 104.

«В просторечии Ь больше нежели в письме изображается промеж другими буквами: **твердит,** пишем; а выговариваем: **тверьдит»,** § 120.

«Буквы **З, С, Т** в предлогах произносятся как им последующия и с ними сливаются: **с шумом, из шерсти, от червей, с жилами,** выговаривают: **шшумом, ишшерсти, оччервей, жжилами.** Сие произношение больше употребительно **в обыкновенных разговорах;** а в чтении книг и в предложении речей изустных к точному выговору букв склоняется», § 103, 104.

«**Щ** составлена из **Ш** и **Ч**... в некоторых **Российских провинциях** как **Ш Ш**... произносится», § 88[2].

---

[1] В. Белинский, Сочинения, т. 2, стр. 290, М., 1948.

[2] Произношение **Щ** как **ШШ** — северно-русский диалектизм, См. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе». Составили Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков пункт 7-й, М., стр. 20, 1915.

Из морфологии: «Мастеровых людей имена в женском роде, когда и мастерство к ним приписывается, кончатся на **ЦА: мастерица... Ежелиж просто значат жену мастероваго человека,** кончатся по большей части на **ИХА: кузнечиха, сапожничиха...,** § 242[1].

Имена втораго склонения... происшествия от глаголов употребительнее имеют в родительном **У** и тем больше оное принимают, **чем далее от** Словенскаго отходят; а Словенския в разговорах мало употребляемыя, лутче удерживают **А:**

размах, размаху; взгляд, взгляду; визг, визгу; вид, виду и **вида; трепет, трепета,** § 171, 172[2].

«Окончевая правила о глаголах, нельзя не упомянуть о некотором особливом свойстве **простаго Российскаго языка,** изображающем скорыя действия, которыя производятся от прошедших неопределенных: от **глядел, глядь;** от **брякал, бряк;** от **хватал, хвать;** от **совал, сов;** от **пыхал, пых...»,** § 427.

Иногда Ломоносов не делал оговорок или каких-либо других помет, приводя в качестве примеров формы слов, явно относящиеся к местному диалектному словоупотреблению.

Так, говоря о сравнительной степени, он пишет: «Рассудительный степень производится от женскаго именительнаго, через перемену **А** на **ЕЕ: страшна, страшнее...** нередко... вместо **ЕЕ** употребляется **ЯЕ: беляе, светляе.** Однако и **блеклее, светлее** равное или лутчее достоинство имеют»[3], § 217, 218.

«Имена с причастиями и с прилагательными сродныя, кончащияся на **ей** и **ой** склоняются как прилагательныя: **певчей..., стряпчей, проежжей..., нищей, сотской, посадской, тысяцкой** и другия сим подобныя», § 200[4].

«Деепричастия настоящия рождаются, когда втораго лица

---

[1] Конечное сочетание **ИХА** для слов 1 склон. жен. рода существит. свойственно просторечию и местным говорам.

[2] Проф. Будде в статье «Значение Гоголя в истории русскаго литературнаго языка» считает окончание У в род. пад. ед. ч. существительных мужского рода 2 склон. типичным признаком «кресгьянскаго» словоупотребления, т. е. местного диалектного. Журнал Министерства Народнаго просвещения, 1902, кн. 7.

[3] Окончание сравнительной степени прилагательных **ЯЕ** является северно-русской диалектной чертой. См. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе», стр. 18.

[4] Эти окончания, закреплённые в период средневековья в Московской разговорной и письменной речи, составляют её местную черту.

настоящаго единственнаго **ИШЬ** переменяется на **Я** или **А**, на **ЮЧИ** или **УЧИ**: бранишь, браня, бранючи...», § 393.

«Присем примечать надлежит, что деепричастия на **ЮЧИ** пристойнее у точных Российских глаголов, нежели у тех, которыя от Славенских происходят; и напротив того деепричастия на **Я** употребительнее у Славенских, нежели у Российских. Например, лутче сказать **толкаючи**, нежели **толкая**; но напротив того лутче употребить **дерзая**, нежели **дерзаючи**», § 356[1].

Иногда Ломоносов не делает никакой оговорки, употребляя рядом деепричастия книжной формы и местной диалектной формы:

«ДЕЕПРИЧАСТИЯ

Настоящее. Двигая, двигаючи.

Прошедшее неопределённое. Двигав, двигавши.

Прошедшее однократное. Двинув, двинувши», § 360.

Иногда Ломоносов делает оговорку в пользу книжных форм деепричастия, а иногда — наоборот:

«Деепричастия на **А** или **Я** лутче, нежели на **ЮЧИ** или **УЧИ**;... иныя глаголы имеют деепричастия лутче на **ЧИ**, нежели на **А** или **Я**, как: **еду**, **едучи**», § 393.

...«Деепричастия прошедших времен... на **В** кончащияся лутче, нежели на **ВШИ**; однако не без изъятия», § 394.

В «Российской грамматике» Ломоносова имеются слова, взятые им из различных местных говоров. Такую лексику он также даёт без указания, что она относится к диалектному словоупотреблению. Например: **БАЮ,** (от баять), § 291: сев. — Даль, обл. — Ушаков, **БОБЫЛЬ,** § 143: пск. — Даль, обл. — Ушак. **ЧУЮ** — § 295: сев. — Даль. **ВЕКША** — § 167: обл. — Ушак. **КАЖУ** — § 327: южн. — Даль, прст. — Ушак. **ВЕРША** — § 167: обл. — Ушак. **БРЕХАЮ** — § 310: южн., зап.—Даль. **ЛИШЕ** — (сравнительная степень к прилагательному «ЛИХ») — § 223: сев., вят. — Даль. **РЕБЯ, ПОРОСЯ, ТЕЛЯ, ЖЕРЕБЯ** — § 144, 159: эти 4 слова бытовали в древнейшем русском языке. В последующем его развитии они в этой форме стали употребляться, главным образом, в местных говорах.

---

[1] Деепричастия на **УЧИ, ЮЧИ** составляют черту местных говоров. Космополит Греч в своей грамматике писал, что подобные деепричастные формы являются признаком «изустного разговора и просторечия».

Наличие в «Российской грамматике» выписанных нами всех слов свидетельствует о том, что Ломоносов использовал для создания её самые разнообразные пласты лексического состава современного ему русского языка, в том числе и пласт слов и форм слов из местных говоров. Этим самым он и по линии грамматического учения узаконил пребывание разнообразных словарных элементов в русском литературном языке, чем обогатил его лексический состав.

Фактом создания первой русской научной грамматики Ломоносов заложил основы грамматического учения о русском языке. Над созданием «Российской грамматики» Ломоносов трудился много лет. Об этом колоссальном труде он сам так образно говорит: «Кто отчасу далее в нём (русском языке.— **Т. Т.**) углубляется, употребляя предводителем общее Философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лутче сказать, едва пределы имеющее море. Отважась в оное, сколько мог я измерить, сочинил малый сей и общий чертеж всея обширности, Российскую грамматику, главныя только правила в себе содержащую... И хотя она (грамматика.—**Т. Т.**) от общаго употребления языка происходит; однако правилами показывает путь самому употреблению»[1].

Ломоносов пропагандировал среди культурного общества необходимость изучения грамматики. Он писал, что «Российская грамматика есть знание, как говорить и писать чисто Российским языком по лутчему, рассудительному его употреблению», § 86. Поэтому все науки в грамматике нужду имеют. Он учил, что «тупа Оратория, косноязычна Поэзия, неосновательна Философия, неприятна История, сомнительна Юриспруденция без Грамматики»[2].

Товарищ Сталин учит, что «...грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»[3].

Затем И. В. Сталин пишет, что «...словарный состав, взятый сам по себе, не составляет ещё языка, — он скорее всего является строительным материалом для языка... Но словарный состав языка получает величайшее значение, когда он посту-

---

[1] Сочинения М. В. Ломоносова, изд. АН, 1898, т. IV, стр. 10—11.
[2] Там же, стр. 11.
[3] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 26.

пает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придаёт языку стройный, осмысленный характер. Грамматика (морфология, синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Следовательно, именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку»[1].

Исходя из этих положений И. В. Сталина, мы можем сказать, что в своей реформаторской деятельности Ломоносов разрешил главное — он разработал для своего времени вопросы грамматического строя русского языка и его словарного состава.

Ломоносов особое внимание уделял народноразговорной речи. Он тщательно изучал эту речь в её территориальных, местных проявлениях. Доказательством этому служат следующие факты.

Ломоносов сам писал о себе, что он «...довольно знает все диалекты здешней империи». В «Российской грамматике», а затем в рукописях и заметках, имевших, в основном, подготовительный характер к составлению этой грамматики и напечатанных только в XIX в., мы встречаем термин «диалект». Ломоносов употребляет его часто в значении «говора», иногда — в значении «наречия», реже — в значении «языка» в целом. Это происходит потому, что в эпоху Ломоносова ещё не было чёткого разграничения понятий, обозначаемых этими терминами. Один из исследователей его языкового творчества говорит, что Ломоносов «обычно употребляет термин «диалект» для обозначения разновидностей внутри одного языка, русский же язык в целом он называет «языком»[2]. Так, например, Ломоносов в рукописи, впервые напечатанной в середине XIX в., пишет:

«О ДИАЛЕКТАХ

Российский язык можно разделить на три диалекта.

1) Московской, 2) Поморской, 3) Малороссийской.

Перьвой главной и при дворе и в дворянстве употребительной, а особливо в городах близ Москвы лежащих.

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 23—24.

[2] П. С. Кузнецов, Ломоносов и русская диалектология. См. «Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР», вып. 5, стр. 110.

Другой несколько склонен ближе к старому Славенскому и великую часть России занял.

Третей больше всех отличен и смешен с Польским.

Пограничные жители употребляют много слов близ лежащих народов, **чум, вежа, варока**»[1].

Позднее Ломоносов термины «Поморской» и «Малороссийской» заменяет другими. Так, в «Российской грамматике» он пишет: «В правописании наблюдать надлежит, чтобы оно... не отходило далече от главных Российских диалектов, которые суть три: Московской, Северной, Украинской»[2].

Конечно, отнесение украинского языка к диалектам русской речи является совершенно устаревшим и неприемлемым для нас. Но во времена Ломоносова, на самых первых подступах к созданию науки «История русской диалектологии», оно не являлось отсталым, а говорит лишь о творческих исканиях автора по вопросам русского языка. Об этом свидетельствует и характерная для прогрессивной мысли Ломоносова последующая замена им первоначальных своих терминов «Малороссийской» — «Украинским», «Поморской» — «Северным».

Под «Северным диалектом» Ломоносов подразумевает совокупность тех говоров, которые мы называем севернорусскими. Это доказывается тем, что Ломоносов, говоря о «Северном диалекте», заявляет, что он «великую часть России занял». Под «Московской диалект» Ломоносов подводил не только говор г. Москвы, но и говоры «в городах близ Москвы лежащих», несомненно, те говоры, которые мы называем средневеликорусскими. Последнее доказывается тем, что Ломоносов характеризует «Московский диалект», который он иногда называет наречием, как диалект акающий. Ломоносов пишет: «Московское наречие не токмо для важности столичнаго города, но и для своей отменной красоты протчим справедливо предпочитается; а особливо выговор буквы **О** без ударения, как А, много приятнее...»[3].

Диалектам Ломоносов противопоставляет, как единое явление, русский язык в целом. Например, он пишет: «Повели-

---

[1] Сочинения М. В. Ломоносова, изд. АН, 1898, т. IV, Примечания, варианты, приложения, стр. 126.

П. С. Кузнецов, Ломоносов и русская диалектология. См. «Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР», вып. 5, стр. 108—109.

[3] Там же, «Российская грамматика», т. IV; § 115.

П. С. Кузнецов, Ломоносов и русская диалектология, стр. 109.

[3] Там же, «Российская грамматика», т. IV, § 115.

тель многих языков **язык Российский** не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе»...[1]. «Средний штиль состоять должен из речений больше в **Российском языке** употребительных...»[2]. «В **Российском языке** те только слоги долги, над которыми стоит сила; а протчие все коротки»[3].

Учение Ломоносова о диалектах «Северном» и «Московском», для нашего времени во многом — устарелое, а для той эпохи — новое и прогрессивное, могло сложиться только в результате кропотливой и длительной работы его над народным языком. В рукописном наследии Ломоносова сохранился автограф под названием «Филологическия исследования и показания, к дополнению грамматики надлежащия». По существу — это план языковедных занятий Ломоносова. В нём намечены работы и по изучению «простонародной речи». Так в пункте втором сказано: «О сродных языках Российскому и нынешних **диалектах»**. В пункте четвертом говорится: **«О простонародных** словах»[4]. В черновых рукописях Ломоносова имеется и другой план работ по грамматике, в котором записано в пункте третьем: «О произношении письмен Российских **в простых разговорах»**[5].

В письме к графу М. Л. Воронцову Ломоносов писал о себе: «Собрал лутчие Российския пословицы»[6]. Ломоносов составлял очень интересный словарь синонимов русского языка, в котором он дал синонимы книжной речи и рядом с ними поставил синонимы, взятые им из местных говоров, например:

«Печаль, **кручина,** скука.

Буря, непогода, **погода**[7], **пыль**[8].

---

[1] Сочинения М. В. Ломоносова, изд. АН, 1898, т. IV, стр. 9. (Подчеркнуто мной.—**Т. Т.**).

[2] Там же, стр. 228, Ст. «О пользе книг церковных в Российском языке». (Подчеркнуто мной.—**Т. Т.**).

[3] Там же, т. III, стр. 2. «Письмо о правилах Российского стихотворения». (Подчеркнуто мной.—**Т. Т.**).

[4] Там же, т. IV, стр. 233. (Подчеркнуто мной, — Т. Т.).

П. С. Кузнецов, Ломоносов и русская диалектология, стр. 108.

[5] Сочинения М. В. Ломоносова, т. IV, стр. 49. Примечания.

П. С. Кузнецов, Ломоносов и русская диалектология, стр. 106.

[6] Там же, т. IV, стр 255. Примечания...

[7] «Погода» — в значении «дурная погода» Здесь — «буря».

[8] «Пыль» — в значении «пена на море во время волны». Оба слова имеются у Подвысоцкого — «Словарь областного Архангельского наречия», 1885, Спб.

Морская отнога, залив, **губа**, рукав, **курья.**

Печалюсь, **кручинюсь, скучусь,** тоскую...

Чать будет, никак будет, **восли** будет, может быть будет»[1].

Ломоносов собирал «простонародные» слова и составлял словарь «провинциальных диалектов». Он изучал их фонетические и морфологические особенности. Поэтому мы можем смело сказать, что гениальный учёный русского народа **М. В. Ломоносов был и первым нашим диалектологом, а затем — и первым лексикографом местной диалектной речи.** Эту работу он целиком посвятил тому, чтобы языку «простого народа» дать право на вхождение в грамматическую науку и в литературный язык своего времени.

Ломоносов свои положения по вопросам родного языка проводил в жизнь, борясь с противниками своих взглядов, например, с противниками организации русской грамматической системы на основе народности языка. Среди этих противников был и Сумароков. Он откровенно высказал это в своей рецензии на «Российскую грамматику» Ломоносова.

Сумароков писал: «Грамматика Ломоносова никаким учёным собранием не утверждена, и по причине, что **он московское наречие в колмогорское превратил, вошло в нее множество порчи языка...**»[2]. Отрицательное отношение к народной основе грамматических положений Сумароков высказал и в своем замечании о Тредьяковском: «Г. Тредьяковский в молодости своей старался наше правописание **испортить простонародным наречием...**»[3].

После смерти Ломоносова теоретическая и практическая работа по вопросам **народности** языка затухает до середины 80-х гг. XVIII в. Но влияние гениальной творческой мысли Ломоносова о литературной и лингвистической значимости местного слова не окончилось с его смертью. Труды Ломоносова оказали большое воздействие на составителей «Словаря Академии Российской», в конце XVIII в., на работу членов «Общества Любителей Российской Словесности при Московском Университете» во втором десятилетии XIX века и, наконец, на методические и грамматические взгляды крупнейших филологов средины XIX в.

---

[1] Сочинения М. В. Ломоносова, т. IV, стр. 255—256. Примечания. П. С. Кузнецов, Ломоносов и русская диалектология, стр. 113.

[2] Полное собрание сочинений А. П. Сумарокова, 1782, часть X, стр. 5; Сочинения М. В. Ломоносова, т. IV, Приложения, стр. 41.

[3] Там же, стр. 75.

Борьба вокруг вопросов народно-диалектной лексики в Академии Российской

В своих трудах по вопросам языкознания товарищ Сталин учит, что язык, как средство общения людей в обществе, является не классовым, а общенародным языком, одинаково обслуживающим все классы общества. Но люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку.

«Они стараются, — говорит И. В. Сталин, — использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются «классовые» диалекты, жаргоны, салонные «языки»[1].

В России последней четверти XVIII в. таким классом, стремившимся влиять на язык, был класс дворянский. Его верхний слой — дворянская аристократия создавала свой жаргон, в который входили слова и выражения, отражавшие её специфический быт, специфические вкусы и интересы. Эти слова и выражения отличались изысканностью, галантностью с точки зрения дворянской аристократической эстетики. В процессе создания своего жаргона дворянская аристократия стремилась всеми средствами отделить свой «язык» от языка «простого народа», который она считала грубым, а потому и не приемлемым для себя, нарушающим её барско-эстетические воззрения на окружающий мир. Свой жаргон верхушечные слои дворянства стремились закрепить в своей салонно-речевой и литературной практике.

Для литературной обработки и оформления салонно-аристократического жаргона правительство дворянской монархии создаёт особое учреждение.

В 1783 году в Петербурге была основана Академия Российская — научный центр, созданный для разработки вопросов русского языка. В «начертании» Академии, разработанном её первым президентом кн. Дашковой[2], говорилось, что Академия Российская должна была «иметь предметом своим **вычищение** и обогащение российского языка, общее установ-

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

[2] Е. Дашкова, Краткое начертание Академии Российской. См. М. И. Сухомлинов «История Российской Академии», т. 1, Спб. 1871, стр. 15. (Подчеркнуто мной.—**Т. Т.**).

ление употребления слов онаго, свойственное оному витийство и стихосложение». Результаты своей работы академики обязаны были оформить составлением и изданием российской грамматики, российского словаря, риторики и правил стихосложения.

Из этих заданий Академия прежде всего осуществила второе — составила и напечатала «Словарь Академии Российской», в 6 томах, 1789—1794, Спб. Для составления «Словаря» была организована «Словарная Комиссия Академии Российской». В неё входили представители высшего духовенства и знатного дворянства, затем — учёные и писатели, среди последних — Державин, Фонвизин, Херасков, Богданович, Княжнин, Болтин, Щербатов, акад. Лепехин, Румовский, Озерецковский, Иноходцев и др. Если первые входили в комиссию в качестве её идеологически направляющей группы, то вторые — в качестве её рабочей части.

Работа над словарем совпала по времени с жестокой реакцией и террором, наступившими в России в последней четверти XVIII в. в связи, во-первых, с крестьянской войной под руководством Е. И. Пугачева, и, во-вторых, в связи с буржуазной революцией во Франции. Идеологически направляющая часть комиссии и должна была ограничить ввод в словарь «простонародных» слов и не допустить в него таких иностранных терминов, содержание которых смогло бы внести в умы «подданных» Екатерины II «революционную заразу».

«Словарь Академии Российской» включает 43.257 слов, расположенных по словопроизводной, семантически-гнездовой системе. При составлении «Словаря» академики классифицировали слова по двум принципам — социальному и стилистическому. Оба принципа рассматривались ими в тесном взаимодействии.

Академики в русском языке различали следующие пласты лексики: иностранный, церковнославянский и собственно русский.

Иностранные слова, главным образом, бытового характера, занимают ограниченное место в «Словаре». Иностранная лексика философии материализма и прогрессивно-политическая, употреблявшаяся в устной и литературной практике передового дворянства второй половины XVIII в., совершенно не была введена в «Словарь», так как её идейная направленность противоречила религиозно-политическим основам крепостни-

ческой дворянской монархии. Зато в значительном количестве был введен старославянский лексический пласт.

Слова «природного» русского языка разбивались академиками на 4 категории. К первой были отнесены такие, которые являлись общепринятыми в литературном языке того времени; ко второй — слова «просторечные»; к третьей — «простонародные»; к четвертой — «провинцияльные». Если в отношении слов первой категории у академиков не было сомнений о включении их в «Словарь», то вопрос о возможности внесения остальных трёх, некнижных, категорий вызвал большие разногласия.

«Просторечными» словами у академиков назывались, во-первых, некоторые слова книжного языка, но с другим выговором в речевом быту «простого» народа, а отсюда — и с другим написанием, например: «литератури. — **объем**, просто же: **объйем**[1]; лит.: **жерновъ** — в просторечии говорят и **жорновъ**»[2]. Во-вторых, те слова, которые в разговорном языке «простого» народа имеют другое значение, чем в книжном, например: «Литер. **Бубенъ** — военное музикийское орудие, на подобие литавр; в простореч.: человек убогий, ничего не имеющий»[3]. Такое содержание термина, в основном, сохранилось и в последующих словарях АН. Необходимо сказать, что в исследуемый нами период, понятие «просторечие», как термин, было расплывчатым, с неотчётливым содержанием. Поэтому неудивительно, что и в последующие десятилетия одно и то же слово разные лексикографы относили к разным категориям. Например, «черево» — брюхо, живот — Сл. АН 1847 г. считает «простонародным», а словарь Шимкевича 1847 г. — «просторечным». Слово «шасть» Сл. АН 1847 г. печатает без всяких оговорок, т. е. считает принятым в книжном языке, а словарь Шимкевича даёт его с пометой — «просторечие». Слово «чужак»—чужой Сл. АН 1806—1822 гг. отмечает «просторечием», а Сл. АН 1847 г. — «простонародным».

От «просторечных» слов академики отличали категорию «простонародных». Этот термин ещё более неотчётлив, чем термин «просторечие». Ни составители «Словаря Академии Российской», ни исследователь этого «Словаря» М. И. Сухомлинов не дают определения данного термина. Но общая линия в понимании его такова: он должен обозначать слова, бытовавшие в разговорной речи «простонародной», «низкой» обще-

---

1 Словарь Академии Российской, т. II, стр. 971.
2 Там же, т. II, стр. 1111.
3 Там же, т. I, стр. 336.

ственной среды. Так, например, известный литературный критик и издатель журналов конца XVIII в., последователь Карамзина Подшивалов к категории «простонародных» слов относил слова, бытовавшие в мещанской и крестьянской среде, в том числе и «областные»; «провинциальными» же словами он называл такие, которые только «в других местах России понятны»[1].

Несмотря на то, что термин «простонародный» сохранился в последующих словарях Академии Наук, он оставался таким же неуловимым, каким был и в конце XVIII в., так как не только «простонародная» среда, но и дворянская, особенно мелкопоместная, провинциальная, в своем бытовом языке имела много «простонародных» слов, сама не осознавая этого. Термин «простонародный» употреблялся в течение всей первой половины XIX в. нашими писателями и литературными критиками: Карамзиным, Пушкиным, Гоголем и др. Понимание этого термина у них было также неотчётливым. Под него подводили и слова крестьянские и слова из языка ремесленников, мещанства и других недворянских прослоек городского населения.

Четвёртая категория, вошедшая в «Словарь», состояла из «провинцияльной» лексики. К ней академики относили, в основном, слова местных говоров.

Вопрос о внесении в «Словарь» слов из местных говоров, или, как тогда говорили, «провинцияльных», вызвал оживлённую дискуссию. Ему было посвящено три пленарных заседания Академии, причем каждое последующее заседание отменяло решение предыдущего, что свидетельствует о напряжённости борьбы, развернувшейся вокруг вопросов о социальной и литературной значимости «провинцияльных» слов.

Инициаторами дискуссии были видный, прогрессивный для того времени, историк И. Н. Болтин и писатель Д. И. Фонвизин. Общее собрание академиков, утвердившее «начертание» (план) «Словаря», постановило: **«провинцияльные** и неизвестные в столицах слова и речения не должны иметь в Словаре места». Болтин не согласился с этим решением и написал свои «Замечания к начертанию Словаря». Он подошел к задачам и лексическому составу «Словаря» с широких прогрессивных позиций. Болтин писал: «Под именем Словаря разумеется такая книга, в которой не одни отборные и употребительные,

---

[1] Подшивалов. Сокращенный курс Российского слога, стр. 43. См. Грот «Филологические разыскания», т. I, стр. 85.

но и всякородные слова, т. е. добрые и худые, низкие и благородные, употребительные и неупотребительные (кроме неблагопристойных токмо) помещены быть имеют право»[1].

К составу и задачам «Словаря» Болтин подошел также с научно-лингвистической и литературной точек зрения. Он, отстаивая необходимость внесения в «Словарь» **всех** диалектных слов, какие станут известны академикам, говорил, что «некоторые из них послужат к объяснению производства других слов, в общем употреблении находящихся. А некоторые могут быть употребляемы в сочинениях издевочного (комедийного. — **Т. Т.**) рода, а особливо, где надобно будет заставить поселянина говорить»[2].

«Замечания» Болтина были рассмотрены на следующем собрании академиков. Собрание согласилось с мнением Болтина и, отменив свое предыдущее решение, постановило вносить в «Словарь» все «провинцияльные», «областные» слова, какие им станут известны.

Д. И. Фонвизин отсутствовал на этом собрании. Получив новое постановление Комиссии о «провинцияльных» словах, он написал письмо акад. Козодавлеву, в котором дал критический разбор «Замечаний» Болтина. Фонвизин подошел к разрешению данного вопроса иначе — не с точки зрения установления словарного богатства **всего русского языка**, в том числе и местного диалектного, как это сделал Болтин. Фонвизин к составу и задачам «Словаря» подошёл, как мы полагаем, с литературно-художественной точки зрения. Он в письме заявил, что в словарь нельзя вносить **все** слова местных говоров, а только «должны иметь в словаре место все те провинцияльные слова, кои служат к обогащению нашего языка»[3].

Письмо Фонвизина стало известно другим членам Академии, в том числе и её председателю Дашковой, и на одном из следующих заседаний Академии вопрос о диалектных словах вновь был пересмотрен. Собрание отменило свое предыдущее постановление и окончательно решило: «Вносить не все областные слова, а только те, которые служат названиями вещей, орудий и т. д., в столицах неизвестных, а также и те,

---

[1] «Замечания» Болтина напечатаны у Сухомлинова в «Истории Российской Академии», вып. 5, 280—296. Здесь — стр. 284.

[2] Там же.

[3] Письмо Фонвизина к акад. Козодавлеву напечатано у Сухомлинова «История Российской Академии», вып. 7, стр. 16.

которые поведут к обогащению языка или же изяществом своим превосходят слова, употребляемые в столицах для названия тех предметов» . А обогащать язык они могли «своею ясностью и краткостью, при том же могли послужить и к замене слов иностранных»[1].

Но и данный пункт плана оказался более широким, чем это диктовалось интересами аристократического дворянства и правительства: «Словарь» вышел с узким объёмом в отношении «простонародных», «провинцияльных», местных слов, так как руководящая часть комиссии по составлению «Словаря» стремилась избегать **«простонародием слов токмо употребительных».**

Но, несмотря на это, значительная доля местной диалектной лексики всё же вошла в «Словарь». Объясняется это, с одной стороны, активностью прогрессивных членов комиссии; с другой — тем могучим влиянием, какое оказывал на членов комиссии гений Ломоносова. Академики ориентировались на Ломоносова «и в выборе слов, и примеров, и в способе их объяснения, и в указании особенностей слога, и во взгляде на литературный язык вообще»[2]. Так «при объяснении различных слов приведено примеров: из Ломоносова — 833, из Сумарокова — 30, из Хераскова — 11»[3]. Правда, большинство академиков ориентировалось, главным образом, на высокий стиль Ломоносова, забывая о низком. Но теорию Ломоносова о трёх стилях нельзя было разорвать, как нельзя было выбросить из его произведений и «низких» слов. Значительная часть «простонародных» и «провинцияльных» слов вошла в «Словарь» только потому, что они встречаются у Ломоносова, например: «**Лыва** —област. — густой, частый, на болоте выросший лес»; «**затея**—простонарод.»; «**сказуюся**—простореч.»[4].

Язык Ломоносова, особенно в его высоком стиле, опиравшемся на славянизмы, был возведён академиками до нормы литературной речи, хотя этот стиль для конца XVIII в. в значительной степени стал уже архаическим. Таким образом, словарная теория и основанная на её базе стилистическая теория Ломоносова являлись опорой нормализации литературной лексики в «Словаре Академии Российской», что и узаконило,

---

[1] М. И. Сухомлинов, История Российской Академии, вып. 8, стр. 105 или «Предисловие к словарю», пункт 5, где несколько иная редакция.

[2] Там же, стр. 26.

[3] Там же, стр. 28.

[4] «Словарь Академии Российской», т. III, стр. 20, 382, 1342.

хотя и в ограниченном количестве, ввод местной диалектной лексики в литературную речь того времени.

Утверждая план лексического состава «Словаря», Словарная Комиссия стремилась собрать и «отличить слова в возвышенном и среднем слоге употребительные; отделить слова в сообществе благородных людей слышимые от слов, простонародием токмо употребительные»[1]. Это задание, предъявленное дворянской аристократической верхушкой, Словарная Комиссия выполнила. Но стал ли от этого **весь** лексический состав «Словаря» классовым? Нет, не стал. Что сделала Словарная Комиссия, составляя «Словарь»?

Во-первых, она ввела в «Словарь» значительное количество типичных русских слов, имеющих по своей стилистической направленности высокое значение, согласно ломоносовской теории о трёх стилях. Но эти слова в одинаковой степени обслуживали все классы русского общества того времени, а не один дворянский класс. Во-вторых, она ввела в «Словарь» значительное количество слов по своему происхождению старославянских, бытовавших в литературной речи второй половины XVIII в. Это были, в основном, книжные слова, служившие резервом для образования высокого стиля светской литературной речи. Это мы видим, например, у авторов:

Ломоносова: «Уста **премудрых** нам **гласят»**[2];

Державина: «**Глагол** времен! Металла звон!»[3]

Радищева: «Ужели, **вещал** я сам себе, природа токмо скупа была к своим **чадам»**[4].

Рылеева: «Тиран, вострепещи!...

О, как на лире я **потщусь** того прославить,
Отечество моё кто от тебя избавит»[5].

Пушкина: «Онегин, добрый мой приятель,
Родился на **брегах** Невы»[6].

Одна часть старославянских слов, введённых в «Словарь Академии Российской», в те времена еще сохранила свою первоначальную культовую направленность, другая же часть уже отвлекалась и отвлеклась от своей первичной значимости и

[1] «Словарь Академии Российской», часть 2, «Предисловие», стр. VI.
[2] Ломоносов, Вечернее размышление...
[3] Державин, На смерть князя Мещерского.
[4] Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву.
[5] Рылеев, К временщику.
[6] Пушкин, Евгений Онегин, гл. V, строфа 2.

употреблялась в переосмысленном значении. Последняя и составила тот словарный, книжный, пласт старославянизмов, который в одинаковой степени обслуживал все классы общества во второй половине XVIII и последующих веков, уменьшаясь постепенно в своем количественном составе.

Академик Виноградов В. В. так пишет о разных категориях слов, переживших породившую их надстройку: «...те из этих слов и терминов, которые переживают породившую их надстройку, отвлекаются от нее, подвергаются затем смысловой переработке и становятся общенародными, общелитературными. Такова, например, в русском языке история слов: **благодать... влияние...** и др.»[1]. Старославянизмы в переосмысленном значении встречаются и в современном литературном художественном и публицистическом языке. Например: «В этой обстановке голос Советской делегации в Организации Объединённых Наций, призывающий к мирному урегулированию корейского вопроса, звучит как **благовест** мира, как призыв к мирному сотрудничеству. Этому голосу **внемлют** миллионы и миллионы сторонников мира всех стран»[2].

В-третьих, Словарная Комиссия ввела в «Словарь» специфические слова и выражения, отражавшие особый быт и специфические вкусы дворянской аристократии того времени, слова и выражения изысканные и галантные с точки зрения дворянской аристократической эстетики. Все эти слова и выражения относятся к салонно-дворянскому жаргону, как к этому жаргону относится и та иностранная лексика, которая была введена в «Словарь» для обозначения предметов и явлений быта дворянской аристократии. Все эти слова, как и случаи различия в семантике одних и тех же слов, не имеют серьёзного значения для характеристики всего лексического состава, введённого в словарь.

Товарищ Сталин учит, что специфический словарь верхушечных слоев имущих классов не имеет серьёзного значения для развития единого общенародного языка. Об этом он так говорит:

«Да, классы влияют на язык, вносят в язык свои специфические слова и выражения и иногда по разному понимают

---

[1] Акад. Виноградов В. В., Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания. См. Материалы объединённой научной сессии, посвященной трудам И. В. Сталина по языкознанию, изд., АН СССР, 1951, стр. 56.

[2] Газ. «Правда», статья «Американская диверсия в Организации Объединенных Наций», № 220, 1951, 8 августа.

одни и те же слова и выражения. Это не подлежит сомнению.

Из этого однако не следует, что специфические слова и выражения, равно как различие в семантике, могут иметь серьёзное значение для развития единого общенародного языка, что они способны ослабить его значение или изменить его характер.

Во-первых, таких специфических слов и выражений, как и случаев различия в семантике, до того мало в языке, что они едва ли составляют один процент всего языкового материала. Следовательно, вся остальная подавляющая масса слов и выражений, как и их семантика, являются общими для всех классов общества.

Во-вторых, специфические слова и выражения, имеющие классовый оттенок, используются в речи не по правилам какой-либо «классовой» грамматики, которой не существует в природе, а по правилам грамматики существующего общенародного языка»[1].

Дискуссия, возникшая в Российской Академии по вопросам местных говоров, имела большое принципиальное значение. Она теоретически разрешила положительно вопрос о вводе в «Словарь» некоторых пластов диалектной лексики. И не вина прогрессивных членов Словарной Комиссии, поднявших дискуссию, если данное решение было реализовано слабо: «простонародным» и «провинцияльным» словам было отведено ограниченное место сравнительно с другими категориями лексики, введенными в «Словарь». Только в течение следующих десятилетий местная диалектная лексика найдет большее отражение в словарях. Это случится тогда, когда произойдут некоторые сдвиги в социальном составе русского общества 1-й половины XIX в., в связи с чем разрешение вопросов диалектной лексики перейдёт из правительственных центров в научные объединения, основанные по инициативе лучших прогрессивных представителей русской филологической науки. Издание «Словаря Академии Российской» и в таком виде, в каком он вышел, было крупнейшим событием в развитии русской лингвистической научной мысли.

Об этом «Словаре» мы имеем отзывы: «Теперь, — писал проф. Срезневский, зачинатель научной разработки истории русского языка, — можно только с благодарностью вспоминать о благородной решимости членов Академии, и, забывая

---

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 40.

о несовершенстве их труда, глядеть на него, как на начало учёной словарной разработки русского языка»[1].

Акад. В. В. Виноградов, крупнейший наш современный ученый, пишет: «Истинным подвигом русских учёных и литераторов XVIII в. в области русской лексикологии был «Словарь Академии Российской» (1789—1794), составивший эпоху в истории русского литературного языка»[2].

Составлением «Словаря Академии Российской» и заканчивается в XVIII в. работа по вопросам русской диалектологии и лексикографии. Теоретические интересы диалектологии вращались вокруг тем о социальной и литературной значимости «простонародного», «провинцияльного», «областного» слова. Разрешение вопросов этих тем носило узкий характер соответственно идеологии правящих кругов дворянской монархии. Но ростки нового, прогрессивного отношения к народной лексике имелись уже и в конце XVIII в., о чем ярко свидетельствует борьба вокруг местных диалектных слов, развернувшаяся в Академии Российской.

Борьба за местное диалектное слово в «Обществе Любителей Российской Словесности при Московском Университете»

В последней четверти XVIII в. и в первой трети XIX в. крепостнический гнёт, самодурство и издевательства помещиков, произвол и насилие власти, царившие в дворянской монархии, достигли особой силы. Эти явления вызвали отпор из среды русской прогрессивной общественности. «...**эта** среда, — указывает В. И. Ленин, — выдвинула Радищева, декабристов...»[3].

Произведения Радищева, в которых ярко был выражен созданный им особый публицистический стиль, призывали к борьбе с самодержавием и крепостным правом; его свободолюбивая, самобытная, материалистическая философия пробуждала у передовых людей конца XVIII и первой трети XIX вв. сочувствие и внимание к крепостному крестьянству, интерес к его жизни, к его диалектно-разговорной речи и устному поэтическому творчеству.

---

[1] «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1848, № 6, стр. 22, статья И. И. Срезневского, «Словарь Церк. Славян. и русского языка», составленный II отд. АН.

[2] Проф. В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, стр. 34, Ученые записки, МГУ, вып. 106, т. III, кн. I, 1946.

[3] В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 21, стр. 85.

Мы полагаем, что влияние произведений Радищева отразилось, несомненно, на деятельности «Собрания университетских питомцев при Московском университете», которое существовало в 90-х гг. XVIII в. Так в «Положении» этого «Собрания» от 1792 г. имелось «Приглашение», обращённое к иногородним членам Собрания, чтобы они «взяли на себя благой и произвольный труд присылать время от времени в Собрание нужные и любопытные сведения из тех городов и мест, где они живут, **об отечественном языке и его разнообразных наречиях, особенных изречениях и оборотах**»[1]. Это «Приглашение» очень ценно и характерно в том отношении, что оно отражает пробуждение в университетской среде последнего десятилетия XVIII в. интереса к местным говорам, к необходимости их сбора и записи.

Интерес к местным диалектам усиливается в 10—20 гг. XIX в., когда в России создалась, в результате дальнейшего развития капитализма, несколько иная, чем во II половине XVIII в., экономическая и общественная обстановка, породившая необходимость более широкого и прочного утверждения родного языка народных масс в качестве основы языка национальной литературы. В силу этого в языковедной ученой и литературной среде стала происходить переоценка значимости местной диалектной речи, в частности, ее лексики. Позиции, с которых совершается в этот период оценка местного слова, в основном, определяются идеей народности. Вопросы народности, отражение её в лингвистических трудах, в содержании и языке художественной литературы этих десятилетий становятся в центре внимания языковедов и писателей.

Внимание к «простонародному» языку в 10—20 гг. усиливается ещё под воздействием новых общественных явлений в русской жизни. После Отечественной войны 1812 г., в которой крестьянство сыграло большую роль в победе над Наполеоном, прогрессивная интеллигенция стала более решительно высказываться за освобождение крестьян от крепостного права, более внимательно присматриваться к их быту, нравам и изучать их местные говоры. Революционные теории и революционные действия дворянских революционеров являются высшим выражением передовых стремлений этого этапа освободительного движения. Декабристы восприняли идеи Радищева и по отношению к «простонародной» речи. Писатели-

---

[1] П. К. Симони, Русский язык в его наречиях и говорах, вып. 1, ч. 1, Великорусское наречие, стр. 59—60, (Подчеркнуто мной.— **Т. Т.**).

декабристы и их друг Пушкин под влиянием этих идей занимались сбором и изучением народно-поэтической и местной диалектной речи.

Лексика местных говоров перестает в этот период считаться отклонением от аристократического, «раз навсегда закреплённого» в письменных памятниках, жаргона, наоборот, она объявляется ценным результатом самостоятельного языкового народного творчества. А язык народа, по мнению лучших представителей литературы и лингвистики того периода, должен послужить основой для реорганизации литературной речи и средством изучения народного быта, его материальной и духовной культуры.

Приведем, в качестве иллюстрации, мнение одного из лингвистов о значимости местных говоров в развитии русского литературного языка. Проф. Казанского университета Суровцев, в статье «Нечто о собрании областных слов» писал: «Не в книгах или в щегольской беседе столичного жителя сокрыт запас нашего витийства, поэзии, знаний, искусства, а в нашей природе, в духе и свойствах нашего народа. Кто примыслил, скопил, расплодил и бережет богатый и своенравный язык наш, как не тот же народ. Пусть он передает его нам в грубом и сыром виде, и уже искусная рука писателя вычищает и обделывает его; но если она, снимая с него кору или накипь, покусится изменить природные его свойства, или захочет навести лоск и краски, ему неприличные, она искажает его, портит его»[1].

Признание лингвистами 10—30 гг. такой значимости за местной речью явилось не сразу, оно подготовлялось длительной борьбой. Большую положительную роль в этой борьбе сыграло основанное в 1811 г. «Общество Любителей Российской Словесности при Московском Университете». Это общество издавало с 1812 г. свой периодический орган «Труды Общества Любителей Российской Словесности». «Труды» были тем изданием, очень авторитетным, на страницах которого впервые стали печататься, сначала отдельные, робкие замечания о необходимости изучения «провинциялизмов», а затем и словарики местных диалектов.

П. К. Симони полагает, что «Приглашением» «Собрания университетских питомцев при Московском университете» от 1792 г. «был возбужден интерес к собиранию областных

---

[1] Ученые записки, издаваемые Казанским университетом, 1839, кн. I, стр. 199.

слов..., нашедших в начале XIX ст. себе приют на страницах «Трудов Общества Любителей Российской Словесности»[1]. Я не считаю это положение правильным, так как само «Общество Любителей Российской Словесности» основано было в 1811 г., первые четыре его книги вышли в 1812 г.; в них не было напечатано ни одного словарика местных слов потому, вероятно, что их и не было в портфеле редакции «Трудов...» Первый Словарик «областных слов» появился на страницах «Трудов» только в 1817 г., т. е. через 25 лет после рассылки «Приглашения».

Статьи отдельных учёных и протоколы заседаний «Общества Любителей Российской Словесности», напечатанные в «Трудах...», дают интересную картину борьбы между членами «Общества...» по вопросам местных говоров.

Первые части «Трудов» «Общества Любителей Российской Словесности» (части издавались отдельными книгами) имеют несколько «рассуждений» общего языковедного характера, в которых вопросы диалектологического или лексикографического порядка иногда затрагиваются вскользь. Так, в I части поэт и проф. Мерзляков в «Рассуждении о Российской Словесности в нынешнем её состоянии» пишет: «Филологи обыкновенно отделяют язык вообще от словесности. Под именем языка разумеют они весь материал, который даёт нам природа и изобретают нужды для выражения наших мыслей и чувствований. Слова можно представить в виде камней, назначенных для строения, и расположенных просто, в некотором видимом порядке: вот Лексикон или Словарь — Сокровищница языка... Если мы столь небогаты в писателях различных родов, то ещё менее богаты в наблюдателях языка»[2].

Вот и всё о языке, остальное в его рассуждении посвящено литературе. Во II части, 1812 г., имеются две статьи языковедного характера: **П. Калайдовича** — «Рассуждение о синонимах» и **А. Болдырева** — «Рассуждение о глаголах». В III части, 1812 г., идёт статья—А. Болдырева—«Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе». В этой же части напечатана речь председателя «Общества Любителей Российской Словесности» А. Прокопович-Антонского, произнесённая им на годичном торжественном собрании Общества. В этой речи интересен горячий призыв к изучению языка:

[1] П. К. Симони, Русский язык в его наречиях и говорах, вып. I, ч. 1, Великорусское наречие, стр. 60,

[2] Труды Общества Любителей Российской Словесности при Москов. университете, 1812, ч. 1, стр. 60, 68.

«Изучение языка есть самой привлекательной, но вместе с тем и самой великой подвиг... Успехи в слове определяют преимущество ...целого народа. Язык есть знамение его величия, просвещения и образованности».

После издания IV части, 1812 г., «Общество» на три года прекратило свою работу. Причина — Отечественная война. Только в 1816 г. выходит V часть. В ней интересна статья проф. М. Гаврилова «Рассуждение о словесности вообще». Здесь высказаны мысли о значении терминов «язык» и «наречие», о связи языка и мышления, о причинах изменения языка, наречий. Начиная с VIII части, в «Трудах» систематически печатаются замечания и статьи» о «провинцияльных» словах, а затем и ряд словариков местных говоров.

В 1817 г. среди членов «Общества» возникла мысль о составлении и издании «Производного словаря». Пленарное заседание «Общества» поручило двум своим членам — А. Болдыреву и И. Давыдову составить проекты плана этого словаря.

А. Болдырев писал в своем плане: «Для чего хотим издать Словарь? Для того, чтобы Словарь сей заключал в себе сокровищницу одного только Русского языка... Если таковая цель общества, то главное дело состоит в выборе и расположении слов... В состав Словаря должны входить одни только **настоящие русские слова.** Следовательно, отсюда **исключаются и областные слова**»[1].

И. Давыдов в своем проекте сообщает: «В словопроизводном Словаре без сомнения должны быть помещены только одни коренные русские слова и потому сюда не относятся: слова употребительные в некоторых областях, или в городах, неизвестные в чистом Русском наречии; иначе для каждой области должно составлять особенный Словарь... Если, повторяю, мы хотим отыскать корни одного только древа, языка Русского, то все означенные речения не могут иметь места в издаваемом Словаре, **в противном случае мы не очистим золота своего от всех прочих примесей**»[2].

Как видим, у обоих авторов проявляется отрицательное отношение к вводу местной диалектной лексики в «Производный Словарь». Но не все члены «Общества» так относились к местному словарю. Среди них были и представители про-

---

[1] Труды Общества Любителей Российской Словесности, 1817, ч. 8, стр. 123—124. (Подчеркнуто мной.—**Т. Т.**).

[2] Там же, стр. 115.

грессивной для того времени, принципиально иной точки зрения. В той же части «Трудов» напечатано письмо другого члена «Общества», скрывшегося под псевдонимом **«О».** Протестуя против исключения из «Производного Словаря» местных диалектных слов, он пишет: «Выключение областных или местных слов не слишком ли решительно... Каждая область и прежде и в нынешнее время имеет свои занятия и обыкновения, вместе с этим и слова. В наших летописях, грамотах, старинных песнях и разных преданиях встречаются такие речения, которые и теперь употребительны в той или другой области..., например — **болонье, босови**»[1].

Несомненно, этот протест против отрицательного отношения к местной лексике не был одиночным. **«О»** имел сторонников среди членов «Общества». Это доказывается тем, что, окончательно утверждая план издания «Производного Словаря», общее собрание членов «Общества» постановило:

«1. Помещать в сем лексиконе общеупотребительные слова, включая... областные или местные слова.

2. Но помещать те областные слова, которые служат корнем для общеупотребительных слов, хотя они сами по себе и не употребляются»[2].

Это решение компромиссное, но оно давало возможность ввести в словарь ряд местных диалектных слов, считая их корневыми. Например, в словаре под литерой Б в качестве корневых слов имеются такие «областные» слова: **бахча**, **баять, бирюк, буерок** и др.[3]

«Производный Словарь» печатался в разных книжках «Трудов», начиная с XII—1817 г. В этой части были напечатаны слова на букву **И** — 438, на **Х** — 1136 слов. В XVI части, 1819 г., идут на букву **А** — 268 сл., на **Б** — 3137 слов. В XXI ч., 1821 г., напечатаны слова на букву **У, Ф**. В XXII ч., 1822 г., имеем слова на **Ж** и **В.** В XXIV ч., 1824 г., на **Г** — 1980 сл. Дальнейшее печатанье «Производного Словаря» прекратилось, т. к. с 1826 г. перестали издаваться и «Труды Общества Любителей Российской Словесности». Слова в нём печатались без объяснения, корневые — крупным шрифтом, производные от них — мелким, например:

ИГЛА, ы. ы. с. ж.

иголка, и. и. Иголочка, и. и. с. ж.

---

[1] Труды Общества Любителей Российской Словесности, 1817, ч. 8, стр. 214.

[2] Там же, стр. 188—189.

[3] Там же, 1819, ч. 16, стр. 175—176.

иглиный, ная, ное, прил.
иглистый, ая, ое, прилаг. иглист.
иглица, ы, ы, с. ж.
игловатый, ая, ое, игловат, прил. и т. д.

В этом словаре имеются случаи неправильного словопроизводства. Вот, например, корневое слово **БАЛ** и все от него производные:

БАЛ, а, ы, с. м. французское; бальный, ая, ое, прилаг.
Бал, а, ы, (шар). с. м. французское.
Балатировать, рую, ешь, ровал, гл. д. Прилаг. балатированный.
Балатированье, я, с. с.
Балатировка, и, с. ж.
Балатироваться, гл. возвр.
Выбалтировать, гл. д.
Выбалтироваться, гл. возвр.
Балы, ов, с. м. мн. (точить балы).
Балагурить, ю, ишь, ил, гл. ср. (балы говорить).
Балагур, а, ы. с. м.
Балагурный, ая, ое. прилаг.
Балагурство, а, с. с.
Забалагурить, гл. ср.
Прибалагурить, гл. ср.
Прибалагуривать, аю, аешь, ал, гл. ср.
Балакать, аю, аешь, ал, гл. д.
Балаканье, я, с. ср.
Забалакаться, аюсь, аешься, ался, гл. возвр.
Побалакать, гл. д.
Баламутить, чу, тишь, тил, гл. д. (мутить балами).
Баламут, а, ы, с. м.
Баламутный, ая, ое, прилаг.
Взбаламутить, гл. д.
Взбаламутиться, гл. возвр.
Набаламутить, гл. д.[1].

В VIII части, 1817 г., «Трудов» печатается первый словарик «провинцияльных» слов. В «Общество Любителей Российской Словесности» этот словарик был переслан из «Общества Истории и Древностей Российских», которое в сопроводительном письме сообщило, что «собрание таковых слов не принадлежит к занятиям Общества Истории». Словарик озаглавлен

---

[1] Труды Общества Любителей Российской Словесности, 1819, ч. 16, стр. 175—176.

так: «Собрание особенных слов, употребляемых во Владимирской губернии в Покровском уезде между крестьянами». В словарике этом 74 слова. Второй словарик, присланный из Рязани, был напечатан в 1818 г. в XII части «Трудов». По объёму этот словарик тощ, в нем всего 34 слова, но имеет он длинное заглавие: «Записка о наречиях между крестьян Рязанской и Калужской губерний в селениях Спасского, Серпейского, Жиздринского уездов». За 1819 г. в «Трудах Общества» в частях XIII—XVI не напечатано ни одного словарика «провинциялъных» слов, т. к. не было присылки их с мест. А между тем интерес к местным говорам среди некоторых членов «Общества» растет. Особенною активностью в этом отношении отличались проф. Калайдович, М. Макаров и сам председатель «Общества» — проф. А. Прокопович-Антонский.

Учитывая нарастание интереса к местной лексике, председатель «Общества» рассылает в конце 1819 г. директорам окружных и уездных училищ обращение с просьбой оказать содействие «Обществу» по сбору «провинциялъных» слов. Директора принимают это обращение как приказ. Например, один из них пишет: «По предписанию Вашего Превосходительства от 10 декабря прошедшего 1819 г., собраны мною, сколько возможно было, провинциялъных слов тех мест в округах губерний, где находятся подведомственные мне училища. В некоторых селах Вязниковской и других округ есть язык, называемый Ходебским и еще Офенским; им говорят в торговых сношениях крестьяне, разносящие товары по губернии и в дальнейшие страны. В алфавите помещено несколько таких слов, но я со временем надеюсь собрать их более, желая тем по возможности споспешествовать к цели почтенного сословия Любителей Отечественной Словесности.

Д. Дмитриевский. № 524. Сентября 10 дня 1820 г.»[1]

Получив обращение председателя «Общества», директора рассылают циркуляры по уездным училищам. Например, Клемент, директор училищ Ярославской губ., пишет председателю «Общества Любителей Российской Словесности», что он получил отношение, которым поручалось ему «собирать провинциялъные слова той стороны, где находятся подведомственные моему управлению училища. Вследствие сего мною разослан циркуляр во все уезды для собирания оных слов. 1820 г. Января 20 дня»[2].

---

[1] Труды Общества Любителей Российской Словесности, 1820, ч. 20, стр. 195.

[2] Там же, стр. 62—63.

Выполняя приказы своих губернских и окружных директоров, учителя уездных (окружных) училищ занялись собиранием местных слов, а затем — отсылкой записанного в «Губернию» — к директорам; последние направляли собранный материал непосредственно председателю «Общества». Собирание и отсылка слов продолжались несколько лет. Так, директор Рязанских училищ в 1822 г. пишет: «К представленным мною провинцияльным словам, употребительным в Касимовском уезде Рязанской губернии, имею честь еще таковых несколько доставить. Директор Татарников»[1].

С 1820 г. в «Трудах» начинается усиленное печатание «провинциялыных» слов. В некоторых словариках к отдельным словам имеются примечания этнографического характера, говорящие о занятиях, быте, костюмах и празднествах народа. При некоторых словариках указываются их составители, другие даются без имени собирателей. Характерно, что в «Трудах» словарики эти печатались без всякой правки, в таком сыром виде, в каком они получались с мест. Иные из них составлены не в алфавитном порядке и без указания уездов; другие — очень тщательно, с подробным истолкованием отдельных слов; имеются и с приложением краткого описания фонетических и морфологических особенностей местных говоров. Всего было напечатано 32 словарика.

Словарики, напечатанные в «Трудах»: «Краткая записка о некоторых простонародных словах Рязанского, Пронского, Скопинского, Михайловского, Ряжского и Спасского уездов Рязанской губ.». Словарик имеет 122 слова. Дано объяснение значений слов. Слова сопровождаются обширными этнографическими записями. Составитель М. Макаров, действительный член «Общества Любителей Российской Словесности»[2].

«Вологодский провинцияльный словарь», составленный старшим учителем Вологодской Губернской Гимназии Алексеем Фортунатовым. Включает 79 слов, без указания уездов, где они записаны[3].

«Провинцияльные слова Ярославской губернии». Без имени составителя и указания уездов сбора. Включает 289 слов[4].

---

[1] Труды Общества Любителей Российской Словесности, 1822, ч. 22, стр. 255.

[2] Там же, 1820, ч. 20, стр. 15—26.

[3] Там же, стр. 38—42.

[4] Там же, стр. 104—115.

«Собрание провинцияльных слов Тульской губернии». Включает 284 слова; без имени составителя и указания уездов, где собраны[1].

«Собрание провинцияльных слов, употребительных в Рязанской губернии». Составитель не указан, но даны уезды: в Скопинском — собрано 132 слова, в Михайловском — 15 сл., в Касимовском — 76 сл., а всего 223 слова[2].

«Собрание провинцияльных слов, употребляемых в Костромской губернии». Это «собрание» объединяет ряд словариков, составленных учителями училищ в различных местах губернии:

а) **«Слова, употребляемые жителями г. Кинешмы и его уезда»,** собранные учителем народного училища Василием Архаицким. В словаре 17 слов, расположенных не в алфаеитном порядке[3];

б) **«Слова, употребляемые жителями г. Нерехты и его** уезда», собранные смотрителем училища Яковом Шульгиным. В словаре 19 слов, расположенных не в алфавитном порядке[4];

в) **«Слова, употребляемые в разных местах Костромской губернии, и наречия противу правил Грамматики,** собранные учителем гимназии Василием Чижевым». В словарике 46 слов; не указано, в каких местах Костромской губернии они употребляются. К словарику дано «Примечание» — Краткая записка о морфологических и фонетических особенностях говоров Костромской губ.: 1. «К повелительн. наклонению и местоимениям прибавляют **КО** или **КА:** слушай-ко, тебе-ка. 2. Вместо творит. и пред. пад. мн. ч. употребляют дат. п., а вм. дат. — твор.: **с книгам, с вам, с рукам**. 3. В глаг. изъявит. накл. наст. вр. мн. ч. во 2 л. **е** переменяют на **ио: идитио, вритио**. 4. **О** произносят протяжно, иногда же употребляют его вм. **а: полата, мостерица»**...[5];

г) **«Слова, употребляемые жителями города Чухломы и его уезда,** собранные учителем Гимназии **Николаем Нерехетским».** В словарике 47 слов. Ко многим словам даются очень подробные пояснения, часто этнографического характера.

---

[1] Труды Общества Любителей Российской Словесности, 1820, ч. 20, стр. 117—127.

[2] Там же, стр. 128—135.

[3] Там же, стр. 135—136.

[4] Там же, стр. 136—137.

[5] Там же, стр. 142—144.

Например, к слову **«людно»**. «Слово сие собственно означает собрание людей; но Чухломского уезда жители употребляют оное без разбора при всяком множестве: — у них и денег **людно**, и рыбы **людно**, и дров **людно**, и даже говорят: дождя пролило **людно»**. Имеется примечание о «протяжном произношении долгих слогов»[1];

д) **«Провинцияльные слова в Костромской губернии употребляемые**, собранные учителем Гимназии **Александром Светогорским»**. В словаре 35 слов, но не указано, в каких местах губернии они употребляются. Почти к каждому слову даётся подробное пояснение этнографического порядка, наприм.: **«Баклуши бить»** — с здоровых дерев скалывают заболонки (бока) для делания из оных мелкой посуды деревянной, напр. ложек; в таком случае заболонок называется баклуша»[2];

ж) **«Слова, употребляемые жителями г. Галича и его уезда**, собранные учителями тамошнего уездного училища Дмитрием Ржевским и Яковом Аквилевым». Это — словарь офеней[3].

«Собрание особливых и отличающихся произношением слов, употребляемых между жителями Тверской губ.». «Собрание» это, как и предыдущее, включает ряд словариков местных речений по разным местам данной губернии. Имена составителей не указаны:

а) **по Вышневолоцкому уезду** дано 338 слов. Этот словарик тщательно составлен, слова даются с сохранением произношения, например: **акачуритцы, акалить.** Имеется краткая записка об особенностях произношения и морфологии местных говоров: «1. Буква **«ЯТЬ»** во многих словах и выговоре переменилась на **И**: **хлиб, дило** и пр. 2. Вм. тв. п. мн. ч. употребляют дательн.: **с вам, с нам** и пр. 3. Окончания прилагат. имен на **ЫЙ, ИЙ** переменяют в произношении на **АЙ** и **ЯЙ**: **добрай, умнай и пр.;**

б) **«В городе Кашине и его уезде»** — дано 56 слов.;

в) и г) Словарики офеней г. Кашина[4].

«Собрание провинцияльных слов, употребительных в Зарайском уезде Рязанской губ.». В словарике имеется 35 слов, неизвестно кем собранных[5].

---

[1] Труды Общества Любителей Российской Словесности, 1820, ч. 20, стр. 144—150.

[2] Там же, стр. 150—152.

[3] Там же, стр. 139—141.

[4] Там же, стр. 155—168.

[5] Там же, стр. 194—195.

«Собрание провинцияльных простонародных наречий, употребляемых в разных округах Владимирской губ.». В «Собрании» дано 699 слов. Слова собраны по округам: Владимирской, Муромской, Переяславской, Суздальской, Сущской, Гороховской, Покровской, Мелелковской, Вязниковской и Ковровской. По округам показано 413 слов, остальные записаны в г. Осташкове и Торжке. К словарикам городов Осташкова и Торжка приложены описания фонетических и морфологических особенностей говоров, например, к языку г. Торжка: «Вместо **«ЯТЬ»** произносят **И: сино, лис.** В род. пад. ед. числа вм.: **Ы** оканчиваются на **И: малини, говядини** и т. д. Имена, кончающиеся на **а** в дат. и пред. оканчивают на **Ы** или **И**, а в род. на **«ЯТЬ»: плывет по воды, идет с реке (ять).** Слова с предлогом **на** ударяют на предлог: **нá** рику, **нá** небо»[1].

«Слова, употребляемые жителями г. Жиздры» (Рязанск. губ.). В словарике 82 слова. К нему имеется приложение: **«Слова, употребляемые вместо брани мужским и женским полом».** Здесь дано 10 бранных выражений[2].

В XXI части, 1822 г., продолжается печатание местных словариков:

«Дополнение к Вологодскому провинцияльному словарю». (Первый словарик был напечатан в XX части. См. стр. 48). Этот словарик — плод коллективного творчества учителей Тотемского, Сольвычегодского и Яренского училищ. Они прислали собранные ими словарики директору Фортунатову; последний, «приведя слова в азбучный порядок», составил один словарь. В словаре 241 слово. Обобщение словаря произведено умело, т. к. для каждого слова указано, в каком уезде Вологодской губ. оно бытует. При словах поставленные буквы В, Т, С, Я означают уезды: Вологодский, Тотемский, Сольвычегодский и Яренский. К каждому слову имеется подробное истолкование в этнографическом плане[3].

«О некоторых словах, употребляемых крестьянами Саратовской губернии в Балашевском уезде». Составлен П. Н. Колычевым. В этом словарике всего 17 слов, но он отличается от предыдущих тем, что в нем, кроме истолкования слова, к каждому из них дается ряд предложений[4].

«Список слов особливых Вологодской губернии, составлен-

---

[1] Труды Общества Любителей Российской Словесности, 1820, ч. 20, стр. 197—226.
[2] Там же, стр. 227—230.
[3] Там же, 1822, ч. 21, стр. 193—213.
[4] Там же, стр. 213—217.

ный Николаем Суровцевым». Это самый большой словарь из всех печатавшихся в «Трудах», в нем 1021 слово. Словарь напечатан в двух местах книги: на страницах 231—245 идут слова с буквы **А** по **К** включительно; на 263—285 стр. напечатаны слова на остальные литеры. Словарь технически составлен тщательно и умело. Большим недостатком словаря является то, что из него исключена сельскохозяйственная терминология. В конце словаря имеется обширное «примечание», в котором составитель говорит, что им «не помещены здесь большею частью: 1. Весьма многие слова... увеличительные или уменьшительные... и производные. 2. Почти все названия тысячи разных вещей, употребляемых земледельцами, плотниками, кузнецами и другими ремесленниками, в их домашнем хозяйстве и промыслах»... Далее составитель указывает на некоторые фонетические и морфологические особенности вологодских говоров, например: «В глаголах **е** переменяют на **И** и **ИО**, а **СЯ** на **СО** и **ЦО**: посыла**ити**, прогуливад**цо**, забавляют**цо**, смеют**со**...». «Все вообще слова произносят тем протяжнее, чем далее к северу, выговаривая одну букву вместо другой:... **Е—О** или **ИО**, **Ш**, **Ч—Щ** и **Ц** и наоборот; «**ЯТЬ**»—**И** и проч.»[1].

«Провинцияльные слова Касимовского уезда Рязанской губ., записанные учителем уездного Касимовского училища Ал. Дмитриевским». В словарике 107 слов[2].

«Собрание слов, употребляемых между крестьянами **Рязанской губ.,** доставленное одним уроженцем-рязанцем». В словаре 186 слов, к некоторым из них даны подробные истолкования этнографического порядка[3].

«Краткий словарь Белорусского наречия», составленный К. Калайдовичем. Этот словарь является приложением к статье Калайдовича «О белорусском наречии». В словаре 67 слов. Составлен он научно: каждое слово объяснено и к нему приводится ряд предложений, взятых как из разговорного языка белоруссов, так и из древнерусских летописей и светских старинных грамот[4].

В XXII томе, часть 2-ая, 1822 г., «Трудов Общества Любителей Российской Словесности» мы находим только два словарика, составленные А. Шаховским:

---

[1] Труды Общества Любителей Российской Словесности, 1822, ч. 21, стр. 231—245, 263—285.

[2] Там же, стр. 256—260.

[3] Там же, стр. 67—80.

[4] Там же, стр. 67—80.

«Слова, употребляемые крестьянами в Курской губ. в Дмитре-Сванском уезде». В словарике 69 слов, расположенных не в алфавитном порядке[1].

«Слова, употребляемые в Северо-Восточной Сибири». В словарике 57 слов. В нём дается ряд типичных восточно-сибирских слов: **ушкан, варнак** и др. Имеется интересное пояснение к слову **«товарищ»:** «Вместо того, чтобы сказать: послушай брат, послушай любезный и т. п., живущие на пр. (прииске. — **Т. Т.**) Лене говорят: послушай товарищ или просто: товарищ»[2].

В XXIV части, 1824, областных словарей нет. В XXV части напечатано два словарика, составленные писателем Лажечниковым в бытность его Директором училищ Пензенской губ. Словарики озаглавлены: «а) несколько провинцияльных слов, употребительных по Саратовской губернии»; «б) По Пензенской губернии»[3]. Н. Трубицын в статье «Из начальных глав истории русской диалектологии» перепечатал полностью эти словарики в «Р. Ф. В.»[4].

«Труды Общества Любителей Российской Словесности» перестали издаваться в конце 20 гг. Наиболее усиленное печатание в них диалектной лексики падает на 1820—1822 гг. В 1823—1824 гг. словарики местных говоров на страницах «Трудов» появляются эпизодически и в малом количестве, так как прекращается приток их с мест, о чем впоследствии заявил действительный член «Общества» М. Н. Макаров: «Другие на вызов Общества о собирании народных слов не дали никакого ответа»[5]. Прекращение присылки слов с мест объясняется наступившей жестокой реакцией после подавления восстания декабристов.

Но и то, что было собрано, прислано и напечатано в «Трудах Общества Любителей Российской Словесности», явилось значительным событием в истории борьбы за диалектное слово в первой трети XIX в. Благодаря усилиям прогрессивных членов этого Общества местная диалектная лексика приобрела права гражданства на страницах серьёзного научного журнала того времени, что дало возможность и другим периоди-

---

[1] Труды Общества Любителей Российской Словесности, 1822, ч. 22, стр. 282—285.

[2] Там же, (Сохраняем пунктуацию подлинника.—Т. Т.).

[3] Там же, 1824, ч. 25, стр. 308—311.

[4] «Р. Ф. В.», 1913, т. XIX, стр. 149—152.

[5] «Маяк», 1844, т. XVIII, гл. 5, стр. 49, Макаров, «Краткий словарь народных речений», прим. 2.

ческим изданиям безбоязненно печатать такие словарики. Если появление «Словаря Академии Российской» дало начало научной разработке русской лексики, то появление словариков местных говоров в «Трудах Общества Любителей Российской Словесности» подготовило материал для становления диалектологии, как самостоятельной науки о территориальных говорах. Правда, изучение местных говоров в период 10—30 гг. XIX в. проходит еще в свете этнографической и литературной их значимости. Изучение же местных диалектов в плане лингвистическом — дело поколения ученых 40-х гг. и последующих десятилетий.

Собранный и напечатанный в «Трудах» местный лексический материал явился первым значительным, весьма ценным вкладом в фонд русской лексикографии. Он был использован языковедами для составления других словарей. Словарики «Трудов» дали начало ценному словарю, над составлением которого более 20 лет работал действительный член «Общества Любителей Российской Словесности» М. Н. Макаров. Использовал эти словарики и Ф. Буслаев в своей книге «О преподавании отечественного языка». Наконец, эти словарики были полностью использованы Академией Наук при составлении ею «Опыта областнаго великорусскаго словаря», изд. 1852 г.

Конец 20-х и 30-ые гг. были периодом затишья по сбору на местах и опубликованию в печати лексики местных диалектов. Затухает и теоретическая работа среди лингвистов, направленная к выяснению принципиальных вопросов по изучению диалектов. Объясняется это наступившей реакцией после подавления восстания декабристов. «Общество Любителей Российской Словесности» не проявляло признаков жизни в этот период. Другого же научного общественного центра, который мог бы руководить теоретической и практической работой по изучению местных говоров, не существовало.

Только к концу 30-х гг. появляются признаки оживления. Вопросы изучения местных диалектов вновь начинают занимать умы языковедов. Первой ласточкой здесь является статья профессора Казанского университета Суровцева. Возможно, что эта статья и не имела особого значения для общего оживления теоретического и практического изучения местных говоров, но она характерна как показатель нарастающего интереса к местному слову не только в центрах научной мысли — Петербурге и Москве, но и на периферии.

В 1839 г. Суровцев выступает со статьей «Нечто о собра-

нии областных слов». В этой статье он указывает, что у нашего народа «есть свой словарь, особенный, дополняющий то, чего не достает ему в общем словаре»[1]. Поэтому необходимо собрать этот словарь. «С помощью его, — говорит Суровцев, — может быть, мы успели бы восстановить многие старинные слова, которых теперь значение потеряно и которые не только послужили бы к правильному и точному истолкованию мест, худо понятых в наших старинных рукописях, но и заменили бы слова чужестранные, теперь по необходимости употребляемые в науках, искусствах, ремеслах и проч. Сверх того, давши полный простор свободному и самостоятельному языку нашему, мы бы в состоянии были изучить его во всех его видоизменениях, а собрав все идиотизмы, уклонения, неправильности, даже искажения, и, таким образом, узнав его природу, могли бы с большей точностью дать ему правильное устройство, а с тем вместе и своенравность»[2].

Кроме этих научно-филологических целей при изучении лексики местных говоров профессор Суровцев ставит вопрос и о пользе знания их для литераторов, для обогащения словаря русской литературной речи. Мы цитировали его слова об этом (см. выше, стр. 42). Затем Суровцев высказывает положение, чтобы словарь местных говоров «не был простым сборником, а был полным словотолкователем, в котором бы со значением слова указано было его употребление и выговор; а еще было бы полезно, когда при каждом новом слове было бы и описание предмета, им означаемого, например, местного растения, животного, домашней утвари и пр. Тогда, ознакомясь с местным наречием, мы в то же время ознакомились бы и с природою вещей, столь богатою и разнообразною в нашем отечестве»[3]. Заканчивает свою статью профессор Суровцев словами: «Язык есть выражение жизни народной, является отголоском его чувств и помыслов»[4]. Таким образом, Суровцев говорит не только о лингвистическом словаре-толкователе, но одновременно — и о словаре этнографического характера. Эту задачу впоследствии частично разрешил М. Н. Макаров и в полной мере осуществил В. Даль.

---

[1] Ученые записки, издаваемые Казанским университетом, 1839, кн. 1, стр. 196.

[2] Ученые записки, издаваемые Казанским университетом, 1839, кн. 1, стр. 197, 198, 200.

[3] Там же, стр. 197—198.

[4] Там же.

Подъём лексикографической и диалектологической работы в 40-х гг.

С конца 30-х гг. начинается оживление по линии сбора местных слов и составления из них небольших словариков. В 40-х гг. эта работа усиливается. Лексикографическая практика в данное десятилетие характеризуется ещё и составлением отдельными лицами крупных лексикографических трудов.

Среди собирателей «областных» слов в первой половине XIX в. заслуживает особого внимания Ходаковский. Это был историк-этнограф. «Областные» слова он записывал постольку, поскольку они нужны были для этнографических целей его исследования. В конце десятых гг. XIX в. Ходаковский обошёл районы, прилегающие к Новгороду и Ладоге. Запись виденного и слышанного им появилась в печати лишь в 1839 году под названием «Отрывки из путешествия Ходаковского по России». Ходаковский даёт здесь описание характерных признаков «наречия» этих мест. «Бывши в Пскове в 1819 г., — пишет он, — удивлялся сходству тамошняго наречия с Белорусским»... «В Новгородском крае редко переменяют **О** на **А**, как у Москвитян, а чаще **Т** на **Ц**, и после **Д** прибавляют **З**, чем совершенно обнаруживается **кривицкое** наречие... Здесь периоды кончаются также Кривицким образом на — **ШИ**: «Он был тогда пришедши». Во всех словах есть протяжение, подобное напеву, которое изображает сердечную простоту. Здешнее наречие имеет ту честь, что в оном нет татарских слов: **конь** никогда «лошадь»; **рынок,** а не «базар»; **голова** никогда «башка»; **сопка, могила** и никогда «курган»...

Затем идёт составленный им словарик из 98 слов. Эти слова он называет «провинциялизмами» и говорит, что «они употреблением единообразны на Волхове, окрестностях Полоцка, Смоленска, Новгорода Северскаго и Городка достойны примечания». К некоторым словам Ходаковский даёт перевод: «Ветохь — месяц на ущербе»; «жито — ячмень». К другим — истолкование, иногда сравнивает разбираемое слово со словами из других славянских языков: «понева, понява — женский убор кривичей Смоленских, и в Рязан. губ., и у черногорцев (см. Броневского)»; «Слободно (свободно), ослабодить (освободить — так говорят здесь и в Иллирии, см. словарь Иосифа Вольшиджи». К третьим — даёт он обширные комментарии этнографического порядка: «Царь-огонь — называется такой, который получают от трения сухого дерева од-

ного о другое; он есть первоначальный чистительный. Поселяне, следуя преданиям своих предков, употребляют такой огонь для окуривания скота в случае язвы и людей, страждущих долго» и т. д.[1]

...В 1842 г. в «Москвитянине» напечатан составленный Кузмищевым П. словарь под названием «Собрание особенных, или имеющих другое значение слов и некоторых выражений, употребляемых в Камчатке». Это довольно обширное собрание, содержащее около 700 слов. Многие из них, по заявлению составителя, имеют общесибирское значение. Редактор «Москвитянина» М. Погодин назвал этот словарь «драгоценным собранием слов», хотя и напечатал его слова в сплошную строку, что очень неудобно для обозрения. В словаре имеется несколько пластов.

а) **Пласт слов туземных,** заимствованных русским населением Камчатки из языка палеазиатов: **Арги** — обоз — у кочующих коряков. **Важенка** — оленья самка. **Качаля** — верхняя одежда из грубых оленьих шкур. **Тоюн** — староста, начальник селенья и др.

б) **Пласт китайских слов,** заимствованных сибиряками из языка соседей — китайцев: **ганза** — маленькая курительная трубка и др.

в) **Пласт слов русских,** но являющихся «областными» сибирскими: **взводень** — зыбь на море после сильного ветра, волнение на отмелях; **заимка** — хозяйственное заведение за городом, **падь** — долина между горами; **постеля** — шкура взрослого зверя с шерстью и др.

г) Пласт «областных» русских слов северного или южного наречия, занесённых переселенцами на Камчатку: **лонись, шаньга, гаркать, притулье** и др.

О ценности этого словаря для своего времени говорит то, что Даль заимствовал из него ряд «областных» камчатских и вообще сибирских слов как туземных, так и русских.

Через несколько месяцев в том же «Москвитянине» появилась вторая статья П. Кузмищева: «Замечание о Камчатском наречии, принадлежащее к собранию особенных слов, употребляемых в Камчатке». В ней автор даёт описание камчатского, — как он говорит, — наречия, некоторый анализ его лексики и указывает на несколько морфологических особенностей этого «наречия».

---

[1] Русский Исторический Сборник, 1839, т. III, кн. 2, стр. 192, 193, 194—199.

...В «Отечественных записках» за 1843 г. напечатан небольшой, в 32 слова, словарик, составленный штатным смотрителем Холмогорского уездного училища П. Базилевским, озаглавленный «Собрание слов, употребляемых в Архангельской губернии». К некоторым словам даётся перевод на литературный язык: **халява** — неряха, неопрятный. К другим — и перевод и предложение с данным словом: **една** — одна: «хоть бы ты **едну** денежку мне дал». Словарик ценен ещё и тем, что к нему приложена записка, указывающая на «особенности в наречии». Например, отмечаются в ней следующие характерные признаки архангельских говоров:

а) «В именах и местоимен. прилагат. как в един., так и во мн. ч., всегда говорят усеченно: красна рубашка, большо дерево, каки они рослы. б) В глаголах возвр., взаим. и средн. залогов во 2 л. наст. вр. ед. ч. окончание не на **шься,** но часто на **ссе:** дере**ссе,** брани**ссе.** в) В глаголах действ. и средн. залогов на **ать** в 3 л. ед. ч. наст. врем. гласный **Е** совершенно не выговаривают: **делат, играт»**[1].

...В 1844 г. в «Отечественных записках» печатается словарь «Несколько простонародных слов, употребляемых в Шенкурском уезде Архангельской губернии», составленный Н. Борисовым. В словаре 350 слов. К каждому слову даётся краткое пояснение, иногда приводятся предложения с данным словом: **«большак** — старший в доме»; **«заказать** — запретить что-нибудь»; **ладом** — хорошенько: «сделай это ладом» и др. Словарь ценен не только тем, что в нём собрано много диалектных слов, но и тем, что почти для каждого слова даётся местное ударение[2].

Следующий словарик, напечатанный в «Отечественных записках» за 1844, называется «Некоторые слова, поговорки, примеры, существующие у жителей Тверской губернии». Словарик составлен неизвестным лицом, скрывшимся под литерами «Н. У.». Словарь небольшой — 46 слов, не считая поговорок и примет. В словарике интересна «Заметка» — предисловие. В ней автор призывает учителей и других лиц приступить к коллективному сбору местных слов, так как отдельным ученым этот труд не по силам, «ибо никто не выдержит объездить глушь деревень». Автор призывает это сделать скорее, так как с каждым годом местные слова, как и обряды, и

---

[1] «Отечественные записки», 1843, т. XXI, отд. «Смесь», стр. 15—16.
[2] Там же, 1844, т. XXII, кн. 2, отд. «Смесь», стр. 82—99.

обычаи, всё более и более исчезают». «Н. У.» указывает и причины этого исчезновения: «частое общение с городами, дальние и долгие отлучки промышленников и самое просвещение, приметно действующие на нравы и жизнь...»[1].

Последний словарик, напечатанный в «Отечественных записках» за 1844 г., носит заглавие «Несколько слов и особенностей в наречии жителей Оренбургской губернии», составленный учителем Уфимского уездного училища Н. Сунгуровым. В словарике 32 слова и небольшая «Записка об особенностях наречия». К словам дается краткое истолкование, но предложений, в которых употреблялись бы эти слова, нет.

Среди крупных лексикографических трудов 40-х гг. особого внимания заслуживает словарь местной диалектной лексики М. Н. Макарова. М. Н. Макаров — действительный и очень активный член «Общества Любителей Российской Словесности» при Московском университете. В 1822 г. он обратился к своим сочленам по «Обществу» с призывом о необходимости не только сбора местных речений, но и составления одного, общего сводного лексикона из всех словариков, напечатанных в «Трудах» Общества. Свое обращение Макаров прочитал 4 февраля 1822 г. в чрезвычайном собрании «Общества». В обращении он говорил: «В некоторых собраниях сих слов я заметил много слов мудреных, неслыханных, старинных, а потому самому и любопытных: это богатая пища для ученых... Если не соберем этих слов, то мы легко можем растерять последние остатки первобытные... мы потеряем корень и отрасли родимаго слова»[2]. Затем Макаров, сказав несколько слов об офенском наречии, обращается с просьбой к собранию: «Поручить ему составить общий краткий Словарь из оных и, при составлении его, соблюсти следующие правила:

1. Отличать слова иностранные от слов словянорусских.

2. Отметить слова, известные по всеобщему их употреблению.

3. Сравнить между собой одни и те же слова, употребляемые в разных наших провинциях, с замечанием, в одном или в разных смыслах они употребляются.

4. Делая решительное наблюдение корням сих слов, рассмотреть: есть или нет от оных производные»[3].

---

[1] «Отечественные записки», 1844, т. XXXIII, отд. VIII; «Ученые известия», стр. 44—48.

[2] Труды Общества Любителей Российской Словесности, 1822, ч. 21; стр. 290—293.

[3] Там же, стр. 293.

Чрезвычайное собрание «определило: предоставить М. Н Макарову исполнение сего труда столь полезнаго и занимательнаго, а рассуждение напечатать»[1]. Через три месяца Макаров на очередном заседании «Общества» читал первые страницы своего Словаря. «Общество», «приняв с благодарностью сие начало общеполезнаго труда определило: в оном труде участвовать Д. Чл. К. Ф. Калайдовичу»[2]. Этой работе Макаров посвятил много лет. Он не только использовал имевшийся в «Трудах» словарный материал, но и сам собрал большое количество «областных» слов.

Первые небольшие части своего словаря Макаров напечатал в «Вестнике Европы» за 1826—27 гг. под заглавием «Из Словаря особых речений». Затем, до начала 40-х гг. он прерывает издание своего Словаря, работая над пополнением его.

В 1844 г. Макаров в журнале «Маяк» начинает печатать «Краткий словарь народных речений». В «Маяке» он напечатал только 88 слов на букву А. Словарю предпослано небольшое введение, в котором Макаров указывает, что «под букву **А** вошли простонародные слова одиннадцати наших губерний». Затем он говорит, что «в ближайших к Москве землях, тех или иных губерний, богатая часть народа, в своём говоре, букву **о** заменяет буквой **а**». И. Макаров намечает территориальное распределение оканья и аканья[3].

Через три года М. Н. Макаров вновь начинает печатать свой словарь, но под другим названием — **«Опыт русскаго простонароднаго словотолковника»**. Словарь печатается в течение двух лет с 1847 по 1848 гг. в различных выпусках журнала «Чтение в обществе Истории и древностей Российских при Московском университете». В словаре немногим более 3.000 слов. «Словотолковник...» оборвался печатанием слов на букву **Н**; причина обрыва — смерть Макарова. Словарь печатался в следующих выпусках — **за 1847** г.: на букву **А**, вып. 3; на букву **Б**, вып. 6; на букву **В**, вып. 7; на **Г, Д,** в. 9. **За 1848** г.: на буквы **Е, Ж, З,** вып. 1; на **И, I,** в. 2; на **К,** в. 3 и 4; на **Л, Н,** вып. 5 и 6; на **М** и **Н,** вып. 9. Словарю предпослано обращение составителя к «Обществу Истории и древностей Российских». В обращении Макаров пишет, что он в течение своей жизни «делал свои заметки, наблюдал за

---

[1] Труды Общества Любителей Российской Словесности, 1822, ч. 21, стр. 251.

[2] Там же, 1822, т. 22, ч. 2, стр. 267.

[3] «Маяк»; 1844, т. XVIII, гл. 5, стр. 49—56; 143—150. Отдел «Смесь».

языком тех или других губерний и собрал много слов... не только полезных для истории Российского слова, но и собственно для разгадов нашего древнего быта... Так, например, из собранных мною наших **народных** слов, всякий увидит, что у нас были когда-то свои Астрономы, Велезвезды, им знакомы были **Плеяды** под именем **Баб, Батыева дорога** (Млечный путь), весь размер времен, обороты луны и солнца и проч., и проч... Другими русскими словами поясняются части нашей родной медицины, письменности, живописи, и наше кудесничанье на своих речах, какие тут в словаре собраны мною, указывает на науку о **Природе**, т. е. **Физику** и **Ботанику.** Языкознание у нас предпочтительно ограничивается только знанием языков Еврейскаго и Греческаго...»[1].

Самый Словарь составлен умело. В нём указывается губерния, где бытует данное слово, правда, не ко всем словам. Если слово употребляется в нескольких губерниях, то Макаров помечает их, или, указав одну из них, про остальные, иногда, упоминает, говоря «и другие» Слова даются «согласно выговору их»; иногда слово пишется в двойной, тройной звуковой форме. К словам имеется или краткий перевод на современный литературный язык, или подробное истолкование значения слова. Довольно часто даются предложения из тех местных говоров, в которых встречается данное слово; иногда приводятся пословицы, поговорки, цитаты из народных песен. Например:

Акачуритцы, окочуриться. В Рязанской губ. есть ещё название селений: «Кочуры», а **кочура** тоже, что **кочка,** следовательно **окочуриться** одно и то же, что уподобиться кочке, т. е. свернуться в бездушный комочек земли.

Абапола, абапол, абапала — Рязанск., Твер., Курск. — а) напрасно, попусту, б) около, подле: «Далеко ли до деревни?» «А вот, тут абапола».

Абабки, или правильнее **обабки** — Тверск. и Владимир. — белые или берёзовые грибы. Приречье: «Сложа ручки не пойдёшь по **абабки,** лукошко неси».

Моркотно — Владимир. — грустно, невесело, скучно: «Мне **моркотно** молоденьке, нигде места не найду».

Таким образом, «Словотолковник...» составлен в плане лингвистическом, этнографическом и фольклорном. По своему

---

[1] «Чтение в «Обществе Истории и древностей Российских», 1846, вып. 3, отд. IV, «Смесь», стр. 24—25.

типу он является предшественником «Толкового словаря» В. Даля.

Большое значение имеет малоизученный словарь **В. Бурнашева,** в двух томах, вышедший в 1843—1844 гг. под названием: «Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности и быта народного». Составление словаря автору было продиктовано не диалектологическими или этнографическими целями, как у Макарова, а хозяйственными соображениями. **Это первый русский словарь производственной лексики.** В словарь включены, в основном, местные термины сельского хозяйства, введено меньшее число терминов «фабричности», что понятно, т. к. промышленность, связанная с сельским хозяйством, была в эти годы слабо развита, да и внимание составителя, главным образом, было направлено на отражение в местном диалектном слове предметов, процессов и пр. сельскохозяйственной деятельности. Этот словарь заполнил пробел, образовавшийся в собранном лексическом запасе в отношении специальной, производственной лексики, которую, как правило, составители словарей 20—30 гг. не отмечали.

В этом труде имеются и слова, отражающие народный быт. Сам В. Бурнашев так говорит об объёме и содержании своего словаря: «В состав этой книги входят двадцать пять тысяч слов, более или менее поясненных. Слова эти принадлежат полеводству, луговодству, огородничеству, садоводству,.. коневодству,.. свиноводству,.. рыболовству,.. сукноделию, ткачеству, рудокопству,.. металлоплавлению и проч., и проч., и наконец, житию-бытию русского простолюдья, т. е. обрядам, обычаям, описанию жилищ, пищи, питья, одежды, времяпрепровождения, увеселений и проч., и прочая в разных полосах обширного отечества»[1].

Современники приветливо встретили труд В. Бурнашева. И. Срезневский в рецензии на академический словарь 1847 г. писал: «Словарь г. Бурнашева не полон; но все же в нем 25.000 слов — громада, над которой нельзя не трудиться много... Винить автора в этом отношении можно более всего за то, что он не означил в книге своей источников, которыми пользовался, и не ссылался на них при объяснении каждого слова, отличая между объяснениями те, которые самим им

---

[1] В. Бурнашев, Опыт терминологического словаря, т. 1, Предисловие, стр. I—II, Спб. 1893.

проверены: — все же нельзя не благодарить г. Бурнашева за его книгу»[1].

Проф. М. А. Рыбникова говорит о лексикографической связи между словарём В. Бурнашева и словарем АН 1806—1822 г., несмотря на всё их теоретическое и принципиальное различие[2]. Действительно, наши исследования подтверждают это заключение. Например, мы установили полное тождество редакции в объяснении ряда слов: **«Голыш»** — «бедняк, в бедности живущий» — в Слов. АН 1806; у Бурнашева: «бедняк, в бедности живущий». Совпадение редакций мы находим и в следующих словах: **гуртовщик, двор, задворье, изба, кокошник, облук, одер, околица, пашня, плетень, покром** и др. Здесь, несомненно, мы имеем заимствование со стороны В. Бурнашева. Но если часть слов В. Бурнашев заимствовал вместе с объяснениями их из словаря АН 1806 г., то, в свою очередь, словарь В. Бурнашева, как мы установили, оказал определенное влияние на Академический словарь 1847 г. Например, мы видим одну и ту же редакцию в словаре Бурнашева и в Сл. АН 1847 г.: **площадь** — «сплошной, далёко простирающийся лес». Одну и ту же редакцию, иногда — с некоторой перестановкой слов — видим и в объяснении таких терминов: **проталина, сидень, таган, харч** и др.

Необходимо отметить и третье: около 200 терминов специально-хозяйственного значения было передано В. Бурнашеву В. И. Далем. Все эти слова Бурнашев напечатал с пометой: «Получено от В. И. Даля». Словарь В. Бурнашева является, как отметил И. Срезневский, первым специальным словарём в России из области сельскохозяйственной, ремесленной и фабричной лексики.

В 40-х гг. Даль развертывает свою работу по собиранию слов русского языка. Первые его записи «местных речений» относятся к 1819 г., когда он, «окончив курс учения в Морском кадетском корпусе, ехал на службу в Черноморский флот. С тех пор прошло немного дней, в которые бы он не записал чего-нибудь в свою записную книжку»[3].

В 1847 г. Даль обращается к русской общественности, через посредство журнала «Отечественные записки», с просьбой помочь ему в сборе языкового и фольклорного материала.

---

[1] ЖМНП, 1848, июнь, отд. VI, стр. 249—250.

[2] М. А. Рыбникова, Введение в стилистику, изд. Советский писатель, М., 1937.

[3] «Отечественные записки», 1847, № 3, стр. 46; статья «К читателям «Отечественных записок».

Редакция этого журнала горячо поддержала призыв Даля и напечатала от своего имени статью, в которой говорит: «В. И. Даль просил нас обратиться ко всем читателям нашим с покорнейшей просьбой «постоять за землю Русскую, помочь ему в общем деле и снести, хотя по лепте с брата..., прислать песни, сказки, пословицы, народные выражения, слова, склады, обороты»[1].

Что было прислано читателями и прислано ли, мы не знаем. Но Даль неутомимо работает и собирает сам словарный материал. К началу шестидесятых годов он заканчивает систематизацию собранного им огромного лексического материала и печатает в 1863—66 гг. свой знаменитый «Толковый словарь живаго великорусскаго языка».

Признание в 40-х гг. за местными говорами лингвистической научной значимости

40-е годы XIX в. являются переломными в борьбе за народность языка. В это десятилетие в истории русской общественной мысли и общественного движения начинают играть большую роль прогрессивные и революционные разночинцы. Об этом В. И. Ленин писал:

«Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению **разночинцев,** образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству. Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был ещё при крепостном праве В. Г. Белинский»[2].

Затем В. И. Ленин указывал ещё на одну, основную, особенность общественной жизни 40-х гг. Он писал, что «...от 40-х до 60-х годов, **все** общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»[3].

Публицистика Белинского в 40-е годы полностью была подчинена задачам освобождения крестьянства от крепостного права.

Идейное влияние Белинского на русское прогрессивное общество было могучим. Статьи Белинского, отражая настроение крепостной крестьянской массы, волнения и разрозненные

---

[1] «Отечественные записки», 1847, № 3, стр. 46, статья «К читателям «Отечественных записок».

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 20, изд. 4, стр. 223.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 2, изд. 4, стр. 473.

восстания которой против помещиков увеличились к концу первой половины XIX в., в свою очередь, концентрировали внимание обширной его столичной и провинциальной читательской аудитории на тяжелом положении крепостных крестьян. Статьи Белинского увеличивали число противников крепостного права, приковывали внимание читателей к быту, к диалектам крестьянства. Этим и объясняется тот факт, что именно в 40-е годы значительно вырос круг добровольных собирателей местной лексики, отсылавших её в столичные журналы.

Могучее влияние Белинского сказалось и на учёной прогрессивной интеллигенции того времени. Передовые профессора университетов, видные филологи того времени занялись усиленным изучением местных говоров, имея в виду не только этнографические, исторические, литературные, но и лингвистические цели.

В истории борьбы за народность языка большое теоретическое и практическое значение имели труды Ф. Буслаева. Разночинец, сын мелкого чиновника, Буслаев принадлежал к крупным прогрессивным учёным, в основном, 40—60-х гг. Его научное творчество было многогранным. Оно протекало в конкретных исторических условиях. Некоторые теоретические положения Буслаева не приемлемы для нашего времени, они вызывали возражения и со стороны революционных демократов — его современников. Но в вопросе оценки значимости слов, относящихся к местным говорам, Буслаев занял правильную для того времени позицию. В этом случае он следовал М. В. Ломоносову. Сам Буслаев об этом так говорит: «Должен признаться я в скромном, но чрезвычайно лестном для меня стремлении выполнить завещание Ломоносова... Я осмелился расширить пределы грамматики, и для чего ввёл в науку статьи об архаизмах, народном языке, **провинциализмах и варваризмах**»[1].

Таким образом, Буслаев учение о местных говорах отнёс к одному из разделов грамматики. Правильным грамматическим учением Буслаев признавал такое, которое создавалось на народной языковой основе. Он боролся с антинародными грамматическими учениями. Об этом мы имеем такие свидетельства.

Акад. Виноградов В. В. говорит, что в первой трети XIX в.

---

[1] Ф. Буслаев, О преподавании отечественного языка, 1844, ч. 2, стр. 13—14.

в истории грамматических учений резко обозначилась борьба реакционных, космополитических течений с передовыми, народными, патриотическими течениями. Представителем космополитов являлся Греч. Акад. Виноградов пишет: «Ещё Ф. И. Буслаев увидел в грамматических разысканиях Н. И. Греча отход от Ломоносовских лингвистических традиций, борьбу с ними. В заметках на статью Греча, напечатанную в «Морском сборнике», 1856, № 7, Ф. И. Буслаев писал: «Ни свойства русского языка, ни историческое его развитие не дали русскому грамматисту права принимать в образец схоластическую методу французов. Как нельзя лучше понимал это ещё Ломоносов, положив в основу своей грамматики чисто народные и своеземные начала... К сожалению, г. Греч не только не последовал примеру великого преобразователя нашего языка и слога, но даже не почёл нужным через Ломоносова признать за русской грамматикой какие бы то ни было своеземные, народные предания...». По словам Ф. И. Буслаева, основные положения Гречевой грамматики «идут прямо от французов и немцев». Позднее... Буслаев называет предписания и правила грамматики Н. И. Греча «условными, ни на чем не основанными... далекими от живой народной речи»[1]...»[2].

Такое же передовое и патриотическое отношение выявил Ф. И. Буслаев и к местным говорам. В своём труде «О преподавании отечественного языка» Буслаев местной диалектной лексике отвёл отдельную главу под названием «Провинциализмы». В ней он говорит о необходимости изучения местных говоров для целей научно-исторических. Буслаев писал: «Многие непонятные слова, попадающиеся в древних памятниках, доселе сохраняются в областных наречиях»[3]. Изучение «провинциализмов» необходимо и для полного научного познания русского языка. Эти же мысли, но уже в связи с вопросом создания науки «История русского языка», Буслаев настойчиво повторяет и в рецензии на книгу И. Срезневского «Мысли об истории русского языка». «Для истории языка, — говорит Буслаев, — весьма важно изучение его по областным наречиям, потому что многия древния особенности языка русскаго, утратившиеся в письменности,

[1] Ф. И. Буслаев, Мои воспоминания, М., 1897, стр. 283.

[2] В. В. Виноградов, Синтаксические воззрения А. Х. Востокова и их значение в истории русского языкознания. См. «Известия Акад. наук». Отделение языка и литературы, 1951; т. X; вып. 2; стр. 116—117:

[3] Ф. Буслаев. О преподавании отечественного языка, ч. 2, М.; 1844, стр. 399.

или вовсе никогда в неё не входившия, доселе живут разбросанныя по отдельным странам России. История языка не имеет в виду внесения областных выражений в русскую литературу: она только пользуется ими для объяснения основных свойств языка русскаго как древнейшаго, так и современнаго»[1]. Изучение местных говоров необходимо и для писателей: «Наука никак не может предписать, сколько и что можно и должно войти в язык письменный из областных наречий, а гениальный писатель может внести в письменный язык со всех стран нашего отечества столько выражений, что мы и представить себе не можем»[2]. Многогранная значимость диалектного слова приводит Буслаева к мысли, что «отвращение от провинциализмов есть риторический предрассудок, который особенно неуместен у нас»[3]. Главу «Провинциализмы» Буслаев заканчивает показом краткого словаря «провинциальных» слов, употребляемых в различных губерниях. Для составления этого словаря он использовал некоторые словарики, напечатанные в «Трудах Общества Любителей Российской Словесности» и в журналах 40-х гг.

Со времени издания книги Ф. Буслаева «О преподавании отечественнаго языка» за лексикой местных говоров укрепляется право бытия, как объекта изучения, не только в языкознании, но и в школьном преподавании, где, как указывает Н. Трубицын, в 30-х гг. царило нормативное отношение к провинциализмам: «формального согласия теории на пребывание в литературе просторечия еще не было»[4].

В конце 40-х гг. появился труд, имевший важное принципиальное значение в истории борьбы за народность языка, это — «Мысли об истории русскаго языка» И. И. Срезневского, учителя Чернышевского по университету, зачинателя научной разработки истории нашего языка. В этом труде автор говорит о необходимости создания науки «История русскаго языка» и намечает пути её построения. Исходя из основного положения, что история языка тесно связана с историей народа — носителя данного языка, Срезневский приходит к выводу, что в русском языке существуют два языка — «язык книжный и язык простонародный». Поэтому историк

---

[1] «Отечественнае записки», 1850, XXII, разд. V, стр. 56.

[2] Ф. Буслаев, О преподавании отечественного языка, 1844, ч. 2, стр. 343.

[3] Там же, стр. 342.

[4] Н. Трубицын, О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в., Спб, 1912, стр. 298.

языка при построении данного курса должен раздельно изучить историю языка собственно народного и историю языка книжного; это две стороны одного и того же исторического процесса — истории языка русского, между которыми происходит тесное взаимодействие. Народный язык непрерывно проникал в язык литературный. «Чтобы создать науку «История русскаго языка», необходимо составить по каждому из наречий Русских и их местных оттенков словари»...[1]. Эти взгляды И. И. Срезневского для того времени были вполне прогрессивными.

Таким образом, вопросам изучения народности языка И. И. Срезневский отводит одно из почётных мест в науке «История русскаго языка». Этим самым местные говоры становились объектом не любительского изучения, не попутного наблюдения в связи с фольклорными и этнографическими занятиями, как это было в предшествующие десятилетия, **а объектом специального лингвистического изучения**. Следовательно, **работа по собиранию слов местных диалектов, составлению словарей местных говоров, по изучению грамматического строя их возводилась на высокую научную ступень. Поэтому время появления** в печати сочинения «Мысли об истории русскаго языка» необходимо считать началом развертывания науки о местных говорах — диалектологии — в самостоятельную лингвистическую дисциплину.

В 40-х гг. XIX в. усилился гнёт царского правительства и произвол помещиков над крепостным крестьянством. Это вызвало отпор со стороны порабощённой массы, что и отразилось в нарастающем количестве её восстаний против помещиков. Эти восстания приковывали пристальное внимание русского прогрессивного общества к жизни крепостного крестьянства, к его быту, к его местным говорам.

Появление теоретических трудов И. И. Срезневского и Ф. И. Буслаева, направленных в защиту необходимости изучения местных диалектов для целей не только этнографических, исторических и литературных, но и **лингвистических**; появление крупных словарей местных говоров Макарова и Бурнашева; напечатание в журналах 40-х гг. ряда словариков местной лексики — всё это отражало увеличивающийся интерес широких прогрессивных кругов того времени к местным диалектам.

---

[1] И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка, 1887, стр. 29, 99.

Такие явления общественной жизни, так же как и статьи 40-х гг. Белинского, оказывали воздействие и на настроение передовой части крупных учёных того времени. Это сказалось, например, в том, что под влиянием прогрессивных своих членов Академия Наук отказывается от принципов нормативного отношения к местным говорам. Она во второй половине 40-х гг. приступает к изучению местных диалектов. Научная работа АН по лингвистическому изучению их в конце 40-х годов сосредоточивается при её II отделении. Учитывая опыт «Общества Любителей Российской Словесности при Московском Университете», АН привлекает к собиранию лексики местных говоров широкие круги провинциальной сельской и городской интеллигенции. Используются и прежние словарики местных диалектов, напечатанные в различных журналах первой половины XIX в. В результате — Академия Наук издает в 1852 г. «Опыт областнаго Великорусскаго словаря». Программа этого словаря была написана И. И. Срезневским, редакторами его были академики А. Х. Востоков и Коркунов. В 1858 году Академия Наук выпускает новый, собранный ею местный лексический материал под названием «Дополнение к опыту Областнаго Великорусскаго словаря». Изданием «Областных» словарей Академии Наук заканчивается намеченный нами для обзора период борьбы за народность языка.

В наши дни великих социалистических преобразований Институт русского языка при Академии наук СССР, ныне Институт языкознания, развёртывает колоссальную работу, имеющую великое патриотическое значение, по сбору и изучению местных слов, их фонетических, морфологических и синтаксических особенностей. Результаты этой работы будут оформлены в создаваемом Академией наук СССР «Диалектологическом атласе русского языка», в котором «впервые будет показано территориальное распределение говоров русского языка, что имеет большое научное значение как для истории русского языка, так и для изучения истории нашей страны»[1]. Ульяновский педагогический институт является участником этой огромной коллективной работы. Институт наш работает под руководством Института языкознания при Академии наук СССР и в контакте с Межобластным Поволжским диалектологическим центром при кафедре русского языка Куйбышевского педагогического института.

[1] Обращение АН СССР к собирателям сведений о местных говорах, 1948.

БАЧЕРИКОВ И. П.
кандидат филологических наук

ТЕМА ТРУДА В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ ГОРЬКОГО

Тема труда занимает центральное место в художественном и публицистическом творчестве Горького. В дооктябрьский период в своих многочисленных статьях и художественных произведениях Горький показал противоположность труда и капитала в капиталистическом обществе и неизбежность борьбы между ними. Он подчеркнул тот неоспоримый факт, что «мир все более резко делится на две армии — армию богатых и праздных и армию бедных, которые всю жизнь гнут свои спины под тяжким бременем труда»[1].

В дооктябрьский период Горький настойчиво подчеркивал, что «рано или поздно все рабочие люди земли ясно увидят свой путь к счастью, свободе и правде...»[2] и добьются раскрепощения труда. В дореволюционный период Горький отобразил страстное стремление человека к освобождению труда из-под власти капитала, превращающего «... человека из раба-хозяина кусочка бесплодной земли в свободного нищего, из пассивного страдальца, поражавшего мир терпением, в пылкого, упорного борца за свое право быть человеком...»[3]. Горький убедительно показал, как росло сознание трудового человека, как он начинал понимать, что «...весь этот механически правильно, но бессмысленно действующий ад создан и приведён в движение ненасытной жадностью тех людей, которые захватили в свои руки власть над всей землёй и над человеком, и всё хотят развить, укрепить эту власть силою золо-

---

[1] Горький М., Воззвание к французским рабочим, Сб. Ранняя революционная публицистика, 1938, стр. 46.

[2] Там же, стр. 46.

[3] Там же, стр. 82.

та... Человек задумался, потрясённый очевидностью. — Кто он, создающий так много лишнего и не имеющий необходимого? Хозяин жизни или раб её?

Человек работал на фабрике и видел, как из бесформенных кусков руды его труд создаёт машины и ружья, как бессильные, тонкие, робко дрожащие нити соединяются в плотную крепкую ткань и верёвки; человек... видел, что из ружей, им же сделанных, убивают его товарищей, что из веревок делают петли для его друзей...»[1].

И он начал свою великую борьбу!

И эту великую борьбу человека за раскрепощение труда Горький показал с большой силой и убедительностью.

Он начал с утверждения того, что труд человека является основой общества, что вне труда, вне создания материальных или духовных ценностей нет и не может быть нормальных условий человеческой жизни, что труд есть основа и почва культуры, быта, морали, привычек и даже права на жизнь.

Он показал, что «самое прекрасное в мире нашем то, что сделано трудом, умной человеческой рукой, и все наши мысли, все идеи возникают из трудового процесса»[2].

Но труд рабочего на капиталиста, труд крестьянина на помещика был каторгой, приносящей капиталисту богатство, а рабочему — кусок хлеба, чтобы не умереть с голоду. И всё же, даже в таких, противоестественных человеческому чувству и разуму условиях, люди труда — рабочие и крестьяне, любящие труд и без него не мыслившие своего существования, — могли проявлять чудеса. Об этом Горький рассказал в десятках своих произведений, в особенности в повести «Фома Гордеев» и в третьей части трилогии «Мои университеты».

«Свободный труд — вот точка опоры... чтобы перевернуть мир», — писал Горький в 1916 году в приветствии к известному издателю И. Д. Сытину[3].

И эта точка опоры была найдена. Великая пролетарская революция освободила униженный, закрепощённый труд и подняла многомиллионные массы на героическую созидательную работу.

«Перевернуть земной шар рабочим и крестьянам Союза Советов нет надобности, — писал Горький после Октябрьской

---

[1] Горький М., Ранняя революционная публицистика, стр. 81.

[2] Горький М., О литературе.

[3] Горький М., Полвека для книги. Лит. худож. сборник, М., 1916, стр. 30.

революции, — но для того, чтобы перевернуть весь капиталистический мир, — они уже нашли точку опоры. Эта точка — их трудовая энергия. Она в социалистическом соревновании, в ударничестве, во встречном промфинплане, она — в уничтожении основы мещанства — мелкого, хищнического хозяйства деревни, она в росте сознания рабочими и крестьянами того факта, что именно их масса — единственный законный хозяин огромной страны Союза Советов и ее неисчислимых сокровищ, она — в сознании исторической необходимости воплощения в жизнь идеи коммунизма и в сознании того, что подлинный разум рабоче-крестьянской массы воплощает в себе Всесоюзная ленинская партия большевиков. Капиталистический мир... убеждается, что эта точка опоры — незыблема»[1].

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила и отношение людей к труду. Рабочие и крестьяне, получив свободу и власть, землю и фабрики, сами стали творцами новой жизни. На этой основе возникло новое отношение к труду, произошла смена труда подневольного трудом творческим, сознательным, направленным на общее благо.

Ленин указывал, что:

«...эта величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя не может произойти... без насилия по отношению к закоренелым тунеядцам и их прихвостням»[2].

«Великая смена труда подневольного трудом на себя, трудом, планомерно организованным в гигантском, общегосударственном (в известной мере и в интернациональном, в мировом) масштабе, требует также — кроме **«военных»** мер подавления сопротивления эксплуататоров — громадных **организационных**, организаторских усилий со стороны пролетариата и беднейшего крестьянства»[3].

Товарищ Сталин учит, что решающей силой исторического процесса являются трудовые народные массы, их работа, их трудовая энергия, создающая все материальные и духовные ценности в мире и преобразующая мир.

---

[1] Горький М., Ураган, старый мир разрушающий. «Правда» за 21 февраля 1931 г.

[2] В. И. Ленин, Как организовать соревнование? Соч., т. 26, изд. 4, стр. 368.

[3] Там же, стр. 369.

«Судьбы народов и государств решаются теперь не только вождями, но, преже всего и главным образом, миллионными массами трудящихся. Рабочие и крестьяне, без шума и треска строящие заводы и фабрики, шахты и железные дороги, колхозы и совхозы, создающие все блага жизни, кормящие и одевающие весь мир, — вот кто настоящие герои и творцы новой жизни... их «скромный» и «незаметный» труд является на самом деле трудом великим и творческим, решающим судьбы истории»[1].

Эти основополагающие идеи классиков марксизма-ленинизма о месте и значении труда в истории развития человечества и легли в основу публицистики Горького. Исходя из марксистско-ленинских установок в оценке труда, Горький всем своим творчеством и лично своей работой показал, что «труд масс является основным организатором культуры и созидателем всех идей»[2].

«Решающее культурно-историческое значение труда я... понял довольно рано, как только почувствовал вкус к работе, — почувствовал, что пилить дерево, копать землю, печь хлебы можно с таким же наслаждением, как песни петь»[3].

Вот почему тема труда в послеоктябрьской публицистике Горького заняла центральное место. Пожалуй, нет ни одной статьи, в которой он в той или иной мере не говорил бы о роли труда в укреплении Родины. И это естественно, ибо труд на самих себя, на свое пролетарское государство стал одним из величайших факторов в борьбе двух лагерей — капиталистического и социалистического. История поставила вопрос — кто кого? Победит та сторона, та государственная система, которая создаст более высокий способ производства и выше поднимет производительность труда. Об этом неустанно твердили большевики ещё с момента организации партии, об этом писали Ленин и Сталин.

«Производительность труда, это, в последнем счёте, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаёт новую, гораздо более высокую производитель-

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 457—458.
[2] Горький М., Доклад на первом съезде писателей, сб. О литературе, 1937, стр. 463.
[3] Горький М., О литературе, Госполитиздат, 1933, стр. 231.

ность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но **оно начато,** вот в чём самое главное... Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжёлый труд, забота **рядовых рабочих** об увеличении производительности труда, об охране **каждого пуда хлеба, угля, железа** и других продуктов»[1].

Горький видел, как в суровые годы гражданской войны и интервенции, голодные, раздетые и разутые рабочие проявили чудеса героизма не только на полях войны, но и на трудовом фронте, поили, кормили, одевали и обували Красную Армию и выковали ей такое оружие, перед которым не устояли вооруженные до зубов армии интервентов. И этот героизм рабочих давал Горькому силу и уверенность и помог ему стать певцом освобождённого труда.

«Если бы я был критиком и писал книгу о Максиме Горьком, — говорил Горький на собрании рабочих в Тбилиси в 1928 году, — я бы сказал в ней, что сила, которая сделала Горького тем, что он есть... заключается в том, что он первый в русской литературе и, может быть, первый в жизни вот так, лично, понял величайшее значение труда, образующего всё ценнейшее, всё прекрасное, всё великое в этом мире».

Вера в возрождение человека, которое наступит с освобождением его труда, составляет отличительную черту горьковского творчества.

Проблема труда рассматривается Горьким на двух больших этапах существования Советского государства. Первый этап — установление и упрочение советского строя и раскрепощение труда из-под гнёта помещиков и буржуазии, утверждение и пропаганда нового, социалистического отношения к труду и критика остатков прошлого, рабского отношения к труду. Второй этап — развернутое наступление социализма по всему фронту, победа социализма в городе и в деревне, победа труда коллективного, социалистического.

Первое выступление Горького в печати по вопросам труда в послеоктябрьский период относится к февралю 1920 года, — это приветствие 7-й армии, переименованной в армию труда[2].

Через два месяца — в апреле 1920 года — Горький выступил с речью на торжественном заседании по случаю пяти-

---

[1] В. И. Ленин, Великий почин, Соч., т. 29, изд. 4, стр. 394.

[2] Горький М., За работу, «Петроградская правда», № 31, 11 февраля 1920 г.

десятилетия Владимира Ильича, в которой говорил, что только честным и напряжённым, самоотверженным трудом мы можем почтить огромную, всемирную, планетарную работу Владимира Ильича, действительно освободившего труд миллионов и поднявшего их к творческой жизни. Затем в первомайский праздник 1920 года в «Правде» и «Коммунистическом Интернационале»[1] появилась статья Горького «Путь к счастью», а через два месяца (в июле 1920 года) он выступил с двумя небольшими статьями «Беседы о труде».

В марте 1920 года девятый съезд нашей партии принял решение о проведении в день 1 Мая Всероссийского субботника. В связи с этим ЦК РКП(б), ВЦИК и ВЦСПС обратились с призывом к народу — сделать 1 Мая 1920 года праздником Победы труда.

Партия готовила рабочий класс на трудовые подвиги по строительству новой жизни.

Горький не мог не откликнуться на этот всенародный праздник победы труда. И он выступил со статьей «Путь к счастью», напечатанной в первомайском номере «Правды» и в «Коммунистическом Интернационале», рядом со статьей Владимира Ильича Ленина. Горький приветствует идею партии —сделать весенний праздник рабочих праздником свободного труда. Он подчеркивает, что «в неволе капитализма безымянный труженик, творец всех сокровищ земли, не понимал — не мог понять — всемирное, культурное значение своей работы. Это непонимание так естественно, ибо подневольный труд, работа на других, — каторжная работа, проклятие человека. Но теперь... все вы работаете на себя и для себя, не понять это — преступно»[2].

Горький настойчиво убеждает, что теперь, когда власть находится в руках народа, нам не на кого жаловаться, за все плохое и хорошее вокруг нас отвечаем только мы, и хотя «...звериная вражда тунеядцев — все еще страшная сила, но еще более мощная сила — свободный, разумный труд...»[3].

В своих статьях и выступлениях В. И. Ленин говорил, что наша революция имеет международное значение и на нашем

---

[1] Горький М., Избранные публицистические произведения, Детгиз, 1951, стр. 57.

[2] Там же.

[3] Там же.

опыте будут учиться рабочие капиталистических стран, как практически строить социализм, как вводить его в быт и непосредственный обиход.

Горький пропагандирует эти ленинские идеи и старается внушить рабочим и крестьянам ту непреложную истину, что «наша трудная, будничная с виду работа имеет глубочайшее значение для всего мира, что каждое разумное и честное усилие, направленное на борьбу с разрухой, теперь имеет небывало огромный смысл, величайшее значение»[1], ибо «за нашей жизнью жадно следят десятки миллионов глаз, и... тот, кто сегодня только сочувствует, завтра начнет деятельно и пламенно подражать нам»[2].

По-ленински, остро Горький ставит вопрос: «Победим ли мы уродливое, небрежное отношение к труду, которое привито в плоть и в кровь нам веками рабства? Сумеем ли преодолеть в самих себе сопротивление животного индивидуализма и эгоизма социалистическим сознанием необходимости мужественного, упорного труда?».

И на этот вопрос от имени всего народа Горький отвечает утвердительно. Да, мы победим, мы победим новой, высшей организацией труда, трудом сознательным, творческим, созидательным, социально-осмысленным, мы сумеем преодолеть в самих себе элементы того индивидуализма и эгоизма, которые остались в нашем сознании, как проклятое наследие прошлого.

«И если вы хотите, — обращается Горький к народу, — чтобы труд был легок и день труда — днём праздника, возбуждайте в себе веру в творческую силу знания и труда.

Весело и бодро — за работу, нет пути к счастью более верного, чем путь свободного труда!»[3].

Вся статья Горького пронизана пламенным призывом к трудовому народу честно и самоотверженно трудиться на благо родной страны, строить и создавать новое общество, где труд не будет являться проклятием и кабалою человека, не будет служить источником наживы небольшой группы пауков-тунеядцев, а станет могучим средством укрепления и непобедимости советского строя. Горький указывает, что у

---

[1] Горький М., Избранные публицистические произведения, Детгиз, 1951, стр. 58.

[2] Там же.

[3] Там же.

рабочего класса нашей страны есть все условия для плодотворной творческой работы, это — прежде всего — Советская власть, власть рабочих и крестьян, единственная власть в мире, борющаяся за интересы трудящихся. И эту власть нужно беречь и укреплять своим честным трудом.

Эта статья Горького имела исключительное значение. Она навсегда похоронила надежды наших врагов поссорить Горького с Советской властью и оторвать его от большевиков.

Вместе с Лениным, вместе с партией, под её лозунгами выступил он в великий международный праздник Первого мая с призывом бороться, работать и побеждать и на трудовом фронте с такой же самоотверженностью, как наши люди боролись и побеждали на фронте военном. Именно в этом и заключается величайший смысл и значение этой замечательной горьковской статьи.

Направляя и организуя трудовой героизм масс на быстрейшее восстановление разрушенного двумя войнами народного хозяйства, партия не закрывала глаза и на то обстоятельство, что рабочие и крестьяне, свергнув власть помещиков и капиталистов и став хозяевами орудий и средств производства, не все и не сразу стали социалистами, сознательно относящимися к труду и к народному достоянию. Слишком прочно вкоренилась в течение десятилетий труда на помещиков и капиталистов привычка смотреть на труд с точки зрения подневольного человека: «поменьше поработать — побольше получить». И с первых же дней существования Советской власти, наряду с воспитанием сознательной трудовой дисциплины, Ленин считал необходимым повести решительную борьбу с лодырями, рвачами, прогульщиками, с людьми, недобросовестно относящимися к государственному добру и не желающими честно и добросовестно работать на своё социалистическое государство.

Ленин писал, что:

«Борьба со старой привычкой — смотреть на меру труда, на средства производства с точки зрения подневольного человека: как бы освободиться от лишней тяготы, как бы урвать хоть кусок **у буржуазии,** эта борьба необходима. Эту борьбу уже начали передовые, сознательные рабочие, дающие решительный отпор тем пришельцам в фабричную среду, которых особенно много явилось во время войны и которые теперь хотели бы относиться к **народной** фабрике, к фабрике, перешедшей в собственность народа, попрежнему с точки зрения

единственного помышления: «урвать кусок побольше и удрать»[1].

Ленин призывал повести самую суровую и решительную борьбу со всеми проявлениями рвачества, расхищения народного добра или порчи его, со всеми вольными или невольными пособниками классового врага, стремившегося всеми способами и средствами ослабить и подорвать молодое Советское государство.

Горький не замедлил откликнуться на призывы Ленина. И он вскоре выступил с двумя статьями «Беседы о труде». В этих статьях он критикует людей, не желающих честно и добросовестно трудиться, наплевательски относящихся к народному имуществу, сознательно или бессознательно портящих и разрушающих государственные ценности, думающих только о своих мелких личных делишках и в угоду своему ничтожному личному интересу приносящих интересы государства, подрывающих его экономическую основу. Горький приводит убедительные примеры, которые подтверждают мысли Ленина о чрезвычайно низкой сознательности отдельных членов общества, людей, заражённых мелкобуржуазными взглядами на труд, наплевательски относящихся к общественному добру. И с этими людьми Горький повёл решительную борьбу.

Горький приводит пример с погрузкой вагона, когда одна ось перегружается, а вторая не догружается, что неизбежно вызовет выход вагона из строя.

«Я был грузчиком, — пишет он, — знаю эту работу и знаю, что если бы в старое время я попробовал так грузить вагон, артельный староста дал бы мне по шее и прогнал с работы ко всем чертям. И это было бы заслужено мной — не порти транспорта»[2].

Или другой пример, когда пилят круглой пилой бревна и доски разобранного дома. Дерево усеяно гвоздями, пила болезненно взвизгивает, зубцы её быстро тупятся, ломаются.

На ряде простых и понятных примеров Горький показывает, как «...по глупости, по недостатку уважения к своему

---

[1] В. И. Ленин, Как организовать соревнование, Соч., т. 26, изд. 4, стр. 371.

[2] Горький М., Беседы о труде, «Петроградская Правда», № 153 от 13 июля 1920 г.

труду, люди губят ценности нации: разрушают хозяйство республики...

Разумеется, — заключает Горький, — все это очень мелко, особенно мелко для нас, желающих научить весь мир новому порядку и укладу жизни... Революционная социалистическая политика, это, конечно, очень хорошо, но работа — прежде всего. Указанных мелочей тысячи... и они создают атмосферу безобразной расхлябанности, лени, преступной небрежности в отношении к имуществу республики, в массе своей эти мелкие факты являются очень солидной помощью надеждам и намерениям врагов рабочего класса России»[1].

Так, своим оружием — словом, пером, — Горький боролся за ленинские идеи укрепления трудовой дисциплины, за бережное отношение к народному добру, за высокую производительность труда.

* * *

Прошло семь лет после этого выступления Горького по вопросам труда. Многое изменилось за эти семь лет. Изменилась страна, изменились и люди. Самоотверженным героическим трудом рабочие восстановили фабрики и заводы, железные дороги и шахты, разрушенные двумя войнами — империалистической и гражданской. Далеко ушли в своем культурно-политическом росте советские люди. Изменилось и отношение к труду. Крепко входило в сознание людей понятие труда, как выполнение своего долга перед государством. Рабочий класс и крестьянство в тесном союзе трудились на общее благо. И Горький зорким глазом и пытливым умом уловил этот рост. В статье «Десять лет», наряду с другими достижениями, он отмечает и такой знаменательный факт, что люди уже научились работать на себя и своё государство, что «в Союзе Советов люди начинают работать, сознавая государственное значение труда... и что только труд является прямым и кратчайшим путём к свободе и культуре»[2].

Весной 1928 года Горький приехал на родину в Советский Союз, в котором не был более семи лет. Вскоре он поехал по Союзу Советов, поехал по тем местам, по которым около со-

---

[1] Горький М., Беседы о труде, «Петроградская Правда», № 151, 10 июля 1920 г. и № 153, 13 июля 1920 г.

[2] Горький М., Десять лет, Избранные публицистические произведения, Детгиз, 1951, стр. 66.

рока лет тому назад он ходил с пустой котомкой за плечами и палкой в руках. Всё изменилось за эти сорок лет — и страна и люди. И вот Горький снова в городе нефти — Баку, в котором он был в 1892 и 1897 годах. И в очерке, посвящённом Баку, он сравнивает и прошлое и настоящее этого города и отношение людей к своему труду в прошлом и настоящем.

«Нефтяные промысла остались в памяти моей гениально-сделанной картиной мрачного ада, — вспоминает он бакинские промысла и пожар на них в 1897 году. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устрашённого разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертями, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом. Я не шучу. Впечатление было ошеломляющее»[1].

Случилось так, что и во второй приезд Горького в Баку на масляном заводе внезапно возник пожар и Горький был живым свидетелем того энтузиазма, с каким рабочие-нефтяники тушили этот пожар. Какая разница произошла в отношении рабочих к заводу, теперь принадлежащему им по праву законных хозяев и работников!

«Когда мы осматривали новый масляный завод, — пишет Горький, — горячий воздух над нами вдруг негромко, но глубоко вздохнул, в нём как бы лопнуло что-то и через дорогу от завода, над группой труб, железных колонн, цистерн взлетело курчавое, черно-серое облако.

— Эх, бензин, — вскричал кто-то сзади меня. Через минуту мы, человек пять, стояли в двух десятках шагов от картины, которую я никогда не забуду...

Я никогда не видел, чтобы огонь гасили так яростно, с такой бесстрашной дерзостью, с таким пренебрежением к боли ожогов, — в этой дружной, ловкой работе было что-то непонятное мне. Поток огня стремился к цистерне, а в ней, — как мне потом сказали, — было несколько тысяч пудов бензина»[2].

И свой очерк Горький заканчивает тем, что он «уехал из Баку под впечатлением пожара на промысле, под впечатлением спокойной и успешной борьбы рабочих против стихийной

---

[1] Горький М., Наши достижения, № 1, стр. 11, 1929.
[2] Там же, стр. 27.

силы, уехал с отрадным сознанием, что видел настоящий город рабочих, где они хозяева, как это и должно быть во всех городах, на всей земле Союза Советов»[1].

* * *

В 1928 году в статье «О займе индустриализации» Горький писал, что идеи Ленина вооружили народ непоколебимой победоносной силой, которая уже дала и даёт изумительные факты творчества.

И одним из таких изумительных фактов творчества являлось рабочее изобретательство и начинавшееся развертываться социалистическое соревнование за досрочное выполнение и перевыполнение государственных планов. В этом отношении исключительный интерес представляет ответ Горького на письмо рабочего катушечной фабрики Александрова, сообщившего Горькому о предвестнике будущего стахановского движения, рабочем изобретательстве.

В 1928 году рабочий И. С. Александров написал М. Горькому, жившему тогда в Италии, письмо о рабочем катушечной фабрики, изобревшем машину, увеличивающую выпуск продукции в 10 раз. А. М. Горький живо откликнулся на его письмо, увидев в этом рабочем новое отношение к труду.

«Две тысячи лет — и больше, люди указывают друг другу на то, как они плохи, а вот я думаю, что пора говорить о том, как и чем они хороши. Это особенно важно для нашей страны, где год от года является все больше великих маленьких героев. Поэтому человек, который ухитрился делать вместо 50 челноков 500 в сутки, — это человек более ценный, чем 500 лентяев и дураков.

Значит на него-то и нужно обратить внимание, его-то и следует похвалить, возвеличить»[2].

Этот факт настолько захватил Горького, что он настойчиво стремится узнать, где и на какой фабрике работает этот человек и как велико практическое значение его усовершенствования. И о всяком подобном факте личной инициативы, о всяких маленьких героях труда Горький просит сообщать в журнал «Наши достижения», организатором и редактором которого он был. «Рассказами о таких фактах мы с вами бу-

---

[1] Горький М., Наши достижения, № 1, стр. 27, 1929.
[2] Горький М., Сборник, Горький в Татарстане, Казань, 1932, стр. 38.

дем электрифицировать трудовую энергию людей... Наш главный лучший учитель — труд»[1].

По этим отдельным фактам социалистического труда Горький делает широкое обобщение о будущем строителе социалистического общества, как о герое нашего времени, пришедшем в мир, чтобы изменить его. С глубоким удовлетворением он отмечает, что «в наш мир пришли иные, новые герои, — герои иного характера, иных целей. Этих героев роднит и выдвигает трудовая масса, и они не требуют преклонения себе... Наши герои труда и науки, это — пальцы могучей руки рабочего класса»[2].

Горький приветствует людей, которые трудом своим славят Отечество, приветствует партию большевиков, возглавившую это великое всенародное движение за высокую производительность труда и за улучшение условий жизни и быта трудящихся.

Вскоре действительность показала, что этот новатор производства с катушечной фабрики, внесший усовершенствование в методы своего производства, и поднявший производительность своего труда в десять раз, явился предшественником Стаханова и многих других выдающихся героев социалистического труда, прославивших родину своим героическим трудом. Великий Ленин, основатель Советского государства, ещё в первые месяцы существования молодого Советского государства предвидел этот великий трудовой подъём освобождённого народа и указывал, что Советская власть создает небывалые возможности для широкой народной инициативы и для соревнования миллионов трудящихся. В первых коммунистических субботниках в голодный 1919 год он увидел ростки нового коммунистического отношения к труду и оценил эти ростки как великий почин. Это было величайшее научное предвидение Ленина.

История подтвердила его.

В апреле 1929 года шестнадцатая партийная конференция утвердила сталинский план первой пятилетки и обратилась ко всем трудящимся нашей страны с призывом организовать социалистическое соревнование — выполнить и перевыполнить план.

---

[1] Горький М., Отрывок из письма И. С. Александрову, см. сб. в Татарстане, Татиздат, Казань, 1932, стр. 38—39.

[2] Горький М., Публицистические статьи, ГИХЛ, 1931, стр. 77.

Это обращение нашей партии вызвало могучий всенародный подъём. Соревновались фабрики и заводы, совхозы и колхозы, соревновались цехи, звенья, бригады, соревновались индивидуально рабочие и колхозники. Этот всенародный подъём обеспечил нам великую историческую победу — выполнение пятилетки в четыре года и три месяца.

Уже в 1930 году ударник становился центральной фигурой на производстве, по нему равнялись, у него учились, ему подражали. Ударник стал реальным воплощением социалистического отношения к труду.

Социалистическое соревнование охватывало все сферы труда, все области трудовой деятельности. Вот почему товарищ Сталин имел возможность заявить с трибуны шестнадцатого партийного съезда, что «...в психологии масс и в их отношении к труду произошёл громадный перелом, в корне изменивший облик наших заводов и фабрик»[1], а в предисловии к книге Е. Микулиной «Соревнование масс» указывал, что «Соревнование есть коммунистический метод строительства социализма на основе максимальной активности миллионных масс трудящихся... Соревнование есть тот рычаг, при помощи которого рабочий класс призван перевернуть всю хозяйственную и культурную жизнь страны на базе социализма...

Социалистическое соревнование есть выражение деловой революционной самокритики масс, опирающейся на творческую инициативу миллионов трудящихся»[2].

Так говорил вождь. И Горький не замедлил откликнуться на речь вождя.

В своих статьях и выступлениях он пропагандирует политику партии и правительства, говорит о величайшем значении технического перевооружения СССР и социалистического соревнования масс, как решающих факторах в скорейшем преодолении вековой отсталости России и о превращении её в передовую, могучую индустриально-колхозную державу. Он приветствует и пропагандирует политику нашей партии, направленную на преобразование распылённого, индивидуального сельского хозяйства и переделку психологии крестьянина.

Вооруженный машинами и объединенный в колхозы, крестьянин «быстро поймёт явные выгоды коллективизации, по-

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10, 1934, стр. 393.

[2] Сталин И., Соревнование и трудовой подъем масс, сб. Ленин и Сталин о труде, М., Профиздат, 1941, стр. 443.

новому, более разумно, отнесется к своему труду, своим полям, повысит урожай, освободится от каторжной работы и от тех бытовых пережитков, которые затрудняют культурный рост деревни... разоружить зоологический крестьянский индивидуализм можно, только вооружив крестьян машинами...»[1].

В статье «Переписка с читателями» Горький дает обзор писем, поступивших к нему от многочисленных корреспондентов со всех уголков Союза. В этих письмах рассказывается о том, как свободный труд рабочих и крестьян проявляется во всех областях нашего строительства и как он благотворно влияет на все стороны общественной жизни.

«Человек в наши дни должен быть (и становится) настолько большим, чтобы видеть всю страну, чтобы жить жизнью всего нашего необъятного Союза... необходимо видеть плоды своих усилий, результаты далеких устремлений, близкую достижимость цели, убеждаться самому в достижимости этой цели, чтобы она не была неосознанной туманностью будущего, а яркой путеводной звездой», — пишет Горькому из Перми рабочий студент.

На основе таких многочисленных фактов трудового героизма, ставшего уже не единичным, а массовым, на основе происшедшего громадного перелома в психологии масс и в их отношении к труду, Горький делает вывод, что «никогда еще в мире за всю его историю, труд не обнаруживал так ярко и убедительно своей сказочной силы, преобразующей людей и жизнь, как обнаруживает он эту силу в наши дни, у нас, в государстве рабочих и крестьян»[2].

В ответном письме «Школе взрослых в Смоленске» терпеливо и настойчиво разъясняет Горький рабочей молодежи, в чем должно выражаться это новое отношение к труду, каковы обязанности каждого советского гражданина при выполнении порученной ему работы. «Практическое выражение нового отношения к труду» требует бережного отношения к материалам, машинам, станкам и беспощадной борьбы с браком»[3].

«Горький восторгается людьми труда, которые любят труд, умеют трудиться, работать, являются артистами своего дела.

---

[1] Горький М., День индустриализации, Избранные публицистические статьи, 1951, стр. 94.

[2] Горький М., Переписка с читателями, Публицистические статьи, 1931, стр. 158.

[3] Горький М., Публицистические статьи, стр. 227. Избранные публицистические произведения, Детгиз, 1951, стр. 246.

И высшей похвалой у него было прекрасное слово «работник», которое он произносил веско и радостно, словно поднимал какую-то приятную тяжесть»[1].

«Всякую работу надобно делать хорошо»[2], — писал он в одном из писем своим многочисленным корреспондентам. «Для меня труд, — область, где воображение моё беспредельно, я верю, что все тайны и трагедии нашей жизни разрешаются только трудом и только он осуществит соблазнительную мечту о равенстве людей, о справедливости жизни»[3].

Но Горький восторгался не всяким трудом, а трудом «свободным, творческим, созидательным, трудом коллективным, коммунистическим, разрешающим все тайны и трагедии нашей жизни». Он прекрасно знал, подчеркивая неустанно и показывая в своём творчестве, что «труд частный, труд на капиталистическом предприятии не только не разрешает всех тайн и трагедий жизни», а порождает и обостряет их и приводит к неизбежному столкновению.

* * *

В 30-х годах, в период развернутого наступления социализма на капиталистические элементы в городе и деревне, в период особенного обострения классовой борьбы внутри страны и напряжённой международной обстановки наши враги за рубежом начали усиленно пропагандировать легенду о так называемом «принудительном труде в СССР».

Создавая эту легенду, капиталисты подготовляли разбойничье нападение на нашу страну, где не только не было безработных, но ощущался острый недостаток рабочей силы. На эту легенду о так называемом «принудительном труде», Горький откликнулся статьей «По поводу одной легенды». Это — изумительно сильная статья. Она насыщена огромным количеством фактов, показывающих невиданный в истории человечества всенародный трудовой подъём миллионных масс Советской страны, приведённых в движение нашими пятилетками, и, с другой стороны, разрастающийся экономический кризис во всех капиталистических странах Европы и Амери-

---

1 Чуковский К., Литературная учеба, № 6, 1940.

2 Горький М., Письмо Северному А., Красное студенчество, 1927, № 9, стр. 70.

3 Горький М., Н. А. Бугров, соч., т. 10, изд. 3, стр. 114.

ки, выбрасывающий на улицы миллионы безработных и обрекающий их на голод и смерть.

Эта статья может быть отнесена к шедеврам горьковской публицистики. Это — обвинительный акт против империализма. Разоблачая буржуазную легенду о так называемом демпинге и принудительном труде, Горький разоблачал весь капиталистический строй, при котором неизбежны периодически повторяющиеся экономические кризисы, во время которых безработица принимает размеры мировой катастрофы, когда десятки миллионов людей остаются без работы, без крова и пищи и обречены на мучительную голодную смерть. И это при наличии колоссальных излишков продуктов, которые миллионами тонн сбрасывают в море и сжигают в паровозных топках!

Буржуазная пресса капиталистических стран — верная служанка буржуазии — подхватила эту легенду о «принудительном труде» и стала раздувать её до фантастических размеров. Американское правительство по указке магнатов с Уолл-стрита наложило эмбарго (запрет) на ввоз в США товаров из Советского Союза, якобы произведённых «принудительным трудом». На самом деле легенда о «принудительном труде» была дымовой завесой для подготовки и проведения военной интервенции против Советской страны.

Известно, что легенда о так называемом «принудительном труде» в Советском Союзе появляется в Соединенных Штатах Америки всякий раз, как только начинает наступать экономический кризис и миллионы рабочих выбрасываются на улицу. Так было в 1947 году, в начале нового экономического кризиса, когда в США вновь начали закрываться тысячи предприятий и появилась многомиллионная армия безработных, американские империалисты подняли шумиху вокруг наших успехов, изображая их значительно преуменьшёнными и достигнутыми якобы «принудительным трудом». Американские «дипломаты доллара» при поддержке своих сателлитов добились включения этого вопроса в повестку дня в одной из комиссий Организации Объединенных Наций и, как следовало ожидать, были разоблачены в своей лживой пропаганде. Опыт Горького в разоблачении лживой буржуазной прессы был использован нашей советской делегацией в борьбе с американскими империалистами и их продажной прессой.

* * *

31 августа 1935 года в нашей стране зародилось наиболее жизненное и непреодолимое движение современности — стахановское движение.

Оно началось в Донбассе, в угольной промышленности и вскоре охватило все отрасли народного хозяйства нашей страны.

Товарищ Сталин, стоявший у колыбели этого движения, руководивший его ходом и развитием, заботливо следивший за его первыми шагами, осветил перед партией и страной великое значение этого нового движения и указал, что оно войдёт в историю нашего социалистического строительства как одна из самых славных его страниц. Он назвал его глубоко революционным и наиболее жизненным и непреодолимым движением современности. Он говорил, что стахановское движение «...выражает... новый, высший этап социалистического соревнования... Значение стахановского движения состоит в том, что оно является таким движением, которое ломает старые технические нормы, как недостаточные, перекрывает в целом ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран и открывает, таким образом, практическую возможность дальнейшего укрепления социализма в нашей стране, возможность превращения нашей страны в наиболее зажиточную страну»[1]

Вскоре после выступления товарища Сталина Горький опубликовал в «Правде» статью «О новом человеке». Цель этой статьи, по выражению самого Горького, заключалась в том, чтобы разъяснить социальную педагогику сталинской речи о новых людях в нашей стране и о новом отношении к труду.

«По некоторым признакам можно думать, — писал Горький, — что мудрая речь товарища Сталина понята не во всей её глубине. Понято развернутое товарищем Сталиным значение стахановского движения в производстве, но не делается выводов в наш быт, не совсем понятна социальная педагогика этой замечательной речи»[2]. И Горький пытается разъяснить эту «социальную педагогику» выступления товарища Сталина.

«Стахановское движение, — писал тогда Горький, — огнен-

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, стр. 494—495.

[2] Горький М., Избранные публицистические произведения, Детгиз, 1951, стр. 174.

ный взрыв массовой энергии, взрыв, вызванный колоссальными успехами труда, сознанием его культурного значения, его силы, освобождающей трудовое человечество из-под гнёта прошлого... Мы прожили 18 лет боевой, очень трудной и совершенно сказочной жизни. Не говоря о том, как много — колоссально много! — создано за эти годы, мы должны помнить, что колоссальный этот труд создали десятки тысяч людей совершенно новой психологии. В чём это новое? Мария Демченко пишет мне: «Труд — величайшая святыня в нашей стране... Свободный труд на пользу нашего социалистического отечества — величайшее счастье и радость для меня», родители которой работали всю жизнь, не зная наслаждения трудом. Так говорит не одна Демченко, и это не только новые слова, это новое чувство. Когда рабочие люди испытывали счастье, радость, наслаждение трудом? Так как они никогда ещё не работали на отечество, которого не имели, — они не могли испытывать этих чувств»[1].

Приведённые Горьким примеры с наглядной убедительностью подтверждают слова Маркса о том, что переделывая мир, человек переделывает и свою собственную природу. Труд человека в советском социалистическом обществе неопровержимо доказывает, что труд не только создаёт материальные и духовные ценности и преобразует мир, но он также обратно воздействует и на своего «преобразователя» и преобразует материальный и духовный мир человека, переделывая его психологию и его отношение к природе и обществу. И в этом Горький видел величайшую преобразующую роль труда в социалистическом обществе и считал труд не только основой материальной и духовной жизни человека и нормой его поведения, но и мощным фактором в воспитании человека. В своих статьях он приводит многочисленные примеры, какое огромное значение приобретает социально-осмысленный, общественно-полезный труд в нравственном облике человека и в его воспитании и перевоспитании.

Статьи «О трудколониях ОГПУ» и «О кочке и о точке» специально и посвящены этому вопросу — воспитанию и перевоспитанию трудом.

Пример перевоспитания трудом Горький показывает и на таком человеческом материале, как преступники, взрослые и несовершеннолетние, люди социально-вредные, заражённые

[1] Горький М., О новом человеке, Избранные публицистические произведения, Детгиз, 1951, стр. 176—177.

индивидуализмом, презрением к труду и людям труда, заражённые всеми худшими качествами капиталистического строя.

«Люди, изуродованные условиями классового государства, где, — как это особенно наглядно показывает Европа наших дней, — «Человек человеку», действительно «волк», люди, энергия которых была направлена «социально-опасно» и выражалась в поступках, враждебных обществу, — эти люди были поставлены в условия, которые исключали необходимость волчьих схваток за вкусный кусок хлеба. Перед ними открылись широчайшие возможности свободного развития их способностей, в них разбудили естественное и плодотворное стремление к соревнованию. Вредители, кулаки, воры, — они с различной степенью сознательности поняли, что можно жить, не хватая друг друга за горло, что возможна жизнь, в которой человек человеку не враг, а товарищ по работе. Враг явился перед ними как неорганизованная стихийная сила бурных рек, как гранитные скалы, топкие болота. Этого врага можно одолеть только организованной энергией человеческих коллективов. И вот люди воочию убедились в творческой, побеждающей все препятствия силе коллективного труда. Впрягая реки, точно лошадей, в работу на человека, многие из «врагов общества» поняли, что они работают на обогащение и счастье семьи в 160 миллионов единиц»[1].

И Горький с гордостью вновь повторяет не однажды сказанное им, что «нигде в прошлом, даже в эпохи величайших напряжений энергии, как, например, в эпоху Возрождения, количество талантов не росло с такой быстротой и в таком обилии, как растёт оно у нас за время после Октября. Основным стремлением наших талантов является дерзновенное стремление изменить все условия жизни в их основах, построить новый мир»[2].

Вот почему в своих статьях о труде Горький значительное внимание уделяет проблеме борьбы человека с природой, подчинению стихийных сил природы разумным интересам человека. Необходимо перенести борьбу людей за существование между собою на борьбу их с природой, на изменение природы в интересах всего человечества.

Горький резко расходится с буржуазными писателями и

---

[1] Горький М., О кочке и о точке, сб. «Если враг не сдается, — его уничтожают», стр. 284—285.

[2] Там же ,стр. 286.

поэтами, проповедующими слияние человека с природой, уход человека от социальной борьбы в спокойное созерцание природы, в безмятежный мир тишины и покоя.

«Есть поэзия» «слияния с природой», погружение в её краски и линии, это поэзия пассивного подчинения данному зрением и умозрением. Она приятна, умиротворяет, и только в этом её сомнительная ценность. Она — для покорных зрителей жизни, которые живут в стороне от неё, где-то на берегах потока истории.

Но есть поэзия преодоления сил природы силою воли человека, поэзия обогащения жизни разумом и воображением, она возбуждает волю к деянию, это — поэзия борцов против мёртвой, окаменевшей действительности, для создателей новых форм социальной жизни, новых идей»[1].

Истинное призвание и назначение человека Горький видел в борьбе человека с природой, в покорении ее слепых, стихийных сил.

«В Союзе Советов, — писал он в 1933 году, — научно организованный разум получил неограниченную свободу в его борьбе против стихийных сил природы. Побеждая эти силы, заставляя их покорно служить великому всемирному делу создания бесклассового общества равных, разум все более дерзновенно, успешно и наглядно показывает свою мощь творца и организатора «второй природы», т. е. культуры, на почве, на силах и сокровищах первой природы, древней, неорганизованной и даже враждебной интересам трудового человечества. Соединенный с волею пролетариата-диктатора, разум осушает болота, добывая из них топливо, орошает засушливые степи, изменяя течение рек, заставляет силу падения воды создавать электроэнергию и огонь, он режет дорогами непроходимые горы, побеждая вечные льды Арктики, соединяет моря каналами, он изменяет физическую географию огромной страны социалистических республик, делая природу все более плодотворной, ёмкой, богатой, удобной для людей...»[2].

Горький не забывает подчеркнуть, что такая переделка природы, такое создание «второй природы» стало возможным только в условиях советского строя, когда «вся хозяйствен-

---

[1] Горький М., Наши достижения, № 3, 1929, стр. 10.

[2] Горький М., О кочке и о точке, сб. «Если враг не сдается...», стр. 283.

ная практика, решительно отвергая эксплоатацию человека человеком, неустанно и успешно воспитывает людей как разумных эксплоататоров энергии природы»[1] и что такая практика невозможна в условиях капитализма, живущего эксплоатацией человека человеком и эксплоатирующего силы природы настолько, насколько она даёт ему возможность извлекать барыши.

* * *

Горький прославил и опоэтизировал свободный коллективный труд советских людей, направленный на благо народа и государства.

Политика большевистской партии, организующая и направляющая свободный труд свободного человека в свободной стране, является идейной основой художественного и публицистического творчества Горького.

«Мы живём в счастливой стране, — где есть кого любить и уважать. — У нас любовь к человеку должна возникнуть и возникает — из чувства удивления перед его творческой энергией, из взаимного уважения людей к их безграничной трудовой коллективной силе, создающей социалистические формы жизни, из любви к партии, которая является вождём трудового народа всей страны и учителем пролетариев всех стран»[2].

С трибуны Первого Всесоюзного съезда советских писателей Горький заявил: «Мы выступаем в стране, освещённой гением Владимира Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина»[3].

В своей общественно-политической деятельности, равно как и в художественном и публицистическом творчестве, Горький исходил из политики большевистской партии, из ленинского предвидения и по-ленински пытался понять и оценить все то новое, что нарождалось и развивалось в нашей советской действительности на основе широкой творческой активности и инициативы народных масс.

Он глубоко вникал и в то новое, положительное, которое успешно у нас развивалось, и в то отрицательное, которое

---

[1] Горький М., О кочке и о точке, сб. «Если враг не сдается...», стр. 285.

[2] Горький М., О социалистическом реализме, Литературно-критические статьи, стр. 350.

[3] Горький М., Вступительная речь на открытии I Всесоюзного съезда советских писателей, Избранные публицистические произведения, 1951, стр. 166.

ещё оставалось в нашей действительности, как наследие проклятого прошлого. Прославляя и пропагандируя первое, он беспощадно бичевал второе. Вот почему почти во всех его статьях и во всех выступлениях мы всегда находим и утверждение, и отрицание, и пропаганду передового, нового, и беспощадную критику старого, отживающего. А труд свободного человека, героика социалистического труда являлись тем новым, что было рождено советским строем и что становилось основой его существования (ибо социализм строится на труде, и «не трудящийся, да не ест»). Поэтому о чём бы ни писал Горький после Великой Октябрьской социалистической революции, какие бы новые проблемы он ни разрешал, он всегда и неизменно исходил из фундамента и экономической основы советского строя, что власть в стране и все материальные ценности принадлежат трудовому народу и что коммунизм строится на коммунистическом труде. «Действительность может быть изменена только революционной силой труда...»[1].

И совершенно естественно, что коммунистическое отношение к труду являлось для Горького самым важным и определяющим в жизни человека, ибо основу науки и культуры, основу этики и эстетики составляет труд, и все прекрасное в мире создано трудом. Горький считал, что высшая красота — творение рук человека. Она — выше красоты природы.

Для человека область труда безгранична. Своим творческим трудом он создаёт вторую природу и заставляет её служить себе. Вот почему Горький всегда утверждал, что решающим и определяющим фактором в жизни человека является честный, сознательный труд на благо народа. И чем лучше, ревностнее и честнее будут работать наши советские люди, — «тем всё более легкой будет жизнь..., светлее, культурнее «быт», богаче наша страна, быстрее будет расти уверенность рабочего в своей, все побеждающей силе, — в силе своего труда, который был, есть и всегда будет единственной основой культуры»[2].

[1] Горький М., О наших достижениях, «Известия», № 151, 1 июля 1928 г.

[2] Горький М., День индустриализации, Публицистические статьи, стр. 76.

ДОМБРОВСКИЙ Р. Я.
доцент, кандидат филологических наук

МАСТЕРСТВО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Партия всегда проявляла и проявляет глубокую заботу о советской литературе. После войны, благодаря неустанному руководству партии развитием нашего искусства, писатели сумели создать ряд значительных произведений художественного слова.

На XIX съезде КПСС в докладе товарища Маленкова вопросам искусства уделено большое внимание.

В свете указаний, сделанных товарищем Маленковым, по-новому раскрываются такие коренные, жизненноважные вопросы литературы, как вопрос о типическом, о реализме, умении показывать жизнь советских людей, не боясь правды, не боясь противоречий, как вопрос о положительном герое советской литературы, о сатирическом, обличительном пафосе нашего искусства.

Программа, указанная товарищем Маленковым, является серьезным оружием в борьбе за создание литературы, достойной великой эпохи Ленина—Сталина.

Одна из центральных, решающих задач, поставленных партией перед советской литературой, — овладеть мастерством, создать глубокие художественные произведения, ярко рисующие нашу борьбу за коммунизм. Вот почему Центральный Комитет в своих исторических постановлениях по идеологическим вопросам призвал писателей дать высокохудожественные произведения, отвечающие тем задачам, которые поставлены эпохой, чтобы у нас было изобилие духовной культуры. Не случайно партийная печать резко критиковала такие слабые в идейном и художественном отношении произведения, как «Дым отечества» Симонова, «Карьеру Бекетова» Сафронова, «Огненную реку» Кожевникова.

Товарищ Сталин назвал писателей инженерами человече-

ских душ. Но инженерами душ, воспитателями нашего народа могут быть мастера, в совершенстве владеющие трудным и сложным делом художественного творчества.

В этой борьбе за мастерство серьёзная задача ложится на литературную критику. Она должна дать ответ, почему лучшие книги, признанные нашим народом, становятся близкими и родными читателю?

«Без знания нет наслаждения, — говорил Белинский, — тот ошибся, кто сказал бы, что такое-то и такое-то произведение наполняло его восторгом, если он не отдал отчёта, в чём причина этого восторга».

Таково важнейшее положение великого критика.

Товарищ Жданов сравнил каждое удачное произведение с выигранным сражением или крупной победой на хозяйственном фронте. И вот так, как после боя в штабе полка или армии анализируют сражение, сильные и слабые стороны полководческого искусства, так необходимо разобраться в работе, сделанной писателем.

Чрезвычайно важно обратиться к лучшим произведениям послевоенного искусства, проанализировать их художественное своеобразие. Такой анализ поможет сделать широкие обобщения о художественных путях нашего искусства. Между тем до сих пор у нас в критике эти вопросы ставятся и разрешаются ещё очень слабо.

Обратимся к двум произведениям, вышедшим за последнее время: к роману Г. Николаевой «Жатва», выпущенному в 1950 году, и роману В. Кетлинской «Дни нашей жизни», напечатанному в журнале «Знамя» за 1952 год (№ 7, 8, 9, 10).

Обе книги заняли важное место в нашей литературе. Роман «Жатва» назван А. Фадеевым одним из лучших за 1950 год. Роман Кетлинской охарактеризован в передовой журнала «Коммунист» как произведение, в котором даны образы новаторов производства, творцов новой жизни, смелых борцов с косностью и рутиной[1]. Обе книги дают серьезный материал для понимания важных процессов, происходящих в нашей литературе.

* * *

Роману Г. Николаевой посвящено много статей. Все большие журналы — «Новый мир», «Октябрь», «Звезда», «Дружба народов» и другие, все крупнейшие центральные

[1] Насущные задачи советской литературы, «Коммунист», 1952, № 21, стр. 12.

газеты поместили статьи и рецензии на роман писательницы. Между тем о мастерстве Николаевой, стиле её книги, способе раскрыть яркий облик советских людей сказано в этих статьях очень мало.

Разобрав идейное содержание романа Николаевой, критик В. Панков пишет:

«Большинство героев «Жатвы» обрисовано так выпукло, красочно, психологически верно, что мы ощущаем их как подлинных, реально существующих наших современников. Сколько перемен происходит с каждым из них! Умение раскрыть духовный мир людей, проследить процесс рождения в их характерах черт новой коммунистической морали — одно из замечательных качеств Г. Николаевой»[1].

Мы ждем разъяснения, изложенных В. Панковым мыслей, но критик замолкает, как только дело доходит до расшифровки указанного им тезиса, до конкретного анализа произведения.

Ещё более лаконичен и скуп там, где речь должна идти о мастерстве писателя, автор статьи о «Жатве», напечатанной в «Октябре», М. Эссен.

«В романе «Жатва» люди новой советской деревни показаны во всей многогранности, особенно женщины, шагнувшие так быстро и так далеко вперед», — говорит критик[2].

В самой общей форме раскрывается вопрос о стиле «Жатвы» в статьях А. Тарасенкова «Труд и творчество» («Новый мир», 1950, № 10), Калитина «Труд, преобразующий жизнь» («Звезда», 1950, № 12) и в других.

Правда, в ряде рецензий, посвящённых роману, мы находим интересные и верные замечания о художественной манере автора «Жатвы». Например, И. Лежнев в статье «Неутопная волна» указывает:

«Писательница стремилась выявить движущую силу критики и самокритики в жизни советского общества и для своего идейного замысла нашла выразительную художественную форму... Каждый из действующих лиц «Жатвы», встречая на пути трудности и преодолевая их в совместной работе, критически оценивает действия товарищей и свои собственные. Один и тот же образ, например, Андрея Стрельцова, Василия Бортникова, Авдотьи, Фроси освещен в книге многократно,

---

[1] Панков В., Сила творческого труда, «Молодой большевик», 1951, № 3, стр. 77—78.

[2] Эссен М., О романе «Жатва», «Октябрь», 1950, № 11, стр. 172.

увиден глазами разных людей и в разное время, на различных ступенях его духовного развития. Каждый из них не просто «описан». Нет, он предстаёт перед судом собственной совести и перед судом колхозного общества. Его личность, получая перекрестную оценку, вырисовывается в важнейших жизнеотношениях и притом в постоянном движении»[1].

К сожалению, следует сказать, что эти важные наблюдения не развиты И. Лежневым, не проиллюстрированы на художественной ткани произведения.

Такое же замечание следует сделать к статье читателя, инженера-строителя по профессии, Н. Парамонова «Роман о красоте нового мира», напечатанной в журнале «Звезда», № 1 за 1951 год.

Не претендуя на исчерпывающее решение вопроса о мастерстве Г. Николаевой, мы хотим в нашей статье проанализировать некоторые существенные стороны художественного своеобразия книги талантливой советской писательницы.

* * *

После войны нашими советскими художниками создано много ярких произведений об успехах колхозного строительства. Это — «Кавалер Золотой Звезды», «Свет над землей» Бабаевского, «От всего сердца» Мальцева, «Золототысячник» Рябоклячи и ряд других.

Среди этих книг важное место занимает произведение Г. Николаевой «Жатва». На примере одного из колхозов Угренского района писательница показала, как под руководством партии крепнет колхозное строительство, как благодаря самоотверженному труду колхозного крестьянства удалось превратить отсталый колхоз в один из самых передовых в районе, как выросли в борьбе за новое советские люди.

«Жатва» с новой силой утверждает великую гуманистическую силу нашего строя: в советском коллективе происходит отбор лучших качеств человека. Всё самое хорошее, светлое, чистое, творческое в человеке расцветает, утверждается, а отсталое, мелкое, гадкое постепенно уничтожается.

«Отбирая лучшие чувства и качества советского человека, — говорил товарищ Жданов, — раскрывая перед ним завтрашний его день, мы должны показать в то же время нашим людям, какими они не должны быть, должны бичевать пере-

---

[1] Лежнев И., Неутомная волна, «Огонек», 1950, № 93, стр. 29.

житки вчерашнего дня, пережитки, мешающие советским людям итти вперёд»[1]. Именно такую задачу поставила перед собой и успешно решила Николаева.

Не без борьбы утверждается новое, но оно крепнет с каждым часом, с каждым днём. Николаева в своём романе помогла нам увидеть богатство души простых тружеников колхозных полей. Ей удалось дать широкие и яркие характеры новых людей, вышедших из самой гущи колхозной массы. Таковы в книге Авдотья, Василий Бортников, Фрося, Пётр Бортников и другие.

Николаева сумела показать Авдотью нежной, ласковой, даже как будто робкой, слабой и в то же время сильной и настойчивой женщиной. Авдотья скромна, уступчива, но когда дело идёт о важном, о главном, без чего она не может жить — творческом труде в коллективе, счастье в семье, большой любви,—она непреклонна. Она снесёт мелкую обиду от Василия, уступит ему, но когда этот человек оскорбит её в лучших чувствах, грубо коснётся самого дорогого, она проявит большую волю, независимость.

Образ Авдотьи сложен, многообразен. Это не пресловутая сложность раздвоенности, о которой вопили космополиты. Это многогранность человека, который не может удовлетвориться маленьким, проходит нелегкий, но яркий, творческий путь.

Писательница рисует душевный мир Авдотьи со всеми ее сильными и слабыми сторонами, ее боль от сознания, что она не умеет жить, не умеет найти дорогу к сердцу мужа, стать ему товарищем, другом, что в трудный для Василия час она оказалась слабой, и в то же время её радость, когда она преодолевает слабость, когда она начинает понимать свою правоту, когда она становится независимой, самостоятельной, когда она расстаётся с мужем, а затем протягивает ему руку, чтобы найти счастье, счастье с человеком, который горячо любит, понимает её, видит в ней друга, соратника по борьбе.

За скромностью Авдотьи скрывается большой талант новатора. С каким вниманием слушает Авдотью самый крупный специалист в Союзе по клеверу, как хвалит он её за пытливость, наблюдательность.

А разве не сказался этот талант в настойчивости, с которой Авдотья, попав на курсы животноводов, тщательно отбира-

---

[1] Жданов А., Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1952, стр. 28.

ла из лекций, книг всё то новое, что можно было применить в их колхозе? Разве не сказалась эта талантливость в организации нового режима на ферме, во внедрении новых способов дойки, кормления коров, во много раз увеличивших удойность, в широте замыслов, в упорстве, с каким добивалась колхозница выполнения этих планов?

Человеком большой силы показан председатель колхоза Василий Бортников. Это — страстная, горячая натура, полная неукротимой энергии. Он прошёл суровую школу войны. Теперь возвратился в родной колхоз, горячо взялся за то, чтобы колхоз сделать передовым в районе. Но в характере Василия есть и нечто такое, что заслуживало суровой критики. Секретарь райкома спрашивает Бортникова, что думает он сделать с теми колхозниками, кто работает плохо. Василий резко говорит: «Я их приведу к порядку, будь спокоен, Андрей Петрович. Поймут! Большинство из них уже сейчас уразумели, в какую сторону им смотреть. А которые сами не повернутся, тех и силом поверну»[1].

Так вот в чем слабость Бортникова, вот что должно быть подвергнуто самокритике: его чрезмерная самовитость, властность. Василий не всегда понимает, что окриком, угрозой не организуешь людей на большие дела, что надо не приказывать, а убеждать, не наказывать, а вести людей за собой. Он резок, нередко груб с людьми, вспыльчив. Василий мог бы наделать немало бед и в конце концов оказался бы совсем непригодным руководителем, если бы не воспитанное в нём партией чувство справедливости, чувство самокритики, умение подчинить своей нрав разуму, большевистской воле.

Любовно, тепло раскрывая мир простых людей, взятых из самой гущи народа, писательница видит ту силу, которая направляет всю жизнь колхозного села, воспитывает народ в духе преданности Родине, в духе критики и самокритики — — это партия Ленина—Сталина, лучшие её сыны и дочери. Невидимые нити тянутся от всех героев книги к секретарю райкома партии Андрею Стрельцову.

Кто помогает Василию Бортникову найти своё место в послевоенной жизни, стать настоящим большевиком-руководителем колхоза, идейно закалить себя, побороть старое? Тот самый Петрович, которого Василий встретил с таким недоверием — уж очень молодым он ему показался для секретаря

---

[1] Николаева Г., «Жатва», М., 1952, стр. 28.

райкома, а потом горячо полюбил. Кто помогает в трудную минуту Авдотье? Кто горячо поддерживает ее новаторство, кто советует протянуть руку Василию, не ломать семью? Он же, Андрей Стрельцов. Кто наметил перед первомайцами широкие пути роста, движения вперед, к коммунизму, кто помог им осуществить эти пути? Кто выступил на защиту проекта реорганизации МТС, использования всех сил, всех возможностей для получения больших урожаев? Всё тот же уважаемый Петрович.

Писательница назвала роман «Жатва». Речь идёт не только о богатой жатве хлеба, богатом урожае, который явился результатом упорного, самоотверженного труда колхозников, речь идёт и о духовной жатве — выросли советские люди, окрепли политически, созрели идейно, их душевный мир стал богаче, содержательнее.

Художественное своеобразие Николаевой тесно связано с идейным новаторством её книги. Писательница старается как можно глубже и ярче раскрыть психологию людей, ее прежде всего интересует сложный мир человеческой души. Круг её характеров сужен, нет в её книге того широкого разлива, который мы наблюдаем, скажем, в книгах Бабаевского, но каждый из характеров показан изнутри во всей сложности и противоречивости.

Конечно, проникновение в психологию человека присуще многим художникам русской литературы прошлого и советской литературы, но для Николаевой этот путь является главным, ведущим. Ему подчинены все другие пути, приёмы. Какие бы обстоятельства ни выбирал автор «Жатвы», каких бы сторон жизни советских людей ни касался, он неизменно попытается заглянуть в душу человека, рассказать о том, что чувствует, переживает советский человек. Пейзаж, портрет, язык — всё это показано способом, излюбленным писателем.

Автор «Жатвы» ставит задачу раскрыть подводное течение мыслей своих героев, их психологию. Это подводное течение тесно связано с борьбой советских людей за новое, их партийностью. Мир, открываемый Николаевой, — это мир борцов за коммунизм, светлый, широкий, богатый, творческий. Он вовсе не похож на тот зловонный душный мир героев современной буржуазной литературы, где на всяческие лады смакуется пристрастие человека к патологии, преступлению. Образно говоря, внутренний облик советского человека, который увидела Николаева, так же богат и значителен, как и

тот мир, который рисовал Бабаевский, изображая преображённые колхозные земли, рисуя свет коммунизма. Николаеву поэтому интересует не всякое движение души, не всякое чувство, а чувство нового, то, что рождено нашим временем, нашей борьбой. Она неутомимо будет следить за самыми противоречивыми движениями ума, сердца, она отметит тончайшие нюансы чувств, мыслей, часто едва уловимых, она увидит, как в одно и то же мгновенье в душе человека загораются самые противоположные чувства и настроения: огорчение и радость, решительность и сомнение, смелость и страх, отчаяние и надежда. Но все эти наблюдения неизменно озарены у неё светом новых идеалов, светом коммунизма. Николаева стремится подчеркнуть в человеке хорошие, яркие начала, говоря словами Горького, «возбудить в человеке гордость самим собой».

Излюбленный способ обрисовки характера Николаевой — подслушать сложный поток мыслей, чувств героя, уловить то, что Чернышевский называл «диалектикой души».

Говоря о встрече Василия Бортникова с секретарём райкома партии Андреем Стрельцовым, Николаева пишет:

«Шла обычная деловая беседа, и ничто не говорило ни о том «подводном» течении мыслей, которое сопровождало каждое слово, ни о том, как настороженно присматривались друг к другу два человека, ещё почти незнакомые, но уже взаимно зависимые и тесно связанные»[1].

Вот типичная для Николаевой зарисовка.

При этом писательнице удаётся охватить своими наблюдениями не один персонаж, а целый коллектив, показать нити, которые тянутся от сердца к сердцу и вместе образуют одно неразрывное целое.

Характерна, например, глава, посвящённая первому партийному собранию колхоза. Верно передана здесь могучая вдохновляющая сила критики и самокритики на души советских людей. Автор передаёт мысли и чувства и Василия, и Валентины. На наших глазах мужают, закаляются в борьбе характеры советских людей. Показательны, например, размышления Василия Бортникова:

«Чем резче говорила Валентина, тем легче становилось Василию. Он видел рядом с собой человека, который так же, как он сам, болеет за колхоз, не хуже его самого разбирает-

---

[1] Николаева Г., Жатва, М., 1952, стр. 25.

ся в делах, может говорить горячо и прямо, может указать на ошибки, натолкнуть на нужную мысль, посоветовать»[1].

Вот где по-новому чувствуешь непобедимую силу нашего строя, своеобразие новых отношений между советскими людьми.

Все лучшие краски, все художественные свои приёмы подчиняет писатель этой цели — показать богатство духовного облика советского человека.

Обратите внимание, как строится портрет писателем.

Николаева старается уловить такие моменты из жизни своих героев, когда неожиданно человек как бы изнутри освещается внезапной вспышкой молнии — отчётливо выступает что-то яркое, значительное, сокровенное, идущее из самой глубины души. Например, на партийном собрании Валя делает замечание Василию, что он работает без подъёма, радости и огонька.

— Ну, знаешь, председатель колхоза — это не гармонист на гулянке! — замечает Василий.

— А ты вспомни Алексея Лукича! Разве он был гармонистом на гулянке? — говорит Валя. — А как легко и хорошо людям и работалось и жилось около него! И самого себя ты вспомни, Василий Кузьмич! Ведь ты и сам другим был!

Тонкие брови её дрогнули. Маленькая Валька-гусятница посмотрела на Василия из глубины зрачков взрослой Валентины, и он увидел: она была всё та же — удивительно изменчивая, она всегда оставалась неизменной, всегда оставалась все той же, до самого донышка, понятной, надежной девчонкой с соседней улицы, выросшей там же, где вырос он, живущей тем же, чем жил он[2].

В эту минуту Василий как-то совсем по-новому узнает Валентину, понимает её.

Нередко писатель остановится на таком движении сердца, которое едва уловишь, настолько оно противоречиво, сложно, мимолётно.

В «Былом и Думах» Герцен пишет:

«Стихами легко рассказывается именно то, чего не уловишь прозой. Едва очерченная и замеченная форма, чуть слышный звук, не совсем пробуждённое чувство — ещё не

---

[1] Николаева Г., Жатва, М., 1952, стр. 111.
[2] Николаева Г., Жатва, М., 1952, стр. 110.

мысль. В прозе просто совестно повторять этот лепет сердца и шёпот фантазии»[1].

Надо сказать, что и в прозе большие русские писатели, в том числе и сам Герцен, умели «повторять лепет сердца и шёпот фантазии», т. е. умели раскрыть тонкие оттенки настроений человека. Николаева учится у этих писателей.

Вот Василий вместе с Авдотьей идут в гости к родным.

«Василий давно уже был готов, а Авдотья всё ещё собиралась, примеряя то одну, то другую кофту.

— Чего ты разневестилась? — окликнул он.

— Да ведь маменька своеобычлива. Боюсь, не осудила бы, — оправдывалась Авдотья.

В синей сатиновой кофте и в тёмной повязке, бледная, с кроткими большими глазами, она казалась усталой и испуганной девочкой, раньше времени принявшей на себя бремя бабьей доли. Василию захотелось обнять её, но он сдержался. Как стеклянная, невидимая, но непроницаемая стена, стояла между ними взаимная настороженность. Каждый раз, когда ему хотелось приласкать жену, он вспоминал о недавней близости её со Степаном, и это воспоминание сковывало его. Он сдержался и на этот раз, не обнял её, но взглянул ласковее, чем обычно, и она сразу встрепенулась, порозовела и по привычке, чуть выпятив суховатые губы, передохнула, словно на миг сбросила с плеч тяжесть»[2].

Как верно пойман чуть уловимый сердечный порыв Василия и Авдотьи — их горячее желание открыть друг другу душу и в то же время — отчуждение, настороженность.

И внешний портрет героев построен так, что он, как в зеркале, отражает сокровенные черты внутреннего облика персонажа.

Писательница вглядывается в человека, и вдруг какая-то яркая черта лица, фигуры открывает перед ней путь к его сердцу и уму.

Зайдя в комнату правления колхоза, где происходит первое партийное собрание, Василий, взглянув на Валентину, только теперь по-настоящему заметил одну деталь её лица: её брови, тонкие, легкие, сведённые у переносицы и, как крылья, приподнятые у висков, они придавали всему лицу её выражение стремительности и смелости.

У героев Николаевой всё говорит: глаза, руки, лицо, фигу-

---

[1] Герцен А. И., Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. VII, стр. 469.

[2] Николаева Г., Жатва, М., 1952, стр. 36—37.

ра. Глаза могут светиться радостью, гордостью, как у Василисы, показывающей Бортникову овцеферму. «Знаю, что похвалишь меня, — говорили её лучистые глаза, — да и как тебе не похвалить меня, а мне не погордиться!»[1]. В то же время глаза могут блестеть болью, как у Василия в сцене разрыва его с Авдотьей.

В другом случае писатель уловит едва заметное изменение тона голоса, по нему будет судить о переживаниях героя. Напряжённо говорят друг с другом Василий и Степан на следующее утро после памятной встречи возвращения Бортникова в родной дом. Оба чувствуют себя скованными, связанными, но вот разговор заходит о государственных, колхозных делах, о грандиозных планах по преобразованию родной страны, и люди, забывая о собственном горе, радуются тому, что делается на их земле. Это хорошо подчеркнуто в интонации голоса Степана. «Крепко замахнулись!.. Эдак ещё не замахивались!.. — в его тихом голосе пробивались нотки оживления»[2].

Нередко писатель в одном месте, в одной детали передаёт сложную гамму чувств, желаний, когда в одно и то же время, как, например, во взгляде Авдотьи, из главы «Трое», «...металось что-то: не то страх, не то тайная надежда и приглушённая радость»[3].

Вспомните из этой же упомянутой главы «Трое» то место, где мы знакомимся впервые с Авдотьей, с её гордым, сильным и в то же время мягким характером.

Услыхав от Василия слова, что он не станет советоваться с ней, Авдотьей, как поступить дальше, как жить, Бортникова «вскинула голову, изумление и что-то похожее на оскорблённую гордость на миг осветили её лицо и тут же погасли»[4].

Видите, какое сложное психологическое движение подчеркнуто Николаевой: Авдотья и оскорблена тем, что Василий попрежнему, как и раньше, не видит в ней равного с ним человека, что он так грубо коснулся самого больного, уязвимого места её души, в то же время она чувствует себя виноватой перед тем, кому отдала лучшие свои чувства, первую любовь, тем, кто был отцом её детей, главой её семьи, кто, не жалея сил, защищал Отчизну. Она понимает, что должна вернуться

---

[1] Николаева Г., Жатва, М., 1952, стр. 33.
[2] Там же, стр. 13.
[3] Там же, стр. 15.
[4] Там же, стр. 14.

к Василию, а любовь к Степану, который поддержал её в трудную минуту, стал для неё другом, товарищем—велика—она смятена, растеряна, но сквозь смятение отчётливо проступает то новое, что властно вошло в её душу: чувство собственного достоинства, гордости, верности долгу, чистоты, порядочности. Вот почему она говорит Степану: «Не тронь, Стёпа!.. Лучше враз!.. Дети! Дети ведь!»[1].

И пейзаж в книге позволяет проникнуть в душу человека. Картины природы у Николаевой лирически окрашены. Например, как хорошо передана любовь Вали к родной природе в том пейзаже, который расстилается перед её глазами во время её приезда в деревню. Сердце Вали переполнено нежным поэтическим чувством любви к своей земле, и пейзаж окрашен в такие же мягкие, лирические тона.

«Воздуха было много, он тёк широкими спокойными влажными волнами, наполняя грудь свежестью. Молодые берёзки на вырубках испуганно убегали в сторону, тонкие сосенки задумчиво качали вершинами, чуть вздрагивали нежные, дымчатые ветви осинника, маленькие ёлки доверчиво протягивали пушистые ветки, как детские ладошки с растопыренными пальцами»[2].

Говоря о портрете произведения Николаевой, следует подчеркнуть, что путь, который избрала писательница для создания характера, тесно связан с её методами психологического анализа: облик героя часто раскрывается через впечатление о нём окружающих людей. Например, образ Авдотьи дан через восприятие и Василия, и Андрея, и академика Петрова, и многих других персонажей. В одном случае Авдотья кажется Василию усталой, испуганной девочкой, раньше времени принявшей на себя бремя бабьей доли, в другом, — в её облике чувствуется что-то очень приятное, певучее, напоминающее картины Васнецова (впечатление Андрея), в третьем, — мы видим Авдотью глазами академика Петрова и его друзей: овальное, бледное, с едва проступившим от волнения румянцем лицо, с большими синими глазами, лицо немолодое, но ещё сохранившее детскую мягкость и расплывчатость.

«...Оно, казалось, выступало из утреннего тумана, смягчавшего его линии, придававшего что-то по-утреннему чистое»[3].

И внутренний облик Авдотьи раскрыт таким же путём.

---

[1] Николаева Г., Жатва, М., 1952, стр. 15.
[2] Там же, стр. 74.
[3] Там же, стр. 203.

Стоит вспомнить хотя бы, как тепло думает Василий об Авдотье даже в трагический момент их встречи — после прихода Василия домой.

«Ну, что ж? — подумал он, напрягая всю свою волю, чтобы остаться спокойным. — Что ж? Дуня не такая баба, чтобы жить с мужиком из корысти или от нечего делать... Не такая она баба!..»[1].

Так шаг за шагом, черта за чертой воссоздаётся яркий, сложный, отливающий многими красками образ. Художник заходит то с одной, то с другой стороны, каждый раз шлифуя новые грани, отмечая новые детали.

Такой способ показа людей даёт писателю возможность раскрыть психологию не только того, кто является объектом наблюдения, но и того, кто наблюдает, не только Авдотью, но и Василия, Андрея, академика Петрова.

Нередко писатель, передавая впечатление людей друг о друге, перекрёстными линиями ведёт свои наблюдения над героями: собеседники смотрят друг другу в глаза, как в зеркало.

Василий, зайдя в кабинет секретаря райкома, в первую минуту опешил: он слыхал о Петровиче много хорошего, ему казалось, что Стрельцов — опытный, пожилой человек, а он оказался молодым, «мальчишистым». По мере знакомства с Андреем Бортников убеждается, что Андрей, несмотря на молодость, — сильный, мужественный, прошёл сложный трудный путь.

В то же время Андрей с интересом изучает Василия, нащупывает его сильные, слабые стороны и в конце концов делает такой вывод: «Хорош!.. Чересчур «самовит», властен, горяч. Но все-таки хорош!»[2].

Таким путём обрисованы писательницей два образа: Андрей с его спокойной силой и Василий с его горячим темпераментом, с его самовитостью.

Задача, которую поставила перед собой автор «Жатвы», требовала новых приёмов в отборе материала и освещении его. Чтобы показать обновление советских людей в процессе труда, надо было остановиться на важных переломных моментах, а эти моменты искать в простой будничной жизни советских людей.

Метод глубокого психологического анализа как раз и позволяет Николаевой ярко раскрыть советские будни. Она ос-

---

[1] Николаева Г., Жатва, М., 1952, стр. 16.
[2] Там же, стр. 29.

танавливается на сцене, внешне ничем не примечательной, неэффектной, неброской, но при этом показывает, что скрывается за этой будничной внешностью, какие чувства и мысли переживают советские люди, и тогда простое вдруг освещается ярким светом изнутри.

Вот Авдотья принесла из библиотеки поэму Алигер «Зоя». Степан, любивший читать агрономические произведения, недоволен тем, что выбрали не ту книгу, которую он хотел. Не меньше Степана огорчена и Авдотья. Однако раз принесли книгу, надо читать. Катя приступает к чтению.

Ну, что кажется особенного в этом эпизоде? Живя в селе, вы можете наблюдать подобные сцены ежедневно, ежечасно, но писательница расскажет вам о том, что чувствует Авдотья, и Степан, и маленькая Катя, расскажет о том, как взволновала всех эта книга, как плакали они, читая сцены о страданиях Зои, её гибели, и вы поймёте, что это не просто эпизод в жизни героев, в жизни Авдотьи. Это—событие огромной важности, потому что именно здесь мужает характер Бортниковой, здесь она учится всем сердцем любить Отчизну, её замечательных героев, здесь она начинает любить книгу и воспринимать все написанное в ней, как что-то касающееся её лично.

«Плакала простодушная Прасковья, и Авдотья уже не вытирала слёз...

Казалось, не далеко, а в соседней избе умирала девочка, родная, близкая, понятная, такая же любимая, как Катюша.

— Зоюшка... девонька!.. Вот они люди!.. Вот она жизнь!..

С новою, горячей благодарностью и любовью думала она о тех, кто защищал её и её детей, с новой горячей жалостью смотрела она на изуродованный висок Степана.

Не с того ли вечера началось то новое, что перевернуло всю Авдотьину жизнь?»[1].

Или вот другой пример. Николаева рисует занятие политкружка в колхозе — опять знакомая, родная, обычная картина, но автор расскажет о том, как горячо воспринимает Авдотья каждое услышанное и прочитанное слово, как волнуют её слова Коммунистического Манифеста: «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма», и мы вновь убеждаемся, что и в этот будничный вечер перед Авдотьей открылся новый яркий и глубокий мир жизни, борьбы, подвига, что в этот час

[1] Николаева Г., Жатва, М., 1952; стр. 69.

она по-новому осознала величие того дела, ради которого живут и трудятся советские люди.

Или, скажем, что особенного в последней, завершающей сцене, где рисуется картина пригона скота на базу, но и тут писательница как бы остановила летучее мгновенье жизни, передала всю полноту счастья советских людей, радость труда, гордость от сознания, что они живут в Советской стране, что все богатства земли — всё это достояние коллектива, и оттого и эта сцена приобрела новый смысл и новый характер.

«Отчего так хорошо? — тихо, словно самой себе, говорила Валентина. — Отчего такой мир и такое счастье вокруг? Может быть, оттого, что лес, и небо, и стада? Или оттого, что всё здесь создано нами? Нет... Не только оттого... Вот сейчас я представила себе, что всё здесь не наше общее, а, например, моё, только моё. И так противно даже на миг допустить это! Сразу разрушится красота. Будет негодование и справедливый гнев одних, страх и жадность других. И не будет вокруг ни счастья, ни мира, ни согласия. И исчезнет всё очарование Алёшина холма»[1].

И так на каждом шагу. Художник не скользит по поверхности жизни, а забирается в глубь её и показывает, какие серьёзные процессы происходят в душе советских людей — тогда простые, будничные факты приобретают новый смысл и значение. Так лес зимою стоит на рассвете тёмный, но как только заблещет, заиграет солнце, так весь он начинает играть яркими красками.

И, однако, следует сказать, что писательница не всегда верна своему реалистическому принципу, что не все главы её книги написаны с одинаковой силой.

У Николаевой развито художественное чутьё, она хорошо чувствует, в каком направлении должен развиваться образ, какие его особенности важно подчеркнуть, но не всегда ей удаётся оплатить выданный ею творческий вексель.

Например, Николаева часто подчеркивает, что люди изменчивы — один и тот же человек в разное время раскрывается по-разному. Если в образе Авдотьи эта мысль выражена художественно, её портрет раскрыт многогранно, то в Валентине мы не видим всех тех граней, о которых говорит писательница.

Мы отмечали умение Николаевой заглянуть в глубь души и подслушать заветные думы, чувства человека. Пережи-

---

[1] Николаева Г., Жатва, М., 1952, стр. 495.

вания Василия, Авдотьи, Андрея и других героев даны правдиво, верно, а вот переживания учительницы Лены раскрыты неубедительно. Её думы о любви к Алёше написаны общими, безликими фразами.

«Он и в самом деле будет учёным! — думала она об Алёше. — Ведь многие знаменитые люди начинали вот также, с агроминимума, со школы сельской молодёжи. Мы вместе будем учиться. Он моложе меня и ниже по образованию, но разве это так важно?»[1].

Быть может, по содержанию именно эти мысли придут на память Лене, но выражение их должно быть более интимным, личным, непосредственным.

Однако, критикуя писательницу, мы в то же время отмечаем новаторство Николаевой, её мастерство. Отдельные недочёты не могут заслонить серьёзных успехов автора «Жатвы».

* * *

Прошло два года после выхода романа «Жатва». В 1952 году Вера Кетлинская в журнале «Знамя» печатает роман «Дни нашей жизни»[2].

В этой книге писательница прокладывает новые дороги психологического мастерства.

Как и книга Николаевой, ее роман позволяет увидеть некоторые важные пути художественного своеобразия советского искусства.

Кетлинская обратилась к жизни одного из крупнейших ленинградских заводов, вырабатывающих могучие машины — турбины для электрической промышленности, дающие энергию нашим предприятиям, колхозам, свет нашим театрам, домам — в самых разных частях страны — в Крыму, на Урале, на Дальнем Востоке светятся огни, зажженные турбинами ленинградцев. Немала их доля в осуществлении ленинского принципа: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Таким образом, в романе идет речь об одной из магистральных линий нашего развития, нашей борьбы в ответственный период третьей пятилетки, постепенного перехода к коммунизму.

В это время перед коллективом завода была поставлена новая трудная задача — создать машины для великих строек

---

[1] Николаева Г., Жатва, М., 1952, стр. 104.
[2] «Знамя», 1952, №№ 7, 8, 9, 10.

коммунизма, во много раз превышающие мощность турбин прошлого выпуска, и создать их быстрее, чем это практиковалось раньше, в прошлом.

— Но таких машин еще никогда не выпускали: параметры небывалые! — слушая рассказ секретаря райкома Раскатова о перспективах завода, восклицает Аня Карцева. И Раскатов с удовлетворением видит, что Аню волнует, восхищает, радует эта перспектива.

Цель, действительно, велика, но спустя некоторое время, когда выпуск таких машин был освоен заводом, оказывается, что всё, что делал Немиров с товарищами, кажется им маленьким, по сравнению с тем, что предстоит им в будущем.

— Да, таких сложных, увлекательных задач мы ещё не решали. И чисто технических, конструкторских и производственных, — с восторгом, счастливо улыбаясь, говорит товарищам инженер Полозов в заключительной сцене романа, когда после футбольного матча группа турбинщиков собралась в летнем ресторане стадиона.

Писательница смотрит на эту сцену глазами маленькой Галочки — оттого вся картина как бы освещена ярким, молодым светом, устремлена к тому времени, когда уже Галочка будет с радостью говорить то, что сейчас взволнованно сообщает Полозов.

Как же осуществить все эти задачи, как же в несколько месяцев пройти путь, на который раньше затрачивались годы, как выполнить слово, данное товарищу Сталину, партии, не подвести родной город — центр технического прогресса, дать машины лучшие в мире? Вот чем занят коллектив турбинщиков, вот что составляет содержание их труда, их борьбы.

Перед лицом таких задач мало увеличить число стахановцев-новаторов, мало ввести десятки, сотни рационализаторских предложений — надо сделать весь коллектив стахановским.

Писательница забегает вперед, заглядывает в завтрашний день, но от этого ее образы не становятся нетипичными, нереальными, потому что, выбрав завод, где отчетливо выражены черты будущего, остановившись на коллективе, сделавшем шаг вперед, она говорит о том, куда идет жизнь.

Для В. Кетлинской типическое — то, что развивается, то, чему принадлежит будущее, и в таком методе типизации

сказалась ее партийность, ее вера в силы народа, силы партии, в победу коммунизма.

Когда-то Чернышевский, заканчивая главу о коммунистическом обществе, писал:

«Любите его (то есть будущее), стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы сумеете перенести в нее из будущего»[1].

Наша жизнь уже сейчас «светла и добра, богата радостью и наслаждением». И все-таки, с этой существеннейшей поправкой мы можем повторить слова Чернышевского: чем больше наши советские люди перенесут из будущего в настоящее, тем ярче и прекраснее будет их жизнь.

Сами краски, которыми пользуется Кетлинская, соответствуют выбранной задаче.

Чтобы понять своеобразие художественной манеры писательницы, надо выяснить некоторые общие закономерности нашей литературы.

* * *

Тов. Фадеев говорил на XIX съезде:

«Партия сплотила в одну семью многонациональный отряд нашей советской литературы, где каждая национальность вносит краску своей национальной формы, связала великие цели нашего искусства с самыми передовыми, с самыми высокими традициями в национальной литературе, прежде всего в литературе русского народа, во всем многовековом, художественном развитии человечества и указала путь безграничного совершенствования и новаторства на путях социалистического реализма»[2].

Несомненно, что только тогда советские писатели сумеют создать значительные произведения, когда они внимательно изучат действительность, будут черпать из этой действительности не только содержание, но и краски. Форма художественного произведения не может быть безнациональной, она корнями своими уходит в родную почву, родную историю.

Известно, как настойчиво требовал Белинский искать в художественных произведениях пафоса, т. е. поэтической идеи, идеи, тесно, органически слитой с формой. Но такое слияние

---

[1] Чернышевский Н. Г., Избранные сочинения ГИХЛ, 1950, стр. 168.

[2] «Правда» за 1952 от 8 октября, стр. 4.

может произойти лишь тогда, когда сама форма будет вытекать из разбираемого писателем предмета.

Скажем, трудно себе представить повести Г. Гулиа «Весну в Сакене», «Добрый город» без той абхазской природы, быта и нравов абхазского народа, которые так ярко раскрыты в творчестве писателя. Когда художник обращается к Москве, к жизни великого города — сердцу Родины, он и тут связан с родным, любимым краем.

Все, что видит герой «Доброго города» Смел в столице, становится ему ближе, когда он найдет аналогичное сравнение, взятое из кавказского обихода.

Смел идет по Красной площади — у него захватывает дух, ему кажется, — он восходит на Эльбрус. Кремлевская стена кажется вырубленной из красной скалы, запах елочек, растущих вдоль Кремля, напоминает ему запах Сакенского бора.

Если ему надо показать высоту московской гостиницы, он вспоминает гору Гуагуа, если ему нужно выразить восхищение московской девушкой Галей, он замечает:

«Что за девушка. Таких в Сакене называют рожденными молнией».

Пафос книги Семушкина «Алитет уходит в годы» заключен в том, что он смотрит на Чукотскую землю глазами чукчей, он как бы проникается той атмосферой, которая царит на этой земле, духом этой среды, этой обстановки. Писатель сумел разгадать самобытный характер чукотского народа и передать это своеобразие в самом стиле книги.

Глаза Семушкина — это глаза народа, творческого, прекрасного в своем чувстве товарищества, детски-трогательного. Отсюда та непосредственность, наивность, которая так характерна для чукчей.

Вот Лось отдает советскому кораблю остатки угля, и старик Ильич говорит:

— Ты поступил как настоящий охотник.

О моторе Ильич говорит:

— В нем живет добрый дух. И зовут его Бен-Зин. Так сказал инструктор.

Особенно ярко эта особенность книги Семушкина сказалась в тех частях, где речь идет о том, как воспринимали чукчи то новое, что принесли на Чукотку советские люди. Например, великое и простое понятие социалистического государства, коммунистической дружной семьи раскрывается как-то поновому, неповторимо самобытно, своеобразно.

— Кто такая Государства? — спрашивает Рультена. — Белый человек?

Ярак говорит:

— Нет, государство — это народ, ты, я, Мери, доктор, учитель, Лось — все. Много, много людей.

В «Белой березе» речь идет о людях колхозной деревни, их горячей любви к родной земле, к белым березам, к стремительным речкам, широким полям, и потому и краски, образы, сравнения берутся из этого же источника родной русской природы.

Пути народа, страны, пути отдельных людей, их радости и горести, весь сложный мир их переживаний раскрывается писателем с помощью сравнений, взятых из мира русского пейзажа.

Конечно, следует сказать, что и многие другие писатели широко пользуются пейзажем, чтобы дать представление о переживаниях людей, но у Бубеннова эти сравнения, аналогии носят не подсобный, эпизодический характер, а являются главным способом проникнуть в душу людей, раскрыть сложность действительности.

Один за другим следуют образы, взятые из мира природы. Они придают роману своеобразие и свежесть.

В первой книге «Белая береза» через все повествование проходил образ белой березы. Писатель настойчиво, от главы к главе, повторял этот мотив, так что в конце концов он выступает ясно, отчётливо. Белые березы приветствовали бойцов, белые березы, символизирующие мир, весну, вели радостные хороводы, и они же поздней осенью плакали, роняя на землю крупные листья. Через вторую книгу проходит образ могучей русской вьюги, которая символизирует неудержимую силу советских людей, их ненависть к врагу. Этим образом начинает писатель свое произведение и завершает его.

Вьюга в «Белой березе» может то стихать, то разъяриться, разбушеваться — и на ее фоне развертываются все события, вся борьба советского народа с гитлеровцами.

С родной русской землей, с национальной почвой связан и роман Кетлинской.

Одна из характерных черт русского классического искусства — стремление показать своеобразие русского героического характера, его простоту и скромность, за которой скрыта глубина, патриотизм, сила и храбрость.

Сами краски, которыми пользовались русские писатели,

близки к образу, о котором они говорили: ничего эффектного, вычурного, броского — естественность и простота — таков был их девиз.

Вот эти традиции русского искусства сознательно продолжала Кетлинская: недаром с такой любовью и искренностью она глазами Ани смотрит на картины Левитана с их нежной красотой, картины, в которых не видно ни роскоши, ни буйства красок, а во всем неизъяснимая прелесть, в которых ничто не будоражит, не блещет парадной пышностью, но учит вглядываться, вдумываться.

Серенькое небо, серая река и яркие пятна последнего снега на берегах, поросших рыжим кустарником,—ранняя весна...

Заглохший пруд в густой тени разросшихся деревьев. Хмурое осеннее небо в тучах, река, тёмная полоса дальнего берега и в углу картины одинокая камышинка, склонённая ветром...

Деревенская улица лунной ночью — всё сонно, тихо, всё голубое, и на этом голубом лежат покойные тени.

Вот какие пейзажи заставляют Аню подолгу стоять около полотен художника, вот что глубоко трогает самые заветные струны её сердца.

Аню волнуют картины Сурикова с портретами русских людей, в которых запечатлена повседневная сущность русского человека, и эта сущность глубоко человечная, русская каждой своей чёрточкой: суровость в ней соседствует с добротою, храбрость и отвага — с простодушием и отзывчивостью.

Тут выражены и симпатии самой писательницы, она сознательно продолжает традиции, которые ей дороги, в то же время она улавливает то новое качество русской силы, которое уже пришло в наше советское время.

Аня говорит Полозову:

— А я сегодня размышляю о русском характере, о национальных чертах. Вспомнила своего старшину Васю Миронова и, как ни странно, нашла у Сурикова его портрет.

Он несколько минут всматривался в набросок головы солдата, потом сказал решительно:

— Нет. Не похож.

Она рассмеялась от удивления.

— Ну, знаете...

— Нет, нет, не похож — и не спорьте!

Кто прав? Каждый в какой-то степени. Сходство, конечно,

есть, сходство в преданности Отчизне, в твердости и мужестве, но в то же время и разница есть, новое качество есть. Герои прошлого, простые люди любили свой народ, свою Родину, но эта любовь была тесно слита с ненавистью к её угнетателям; советский человек живёт в стране, где он чувствует себя творцом истории, её хозяином, — вот это чувство хозяина страны, творца истории верно угадано Кетлинской. Кетлинскую привлекают люди, внешне лишенные эффектных черт, простые и скромные в своём героизме, неяркие простые пейзажи, акварельные, нежные краски. Она стремится увидеть, как за этой простотой скрывается глубокая, волнующая внутренняя красота, богатство простых советских людей, без шума и крика воздвигающих великую стройку. Её волнует, например, образ автора грандиозного проекта преобразования родной земли, который буднично и просто рассказывает о своём плане, как будто дело идёт о чем-то житейском, обычном, привычном. Её привлекает образ угловатого, неуклюжего, глубоко творческого, с новаторской, изобретательской жилкой Воловика, скромной простой матери Антонины Пакулиной, с ее нерастраченными душевными силами, с её задушевностью и теплотой, с её любовью к людям, с её верой в жизнь, в будущее; её привлекает образ секретаря комсомола Ксаны Белковской, с лицом простым, ясным, милым своей юной свежестью, стройной, высокой фигуркой.

Хорошо удаются писательнице простые в своём величии картины производственной трудовой деятельности советских людей, условно говоря, новые производственные пейзажи — и тут нет ничего красочного, блещущего — больше серых, темных красок, а картина трогает, волнует, ибо речь идёт о самом дорогом для советского человека — его любви к труду, к творчеству.

Такова, например, картина, которую видит Немиров, глядя в окно своего кабинета во время трудного для него разговора с Диденко и Раскатовым:

«Кукушка» потянула из ворот литейного цеха платформы с отливками. В центре заводской площади, вокруг высеченной из гранита фигуры Сталина, садовницы высаживали на клумбы цветы. Из ворот цеха металлоконструкций выполз грузовик с прицепом, нагруженный массивной фермой для нового крана. По окнам прокатного скользят бледные при дневном

свете зарницы, — значит, там плывёт по воздуху раскалённая болванка...»[1].

Тут хорошо передана любовь Немирова, как и других героев книги, к заводу, с которым они сроднились, сжились.

Таково описание работы машин в цехе, где подчёркивается то новое отношение к социалистической технике, облегчающей труд советского человека, которое так характерно для нашего народа.

«Детали стояли прочно, упираясь боком в тяжелый угольник, и внутренние два резца делали своё исконное дело, напевая в два голоса свою однотонную песню, и звук получался чистый, ровный, негромкий»[2].

И в этом описании Кетлинская избегает резких эпитетов, ярких красок, она улавливает своеобразный ритм, музыкальность в работе сложных и разнообразных машин и передаёт этот ритм в самом стиле книги.

И пейзажи привлекают писательницу такие же не яркие, не блещущие буйными красками, но милые своей скромной простотой, прелестью. Она с радостью расскажет о чудесном первомайском утре, какие часто бывают в Ленинграде весной, когда солнце пробивается сквозь туман, освещает город неярким светом. Ей дороги пейзажи белой ленинградской ночи, «когда сияние предрассветной зари оживляет край неба, и громады домов, и ступени парадной, и молодые деревца вдоль тротуара будто просияли: нежный, еле уловимый свет скользнул по ним, и стали видимы чуткие к свету стёкла на серых фасадах, и каждый листок на каждом дереве, и меловые полоски классов, нарисованные детьми на асфальте, и круглый плоский камешек, покоящийся внутри мелового квадрата»[3].

Этот пейзаж так гармонирует с юным обликом Николая Пакулина, его чувствами, его настроением.

Кетлинская любит показывать не яркий солнечный полдень, а предрассветный час, когда из-за дальних крыш выползает краешек солнца, предвечернюю пору, когда лучи заходящего солнца весело играют на хрустальном графине, придавая всей комнате радостный, праздничный вид.

---

[1] «Знамя», 1952, № 10, стр. 24.
[2] «Знамя», 1952, № 9, стр. 28.
[3] «Знамя», 1952, № 10, стр. 83.

В этой любви к мягким, нежным краскам мы узнаём знакомый почерк автора «Мужества» и в «В осаде». Вспомним, например, как дано описание вечера в осаждённом Ленинграде.

«Здесь, на широкой площади, война ничем о себе не напоминала, и ветерок с Невы был, как прежде, беззаботен и чист. Наступил час, всегда загадочно прекрасный, когда день уже кончился, но ещё не сгустилась ночь — в серовато-лиловое небо выползала ущербная неяркая луна, край неба над Петропавловской крепостью ещё алел. В неопределенном вечернем освещении и строгое здание Ленэнерго, и низкая гранитная ограда братских могил, и купы деревьев, и тёплая поблескивающая вода канала вдоль аллеи, и сама аллея, прямая и нежная, — всё это было так необыкновенно хорошо и так любимо, что сердце Марии сжалось до боли. Да нет же, нельзя! Невозможно, немыслимо отдать это даже на день, даже на час!»[1].

Чувствуется, что писательница старается внести в описание родного города теплоту, лиризм, нежность; она сдерживает своё чувство, хочет найти слова задушевные, простые, но чувство так и рвётся из её души.

В новой книге мы видим, как окрепло, возмужало мастерство Кетлинской, как оно стало проникновеннее, лиричнее, многограннее.

В самой форме, стиле, интонации книги писательница хочет передать своё отношение к жизни, свою любовь к простоте и ясности. Она обращается к пушкинской, чеховской традиции — чувствуется, что она согласна с Чеховым, что краткость — сестра таланта. Фраза её кратка, но выразительна, эмоциональна — черта за чертой, мазок за мазком писательница раскрывает всё многообразие жизни.

Вот, например, описание зимнего леса:

«Немиров вышел последним и, не спеша, углубился в лес по снежной целине, прислушиваясь к удаляющейся перекличке лыжников и к удивительной тишине, которую не заглушали, а только подчёркивали голоса. Если ветер и был, он проносился поверху, над деревьями, изредка стряхивая вниз рассыпающиеся в пыль пласты снега, а внизу ни одна ветка не шевелилась, и ёлочки, кое-где прижившиеся среди сосен, стояли еле видные, запахнувшись снежными шубами.

---

[1] Кетлинская В., В осаде, М., 1948, изд. Молодая гвардия, стр. 16.

Где-то близко засвистела белка, проскакала по снегу рыжевато-черным комком и с сухим треском взлетела по стволу сосны в нескольких шагах от Немирова. Закинув голову, он разглядел в вышине её свесившуюся с ветки настороженную мордочку и любопытный глаз.

— Ау-у! Гри-ша! — издали звала Клава.

Он побежал на голос. Лыжи послушно скользили по тонкому, чуть оседающему насту. Палки хорошо вонзались остриями в наст и пружинили, помогая отталкиваться. Розоватые стволы быстрее и быстрее проносились мимо. И вдруг расступились, открыв крутой спуск, поросший ёлками и низкорослым кустарником»[1].

Отказавшись от эффектных красок, от броских портретов, писательница всё своё внимание сосредоточила на глубокой психологической мотивировке всех действий и поступков своих героев.

Уже в романе «Мужество» ярко проявилась особенность дарования Кетлинской: умение перевоплощаться, проникать в глубь психологии людей самых различных характеров, профессии. Из различных концов страны направлялись на Дальний Восток на строительство родного Комсомольска сотни, тысячи юношей и девушек. Но вот шаг за шагом, страница за страницей писательница раскрывала своеобразие этих людей, их психологию.

Сложную, внутреннюю работу мысли у своих героев прослеживает писательница и в романе «Дни нашей жизни». У Немирова, Воловика, Воробьёва писательница отмечает новое качество психологии советского человека — критическое чувство, привитое им народом, партией, заставляет их оценить свои поступки, мысли, суждения, отдать себе отчёт в своих ошибках, минусах. Типичный пример такого психологического анализа, когда писательница слышит голоса, которые звучат в душе, читает мысли, которые волнуют человека, видит всю сложную борьбу в душе героя, когда он судит себя строго, придирчиво, судом патриота, судом коммуниста, — размышление Николая Пакулина о своей ошибке по поводу нежелания расформировывать созданную им молодую бригаду рабочих.

Характерно, что Кетлинской удается в самом стиле, в тоне романа, в его ритме передать чувства и мысли героев.

---

[1] «Знамя», 1952, № 7, стр. 95.

Психологические переживания Немирова облечены в резкие, круторезанные, как сказали бы мы словами Герцена, фразы; психологические переживания матери — в лирическом потоке, где короткие, музыкальные фразы нижутся в своеобразную цепь, образуют мелодический рисунок.

«Сидя один перед опадающим в камине пламенем, Немиров насмешливо вздохнул: ох, далека победа, далека слава! Вот-вот придет обращение краснознаменцев, а тогда всё во сто крат усложнится. Он будто видел это обращение, напечатанное жирным газетным шрифтом: «Мы вызываем вас, славных ленинградских турбостроителей...». Да, что-нибудь в этом роде! Как отвергнешь? А если не отвергнешь, как выполнишь?»[1].

А вот как даны переживания матери:

«Смиряя боль, она старалась понять, что же такое случилось и почему. Она придирчиво пересматривала свою жизнь с Петром — перелистывала её, как книгу, и с грустью видела, что книга скучная, все страницы похожи одна на другую. А ведь начиналась жизнь хорошо, интересно. Были и работа, и комсомольские сборы, и бурные демонстрации протеста против какой-то угрозы Чемберлена, когда свистели и выкрикивали: «Лорду — в морду! Лорду — в морду!», — и физкультурный парад, и катанье на лодках, и любовь с мечтами о том, что будут они жить лучше и дружнее всех, никогда не ссориться и не разлучаться. Что ж, и не ссорились и не разлучались, а только воли оказались не две, а одна»[2].

Одной из важнейших особенностей творческой манеры Веры Кетлинской, связанной с её стремлением к глубокому познанию мира, людей, является её уменье видеть сложность окружающей действительности.

Писательница часто заходит к человеку с неожиданной стороны: знакомя нас с людьми, она в самом начале этого знакомства в портрете передового человека нарочито притушит светлые краски — такой человек может не сразу привлечь внимание читателя, а в персонаже с изъянами подчеркнет привлекательные черты, лишь потом, постепенно художник раскроет истинную цену «обыденности» первого и «праздничности» второго.

Так именно поступает Кетлинская, характеризуя Гаршина и Полозова. Полозов при первом знакомстве кажется сухим,

[1] «Знамя», 1952, № 10, стр. 83.
[2] «Знамя», 1952, № 9, стр. 52.

официальным, Гаршин — широким, добрым — именно Гаршин взял под защиту мальчика Кешку, которого ругал рассердившийся мастер. Лишь постепенно выясняется истинный характер доброты Гаршина, его «жизнелюбия» и сухости Полозова. Тем самым писательница учит не обманываться первым впечатлением, глубоко изучать жизнь — тогда окажется, что за внешним эффектом скрывается пустота, а за простотой — глубина и значительность.

В романе Кетлинской то и дело мы встречаемся с явлениями, которые трудно уместить в схему, в определенные рамки, но которые тем не менее глубоко реальны, жизненны, могут встретиться на каждом шагу. Она говорит о счастье, которое слито с горечью, со страданием, о горе, которое отступает перед жизнью, светом, служит средством к усилению борьбы, активизации сил. Писательница расскажет о страданиях Воловиков, потерявших ребенка, безраздельном отчаянии матери и о горе отца, который, тяжело страдая, в то же время находит выход в труде, в вере в жизнь, в творчестве.

Она скажет о силе, которая на деле оказывается слабостью, и о слабости, оказавшейся силой. Немирову кажется, что он проявляет большую самостоятельность, волю, не соглашаясь с мнением Диденко, коллектива по поводу узаконения внутризаводского стахановского планирования. А на деле оказывается, что это упорство, нежелание прислушиваться к голосу масс — есть не храбрость, а трусость. Трусами назвал тов. Жданов тех, кто боится критики.

Позже, когда Немиров начинает осознавать свою ошибку, ему кажется, что он проявляет непростительную слабость, соглашаясь с мнением товарищей, хотя голос партийной совести говорит ему, что это — единственно верный путь.

Следует подчеркнуть, что автор романа не скрывает противоречий жизни, борьбу передового с отсталым, мешающим нашему движению вперед, но писательница показывает, что в жизни эти противоречия не всегда сразу выступают в резком, обнаженном виде — часто они возникают незаметно, постепенно растут, ширятся и, наконец, обнаруживаются ясно, зримо.

Сюжет книги, её композиция, расстановка действующих лиц как раз подчинены этой задаче — показать типичные для нашего времени конфликты, но в то же время увидеть всю их сложность. Как правило, писательница даёт образы в борьбе, в споре, в столкновении. Мужественный принципиальный По-

лозов то и дело сталкивается с трусливым ограниченным Любимовым. Диденко, с его большевистским отношением к критике, с развитым чувством коллективизма, противостоит Немирову, с его индивидуалистическими тенденциями, затаённой неприязнью к критике.

Однако нередко столкновение даётся не столь контрастно, резко. В начале конфликта это столкновение едва намечается легким пунктиром, оно протекает, так сказать, подспудно, в подводном течении, но чем дальше развивается действие, тем оно обнаруживается всё яснее и яснее.

Так противоречия между Диденко и Немировым видны уже с первых же глав романа, но до поры до времени они не обнаружены так ясно и чётко, как тогда, когда возникло разногласие по поводу внутризаводского планирования.

Писательница неоднократно сталкивает Аню Карцеву с Гаршиным — не сразу обнаруживается контраст их характеров — цельный Ани, с её стремлением к глубокому счастью, связанным с трудом, творчеством, большой любовью, и характер Гаршина, с его легкомыслием, поверхностным оптимизмом, пустотой, нравственной беспринципностью. Вначале даже кажется, что Аня с симпатией относится к Гаршину, но уже при первом разговоре чувствуется, как между молодыми людьми проходит облачко, которое потом будет расти, шириться: Гаршин с иронией отзывается о Полозове, что тот, мол, ограничен, сух, ничего не знает, кроме своих турбин, он и возлюбленной будет объясняться в любви обязательно на фоне турбины:

— Дорогая, ты так хороша, когда твои бархатные щечки перемазаны мазутом.

Гаршин несправедлив к Полозову: Алексей совсем не такой сухарь, как он его рисует. Полозов любит музыку, живопись, духовный его мир богат и широк. Аня инстинктивно почувствовала разницу в характере Полозова и Гаршина; Гаршина мало интересует его труд, он смотрит на него как на обязанность, как на дело, которое можно забыть, выйдя из стен завода. Вот почему она с негодованием говорит приятелю:

— Как вам не стыдно, Виктор! Я же инженер, мне это гораздо интереснее, чем все другое, что вы можете мне сказать.

Очень тонко и своеобразно подчеркнута разница в отношении Ани и Гаршина к пейзажу, который наблюдают молодые люди, гуляя в поздний час на берегу разбушевавшейся Невы.

Сибарита Гаршина, с его стремлением к легкой жизни, с его желанием укрыться от жизненных невзгод в теплом уголке, раздражает непогода, ветер, ему холодно, неуютно; широкой вольной душе Ани по нраву эта стихия.

Противоречия между Аней и Гаршиным растут, крепнут. В одной из последних сцен они обнаруживаются с большой резкостью, силой. Тут Аня говорит Гаршину, что его несчастье в том, что он никого не любит, кроме себя, своего благополучия, что он человек без принципов и ясной цели.

Но прежде чем раскрыть это противоречие так отчетливо, писательница прослеживает его развитие, его тончайшие нюансы. Таким образом, с позиций творческого марксизма писательница рисует сложность жизни — вот почему ее книга обогащает наше представление о действительности, учит творческому подходу к ней, к ее явлениям.

Отмечая серьезные достоинства книги Кетлинской, надо сказать, что ее роман написан неровно: рядом с живыми интересными характерами, встречаются бледные образы.

Например, рядом с Воловиком поставлен комсомольский организатор Женя Никитин. Писательница рекомендует Никитина как передового стахановца, умелого комсомольского работника, но в эти заверения слабо веришь потому, что мы не представляем ни портрета Жени, ни его психологии.

Безликими оказываются те персонажи романа, которым отведено немного места и где поэтому нужно по-пушкински кратко, одной-двумя резкими чертами, обрисовать образ.

Таков и рабочий Фетисов, которого Диденко намечает в секретари парторганизации турбинного цеха, и ученик Ваня Абрамов и другие.

Вот почему главные ведущие герои часто оказываются как бы в безвоздушном пространстве: их окружают не живые люди с своими страстями, интересами, а схемы, манекены. Например, неясно, кто такой дальневосточник Ельцов, который любит Анну, каков характер убитого на войне мужа Анны, о котором то и дело вспоминает Карцева.

Без лаконичного, но четкого рисунка этих людей неясен и облик Анны, неясно, кого она любит и отвергает.

Наш читатель справедливо критикует тех драматургов, тех писателей, кто не умеет показать жизнь советского человека во всей сложности.

В редакционной статье «Преодолеть отставание драматургии» «Правда» пишет:

«За последнее время появляются пьесы, страдающие тем же недостатком, что и многие прозаические произведения о рабочем классе и колхозном крестьянстве. В этих произведениях изображается техника, говорится о соревновании, о выполнении производственных планов, но в них не изображаются люди в быту, их культура, духовный мир»[1].

Надо сказать, что хотя Кетлинская нашла верные краски, чтобы обрисовать душевный мир и Немирова, и Воробьева, и Антонины Пакулиной, увидела этих людей в трудное время, но она еще не избежала того схематизма, односторонности, о которой говорит «Правда». Ей не всегда удается показать широту интересов советских людей, их горячее стремление откликнуться на все стороны жизни и борьбы нашей действительности.

Рядом с живыми страницами, посвященными любви, дружбе героев книги, можно найти другие страницы, где писатель подходит к людям только с одной стороны, со стороны их производственной деятельности, где ее персонажи, находясь дома, в гостях, у товарищей, на катке — говорят только о турбинах, технике.

Разумеется, советский человек, горячо любящий свою работу, и на отдыхе поделится с товарищами, с любимой женщиной своими трудовыми радостями и огорчениями, однако, сводить всю жизнь наших людей только к этому знаменателю, значит обеднять духовный мир советского человека. Именно так происходит в тех местах романа Кетлинской, где она сужает горизонты своих героев: вспомним разговор Диденко с Аней на катке, многочисленные беседы Немирова с Клавой в домашней обстановке и ряд других мест.

Характерно, что сама Кетлинская нередко замечает этот изъян и устами своих героев пробует критически отнестись к такому явлению. Первый вопрос, который задает Клава Немирову, когда он возвращается домой после работы, вопрос о планировании турбин. Немиров сердится: неужели только о производстве они могут говорить дома.

Кажется, что писательница заставит Клаву переменить тему разговора, покажет своих героев с какой-то новой стороны. Нет. Она предпочитает на этом оборвать эпизод: Клава, зевая, идет спать. И приходится упрек, адресованный Немировым своей жене, отнести к самой писательнице.

---

[1] «Правда» от 7 апреля 1952, стр. 2.

Кетлинская умеет интересно показать творческий коллектив турбинщиков на производстве, на партийном собрании, умеет различить своеобразие каждого голоса, каждой индивидуальности, и в то же время перо писательницы становится маловыразительным, когда она рисует сцену первомайского праздничного вечера у Немироза, где собираются те же знакомые нам герои.

Тут, казалось бы, перед писательницей открывается возможность показать этих людей с какой-то новой стороны, а между тем ясного представления, о чем говорят, что занимает этих людей, нет: кроме нескольких реплик Диденко и его товарищей о производстве, пошлых комплиментов Любимова жене Немирова, ничего понять нельзя.

Там же, где писательница в этой сцене пытается уловить настроение своих героев, в ее произведение врывается фальшивая нота. Внимание автора книги при описании вечера у директора завода привлечено отношением Клавы к Гаршину и Немирову, ревностью Немирова, но сцена эта по характеру, тону уж очень напоминает то место из «Анны Карениной» Л. Толстого, где Каренин с тревогой наблюдает растущее чувство любви у Анны и Вронского.

Невольно возникает мысль, что писательница, хорошо изучив своих героев в производственной деятельности, еще недостаточно знает другие стороны их жизни. Этим и объясняется то обстоятельство, что Кетлинская, стремясь найти недостающие звенья в развитии характеров, ищет материал не в жизни, а в литературных источниках.

Таковы достоинства и недостатки двух крупных романов нашего времени «Жатвы» Г. Николаевой и «Дни нашей жизни» В. Кетлинской.

* * *

Горький не уставал восхищаться Человеком с большой буквы, его могучим умом, душевным богатством, талантом. Самое лучшее на земле — человек, его руками создается все великое, прекрасное. Он преобразует мир, природу, самого себя.

Алексей Максимович всю свою жизнь отдал счастью этого человека, освобождению его от уродующих условий старого мира, полному освобождению лучших его талантов и качеств. По пути, указанному Горьким, идут советские писатели, идут Николаева и Кетлинская.

Товарищ Жданов указывал на важнейшую задачу, стоящую перед советскими писателями: создать такую литературу, которая «оставит далеко позади самые лучшие образцы творчества старых времен»[1].

Чтобы успешно выполнить эту задачу, надо уже сейчас, в сегодняшнем дне нашего искусства увидеть плоды того будущего, великого искусства, о котором говорил товарищ Жданов.

С этой точки зрения опыт Николаевой и Кетлинской, продолжавших лучшие традиции русского классического и советского художественного слова, заслуживает самого пристального внимания. Умение авторов «Жатвы» и «Дни нашей жизни» понять сложность простого человека, непередаваемое своеобразие его духовного мира, проследить за ходом тончайших переживаний и мыслей героя, говорит о силе нашего искусства, его подъеме, его могучих возможностях.

---

[1] Доклад товарища Жданова о журналах «Звезда и Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 37.

БЕЙСОВ П. С.
кандидат филологических наук

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ В. Ф. РАЕВСКОГО

В. И. Ленин в своих статьях «Памяти Герцена», «Роль сословий и классов в освободительной борьбе» и «Из прошлого рабочей печати в России» показывает место декабристов в революционной борьбе русского народа. Он начинает периодизацию русского освободительного движения с декабристов. За ними следуют «революционеры-разночинцы», а затем наступает эпоха революционного пролетарского движения. Называя декабристов «революционерами дворянами», Ленин указывает на их классовую ограниченность и одновременно определяет революционное значение их деятельности. «Узок круг этих революционеров, — писал он в статье «Памяти Герцена». — Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной Воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря. Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян»[1].

Историческое значение выступления «дворянских революционеров» заключается в том, что оно было первым организованным революционным движением в России. «В 1825 году Россия, — говорил Ленин в своем докладе о революции 1905 года, — впервые видела революционное движение против царизма»[2].

В. И. Ленин отмечает также, что к декабристам восходят «республиканские идеи»[3], республиканские традиции.

Декабристы выступили за революционное уничтожение крепостничества и самодержавия. Они разработали и приняли республиканскую программу: будущая Россия должна быть Республикой.

Свою революционную деятельность они рассматривали как деятельность подлинных защитников национальных интересов России, как деятельность самоотверженных патриотов Родины, они связали борьбу против крепостничества и самодержавия с патриотизмом — «светильником жизни гражданской» (Раевский). Это нашло свое выражение в их деятельности и в социально-политических, исторических и философских взглядах дворянских революционеров.

Одним из ярких и своеобразных представителей декабристского движения является Владимир Федосеевич Раевский. О социально-политических взглядах В. Ф. Раевского впервые сказано в известном историческом очерке П. Е. Щеголева «Владимир Раевский (первый декабрист)». Значительно полнее о них сказано и богаче дан архивный материал в книге В. И. Семевского «Политические и общественные идеи декабристов». В этой работе для характеристики общественно-политических взглядов декабристов частично используются и архивные материалы из дела Раевского. В. И. Семевский приводит выдержки из «Рассуждения о рабстве...», «Рассуждения о солдате», а также из показаний декабриста. В 1925 году в «Красном архиве» были опубликованы письма В. Ф. Раевского к К. А. Охотникову и А. Г. Непенину и «Рассуждение о солдате», что явилось дальнейшим шагом в изучении политических взглядов декабриста. В 1949 году автором этих строк были опубликованы в «Пушкинском сборнике»: «Собственноручная автобиографическая записка», «Протест», «Рассуждение о рабстве...», «О существе законов «Монтескье», письма к Приклонскому, А. Ф. Вельтману, Г. С. Батенькову и др. материалы, характеризующие общественно-политические и философские взгляды «первого декабриста». В этом же году вышла книга В. Г. Базанова «Владимир Федосеевич Раевский. Новые материалы», в которой использован архивный материал для характеристики политической деятельности и социально-политических взглядов В. Ф. Раевского. Приводятся также «Рассуждение о рабстве» и «Протест».

Выход в свет «Избранных социально-политических и фи-

лософских произведений декабристов» в 1951 году является важным событием в советском декабристоведении. В этом собрании представлены и произведения В. Ф. Раевского, характеризующие его социально-политические и философские взгляды. В вступительной статье И. Щипанова «Социально-политические и философские воззрения декабристов» дается краткая характеристика взглядов Раевского. Нужно, однако, сказать, что до настоящего времени нет специальной работы, посвященной этому вопросу.

В настоящей статье дается характеристика общественно-политических взглядов декабриста не только на основании уже известных материалов, но привлекаются и новые материалы. В первой части статьи даются основные моменты политической биографии В. Ф. Раевского до 1827 года[1].

Жизнь и деятельность Раевского протекала в условиях общественного оживления, патриотического подъёма и политического напряжения, свойственных первой четверти XIX века. «Гроза двенадцатого года» разбудила его политическое сознание. Дальнейшее развитие его мировоззрения происходило в атмосфере освободительной борьбы. Он был одним из её активных участников.

Во время пребывания во 2-м кадетском корпусе, куда он поступил из пансиона, Раевский подружился с Батеньковым, с которым проводил целые вечера в патриотических мечтаниях. При расставании друзья поклялись сойтись, когда возмужают, чтобы «привести идеи в действо». Это содружество открывает политическую биографию «первого декабриста», как иногда называют Раевского.

Окончив кадетский корпус, прапорщик артиллерии Владимир Раевский 25 мая 1812 года отправился в действующую армию и принял деятельное участие в Отечественной войне 1812 года. И здесь

Под гулами убийственных громов
И стонами в крови лежащих братий, —

будущий декабрист «встретил жизнь», «взошла заря» его жизни. Слова М. И. Муравьева-Апостола — «Мы были детьми 1812 года» — полностью относятся и к Владимиру Раевскому. «Гроза двенадцатого года» способствовала духовному созреванию будущего декабриста.

В 1816 году, после возвращения в Россию, В. Раевский создает в Каменец-Подольске содружество, члены которого носили железные кольца. В эту группу во-

или подполковник Кисловский, адъютант корпусного командира Горчакова, штабс-капитан Приклонский, штабс-капитан Е. И. Губин, губернский доктор Диммер. В содружестве, как это видно из писем Раевского к Приклонскому, увлекались социально-политическими и философскими проблемами, увлекались литературой. В это время были созданы Раевским не только такие произведения, как «Послание Приклонскому», «Ода другу», «Мое прости друзьям» и др., но были написаны философские элегии, «Глас правды» и др.

В творческой жизни содружества принимал участие не только В. Раевский, но и П. Приклонский, связанный с Вольным обществом любителей Российской словесности. В. Базанов сообщает, что среди произведений, прочитанных на литературных собраниях Вольного общества 1816—1817 гг., встречается одно сочинение, принадлежащее другу В. Ф. Раевского — Приклонскому, — «Что есть жизнь?»[5].

Эти факты дают представление о характере этого содружества. Но есть один весьма важный факт, который раскрывает политическую направленность этого содружества и вносит дополнительную важную черту в политическую биографию Раевского. Я говорю о его дружеских связях с Луниным, Степановым и Алымовым. Этот факт еще не привлекал внимания исследователей. О связи Раевского с этой группой мы узнаем из его писем к Приклонскому. Тон и форма обращения Раевского к Лунину, Степанову и Алымову, через Приклонского, не оставляют сомнения об их близости. По какой-то случайности следственные и судные комиссии не обратили внимания на упоминание этих имён в письмах к Приклонскому. Не обратил внимания на эти имена и Следственный комитет, хотя имя Алымова было названо декабристом Юшневским, показавшим, что «37 Егерского полка Сурмин или Сурнин, Чумпалов и Алимский или Алымов возможно приняты были покойным капитаном Охотниковым в Союз благоденствия, но впоследствии от онаго отстали».

Пестель также знал об Алымове-Алимском. Он показал, что «командир 37 Егерского полка полковник, ныне генерал-майор Фонвизин, принял, кроме Чумпалова, еще одного, который должен быть или Алимской или Сурнин»[6].

Что касается Лунина, то его имя в это время было хорошо известно Следственному комитету. 11 апреля 1826 года на его заседании рассматривалась «Записка», извлеченная из показаний и ответов содержавшегося в Петропавловской крепо-

сти Раевского, а 30 апреля перед тем же комитетом давал свои показания Лунин. Политическое лицо Лунина определилось с первых же его показаний. Он подтвердил, что в 1817 году был на совещании у Александра Муравьева. Лунин считал, что нужно было «предложить правительству собрать со всех краёв государства представителей, которые бы занялись составлением конституции под надзором правительства, но на основании, которое обществом бы дано было, в случае же отвержения сего предложения правительством, привести намерение в исполнение решительным действом открытою силою»[7].

Можно было бы ожидать, что такое показание вызовет дополнительные расследования о его связях с Раевским, но этого, к счастью, не случилось. Только Комиссия военного суда, созданная при войсках Литовского отдельного корпуса для рассмотрения следственного и военно-судного дела Раевского, находившегося в крепости Замостье, впервые указала на это упущение следственных и судебных органов. Отметив, что по бумагам Раевского «можно было еще в 1822 году обнаружить тот ужасный заговор, который открылся 14 декабря 1825 года», комиссия констатировала: «сверх того, из писем Раевского, отобранных от капитана Охотникова и присланных от капитана Приклонского, ясно видно, что он имел большие связи с членами разных бывших обществ. В них упоминается о Батенькове, Лунине, Орлове, Степанове, Алымове и прочих... Писем же, писанных к нему, не найдено у него ни одного! Явное следствие медлительности генерала Сабанеева»[8]. Следовательно, связь Раевского с Луниным и другими декабристами была одним из немаловажных показателей его политических интересов, его близости к декабристским кругам.

Лунин вернулся из Франции в Россию в начале 1817 года, 8 мая этого же года он примкнул к Союзу спасения, а затем вошел в Союз благоденствия. На одном из совещаний «Коренной управы» он выступил с предложением убить Александра I. В десятой главе «Евгения Онегина» Пушкин сказал об этом: «Тут Лунин дерзко предлагал свои решительные меры». Человек «гордой, непреклонной, подавляющей отваги», каким он представлялся Герцену, М. С. Лунин должен был привлечь внимание Владимира Раевского, в характере которого мы находим сходные черты с «дерзким» Михаилом Луниным. Их связь дает право утверждать, что Каменец-Подоль-

ское содружество, созданное Раевским, было связано с группой декабристов: Луниным, Алымовым, Степановым. В политической биографии «первого декабриста», таким образом, должна быть указана и его связь с «одним из тончайших умов» своего времени — Луниным, что, понятно, не прошло бесследно для Раевского. Отсюда, надо думать, тянется нить к Союзу благоденствия.

В 1819 году, при проезде из 1-й армии в Бессарабскую область через Тульчин, Раевский был принят в Союз благоденствия капитаном Комаровым и направлен последним к Охотникову[9]. Раевский так рассказывает об этом: «В бытность мою в Тульчине зашел я ввечеру к Комарову и нашел у него несколько чиновников и офицеров Главной квартиры. Разговор был общий, но по содержанию и суждениям отличный от обыкновенных разговоров, хотя я не заметил ничего противного законам, но тон не светской, основательные и чистые заключения о предметах были причиною, что на другой день, собираясь выезжать в полк, при прощании моем заметил об этом Комарову. И в сие то время, сколько помнить могу, не Филиппович, но Комаров открыл мне, что, кроме двух или трех, все эти люди принадлежат к одному обществу, что он может меня принять в оное, но что я должен жертвовать некоторую часть доходов в распоряжение общества. Связью и основанием сего общества поставил любовь к Отечеству, целью — общую пользу. Он хотя давал мне для прочтения книгу постановлений, но как я надеялся найти у Охотникова такую же книгу, то, развернувши раза два, я ее положил и не читал более. В сие то время узнал я о большей части сих членов. Через несколько часов я выехал из Тульчина. С тех пор никого из них не видал и сношений никаких не имел»[10]. Так отвечал Раевский на вопросы в Следственном комитете в 1826 году. К этому он дабавлял, что сведения о членах, кои были в Тульчине, сообщил ему Комаров, а «других немногих узнал я из слов Охотникова». Н. Комаров также подтверждает, что Раевский был принят в общество в 1819 году[11].

О характере этого вечера можно судить со слов Н. Комарова. На вечерах чтений, суждений, проводимых в Главной квартире по инициативе Пестеля, велись возвышенные разговоры о высшем долге — стремиться к общей пользе, путем «нравственного образования ума и чувствований». Здесь обсуждались философские и политические проблемы, проблемы

политической экономии, связанные с возвышенными обязанностями человека-гражданина. На вечерах чтений и суждений разбирались внимательно прочитанные произведения Вольтера, Гельвеция, Смита и др. Здесь же обсуждалась речь Александра I в Варшаве, на польском сейме. В спорах приходили к выводу, что конституция английская «чрезвычайно тяжка для народа и согласована с пользой оной аристократии», а французская хартия — простой «лоскуток бумаги, бесполезный для граждан»[12]. Подобные вечера были лучшим способом «взаимного друг друга познания и передания сведений, мнений и откровений общеполезных». На таком вечере суждений Раевский был в своей стихии. Наконец-то, осуществилась его заветная цель — он был в среде единомышленников, своих братий.

Вступление Раевского в Союз благоденствия не было, конечно, случайным явлением, как пытается представить это сам декабрист. Оно было логическим этапом в развитии его политической биографии, к этому он стремился, к этому вело его содружество в Каменец-Подольске и его связь с Луниным. Кто же был на вечере у Комарова, где решилась судьба Раевского? Другими словами, каков круг декабристов, с которым он был связан с момента своего вступления в Союз благоденствия. Сам Раевский рассказывает, что в его альбоме был список тех членов, о которых он узнал от Комарова и Охотникова. В этот список входили: Пестель, Юшневский, Фонвизин, Бурцев, Абрамов, Тургенев, Орлов, Комаров, Охотников, Филиппович, Муравьев, Граббе. О связи с ними свидетельствуют слова самого Раевского: «Лорера не было (в списке. — **П. Б.**); Лорер только по делу свидетельствовал против меня. И я г. Лорера никогда не знал»[13]. Следовательно, остальных, названных им, он знал и по списку и по декабристской организации.

Записка Раевского из альбома, как известно, была уничтожена Бурцевым. В своих показаниях он утверждает, что в этой записке значились имена: Орлова, Пестеля, Юшневского, Комарова, Ивашева, Абрамова, Басаргина, Крюковых, Астафьева и Бурцева. Как видим, в списке Бурцева прибавились новые имена, которые не были названы Раевским.

В Следственном комитете о принадлежности Раевского к тайному обществу показали Пестель, Орлов, Юшневский, Абрамов, Лорер, Комаров, Бурцев.

Таков круг декабристских деятелей, с которыми общался

декабрист Раевский с момента своего вступления в Союз благоденствия. Кстати нужно сказать, что в Тульчине изредка бывал и Лунин, проездом из Одессы. Он выделялся среди них своими «смелыми суждениями» о правительстве.

С некоторыми из своих сотоварищей Раевский был довольно близок. С Н. Комаровым и Бурцевым его связывали товарищеские отношения по пансиону. Особенно близко он сошелся с первым. Их товарищеские отношения установились с малолетства, в Московском благородном пансионе, и продолжались до 1812 года. Отечественная война 1812 г. определила разный путь. После четырехлетней разлуки они встретились в 1816 году, когда Раевский вернулся в пределы Родины. В 1819 году Н. Комаров принял Раевского в Союз благоденствия. Что касается Бурцева, то он, будучи в первое время «ревностным сотрудником» Пестеля, также довольно близко был связан с Раевским. Он сообщил ему о решениях Московского совещания, надеясь найти в нём поддержку. Но их пути разошлись. Раевский остался с Пестелем. Однако позднее Бурцев окажет «первому декабристу» и декабристской организации довольно существенную услугу: он уничтожит список декабристов, захваченный вместе с другими бумагами при аресте Раевского и пересланный начальнику штаба армии генералу Киселеву, адъютантом которого был Бурцев. Близок был Раевский к генералу Орлову, стоящему во главе кишиневских декабристов, под покровительством которого в 1820 году он развернул кипучую революционную деятельность в 16-ой дивизии. С 1821 года их пути разошлись: Раевский продолжал развиваться как революционер, а Орлов отошел от декабристской организации. Однако Орлов сочувственно относился к деятельности Раевского, поддерживал его и Охотникова. Они были ему «очень полезны, чтоб открывать злоупотребления по дивизии, а особливо во всем том, что касается до благосостояния солдат»[14]. Это слова самого Орлова.

Что касается Охотникова, занимавшего видное место в декабристской организации, то он, как известно, был очень близок к Раевскому, восторженно отзывавшемуся о своем друге. «Я узнал Охотникова из общей молвы и общего о нем мнения короче, нежели из обращения с ним, — писал Раевский. — Этот человек, получая несколько тысяч в год от отца, тратил на себя одно жалованье. Получаемые же деньги были принадлежностью бедных. Все несчастные в Киши-

неве знали его. Я сам был свидетелем когда Охотников, не имея денег, продал бриллиантовый перстень, дабы обеспечить участь одного израненного и бездомного офицера, служившего с ним вместе в турецкую и французскую войну. Он купил ему виноградный сад и дом близ Кишинева... Это самоотвержение для общей пользы, строгая жизнь и чистая добродетель без личных видов глубоко врезались в груди моей. Я тайно завидовал, что человек, почти одних со мною лет, так далеко ушёл от меня в совершенстве нравственном и поклялся истребить последние недостатки в себе самом. Вот почему в письмах моих находятся слова — «Нам, оживотворенным, стремящимся к одной цели»... вот причины моей привязанности к нему»[15].

Их дружба началась, повидимому, с первой встречи и развилась в период создания дивизионной ланкастерской школы и совместной работы в ней и в Кишиневской декабристской организации. Что касается взаимоотношений Раевского с Пестелем, то они были значительней и глубже, чем об этом показывали они сами. Пестель был политическим наставником «первого декабриста». Деятельность Раевского в солдатской и юнкерской среде была не чем иным, как реализацией установок Пестеля в этом направлении. «Записка о рабстве крестьян...», «Записка о солдате», есть не что иное, как реализация того направления в Южном обществе декабристов, какое было представлено именем Пестеля. Только с учетом сказанного будет понятно его утверждение, характеризующее отношение к Раевскому и раскрывающее значение последнего. «Ежели бы действительно мы нашлись в готовности и в необходимости начать возмутительные действия, — показывал Пестель, — то я полагал нужным освободить из-под ареста майора Раевского, находившегося тогда в Тирасполе, в корпусной квартире генерала Сабанеева. Сие освобождение зависело бы от обстоятельств»[16]. Другими словами, предполагалось начать восстание с освобождения Раевского. Не случайно Пестель, «ревностный его сотрудник» Абрамов и Юшневский далеко не безразлично следят за судьбой и поведением «первого декабриста» во время суда и следствия над ним.

Вступив в Союз благоденствия, Раевский проявляет себя как незаурядный организатор и пропагандист. В 1819—1821 гг. он делает несколько попыток для вовлечения в общество офицеров 32 Егерского полка. С этой целью, по

инициативе Раевского, в 1819 году заводится Дружеский лист среди офицеров этого полка. Собственно, лист был составлен еще в 1818 году. В его составлении принимали участие, кроме Раевского, майор 38 Егерского полка П. Ф. Крыжов и капитан 32 Егерского полка В. К. Тимошенко.

Платон Федорович Крыжов — дворянин Тверской губернии, но крестьян не имел. Он был участником Отечественной войны 1812 года, принимал участие во взятии Парижа.

Василий Кириллович Тимошенко, окончив в 1808 году 2-й кадетский корпус, был направлен в 32 Егерский полк. Так же как Раевский и Крыжов, он принимал деятельное участие в войне 1812 года, был ранен и контужен, побывал в Силезии, Саксонии, Франции, участвовал во взятии Парижа[17].

Таким образом, инициаторы создания Дружеского листа имели биографии, сближающие их. Они были участниками войны 1812 года, участвовали в заграничных походах, двое из них побывали в Париже; Раевский и Тимошенко окончили кадетский корпус, где зародились вольнодумные мысли Раевского. Естественно, что все это сближало их, они были объединены общими патриотическими настроениями и стремлениями. О содержании этого первого листа, который хранился у Крыжова, можно судить по показаниям его инициаторов. Оно сводилось к следующему: офицеры полка должны жить в дружбе и согласии. Законом для них должно быть все то, что основано на чести. «Всякие ссоры и несогласия прекращать дружеским суждением, не допуская до начальства, а кто низко или подло поступит, должны онаго изгнать как недостойного служить в том благородном обществе». Предусматривалось также дружеское вспомоществование «в случае недостатка офицера», так показывал Крыжов. Этот лист подписали майоры Загорский и Лаппа, штабс-капитаны Мешков, Крыжов, Тимошенко, Бучевский, Лозинский, Евневич, подпоручики и прапорщики Гомановский, Андреевский и многие другие. В 1822 г. Крыжов, у которого искали этот лист в связи с следствием по делу Раевского, показал, что в 1820 году, при переводе его, Крыжова, в 38 Егерский полк лист был им уничтожен. Возможно, что этим в первое время и ограничивались задачи и цели этого содружества, названного в докладе Полевого аудиториата главнокомандующему 2-ой армией Витгенштейну. Но после вступления Раевского в Союз благоденствия те общие взгляды и чувства, а также в известной мере и принципы свободолюбия, объединявшие инициативную

группу, проявились определенней, ярче. В 1819 г. Раевский поставил перед собой определенную цель, на которую указывал в своих показаниях Орлов. Он делает попытку вовлечь некоторых офицеров в Союз и одновременно пытается превратить группу офицеров, объединенных Дружеским листом, в содружество людей, связанных общими политическими взглядами, настроениями. С этой целью расширяется деятельность этой группы путем создания библиотеки в 32 Егерском полку. В этом ему помогает доктор Левицкий. Книги в библиотеку выписывались «по общей скидке офицеров 32 Егерского полка». Кроме книг, выписывались русские и иностранные журналы, Гамбургская газета[18]. Если выписывались книги, газеты и журналы, то, естественно, проводились и вечера суждений такого же типа, на каком присутствовал Раевский в Тульчине, у Комарова. На этих вечерах обсуждались события политического порядка. Так, капитан Надежный заявлял, что «во время итальянских происшествий **неоднократно** слышал **при чтении журналов**, в квартире аудитора Круглова, как Раевский восхищался и изъявлял желания такие же новости завести и в России»[19]. Другими словами, эта группа офицеров 32 полка уже стремилась к «нравственному образованию ума и чувствований». Она находилась под влиянием декабристских идей, проводником которых был Раевский и его единомышленники. Этим и объясняется тот факт, что в 1827 году проводится «дополнительное исследование о Союзе благоденствия и о Дружеском листе, который был заведен в 32 Егерском полку 1819 г., в местечке Линцах». От Следственного комитета не укрылась внутренняя связь между этими двумя фактами. Комиссия, однако, ничего нового не могла открыть, потому что материалы были уничтожены. Она могла только внести имя Крыжова в список лиц, прикосновенных к делу Раевского. О Крыжове сказано, что он «принимал участие в составлении Дружеского листа, а затем, вероятно, его уничтожил»[20].

15 января 1821 года Раевский сделал новую попытку вовлечения некоторых офицеров 32 Егерского полка в Союз, но неудачно. Предложение было сделано Раевским на квартире через поручика Гомановского. В данном случае шла речь об установлении дружеских связей между офицерами, о присяге «не давать одному другого в обиду и делать взаимное вспомоществование». Раевский требовал дать подписку, обещая «цель подписки объявить после» и дать присягнувшим

железные кольца, какими он обменялся с друзьями в Каменец-Подольске[21]. Некоторым офицерам он сказал, что речь идет о привлечении в Союз. Эта попытка Раевского встретила сопротивление со стороны реакционной группы офицеров, во главе с Нейманом, Цыхом, Гомановским и Михайловским. По словам «первого декабриста», они «составляли с некоторыми офицерами особенную партию»[22]. Раевский вступил в борьбу с этой группой, которую позднее возглавил генерал Сабанеев. Однако события отвлекли его и от Дружеского листа и от группы Неймана.

В январе—феврале 1821 года на Московском съезде обсуждался вопрос о существовании Союза благоденствия. Съезд решил ликвидировать тайное общество. Делегатами на Московском съезде были подполковники Бурцев и Комаров, которые представляли интересы умеренной группы Южной управы. Решение Московского съезда о ликвидации Союза благоденствия состоялось в конце февраля 1821 года. На этом съезде, кроме Бурцева и Комарова, присутствовали от Южной управы Союза благоденствия Фонвизин, Охотников и Орлов. Борьба, возникшая на Московском съезде, продолжалась в Тульчине. Прикрываясь решением Московского съезда, умеренная группа Южной управы, боясь радикальных настроений Пестеля, стоявшего во главе управы, хотела распустить Южное отделение Союза благоденствия, изолировать Пестеля, а затем создать умеренную организацию уже без него.

В начале марта Комаров вернулся из Москвы в Тульчин. Бурцев же после съезда отправился в свою деревню, в отпуск. В ожидании его возвращения Комаров повел раскольническую деятельность. По его словам, он «старался прежде приватно, до приезда Бурцева, приготовить порознь членов к принятию радостного для меня извещения». С этой целью он пытается дезориентировать Пестеля, заявив ему, что не знает о решении съезда, о котором может сообщить только «настоящий депутат Бурцев», оставшийся якобы еще в Москве[23]. В то же время Комаров исподволь подготавливает Ивашева, Басаргина и др. для сопротивления Пестелю. Беседовал он в этом же направлении с Раевским. Но из Москвы вернулся также Охотников, который информировал своего друга о борьбе и о решении Московского съезда. Это известие застало Раевского в тот момент, когда он прилагал усилия для расширения дивизионной организации, в которую входили, кроме Раевского, Охотников, генерал Орлов, полковник Непенин,

майор Юмин, поручик Бахметев. Известие о постановлении Московского съезда и борьба, разгоревшаяся вокруг него в Тульчинской управе, отвлекли от начатого дела.

В марте 1821 года в Тульчине, на квартире Пестеля, состоялось собрание членов Южной управы, на котором Бурцев объявил постановление Московского съезда о ликвидации Союза благоденствия. Попытки умеренной части Южной управы потерпели крах: собрание отказалось подчиниться этому постановлению и решило «общество продолжать». Так возникло Южное общество декабристов, принявшее республиканскую программу и тактику военной революции. Во главе этого общества стали Пестель, Юшневский и Никита Муравьев, «северянин». Раевскому нужно было решать вопрос о своей дальнейшей деятельности. Перед ним было три возможности: пойти за Орловым, который порвал с декабристами на Московском съезде, за умеренными Бурцевым и Комаровым и за Пестелем. Раевский пошел за Пестелем, но своим путем. О том, что он не подчинился постановлению Московского съезда мы узнаем из показаний Комарова и из анализа деятельности самого Раевского. Комаров в своих показаниях подчеркивает, что в деле «по управлению 16-ою дивизиею генералом Орловым и прикосновенных к сему делу Раевским, Охотниковым, Непениным и некоторыми офицерами сего полка, не открылось никакого следа и связи с прежним Союзом». Не останавливаясь на констатации факта разрыва с деятельностью Южной управы Союза благоденствия, Комаров определяет новое содержание деятельности кишиневских декабристов такими словами: «ето был новый род идей, происходивших, как кажется, от самого Раевского и в его только полку». Дав характеристику своих взаимоотношений с «первым декабристом», указав на осведомленность последнего о постановлении Московского съезда о закрытии Союза благоденствия (он узнал об этом от Комарова, Охотникова, Бурцева и Орлова), Комаров заключает: «Полагать надобно, что он по уничтожении Главного общества основал сам отдельное в 32 Егерском полку»[24].

Итак, появление «нового рода идей» Комаров, прекрасно знавший Раевского «с малолетства», а также по работе в Союзе благоденствия, связывает с созданием самостоятельной декабристской организации в 32 Егерском полку. Организатором и руководителем этой организации он называет Владимира Раевского. Возникновение этой организации, вероятно,

необходимо связать с посещением Кишинева Пестелем. В апреле 1821 года, т. е. вскоре после мартовского собрания, на котором оформилось Южное общество, Пестель приезжает в Кишинев для расследования движения гетеристов. Но была, надо думать, и другая причина — ему нужно было установить контакт с кишиневскими декабристами, выявить их отношение к возникшему обществу. В лице Владимира Раевского Пестель нашел сильного и последовательного сторонника, принявшего республиканскую программу и тактику военной революции Южного общества. Именно этим и объясняется тот знаменательный факт, что Пестель предполагал начать восстание с освобождения «первого декабриста» из Тираспольской крепости. Так можно говорить только о видном представителе своей организации, в котором не сомневаешься, в котором глубоко уверен и значение которого в таком деле определяется его деятельностью. Свидетельства Н. Комарова и Пестеля достаточны для решения важного вопроса в политической биографии Раевского, но можно назвать и другие. В этом же плане нужно понимать слова М. Ф. Орлова, заявившего в «Записке для Николая I» от 29 декабря 1825 года: «Все дело о Раевском не имеет ни малейшей связи с тайным обществом. Он действовал вполне самостоятельно»[25]. О существовании самостоятельного общества догадывался и Рылеев. Во всяком случае так можно понимать его слова: «Майор Раевский 3-й год сидит в крепости, а не открыл ничего из своего общества. Да притом и общество в России не одно»[26].

В декабристскую организацию, созданную Раевским, входили Охотников, Липранди, поручик Таушев. Повидимому, в нее Раевский пытался втянуть и Батенькова. Какое-то отношение к ней имел и майор Бучевский. Местом собраний, на которых происходили ожесточенные дискуссии на политические и литературные темы, была квартира Липранди и квартира Раевского. А. С. Пушкин, находившийся в Кишиневе, близко сошелся с Раевским, Охотниковым, Липранди и оказал существенную помощь этой декабристской ячейке, предупредив Раевского о готовящемся аресте, о замыслах Сабанеева.

«Новый род идей», о котором говорил Н. Комаров да и сам Раевский, заключается в том, что упор был сделан на работу среди юнкеров и солдат. Впервые в истории русского революционного движения литература, история, философия были использованы в преподавании как средство организован-

ной пропаганды революционных идей среди юнкеров и солдат.

Дивизионная школа при 16-й пехотной дивизии, директором которой был Раевский, была известна под названием **лицея.** С этим названием для современников связывалась определенная сумма идей. Известно, например, что Царскосельский лицей, где воспитывался Пушкин, был одним из центров воспитания в духе политического свободомыслия.

Сведения о создании лицея в 16 дивизии дошли до Александра I, и он потребовал объяснения. 20 апреля 1822 года Главный штаб секретно запрашивал главнокомандующего 2 армией: «До сведения государя дошло, что в г. Тирасполе содержится под арестом 32 Егерского полка майор Раевский, бывший директором **дивизионной школы** при 16-й пехотной дивизии. Вследствие сего государю угодно, чтобы ваше сиятельство уведомили меня немедленно, какой **лицей** существовал или существует при 16 пехотной дивизии и почему так именуется, ибо на сие нужно высочайшее разрешение. Также за что содержится майор Раевский под арестом и почему не было о сем рапортовано»...[27]. Александр I, услышав о существовании какого-то солдатского лицея, встревоженно запрашивал и о лицее и о Раевском. Кто знает, не думал ли он в это время о Пушкине, творческая деятельность которого придала особое значение этому слову, этому типу учебного заведения. Ведь его творчество рассматривалось реакционерами как «плоды лицейского воспитания», а сам Пушкин, как известно, в это время находился в Кишиневе, в ссылке.

В представлении современников Раевского его «слишком новый образ мыслей» связывался с деятельностью декабриста в полковой ланкастерской школе при 32 Егерском полку, основанной им самим, в которой он сам учил солдат, а также с его деятельностью в дивизионной школе, где учителями были Раевский, декабрист Охотников, капитан Друганов. Так освещает этот вопрос Ф. П. Радченко, близко знавший Раевского и сочувственно относившийся к его судьбе[28].

Вопросы воспитания «юных сотоварищей», как называл юнкеров декабрист, занимают значительное место в переписке Раевского с Охотниковым. 17 июня 1821 года, т. е. перед назначением в дивизионную школу, он заверял последнего в том, что юнкера из полковой ланкастерской школы «будут лучшие по армии». Письмо заканчивается таким обращением: «Устремимся, любезный друг, к пользе общей, и мы

увидим успехи наши увенчанные, если не бессмертием, то, наверно, благодарением обязанных и хвалою собственных чувств!!!»[29].

Работая с юнкерами, Раевский и Охотников готовили не только будущих офицеров — «членов и столпов отечества», но и «будущих товарищей» своих. С этой целью они отбирали из полковой школы Раевского нужные им кадры на случай «заведения большой школы». Главную роль и в этом деле играл «первый декабрист». В одном из писем к Охотникову он предупреждает о том, чтобы последний никого не требовал в дивизонный лицей и ничего не делал бы в этом направлении без него, Раевского. Это письмо заканчивается весьма знаменательными словами: «буду лично в Кишиневе. Там поговорим о пользе отечеству... о способах дать образование этим юношам»[30]. Надо полагать, что Охотников сумел легко расшифровать красноречивое многоточие автора письма, связывающее разговор о пользе отечества с разговором о воспитании юношей. Раевский отбирает из своей школы Михайловского, Перхалова, Лукомского, Сущова, Левецкого 1-го для направления в дивизионную школу. Все они прошли курс обучения в полковой школе, где преподавал сам декабрист. Совершенно очевидно, что это была группа юношей, на которых он опирался в полковой школе и на которых предполагал опереться и в «большой школе», в дивизионном лицее. Особенно большие надежды Раевский возлагал на Михайловского и Сущова. В письмах к Охотникову он проявляет постоянную заботу о Михайловском, который, судя по всему, был ему в это время действительно «юным сотоварищем». Оставаясь в полковой школе, он направляет Михайловского к Охотникову для использования его в лицее преподавателем арифметики и географии Европы и Азии. Напомним — курс географии, включавший определение различных форм правления и дающий определение Республики, как лучшей формы правления, составлен самим Раевским. Следовательно, рекомендация Михайловского, как будущего преподавателя географии, — это по сути дела свидетельство о близости этого юноши к идеям самого учителя. Об их близости свидетельствует и тот факт, что Михайловский жил на квартире Раевского. Близок к нему в это время был также и юнкер Сущов, о котором декабрист проявлял действительную заботу. Этот юнкер также запросто бывал в квартире Раевского. В меньшей мере были близки юнкера Перхалов, Лукомский, Левецкий. О близкой

связи первых двух юнкеров свидетельствует и такой факт. Корпусный командир генерал Сабанеев, во время начала следствия над солдатами по делу Раевского, отправил из корпусной квартиры этих двух юнкеров «не для убеждения солдат, а для их улик в случае запирательства. Сие необходимо было потому более, что Михайловский жил с Раевским на одной квартире, следовательно, все разговоры его с песенниками были ему, Михайловскому, известны»[31].

Раевскому пришлось пережить горечь разочарования в своих «юных сотоварищах». Они стали главными орудиями обвинения в руках Сабанеева.

Таким образом, дивизионная школа была укомплектована группой юнкеров, воспитанников полковой школы Раевского. «Будущие товарищи наши», — писал он о них Охотникову.

Развернув работу среди будущих офицеров, стремясь направить развитие их нравственности в нужную сторону, «первый декабрист» ведет такую же интенсивную работу и среди солдат. Раевский отдавал предпочтение рекрутам, а не старым солдатам. Он стремится распространить среди них благотворное просвещение. Одновременно декабрист ведет интенсивную агитационную работу среди солдат своей роты, своего батальона, а также в тех подразделениях 2-го батальона, где ему приходилось обследовать положение солдат в связи с побегами (роты Андреевского, Михайловского, Зиньковского и др.). В этой деятельности он использует факты, характеризующие бесправное политическое, юридическое и экономическое положение русского солдата, использует приказы командира дивизии Орлова, защищающие солдата, карающие тиранов. Довольно широко он использует также семеновскую историю, говоря солдатам: «вот как надо защищать свободу». Именно при разговорах о семеновцах у «первого декабриста» зарождается мысль о привлечении солдат в тайный союз, о выдаче им железных колец.

Деятельность Раевского среди юнкеров и солдат и была тем видом новых идей, о которых говорили Комаров, Радченко и другие. Эти новые идеи нашли своё выражение в «Рассуждении о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России», в «Записке о солдате», в «Курсе поэзии», а также в разработанных для дивизионного лицея курсах истории и географии. Вполне понятно, что в этой революционной деятельности развивались и социально-политические взгляды. Важное значение для формирования политических и эстетиче-

ских взглядов «первого декабриста» имело общение с А. С. Пушкиным. Их дружба, творческие общения, страстные политические и литературные споры взаимно обогащали поэтов.

Если со стороны прогрессивных сил Раевский и его друзья встречали сочувствие и даже поддержку, то со стороны реакционеров не только осуждение, но и прямую борьбу. Она обострилась в связи с обследованием положения солдат во 2-м батальоне. Борясь за правовые и экономические интересы солдат, Раевский, естественно, должен был выступать против врагов солдат, «тиранов, извергов и злодеев», как он их бесстрашно называл. В начале 1821 года происходит обострение борьбы среди офицеров 32 полка. Вводя в январе этого года новый Дружеский лист, Раевский пытается разрушить и изолировать эту группу, организовав против нее лучшую часть офицерства. Но реакционная часть офицерства, судя по всему, ответила тем же. По словам самого декабриста, в полку существовала «особая партия» офицеров, возглавляемая Нейманом, Цыхом, Михайловским, Гомановским. Она-то и повела ожесточенную борьбу против Раевского. Несколько позднее к ним примкнуло духовенство (Ириней, полковой священник Луцкевич). Появление «новых идей» в полку, а затем и в дивизии, не укрылось от корпусного начальника генерала Сабанеева и от начальника штаба армии генерала П. Д. Киселева. Сведения поступали от тайной военной агентуры, созданной Киселевым в связи с активизацией деятельности декабристов и близких к ним лиц, а в особенности в связи с ростом недовольства солдат, увеличившихся после семеновской истории. В этих донесениях фигурировали имена Раевского, Липранди, Орлова, Пушкина, Охотникова. Агенты доносили, что в ланкастерской школе, «кроме грамоты, учат их и толкуют о каком-то просвещении». Все это были новые симптомы, мимо которых нельзя было пройти после семеновской истории, так напугавшей Александра I и его правительство. Но особенно убедительным свидетельством «новых идей» была деятельность Раевского среди солдат. Он шагнул за грань своей роты, его деятельность стала приобретать размах и силу.

В январе 1821 года ему было поручено обследование 2-го батальона 32 Егерского полка для выяснения причин солдатских побегов. В этом батальоне только за один день сбежал 21 человек. Во время этого обследования декабрист раскрыл свои слова, которые он внушал солдатам при сборе своей ро-

ты: «Солдат есть священная особа, не подлежащая наказанию и тот, кто употребляет во зло власть свою есть злодей, против коего они могут вооружиться и мстить ему»[32]. Солдаты Раевского оказались понятливыми учениками. Когда унтер-офицер роты, пренебрегая указаниями командира, стал жестоко обращаться с солдатами, то один рекрут избил его. Раевский приказал дать чарку водки рекруту перед строем.

В своем рапотре на имя командира полка Непенина Раевский раскрыл причины побегов солдат обследуемого батальона и требовал преданию суду трех командиров роты: подпоручика Нера, поручика Зиньковского, поручика Андреевского. С особым возмущением писал он о командире роты поручике Андреевском. Все солдаты роты показали, что с момента вступления Андреевского в командование он иначе не встречал роту, как «самыми жестокими ругательствами и поносительными выражениями, уничтожающими не только звание воина, но и самое человечество». Андреевский наказывал солдат за ошибки в ученье от 100 до 300 ударов, без занесения в штрафную книгу. Солдаты так привыкли к зуботычинам, к ударам по голове и другим частям корпуса, что даже не ставили их в счет. Унтер-офицеры этой же роты Назарьев и Донец не только жестоко били людей по зубам, но первый из них «часто грызет людей за уши и за лицо». В довершение картины бесправного положения солдат Раевский сообщал, что в декабре 1820 года (обследование производилось в январе 1821 года) солдаты не получали провианта за целый месяц, «отчего терпели совершенную нужду и голод, ибо жители, тоже не получая провианта, говорили им, что они кормят их из милости».

Командир 5-й роты 2-го батальона не является исключением. Многие другие офицеры присваивали солдатские деньги, оставляя солдат на «совершенную нужду и голод». Нужно отметить, что Андреевский — один из офицеров, подписавших Дружеский лист в 1819 году, т. е. он был далеко не худшим и был в приязненных отношениях с декабристом. Но это и объясняет, почему Раевский с особым возмущением говорит об этом офицере.

Свой разговор с солдатами этой роты Раевский начал словами: «Здравствуйте, друзья!». С дружеским видом он говорил солдатам, что их никто наказывать не смеет, потому что дивизионный начальник (т. е. Орлов) их отец, да, кроме того, и на него, Раевского, они могут положиться, он может

их защитить. Обратившись к Андреевскому в присутствии солдат, Раевский предложил ему выдать порционные солдатские деньги солдатам на руки. При этом декабрист сослался на свою практику: он выдал деньги солдатам своей роты за три месяца. Беседу с солдатами Раевский закончил словами: «Прощайте, друзья. Будьте спокойны».

Примерно также вёл себя декабрист и при обследовании других рот этого батальона. О поручике Нере в рапорте с негодованием сообщалось о том, что солдаты его роты представили обследователю два крепких выбитых из челюсти зуба. Оказывается, Нер давал по 20 и 25 ударов кулаками в зубы, приговаривая: «вас не велено крепко бить палками по спине, так я вас проучу кулаками по зубам»[33]. О Зиньковском сообщалось, что он, обкрадывая своих солдат, продавал их провиант и присваивал деньги из солдатской кассы. Деятельность Раевского принесла результаты. Командир 2-го батальона майор Барсуков с тревогой писал командиру полка о том, что «солдаты пришли в ропот и требуют выдачи порционных денег». Непенин приказал выдать деньги солдатам на руки за один месяц[34].

Таким образом, обещания Раевского солдатам были частично осуществлены. Это было первое открытое столкновение декабриста за экономическое и правовое положение солдат. Оно способствовало популярности его имени среди солдат, но оно же вызвало озлобление со стороны реакционно настроенных офицеров.

В своих требованиях Раевский опирался на сильную поддержку генерала Орлова, командира 16-й дивизии, ознаменовавшего свое вступление в командование дивизией приказом от 3 августа 1820 года, в котором было сказано, что он «будет почитать злодеем того офицера, который употребит вверенную ему власть на истязание солдат». Выступая против жестоких побоев, особенно кулаком и палашом, Орлов писал, что «от жестокости и несправедливости может родиться отчаяние, от отчаяния произойти побег, а побег за границу наказывается смертью».

Вскоре произошло новое, более серьезное, столкновение декабриста Раевского с защитниками палочной дисциплины. Оно привело к возникновению судебного следственного дела[35].

Летом 1821 года, после выступления 32 Егерского полка в г. Измаил, Раевский остался в г. Аккермане старшим ка-

раула крепости, что дало возможность еще в большей мере проявить себя как друга и покровителя солдат. Случай вскоре представился. В Аккерман приехал артиллерийский офицер поручик Катович для осмотра оружия. С этой целью солдаты 6-ой роты были собраны перед его квартирой. В общем разговоре, происходившем при этом, майор Раевский узнал о том, что рядовой этой роты избил унтер-офицера за жестокое с ним обращение. Обращаясь к капитану Надежному, заявившему, что за это нужно «отрубить руки», Раевский сказал перед ротою: «Солдаты исколят вас штыками, если накажете рядового за побой унтер-офицера». К этому он добавил, что когда он командовал 9 Егерской ротой и один рекрут прибил унтер-офицера этой роты, то он вместо наказания приказал дать ему чарку водки[36]. Надежный до поры до времени промолчал.

Вскоре произошло столкновение из-за солдат с полицмейстером города подполковником Витязем и начальником инвалидной команды капитаном Константиновым, которые попытались добиться наказания солдат, находившихся под командою Раевского, за «своеволие, свободные мысли, неповиновение и грубости». Эта попытка закончилась печально для Витязя и Константинова. Раевский не только выгнал полицмейстера из своей квартиры, но, приехав вскоре в дом последнего, «нанес ему в собственном его доме ужасные обиды и притеснения». Возникший в Аккермане пожар дал повод Витязю начать следственное дело против Раевского. Полицмейстер в рапорте начальнику области Инзову утверждал, что майор Раевский, «будучи мечтательного ума, нередко вольным обращением с подчиненными ему нижними воинскими чинами, ободрял их к наглому и буйному обхождению с жителями»[37]. Надо сказать, что речь должна итти не о жителях, а о полицмейстере и чиновниках города, с которыми довольно непочтительно обращался Раевский и его солдаты.

Следствие продолжалось и в то время, когда Раевский уже находился в Кишиневе. В сентябре 1821 года ему пришлось отвечать на запросы следственной комиссии при аккерманской городской полиции. В связи с этим он обращается к наместнику Бессарабской области Инзову, протестуя против «повелительного тона» запросов Витязя, и просит или воспретить подобные вопросы, или же переменить членов комиссии, «кои составлены из тех лиц, кои доносили на меня, и, следственно, делают делу незаконный оборот, желая оправ-

дать себя»[38]. Это дело тянулось до конца 1821 года и было использовано генералом Сабанеевым в связи с расследованием солдатских беспорядков в Камчатском полку. Аккерманское дело было включено в обвинительные материалы против Раевского под названием: «О развращении Раевским нижних чинов в Аккермане, равно как и о беспорядках, происшедших во время случившегося там пожара»[39].

Таким образом, усиление деятельности декабриста вызвало активную борьбу против него. Эта борьба развернулась и в самом полку. Им были недовольны офицеры и унтер-офицеры 2-го батальона. И не только они.

Не обинуясь, декабрист называл 1-й батальон — палочным, а командира батальона Загорского и офицеров этого батальона — тиранами и деспотами. Тираном и деспотом он называл штабс-капитана Цыха, подполковника Неймана и других офицеров. Представители палочного режима образовали «особую партию», во главе которой были Нейман—Михайловский. Эта «партия» и повела борьбу с Раевским. Интересно отметить, что офицеры 2-го батальона, которых Раевский требовал отдать под суд, «жаловались не начальству, а своим товарищам, чем возбудили, — говорит Раевский, — против меня негодование подобных себе офицеров, как, например: Цыха, Гомановского, Михайловского, Витта и прочих».

Сам декабрист раскрыл причины ненависти этой «партии» реакционеров против него. В «Дополнении к «Протесту» он писал: «...офицеры негодовали, ибо командуя ротой: я содержал солдат лучше других; не пользовался их провиантом, как другие; не требовал от них работ; взыскивал по законам, а не по прихотям своим, словом, обходился справедливее других. Офицерам, закоснелым в ложных правилах, поведение мое казалось **новым; бескорыстие** — подрывом и вредным примером для других рот, а обвинение 3-х ротных командиров 2-го батальона (по следствию о побегах) пренебрежением всех прав, дерзостью, превышающею обязанности мои! Вот почему распускали они слухи, которые изобразил майор Юмин так чистосердечно, в его ответе на особенный запрос господина корпусного начальника. Вот почему слухи эти увеличились, когда я выбыл из полка и дошли до начальства»[40]. Раевский здесь же называет и врагов своих: Неймана, Цыха, Михайловского и Гомановского, указывая на то, что они были поддержаны начальством.

Одним из первых шагов этой группы было заявление Ней-

мана генералу Орлову во время смотра в 1821 году о том, что «солдаты потеряли рвение, будучи часто внушаемы майором Раевским, что будто бы от них излишне требуется по службе; в особенности по своей роте, что даже распространилось по всему полку». Орлов, по словам Неймана, ответил: «Не может быть» и отошел от доносчика[41].

Важно отметить в данном случае, что это был организованный шаг группы Неймана—Михайловского, направленный против Раевского, а также и то, что «новые правила», как он их сам называл в «Дополнении к «Протесту», получили широкое распространение и известность в полку. Генерал Орлов с пренебрежением отнесся к доносу Неймана, не дав ему хода, перевел Раевского в Кишинев в дивизионную школу. По-иному к этой же группе отнеслись корпусный начальник генерал Сабанеев, начальник штаба этого корпуса генерал Вахтен и начальник штаба армии, организатор тайной военной полиции в армии, генерал Киселев. Они не только ее поддержали, но и опирались на нее в борьбе против «новых идей» и «нового поведения» Раевского, создавших ему славу «первого вольнодумца» в армии и «разрушителя дисциплины». Так писал о нем генерал Киселев в своем донесении графу А. А. Закревскому[42].

Обстоятельства вскоре сложились так, что деятельность Раевского проявилась столь ощутительно, что это ускорило трагическую развязку борьбы закоснелых реакционеров против декабристской кишиневской организации, созданной Раевским. Возникло дело о происшествии в Камчатском пехотном полку, рассматриваемое царским правительством как повторение семеновской истории в условиях Бессарабии.

В декабре 1821 года солдаты 1-й мушкетерской роты, которой командовал капитан Брюхатов, не позволили своему ротному командиру наказать палками каптенармуса той же роты. Три солдата роты, выйдя из строя, отняли палки у унтер-офицеров и силой воспрепятствовали выполнению приказа капитана Брюхатова. Корпусный командир генерал Сабанеев, производивший «продолжительное время... исследования беспорядка,... употреблял все меры для раскрытия тех истин, которые могли содержать главное содержание онаго». Он пришел к выводу, что это происшествие связано с практической деятельностью «первого декабриста»[43]. Раевский говорил солдатам, ссылаясь на «молодцов-семеновцев»: «Выйди два и уничтожь злодеев»[44]. В 1-й роте Камчатского полка вы-

шло не два, а три солдата и вырвали палки из рук унтер-офицеров. И если они не уничтожили злодеев, то во всяком случае заставили считаться с собой — приказ был отменён. Сабанееву нетрудно было связать этот факт с подобными же фактами в 9-ой роте, во 2-м батальоне, где декабрист производил расследования о причинах побегов, и с аккерманскими событиями.

Корпусный командир не ограничился только констатацией поведения Раевского, а выразительно сказал о «нетерпимом образе его мыслей». И то и другое, по его мнению, привело к ослаблению дисциплины не только в полку, но и в дивизии, привело к беспорядкам, к неповиновению солдат. И дело Раевского и происшествия в Камчатском полку, говорил позднее корпусный начальник, «проистекали из одного источника»[44]. Таким образом, «главное содержание» беспорядка в Камчатском пехотном полку заключается в том, что он является результатом деятельности Раевского. Камчатская история подтвердила широкое распространение в солдатской массе «новых идей» и «нового поведения», словом, всего того, что генерал Сабанеев выразительно назвал «раевщиной»[45].

В конце января 1822 года он составил обвинительную записку на Раевского и лично вручил её начальнику главного штаба 2-й армии генералу Киселеву. В этой записке Раевский «был выставлен как главная пружина упадка дисциплины во всей 16-й дивизии, как вольнодумец, наконец, как бунтовщик, имеющий какие-то сокровенные революционные замыслы»[46]. То же самое он изложил в рапортах на имя главнокомандующего армией 5, 8 и 16 февраля (за № 5, 12 и 13).

Вместе с рапортом от 8 февраля он направил записку, поданную им Киселеву. Не ожидая ответа Витгенштейна (получив согласие Киселева), Сабанеев «счел необходимым арестовать майора Раевского и пресечь всякое с ним сношение прочих лиц. Для точнейшего же удостоверения в его совершенных действиях, бумаги ему принадлежащие отобрав, приступил сам к рассмотрению оных строжайшим образом»[47]. Арест Раевского, начало разгрома кишиневской организации декабристов, окрылил их врагов. Группа Неймана—Михайловского, «рыцари палки и носка», расценили это по-своему — можно опять наказывать палками и тесаками солдат, можно беспрепятственно грабить солдатскую казну.

Группа юнкеров, переводимая Сабанеевым в корпусную школу, ознаменовала арест своего начальника пальбой из ру-

жей, попойкой и разграблением склада дивизионной школы. Были довольны Барсуков и офицеры его батальона, их чувство разделяли офицеры 1-го «палочного батальона». К ним присоединилась аккерманская полиция, Ириней, находящийся в духовной бессарабской семинарии, полковой священник Луцкевич, выпытавший у солдат на исповеди о разговорах Раевского о равенстве и свободе, аккерманский священник, недовольный поведением Раевского и песенников его подразделения во время богослужения в церкви, унтер-офицеры, которым он воспрещал наказывать солдат палками.

Следовательно, Сабанеев и Киселев опирались на активную реакционную силу, которую они возглавили и направили ее усилия на разгром прогрессивных сил в 16-ой дивизии, в Кишиневе. Корпусный начальник, возглавивший следствие над Раевским, знал из доноса шпиона Барца, показаний Юмина (11 марта 1822 года) и Непенина о существовании Союза благоденствия или, как его называли, Союза Зеленой Книги, но, как это ни странно на первый взгляд, не придал этому показанию достаточного значения. Позднее ему это было поставлено в вину комиссией военного суда при Литовском корпусе, отметившей в своем рапорте на имя начальника штаба корпуса, что «Раевский знал всю цель тайных обществ, существовавших в России до 1826 года» и что «можно было еще в 1822 году обнаружить тот ужасный заговор, который открылся 14-го декабря 1825 года»[48]. Комиссия считала, что здесь проявилась «медлительность» корпусного начальника. Дело, однако, не в медлительности, а в том, что генерал Сабанеев стремился открыть не Союз благоденствия, а какую-то другую организацию — «раевщину», «злодейскую шайку», имевшую «сокровенные виды», «революционные замыслы». Раевский для него был «вольнодумец, бунтовщик», связанный с солдатами. Открытие этой «злодейской шайки» было для Сабанеева делом первостепенной важности. Он делал упор на расправу с солдатами.

Руководствуясь этими соображениями, корпусный начальник «взял под пытку» первую мушкетерскую роту Камчатского полка. Командир батальона майор Логвинов, в который входила эта рота, был арестован и Сабанеев трижды допрашивал его в таких словах: «Дело открыто: Вы должны сознаться (не объявляя в чем), или погибнете». Унтер-офицеру, принесшему Логвинову постель на гауптвахту, было дано триста ударов и с него были сорваны галуны. В Охотском

полку было приговорено за ропот прогнать пять человек сквозь строй, в Камчатском — трех лишить живота. Они были наказаны кнутом и сосланы в Сибирь. Для примера, в каждом полку за вину или без вины, были некоторые солдаты прогнаны сквозь строй, а в 32 Егерском полку, в той роте, которой командовал майор Раевский, с одного заслуженного солдата были сорваны кресты и он был сослан в дальний гарнизон за то, что во время учения сказал, что он заслаб. «Все эти происшествия, — рассказывает Ф. П. Радченко, — наделали столько шуму в Кишиневе, что все жители смотрели друг на друга, как бы опасаясь не пришествия турок, но внутреннего мятежа»[49]. В письме от 5 сентября 1823 года штаб-лекаря Камчатского пехотного полка Никольского к поручику Карину есть такие многозначительные строки: «А какой надзор за всем? говорят, что трудно молвить и словечко в люди... Здесь от **шёпота** раздается **отголосок** и далеко»[50]. Таким образом, Сабанеев и Следственная комиссия, им направляемая, свою деятельность начали с расправы над солдатами, с установления террора в дивизии, в Кишиневе.

Почти одновременно был направлен удар и против дивизионного лицея. Еще во время начала следствия по поводу происшествия в Камчатском полку Сабанеев вызывал к себе юнкеров по ночам для того, чтобы узнать «о поведении и рассказах Раевского в дивизионной школе». Перед арестом декабриста корпусный начальник перевел нескольких юнкеров (Сущева, Чернолуцкого, Шматковского, Левецкого) в корпусную школу, выбрав наиболее податливых из них. Угрозами, лаской, обещаниями и прямым подкупом он добился того, что разрушил и развратил ту небольшую группу, на которую опирался Раевский. В своем «Оправдании» последний с горечью писал: «Орудиями обвинения избраны были юнкера, переведенные по жалобе их на меня из дивизионной школы в корпусную... Для половины сих свидетелей не нужен был страх солдатских лямок или обещание чинов офицерских—сахар или розы заставили бы их говорить против отца и матери»[51]. Некоторые из них, однако, не довольствовались «сахаром или розами», а предпочли более существенные награды. Юнкер Сущов получил по приказанию корпусного начальника значительную сумму из кассы лицея и был произведен в прапорщики, а Платонову было обещано производство. После ареста «первого декабриста» лицей был закрыт, юнкера Михайловский и Перхалов были отправлены в полк, «потому

что были в школе Раевского»[52]. Остальные юнкера также были разосланы по полкам. Дивизионный лицей был разгромлен. «Страх солдатских лямок» оказался сильнее страха бесчестья — юнкера Михайловский и Перхалов были вскоре зачислены в корпусную школу. Вот таким путём корпусный начальник добился того, что Сущов, Михайловский, Перхалов и некоторые другие юнкера дивизионной школы стали орудиями обвинения в его руках.

Кроме солдат и юнкеров полковой и дивизионной школ, было допрошено, по словам Радченко, 50 офицеров полка и 600 солдат. Следовательно, в дело о Раевском были вовлечены сотни людей, оно приобрело большую огласку, приковало внимание общественности. Этот процесс рассматривался современниками как одно из проявлений борьбы с деспотизмом[53] В этой борьбе нашлись и сторонники Раевского. Кроме А. С. Пушкина, Охотникова, Бурцева, Орлова, Непенина, Липранди, Таушева, оказавших значительную помощь «первому декабристу» и кишиневской организации, о чем неоднократно писалось, нужно назвать и малоизвестных сторонников декабриста. Несмотря на террор Сабанеева и «киселистов», как назвал своих врагов декабрист, они имели мужество так или иначе определить свое сочувственное отношение к делу Раевского. Их не так много, но они есть. Это — Вяземский, Бучевский, Лонцкий, Крыжов, Реут, Вянжиноруцкий, Ревазов, Друганов. Все они офицеры. Нужно отметить, что им пришлось считаться с существенной для них угрозой. Сабанеев, руководивший по распоряжению царя следствием, предупредил офицеров о том, что есть указание Александра I «взять на замечание» и обойти офицеров производством в чины, а полк расформировать, если «они ничего не покажут»[54].

Корпусный начальник независимо от Следственной комиссии вызывал офицеров в корпусную квартиру и делал им личные запросы. Первой жертвой допроса был подпоручик князь Вяземский. Вызывая его на допрос одним из первых, корпусный начальник не предполагал, что встретит сопротивление с его стороны. Сабанеев был давним другом отца подпоручика: воспитывался вместе с ним. В дальнейшем связи с этим семейством упрочились. По просьбе матери подпоручика Сабанеев принял участие в воспитании ее сына. Но Вяземский неожиданно для своего покровителя отказался показывать против Раевского. Этот благородный поступок взбесил корпусного командира, который отправил подпоручика с

своей квартиры на гауптвахту, в караул, пригрозив, что тот «пробудет там три года», пока не одумается. Подпоручик Вяземский сидел, правда, не три года, но был на гауптвахте до тех пор, пока не заболел. Из корпусного госпиталя, после выздоровления, Вяземский был выписан в 32 Егерский полк и немедленно «переведен в Селенгинский полк для лучшего за ним надзора». Так заявил Сабанеев в своих «Замечаниях» к «Протесту» Раевского[55]. Сам же декабрист дал другое, вернее, определение этого факта в «Протесте». Он писал, что подпоручик был арестован, а затем переведен в другой полк, «дабы не мог служить примером для других. Пример князя Вяземского доказал офицерам полка, что говорить истину значит навлечь на себя гнев г. корпусного командира и гонение!»[56].

Вторым подобным примером для офицеров полка был арест капитана Бучевского. Сабанеев назвал его, и не без основания, «приятелем Раевского». Его подпись стояла под Дружеским листом 1819 года. Эта дружеская связь не нарушилась и после ареста декабриста. Во время следствия Бучевский уничтожил записку фельдфебеля, вернувшегося после допроса из корпусной квартиры. Этой запиской он склонял солдат к показанию против Раевского, как этого требовал Сабанеев. В записке фельдфебель Иванов писал, что Раевский, обращаясь к солдатам, говорил: «Заколите одного, — спасете двести». Унтер-офицер созывал к себе на квартиру старых солдат, зачитывал им эту записку, подготавливая их к показаниям. На одном из таких чтений и была отобрана записка.

Когда Бучевского вызвали на допрос, то «он, желая избегнуть свидетельства противу Раевского, сказался больным»[57]. Генерал Сабанеев приказал арестовать его и отправить на гауптвахту. Но и после этого капитан Бучевский полностью не отказался от защиты Раевского. Одним из важных пунктов обвинения против декабриста было обвинение в том, что он с похвалою отзывался о событиях в Семеновском полку. Обращаясь к солдатам своей роты, он говорил: «Семеновцы молодцы! Придет время, в которое должно будет, ребята, и вам опомниться»[58]. Об одобрении «буйственного поступка солдат Семеновского полка» показывал юнкер Михайловский, ссылаясь при этом на Бучевского. На очной ставке последний отказался поддержать показания юнкера по этому поводу, назвав их ложными.

Его показания поддержал Ревазов, разжалованный из офицеров в рядовые. К моменту вызова в корпусную квартиру, где велось следствие о Раевском, Ревазов был, по представлению Сабанеева, произведен в унтер-офицеры и представлен к производству в офицеры. Следовательно, на него мог рассчитывать корпусный командир для подтверждения слов Михайловского об одобрительном отзыве «о буйственном поступке» солдат Семеновского полка. Надо сказать, что корпусный командир совершенно недвусмысленно дал понять Ревазову, что от его поведения во время допроса зависит его будущее: при поддержке Михайловского — производство в офицеры, а в противном случае — солдатские ремни. Ревазов выбрал солдатские ремни. Он обличил юнкера во лжи, поддержав этим Бучевского и оказав тем самым огромную поддержку подследственному декабристу. Раевский ссылался на показания этого благородного человека как в «Протесте», так и в «Дополнении к «Протесту». В первом случае для того, чтобы доказать незаконное производство его дела военно-судной комиссией, приговорившей его к смертной казни, а во втором — для своего оправдания, ссылаясь на соответствующие главы «Уложения» и «Процессов воинских». После своего показания в пользу декабриста и обличения юнкера Михайловского Ревазов «за дурное поведение был выключен» из состава полка[59]. Так расправлялся Сабанеев с офицерами, поддерживающими Раевского.

Среди многочисленных показаний офицеров 32 Егерского полка об отношении Раевского к солдатам выделяется показание подпрапорщика Лонцкого.

Если поручики Михайловский, Гомановский и другие в подтверждение бунтовского поведения декабриста свидетельствовали о том, что он «спрашивал солдат о здоровье, потчевал их табаком, некоторых песельников целовал, спрашивал, каковы квартиры, как кормят, с фельдфебелем чаи пивал», а юнкер Михайловский показывал, что Раевский «всегда при сборе роты внушал, что солдат есть священная особа, не подлежащая и малому наказанию и что тот, кто употребляет во зло власть свою, есть злодей, против коего они могут вооружиться и мстить ему», то подпрапорщик Лонцкий заявил, что «в обхождении майора Раевского с нижними чинами ничего неприличного не заметил»[60]. Такое показание, сделанное в условиях разгула реакции, было несомненной поддержкой декабриста.

Таким образом, можно сказать, что во время следствия Раевский получил поддержку среди офицеров, что является свидетельством известной популярности «новых идей» в полку. Но эта малочисленная группа офицеров не смогла бы повлиять на исход дела, если бы «первый декабрист» не получил поддержки от солдат, «от «раевщины», «кнутобойцев» и «бунтовщиков», как называл их злобствующий Сабанеев.

Если в отношении офицеров корпусный командир не церемонился, то в отношении солдат тем более. В первую очередь репрессии обрушились на солдат 9 егерской роты, которой командовал подследственный декабрист. Рота была разбита на части, и солдаты были посажены под арест. Допрос продолжался 15 дней. В ход были пущены ласкательства, угрозы камчатского кнута, побои.

О ходе допроса солдат Раевский сказал в своем «Протесте»: «Начальник 6 пехотного корпуса генерал-лейтенант Сабанеев собственными руками бил рядового до того, что он весь окровавленный вышел из его спальни, равно унтер-офицера Колесникова, рядового и кавалера Шеловского—всех 3-х перед допросом. Всё это видел и слышал сам. Умалчиваю о тех, коих я не видал, — с горечью и негодованием продолжает декабрист, — оставляю то, что при допросе в комнаты корпусного командира приносимы были пуками палки и громкие угрозы какого-то камчатского **кнута** (конечно, того самого, который был употреблен в Камчатском полку). Прошу спросить солдат полка и дело обнаружится со всей ясностью»[61]. Никто, конечно, солдат не спрашивал. Но слова «Протеста», сделавшись достоянием общественности, раскрыли благородную твердость солдат в их неравной борьбе с тиранской властью.

Таким же образом допрашивались солдаты ланкастерской полковой школы, основанной майором Раевским, затем солдаты 3-й карабинерной и 6-й егерской рот. Для уличения солдат в случае запирательства Сабанеев направил из корпусной квартиры в полк юнкеров Михайловского и Сущова. Однако «раевщина» не сдавалась и не сдалась. Сам декабрист указывал на то, что солдаты в его деле были «красугольным камнем, о который все попытки обвинителей и клевета дробились»[62].

Неожиданная твердость солдат, их благородное поведение, «голос громовой черни боевой», раздавшийся в защиту декабриста, «был назван тайным мятежом», он подтвердил

подозрения, что Раевский является «главой злодейской шайки».

Среди солдатской массы выделялись отдельные яркие личности. Для характеристики поведения солдат можно привести один-два примера, раскрывающих побуждения солдат в этом «громком и шумном деле». В следственном деле и в «Протесте» названо имя рекрута Иванова. Вот что можно сказать о нём. Находясь в 9-ой роте, молодой рекрут отказался подчиниться юнкеру Левецкому, проводившему строевые занятия. Юнкер увлекался «носками». В ответ на замечания обучающего солдата, требующего «чище вытягивать носки», Иванов ответил: «Много вас есть таких». С этими словами он снял ружье с плеча и приставил к ноге. Левецкий решил его наказать. Раевский, как командир роты, просил юнкера простить молодого солдата, но Левецкий ответил отказом и, повидимому, в такой форме, что Раевский поставил его под ружье и дал наряд, а Иванова простил. Когда же рекрут прибил унтер-офицера за жестокое отношение к солдатам, то он опять-таки не только не наказал Иванова, но приказал дать ему чарку водки перед ротой, открыто восхищаясь его поступком. Свое восхищение он высказывал не только перед солдатами своей роты, но и перед солдатами 2-го батальона, во время его обследования. После ареста Раевского солдат оказался в числе тех, кто его защищал. Когда члены судебной комиссии, в угоду корпусному начальнику, забыв свои обязанности, ходили по ночам и подговаривали солдат показывать против Раевского, добавляя: «он погиб, уже сослан в Сибирь», то Иванов на эти подговоры ответил так, что один из них поспешил донести об этом ответе корпусному начальнику, который приказал арестовать солдата. Дальнейшая судьба Иванова неизвестна, но надо полагать, что он был в числе тех, кои «для примера» были прогнаны сквозь строй.

Нужно отметить также поведение унтер-офицера Духа, из дивизионной ланкастерской школы. Это был любознательный ученик, с которым Раевский работал индивидуально, снабжая его литературой. Так, известно, например, что декабрист давал ему для чтения «Сын отечества», что весьма знаменательно.

Этот журнал был самым влиятельным и передовым журналом этих лет. Постоянное сотрудничество в журнале Пушкина, Бестужева, Рылеева, Катенина, Гнедича, Кюхельбекера

и других литераторов-декабристов и близких к ним писателей определяло его значение и роль в формировании и развитии передовой общественной мысли начала XIX века. Здесь печатались статьи и художественные произведения, выражающие идейные позиции декабристов.

В 1820 году в «Сыне отечества» была напечатана статья декабриста Кутузова «О причинах благоденствия и величия народов». В ней автор говорит о прогрессивном значении наук и просвещения, об отечественном (патриотическом) воспитании, о справедливых законах, основанных на «духе народном», и т. п. Все эти вопросы так близки тем вопросам, которые ставились Раевским перед учениками школы, что просто нельзя допустить даже мысли, чтобы эта статья не была предметом его внимания и не была бы рекомендована Духу. Во всяком случае, одно несомненно, — Раевский использовал этот передовой журнал в целях приобщения читателей-солдат к передовым, патриотическим идеям своего времени. Если мы укажем еще, что он рекомендовал для чтения «О праве или должностях человека» и «Плутарх для юношества», то общая патриотическая направленность солдатских чтений будет ясна.

Вполне понятно, что Сабанеев набросился на унтер-офицера Духа, добиваясь от него подтверждения, что в прописях были слова: Свобода, Равенство, Конституция. Дух был посажен на крепостную гауптвахту, ему угрожали тем же камчатским кнутом, что и другим солдатам, делали разные истязания, неоднократно вызывали в корпусную квартиру. Унтер-офицер и солдаты ланкастерской школы по этому вопросу ровно ничего не показали против Раевского, но в обвинительном акте судной комиссии, присудившей Раевского к смертной казни, есть пункт и о том, что он давал унтер-офицеру Духу читать «Сын отечества»[63].

Хочется сказать несколько слов еще об одном участнике этой борьбы — о крепостном человеке Кузьме Сурченкове, выехавшем из родового имения Раевских не ранее 1818 года, при возвращении молодого Раевского в армию. Судя по малочисленным, но красноречивым фактам, которыми мы располагаем, Сурченков был любознательным человеком. И не только умел писать и читать, но изучал географию.

И. Липранди, характеризуя взаимоотношения В. Ф. Раевского и А. С. Пушкина, указывает на то, что Раевский много способствовал тому, чтобы Пушкин серьезнее занялся исто-

рией и особенно географией. В связи с этим рассказывается об одном забавном случае. В одном споре с Раевским Пушкин ошибся и указал местность в одном из европейских государств не так. Раевский позвал своего человека и приказал ему показать, на висевшей на стене карте, пункт, о котором шла речь. Он тотчас же показал. Пушкин смеялся более других, но на другой день взял «Мальтебрюна»[64]. Этот небольшой «урок» по географии был дан Александру Сергеевичу крепостным человеком Кузьмой Сурченковым.

Если мы учтем характер преподавания географии Раевским в ланкастерской школе, то ничего удивительного нет и в том, что К. Сурченков, которого, конечно, обучал сам декабрист, не был чужд и общественно-политических вопросов своего времени.

Комиссия военного суда при Литовском корпусе установила, что «Рассуждение о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России» тайным образом распространялось. При этом комиссия сослалась на показание самого Раевского (от 12 февраля 1827 года) о том, что «Рассуждение» переписывалось его крепостным человеком, т. е. К. Сурченковым[65].

Через несколько дней декабрист показывал: «Мой крепостной человек не переписывал сего сочинения, ибо рука его весьма неразборчива и нечётка... А если бы человек мой и переписывал, и если бы сочинение сие было действительно — вредно, то слог его не позволял — дабы не образованный и грубый человек понимал смысл его. Впрочем, если бы мне захотелось, я бы мог своих крестьян выпустить на волю; на сие нет никакого воспрещения. А то, чего закон не воспрещает, не может быть вредно. Следственно и рассуждения о обстоятельствах или предметах законом дозволенных не могут быть вредны»[66]. В первой части этого показания, противореча себе, он отрицает факт списывания. Но Раевского можно понять и так, что он отрицает факт принадлежности К. Сурченкову списка, находящегося в деле. В своем дальнейшем показании декабрист фактически не отрицает своё первое показание, а оправдывает и смягчает значение факта. Таким образом, К. Сурченков был одним из тех, кто непосредственно приобщился к «новым идеям».

После ареста В. Раевского судная комиссия, понятно, принялась и за крепостного человека[67]. По приказу генерала Сабанеева его дважды арестовывали и сажали на крепостную

гауптвахту, а затем отправляли в корпусную квартиру на допрос. Сурченков держался стойко, отзываясь незнанием. После допросов его оставили. Живя в городе, он посещал крепость, где бывал у заключенного целыми днями. При входе в камеру его каждый раз обыскивали, но он устно передавал Раевскому о всех новостях, слышанных в городе в связи с делом декабриста, о действиях судной комиссии, поведении солдат. Это подтверждает сам Раевский. Надо думать, что К. Сурченков не только передавал слышанное, но с таким же успехом выполнял и поручения заключенного.

Кузьме Сурченкову приходилось испытывать и некоторые злоключения, выпавшие на долю его хозяина. После вынесения смертного приговора Раевскому К. Сурченков жил в темнице, с Раевским. «Первый декабрист» написал 1 сентября 1823 года «Протест», который был задержан Сабанеевым до 6 февраля 1824 года, но Раевскому удалось вручить «Протест» также начальнику штаба 2-ой армии генералу Киселеву, о приезде которого в город декабрист от кого-то узнал. В ответ на «Протест» начались репрессии со стороны корпусного начальника. В 11 часов ночи в темницу декабриста явился дежурный штаб-офицер Кравченко с дежурным по караулам штабс-капитаном Гриневичем и двумя солдатами и произвели обыск. У заключенного было взято всё, что он имел, кроме одежды и постели. При обыске была сброшена на пол простыня, сняты наволочки с подушки, хотели даже пороть тюфяк, но удовольствовались перетряхиванием и бросили его также на пол. При обыске была захвачена стальная личная печать Раевского (на ней изображена была пятиконечная звезда), которую «как таинственную эмблему чего-то, заключающую в себе важные тайны, с прочими, прежними бумагами, отправили далее»[68]. Этот ночной налёт завершился арестом К. Сурченкова, которого взяли под караул, а затем «при военной команде», т. е. этапом, под конвоем, отправили в Курскую губернию, в родовое имение Раевских.

О причинах этого ночного налёта очень смутно сказано в «Протесте»: «Я ожидал выписки из судного моего дела, я ее подписал и начал Протест. Но что же произошло из этого? За первую статью: о приглашении к переходу за Днестр — в 11 часов ночи явился в мою темницу ко мне дежурный штаб-офицер Кравченко» и т. д. В этих словах и надо искать объяснение как налёта, так и ареста Сурченкова.

Обвинение Раевского по этому пункту было очень серь-

езным: речь шла о том, что он приглашал солдат-песенников за Днестр, где в Вознесенске началось восстание казаков, отказавшихся от перевода в положение военных поселенцев. Волнение было подавлено. Казаки вынуждены были дать требуемую присягу под дулами направленных на них пушек с зажжёнными фитилями.

Раевский рассчитывал при восстании, которое подготовлял, на поддержку военных поселений. Этот-то вопрсс он и обсуждал с солдатами неоднократно, говоря песенникам 3-ей карабинерной роты: «Пойдемте, ребята, за Днестр, в Вознесенск, а там тотчас взбунтуются, и пойдет, — как огонь, а то видите, как вас трактуют. Один шаг за Днестр, — и всё, как порох, вспыхнет и восстанет». Во время одного такого разговора один из солдат-песенников ему ответил: «Как можно идти, если мы государю присягали». — «Сам государь нарушил присягу, — сказал на это декабрист, — обещался с народом обращаться хорошо, а теперь нас мучит»[69].

Такова суть вопроса, который, по свидетельству Раевского, вызвал внезапный грубый обыск в его темнице и арест К. Сурченкова. Кроме неясного высказывания в «Протесте», приведенного выше, нет других данных об участии Сурченкова в этом деле. Здесь мы вступаем в область весьма достоверных, но все же предположений о его роли. Следственная комиссия и враги декабриста приложили много усилий для того, чтобы заставить солдат показать в нужном им духе: «Песельников и роту окружили офицеры, угрожали, ласкали и говорили: «Он уж и без того погиб! Говорите, показывайте: он будет сослан в Сибирь, а вы останетесь! Вы его не спасете, а сами погибнете»[70].

Этими угрозами они склонили некоторых солдат: 6 песенников подтвердили, что Раевский приглашал их за Днестр. Для заключенного декабриста создалось угрожающее положение. Такое свидетельство выдавало его с головой. Он потребовал очной ставки, на которой рядовые Лыжников и Антоненко заявили, что «приглашал за Днестр за девками», а за ними то же самое повторили и другие солдаты (Ядрышкин, Колотухин, Комаров), добавляя, что было якобы сказано: «если выучитесь хорошо, то к нам девки сами будут приставать»[71].

На очной ставке Раевский охотно согласился с солдатами, которые так показывали и припомнил, что действительно говорил: «Постоим здесь, братцы, а когда опять пойдем в Поль-

шу, т. е. за Днестр, то девки сами к вам приставать будут». Таким образом, первое показание было снято самими солдатами. Сабанеев сделал следующее примечание к показанию Лыжникова и Антоненко: «Не ясно ли видна выдумка сих рядовых к облегчению Раевского»[72]. Организованное и широкое применение «выдумки», сводящей на нет прежнее солдатское показание, данное под давлением начальства, показывает не только рост сопротивления солдатской массы, но и то, что солдаты кем-то были подготовлены к этому показанию. Подготовить солдат мог человек близкий и к солдатам и к Раевскому, имеющий возможность общаться и с заключенным и с солдатами. Таким человеком мог быть только Кузьма Сурченков. «Выдумка» принадлежала Раевскому, а Сурченков соответственно подготовил солдат-песенников для очной ставки. Только так можно расшифровать интересующий нас намёк «Протеста». Впоследствии в распоряжение корпусного командира поступили какие-то неизвестные нам данные, намекающие на роль как Раевского, так и К. Сурченкова в этом деле. Это и послужило причиной внезапного грубого обыска, ареста Сурченкова и высылки его под военным конвоем к помещику, отцу Раевского. О дальнейшей судьбе этого крепостного человека нам ничего неизвестно.

Итак, арест декабриста и разгром кишиневской организации коснулись не только её членов, но также ряда прогрессивных офицеров, а самое главное — втянули в развернувшуюся ожесточенную борьбу солдатскую массу, «раевщину», оказавшую стойкое сопротивление деспотам и тиранам, «киселистам», стремящимся расправиться с Владимиром Раевским, открыто поднявшим свой голос в защиту солдата, заявившим, что «солдат есть священная особа». В этой борьбе из среды мирно протестующих солдат выдвинулись и такие представители солдатской массы, как молодой солдат, рекрут Иванов, унтер-офицер Дух и др. К ним нужно отнести и К. Сурченкова. Их поведение показывает, что в этой борьбе оформлялось и росло их общественное сознание.

Стойкость и благородное поведение «раевщины» получили оценку врагов и друзей. Сабанеев, бессильный бороться с ними, писал в своих «Замечаниях» к «Протесту»: «Почему же знает Раевский, как допрашивал генерал-майор Черемисинов? — потому, вероятно, что везде были сообщники Раевского одной с ним злодейской шайки»[73]. Вскоре после этого (25 сент. 1823) командующий армией граф Витгенштейн в своих за-

мечаниях в адрес Полевого аудиториата, не вынесшего окончательного решения по делу Раевского, отметил странность того факта, что «Раевский находится в курсе всех событий». Учитывая это, он высказался за прекращение следствия: «Переследования, допросы, очные ставки, улики и истолкования могут причинить более вреда, нежели способствовать дальнейшему раскрытию поступков и разговоров майора Раевского»[74]. И, наконец, Николай I отметил в 1827 году на полях доклада: «Из всех разнообразных показаний нижних чинов и запирательства некоторых, ясно видна приверженность их к Раевскому»[75]. В этих отзывах проявляется не только бессильная злоба, но и боязнь. За мирным протестом «раевщины» им чудились кровавые выступления «злодейской шайки».

Друзья декабриста понимали, что эта борьба является борьбой с аракчеевщиной, «железные кровавые когти» которой «сделались уже чувствительны повсюду». Поэтому как сам декабрист, так и его друзья с восхищением и любовью отзываются о «раевщине». Современник и участник этих событий Ф. П. Радченко в статье «Дело Раевского» в таких словах выражает свое отношение к солдатам: «Надо было видеть, с каким ожесточением солдаты переносили варварские пытки и с какою решительностью одним словом **НЕТ** они разрушали все адские намерения и замыслы Сабанеева. Это был не первый, но славный пример, отличивший солдата русского»[76]. Какие славные примеры хотел сопоставить автор этой статьи — не сказано, но, судя по общему тону, по возможной ассоциации и злободневности для тех лет, — это могли быть семеновская и камчатская истории, действительно отличившие солдата русского.

Перед Комиссией военного суда, Сабанеевым, Киселевым и «киселистами» «первый вольнодумец в армии» — В. Ф. Раевский — раскрылся как бунтовщик, как «глава злодейской шайки», заслуживший за свои «новые идеи» и «новые правила» сурового наказания за измену классовым, дворянским интересам. За камчатской историей, за событиями в 32 Егерском пехотном полку, за упорным сопротивлением «раевщины» во время следствия, за всеми этими мирными солдатскими протестами вырастал призрак военной революции, тянулись нити за Днестр, к Вознесенску, к военным поселениям, где в 1819 году, т. е. совсем недавно, восстание было потоплено в потоках крови восставших крестьян в военной

форме. Поэтому к В. Раевскому и был применен 135 артикул Воинского сухопутного устава, наказывающий «лишением живота» за призыв к бунту и возмущению.

На протяжении многолетней тюремной жизни Раевскому приходилось защищаться и бороться с «черным трибуналом», жаждавшим его гибели. Защита декабриста была многообразна: он оспаривал написание слов: «ночь—нощь, «научение—наущение»; пускался в филологические исследования значения слова «удар», а также слова «таинственная» в его отношении к слову «надежда», то он отказывался понимать значение слова «Союз» и одновременно указывал на противоречие в показании свидетелей (Гомановского и Цыха); собрав огромное количество фактов, свидетельствующих о нарушении следствия и суда над ним, декабрист обрушивал их в «Протесте» на головы своих обвинителей; опираясь на прекрасное знание «Наказа» Екатерины II, «Уложения», «Воинских процессов», наказов Петра I, он в «Дополнении к«Протесту» доказывал, что приговор «не действителен, ибо оный нагло против прав есть», то, наконец, в «Оправдании» давал широкую картину жизни и нравов офицерства и юнкеров и раскрывал их понятия о законе, о чести и долге, чтобы показать, что они не имеют понятия ни о чести, ни о долге и делают всё в угоду «черному трибуналу».

На допросах и судах он вёл себя с достоинством и не только давал «ответ понятным взором», но и не менее понятным языком «отделывал» на допросах корпусного начальника Сабанеева, а позднее — великого князя Михаила Павловича. Словом, он вёл себя так, что судьям приходилось защищаться. Поведение Раевского во многом отличается от поведения его товарищей декабристов при допросах и на суде (за исключением Лунина, позднее — Батенькова).

Это объясняется не только личными качествами «первого декабриста», но и тем, что он выступал в период нарастания революционного движения, представителем и выразителем которого он себя чувствовал. На «первом декабристе» лежала большая и ответственная задача, которая раскрывается в таких его словах, сказанных в 1868 году, на склоне жизни: «Тайна осталась тайной, и только 14 декабря 1825 года она объяснилась на Сенатской площади»[77].

Есть еще одна особенность, которая присуща только В. Ф. Раевскому: он вел политическую революционную работу в крепости и даже создал небольшое содружество в казема-

те Тираспольской крепости. Распропагандированный декабристом дежурный офицер крепости штабс-капитан Мозевский распространял «в память дружбы разрушительные сочинения» своего учителя[78]. Кроме Мозевского, с декабристом были связаны подпоручики Бартенев и Политковский. Они неоднократно посещали его в темнице. Создалось своеобразное содружество. В. Ф. Раевский показывал, что знакомство его с этими офицерами «было по литературным занятиям»[79].

Имя Политковского встречалось в «Вестнике Европы», в «Каллиопе», в «Трудах воспитанников университетского благородного пансиона», что особенно дорого было заключенному декабристу. Таким образом, общие темы для разговоров были — это воспоминания о пансионе и университете, это вопросы литературы, поскольку Политковский «выступил на поприще литературном».

Во время встреч в каземате Тираспольской крепости читались и обсуждались журналы и книги, шли споры о романтизме, о Пушкине и его подражателях. Но литературными интересами, как и надо было предполагать, дело не ограничивалось. Следствием было установлено, что Бартенев хранил «Протест» декабриста. У него же были письма Сабанеева к последнему. Это свидетельствует, что в беседах затрагивались политические вопросы. Мы имеем возможность продолжить характеристику этого содружества, данную в своё время в статье «Новое о Раевском»[80], путем привлечения новых материалов из специального дела «Об учреждении надзора за штабс-капитаном Бартеневым, по поводу его связи с бывшим майором Раевским». В этом деле есть материалы, подтверждающие политические интересы этого небольшого содружества. Дело о посещениях Бартеневым и Политковским Раевского возникло в 1826 году в Следственном комитете. Молодые офицеры были арестованы. У Политковского было «отыскано» две записки на французском языке. В первой из них шла речь о революции вообще, а во второй — об английской конституции. Политковский уверял, что это выписки из книг («Histoire secrète du Cabinet de Napoléon». «Buonoparte et le Cabinet de S-t. Cloud). Но сумел он представить только одну из названных им книг. Было установлено, что в первой записке прибавлено заключение, которого в книге не было. Приводим это заключение: «Особенно надо бояться, чтобы глупость и сумасбродство двора не вызвали революцию в такой стране как Россия, где наследование короны было таким беспоря-

дочным и в которой такие революции были так часты»[81]. Что касается второй записки, в которой идет речь об английской конституции, то она, судя по всему, почти полностью составлена с использованием книжного источника. Эти записки проливают свет на характер политических собеседований в камере декабриста. Это те же волнующие Раевского вопросы — о революции, о конституции.

В этих же беседах обсуждались вопросы античной и русской истории. Революционные события Франции, Америки, Англии также были предметом обсуждения. Вопросы истории привлекали внимание А. Политковского — автора статьи «Нечто о художествах мексиканцев. Из Робертсоновой истории Америки». Вполне понятно, что и в этом отношении у этой группы были общие интересы.

Что касается И. Бартенева, то в этих собеседованиях под влиянием Раевского у него зародился интерес к истории, который вскоре проявился, но в других условиях, на Кавказе. Деятельность этого небольшого содружества оказала благотворное влияние на Ивана Бартенева.

Сын костромского родовитого обедневшего дворянина И. Бартенев обучался в Ярославском Демидовском высших наук училище, окончив которое поступил юнкером в инженерный корпус. Вскоре после производства в инженер-прапорщики, в мае 1824 года, был в Бессарабии, в Бендерской инженерной команде. Здесь он завязывает связь с заключенным декабристом и становится его сообщником по распространению, надо полагать, не только «Протеста». В марте 1826 года Бартенев и Политковский, как сказано выше, были арестованы, а в мае, в связи с окончанием рассмотрения дела Раевского в Следственном комитете, освобождены. Николай I приказал «иметь особый надзор» за Политковским и Бартеневым[82]. Дальнейшая судьба их такова. Подпоручик 13 Егерского полка Политковский был убит в сражении против турок в 1828 г.[83].

По-иному сложилась жизнь Ивана Бартенева. Как и Политковский, он был переведен на Кавказ, отличился в персидской и турецкой войнах. Бартенев был награжден орденом Анны 3-й степени, золотой шпагой с надписью «За храбрость», медалями, а также получил за отличие чины поручика и штабс-капитана.

В Отдельном Кавказском корпусе мысли и настроения, вызванные дружбой с «первым декабристом», получили дальней-

шее углубление и практическое воплощение. Этому способствовала обстановка. В походах 1826—27 гг. принимал участие сводный гвардейский полк, сформированный из солдат гвардейских частей, участников восстания 1825 года. Сюда же прибыли солдаты Черниговского полка — участники восстания на юге. В «теплой Сибири» были декабристы, знавшие В. Ф. Раевского, его товарищи. Находясь в саперном батальоне корпуса, И. Бартенев встречался по службе с М. И. Пущиным, фактически исполнявшим обязанности корпусного инженера. Пущин руководил инженерными работами при осадах Еревана, Карса. Бесспорно, что командир сапёрного батальона И. Бартенев, получивший боевые знаки отличия, общался с корпусным инженером. Здесь же был Иван Григорьевич Бурцев, товарищ Владимира Раевского, Вадковский — член Южного общества, сотник Сухоруков и многие другие. Всего было 65 офицеров, сосланных в персональном порядке и более 2800 солдат, участников декабрьского восстания[84]. Между ними существовал «дух сообщества», так беспокоивший Паскевича, присланного Николаем I на смену Ермолова.

И. Бартенев отличился в боях с турками. И это естественно. Это было проявлением личной храбрости, усиленной сознанием того факта, что он принимает участие в освободительной войне против Турции. Еще в камере своего друга Раевского Бартенев слышал страстные слова «певца в темнице» в защиту Греции, стонущей под ярмом турецких янычар. Декабрист убеждал своих друзей, что борьба против турецкого владычества, борьба за освобождение Греции — высокая, доблестная цель:

Под сень священную знамен,
На поле славы боевое
Зовёт вас долг — добро святое.

И вот Иван Бартенев стал «под сень священную знамен». Своё участие в этих войнах он воспринимал как «долг — добро святое». Так воспринимали эти войны и окружавшие Бартенева декабристы. Это один из источников беззаветной храбрости Пущина, Бурцева, Вальховского, Сухорукова и многих других. Здесь, в походах и сражениях, Бартенев сблизился с деятелями декабризма. Особенно близко он сходится с сотником В. Д. Сухоруковым, относящимся к разряду «прикосновенных к делу о злоумышленных обществах». Следственный комитет не допрашивал Сухорукова, а было

принято решение: «Иметь за ним бдительный тайный надзор и ежемесячно доносить о поведении». В 1827 году он был переведен в Отдельный Кавказский корпус.

Имя Сухорукова было довольно широко известно в литературных декабристских кругах. Его статьи по истории печатались в «Сыне отечества» и «Соревнователе просвещения и благотворения». С 1823 года Сухоруков становится сотрудником, а в 1824 г. избирается действительным членом «Общества любителей российской словесности». В связи с этим он сближается с Ф. Глинкой, В. Кюхельбекером, А. Бестужевым, К. Рылеевым. Совместно с декабристом А. Корниловым, Сухоруков в 1824 году начинает издавать альманах «Русская старина». Разработка и раскрытие национально-патриотической темы, героических сюжетов русской истории сближает В. Сухорукова с В. Раевским. Он так же, как и «первый декабрист», обращается к «священным временам», к русской древней истории, восхищается вольным и бесстрашным казачеством. На этой почве, а также на общности взглядов на войну, подготовленной собеседованиями в каземате Тираспольской крепости, и произошло сближение И. Бартенева с В. Сухоруковым. Если учесть, что Александр Бестужев и Рылеев «открыли Сухорукову о существовании тайного общества, имевшего целью введение в России конституционного правления», а Владимир Раевский вёл разговоры о революции и конституции с Бартеневым, а также, наконец, и то, что оба были «прикосновенными» к делу декабристов, то их сближение станет понятным. Кроме этого, их связывала общность творческих интересов. Сухоруков задумал писать очерки по истории Грузии и начал собирать материалы. Интерес к истории у Бартенева, пробужденный Раевским, нашел почву для дальнейшего развития в дружбе с писателем-историком Сухоруковым. Он приступает к изучению Кавказа. Приезд Пушкина, жизнь и деятельность «общего друга и благодетеля» декабристов Грибоедова, его трагическая гибель в Персии были такими событиями, которые волновали декабристов. Эти события волновали, понятно, и Бартенева, товарища Раевского. Он, конечно, знал проникновенные сильные строки из «Послания к друзьям», обращенные к Пушкину. О взаимной приязни и дружбе «певца в темнице» и «певца Кавказа» Бартенев узнал в Тирасполе. На Кавказе, если Бартенев и не был свидетелем встречи А. С. Пушкина с Сухоруковым, то во всяком случае знал об их встрече и о беседе, знал также и о

том, что великий поэт поддержал Сухорукова в его стремлении закончить историю донских казаков. В докладной записке, поданной Бенкендорфу в 1831 году с просьбой возвратить Сухорукову отобранные у последнего копии исторических материалов, Пушкин характеризует труд историка Сухорукова как «труд важный не только для России, но и для всего света».

О политических воззрениях Бартенева мы можем косвенно судить на основании следующего факта. В справке о нем, где идет речь о переписке с Сухоруковым, сказано, что последний «вновь обнаружил неприличные свои суждения насчет военных действий»[85]. Эти слова дают представление об их политических интересах в конце войны.

В конце 1829 и начале 1830 гг., после войны с Турцией, на Кавказе усиливается реакция, усиливается аракчеевский режим в Отдельном Кавказском корпусе. Жандармская агентура не спускает глаз с декабристов, стремясь не допустить их общения друг с другом, добиваясь того, чтобы они не могли распространять свои «прежние мысли». Начались репрессии против ссыльных декабристов. Офицеров-декабристов штаба Кавказского корпуса распределили по полкам с таким расчетом, чтобы «ни в одном полку не числилось более двух человек ссыльных или разжалованных»[86]. В январе 1830 года был арестован Сухоруков. Фельдъегерь, прибывший для этого из Петербурга, произвел у сотника обыск, захватил и опечатал бумаги. Среди них были обнаружены и письма Бартенева.

Письма не сохранились, но можно предположить, что в них высказывалась та же мысль, которая была высказана их храбрым сотоварищем по участию в турецкой войне И. Г. Бурцевым. В 1828 году он писал: «Оскорбительно даже думать, что столь великие пожертвования кровию русскою и казною делаются для каких-нибудь доходов или плантаций сахарных»[87].

Арест Сухорукова усложнил положение Бартенева. После того, как первый из них был из Петербурга направлен в Финляндию, в один из казачьих полков там расквартированных, второй — подал рапорт об отставке. Но Николай I приказал оставить Бартенева на Кавказе, в «теплой Сибири», для дальнейшей службы в Отдельном Кавказском корпусе. Одновременно было дано указание Бенкендорфу «установить бдительный присмотр»[88]. Оставшись в Кавказском саперном кор-

пусе, И. Бартенев продолжает свою работу по описанию Закавказских провинций, по собиранию материалов для истории Кавказа. По поручению графа Паскевича он в 1831 году составляет статистические и финансовые описания Имеретии, Гурии и Мингрелии. Но его положение остается прежним — он разделяет судьбу «прикосновенных к делу декабристов». Бартенева продолжают преследовать, обходить в производстве по вакансии. В конце 1831 года он вторично просит уволить его от военной службы для прохождения статской службы в Грузии. Ему хочется закончить предпринятый им труд. Рапорт Бартенева — опять у Николая I. К рапорту приложена справка о его связи с Раевским, об их беседах в Тираспольской крепости. В справке прибавилось еще имя Сухорукова. На этот раз царь дает разрешение на увольнение от военной службы. Это объясняется тем, что Бенкендорф получает из Тифлиса положительную характеристику на Бартенева. Одновременно дежурный генерал сообщает начальнику 3-го отделения распоряжение Николая I: «За сим офицером, как состоящим на замечании за неблагонадежный образ его мыслей, продолжаем был бы тайный надзор»[39].

Пока шла переписка, Бартенев продолжал работать над историей Кавказского края. В 1832 году он был прикомандирован к генерал-лейтенанту Багратиону «для обозрения Абхазии, сего несовершенно известного края». После увольнения И. Бартенев всецело посвящает себя литературным занятиям, продолжает работать над историей Закавказского края. Главнокомандующий в Грузии барон Розен поручает И. Бартеневу составление статистического и финансового описания Закавказского края. Для завершения этой работы необходимо было произвести научные изыскания в архивах и библиотеках столицы. Разрешение на въезд в Москву и Петербург могло быть дано только царем. 21 февраля 1833 года Николай I, в связи с ходатайством барона Розена, снова рассматривает доклад III отделения «Об отставном штабс-капитане Бартеневе, подвергнутом особому надзору за связи с бывшим майором Раевским».

В конце 20-х и начале 30-х годов имя декабриста Раевского встречалось царю не первый раз. В 1828 году закончилось дело о штабс-капитане Мозевском, распространявшем «в память дружбы разрушительные сочинения майора Раевского». В 1831 году возникло дело о тайном обществе братьев Раевских в Курске, где опять-таки фигурировало имя

сосланного в Сибирь декабриста. В январе 1833 года авантюрист Р. Медокс, агент Бенкендорфа, пишет провокационный донос из Сибири о существовании нового тайного заговора среди декабристов в Сибири, в Петровском заводе и в Петербурге. В этом доносе, испугавшем Николая I и его правительство, названо имя Владимира Раевского.

Эти факты не могли, конечно, не повлиять на исход просьбы Бартенева. Николай I не разрешил ему пребывание в столицах, указав, что «нужные для него сведения по предпринятому им описанию он может испросить откуда следует посредством сношений генерал-адъютанта барона Розена»[90]. Другими словами, Бартенев был лишен возможности окончить свою работу. Его повторная попытка в июле 1834 года добиться разрешения на поездку в Петербург и для путешествия по Закавказью, чтобы закончить начатую работу, также не увенчалась успехом. Труд многих лет остался незавершённым.

Иван Бартенев вынужден был оставить статскую службу на Кавказе и вернуться на родину. Но это был уже сломленный судьбой человек. С октября 1834 года титулярный советник И. Бартенев, состоящий на службе в Костроме, в продолжение ряда лет «томится между страхом и надеждой», просит Бенкендорфа о «снисхождении и милосердии», умоляет простить «заблуждение молодости», отрекается от «преступника» Владимира Раевского. Везде на его прошениях, на запросах и письмах его покровителей стоит краткая выразительная карандашная справка: «Знакомство с майором Раевским»[91].

Таким образом, деятельность Ивана Бартенева в Бессарабии и на Кавказе является одним из убедительных доказательств не только литературного, но и политического характера тех многократных собеседований, которые проходили в камере декабриста, приговоренного к смертной казни. Эти собеседования оказали влияние на судьбу Политковского и Бартенева.

Называя имена Мозевского, Политковского и Бартенева, мы этим подчеркиваем, что политическая деятельность Раевского в крепостном заключении не была случайным явлением. Она носила систематический характер, была составной частью его революционной, политической работы, начатой до заключения. Она принесла плоды: распространялись произведения

«певца в темнице», подготовлялись люди, связанные с Раевским, пропагандировались взгляды декабриста.

Некоторые из них не ограничивались распространением произведений «певца в темнице», но пытались сказать своё слово, воздействовать на общественное мнение путем выступления в рукописной тайной литературе того времени. Памятником такой общественно-политической борьбы является статья подполковника Федора Парфениевича Радченко «Дело Раевского»[92].

Имя Ф. П. Радченко не упоминается Раевским ни в официальных бумагах, ни в его письмах, ни в воспоминаниях, известных нам. А между тем Радченко был не только свидетелем, но и участником его дела. Характер изложения материала в статье, факты, приводимые в ней, показывают, что он был очевидцем описываемых событий, хорошо знал о положении Раевского. В рукописи есть прямое указание на встречу с декабристом в крепости. «Я видел майора Раевского, — пишет Ф. П. Радченко, — после 14-месячного заключения. Он столько же покоен и равнодушен, как был в минуты своего счастья». Эта встреча, следовательно, состоялась в апреле 1823 года. Из приведенного высказывания видно, что Ф. П. Радченко знал В. Ф. Раевского не только в минуты его страданий, но и в минуты его счастья, т. е. оно указывает на их близость. Статья Ф. П. Радченко есть «память дружбы».

Это не воспоминание и даже не рассказ современника, как это может показаться на первый взгляд, а статья, имеющая своей целью защиту заключенного декабриста. Автор статьи ясно определяет свою задачу. «Я сделал сии замечания, — пишет он, — не для того, чтобы оправдать майора Раевского, или изобразить насильство и мстительность гонителей, но единственно для того, чтобы объяснить то дело, о котором распущены умышленно столь нелепые толки, дабы затмить сущность истины... Я многое пропустил, но и этого, полагаю, достаточно будет к объяснению дела».

Время выступления Радченко также можно определить. Статья написана вскоре после объявления сентенции военного суда о смертной казни и написания «Протеста» Раевским, т. е. не раньше сентября 1823 года, повидимому, в связи с передачей дела Раевского в Генеральный аудиториат. «Дело Раевского» одно из письменных выступлений в защиту декабриста, приговоренного к смертной казни. Оно оправдывает

его поведение, восхваляет благородное поведение солдат и обвиняет представителей «черного трибунала»[93].

Ф. П. Радченко не был простым наблюдателем, а был одним из тех благородных передовых деятелей своего времени, которые, подобно Мозевскому, Бартеневу, Политковскому и др., явно высказывали свои симпатии декабристу, его борьбе с «злодейской властью». Но автор «Дела Раевского» пошел дальше их. Он не только распространял произведения декабриста, но и сам написал статью. Её содержание показывает идейную близость автора к декабристу. Через всю статью проходит противопоставление декабриста и солдатской массы, с одной стороны, и генералов Сабанеева, Киселева, доносчиков, полицейских чиновников, попов и «прочих подлецов» как представителей «злодейской власти», —с другой. В статье воссоздается благородный облик поэта-борца, известного автору по личным наблюдениям и по его произведениям: «Послание к друзьям», «Певец в темнице», «Протесту» и др.

В облике заключенного декабриста выделены романтические черты несгибаемого борца с деспотизмом, с тиранской властью. Это пылкий революционер, известный дерзкой решимостью, автор резких эпиграмм, которыми он широко пользуется, любимец солдат, к сердцу и душе которых он нашел верный путь. Удары самовластья он сносит твердо, мужественно, спокойно и даже равнодушно. В трагическую минуту, слушая приговор о смертной казни, узник не изменяет себе. Он выслушал сентенцию с хладнокровием и улыбкой правоты. В таком же сочувственном духе даны солдаты — восхваляется их твердость и благородство. Иные краски находит автор, обращаясь к характеристике Киселева, Сабанеева, Сущова. Он отмечает их эгоизм, корыстолюбие. Это «маленькие души», руководствующиеся «презренными правилами». Следовательно, автор не только «объясняет дело» и раскрывает «сущность истины», как он сам утверждал, но страстно осуждает «злодеяния», а все его мысли, чувства на стороне жертвы «злодейской власти».

Близость Ф. П. Радченко к политическим настроениям декабриста сказывается и в том, что он весьма охотно использует в своей статье декабристскую терминологию. В ней довольно часты выражения такого типа: «казалось, сама добродетель боролась с деспотизмом», «тиранская власть», «мщение сатрапа», «удар самовластия», «злодейская власть», «ти-

раны солдатские» и др. Близость к стилю Раевского бросается в глаза.

Поражает исключительная осведомленность Ф. П. Радченко не только о ходе дела, но и об ответных мероприятиях заключенного. Автор статьи свободно приводит выдержки из бумаг Раевского. Он, несомненно, располагал «Протестом», «Дополнением к «Протесту» и некоторыми другими документами декабриста. В его руках были также тюремные стихи Раевского. Одно из них—«Послание к друзьям», он дает как приложение к своей статье. Это послание как бы заключало статью и придавало ей большую силу, убедительность. Список Радченко является тем первым вариантом, который распространялся в Тирасполе, Кишиневе и Одессе[94].

Итак, Ф. П. Радченко относится к друзьям «певца в темнице». Он, так же как Мозевский и другие, находился под влиянием «первого декабриста» и не только «рассевал разрушительные произведения в знак дружбы», но, написав статью «Дело Раевского», принял активное участие в борьбе. Статья написана под непосредственным влиянием «первого декабриста». Она является одним из интересных фактов, характеризующих политическую деятельность декабриста «в мрачных сводах заточенья».

Дело Раевского привлекло внимание передовой русской общественности. Этому способствовали поэтические и публицистические произведения декабриста, его страстные призывы. «Послание к друзьям», «Послание А. С. Пушкину», «Певец в темнице», «На смерть моего скворца», «Протест», письма и другие произведения «первого декабриста» «ходили по рукам», распространялись по всей России. Они были известны не только в Тирасполе, Кишиневе и Одессе, но они стали известны в Москве, Петербурге, Курске, Симбирске, Иркутске, Красноярске, Харькове. Его судьба, его поведение привлекают внимание представителей передовой русской общественности. К нему обращается с ответными посланиями А. С. Пушкин. Его «Узник», приобретший поистине народное звучание и распространение, навеян судьбою друга — спартанца, как называл Раевского Пушкин. Судьба «первого декабриста» волнует Пущина, Фонвизина, Чаадаева, Тургенева[95]. Имя Владимира Раевского как борца с деспотизмом, романтический образ «певца в темнице», «не склонившего рамен с главою ни перед людьми, ни перед судьбою», вошли в литератур-

ную и общественную жизнь своего времени, вошли в историю общественного революционного движения первого этапа.

Таким образом, арест и следствие, пребывание в темнице являются значительными этапами политической биографии В. Ф. Раевского. В «Собственноручной автобиографической записке» декабрист писал: «Дело мое было слишком шумно». Широкое проявление общественного интереса оказало влияние на его судьбу. Полевой аудиториат, куда поступило дело Раевского после написания «Протеста», под давлением общественного мнения признал жалобу подсудимого справедливой и не утвердил смертного приговора. Александр I, сделав за это выговор членам аудиториата, приказал передать дело Раевского на рассмотрение Главного аудиториата, где оно рассматривалось около 2-х лет. В 1826 году по приказу Николая I, дело было передано Следственному комитету о тайном злоумышленном обществе, где рассматривалось с делами других декабристов. Раевский в январе 1826 года из Тираспольской крепости был перевезен в Петропавловскую. В августе 1826 года его дело по приказу Николая I поступило на рассмотрение новой Военной комиссии при Литовском корпусе, под наблюдением Константина. Раевский из каземата Петропавловской крепости был переведен в каземат крепости Замостье, в царстве Польском. Решение Военной, специально созданной, комиссии не удовлетворило Николая I и он приказал назначить новый, третий по счету, суд под наблюдением великого князя Михаила, который и вынес окончательное решение по делу В. Ф. Раевского. В феврале 1828 года «первый декабрист» был в Иркутске. После многих лет крепостного заключения начиналась жизнь в Сибири[56].

* * *

Обратимся к характеристике социально-политических взглядов В. Ф. Раевского. 1819—1825 — годы интенсивной революционной деятельности Раевского. Одновременно он интенсивно работает над актуальными проблемами как в области философии, так и в области социологии. Он пишет «Рассуждение о рабстве крестьян», «О существе законов» Монтескье», «Рассуждение о солдате», «Вечер в Кишиневе». В эти же годы им разрабатываются курсы истории, географии и русской поэзии. В названных работах, а также в практической революционной деятельности раскрывается система его социально-политических взглядов. Статьи не были закончены. Работа над ними была прервана арестом, но и в не-

законченном виде они достаточно определённо выражают социально-политические взгляды «первого декабриста».

В. Ф. Раевский был представителем активного материализма 20-х годов, ярким и страстным борцом. Его социально-политическая программа характеризуется антикрепостнической, демократической направленностью. «Первый декабрист» останавливается на важнейших проблемах своего времени: рабстве крестьян, необходимости скорого преобразования в России, о путях преобразования, об основных движущих силах общественного развития, о патриотизме, о форме правления, о будущем обществе, о роли литературы. Эти проблемы не только поставлены, но и разрешены в его публицистике, в поэзии и в практической революционной деятельности.

Вопрос об отношении к крепостному праву, как известно, является основным при определении общественных взглядов и позиции общественного деятеля, писателя крепостной эпохи. В 1821—22 гг. эта проблема привлекает пристальное внимание Раевского. В эти годы им было написано «Рассуждение о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России», а также художественные произведения «Смеюсь и плачу», «Безумцы, оградясь обрядами», «Повесть о Р...» и др.

«Рассуждение о рабстве» написано как ответ Ф. В. Растопчину, доказывающему необходимость и полезность рабства в России. Сочинение Растопчина ходило в списках, один из которых попал в руки декабристу, что и явилось поводом для написания выдающегося публицистического произведения. «Рассуждение о рабстве крестьян», направленное против крепостнических идей Растопчина, было не только активным ответом на выступление одного из реакционеров, но и давало развернутые высказывания по крестьянскому вопросу[97]. В нём изложены общественно-политические взгляды Раевского, выражено отношение к крепостничеству и самодержавию, а также дано обоснование необходимости революционного преобразования России. В этой работе Раевский обобщает свои богатые наблюдения над жизнью крепостного крестьянства, высказывает свои заветные мысли, передаёт своё настроение. Мужественно обрушивается он на владельцев-тиранов, которые торгуют, меняют, продают, дарят и тиранят подобных себе людей. С гневом и ненавистью говорит публицист о русском помещике, который «вспоен слезами и кровавым потом своих подданных». Яркими красками рисует он развращенность и неве-

жество русского дворянства, которое «погрязло в роскоши, разврате и бездействии». Сама атмосфера, какой «дышат эти изверги и тираны, составлена из вздохов несчастных поселян». Это строки радищевской силы, страсти и выразительности. Их связь с «Путешествием из Петербурга» неоспорима. Поэт-декабрист оказался достойным учеником и последователем великого русского просветителя-революционера А. Радищева.

В своем рассуждении В. Раевский даёт всестороннее обоснование необходимости уничтожения рабства в России. Он обращается к истории, философии, политической экономии, к морали и политике.

Русский народ был свободным народом. Мало этого. Он рожден быть свободным народом. Само величие народа русского — свидетельство против его рабского положения. Возникновение рабства декабрист видит в смутных обстоятельствах давнего времени: в нашествии татар, которые положили начало рабству. Позднее этим воспользовались деспоты и тираны, которые под видом необходимости порядка, пользуясь недостатком прав народа, сделали свободных русских поселян рабами «на время». Он говорит об указах Алексея Михайловича и Екатерины II. «И время это длится уже столетие», — с горечью замечает автор. Итак, рабство крестьян коренится в общественных условиях. Это положение было высказано еще Радищевым.

Раевский поднимается до понимания классовой сущности рабства. Давая характеристику господствующему классу, дворянству, он не жалеет красок для того, чтобы изобразить этот «невежествующий и развращеннейший класс» в России. О крестьянах он говорит с участием, состраданием. В «Статистическом дополнении о России» о них сказано, что «это самый несчастный и беднейший класс в целой империи»[96]. В «Рассуждении о рабстве» эти слова находят глубокое и всестороннее раскрытие. Обращаясь к естественному праву, автор рассуждения использует его для антикрепостнических выводов. Он говорит о русском народе, рожденном быть свободным, а рабство делает человека подобным бессловесным животным. Только свобода делает его человеком и развивает человеческие способности.

Рабство разлагающе действует и на господствующий класс, который употребляет свою власть и правосудие в защиту своих классовых интересов. Оно разлагает также и крестьянство, приводя его в отчаяние, развращая его нравствен-

но, истощая физически. Совершенно понятно, что человек должен быть свободным. Таково понимание Раевским «естественного права». Подобное понимание было свойственно и другим декабристам. Так, например, Завалишин показывал, что в «Ордене Восстановления», куда его приняли, «намерения и самая цель ордена были единодушное со всеми странами действие к восстановлению нового порядка, наиболее согласного с естественным правом людей, под словами же польза законных властей, выставленными для обмана правительства, разумелись власть народов и естественное их право»[99].

Раевский обращается к политической экономии, доказывая, что промышленное развитие тормозится применением рабского, крепостного труда. Развитие внутреннего промысла и коммерции приходит в упадок опять-таки благодаря крепостному труду. Развивая свою мысль дальше, автор указывает, что уничтожение рабства требуют интересы нации, её благоденствие, которое не может заключаться только в благоденствии нескольких сотен людей. «Воинственный, коммерческий и предприимчивый народ, каким является русский народ, требует большой деятельности». Ему необходимы свободные права. Таково многостороннее обоснование необходимости уничтожения рабства в России.

Что же положено в основу этой работы, какими источниками пользовался Раевский, создавая «Рассуждение о рабстве крестьян»? Автор сам отвечает на этот вопрос. «Руководимый собственным опытом и вниманием на состояние господских крестьян», — пишет он. «Первый декабрист» идет от жизни крепостного крестьянства, которую он глубоко знал, изучил. В своих показаниях он приводит богатый фактический материал для раскрытия слов «Рассуждения»: «кто дал человеку право называть человека моим и собственным». Он наблюдал торговлю людьми в Курской губернии, в Тирасполе, в Харьковской губернии. Видел восстания крестьян в Полтавской губернии, для подавления которого были вызваны войска, артиллерия. В Курской губернии видел крестьян, работающих в железах; знал о расправах с крепостниками.

В то же время автор использовал и литературные источники. В первую очередь это «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Оно не называется автором «Рассуждения», но его влияние бесспорно. Другие источники названы самим Раевским. Это «Политическая география» Зябловского, «Естественное и гражданское право» профессора Цветаева,

«Право естественное» Куницына, «Римское право» Шлецера. Ссылается он также на статьи в «Духе журналов». Кроме этого, декабристом названы и другие источники: «Нравственная философия» Аристотеля, «Нравственная философия» Фергюсона, «О существе законов» Монтескье, «Общественный договор» Руссо, произведения Вольтера, сочинения экономиста Симонда де Сисмонди и др. «Рассуждение о рабстве» — обобщение огромного социального опыта.

«Рассуждение» не экономический трактат о невыгодности крепостного труда. Нет! Оно написано кровью сердца человека, глубоко переживающего судьбу народа. Это размышление патриота о судьбах России. Сам Раевский указывает на то, что он выступает против «бесчувственных эгоистов и тиранов народных». На этот путь его толкает «патриотизм, сей светильник жизни гражданской». «Могу ли видеть порабощение народа, моих сограждан, печальные ризы сынов отчизны... и не сострадать им», — восклицает патриот-декабрист. Здесь указана побудительная сила, заставившая Раевского заняться изучением жизни крестьянства и определившая его общественную деятельность, деятельность патриота-революционера — это желание блага народу и Родине. Совершенно ясна антикрепостническая, демократическая и революционная направленность «Рассуждения о рабстве».

Вопрос о крепостном состоянии крестьян был основным пунктом программы декабристского движения, которого придерживались все декабристы. Борьба против рабства крестьян проходит через всю историю Тайного общества декабристов, что нашло своё выражение в работах Пестеля, сочинениях Тургенева, в конституции Муравьева, в песнях Рылеева и Бестужева.

Но в декабристской литературе, посвященной этому вопросу, можно назвать только одно произведение, в котором с такой страстной силой и пропагандистской направленностью рассматривается этот вопрос, — это «Рассуждение о рабстве и необходимости скорого преобразования в России» Раевского. Это произведение писалось в период черновой работы Пестеля над «Русской Правдой». Известно, что Пестель привлекал товарищей по Тайному обществу для обсуждения и составления проекта. В работе над «Русской правдой» принимали участие Н. И. Тургенев, А. П. Юшневский, Н. А. Крюков и др. Среди этих лиц имя Раевского не упоминается. Нет также прямого указания Пестеля и его товарищей по составлению

этого документа об участии «первого декабриста» в обсуждении проекта «Конституции». Но в деле Раевского есть одно свидетельство, которое, как нам кажется, даёт возможность сделать предположение о том, что он не оставался безразличным к этому делу, а, быть может, принимал и некоторое участие в нём. В бумагах Пестеля сохранился план проведения аграрной реформы. Пестель предполагал провести частичную конфискацию земли у помещиков и передать её крестьянам. Каждый член общества получал в бесплатное пользование участок земли для прокормления семьи. «Этим, по мысли Пестеля, будет обеспечено получение необходимых для жизни средств, устранено разорение крестьянства и ликвидирована зависимость его от богачей. Для оказания помощи крестьянам в каждой волости предполагалось организовать банк»[100]. Таким образом, вопрос о вспомогательных банках в проекте Пестеля является составной частью аграрного вопроса. В бумагах Раевского был обнаружен Сабанеевым набросок о вспомогательном банке. Раевский показывал в 1827 году, что у него были отобраны при аресте три небольших листа из личного альбома. На первом листе были названы главнейшие члены Союза благоденствия, на другом — означены год и месяц вступления Раевского в Тайное общество, а на третьем — находилась заметка о вспомогательных банках. Сабанеев, вызвав к себе декабриста, спросил, что за список между бумагами и какое сношение имел Раевский с Юшневским. «Затем, — показывает декабрист, — корпусный командир, держа в руках эти листки, спросил: «О каких вспомогательных банках у вас тут отмечено?» — Я ответил, что читал о заведении в Пруссии вспомогательных банков для тех помещиков, кои устраивают какие-либо заведения. Сим кончилось. Корпусный командир приказал опять идти в темницу»[101]. Этих трех листов при деле нет.

Вопрос о вспомогательных банках, конечно, не случайно заинтересовал Раевского. Этот интерес находится в прямой связи с аграрной проблемой, разрабатываемой Пестелем. Нахождение заметки в альбоме, где находился список членов Тайного общества и была указана дата принятия в Союз благоденствия владельца альбома, также показывает, что это была не выписка из статьи, а какой-то самостоятельный набросок, имевший прямое отношение к жизни Общества. Это могло быть обсуждение вопроса о роли вспомогательных банков в наброске Пестеля.

Мы полагаем, что «Рассуждение о рабстве крестьян» В. Ф. Раевского связано с «Русской Правдой», которая оформилась, как известно, в 1824—25 гг. Эта общность видна в третьей главе «О сословиях, в России обретающихся»: § 4 «Все должны быть перед законом равны», § 6 «Дворянство», § 11 «Дворянские крестьяне», § 12 «Дворовые люди»[102].

Но Раевский ставил перед собою иную задачу, чем Пестель. Его произведение, как это видно из самого текста, было рассчитано на широкого читателя. Автор обращается к патриотическому чувству сограждан. После ареста Раевского было установлено, что «Рассуждение о рабстве» списывал крепостной человек декабриста Сурченков, а также Липранди. Сам декабрист допускал, что Охотников мог дать «Рассуждение» и «ста человекам списывать»[103]. «Рассуждение о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России», разоблачающее «тиранов народных» и призывающее к «внезапному удару», является одним из самых ярких произведений пропагандистской литературы Южного общества декабристов. Это программное произведение Кишиневской организации декабристов.

Таким же программным произведением было и «Рассуждение о солдате». По замыслу и по идейному содержанию оно связано с «Рассуждением о рабстве». Оба произведения находились в центре внимания следственных комиссий, а выдержки из них фигурировали как свидетельство свободомыслия декабриста. Для Раевского солдаты — отдельная часть народа. «Другие законы, другие обязанности и совершенно другой образ мыслей отделяют его от гражданина»[104], — говорит он. Но, обратившись к характеристике жизни солдат, автор приходит к таким же выводам, к каким он пришел в «Рассуждении о рабстве», где шла речь о крестьянстве, о гражданах. Оказывается, что и эта часть народа, на которую возложено охранение общественной безопасности, которая самоотверженно сносит на протяжении 25 лет «труды, мучения и смерть с безмолвным повиновением», так же бесправна, как бесправны рабы-крестьяне. «Русский крестьянин, одевший мундир», — так называет декабрист солдата, — испытывает то же, что крестьянин-раб. «Участь благородного русского солдата всегда почти вверена жалким офицерам, из которых большая часть едва читать умеет, с испорченной нравственностью, без правил и ума». К такому безрадостному заключению приходит автор «Рассуждения о солдате».

В письмах к Охотникову, в своих рапортах о причинах побегов, в «Протесте», «Дополнении к «Протесту», в «Оправдании» и ответах на вопросные пункты по ним Раевский приводит огромное количество фактов о бесправном положении солдата. С негодованием говорит он о господстве «кровопийц и тиранов» в армии, о засилии «рыцарей носка». С неизменным сочувствием и восхищением — о солдате.

Важно отметить, что «Рассуждение о солдате», как и «Рассуждение о рабстве», распространялось декабристом. Так, еще Полевой аудиториат, характеризуя тетради, отобранные у юнкеров и солдат, отметил, что в двух тетрадках № 23 и 24, на странице 9-й, имелся «предосудительный отрывок» следующего содержания: «все сии здесь упомянутые обстоятельства вообще подали повод ко учреждению особенного состояния людей, которые бы при известном нужном содержании, частью и награждениями будучи ободряемы, всегда вооружены были и Отечество защищали, и таковое людей военных...»[105]. На этом отрывок заканчивается. Позднее комиссия военного суда при Литовском корпусе отметила: «к чему клонился сей отрывок и отколь оной выписан майор Раевский не был спрашиван»[106]. Приведенный отрывок имеет непосредственное отношение к «Рассуждению о солдате». Он взят из не дошедшей до нас его части. Раевский продиктовал его юнкерам на одном из своих уроков, посвященных истории возникновения «военного класса» в России. Следовательно, это произведение предназначалось для распространения и даже распространялось самим автором. Совершенно прав первый исследователь «Рассуждения о солдате», утверждавший, что это «интереснейший памятник политической мысли единственного пропагандиста-массовика в рядах Союза благоденствия и Южного общества»[107].

Красноречивыми фактами из жизни крестьян и солдат, — тех же крестьян, но одевших мундир, Раевский доказывал своим «Рассуждением о солдате», что «железные кровавые когти Аракчеева сделались уже чувствительны повсюду».

Аракчеевщина действительно торжествовала в стране, но Россия становилась уже иной: зрела революционная ситуация первой четверти XIX века. В 1819 году вспыхнули кровавые события на военных поселениях, два года, 1818—20 гг., не утихали волнения на Дону; происходили волнения на Украине, свидетелем которых был сам Раевский; в Петербурге взбунтовался Семеновский полк, солдаты которого попали в

Бессарабию; 5 декабря 1821 года разыгралась трагическая история в Камчатском полку, в Бессарабии, что было повторением семеновской истории.

Свободолюбивые произведения Пушкина широко распространялись по всей стране, оказывая на молодое поколение «живое и молодящее влияние». Среди солдат распространялись свои произведения, подобно «Жизни солдатской», вызывавшие тревогу среди офицеров. Нужно было осмыслить эти явления. «Рассуждение о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России» и «Рассуждение о солдате» порождены революционной ситуацией. Последнее произведение, откликаясь на события в Камчатском полку, имело целью обобщить известные факты в такой же системе, как это было сделано в «Рассуждении о рабстве». Полнее это раскроется в «Протесте» (1823) и особенно в «Оправдании» (1826). Надо было показать значение народа, трудом которого живет погрязшее в роскоши дворянство, народа, который «возвел Россию на степень гигантской славы». Осмысляя эти факты, Раевский приходит к знаменательному выводу: «Миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры». Миллионы это, конечно, не дворянство и не духовенство, это не чиновники и купцы, а крестьянство и солдаты, это разночинцы, о которых говорил Раевский в одном из конспектов урока по географии. Для них, крестьян и солдат, для России необходимо скорое преобразование. Этого требовало благоденствие Отечества.

Каким же путем должно произойти скорое преобразование в России и что оно должно было принести? Раевский видит два пути: путь реформ сверху и путь революционного преобразования. Он разуверился в Александре I, обещавшем в 1818 году при открытии варшавского сейма дать русскому народу конституцию. Царь явно медлил. Для осмысления событий декабрист обращается к изучению исторических фактов русской истории, к истории других народов.

В одной из выписок, отобранных у Политковского, речь идет о революции вообще. В ней высказывается мысль о возможности переворота «в правительствах, основанных на полном произволе», т. е. в деспотических. В таких правительствах «устойчивость власти зависит от общественного мнения». Как бы провидя события 1825 года, в этой записке было добавлено, вероятно, Раевским: «Особенно надо бояться, чтобы глупость и сумасбродство двора не вызвали революцию в такой

стране, как Россия, где наследование короны было таким беспорядочным и в которой такие перевороты были так часто»[108]. Это было сказано в 1819 году.

Но история «дворцовых революций» не могла ответить на интересующий вопрос о путях преобразования, и Раевский обращается к новому труду. Он задумывает историко-философский труд о преобразовании сверху, о Петре I и Селиме III, о русских петровских преобразованиях и о турецкой «революции» начала XIX века. «Первый декабрист» пытается осмыслить эти события применительно к конкретной ситуации своего времени. В связи с этим он характеризует некогда могущественную страну, в которой реакция подавила прогрессивные попытки Селима III уничтожить пережитки феодализма. Поэтому «константинопольская революция», как ее называет декабрист, ничего не изменила в истории Турции, и эта страна, «оставшаяся в варварстве..., со времени сих несчастных предприятий непрестанно идёт к своей гибели»[109]. Совершенно иная картина в России, благодаря преобразованиям Петра I. Поскольку в первом случае идет речь о «константинопольской революции», то надо понимать, что деятельность Петра I рассматривалась как «русская революция». Такой она была и для Пушкина. Для чего потребовалось сравнение деятельности Селима III и Петра I? Для того, чтобы, основываясь на исторических фактах, подтвердить необходимость революционного преобразования в России. Надо было показать, к чему привела победа реакционных сил в Турции, задушивших прогрессивные начинания Селима III. Нужно было подчеркнуть, что победа реакции привела к тому, что «Турция непрестанно идёт к своей гибели».

Подобная же ситуация была в России. Александр I стал на путь реформ с момента воцарения. Но проекты государственных реформ Сперанского, введение конституционной монархии, реформы во внутренней политике после Тильзита, проект освобождения крестьян, заказанный Аракчееву, и т. п. провалились один за другим. Реакция торжествовала, слушая, как «царь-отец рассказывает сказки». Александр медлил. Путь решительного преобразования в духе Петра I явно был не по плечу «плешивому щеголю». Но победа реакции означала бы, что Россия стала на путь своей гибели. Оставался только один путь — путь революционного преобразования. К такому выводу Раевский пришел в результате философского осмысления исторических событий, связанных с дея-

тельностью Петра I и Селима III, в результате анализа современного состояния России и Турции, учитывая революционную ситуацию, при которой «миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры». Отвергнув путь реформ, указав на то, что Александр I медлит, потому что «дворянство русское с ужасом смотрит на скорую необходимость потерять тираническое владычество над несчастными поселянами», т. е., связав политику царя с реакционным классом рабовладельцев, Раевский приходит к выводу, который дан в его призыве: «Граждане! тут не слабые меры нужны, но решительность и внезапный удар». Декабрист не произносит слова «революция», но, что он приходит к пониманию её необходимости, в этом нет сомнения.

Эту мысль он вынашивал давно. Ещё в философских элегиях он утверждал эту идею, идею революционного преобразования. В «Эллегии 1-й» поэт яростно обрушивается на тирана и предсказывает его гибель и торжество правды и свободы, а «Элегия 2-я» — поэтическое воплощение идеи революционного преобразования общества. В работе о Петре I он, как сказано выше, исторически осмысливает необходимость преобразования. Здесь шла речь о «революции сверху». На этом декабрист не останавливается. Он находит другие исторические аналогии, изучает иной исторический опыт преобразований. Развернувшаяся и обострившаяся классовая борьба в конце 10-х начале 20-х годов XIX века дала новые факты, ускорила решение этой важной проблемы о путях преобразования, об основной преобразующей силе. В «Рассуждении о рабстве» автор уже призывает к решительному и внезапному удару. Это произведение заканчивается именами тираноборца Брута и борца за вольность — Вашингтона, что раскрывает направленность его мысли.

Есть у поэта-декабриста еще одно знаменательное соотношение имён. В «Послании к Петру Григорьевичу Приклонскому», характеризуя безумцев, которые «врага ума в кругу своем венчают», поэт говорит дальше о них, безумцах: «Франклина мудрого с Кромвелем Лжедмитрию равняют»[110]. Раевский с явным сочувствием называет то имя, которое привело в ярость Екатерину II. Прочтя оду «Вольность» Радищева, она писала: «Ода совершенно явно и ясно бунтовская, где царям грозится плахою. Кромвелев пример приведен с похвалами. Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские». Кромвелев пример «с похвалами» приво-

дится и Раевским. Он противопоставляет его ставленнику панов Лжедмитрию. Ещё один образ стоял перед декабристом, когда он решал вопрос о путях преобразования в России. Это образ «яикского казака Пугачева».

Имя этого вождя крестьянской войны приводило в трепет представителей дворянства. Но это имя с чувством уважения произносит Раевский. По его словам, мысль о «внезапном ударе» возникла у него под влиянием крестьянских волнений в Полтавской губернии, когда правительство применило войска и артиллерию, а также под влиянием изучения жизни Пугачева. Раевский говорит об успехе «яикского казака», указывая на то, что этот успех был «основан... на бесчеловечном истреблении помещиков и присоединении к себе их крестьян». Своё указание на искру, которую ждут миллионы отчаявшихся русских поселян, он расшифровывает ссылкой на «гипотезу историческую», т. е. на возможность повторения крестьянской войны. Таким образом, перед Раевским вырисовывался еще один путь: путь крестьянской революции с беспощадным истреблением помещиков.

Мы не собираемся утверждать, что «первый декабрист» выступил идеологом крестьянской революции, продолжателем дела Пугачева. Речь идет о другом — о поисках путей преобразования, о том, что перед Раевским возник и такой путь преобразования. И здесь мы встречаемся с необычайным фактом, который, как нам кажется, проясняет его отношение к этой «гипотезе исторической». В 1826 году дело Раевского было передано в Следственный комитет. После ответов подсудимого на вопросы великий князь Михаил Павлович, член этого комитета, спросил у Раевского, где он учился. Узнав, что декабрист учился в Московском благородном пансионе, князь злорадно воскликнул: «Вот, что я говорил! Эти университеты! Эти пансионы!». Не дав закончить ему, «первый декабрист» бесстрашно отпарировал: «Ваше высочество, Пугачев не учился ни в пансионе, ни в университете...»[11]. Можно себе представить, какая реакция последовала за этим смелым, дерзким ответом. Михаил не забудет эти слова. Не забудет их и Николай I.

Ответ интересен не только тем, что характеризует гражданскую мужественность, стойкость декабриста, но еще и тем, что характеризует политические взгляды декабриста. В сопоставлении революционной деятельности декабриста и деятельности Пугачева, сделанном Раевским, можно видеть ука-

зание на одни и те же социальные причины, побудившие выступить и воспитанника благородного пансиона и «яикского казака». Это не значит, что Раевский ставил знак равенства между тем и другим. «Для правительства всегда Пугачев опаснее Пестеля и Рылеева»[112], —сказал он. Это было сказано, правда, на склоне жизни, но, повидимому, и в разгар своей революционной деятельности Раевский понимал, что есть мужицкая революция, беспощадная и кровавая, есть также дворянская революция. Не будем насиловать факты и рядить «первого декабриста» в «мужицкого демократа».

Раевский был дворянским революционером, но таким, который уже начал сознавать ограниченность дворянской революционности, который не только теоретически, но и практически рвал со своим классом, ориентировался на народную массу в бо́льшей мере, чем кто бы то ни было из дворянских революционеров. Естественно отсюда и раздумье о путях мужицкой революции, естественна и ссылка на Пугачева. Демократические тенденции, свойственные Раевскому, ставят его в исключительное положение среди дворянских революционеров.

Итак, «первый декабрист» стоял за революционное преобразование России. Он «восхищался итальянскими происшествиями и изъявлял желание такие же новости завести и в России»[113]. Это из показания одного из врагов декабриста. А вот выдержка из письма Раевского к Охотникову: «Неаполитанские происшествия меня взбесили. Полагаю пиемонтцы менее будут **итальянцами»**[114]. Но он же восхищался событиями в Семеновском полку и событиями на военных поселениях, в Вознесенске, куда приглашал своих солдат. Эти примеры являются иллюстрацией к сказанному.

На какие же силы рассчитывал декабрист, говоря о революционных преобразованиях в России? Кто должен был уничтожить деспотическое правление? В «Рассуждении о рабстве» он ссылается на миллионы русских поселян, которые скрывают свое отчаяние до первой искры. Он убежден в том, что достаточно «первой искры» и «Россия вспыхнет, как солома вспыхнет!»[115]. Здесь же он обращается к гражданам, убеждая их в том, что «нужны не слабые меры, но решительность и внезапный удар». Под гражданами Раевский понимает «класс людей вольных». Гражданином он называет Минина, Пожарского. Можно понимать так, что к борьбе с самовластием декабрист призывает патриотов оте-

чества, которые выступят, подобно Минину, во главе народа, а также подобно Бруту и Вашингтону. Оправдывая обращение к этим «славным именам», Раевский писал, что «это порыв живого воображения, которое являло ему сии два лица, известные в истории любовью к человечеству, правосудию и Отечеству». Имя Вашингтона и Брута, которыми клянется декабрист в «Рассуждении о рабстве», обещая быть бесстрашным патриотом, имя «друга, благодетеля народного», как называл его же декабрист Каховский, помогает расшифровать это место. Его нужно понимать так, как об этом сказано в оде Радищева «Вольность»:

> О, воин непоколебимый,
> Ты есть и был непобедимый,
> Твой вождь — свобода, Вашингтон[116].

Обращение Раевского к высокому имени американского борца за национальную независимость страны означало клятву патриота бороться за свободу своей страны, за благоденствие народа.

В «Рассуждении о рабстве» только поставлена проблема народа как решающей силы. Большое внимание уделяется деятельности патриота. Но тема народа — решающей силы, тема народной революции всё же поставлена. Она будет решена всего только через год-два в «Послании к друзьям» и в «Певце в темнице». Пока же он делал ставку на солдата, на военную революцию. Неоконченное «Рассуждение о солдате», а самое главное — его революционная пропагандистская деятельность со всей очевидностью подтверждают, что именно в солдатской массе он видел основную силу, которая должна была привести к революционному преобразованию.

Здесь сказалась дворянская ограниченность, свойственная всем декабристам. Они боялись народного движения и хотели использовать для революционного переворота армию. Но при этом нужно указать на коренное отличие в подходе Раевского к солдатам по сравнению с многими декабристами. Они в солдатах видели только преданные им военные части. Раевский же в солдате видел, в первую очередь, человека, крестьянина, одевшего мундир, защитника Отечества. Солдатская масса для него была частью народа. Поэтому-то Раевский и опирается на нее. В «Рассуждении о солдате» мы находим продолжение суворовских традиций и одновременно выражение взглядов декабриста на солдата, как на одну из основных сил, способную решить вопрос о революционной пе-

рестройке. Ему хотелось бы в этом деле видеть то единение, которое было свойственно русским людям при Минине, Суворове, Кутузове, ибо и в этом случае также решался вопрос о благоденствии нации, Отечества, о благоденствии народа.

Для Раевского солдат был также гражданином. В деле есть только два показания о том, что Раевский предполагал вовлечь солдат в Тайный союз и выдать им железные кольца. Учитывая его отношение к солдатам, его деятельность, мне кажется, что эти показания имеют силу неоспоримого факта. Если солдаты и не были приняты в Тайное общество, то мысль об этом возникла и к ее осуществлению шел Раевский.

Вопрос о привлечении солдат в Тайное общество занимал и других декабристов. Так, Поджио показывал на Следственном комитете о том, что слышал «будто Сергей Муравьев-Апостол принял в общество даже и солдат, что таковых членов он считал до 800 человек, наиболее в Черниговском и Алексапольском полках»[117]. С. Муравьев-Апостол рассчитывал также на семеновцев, находящихся в 8 и 9 дивизиях, от которых и «получил будто бы обещание ему во всем содействовать»[118].

Самым убедительным свидетельством глубоко приязненного отношения «первого декабриста» к солдату был его жизненный девиз. «Терпение есть девиз солдата русского», — писал Раевский Охотникову 23 ноября 1820 года. — Терпение и скромность должны быть девизом нашим». В этих словах — и восхищение и преклонение дворянина-революционера перед благородным русским солдатом. Такое понимание роли и значения солдат в какой-то мере свойственно «Протесту» (1823) и «Оправданию» (1826). Полностью оно раскрывается в практической деятельности декабриста среди солдат.

Итак, «Рассуждение о рабстве крестьян» и «Рассуждение о солдате» являются работами об основных силах «в будущих происшествиях», в будущей революции, которая должна была привести к уничтожению крепостничества и деспотического строя, ибо этого требовало «благоденствие отечества», интересы народа.

Важное значение в политической программе декабристов имело выдвинутое ими требование республики. В. И. Ленин отмечал, что от декабристов идёт русская республиканская традиция. Они обосновывали необходимость уничтожения деспотического правления и установления республики. Республи-

канские идеи декабристов формировались в процессе дискуссий. Исключительное значение для решения вопроса о формах будущего правления имело Петербургское совещание в начале 1820 года, на котором Пестель выступил с докладом «О преимуществах и недостатках монархического и республиканского правления». На этом совещании Коренной Думы Союза благоденствия, после долгих споров и поименного голосования, было единогласно принято республиканское правление. «Сие заключение Коренной Думы, — показывал Пестель, — было сообщено всем частным думам, а в том числе и Тульчинской. С сего времени республиканские мысли начали брать верх над монархическими»[119].

Владимир Раевский не остался да и не мог остаться безучастным к этой животрепещущей проблеме. Решив вопрос о необходимости скорого преобразования в России, он должен был ответить, к чему это приведёт. Он разрешает эту проблему в наброске «О существе законов» Монтескье», в своем курсе географии («О постановлениях»). Об этом же он говорит в плане-наброске «Замечания о политике», сделанном уже в крепости (1823).

«О существе законов» является конспективным наброском по материалам книги Монтескье, имеющим целью дать обоснование республиканскому правлению. Ему противопоставлено деспотическое, осуждаемое автором. «Первый декабрист» не разделяет положений, выдвинутых «Духом законов» Монтескье, о том, что монархия, смягчённая просвещением, является основной формой государственного устройства народов, а аристократия играет исключительную роль в государственной жизни. «Робкий конституционист» Монтескье (Энгельс) с его весьма умеренным либерализмом не мог удовлетворить демократа Раевского, отстаивающего республиканскую форму правления, требующего насильственного свержения тиранического господства. В «Рассуждении о рабстве крестьян» им дана такая характеристика господствующему классу, аристократии, которая ничего общего не имеет с характеристикой аристократии, данной Монтескье. А это означает, что Раевский отвергает социологию Монтескье. И это естественно: она не вооружала освободительное движение. «Неподражаемый Монтескье», — так называл его Раевский в 1816 году, — подвергается в 1821—22 гг. решительному пересмотру, ибо декабриста интересует происхождение **«права народного»** (подчеркнуто Раевским), что связано с

практическими задачами русского революционного движения 20-х годов, активным участником которого был автор конспекта. Вопрос о форме правления не книжный, отвлечённый вопрос, а жизненноважный. И в этом случае Раевский идет от жизни.

Набросок «О существе законов» связан с «Рассуждением о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России». Связан он также с практической деятельностью Раевского в ланкастерских школах. И в том и в другом случае он осуждал деспотическое правление, отмечал необходимость преобразования, указывал на необходимость введения республиканского правления. Не случайно поэтому «Рассуждение о рабстве», «Рассуждение о солдате», «О существе законов» Монтескье», «О постановлениях» из курса географии, а также его деятельность среди солдат и юнкеров, находились в центре внимания следственных властей и Николая I.

Определение республиканского правления дано в рабочей тетради декабриста «О постановлениях». Автор дает такое определение конституции: «Постановление, имеющее целью безопасность и покой каждого лица в государстве и всех вообще, называется государственным постановлением или Конституцией»[120]. Указав на то, что верховной властью называется «совокупность всех общественных прав государства», Раевский называет два главных правления, в зависимости от того, кому вручается державная власть, — республиканское и монархическое. Монархическое правление делится на ограниченное, неограниченное и деспотическое. Декабрист резко разоблачает последний вид правления. «Монархическое деспотическое, или тираническое есть то, где владетель управляет по собственной воле и прихоти народом»[121]. Юнкера учили наизусть: «Правление конституционное — лучше всех правлений, а особливо нашего монархического, которое хотя и называется монархическим, но управляется Деспотизмом»[122]. К этим словам Раевский добавлял: «Теперь вы сидите, а после посадят в кибитку и повезут (в Сибирь)».

Признание русского правления тираническим означало признание необходимости республиканского правления. Так декабрист объяснил майору Загорскому: «Правительство старается угнетать своими деспотическими действиями до тиранства, почему и нужна быть конституция, дабы все управлялось законами, клонящимися ко общему благу»[123]. Таким

образом, Раевский активно выступал против деспотического монархического правления, пропагандировал республиканское, которое довольно подробно им характеризуется. Республиканское правление, говорит декабрист, делится на аристократическое (вельможное), когда народ вручает власть нескольким почетным гражданам управлять собою по законам, и демократическое (народное), при котором «верховная власть зависит от самого народа»[124]. В малых республиках для решения важных дел собирается весь народ, а в больших — действуют через депутатов или представителей.

Нужно отметить, что вопрос о различных формах правления был довольно основательно разработан «первым декабристом». В этом вопросе он шел не за умеренной частью декабристов, взгляды которых выражал Н. М. Муравьев, написавший проект конституции в монархическом духе, а за Пестелем, который, по его же словам, «ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении»[125]. Раевский с такой же непримиримостью и с таким же восторгом и восхищением говорил о конституции, защищал ее, как и Пестель. В одном из своих определений «первый декабрист» конституционное правление называет лучшим, новейшим. «Конституционное правление, — говорил он, — есть то, что народ под властью короля, или без короля, управляется теми постановлениями, кои он сам назначил, и представители от народа охраняют святость своих законов. Это правление есть самое лучшее, новейшее»[126]. Такое определение, по словам одного из заклятых врагов декабриста, генерала Сабанеева, «не заимствовано, а вылилось из собственной головы Раевского». В данном случае он прав: это определение принадлежит «первому декабристу», что он и вынужден был признать.

К чему же должно было привести революционное преобразование в России и республиканская форма правления? В философской лирике дано определение того будущего, которое появится в результате «страшной грозы», когда «адские дела померкнут адской тьмою».

И в бездну упадет железной злобы трон!
И яростью стихий минутное нестройство.
Устройство вечное и радость возродит!
Врата отверзутся свободы и спокойства —
И добродетели и правды луч ясный возблестит![127].

В таких художественных образах раскрывается то будущее, к которому стремился поэт-революционер. Оно противопоставлено настоящему, исполненному чёрной, адской злобы. Будущее — иное: в нём «правды луч огнем ясным возгорит, врата отверзутся свободы и спокойства». В публицистическом антикрепостническом «Рассуждении о рабстве» эти художественные образы получают расшифровку. Это — благоденствие Отечества, благоденствие нации. Под благоденствием понимается уничтожение рабства и деспотического правления. И, наконец, в «Замечаниях о политике» (1823) окончательно устанавливается, что «цель политики есть благоденствие народное»[128].

Это утверждение Раевского тесно связано с положениями «Русской Правды» Пестеля. В параграфе «Основные понятия о государственном благоденствии и сопряженных с ним обязанностях» читаем: «Цель же государственного устройства должна быть — возможное благоденствие всех и каждого... благоденствием общественным признаваемо быть должно благоденствие совокупности народа» или массы народа»[129]. Общность мысли Раевского и Пестеля очевидна.

«Первый декабрист» не успел разработать более конкретного плана будущего общественного устройства республики, но по некоторым вопросам он все же высказался. Особое значение он придавал просвещению, равенству и законам. Приобщая солдат к просвещению, Раевский способствовал их политическому просвещению, политическому росту. Кроме «Сына отечества», который читался унтер-офицером Духом, декабрист давал солдатам книгу «О праве или должностях человека»[130]. Равенство понималось Раевским так. В физическом и нравственном мире не может быть равенства, — говорил он. — Но в общественном мире, перед законом — все равны по естественному праву. Эта проблема привлекала не только «первого декабриста». Вопрос о законе нашел своё место и в «Русской Правде», один из параграфов которой выразительно гласит: «§ 4. Все должны быть перед законом равны». В «Проекте Конституции» Н. М. Муравьева, в главе III «О состоянии, личных правах и обязанностях русских», сказано: «Все русские равны перед Законом». У Раевского же эта мысль выражена в поэтической форме: «Закон — гранит народных зданий». Его понимание закона выкристаллизовывается в борьбе с «черным трибуналом», в борьбе за жизнь, в борьбе против тирании, с учётом исторического опыта народа.

Все произведения тюремного периода в той или иной мере затрагивают эту проблему. В «Послании к друзьям», в «Протесте», в «Дополнении к «Протесту», «Оправдании» и в своих показаниях декабрист неоднократно возвращается к волнующей его проблеме. В ссылке он также раздумывает над этой жгучей проблемой («Послание К-ву», письма Вельтману, Батенькову). Можно сказать, что проблема закона прошла через всё его творчество, через всю жизнь. От личного опыта он переходит к широким социальным обобщениям. В период же разработки вопроса о конституции (1821—1822) эта проблема интересовала его теоретически, как часть общей программы будущего устройства республиканской России.

Таковы вопросы, поставленные Раевским в связи с борьбой за пропаганду республиканских идей, в связи с разработкой планов будущего общественного устройства. Как видим, у «первого декабриста» имелась система социально-политических взглядов, которая характеризуется антикрепостническими, демократическими, республиканскими тенденциями.

Разрабатывая эту систему, декабрист обращался к русской истории. В историческом прошлом русского народа он находил образы вольнолюбивых героев, примеры борьбы против тиранов, борьбы народа, сокрушавшего «царей кичливых рамена». В древнем «народоправстве» он видел зарождение республиканской традиции. В русской истории его привлекали исторические образы и факты, в которых проявлялось национальное самосознание русского народа, благородные вольнолюбивые качества его характера. Напряженный интерес В. Ф. Раевского к истории родного народа нашёл свое практическое выражение в созданном им курсе истории, который читался в ланкастерских школах.

В черновых бумагах декабриста сохранилась рукопись под названием «Российская история»[131]. Это текст одной из лекций Раевского. Последние заключительные слова «...поговорим, что сказал историк наш о законах русских» наводят на мысль о том, что эта рукопись является конспектом из истории Карамзина. При сравнении же текста рукописи В. Ф. Раевского с «Историей государства Российского» Н. М. Карамзина мною установлено не только различие, но и особый характер изложения и общая направленность, свойственная «первому декабристу».

«Российская история» начинается с характеристики сла-

вян, а затем автор останавливается на характеристике русских князей. Материал этой лекции настолько показателен и интересен, что мы приводим её содержание в выдержках, в соответствующей последовательности.

«Российская история»

«Происхождение славян теряется в неизвестности. Оружие возвестило их бытие в 6-м веке. Древним они известны были: 1) под общим названием скифов и гиперборейцов, 2) после — под названием славян и, наконец, россиянами или варяго-русскими от времён Рюрика. Они обладали от Дуная и Понта Евксинского до берегов Балтийского или Варяжского моря. Свободные, гордые и дикие, они не знали власти и законов, кроме меча». Потом славяне, «по советам гражданина Гостомысла, вызвали из Скандинавии князей Рюрика, Синеуса и Трувора и вручили им участь и свободу свою в 862 году».

Затем следует характеристика Олега, Игоря, Ольги. Об Игоре сказано, что он «царствует мирно». Подобно Олегу, Игорь «нападает на империю греческую, обращает в прах окрестности Босфора, но разбитый силою и устрашенный огнем греческим, возвращается, сбирает дружины и снова вносит войну и оружие в пределы Греции. Устрашенная Империя платит дань и заключает мир».

Вслед за Ольгой — мудрой женой Игоря — автор называет князя Святослава, которому посвящает восторженные строки. **«Святослав** — завоеватель, Александр Севера, бесстрашный и счастливый. Презирает роскошь и ищет славы. Объявляет войну болгарам Дунайским, поражает их и утверждает пребывание свое в Мизии. Печенеги вторгаются в Россию, осаждают Киев. Грозный Святослав возвращается и отражает печенегов. Скучает миром в Киеве. Ольга умирает и он остается на некоторое время в Киеве. Разделяет Россию на уделы сыновьям своим.Пагубный пример и впоследствии причина всех бедствий России. Отправляется в Мизию, поражает вновь болгаров. Входит в войну против Империи, присоединяя к русской дружине венгров, печенегов, болгар. Опустошает Фракию, но близ Адрионополя был разбит, при отступлении под Доростелем (Силистрием) в кровопролитной и упорной битве вновь поражен, но при бедствиях берет дары, и на берегах Дуная при личном свидании заключает выгодный мир с Иоанном Цимиским. Два героя расстаются

друзьями. С малою дружиною отправляется в Киев. Как упорный полководец, презирает совет воеводы Свенельда — обойти пороги днепровские, где ожидали его печенеги. Он отвергнул предложение.

972 — Вступил в страшный бой с печенегами и пал в бою. Со смертью Святослава пресеклось единодержавие».

Значительное место уделяется в рукописи характеристике Владимира, следующей за характеристикой Ярополка. **Владимир.** Возвращается с варяжским войском, убивает своего брата Ярополка. «Утвердя на злодеянии трон свой, Владимир утопает в сластолюбии, воздвигает кумиры. И так государь великий управляет народом». Любя роскошь, он любит войну и славу. Князь тиранствовал, но его «быстрый ум» видит ничтожность языческих богов-кумиров. Собрав войско, Владимир «двинулся к Херсонесу и там не как младенец, но как завоеватель, с мечами в руках, принимает веру христианскую». Перед смертью Владимир разделил Россию на уделы 12 своим сынам. «Вот причина междоусобий, которые расслабили Россию и надолго погрузили её в невежество и бессилие».

Особенно выразительна характеристика Святополка и Ярослава, как представителей двух различных политических тенденций.

«**1014—1016. Святополк.** Коварством и лестью склоняет народ и бояр и похищает право на великокняжеский престол. Злодей не доволен сделанным злодеянием. Хищник предательски убивает князей Бориса, Глеба и Святослава и присоединяет их к области своей. В то время новгородцы гордые, независимые и недовольные пребыванием норманов (или варяг), оскорблявших их, восстают, и трупы дерзких иноземцев покрывают улицы Новгорода. Ярослав коварным образом умерщвляет зачинщиков правого дела. Злодеяния Святополка заставили прибегнуть к великодушию новгородцев, народ охотно прощает своему князю и близ Любича разбивает хищника и тирана. Киев достался в удел Ярославу. Святополк бежал к Болеславу, храброму королю польскому, своему тестю. Болеслав вносит войну в Россию. Разбивает Ярослава и отдает престол Святополку. Ярослав, устрашенный могуществом Болеслава и злобою брата, хотел бежать к варягам. Благородные новгородцы спасают опять от беды и стыда устрашенного князя. Они жертвуют имуществом, деньгами, нанимают варягов, ополчаются поголовно и на бе-

регах Альты поражают Святополка, который в бегстве, терзаемый стыдом и совестью, погибает в степях Богемских — в пример тиранам! Кровопийцам!

Ярослав начинает царствовать. В благодарность новгородцам он возвращает им прежние права вольности и правление Демократии». Остановившись на Мстиславе, гордым своим воинским счастьем, на единоборстве с Редедею, автор указывает на то, что «благородный Мстислав предложил Ярославу великодушный мир».

Затем идет характеристика Ярослава Мудрого, «Ярослав царствовал как мудрый правитель. Любил науки, покровительствовал их». После смерти Мстислава, он «распространил пределы от Балтийского моря до Азии, Венгрии и Дании. Под стенами Киева разбил печенегов, воевал с литовцами, ятвагами и мазовшанами. Сын его, Владимир Новгородский, победил финляндцев. За оскорбление русских в Царьграде он восстал войною на греков. Тщетно византийцы просили мира. Гордый сын его, Владимир, требовал по три фунта золота за каждого воина. Но буря и греческий огонь усмирили буйных героев. Владимир потерял флот и с 6000 воинов отступил и при отступлении разбил греков... Никогда Россия до сего времени не была столь славна. Польша, Норвегия, Франция, Венгрия, Англия, Империя, Греция и Германия гордились дружбою и родством с обладателем народа русского. В это время Ярослав издал законы под названием **«Русской Правды»**. Наконец, удрученный летами, среди благоденствия народного, Ярослав — законодатель, разделя государство свое между сыновьями, спокойно сошел во гроб. Народ и воины рыдали. Они чувствовали невозвратимую потерю».

После этой блестящей характеристики автор дает заключение в таких словах: «Здесь мы видим воззвание Рюрика, Синеуса и Трувора и первое монархическое правление в России, победы Олега и Игоря над греками и императорами Востока! воинственный дух и превратное счастие героя Святослава, злодеяния Ярополка и гибель его; порочную жизнь Владимира-язычника, мудрость и воздержанность христианина и пагубный раздел на уделы; преступного братоубийцу Святополка; великодушие новгородцев, благородный поступок Изяслава Удалого, бедствия, славу, счастие и мудрость законодателя Ярослава. Теперь поговорим, что сказал историк наш о законах русских».

Таково, в основном, содержание первой лекции, или пер-

вой главы курса истории, читаемой Раевским. Ее антикарамзинская, декабристская направленность очевидна. Автор и в прошлом находит факты, характеризующие гибельность самовластия. Его внимание привлекает борьба благородных новгородцев с варягами и князьями. Вольность и демократия обусловили славу России и благоденствие народное при Ярославе. Декабрист клеймит словами презрения преступного Святополка, терзающего отечество и с восхищением говорит о патриотическом подвиге новгородцев, их великодушии и о законодателе Ярославе, создателе Русской Правды.

В бумагах и в деле Раевского сохранилась только первая лекция, но и она дает представление о курсе. Содержание же этого курса в общих чертах и в общем направлении можно установить на основании писем Раевского к Охотникову, тетрадей юнкеров и солдат, а также на основании следственных показаний декабриста.

В письме к Охотникову он писал 23 ноября 1820 года: «...взошел я на кафедру (перед 9 егерскою ротою) и во имя Демосфена, Цицерона и Красса загремел о подвигах предков наших, наших собственных подвигах и будущих наших подвигах, о Румянцеве при Кагуле, о Кутузове при Бородине, и полетел с Суворовым от Рымника по верхам Альпийским...» Таково содержание бесед Раевского с солдатами своей роты, которая позднее оказала упорное сопротивление во время следствия.

К этой выдержке из письма уместно привести перечень имен из тетради «О правописании», В ней названы: Владимир, Святослав, Александр, гражданин Минин, полководец Пожарский, законодатель и строитель Петербурга Петр, Суворов, Кутузов. Связь между лекциями по истории и занятиями по русскому языку видна. В лекции по истории рассказывалось об исторических деятелях (Владимире, Святославе, Суворове, Кутузове и др.), а на уроках русского языка эти же имена использовались в качестве примеров для закрепления правил.

Следовательно, приведенный выше перечень имен можно рассматривать как своеобразный тематический план курса истории, созданной и читаемой В. Ф. Раевским. Краткие характеристики — «гражданин Минин», «законодатель и строитель Петербурга Петр» — указывают направление, раскрытие темы. Отношение декабриста к Петру I раскрывается в наброске о Петре I и Селиме III. Направленность в характе-

ристике Ивана IV видна из показаний самого декабриста. Он признавал, что, «давая в тетрадях объяснение деспотического правления, называл таковым правление Ивана Васильевича». — «И, кажется, безошибочно», — писал декабрист.

Что касается Екатерины II, то её имя не встречается в «примерах имен существительных собственных». Но в «Рассуждении о рабстве» он «с великим неуважением упоминает» о ней. Он пишет: «Екатерина, послабя все пружины в махине государства, очевидную готовила нам гибель и посеянные ею семена зла и разврата, пустившие глубокий корень, не представляют ли ныне плоды самые ядотворные в царствование Александра»[132]. Это высказывание повторяется в «Заметках по русской истории XVIII века» А. С. Пушкина, написанных в 1822 году в Кишиневе. В «Заметках» говорится о том, что Екатерина II, зная плутни и грабеж многочисленных любовников, потворствовала им. Это привело к созданию огромных имений, к совершенному отсутствию «чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста всё крало и всё было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и своё государство»[133].

В. Ф. Раевский в «Рассуждении о рабстве» отмечает лицемерие Екатерины II в ее внутренней политике. Он пишет: «Екатерина уничтожила слово «рабство» на бумаге, почему же не уничтожила его сущности дела?». Несколько позднее, в «Ответных пунктах» по «Рассуждению о рабстве», он уточняет это высказывание путем исторического сравнения. Он говорит, что Алексей Михайлович повелел укрепить крестьян к тем землям, на которых их застал его указ, такой же указ был дан Екатериной II о малороссиянах. Принципиальной разницы между указом Алексея Михайловича, закрепощающим крестьян, и указом Екатерины II, закрепостившим вольных украинских хлебопашцев, декабрист не видит. Подобную же мысль о лицемерии Екатерины II во внутренней политике высказывает и Пушкин в «Заметках по русской истории XVIII века». Он пишет: «Екатерина уничтожила звание (справедливее — название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев), и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции».

Такое совпадение высказываний В. Ф. Раевского и А. С. Пушкина не случайное явление. Оно является плодом их творческих общений в Кишиневе в 1821—22 гг., представление о которых дают «Воспоминания» Липранди и «Вечер в

Кишиневе» Раевского. Пушкин мог знать также и «Рассуждение о рабстве», в котором «первый декабрист» высказал мнение о Екатерине II, нашедшее свое место и в «Заметках по русской истории XVIII века» А. С. Пушкина.

В ответ на требование объяснить, почему было вымарано в «Рассуждении о рабстве» только имя Екатерины, а не вся мысль о прошлом, Раевский ссылается на право истории говорить «о протекшем царствовании». Ссылаясь на историю Константинова, Раевский высказывается о «жестоком правлении императрицы Анны». Он указывает на то, что её слабость «к любимцу своему Бирону» привела к гибели 21000 одних только дворян, погибших на плахе или в Сибири, казненных или сосланных по подозрению за мнимое преступление, по ложным доносам[134]. Характеризуя в начале 60-х годов разгул реакции, декабрист обращается к исторической ситуации XVIII века. «Мне здесь иногда чудится, — писал он из Сибири Батенькову, — что мы живем в царствование Анны, под владычеством Бирона».

Таким образом, имя «кровавого злодея Бирона», как его назовет в «Заметках по русской истории XVIII века» Пушкин, было для декабриста не только символом ничтожества и кровавых злодеяний, но и символом реакции. Сближая имена Анны и Екатерины II, Раевский тем самым полнее раскрывает свое отношение к развратной Екатерине II.

И Анна и Екатерина II осуждались декабристом еще и за то, что в их правление «сеялись семена зла и разврата», которые «первый декабрист» в одном из своих показаний объяснял как «вплыв и влияние иностранных обычаев на нравы России», т. е. космополитизм «обезьян пустоголовых». Разоблачая «шутов и обезьян», поэт так определяет политический вред космополитизма:

Из всех гражданских зол, всего опасней, злей,
Для духа нации есть чуждым подражанье.

Всё это определило тот факт, что имена жестокой Анны, кровавого Бирона, развратной Екатерины II не могли стоять в числе тех имен, «о коих прогремела история из рода в род..., кои должны быть начертаны в памяти всех людей просвещенных». Эти слова декабриста раскрывают цель, которую он преследовал, создавая курс истории.

Подобная же мысль была высказана и Рылеевым в его предисловии к «Думам» (1821—1823) в таких словах: «на-

поминать юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот верный способ для привития народу сильной привязанности к Родине»[135]. И Рылеев и Раевский стремились «возбуждать доблести сограждан подвигами предков». С этой целью был создан курс Русской истории, с этой же целью был создан цикл «Дум» на темы из русской истории.

Интерес В. Ф. Раевского к отечественной истории не ограничивается созданием курса истории для ланкастерской школы. Выше было названо «Предисловие» к не дошедшей до нас работе о Петре I.

Вопросы истории были предметом многочисленных бурных литературных дискуссий, на которых присутствовал и принимал деятельное участие А. С. Пушкин.

В. Ф. Раевский об этом пишет в своем литературном наброске «Вечер в Кишиневе». Он так передает свое выступление по вопросам русской истории на одной из таких дискуссий: «Земля, на которой мы рыцарствуем теперь, некогда была театром войны и великих дел. Здесь процветали Никония, Офеус или Тира, Германиктис, отсюда Дарий Истапс, разбитый скифами в 513 году, бежал через Дунай, здесь предки наши, славяне, оружием возвестили бытие свое»[136].

Интерес к Бессарабии у Раевского проявляется довольно стойко. В его бумагах есть историческая записка под названием «О Бессарабии, из «Истории Российского государства»[137]. В этой записке, характеризующей Бессарабию как часть южной России, рассказывается о прошлом этого края, где «процветали некогда колонии греческие», о крае, который «был театром браней между аварами, готами и другими грозными племенами варваров, от которых пал Рим».

В этой исторической записке идет речь о славянах, заявивших мечом о своём существовании, о болгарах и греках, о храбром Святославе и его походах на греков, о Владимире. Записка заканчивается сообщением о войне 1043 года: «Сия война предков наших с Грециею была последняя».

Вслед за этой запиской в черновых бумагах декабриста сохранился какой-то план лекции, беседы или статьи, который выглядит так: «Поход Олегов; Могущество болгар — неразрывное с славянами; Печенегов. По Дунаю Святослав»[138]. Речь идет, как видно, о победоносных походах Олега и Святослава против гордых императоров Византии и о

связи русских славян с болгарами, о возможном союзе с ними, т. е. о славянском единстве, как источнике могущества против императоров Востока.

Сохранился также набросок В. Ф. Раевского о современном ему состоянии Бессарабии. В этом наброске идет речь о «беглецах русских», которые, не желая «томиться под железным скипетром самовластия..., оставляют свои жилища и переходят через Дунай». Характеристика природных жителей молдаван, а также цыган, дается в сравнении с положением народа русского. «Природные жители молдаване, — читаем в наброске о Бессарабии, — все без изъятия свободны и пользуются теми же правами, какими пользовались некогда поселяне русские, но цыгане здесь составляют класс рабов, на том основании, на каком находятся ныне наши господские крестьяне. С тем различием, что цыгане продаются гораздо дешевле, так что целое семейство можно купить от 100—200 левов и менее». Дальше идет речь о злоупотреблениях откупщиков и притеснениях «со стороны невежествующих бояр». Этим заканчивается набросок[139].

Заметки В. Ф. Раевского о современном ему состоянии Бессарабии по замыслу связаны с исторической запиской «О Бессарабии, из «Истории Российского государства». Повидимому, это части задуманного им труда о Бессарабии, в котором ощущается влияние идей, выраженных в «Рассуждении о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России».

Этот небольшой обзор исторических материалов из бумаг Раевского дает представление об общем круге его исторических интересов. В своих спорах с А. С. Пушкиным В. Ф. Раевский, по словам Липранди, «утверждал, что в русской поэзии не должно приводить имена ни из мифологии, ни исторических лиц древней Греции и Рима, — что у нас и то и другое есть свое». Этого придерживался декабрист не только в своей поэтической, но и в публицистической деятельности. Слова из «Рассуждения о рабстве...» — «Предки наши, свободные предки с ужасом взглянули бы на презрительное состояние своих потомков. Они в трепетном изумлении не дерзали бы верить, что русские сделались рабами», — звучали убедительно. Они подтверждались историей русского народа. История была средством воспитания гражданских чувств, средством пропаганды политических идей декабризма.

В системе социально-политических взглядов «первого де-

кабриста» его исторические высказывания занимают большое место.

Кроме названных выше работ, в черновых бумагах «первого декабриста» имеется черновой набросок «Статистическое дополнение о России»[140], имеющий отношение к основной проблеме, его интересующей, — к проблеме преобразования России. Эта рукопись имела еще такое название: «Внутреннее политическое разделение России». Оно было вычеркнуто, а оставлено только первое.

«Статистическое дополнение о России» имеет 4 главы. 1-я глава — Состав России, разделение России на губернии. Во 2-й главе говорится о том, что в России от Рюрика — великого князя — до Ивана Васильевича были великие князья. От Ивана Васильевича до Петра Великого — назывались царями, а «от императора Петра по сие время — императорами».

Третья глава посвящена характеристике различных классов: «Народы в России разделяются на различные классы: духовенство, дворянство, военные, купцы, мещане, крестьяне, разночинцы... Дворянство имеет свои особенные привилегии; это есть самый сильный в государстве класс. Они имеют право покупать и продавать людей, не несут податей, вступают в службу как военную, так и гражданскую с важными преимуществами, и все высшие степени занимают они только одни».

Такая характеристика дворянства, как господствующего класса, по своему общему направлению совпадает с характеристикой, даваемой дворянству в «Рассуждении о рабстве». Совпадает также и характеристика крестьянства. «Крестьяне, — говорится в статистическом описании, — делятся на казенных, однодворцев и господских. Казенные и однодворцы имеют право записываться в купцы и, не будучи связанными налогами и работою, они в России весьма богаты. Господские крестьяне есть самый несчастный и беднейший класс в целой империи... Мастеровые, вольные отпущенные люди, иностранцы принадлежат к разночинцам».

В последней, четвертой, главе также находим мысли, перекликающиеся с «Рассуждением о рабстве»: «В России людей более рождается, чем умирает. По климату — народ здоровый, острого ума, способен к войнам и коммерции».

«Статистическое дополнение о России» показывает, что Раевским был задуман труд, имеющий своей целью дать

внутреннее политическое разделение России, характеристику классов, указать на их роль в жизни России. Его симпатии на стороне народа русского, отличающегося нравственным и физическим здоровьем, острым умом и способностями к войнам и коммерции, т. е. деятельным характером.

Кроме «Статистического дополнения о России», в черновых бумагах декабриста имеется тетрадь «Разделение России по племенам или народам»[141]. Эта тетрадь написана не Раевским, а кем-то другим, но в ней имеются его поправки.

Эти две работы, повидимому, имели не только учебное значение. Что они связаны с «Рассуждением о рабстве», об этом сказано выше. Но они являлись, кажется, частью какой-то широко задуманной работы, связанной с проблемой преобразования в России. Во всяком случае, они во многом сходятся с «Русской Правдой» Пестеля. Глава 2-я «Русской Правды» называется «О племенах, Россию населяющих», а 3-я глава — «О сословиях, в России обретающихся». В этой главе дано «исчисление сословий», характеристика дворянства дана более подробно, но в том же направлении, как и у Раевского. Глава 4-я «Русской Правды» называется «О народе в политическом отношении». Глава 4-я «Статистического дополнения о России» также содержит тезис о народе. Такое совпадение не может быть случайным. Я не собираюсь доказывать, что «Статистическое дополнение» связано с «Русской Правдой». Таким сравнением я хочу показать, что эти черновые работы Раевского имеют не учебный, а общий теоретический характер, что они связаны с другими его социально-политическими работами, задуманными в 1821—1822 гг.

Опираясь на изучение народной жизни и исторического опыта, Раевский приходит к выводу о необходимости преобразования в России, которое должно освободить закрепощённые миллионы. Свобода сделает раба человеком, развернет все его способности. Путь преобразования один — революция. Он пока говорит о военной революции, но уже задумывается и о народной («Миллионы скрывают свое отчаяние до первой искры», «Россия вспыхнет...», «гипотеза историческая... о яикском казаке Пугачеве»). Им поставлен также вопрос об основной исторической силе — о народе, но он еще делает упор на солдата и на патриота, призванных спасти Родину, как спасли ее Минин и Пожарский. При этом, однако, нужно подчеркнуть, что военный класс для него—часть народа, что солдат — «крестьянин, одевший мундир». Конститу-

ционное правление должно привести к народному благоденствию. В основе народных зданий — гранит — закон. Эта система взглядов получит дальнейшее углубление в тюремный период революционной деятельности декабриста, но и в таком виде она достаточно выразительна. Его система взглядов является не плодом метафизических умствований, а возникла она в результате глубоких наблюдений над жизнью русского крестьянина и солдата, в результате философского и политического осмысления истории русского народа и современных декабристу внутренних и внешних революционных событий.

Эта система создавалась в результате критического пересмотра и преодоления философии Монтескье, в плане развития философских традиций русского просветительства (Радищева, радищевцев). Имея законченную философскую и социологическую концепцию, вооруженный передовой мыслью, Раевский активно боролся за ее утверждение, ее популяризацию.

В «Рассуждении о рабстве крестьян» и в «Рассуждении о солдате» дано обоснование необходимости скорого преобразования в России, намечены пути этого изменения, поставлен вопрос об основной силе, могущей произвести это преобразование. В конспективном изложении «Духа законов» Монтескье, а также в курсе географии, в разделе «О постановлениях», излагается сущность республиканского правления, решается вопрос о форме будущего общественного устройства в России. Это должна была быть республика.

* * *

После ареста, во время пребывания в крепости, Раевский продолжает задумываться над социальными проблемами, вносит новое в их разработку. В крепости им были сделаны заметки «О политике», написаны «Послание к друзьям», «Певец в темнице», а также «Протест», «Дополнение к «Протесту», «Оправдание» и проект «О прочном основании судебной части в полках». Заметки «О политике» (1823)[142] — план статьи или план беседы с Мозевским о республике. В них полнее, чем в конспекте «О существе законов» Монтескье выражается положительное отношение автора к республиканскому правлению. У Раевского был широкий замысел. Он пытался осмыслить исторические события в Америке, Испании, Швейцарии, Англии и Франции с целью разрешения вопроса о республиканском правлении. Вопрос этот решался им, опираясь на реальную историю народов, но сообразуясь с тре-

бованиями русской действительности. В наброске «О политике» говорится и о государственной практике Великобритании. В заметке, отобранной во время ареста у Политковского, также идёт речь о государственном устройстве, об английской конституции. Этот образ правления назван «самым справедливым, самым устойчивым для государства». Он противопоставляется, как можно понять, деспотическому правительству. Повидимому, эти мысли, изложенные в рассматриваемой заметке, были предметом обсуждения во время посещения заключенного декабриста Политковским и Бартеневым. Если даже эти заметки сделаны Раевским, то, во-первых, это было сказано в 1819 году, а во-вторых, и в этой записке нет безоговорочной положительной оценки английской конституции. В конце заметки высказана мысль об использовании правила англичан в мирное время, а «правила французов на время войны»[143].

В заметках «О политике» Раевский высказывает мысли, которые свидетельствуют о том, что он не согласен с теми положениями, которые изложены в заметке, обнаруженной у Политковского. Автор заметок высказывает критическое отношение к законам этой страны. «Где народ разделен на особые чины или статьи как... великобританские лорды и простой народ, там права одного чина опасно подвергнуть суждению другого; лучше, чтобы всякого судили ему равные»[144], — пишет он. В данном случае высказывается та же мысль, которая была высказана Рылеевым, Пестелем: «Законы эти (английские. — **П. Б.**) устарели, не годятся для нашего века, наполнены недостатками и могут пленять только слепую чернь, купцов, лордов да близоруких англоманов!»[145]. В заметке «О политике» утверждается республиканское правление и «конституция — новое учреждение законов», а также определяется сущность и цель политики. «Под словом политика, — сказано в заметках, — разумеется искусство управлять народом. В состав совершенств политики входят: 1. Государственное хозяйство, 2. Государственный закон. А потому — чем государство богаче и чем законы лучше, тем народ более благоденствует. Следовательно, цель политики есть благоденствие народное». Дальнейшие замечания — это раскрытие (вероятно, неполное) понятия — «благоденствие народное». Это освобождение от рабства, которое «всем противно, свободе и безопасности». В связи с этим приводятся исторические аналогии, определяющие различные пути освобождения

от рабства: «...не Бонапарт сделал революцию: он только воспользовался ею для своего властолюбия... Вашингтон и Франклин — освободители от рабства, или Американские Соединенные Штаты... Республика Швейцарская основана любовию к вольности». Автор заметок с явным сочувствием отзывается о том пути, который представлен именами Вашингтона и Франклина, осуждая Бонапарта, вероятнее, предупреждая о возможности такого факта в дальнейшем.

Благоденствие народное это не только освобождение от рабства, но и «новое учреждение законов — Конституция», с учетом того, что «человек по природе есть член общества; безопасность его и наслаждение требуют, дабы он сохранил всё, что заключает в себе его природа»[146].

Набросок «О политике» не закончен, в нём дан только план, но и то, что мы имеем, показывает незатухающий интерес Раевского к социальной проблематике. Тюремные заметки «О политике» органически связаны с предшествующими работами на ту же тему.

Итак, в крепости Раевский не переставал заниматься злободневными политическими проблемами. В этом сказалась его вера в возможность успешного революционного переворота.

В крепости им также были написаны «Послание к друзьям в Кишинев», «Певец в темнице» и др. Эти произведения интересны не только тем, что передают настроение поэта-декабриста, но интересны постановкой и разрешением важнейших проблем своего времени — о народе, законе, о роли поэта.

«Послание к друзьям» ставит ряд животрепещущих вопросов. Голос поэта, раздающийся из мрачных стен заточения, зовет к борьбе, к подвигу. Начав с характеристики темницы, своей неволи, поэт переходит затем к описанию деятельности «черного трибунала», который «алчет кары» и поэтому поощряет наемного убийцу и продажного злодея. Судьи хладнокровно готовят расправу над поэтом. Показания презренных, продажных свидетелей преследуют определенную цель: они оформляют смертный приговор. Поэт боролся с «черным трибуналом» не только за свою жизнь. Он боролся за «Закон —

Священный щит, светильник славы,
Веков, народов и царей,
Звено общественных связей...[147]

Черный трибунал противопоставляет этому другое понимание закона: над законом стоит царь, а закон «в его самодежавной длани», в устах царя он. В устах же «жертвы обреченной» слово «закон» является буйным и дерзновенным словом. Тогда поэт выдвигает понимание закона, как «гранита народных зданий». Закон — выше монарха. Так поэт-декабрист приходит к осмыслению царского произвола. В связи с этим углубляется центральная проблема, волновавшая его — проблема народа.

Еще в «Элегии 1-й» и «Элегии 2-й» поставлена проблема тирана и народа. В них высказана уверенность в том, что «рухнет злобы трон и луч свободы воссияет». В послании из крепости поэт возвращается к этой проблеме, но теперь она получает более глубокое разрешение. Образ теряет свою абстрактность и приобретает реальные очертания. Тирана заменяет самодержавный царь. Аллегорический образ грозного дня и страшной грозы, которые принесут «устройство вечное», заменяется образом царя-народа. Отвлеченно аллегорическая характеристика действительности заменяется политической характеристикой, исторической мотивировкой. И это естественно. Сам поэт созрел в идейном и художественном отношении.

В «Послании к друзьям» разрешение темы царя-народа исторически мотивировано. Отметив, что в настоящее время народ, подвластный страху, не смеет даже шёпотом роптать, поэт продолжает:

Пора, друзья, пора воззвать
Из мрака век полночной славы
Царя-народа, дух и нравы
И те священны времена,
Когда гремело наше вече
И потрясало издалече
Царям кичливым рамена[143].

Совершенно очевидно, что царь-народ противопоставлен царям кичливым. И не они, а царь-народ — основная сила. Такой вывод является дальнейшей разработкой проблемы об основной движущей силе в революционном преобразовании, поставленной в «Рассуждении о рабстве». Поэт-декабрист на этом не останавливается. В «Певце в темнице» — стихотворении, написанном вскоре после «Послания в Кишинев», он осовременивает эту проблему. От истории он переходит к современности, от литературного образа тирана — к

царской династии. Благодаря этому, произведение достигает высокого идейного накала:

Как истукан немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавых род
И мысль и взор казнит на плахе.
И вера, щит царей стальной,
Узда для черни суеверной,
Перед помазанной главой
Смиряет разум дерзновенный[149].

Читая эти строки, Пушкин признал, что «никто до Раевского не изображал так сильно тирана: «И мысль и взор — казнит на плахе». «Хорошо выражение и о династии: «бичей кровавых род». После таких стихов не скоро же мы увидим этого Спартанца»[150], — добавил он при этом. Итак, характеристика тирана перешла в характеристику существующей династии. Большей конкретности для поэтической характеристики нельзя требовать. Дав характеристику тиранической династии, поэт обращается к царю-народу, противостоящему тирану. Он отмечает пассивность народа. «Народ немой под игом дремлет в тайном страхе», — горестно говорит поэт. — Народ в страхе, потому что...

Слово, мысль, невольный взор
Влекут, как явный заговор,
Как преступление на плаху...

Смущенный взор поэта обращается к истории и перед ним раскрываются картины свободной народной жизни Новгорода и Пскова, сияют бессмертные имена богоподобной Борецкой и гордого Вадима. История вселяет уверенность в душу поэта, и он посвящает царю-народу слова, проникнутые глубоким оптимизмом:

Он пал на край могилы,
Но рано ль, поздно ли, — опять
Восстанет он с ударом силы![151]

Эти строки так и просятся на сравнение с словами из «Рассуждения о рабстве и необходимости скорого преобразования в России»: «Но, граждане! Тут не слабые меры нужны, но решительность и внезапный удар!».

Образ народа в «Послании к друзьям» и в «Певце в темнице» дан всесторонне. Поэт верит в то, что народ является основной силой. Былое могущество вернется к нему опять и он восстанет с ударом силы. Как можно иначе понять этот

«удар силы» как не образное выражение мысли о народной революции? Пусть народ доведен «чуждым племенем» и «кровавыми бичами» до такого состояния, что можно сказать о нем: «он как тень», пусть это «немой народ», не смеющий «даже шёпотом роптать», он даже «пал на край могилы», но это временное явление. Народ дремлет, но рано или поздно — он восстанет с ударом силы. В «Послании к друзьям» и в «Певце в темнице» Раевский говорит о народе, как о временно пассивной силе, задавленной «невежествующими и развращенными» дворянами русскими, тираническим господством чуждого племени и деспотическим правлением кровавой династии. Но это временное явление. Народ восстанет. Он — решающая активная сила. В этом убеждает история. Поэт верил в народное пробуждение не только на основании исторического опыта, его осмысления, но он находил подтверждение своей мысли и в современных фактах международной жизни. Национально-освободительная борьба в Греции рассматривалась им в таком именно плане:

...Там вакхальный звон
Поколебал подземны своды!
И пробудил народный сон,
И гидру дремлющей свободы.

Поэт обращается с призывом к друзьям, напоминает им, что их зовет долг, добро святое, на поле славы боевой, «под сень священную знамен». В борьбе Греции за свою независимость поэт-декабрист видит одновременно и пробуждение народной силы. События в Греции восторженно им приветствуются, они символизируют приход долгожданного пробуждения народной силы.

У Раевского мы отмечаем глубокое единство публицистики и поэзии. Вопросы, поставленные в «Рассуждении о рабстве», «Рассуждении о солдате» и др., получают окончательное разрешение в тюремной поэзии.

В крепости же декабрист написал «Протест», «Оправдание». «Протест» был написан 1 сентября 1823 года. Дело Раевского было настолько шумным, что Полевой аудиториат, куда поступил «Протест», не утвердил смертного приговора, вынесенного Раевскому военным судом. Были и другие причины.

Александр I внимательно следил за ходом дела Раевского. Если Сабанеев в «первом декабристе» видел «бунтовщика» и «главу шайки извергов» и поэтому торопился обезгла-

вить «злодейскую шайку», то Александр I делу Раевского придавал иное значение. Возвращая дело Раевского, которое поступило ему на рассмотрение, он собственноручно написал: «Так как майор Раевский весьма незначущ еще, то полагаю, что он был орудием в этом деле». «Вот почему в продолжение всего судного дела старались включить туда имя Орлова», — комментирует Радченко эту резолюцию Александра I[152]. Царь подозревал, что существует тайное общество в России и хотел добиться исчерпывающих сведений от Раевского. В штабе армии (Киселев, Сабанеев) были убеждены, что данные о тайном обществе можно открыть только после ареста Раевского.

Пушкин, информируя своего друга о посещении Сабанеевым наместника Бессарабии Инзова, сообщил о словах корпусного командира: «Ему приказано: ничего нельзя открыть, пока ты не арестован»[153]. Слова Пушкина подкрепляются таким важным фактом. В камеру Тираспольской крепости к заключенному декабристу явился начальник штаба 2-й армии генерал Киселев и сообщил, что государь приказал возвратить шпагу декабристу, если последний откроет, какое Тайное общество существует в России. «Вы мне предлагаете шпагу за предательство!» — с негодованием воскликнул заключенный и отказался отвечать. Растерявшийся Киселев ушел. Тогда Александр I, а по его указке Киселев, решили запастись «большим терпением». Была предоставлена свобода действий Сабанееву, под давлением которого и было вынесено решение о «лишении живота». Но декабрист и в этом случае не сдался: тайны не открывал. С казнью не спешили, решив сломить волю Раевского. Но здесь возникла новая сила — общественное мнение, с которой вынужден был считаться царь и «киселисты». Раевский пишет в «Автобиографической записке»: «Дело мое было слишком шумно. «Протест» мой против генерала Сабанеева ходил по рукам. Какие-то стихи под моим именем также»[154].

Из «глухого подземелья» раздался страстный и негодующий голос поэта и публициста. Смертный приговор не сломил декабриста, а вызвал к деятельной и непреклонной борьбе. Первым откликом на смертный приговор был «Протест»[155]. Это своеобразное публицистическое произведение, распространяемое рукописным путем. Оно способствовало тому, что дело декабриста становилось шумным, к нему приковывалось общественное внимание. В «Протесте» рисуются

картины борьбы «особой партии», «киселистов», с прогрессивными деятелями, «раевщиной», рассказывается о жестоком произволе и терроре, в условиях которого проходило следственное и судебное дело «первого декабриста». Особое внимание автор обращает на «нижний класс», который противопоставлен представителям господствующего класса. Благородное поведение солдат во время следствия раскрывает высокую силу убеждённости, стойкость и нравственную чистоту простых людей, сумевших сохранить совесть и честь и в тех ужасных условиях, в которые они были поставлены Сабанеевым, Вахтеном, Черемисиновым и др.

В «Протесте» с большой силой проявились демократические симпатии «первого декабриста». Он восхищен представителями «нижнего класса» и свое восхищение не скрывает, а подчёркивает. Это тем более важно, что речь идет не о литературном произведении и не о литературных образах, а о конкретном политическом событии, о живых представителях этого класса. Красочность и эмоциональность, а главное — политическая целеустремленность обеспечили успех среди читателей. Раевский в «Протесте» разоблачает наглый произвол, поправший законы, и заканчивает словами: «Приговор не действителен, ибо нагло против прав есть».

«Протест» очень тесно связан с «Посланием к друзьям в Кишинев». Он является реальным комментарием к посланию, раскрывает ту реальную обстановку, в какой создавалось «Послание к друзьям».

Следствием «Протеста» было то, что Александр I секретно предписал передать дело Раевского из военного суда, находившегося под наблюдением Сабанеева, в Полевой аудиториат, который, однако, признал справедливость «Протеста». В этом случае сказалось влияние общественного мнения. Раздосадованный царь приказал передать дело в Аудиториатский департамент, а в секретном предписании отчитал Полевой аудиториат за то, что он «уклонился от учинения решительного приговора».

«Оправдание знаменует новый этап в деле Раевского. Оно было написано 22 февраля 1826 года в Петропавловской крепости, куда декабрист был доставлен по приказу Николая I из Тираспольской крепости. «Оправдание» характеризует поведение декабриста во время следствия в Комитете 1826 года. Он продолжает бесстрашно обвинять своих судей и доказывать на большом фактическом материале, что по

отношению к нему были нарушены и попраны законы. Этим В. Ф. Раевский не ограничивается. Включив в «Оправдание» разделы: понятие о законах, понятие о чести, о нравственности, о словах, он делает широкие политические обобщения[156]. Поэтому-то «Оправдание» представляет не узкий биографический интерес, а широкий, общественный. В нём дана характеристика той среды, в которой «первому декабристу» приходилось вести работу и с представителями которой он боролся. «Оправдание» дает характеристику той базы, на которую опирались «киселисты», «особая партия» — представители аракчеевской реакции в армии. С «Оправданием» же связано его выступление с проектом «О прочном основании судебной части в полках»[157]. Находясь в Петропавловской крепости, В. Ф. Раевский пытался высказаться по волнующему его вопросу о бесправном положении солдата, но безуспешно. В крепости Замостье он повторяет свою попытку, и Комиссия военного суда при Литовском отдельном корпусе дает ему возможность высказаться по этому вопросу в «Ответных пунктах» по «Оправданию». В своем проекте реформы судебной части в полках «первый декабрист» выступает в защиту бесправного русского солдата, зависимого от произвола сильных и несправедливых начальников. Суть его реформы заключается в том, что он предлагает распространить действия твёрдого и сильного закона на солдата, предлагает вверить участь солдата не «жалким офицерам, из которых большая часть едва читать умеет, с испорченной нравственностью, без правил и ума», а лучшим, просвещённым офицерам, которые должны изучить судопроизводство и знать законы. Судебные комиссии должны создаваться «по выбору», быть независимы от полковых командиров, выгоды которых «всегда заставляют давать худой толк правому делу», пренебрегать законом, говорящим в пользу солдата. Декабрист требует поднятия авторитета Судебных полковых комиссий, путем привлечения здоровых сил армии и увеличения их самостоятельности. Проект «О прочном основании судебной части в полках» тесно связан с «Рассуждением о солдате» и «Оправданием». Он является попыткой использования легальных возможностей для облегчения участи благородного русского солдата. Прогрессивный характер проекта объясняет его дальнейшую судьбу. Он вошел в судебное дело декабриста как обвинительный материал.

Проект «О прочном основании судебной части в полках»

является последним документом, характеризующим политическую деятельность «первого декабриста» в тюремном заключении.

В «Протесте» и «Оправдании» В. Ф. Раевский остается верен своим принципам, но сосредоточивает свое внимание на разоблачении представителей господствующего класса, противопоставляя им благородного русского солдата, а в особенности — на законе. Последний вопрос является доминирующим. И «Протест» и «Оправдание» — это памятники борьбы «добродетели с деспотизмом». Так их воспринимали современники.

* * *

На смену тюремной, крепостной жизни пришла сибирская жизнь, жизнь поселенца в Сибири. Здесь, в ссылке, декабрист ведет интенсивную хозяйственную, культурную и общественную деятельность, борется с реакцией в Сибири. С особой силой эта борьба развернулась в начале 60-х годов. Это были годы революционной ситуации, годы, когда подготавливалась и проводилась в жизнь реформа 1861 года, которая, по выражению Ленина, была «буржуазной реформой», проводимой крепостниками[158]. Реформа вызвала ряд восстаний, охвативших всю Россию. На повестке дня стоял вопрос о крестьянской революции. Идеологи крестьянской революции через «Современник» и другие издания последовательно отстаивали интересы крестьянства, самозабвенно работали над подготовкой революции.

С 1863 года крестьянское движение начинает спадать. Правительство применяет драконовские меры для борьбы с прогрессивными силами общества. Увеличиваются репрессии. Закрывается «Современник», «Русское слово». Писарев заключен в крепость. Чернышевский сослан в Сибирь, в каторжные работы... «Колокол» Герцена зовет к борьбе.

Эти события нашли свое отражение и в Сибири; коснулись они и В. Ф. Раевского.

Памятниками этих бурных лет, кроме статей в «Колоколе», являются его письма к Батенькову и Вельтману[159]. В них раскрываются общественно-политические взгляды декабриста. Большое место в системе его взглядов занимает Сибирь, ее настоящее и будущее. Он активно борется за её развитие. Раевский высказывался за необходимость просвещения в Сибири, увеличения числа школ, гимназий и за создание университета. Он придерживался также той мысли, что для Сибири

нужна местная интеллигенция, прочно связанная с родной почвой.

Отсутствие же такой интеллигенции наносит Сибири огромный вред. С возмущением он говорил о так называемой «свежей силе», на которую опирался Муравьев-Амурский: «Из России выписывают, вызывают чиновников. Но кто или какой образованный, хороший чиновник решится ехать на неизвестность в такую даль? Дети, родственники петербургских властей, конечно, со школьных скамеек, 16 и 17-летние титулярные советники (как аманат за поддержку в Петербурге) выезжают сюда за чинами, орденами, для практики над несчастным народом — и, как в гостинице, поесть, попить, выспаться и по сварении желудка испражниться и потом, оставя зловоние, уехать в Россию на высшие должности по званию, чинам и родству. Вот положение нашего края»[160]. Таким горестным восклицанием заканчивается описание этих сил. В связи с засилием аманатов в Сибири усилились «злодеяния, бесчеловечие, грабежи» и установился, по словам Раевского, режим, напоминающий мрачные времена Анны и Бирона.

По своим взглядам на будущее Сибири Раевский стоит близко к сибирским областникам (Потанин, Ядринцев, Шашков), которые начали свою деятельность в 60-х годах с пропаганды этих же идей. Но положение и будущее своей второй родины декабрист рассматривает не в отрыве от общего состояния России. Он понимает, что Сибирь живет не замкнутой, а общей с Россией жизнью.

Письма к Батенькову и Вельтману раскрывают его взгляды на современное состояние России. Раевский откликается на все важнейшие события своего времени, принимает их близко к сердцу, живёт общественными интересами. Важнейшим вопросом настоящего и будущего России,—заявляет он, — является крестьянский вопрос. С горькой иронией декабрист говорит о правительственных мероприятиях и о журналистике. С жадностью он набросился на журнальные статьи, ожидая нового, но очень скоро убедился, что все эти модные вопросы — гласность, новые стремления, новые принципы, прогресс, о которых шумела на все лады либеральная печать, — даже комитеты по освобождению крестьян, — являются игрой, «игрой в меледу»[161]. Его рассуждения в этом направлении глубоки и содержательны. «В государстве, — говорит он, — существуют привилегированные и исключительные касты и личности, стоящие выше законов, а последние применяют-

ся только лишь к сословию людей, доведенных крепостным правом до скотоподобия». В таком государстве нужны не те мизерные мероприятия, которыми надеется обойтись правительство. Здесь нужны особые меры.

Еще в начале своей ссылки, обобщая свои наблюдения во время следования из Замостья в Сибирь, поэт писал:

Везде я слышал плач и жалобные стоны
И видел, как в пыли потоптаны лежали
Права народные, щит слабого — законы[162].

Прошли десятки лет. В 1858 году декабрист возвращался в Россию и опять перед ним — порабощённая страна, рабство крестьян, в борьбе с которым он посвятил свои лучшие годы жизни. Но и теперь его волнуют те же вопросы. Он находит идущие от сердца слова, чтобы заклеймить и крепостничество и николаевский режим. С глубокой горечью говорит он о русском народе, о России, которая в царствование Николая I: «30 лет не жила, но судорожно двигалась под барабанный бой»[163]. Крепостничество и николаевское царствование оставили тяжёлый след в жизни народа, который «доведён до бессмыслия, одеревянения и не чувствует своего несчастного положения». «При проезде моем в России через лучшие губернии, — констатирует декабрист, — я видел и не узнал этого бойкого, бодрого, стройного русского народа». Это следы крепостничества и николаевского режима, которые лишили крестьянина человеческих прав, довели до такого состояния, что возникает вопрос: «этот бесправный и беззащитный человек — человек ли?».

Раевский выступает против славянофилов, которых он рассматривает как защитников крепостного права. Указав на страшное влияние крепостничества и николаевского царствования на русский народ, он полемически заключает: «А славянофилы, пожалуй, скажут, что это следы татарского ига?»

Раевский разобрался в правительственной политике, определив ее как «игру в меледу», т. е. пустое, зряшное дело, но он не делает из этого революционных выводов. Декабрист полагает, что нужно возвратить крепостному рабу человеческие права и только потом толковать о поземельном праве или о наделении землей. Одновременно необходимо ввести грамотность. Законы, грамотность, ограничение произвола могут принести изменения в жизнь крестьянина. «Защитники невежества простонародного суть враги правительства и бичи че-

ловечества», — заявляет он. Раевский утверждает, что необходимо развивать христианское вероучение, что будет способствовать изменению в жизни народа. В этом вопросе он отходит от прогрессивных взглядов, высказанных им раньше.

Раевский понимает, что возможна крестьянская революция. Не случайно он называет имя Пугачева, который «для правительства всегда был опаснее Пестеля и Рылеева». Он говорит о нерешительности правительства, давая понять своему другу, что возможен опять взрыв народного негодования и возможно появление нового «яикского казака», подобного Пугачеву. Говоря о «гомеопатических средствах», применяемых правительством, декабрист заключает: «в наше время освобождение крестьян было ближе к делу». Но олонский крестьянин Владимир Раевский, как это видно из сказанного выше, не на стороне крестьянской революции.

Выступая противником крепостного права, доказывая его страшное влияние на русского человека, он за уничтожение рабства, но путем Указа. — «К другому средству мы не привыкли!» — прибавляет он. — Указ должен вернуть человеческие права рабу-крестьянину. В соответствии с законом, который уравняет все сословия, уничтожит существующие привилегированные и исключительные касты, т. е. уравняет барина и мужика в правах, — и будет решен вопрос о поземельном праве или о наделении землей.

Раевский, повидимому, и сам чувствовал некоторую шаткость своих положений, потому что своё рассуждение о крепостном вопросе он заключает словами: «Далеко поведут эти вопросы и если я коснулся их, так потому только, что они составляют предмет одинаково для всех сословий знаменательный»[164]. В одном только он уверен — в силе народа. Хотя крепостное право и николаевский режим довели простой народ до скотоподобия, привили ему все грязные пороки, «но в нем осталась еще природная атлетическая сила и свой смысл, хоть зверский, но логичный». Таковы взгляды Раевского на основной вопрос накануне реформы 1861 года. Надо признать, что он отдал дань либеральному увлечению, которого, как известно, не избежал даже Герцен.

Пройдет всего только год-два и Раевский под влиянием открытого реакционного курса правительства, под влиянием тех событий, участником которых он был, сумеет во многом разобраться и дать более глубокую оценку правительственной политике конца 60-х годов, которая уже с самого начала пред-

ставлялась ему «игрой в меледу». «Первый декабрист» убедился в том, что мечты, связанные с Указом, с реформой Александра II, развеялись, как дым. Рушилась надежда на «Закон». Правительство только играло в общественное мнение, а когда действительно пробудились общественные силы, то Александр II расправился с ними, разгромив «Современник», «Русское слово», засадив в крепость Писарева, Чернышевского.

Под влиянием этих событий Раевский глубже осознает реакционную политику правительства. Высмеивая утверждение о том, что в России есть ещё общественное мнение, о котором много говорят в столицах, он задает Вельтману горький вопрос: «В России общественное мнение? Общественное — в России? Да есть ли еще мнение какое-нибудь в России? Много, очень много дичи в ваших городах, называемых столицами. То ли дело у нас в Сибири, — продолжает он, — г. губернатор **приказал**, полицмейстер **приказал**, исправник **приказал** — вот аргумент на всякое мнение — и без возражений. А закон? При слове закон здесь всякий улыбается. Где холопство, как средство к возвышению, тут закон вовсе не нужен»[165]. Так расстался Раевский с одной из своих либеральных иллюзий. И надо добавить — нашёл достаточно силы, чтобы критически отнестись и к самому себе и к тем представителям общественности, которые восхваляли либеральные меры правительства. Так, он выступает против «куликообразных либералов». Он их разоблачает не только при рассмотрении вопроса об общественном мнении, как это было показано выше, но и при рассмотрении вопроса о гласности, прогрессе. По мнению декабриста, болтовня о гласности «есть не что иное, как либеральная пошлость». «Над кем разразилась эта неумолимая и беспощадная гласность», — иронически спрашивает он. И отвечает: над становым, исправником, студентом, пьяным помещиком. О какой гласности может итти речь, если «цензура в руках губернаторских мандаринов, в руках вышнего произвола». Кто осмелится что-либо сказать о действиях правительственных чиновников, о действиях правительства? Ведь «даже «Губернские ведомости» дозволены с таким условием, чтобы прославлять и прозой и стихами и, пожалуй, ребусами и шарадами величие, добродетель и титовское милосердие мандаринов»[166].

С негодованием «первый декабрист» говорит о либеральных журналистах, этих «жиденьких демагогах», которых он

считает за агентов полиции. «Зачем будят они благородные чувства юношей и тревожат наши? — писал он Батенькову. — Гласность? Какая гласность? Езоп, Крылов, Хемницер, даже Дмитриев нападали на порок смелее, вразумительнее... Я не говорю о Кантемире и Фон-Визине». О какой гласности может быть речь, когда «газеты в руках вышнего произвола». А о русской литературе можно лишь только сказать: «бедная литература!»[167].

Взгляды Раевского на гласность, на роль либеральных и официальных журналистов идут от «Современника», от Добролюбова. При этом, однако, надо сказать, что декабрист недооценивал значения борьбы «Современника» с официальными журналами: «Перебранка наших журналов тоже очень скучна. А либералы, консерваторы, нигилисты — из рук вон пошло и не смешно даже». Из этого высказывания видно, что литературно-политическая журнальная борьба воспринималась им как «перебранка». Это мнение, правда, обосновывается тем, что в России нет и не может быть общественного мнения, нет закона, а есть только формула: «Господин губернатор приказал».

Раевский глубоко верит в прогресс, в поступательное движение культуры, техники. Он пишет о том, что люди его поколения даже не думали о пароходах, железных дорогах, телеграфах, а теперь? То же самое и с литературой, которая, хотя и находится под давлением правительства, но все-таки развивается. «Что значила, или в чём заключалась словесность наша?» — спрашивает он Батенькова и сам же отвечает: «Вестник Европы», «Благонамеренный», потом «Телеграф», «Дух журналов» и пр. А теперь?» Это сравнение прошлого с настоящим заключается выводом: «Так развивается всё и потому будущность наша светлее».

В связи с вопросом о будущем России декабрист оценивает роль своего поколения, декабристов и ставит вопрос о преемственности их идей в русском обществе. Раевский считает, что в поступательном развитии России декабристы внесли свой вклад. Пришло время и ряды их редеют, многие «уходят на вечный покой», но они оставляют за собой не только имя и воспоминание о себе, но оставляют нечто большее — идею, которая развивается следующим поколением: «Мы по непреклонному закону оставляем в наследство идею для руководства новому поколению и эта идея растет и будет и

должна расти и никакие препятствия не сожмут ее»[168]. Такова оценка исторической деятельности декабристов.

Раевский рассуждает об университетской молодежи, благодаря чему еще больше уточняет вопрос о том, о какой же молодежи идёт речь: «К сожалению, из высших учебных заведений наших до сих пор я видел только сверчков, слизней и много, много куликообразных либералов». Вера в прогресс России связывается Раевским не с славянофилами, не с «жиденькими демагогами», не с «куликообразными либералами и сверчками», а с прогрессивными представителями общественных сил России. О них он говорит в «Послании к А. В. Раевской»[169]. Здесь дан идеал того деятеля, который поведёт за собой людей, разовьёт идею декабристов.

Таковы общественно-политические взгляды демократа Раевского. В 60-е годы он пропагандировал культурничество, полагая, что «закон» и «просвещение» в состоянии разрешить социальные и политические проблемы своего времени. Он убежден в атлетической силе народа, в его здоровом смысле. Раевский поднялся до осознания преемственности идей в развитии русской общественной мысли. Разоблачая представителей реакционных и либеральных направлений, он связывает развитие идей, завещанных декабристами, с демократическими силами. В его высказываниях проскальзывают мысли раннего революционного народничества.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(Извлечения из архивов)

№ 1. Заметка о Бессарабии

Переезжая в Бессарабию из покорённых нами провинций польских, приятно почувствовать другой климат и видеть другую землю. До сих пор время еще теплое, осенних дождей не было. Я не заметил даже здесь и той болезненности, в которой так много предубеждены соотечественники мои.

Край этот представляет бесплодную и безлюдную степь. От самого Аккермана до Килии, от Кишинева до Бакермана — ни одного дерева. Обитатели здешние суть беглецы русские. Жизнь их можно назвать почти кочевою. Они не разводят садов и дворов почти не имеют. Они больше привязаны к

правлению турецкому. Это оттого, что участь сих несчастных христиан была томиться под железным скипетром самовластия. Потому они весьма часто и многие оставляют здесь свои жилища и переходят за Дунай. Жители состоят из малороссиян и русских; последние суть почти все раскольники и разных сект.

Рек весьма мало, места гористые, пересекаемые долинами. Со временем этот край будет многолюднее и богаче.

Грунт земли ко всем произведениям способный, но грубые жители и невнимание правительства оставляют его доселе неодушевленным. Пшеницу арнаутку здесь сеют в достаточном количестве, которую отправляют в Измаильский порт, а оттуда в Одессу и Константинополь.

Природные жители — молдаване, все без изъятия свободны и пользуются почти теми же правами, какими пользовались некогда поселяне русские*, но цыгане здесь составляют класс рабов, на том основании, на каком находятся ныне наши господские крестьяне. С тем различием, что цыгане продаются гораздо дешевле, так что целое семейство можно купить от 100—200 левов и менее**.

Торгующий класс — суть русские, армяне, греки, немцы и жиды, но сии последние не имеют, однако, той силы, которую имеют они вообще в завоеванных нами провинциях польских, где нищета крестьян, самовластие и нерадение помещиков дали им способ овладеть всеми отраслями торговли.

Налоги здесь не суть значительны, но злоупотребления откупщиков и притеснения со стороны невежествующих бояр*** ощутительно приводят в ослабление все пружины здешней промышленности и труда: тем паче, что молдаване, работая, имеют в виду потребление приобретенного на воз...

(на этом рукопись обрывается).

№ 2. Две записки о революции

1. В правительствах, основанных на полном произволе, устойчивость власти зависит от общественного мнения. Когда

* Народ русский (зачёркнуто Раевским. — **П. Б.**).

** С тою разницею, что русский здоровый крестьянин продается не менее 1000 руб., а здесь хорошего и здорового цыгана с семьею можно купить за 800—200 левов.

*** Вообще по принятому правилу бояре берут с крестьян за право владеть землею по десятине, или по десятой доле всех произведений.

пропадает уважение к личности, если бы даже это был восточный деспот, комбинациям и интригам куртизан, разрывающим барьер придворного блеска, который импонирует только издали, редко не удается произвести переворот (революции) правительства. Связь этого презрения личности государя с такой революцией становится ещё более необходимой в стране, где торговля, прогресс просвещения и либеральные мысли в одно и то же время подготовили многочисленные корпорации и позволили им наметить отношения, которые должны существовать между их собственными интересами и поведением государя. Особенно надо бояться, чтобы глупость и сумасбродство двора не вызвали революцию в такой стране, как Россия, где наследование короны было таким неправильным (беспорядочным) и в которой такие революции были так часты.

* * *

2. Общее мнение во Франции было: если Англия помирится с Директорией, — республика долго не просуществует. Говорили прекрасные речи, адреса, прокламации, чтобы соблазнить (прельстить, подкупить) философов. Мнение французов было: для того, чтобы хорошо управлять большим государством, надо, чтобы было сильно правительство и очень слаба конституция. Они говорят, что в Англии слишком много конституции и слишком мало правительства.

В стране, где тщеславные, которым помогают люди — враги их родины, — стараются испортить дела правительства и добиться того, чтобы закон их не мог задеть (достичь), я принял бы образ правления Англии, т. к. это самый справедливый, самый устойчивый для государства. Несмотря на примеры, которые у нас перед глазами, верности (справедливости) этого правила, какие благодетельные последствия для народа, для государства, для государя — один более свободен, другой более счастлив, третий более умерен в своих действиях. Не в этом ли начало общественного счастья? А что касается положения (правила) французов, я бы принял его на время войны.

№ 3. Предисловие

В начале осьмнадцатого столетия Петр Великий предпринял обуздать власть и происки русского духовенства, коего глава хотел возвысить свое патриаршество превыше царского трона, уничтожить не приобыкших к повиновению и мятежных

стрельцов, кои осмеливались часто предписывать законы своим государям, а иногда даже и свергать их, и, наконец, преобразовать свой народ, который, быв долгое время данником татар, сохранил нравы и обычаи азиатских народов, не принимал никакого участия в просвещении европейцев, в искусствах, науках и правах. Петр имел удачу, и Россия, вышедшая вдруг из своего невежества и неизвестности, шла быстрыми шагами к своему благоденствию.

В начале девятнадцатого столетия султан Селим III составил также план, не менее смелый, уничтожить янычар, более мятежных и многочисленнейших, нежели стрельцов, разрушить господство (пропуск у Раевского), ослабить власть Муфтия, который, хотя не желает возвышать могущество своё выше трона оттоманских императоров, однакоже разделяет чрез свою фетфу*, или решения, законодательную власть и монархическое правление и, наконец, преобразовать свою нацию, заставляя ее принимать участие в открытиях европейцев, касательно искусств и наук, их военных заведений и их успехов в земледелии, торговле и просвещении. Селим не получил успеха, и Турция, оставшаяся в варварстве, под владычеством священнослужителей и мятежных солдат, со времени сих несчастных предприятий непрестанно идет к своей погибели.

Но, чтоб лучше судить о сих великих происшествиях, столь достойных обратить внимание историков и философов, бросим быстрый взор на состояние России в ту минуту, когда Петр Великий начал приводить в действие свои преобразования, на препятствия, кои сей государь должен был победить и на причины его успехов. Следующее повествование о Константинопольской революции в 1807 и 1808 заставит узнать различие положения и характера сих двух монархов, расположения обоих народов и побудительные причины, которые в обоих предприятиях, стремящихся к одной цели, произвели столь противоположные следствия.

Россия, принявши христианскую веру в течение одиннадцатого столетия, во время царствования Владимира, принуждена была скоро быть под игом татар, которые, покоривши Азию, во время Чингис-хана проникли в Европу. Русские были тогда то же, что греки Леванские под господством османов.

Свободные в исправлении их религии, покоряющиеся и

---

* Фетфа, указ Муфтия, священноначальника Турецкого.

трясущиеся перед их татарскими господами, они сохранили своё политическое существование чрез рабскую зависимость, платя регулярно подати, положенные победителем.

Но фамилия Чингис-хана ослабла чрез разделение его пространной империи и чрез войны, происшедшие между потомками сего неутомимого завоевателя. Пользуясь сими беспорядками, русские приняли смелость; они мало-помалу обратно завоевали их древние владения и не замедлили распространить их в царствование Ивана Васильевича.

№ 4. Из показаний штабс-капитана Зиньковского, поручика Андреевского, юнкера Михайловского

1. Штабс-капитан Зиньковский показывает, что в прошлом 1821 году, в январе месяце, по приказанию полкового командира прислан был в г. Килию, будучи еще капитаном, майор Раевский для допроса нижних чинов: отчего бегают? По приказанию батальонного командира вверенная ему, Зиньковскому, 4-я егерская рота была им приведена к назначенному месту, по приходе к которой Раевский здоровался с нижними чинами: «Здравствуйте, братцы, здоровы ли, друзья мои». Оборотясь к нему, Зиньковскому, сказал: «Вы можете удалиться», потом, начиная с правого фланга, спрашивал в отведенном для сего доме посреди рынка и, опросив 1-ю шеренгу, требовал его, Зиньковского, к себе; по приходе же его, с гордым духом сказал: «Почему вы до сего времени не раздаете порционных денег на руки?» Он, Зиньковский, ответствовал: что это есть воля корпусного командира, чтобы на руки не раздавать и он, Зиньковский, крайне удивляется его запросам, ибо ему, Раевскому, о сем должно быть известно. — «Вот как я знаю, — это их собственность, следовательно, по желанию оных и должно выполнить». Ему, Зиньковскому, известно, что Раевский командует ротою. Ему сказали нижние чины, что желают получить порционные деньги на руки, в ту же минуту и роздал. По окончании вопросов, выйдя к роте, кричал: «Друзья мои, все ваши претензии через меня (ударяя себя в грудь) будут кончены». Обратясь к фельдфебелю: — «Этого скота вы не будете видеть более сей минуты. Прочь от роты, ты не стоишь того, чтобы стоять в рядах сих воинов».

2. Поручик Андреевский показывает, что во время производства майором Раевским следствия по предпи-

санию начальства о бежавших в 5-й егерской роте, бывшей тогда под командою его, Андреевского, встречал роту сими словами: «Здравствуйте, друзья!» и показывал перед солдатами более дружеского, нежели начальничьего вида. Утверждал перед ротою, что их «наказывать никто не смеет, потому что вы имеете дивизионного начальника отца; между тем и я вас могу защищать». После чего, обратясь к нему, Андреевскому, сказал: что порционные деньги, несмотря ни на какие приказы, и ему советует раздать на руки, так как он, Раевский, уже сделал в 9-й егерской роте. В заключение всего сказал: «Прощайте, друзья, будьте спокойны».

3. Портупей-юнкер Михайловский показывает, что майор Раевский, бывши еще капитаном и командовавши 32-го Егерского полка 3-ей егерской ротой, принимал все меры к истреблению повиновения в нижних чинах и к нарушению всех обязанностей службы и военной дисциплины; он думал поселить в умах их презрение к начальству и, желая поколебать их верность, всегда при сборе роты внушал, что солдат есть священная особа, не подлежащая и малому наказанию и, что тот, кто употребляет во зло власть свою, есть злодей, против коего они могут вооружиться и мстить ему; а чтобы дать более силы словам своим, присовокуплял еще, что если бы сам он забылся до того, что в горячности своей сказал бы какое грубое и обидное для них слово, то они имеют право, невзирая, что он командир их, схватить, связать и вести к дивизионному командиру. Унтер же офицерам своей роты не велел иметь никакого влияния на рядовых, а сим последним сказал, что они не обязаны повиноваться, ни слушать их; поцелуи, ласковые слова и подобные сему увещания были теми орудиями, посредством коих думал он успеть в злом намерении своем.

№ 5. Ответные пункты майора Раевского по черновым его бумагам («Рассуждение о рабстве...»)

1. В ответ на вопросы о тиранической власти владельцев (5-й) и о законе, дающем русскому помещику право торговать, менять, проигрывать, тиранить крестьян (6-й) Раевский писал: «... угнетение помещиками крестьян заметил в Каменец-Подольской губернии: селений не помню, но твердо знаю, что во многих местах крестьяне работают кругом целую не-

делю на помещика. Разыскания по сему предмету весьма нетрудны (5-й)... А что помещики торгуют людьми, то в подтверждение слов сочинителя я могу представить много примеров, но ограничусь несколькими:

1. Покойный отец мой купил 3-х человек, порознь от разных лиц и в разные времена: кучера, башмачника и лакея.

2. Помещик Гринев, сосед мой в 7-ми верстах, порознь продавал людей на выбор из 2-х деревень.

3. В Тирасполе я много знаю таковых перекупов. Например. доктор Лемониус купил себе девку Елену и девку Марию — сию последнюю хотел продать палачу. Не знаю продал ли? Капитан Варгасов (холостой) купил себе девку у майора Терещенки; лекарь Белопольский купил себе двух девок: Варвару и Стефаниду и пр. и пр. А в пример тиранства я могу представить одного из соседей моих по имению — помещика Тюфер Махера, у которого крестьяне работали в железах» (6-й).

2. В ответ на 7 -й вопрос — «Какие вы имеете доказательства, что русский помещик вспоен слезами и кровавым потом своих подданных»: — «Сия статья, полагаю, есть только поэтическая выходка сочинителя, риторическая фигура, ибо **физически** подобное суждение было бы, конечно, удивительно».

3. На 8-й вопрос о свободных предках и как понимать, что русские сделались рабами и «мы внутри самого нашего величия не видим своего унижения в рабстве народном»: — «Здесь, кажется, дело идет не вообще о целом народе русском, но только о помещичьих крестьянах — тем основательнее могу думать, что он (т. е. Охотников, которому Раевский в первое время приписывал «Рассуждение о рабстве». — **П. Б.**) говорит о предках, а известно: 1. Что до царя Алексея Михайловича крепостных крестьян не существовало. 2. Предки наши от основания России всегда были под монархическим правлением, кроме одного Новгорода. А называет он презрительным сие рабское состояние крестьян и потому, что при конце сей фразы поясняет, — **мы** не видим унижения своего в рабстве народном. Здесь определяет он **мы, т.** е. сословие дворянское и свободное от народного или крепостного, или просто **мы** относится к сочинителю сего рассуждения г. Растопчину, против коего он пишет».

4 На 9-й вопрос о смутных обстоятельствах, патриотизме и «какое зло стало слишком очевидно»: — «Смутными обстоятельствами и своекорыстием вшествие татар, кои поло-

жили начало сему рабству; под именем патриотизма я думаю, всякий разумеет святую любовь к Отечеству; здесь сочинитель, кажется, говорит о состоянии угнетенных крестьян господских».

5. На 12-й вопрос — «Из какого сочинения выписано мнение из Аристотеля»: — «Как во многих местах вводит он подобные же извлечения из сего автора, то видно, что он весьма внимательно разбирал его философию; впрочем, Аристотель есть на русском языке и если не ошибаюсь, то в семинариях русских, до введения Баумейстеровой метафизики, преподавалась нравственная философия по Аристотелю. Я не знаю, что разумел под сими словами сочинитель, но намерение великой Екатерины дать России законы, основание комиссии о составлении законов доказывает, что государи русские в наши времена обращали на сей предмет свое отеческое внимание. Впрочем, я подобную мысль, с некоторыми добавлениями, видел во Всеобщем Стряпчем, ч. II, гл. III».

6. В ответ на 14-й вопрос о том, что «для коммерческих действий народа, при сильной деятельности необходимы свободные права»: — «Общее мнение и доказательство по сему предмету можно видеть из сочинений: 1) Учителя их имп. высочеств г. Шторха, 2) Из соч. профессора Сея и Сим. де Сизмонди, профессоров императорской Академии, 3) из многих статей, помещенных в «Духе журналов» и других временных изданий».

7. В ответ на 16-й вопрос о дворянстве, «погрязшем в разврате, бездействии и самовластии» и о словах: — «Граждане! тут не слабые меры нужны, но решительность и внезапный удар»; и на 17-й — в котором говорится о несоответствии ссылки на Указ, в то время, как в рассуждении идет речь о «решительном ударе»: — «Так как в продолжение 15-летней службы моей я внутри России находился весьма мало, то доказательств о разврате помещиков делать не берусь, хотя слыхал много тому примеров. Здесь мне видно, что сочинитель говорит, что сии развратные и самовластные господа не хотят, чтобы отнята была власть от них над бедными крестьянами. Под именем граждан, очевидно, разумеет он высшее сословие народа; под именем решительного удара, сколько я понимаю, разумел автор один подчерк имени государя: т. е. Указ, ибо дело идет только о господских крестьянах... слово **гражданин** как в латинском, так и в русском языке происходит от города, но под сим названием разумеется класс людей

вольных как в Риме, так принято и в России. **Именитый** гражданин есть звание, имеющее свои особые и важные привилегии. Гражданская палата, гражданские законы, гражданская одежда и проч. суть проистекшие от того слова, следственно, автор, относясь к гражданам, разумел не крестьян, не солдат, но людей высшего сословия. А так как он опровергает мысли Растопчина и как видно из целого сочинения везде преследует слова: еще рано, еще умы не созрели, то здесь «слабые меры» означает медленность в окончании сего уже начатого действия, то и относится к тем, коих Растопчин мог убедить, что слабые меры нужны, что еще умы не созрели и сих-то называет он, как выше пояснил, гражданами. Теперь осмелюсь обратить внимание комиссии на слово **удар**, а в особенности **здесь**. 1) Удар может быть физический и нравственный; 2) удар в болезни — паралич; 3) удар — несчастье; 4) внезапный удар — неожиданное несчастье; 5) решительный удар — конец, окончательное действие. К кому относится здесь слово «удар?» для кого сей удар? К помещикам и для помещиков. В чем может состоять сей удар? **В состоянии крестьян.** Император даровал конституцию царству Польскому и обещал таковую же дать России — он медлит и миллионы и пр. мысль сделалась светла. Итак, если император медлит, если бы он знал мысль автора, то он бы не медлил. Следственно, от него зависит медлить или не медлить и нанести сей удар для помещиков, или положить конец, окончательное действие рабству крестьян».

8. В ответ на 18-й вопрос — «Какие дела скрыты в архивах, какие злодеяния остались еще не открытыми»: — «...Я с своей стороны могу сказать: например, в Курской губернии помещик Деревицкий разбойничал со своими крестьянами; помещик Воропанов тоже; помещик Ширков зарезал девицу Алтухову и заставлял с собой купаться девок, тут же, выйдя из воды, любодействовал с ними. В Харьковской губернии помещик Бедряга со своими людьми резал людей. Слышал (не знаю правда ли), что одна дама вырезывала груди у своих крепостных девок и ела их; говорят, она сидела под Сухаревой башней в Москве. Фельдмаршал Каменский завел остроги, тюрьмы, железа и пр. в своем имении, что довело до такого отчаяния его крепостного крестьянина, что он топором убил фельдмаршала. Впрочем, я не берусь умножать сотнями примеров то, что до меня не касается, а тем более о нерешенных делах, сокрытых в архивах».

9. Отвечая на вопрос (22-й) о дворянах, которые завели у себя серали, Раевский писал: — «Если комиссии угодно, чтобы я назвал вместо сочинителя несколько примеров, вот они:

1. Курской губернии помещик Дмитрий Васильевич Дятливо содержит сераль. 2. Помещик Синельников также. 3. Помещик Щигловский также. 4. Капитан Охотников рассказывал мне о нескольких таковых помещиках Московской губернии Дмитриевского уезда, имена забыл. 5. О помещике Ширкове уже выше сего сказал. Впрочем, на свободе я бы в один год до сотни примеров с доказательствами представить мог... По христианскому закону добровольно девка не пошла бы на поругание для удовлетворения скотской страсти своего помещика».

10. На вопрос (30-й) о том, почему вымарано только имя Екатерины, а не вся мысль о прошлом: — «О протекшем царствовании дозволено говорить истории, не только сочинению, определенному лежать в портфеле. Ссылаюсь, начиная от г. Карамзина до г. Константинова. Сей, последний, на странице 133 и 135 второй части учебной книги для институтов, не только говорит о жестоком правлении императрицы Анны, но он говорит о слабости ея к любимцу своему Бирону, исчисляет жертвы падения по проискам сего министра, выводит число одних дворян до 21.000, погибших на плахе или в Сибири, в 9 лет, называет лица, говорит о казнённых по подозрению за мнимое преступление, по ложным доносам и пр. Но прежде всего я уже сказал, что я хотел переделать сие сочинение, и поэтому оставил его вчерне».

11. На повторное требование (32-й) «дать ответ ясный» словам — «миллионы скрывают своё отчаяние до первой искры»: — «Вот как понимаю мысль сию: ...автор, может быть, видел и знал много примеров жестокого положения крестьян; может быть, он читал жизнь яикского казака Пугачева, против которого верховная власть должна была послать сперва генерала Михельсона, после того — победителя народов Суворова; может быть, он видел, что успех сего изверга основан был, кроме имени царя, на бесчеловечном истреблении помещиков и присоединении к себе их крестьян; может быть, он прочёл ужасный список от 108 до 128 страницы 2-й части сего злодея — до самого конца оной и основал мнение свое на гипотезе исторической...

Но я нахожу мысль сию недостаточною или несправедливою, ибо многие не скрывают отчаяния своего. Я сам был

свидетелем лет 10 тому назад в Полтавской губернии, близ селения Решетиловки, ужаснейшего бунта 700 душ крестьян помещика Кирьякова, против коих было выслано войско и артиллерия. В проезд мой из С.-Петербурга сюда я слышал на одной станции, что целое селение Минской губернии вышло на большую дорогу и жаловалось его имп. высочеству цесаревичу. Смерть фельдмаршала Каменского и другие многие примеры могут служить доводом слов моих».

12. 33 и 34 вопросы требовали объяснить «Какой патриотизм и какая таинственная сила управляли Вами»: — «Комиссия военного суда уже в **другой раз** спрашивает меня, что такое, или какой **патриотизм**. Если патриотизм есть преступление — я преступник! Пусть члены суда подпишут мне самый ужасный приговор — я подпишу приговор... Под именем патриотизма подразумеваю я любовь к своему отечеству, основанную на своих обязанностях».

№ 6. Ответные пункты Раевского на разные места «Протеста».

1. **Вопрос 62-й**. «В тетрадях деспотическим правлением названо одно только правление Ивана Васильевича и, кажется, безошибочно». В какой именно тетради вашей названо правление Ивана Васильевича деспотическим, о каком Иване Васильевиче вы говорите и где теперь упоминаемая вами тетрадь находится?

Ответ. Все тетради и бумаги мои были опечатаны и забраны при моем аресте. Я не помню, в какой именно тетради сказано сие, но так как меня в том уличали юнкера Перхалов и Бартенев, то и отвечал я, что правление Ивана Васильевича Грозного названо Деспотическим, а что оно было точно деспотическое, в том ссылаюсь на русскую историю г. Карамзина, кажется, IX часть.

2. **Вопрос 63-й.** В «Дополнении к «Протесту» сказано: «О конституционном правлении сказал я то, что прежде меня сказано во многих русских книгах». В каких именно книгах?

Ответ. Определение разного рода правлений есть в каждой учебной книге по сему предмету, в каждой простой обыкновенной географии. О конституционных чинах и представителях говорит Зябловский в своей «Политической географии». А как скоро на русском языке существует «Естественное и гражданское право» Цветаева, Куницына, «Римское... —» Шле-

цера, в переводе «О существе законов» Монтескье, Фергюсонова «Нравственная философия» и, наконец, Наказ комиссии великой Екатерины, то что значит простое определение какого бы то ни было правления? без коего даже и обойтись в преподавании уроков нельзя. — Я назвал правление Конституционное новейшим, ибо оно точно есть новейшее. Хотя слово Конституция значит только постановление, но под ним в новейшие времена разумеется правление представительное, обеспеченное постановлением (Конституцией).

Я не помню, чтобы где-либо я назвал правление сие лучшим, полагаю, что это была вставка Сущова, но если бы и в самом деле названо оно было лучшим, то, кажется, великий монарх не дал бы худшего правления народу, в коем существовали уже гражданские постановления (я говорю о царстве Польском). Великая Екатерина не созывала бы депутатов для составления законов и тот же великий Александр не учреждал бы комиссии о составлении законов; не сказал бы, даруя конституцию царству Польскому, что он приготовляет таковую же для своего народа.

3. **Вопрос 64-й.** В «Дополнении к «Протесту» сказано, «что в обширном государстве другого правления быть не может, кроме монархического, следственно — нынешнее правление названо монархическим...». Из какой статистики вы взяли, что в обширном государстве другого правления быть не может, кроме монархического?

Ответ. ...Я уроков, мыслей и мнений моих особенно из какой-либо книги никогда не извлекал; я повторил здесь только истину, признанную всеми политиками. Рим, завоевавши свет, из народо-правления обратился в монархию; народоправление французское, усилясь войнами от 1792—805 г., вручило диктаторство полководцу и тотчас обратилось опять в монархию; королевство Польское, которое по влиянию своих магнатов не могло обратиться в монархию — перешло в олигархию и, наконец, в совершенную анархию, которая повлекла за собою падение государства. Я бы мог здесь привести более примеров, но утверждать дознанную истину, которая клонится к подкреплению существующего порядка вещей, было бы отклонение только от настоящего предмета, без особых выгод для дела моего. Свидетели сих слов моих могут быть все те юнкера вышнего класса, кои не жаловались на меня и не переведены были по жалобе в корпусную квартиру, как-то: Шпажинский, Слепушкин и проч.

4. **Вопрос 65-й.** Как в тех же ваших тетрадях помещены имена Квироги и Риего и «история не произнесла еще над ними своего суда», то почему вы поставили их между славными людьми, и какие русские книги и журналы писали о них с похвалою?

Ответ. ...Имена Квироги и Риеги помещены в тетрадях не так как имена славных людей, но просто как имена **собственные,** т. е. принадлежащие одному лицу или предмету, — следственно, имена Квироги ли, Риего ли, Сущова, Платонова или Ваньки-Каина поставлены для примера все равно. А славными именами названы имена Вашингтона и Франклина и то не в тетрадях Охотникова, но в доказательствах только по моему Протесту... Я не говорил «какие-либо книги или журналы писали о них с похвалою?» Я говорю только просто, что писали. И вот слова мои: «Или те имена, о коих говорят книги и журналы наши». Что имена Франклина и Вашингтона находятся в книгах, то не только на журналы и особенно изданные книги, но ссылаюсь даже на **учебную книгу: Плутарх для юношества,** а имена Квироги и Риего находятся во всех русских журналах с 1819 года, в коих помещаются политические известия; под статьею — **из Испании.** Впрочем, оканчивая ответ сей, я повторяю, что я его делаю не за себя, но за умершего капитана Охотникова.

№ 7. Ответные пункты по «Оправданию»

1827 года генваря 15 дня в присутствии комиссии Военного суда, учрежденной при войсках Литовского отдельного корпуса царства Польского в крепости Замостье, подсудимый 32 Егерского полка майор Раевский допрашиван и показал:

Вопросы:

В Оправдании, поданном вами в высоч. учрежденный Комитет, показывается о многих происшествиях, случившихся в разных полках, а потому имеете против каждого пункта ответить: от кого все сие знаете, в коих именно полках, батальонах и ротах и кем именно, означив чин, фамилию и тем дать ясные и точные доказательства, с означением свидетелей, места происшествий, годов, месяцев и чисел.

4-й

«33 Егерского полка поручик Коломейцев арестован

был именно за то, что не хотел принять гнилой муки из Тираспольского магазейна для батальона: «я тебя продержу под караулом до тех пор, пока ты не поешь все эти 25 четвертей», — сказал ему, сажая под арест, генерал Желтухин. Сия весьма важная статья, к несчастью, слишком справедлива. Солдаты при тягости караулов должны были есть несколько месяцев хлеб, которого не смел бы дать приказчик домашним животным у богатого помещика».

Поясните, в какой батальон или роту был отпущен гнилой провиант, кто батальонный и ротный командиры: куда отпустили оный, много ли раз был таковой отпущаем в роты и сколько времени и при ком именно говорил генерал Желтухин Коломейцеву эти слова, и как он долго содержался под арестом.

На 4-й

Начало сего обстоятельства узнал я нижеследующим образом: казенному денщику моему Филиппу Григорьеву приказал я, из отпускаемого мне на 3 денщиков провианта, сделать себе квас, или испечь хлеб, хорошо не помню, но денщик принес мне напоказ муку и я увидел, что мука сия никуда не годится и вовсе не только затхлая, но даже гнилая, так что и денщик мой не употреблял её в пищу, а отдал хозяину, который исправил свиньям. — На вопрос мой, почему он принял такие пайки? он отвечал: что **всем отпускают такие же**. Не веря ему, я спрашивал у караульных офицеров и у некоторых солдат и они мне подтвердили то же. Имён их не упомню, но вот точные доказательства:

1) Провиантский смотритель 10-го или 12-го класса Бем в Тираспольском магазейне, опасаясь ответственности за приемку такового провианта, рапортовал о том генерал-интенданту 2 армии Юшневскому, который в ответе своем предписал: «Принимать означенный провиант, руководствуясь повелениями корпусного начальника, который есть хозяин в своем корпусе». Сие обстоятельство рассказывал Бем, не помню кому, приходя на крепостную гауптвахту для проверки сумм. Но из интендантской канцелярии можно истребовать означенный рапорт Бема в оригинале.

2) В другой раз при мне Бем показывал записку собственной руки генерала Желтухина: «Принять провиант, который Бем забраковал».

3) Старший адъютант Главной квартиры 2-й армии г. подполковник Давыденко заходил на главную гауптвахту крепости Тираспольской и пробовал хлеб, неизвестно по какому случаю — и когда спросил у нижних чинов: «всегда ли им отпускают такой провиант?», то нижние чины отвечали: «Этот ещё годится! а прежде такой давали, что есть нельзя». Этот ответ слышал я сам, стоя в то время на галлерее гауптвахтной.

4) О происшествии с г. поручиком 33 Егерского полка Коломейцевым рассказывал мне он сам, будучи посажен на главную гауптвахту, но так как его тот же день перевели на острожную гауптвахту, в город, то достоверно не могу сказать сколько дней сидел он под арестом? — кажется, пять дней.

Так как г. Бем должен иметь или записки, или повеления, коими руководствовался в приемке провианта от подрядчиков, то покорнейше прошу комиссию военного суда у него оные истребовать.

Кто были ротные командиры 33 и 34 Егерских полков я не помню, но знаю, что сие делалось в то время, когда начальник 6-го пехотного корпуса был в отпуске в 1825 г., а дивизионный командир генерал-лейтенант Желтухин заступил на его место; следственно — из высочайших приказов можно видеть месяц и число.

Провиант же таковой был отпускаем на батальоны 33 и 34 Егерских полков, кои приходили для содержания караулов в корпусную квартиру.

5-й

«Юнкер Сущов находился полтора года с лишком в бегах, его поймали в России, посадили в острог, потом по объявлении своего звания прислали в полк, там предали суду. Лекарь дал свидетельство, что он учинил побег в сумасшествии; — и довольно. Он оправдан и опять принят юнкером в тот же полк».

Поясните, из какой роты бежал, кто был ротный командир, не сделал ли при побеге какого противузаконного поступка? при какой бумаге, с какого острога был прислан? кто дал свидетельство, что он учинил с сумасшествия побег? кто его вылечил и кто ему вторично выдал свидетельство, по которому он опять принят в полк?

На 5-й

Юнкер Сущов бежал в первый раз из 7-й егерской роты, коею командовал капитан Лозинский.

Перед побегом своим написал он **фальшивое письмо**, в коем уведомляют его будто бы родственники, что при оном письме посылают ему 900 руб. денег. Написавши письмо сие, показал он своему ротному командиру, уверяя, что означенные деньги без его доверенности или без личного присутствия почтмейстер г. Липовца не выдаст. Почему до получения сих просил взаймы 150 или 300 рублей, кои ему капитан Лозинский и дал. На другой день Сущов уже не являлся, на третий — военную его одежду и амуницию нашли на огороде той квартиры, где квартировал, а партикулярной одежды его уже не было, в коей он и бежал.

Обстоятельство сие рассказывал мне капитан Лозинский сам, в присутствии капитанов (что ныне майоры) Бучевского, Дрейшера, Томашенко, Крыжова и многих других офицеров, коих не упомню. Почему и прошу покорнейше спросить как их, так и полкового командира, который должен был знать сие обстоятельство.

Из какого острога он прислан я точно не знаю, но знаю, что первоначально сдан был в 34 полк, а оттуда — в 32-й; свидетельство дал ему полковой лекарь.

Лечиться он нигде не мог и не лечился, ибо я Сущова знаю еще **за двадцать лет перед сим** с теми же рубцами на лбу и с синими пятнами по лицу, на коих основываясь дано ему свидетельство, и он никогда с ума не сходил. Но если он учинил побег в сумасшествии, то сумасшествие его есть особенного и нового рода, ибо он в сумасшествии так искусно к побегу приготовился.

Вторичного свидетельства никто ему не выдавал. А почему он принят в службу, прошу покорнейше спросить начальника штаба 2-й армии генерал-адъютанта Киселева. Положим, что он написал фальшивое письмо, выпросил обманом денег, взял их, переоделся в партикулярное платье и бежал в сумасшествии, но мог ли сумасшедший в продолжение полутора года скрываться внутри России без виду или с фальшивыми видами при деятельности нашей полиции, особливо в отношении к бродяжничеству, и не имел ли времени беглец, придя в себя, в продолжение сего долгого срока раскаяться и явиться у ближайшего начальника или возвратиться в полк.

Сущов был **сумасшедший,** когда учинил важное преступление, Сущов был **меланхолик,** когда его поймали в другой раз из побега, который продолжался несколько дней, но когда Сущов донес на меня, лжесвидетельствовал во всех обстоятельствах, где он не был и даже быть не мог, находясь под караулом во всё время пребывания моего в полку, то он учинился столь здравого ума, столь отличных способностей, что менее нежели в год своей службы произведен в портупей-юнкера и в прапорщики. С коего времени более с ума не сходил и в меланхолию не впадал.

9-й

«Смею утвердительно сказать: что таковым образом во всех полках производятся судные дела над нижними чинами. И потому никогда не раскрыто истинной причины столь необыкновенных побегов в нашем корпусе».

Представьте на сие ясные доказательства и в каких именно полках?

На 9-й

Так как обстоятельство сие заметил я до ареста моего, то, будучи в продолжение 5-ти лет совершенно отделен от общества, от круга действий человеческих, при беспрестанных переменах темниц, обстоятельств и даже самых дел, многие могущие пояснить сей пункт происшествия изгладились из памяти моей. Хотя чрез изыскания и расспросы мог бы я возобновить их в памяти моей, но, будучи отдален за 2000 верст от места происшествия и в таком заключении,—я не могу, ибо лишен средств доказывать. Если раскрыть многие судные дела, поступившие в Полевой аудиториат, а еще вернее те, кои конфирмованы полковыми командирами о нижних чинах, то я уверен, многие из них подписаны также разными чернилами — и по сим-то следам открытие обстоятельств в подтверждение слов моих весьма не затруднительны.

Как скоро комиссия военного суда окончит судное дело мое, то из производства оного может заключить о справедливости слов моих. Если комиссия, избранная самим корпусным начальником, в деле, на которое некоим образом обращено было даже внимание верховной власти, судившая меня, как штаб-офицера, служившего до того 11 лет без проступков и войну, учинила столько несправедливостей, столько отступлений от законов, — оказала столь явное презрение к лицу

моему, словам и **законным** оправданиям и доказательствам, — то что ж должны терпеть нижние чины в том корпусе?

Осмеливаюсь здесь включить новые два обстоятельства: 17 пехотной дивизии из Колыванского пехотного полка бежал рядовой Орлов. Его поймали и предали суду. В суде оной рядовой объявил: **«Пусть со мною, что хотят, то и делают, но я служить больше не буду и не хочу!»**

17-й же дивизии Екатеринбургского полка рядовой, приговоренный к шпицрутенам, произнося ужасные ругательства против вышней власти, объявил тоже, что он **«служить более не будет!»**. Оба они по конфирмации генерала от инфантерии Сабанеева, за отсутствием главнокомандующего, наказаны кнутом и сосланы в Сибирь в каторжную работу, в походе 1824, или в начале 1825 года, когда главнокомандующий был в отпуске.

Неоспоримо, что солдаты сии должны иметь самую развращенную нравственность, но и развратный человек может ли без важных и чрезвычайных причин предпочесть смертную казнь, или наказание кнутом и вечную каторжную работу солдатскому званию? Таковое отчаяние не может происходить от одной развратной нравственности.

Из сих примеров, кои привожу я, и из подобных тому, кои будут помещены в разных ответных пунктах ниже сего, ясно видеть можно, что слова мои есть истина неоспоримая, которую доказать со всеми подробностями препятствует мне только нынешнее положение моё.

10-й

В 32 Егерском полку из 2 батальона в один день бежало 21 человек, вам предписано было расследовать это дело. Вы открыли его со всеми подробностями и навлекли на себя не только жалобы виновных ротных командиров, но негодование самого начальства. Дело впоследствии велено было переследовать и новая комиссия никого не нашла виновным. «Натурально ли, чтобы эти люди, из коих половина служила войну, другая состояла из отличных учебных солдат и ефрейторов, бежали без всякой причины?»

Поясните, кто именно были бежавшие люди? из каких рот и от каких причин бежали? от кого и когда именно вам предписано расследовать то дело, кто были открыты вами виновные, кто такие ротные командиры, кои на вас жаловались, в чём и кому? от какого начальства было на вас негодование.

кто при преследовании сего дела составлял новую комиссию и отчего оная не нашла никого виновным? сколько старых солдат, которые служили войну?

На 10-й

Здесь доказательства мои могут быть тверды — я производил исследование лично; большая половина бежавших людей была из карабинерной роты. Вот первое доказательство, что люди были отличного поведения!

Другая половина — из 5 егерской роты. Того же батальона, при тех же тягостях и караулах, из 6 егерской роты вовсе не было побегов. Ротами, из коих главный побег учинен, командовали — 2 карабинерной — поручик Нер; 5-й — поручик Андреевский; виновными открыты были: гг. Нер и Андреевский. Первый — в чрезвычайно жестоком обращении, так, что из роты представлены мне были два крепкие выбитые из челюсти зуба, ибо г. Нер давал по 20 и 25 ударов кулаками в зубы, приговаривая: — «Вас не велено крепко бить палками по спине, так я вас проучу кулаками по зубам».

Андреевский, кроме жестокого обращения, побоев и удержки провианта, одними гнусными, изысканно скверными ругательствами совершенно отвратил людей от ревности по службе, которая поддерживается одобрением; 4 егерской роты фельдфебель Садовский и некоторые из унтер-офицеров, попущенные ротными командирами, чрезвычайно теснили солдат и обходились столь жестоко, что один из них грыз даже в злости уши солдатам. Но смею заметить, что, несмотря на все **сильные меры,** взятые мною пред допросом для открытия истины, означенный фельдфебель Садовский и рядовой Рассказов, стращали солдат, не знаю по чьему внушению, что те, кои будут показывать претензию, будут прогнаны сквозь строй.

Исследование производил я по предписанию полкового командира полковника Непенина. Обвинённые мною ротные командиры жаловались не начальству, а своим товарищам, чем возбудили против меня негодование подобных себе офицеров, как, например: Цыха, Гомановского, Михайловского, Витта и проч. Негодование же начальства видел я из перемены со мной обращения батальонных командиров и из показаний против меня по следственному делу. Комиссия ясно усмотреть может, что личное только негодование могло внушить г. майору Барсукову те нелепости, коими хотел он об-

винить меня, не представляя никаких доказательств. А шёпотный донос подполковника Неймана дивизионному начальнику есть только следствие сего негодования.

Вторая комиссия была наряжена бригадным начальником полковником Ахлестышевым, что учинила и кто был в комиссии мне неизвестно.

Ефрейторов было два; служивших войну большая, кажется, половина. Худого поведения из них был только один.

Если бы сто комиссий после меня переследовали это дело, и равно не нашли никого виновным, то здравый рассудок подкрепляет истину слов моих, ибо без важной причины старый и отличного поведения карабинер не решится предпочесть жизнь бродяжническую, а в случае поимки — торговую казнь, званию своему.

11-й

Как в рапорте вашем, поданном командиру 32 Егерского полка полковнику Непенину 1821 года генваря 25 дня за № 2 о злоупотреблениях, найденных вами во 2-м батальоне, ничего не упоминается о выбитых зубах, то кому вы представляли упомянутые зубы и при какой бумаге?

На 11-й

По окончании исследования во 2-м батальоне 32 Егерского полка о причинах побегов представил я г. полковому командиру сверх рапорта ранжирный список всех 2-х рот с означением против каждого рядового кто какую претензию объявлял, причем означенные зубы полковому командиру показывал, но хорошо не помню оставил ли их у него или взял обратно. А так как в это самое время производил я осмотр кордонной линии Донских войск Казачьего полка, расположенной по Черному морю и Дунаю, где равно спрашивал претензии и также подал список особо от рапорта, то оба сии списка не помню хорошо возвратил ли мне полковой командир, или оставил у себя?.. ибо, сколь мне известно, по поданным мною спискам и рапорту о претензии казаков предписал он, будучи дистанционным начальником, уплатить полковому командиру, а по рапорту о 2-м батальоне неизвестно мне что учинено...

Списки же сии составлял я при унтер-офицере Бубнове и даже показывал батальонному командиру 2-го батальона майору Барсукову по окончании исследования.

12-й

«В Екатеринбургском полку бежало в один месяц до 140 человек и причины не раскрыто».

Поясните причину такового побега и кто производил следствие в сем полку, чем кончено? и представьте на сие достаточные доказательства.

На 12-й

Как сие, так и прочие показания о побегах извлечены мною в разные времена из приказов г. главнокомандующего 2 армией и корпусного начальника. Причин сих побегов я точно определить не могу, ибо при исследовании не находился, кто расследовал сие дело мне неизвестно.

Но я прошу всепокорнейше комиссию военного суда истребовать из дежурства 2-й армии ведомость и приказы, кои отдавались насчет побегов в 6-м корпусе (кажется, каждомесячно) с 1820 по 1826-й год. Кроме того, что приказы сии будут служить доводом к подтверждению слов моих, из оных усмотреть можно будеть все число бежавших людей в продолжение сего времени без всяких причин.

И если комиссия военного суда допустит меня учинить сравнительное соображение и замечания мои, то, может быть, причины таковых побегов и пояснятся.

13-й

«В 31 Егерском полку бежало в один день 33 человека и причины не раскрыто».

Поясните причину такового побега и кто производил об оном исследование, чем кончено и представьте на сие достаточные доказательства.

На 13-й

Чем кончилось исследование и кто оное производил мне неизвестно. Дело сие уничтожилось и, кажется, последствий и причин не оказалось.

14-й

«Бежавших сих из Екатеринбургского и 31 Егерского полков людей расстреливали, но побеги не уменьшились, сделались искуснее».

— Поясните, чем побеги сделались искуснее?

Расстреливали людей не в Екатеринбургском и 31 Егерском полках, но в целом 6-м корпусе. Что побеги не уменьшились, сие можно видеть из приказов г. главнокомандующего и месячных рапортов, но что они сделались **искуснее,** то я учинил сие замечание сам, находясь при дивизионной квартире, ибо явившихся из побегов почти не было, а поимка как земским, так и военным начальством вовсе прекратилась.

Прежде того дезертиры укрывались иногда в Бессарабской области или в Херсонской губернии, но после того устремились они на одну точку: на переправу через Дунай и Прут. Следов побегов их, как и поимок, уже открыть невозможно было. А пример в 32 и 31 Егерских полках, где побег учинен **вооруженной рукою,** т .е. с заряженными ружьями и во всей боевой амуниции, что доказывает, что в случае погони они решились защищаться — может служить яснейшим доводом не только тому, что побеги учинились искуснее, но что они сделались **отчаяннее.**

Здесь осмеливаюсь учинить новое замечание: когда дивизионный начальник 16-й пехотной дивизии генерал-майор Орлов начал предавать суду за жестокое обращение с нижними чинами, когда майор Вержейский, майор Шурман (31 Егерского полка), капитан Гимбут, капитан Брюхатов и проч. были арестованы и отданы под следствие, когда солдаты увидели, что жалобы их уважены, что есть правосудие, тогда побеги в 16 дивизии не только уменьшились, но почти вовсе прекратились, что видно из приказов г. главнокомандующего 2 армии графа Витгенштейна в 1821 году, где он отдает свою благодарность генералу Орлову за уменьшение или прекращение побегов в 16 дивизии.

Вот некоторым образом пояснение вообще о **причинах побегов.**

В подтверждение замечания сего, осмеливаюсь обратить внимание Комиссии военного суда на собственное исследование о побегах во 2-м батальоне 32 Егерского полка: в том же батальоне, при тех же караулах, при том же жалованьи, на одинаковом расположении по границе — из одной роты не бежал ни один человек, а из той роты, где люди избраны из целого батальона по поведению и службе, учинён главный побег.

Я командовал около года ротою, ко мне переведено было

несколько человек из других рот, пойманных из побегов, как-то: Пуплинский, Пискляков и другие, коих имян не упомню, но во всё мое командование ни один человек не бежал, а я командовал не карабинерной ротою, взыскивал строго и предавал суду, что видно из штрафной книги и дела моего.

Беру вольность опереться на самих членов комиссии, кои служат и знают, что русский солдат, сколь бы сурово (лишь не мучительски) не взыскивали с него, но если за дело. никогда не ропщет, **наказанный справедливо** всегда **чувствует**, что он не **имеет права жаловаться.** Русский солдат слишком понимает, что слабое командование хуже строгого, ибо в первом случае добрый солдат должен стоять наравне с негодяем; ему известно, что у слабого начальника он зависит более от капризов фельдфебеля и унтер-офицеров, нежели от капитана.

Принявши в командование в 32 Егерском полку 9 роту, я нашел, что некоторые из унтер-офицеров, как-то Карелин, Лаптев, давали солдатам по 200 и 300 ударов палками в лежачку, следственно и другие унтер-офицеры имели то же право. Итак, мудрено ли, что солдат, особливо рекрут, измеряя 25-летний срок и видя в одной только роте 24 человека, кроме капитана и офицеров, которые имеют право давать ему почти ни за что по 200 и 300 ударов палками, решается на побег?...

Я сказал «почти ни за что», ибо за дело или за важный поступок капитан наказывает сам, а за преступление и капитан не имеет права наказывать, ибо преступнику судьею должен быть закон, — не частное лицо.

15-й

Говоря о причинах побегов, вы представляете 9-й егерской роты унтер-офицеров Карелина и Лаптева, что они до командования вашего означенною ротой по 200 и 300 ударов палками давали солдатам в лежачку: то кто в то время командовал 9-ю ротою, не помните ли тех солдат, коих они так жестоко наказывали, кто вам сие рассказывал и чем вы доказать можете?

На 15-й

Об этом первоначально объявил мне фельдфебель Иванов, а после того узнал я сие обстоятельство от других унтер-офицеров и нижних чинов. Роту принял я от поручика Попо-

ва, кто до него командовал мне неизвестно; — впрочем, таковое обхождение с нижними чинами было весьма обыкновенно, что подкрепить могу двумя еще примерами:

1. По принятии мною роты приказал я чрез несколько времени вывести роту для осмотра. Идя по передней шеренге, заметил я, что рядовой Меленчук был очень бледен и худ. Я спросил его: не болен ли он? — «Немного слаб», — отвечал он... Придя на квартиру, я приказал его отправить в госпиталь, но фельдфебель Иванов объявил мне, что Меленчук не имеет никакой особой болезни, но что он чахнет от того времени как батальонный командир подполковник Нейман наказал его, дав 500—600 ударов. На вопрос мой: «За что он был наказан?»

— «Подполковник его допрашивал, подозревая в воровстве холста». — «Что ж, он сознался?» — «Никак нет-с, — отвечал фельдфебель, — часа чрез четыре после нашли настоящего вора».

2. В то же самое время, идя по фронту, увидел я завязанную руку у рядового Гладкова. Я спросил: болит ли у него рука и почему он завязал? Он объявил мне: что батальонный адъютант прапорщик Якоби, равняя фронт, ударил его сильно шомполом по руке, а с тех пор у него рука пухнет. Я отправил его в полковой лазарет, и на руке оказался костяной нарост от сильного удара.

Вот два солдата — почти из фронта вон. В справедливости сказанного мною комиссия военного суда удостовериться может от самого Меленчука, если он жив, от Гладкова и от всех нижних чинов 9 роты. Обстоятельство сие может подкрепить статью в дополнениях моих к оправданиям: **понятие о законах.**

17-й

Вы бы указали на Серково, Камчатское, Охотское и другие селения, цветущие и ежедневно возрастающие на правом берегу Дуная, как на следствие сих судов и весьма немногих других причин, но вы не смеете входить в толико тонкие исследования; вы бы почли себя особенно счастливым и неволю свою вдвое легче, если бы в вашем положении высочайше учрежденный комитет дозволил вам изложить мнение ваше о прочном основании судебной части в полках и повелел представить на усмотрение его.

Поясните, что вы имеете указать на Серково, Камчатское,

Охотское и какие еще другие селения? и в чем именно цветущие и ежедневно возрастающие на правом берегу Дуная? в чем состоит следствие сих судов? и что значит другие весьма немногие причины, а также — какое вы имеете изложить мнение ваше о прочном основании судебной части в полках? тогда как на сей предмет есть достаточные правила и наставления в законах.

На 17-й

Серково, Охотское и Камчатское суть селения, основанные русскими беглецами на правом берегу, при устье Дуная, т. е. в северной части Македонского Пашалика Турецких владений. Серково основано Некрасовским казачьим полком, учинившим побег в царствование императрицы Екатерины. А так как они суть старообрядцы, то принимают в свои селения только тех, кои согласны следовать правилам их веры.

Но, конечно, многие из дезертиров, не желая делать перемен в религии, основали новые селения под названием Охотского и Камчатского, по именам полков, до 20 лет уже расположенных по сей границе и, конечно, из коих учинены первые и, может быть, значительные побеги. Сперва они жили в землянках, но ныне обстроились весьма хорошо и занимаются работным промыслом и торговлею. Вот почему говорю я **цветущие**, а **возрастающие** от беспрерывных и неимоверных побегов.

Здесь: как **наследствие сих судов** значит: что селения возрастают и процветают от побегов, а побеги не прекращаются, сколько я понять могу, потому что солдат, потерявши надежду найти правосудие и видя себя утеснённым, прибегает к сему преступному средству. Другие немногие причины суть: жестокое обращение или корыстолюбие начальников. Но смею заметить:

1-е. Если бы солдат чувствовал себя утесненным и надеялся, что жалоба его будет услышана, что доказательства будут приняты, что **начальник, против коего он жалуется, лишен будет возможности мстить ему**; 2-е. Если б суды действительно согласно с законами защищали правое дело и согласно с высоким выражением Екатерины великой: **«Имели одинакую выгоду оправдывать невинного, как обвинять преступного»**, то какую надобность имел бы солдат жертвовать участью целой жизни или самой жизнью, видя и понимая, что с переменою начальника, который утесняет, переме-

нится и участь его? тем более, тот солдат, который прослужил более половины своего срока? Особливо малороссиян(ин), в коем замечена швейцарская болезнь, тоска по отчизне. Рекрут может учинить побег от глупости, развращенный солдат —от пьянства, штрафованный по суду — от безнадежности, но честный, добронравный солдат, прослуживший более 10 лет или 15-ти, может ли решиться покинуть родину, при дознанной в народе русском привязанности к ней, оставить закон и честное имя — одним словом, решиться на столь неверный и всегда пагубный для него шаг, от глупости, пьянства или безнадежности?

О прочном основании судебной части в полках

В силу присяги, произнесенной мной: открывать все, что я думаю, быть полезным, выгодным е. и. в. я открываю, может быть, ошибочно, но здесь прошу Комиссию военного суда снисходительно принять ошибки, видя, что целью и намерением моим суть выгоды е. и. в., ибо крепчайшая опора престолов есть правосудие.

I

Членам комиссии небезызвестно, что в обыкновенные судные комиссии из полков отряжаются почти всегда офицеры, более свободные от должности, нередко менее нужные в полку; весьма часто случается, что таковые офицеры не только общего свода законов, процесса воинского, полковничьей инструкции и временных воинских постановлений, но даже артикулов воинских твердо не знают.

II

Членам комиссии равно небезызвестно, что весьма часто полковых писарей при производстве в аудиторы оставляют в тех же полках. Нередко даже случается, что полковой писарь занимался в канцелярии одной строевой, несудебной перепискою.

III

Офицеров, комиссию и аудитора назначает полковой командир по собственному произволу.

Из чего следует: если комиссия производит дело при полку, то участь подсудимого, какого бы чина или полка он ни был, зависит более от воли полкового командира, нежели от законов и судей.

Доказательство:

IV.

Полная зависимость, 20-летняя привычка к беспрекословному повиновению аудитора, кондуит его, следственно, участь целой жизни, в руках полкового командира, недостаток имущества — вот важные причины почему аудитор может иногда уклониться от пути правого, ради страха или лицеприятия.

V

Нетвердое понятие о законах, обязанности по службе и вообще дознанная неохота фронтовых офицеров находиться в комиссиях, в отлучке от своей настоящей обязанности, могут быть причиною их ошибок, или идущей от спешности, или незнания, или безпечности, всегда вредных и даже гибельных для подсудимого; и власть полкового командира назначать и переменять членов по собственной воле может служить поводом к подобострастию и лицеприятию.

VI

И потому осмеливаюсь думать: что если бы в полках, учреждены были временные комиссии **по выбору** гг. штаб и обер-офицеров из отличных и благонравнейших офицеров, тогда самая необходимость, соревнование оправдать занятие своей или возложенной должностью — были бы поводом как к познанию законов, к навыку в соображениях, так равно и трудному искусству судопроизводства, от коего зависит и скорое и верное решение дел, — кои, как членам комиссии небезызвестно, имеют весьма медленное движение в полках.

Осмеливаюсь при том мыслить, что хранители законов и правосудия должны иметь преимущество пред хранителями денег.

VII

За сим беру вольность полагать, что если бы гг. аудиторы почитались в откомандировках при вышеупомянутых комиссиях из Полевых аудиториатов армий или департамента и зависили более от своего точного начальства, тогда личные виды, боязнь и лицеприятия не могли бы вмешиваться в действия их, одним словом: руки их были бы развязаны.

Бедственный опыт показал мне, сколь пагубно ныне для подсудимого малейшее негодование частного начальника.

Генерал Сабанеев донёс на меня, обвинил меня, членов следственной комиссии назначил сам. Под надзор ему вверена была судная комиссия, членов суда назначил он же сам. Сильный начальник заслуживает доверие, но сильный начальник равно человек и может, как человек, иметь свои страсти.

Кто были члены обеих комиссий? Начальник штаба того же корпуса, корпусный вагенмейстер, 4 инвалидных офицера из подвижных рот, при корпусе состоящих, остальные же того корпуса, под командою генерала Сабанеева состоявшего, фронтовые офицеры.

Итак, дело было произведено и решено как бы домашним образом, в своем кругу.

Мне воспрещено было жаловаться на незаконные действия суда. Дабы написать и подать протесты мои, я должен был прибегнуть **к хитрости.** Но видя, что по жалобам моим не приступают к расследованию, я хотел писать в Аудиториатский департамент, но все пути были пресечены, и сие важное право, порука за безопасность подсудимого, было у меня нагло отнято.

Если бы комиссия судила меня справедливо, если бы она не руководствовалась частной волей, какая польза лишать меня средства оправдываться? какая нужда препятствовать мне говорить в защиту свою?

Осмеливаюсь заметить: если бы вдруг кто-либо из членов, особливо из инвалидных офицеров, чувствуя тревогу совести, вздумал вооружиться против неправосудия, отвергнув лицеприятие и страх, то, оставя уже зависимость, вредные и даже гибельные для него последствия, какую пользу принес бы он подсудимому, когда исключить его из комиссии и назначить другого зависит от воли того же частного начальника.

Занятие собственными оправданиями, болезненное состояние, тягость заключения не дозволяют мне входить в дальнейшие рассуждения по сему предмету. Я изобразил только первую мысль мою в слабом очерке; систематическое изложение мнения моего, о предмете толико важном, требовало бы и трудов и свободного времени.

19-й

«Еще двух месяцев не прошло как дивизионный начальник 17 дивизии, подъехавши к 17 батальону 34 Егерского полка, батальонному командиру сказал: «Сдери с солдат

шкуру от затылка до пяток, а офицеров переверни кверху ногами, не бойся ничего, я тебя поддержу».

Вот законы! и майор Гимбут (который уже был под судом за жестокое обхождение с нижними чинами) в точности исполнил приказание сие». Вы не смеете при толико важных особах говорить о странных и беззаконных поступках его, по принятии с вас ответов по новому делу вы обо всем объявили г. корпусному начальнику.

Поясните, кто именно дивизионный начальник говорил вышеупомянутые слова? и представьте достаточные доказательства, что майор Гимбут в точности сие приказание выполнил и над кем именно? по какому новому делу, при снятии с вас ответов, вы обо всем объявили и какому корпусному командиру и что объявили?

На 19-й

Дивизионный начальник есть г. генерал-лейтенант Желтухин. Что майор Гимбут исполнил сие приказание, то в доказательство имею честь привести нижеследующее:

1) Г. Гимбут приказал испечь себе и для своих денщиков хлеб из солдатского провианта. Унтер-офицер пришел ему доложить, что солдаты, находясь в казармах, не имеют вовсе экономии от провианта. Г. Гимбут дал ему за сие объявление 200 или 300 палок.

2) Осматривая чистоту или не имеется ли венерической болезни у нижних чинов, найдя у одного детородный член закрытым, **собственными руками** разорвал ему оный в кровь.

3) Найдя нечистоту у одного солдата на том же члене, начал показывать оную ротному командиру поручику Ушакову 1-му. Когда тот отвечал — «вижу-с», — «я знаю, что вы видите, но вы должны были сами это вычистить»... Ушаков подал в отставку — и, кажется, дивизионным начальником был арестован, — хорошо не помню.

О наказании безвинно двух унтер-офицеров за то, что они исполнили волю своих офицеров и о многих других происшествиях говорил мне первоначально прапорщик Ковалевский, равно ссылаюсь того ж батальона на поручика Ушакова 1-го, Ушакова 2-го, прапорщиков Саблино, Логачева и на других офицеров, кои содержали караул в крепости Тираспольской в декабре месяце 1825 года.

При запросе: принадлежу ли я к скопищу убийц? (полагаю — так генерал Сабанеев называл тайное злоумышлен-

ное общество) о сих-то поступках г. Гимбута объявлял я корпусному начальнику генералу от инфантерии Сабанееву.

22-й

«32-го Егерского полка капитан Цых, подрезавши печать или нижнюю доску ящика, похитил своей роты все артельные деньги и в то же время написал фальшивую расписку за почтмейстера и отослал к майору Загорскому, намереваясь утаить должные ему 150 рублей».

Поясните, какого ящика подрезал печать или доску полкового или ротного? где тот ящик находился и был ли при нем часовой, кто именно и которой роты? сколько Цых похитил артельных денег и которою ротою он в то время командовал? за какого именно почтмейстера и по какому случаю написал фальшивую расписку и отослал к майору Загорскому, намереваясь утаить должные ему 150 рублей и какая была связь его с почтмейстером в сих деньгах?

На 22-й

Имею честь в ответе изложить вкратце сие происшествие.

В начале 1823 г. командовавший 16-й пехотной дивизией генерал-майор Нилус при чинении инспекторского смотра в 32-м Егерском полку приступил к поверке сумм. Из полкового казенного ящика вынули и принесли денежный запечатанный ящик 1-й карабинерной роты, коею командовал Цых. Из него вынули конверт, запечатанный 4-мя ротными печатями и одной полковой. Печати сняли и вместо 965 рублей солдатской артельной суммы найдена тонкая, чистая почтовая бумага. Так как Цых запирался, чем навлёк подозрение на полкового командира полковника Лишина, у коего была в руках печать, то дело учинилось слишком гласным, почему наряжено было формальное следствие и по изысканиям оказалось, что Цых был творителем сего искусного дела.

В то же самое время раскрылось следующее обстоятельство: капитан Лазинский с производством в майоры переведен был в другой полк и в другой корпус. Отъезжая, вручил он Цыху сто пятьдесят рублей ассигнациями, прося его доставить оные майору Загорскому, который, хотя был переведен из 32-го Егерского полка, но находился в той же дивизии.

По истечении довольно долгого срока, списавшись уже с майором Лазинским, майор Загорский письмом или бумагою

в полк, потребовал деньги от штабс-капитана Цыха. Цых отозвался с удивлением о неполучении сих денег и тогда же представил расписку или квитанцию за подписью аккерманского почтмейстера. Загорский, видя тут черный поступок почтмейстера, представил расписку в Дубоссарский почтамт, требуя о взыскании денег с почтмейстера и о поступлении с ним по законам.

По сему делу наряжено было новое следствие и оказалось: что Цых на почту денег не отдавал, от почтмейстера расписки не получал, что деньги сии он утаил и написал фальшивую расписку. Почтамт и почтмейстер учинили сие дело гласным, вследствие сего г. Цых, по представлению командовавшего дивизией генерал-майора Нилуса, был предан суду: 1-е. За похищение из казенного ящика артельных денег, 2-е. За утаение 150 рублей, 3-е. За составление фальшивой расписки и 4-е. За оклеветание почтмейстера. И до дня моего отъезда в С. Петербург, т. е. по 10 число генваря 1826 года, находился под судом 17-й дивизии при Екатеринбургском полку.

29-й

«Дело Селенгинского полка капитана Бороздьы и 34-го Егерского — капитана Созоновича, оба противуестественные, черные и почти неслыханные, но совершенно противоположные, уже решены».

— Поясните всю важность сих дел подробнее и кем оные, где и когда решены? и о какой вы говорите противоположности?

На 29-й

Дело капитана Бороздьы состоит в том, что он мужеложствовал с нижними чинами вверенной ему роты. И, по праву присвоенной на сие власти, побоями принуждал к тому солдат, а капитан Созонович, оскопясь сам, перескопил до 20 человек нижних чинов вверенной ему роты.

Оба они сосланы в монастыри. По объяснении сего комиссия военного суда может видеть противуположность и противуестественность сих преступлений.

№ 8. С. Черепанов. Заметка о Раевском

(В редакцию журнала «Русская старина»)

В мартовской книжке «Русской старины» сего года, на стр. 376-й, встречается заметка Владимира Федосеевича Ра-

евского, написанная им в 1844 г. Меня удивила едва ли не главная цель этой заметки — желание доказать, что г. Раевский не принадлежал к известному обществу декабристов. Между тем в Сибири установилось убеждение, что Раевский принадлежал к этому обществу, раньше других был замечен, но не выдал никого, за что и пострадал сам. В. Ф. не опровергал этого убеждения и едва ли не поддерживал его. По крайней мере, в несколько лет моего довольно близкого с ним знакомства*, — он не рассеял во мне этого убеждения.

В настоящей заметке В. Ф. говорит, что вопрос: за что был он арестован, содержим в крепости, в чем заключался вредный образ мыслей его и т. д. остался никем не разъясненным. Но в 1866 году обстоятельство это разъяснено И. П. Липранди в его записях «Из дневника воспоминаний», напечатанных в «Русском архиве» того года, стран. 1256. Вот что там сказано: «...Раевскому, всегда в весело-мрачном расположении духа, пришла мысль переложить известную песню Мальборуга, по поводу смерти подполковника Адамова. Раевский начал, можно сказать, дал только тему, которую стали развивать все тут бывшие, и Пушкин, которому, хотя личности, долженствовавшие войти в эту переделку, и не были

---

* Владимира Федосеевича Раевского первый раз встретил я в Александровском винокуренном заводе (80 верст от Иркутска) в 1833 г., куда был я командирован на следствие вместе с Н. С. Турчаниновым, известным ботаником, — к которому, как к знакомому, и приезжал Раевский из места своего водворения — деревни Олонки (верст 18). Тут с ним я почти не познакомился, обменявшись только общими приветствиями, — но в 1840, 41 и 42 гг. Раевский каждое лето приезжал на открытые мною и устроенные минеральные воды в Тункинском пограничном округе, где я был начальником. Ныне там Ниловская пустынь, названная так по имени архиепископа Нила. В Тунке он останавливался у меня, а лето проводил я большей частью на водах. Там В. Ф. построил на свой счет домик, носивший его фамилию. Каждую зиму я ездил к нему в Олонки, и он принимал меня очень радушно, едва ли не потому, что, может быть, метил меня в женихи своей дочери, которую впоследствии выдал за весьма хорошего чиновника земской полиции. Полагаю это потому, что у В. Ф. было заведено по приезде приятного гостя заказывать к обеду жареного индюка, что он и приказывал в два или три раза первых к нему моих приездов, но когда я приехал к нему в 1843 г. уже помолвленным (и притом на гувернантке), о чем, разумеется, ему и сообщил, то он тотчас приказал: «Сегодня индюка жарить не нужно!». С того времени я больше не виделся с ним. Случай этот и многие другие доказали мне большое преобладание в этом моем знакомце аристократических убеждений, что в его положении было не совсем удобно... С.Ч.

известны, а не менее того, он давал толчок, будучи как-то в особенно веселом расположении духа. Но несмотря на то, что, может быть, десять человек участвовали в этой шутке, один Раевский поплатился за всех: в обвинительном акте военного суда упоминается о переложении Мальборуга... В Тульчине это было признано за криминал» и т. д. После этого главного и другие обвинения выяснены в записках г. Липранди, как-то: таблицы и пр., а равно и неучастие В. Ф. в тайном обществе. Г. Липранди, конечно, пользовался оставленными ему Раевским записками о его деле, о чем упоминается на странице 1438. Вообще в этих записках много сведений о В. Ф. Раевском, но мы имеем его письмо, в котором он упоминает о составляемых им самим своих воспоминаниях. Дай бог, чтобы он кончил и напечатал!

Что показание И. П. Липранди о Мальборуге и проч. вполне верны, служит доказательством следующее: получив в 1866 г. в Казани «Русский Архив» с помянутою статьею, я тотчас сделал выписку всего, что касалось В. Ф. и послал к нему. В ответном письме, благодаря за внимание, он говорит, что книжка «Русского Архива» с статьей Липранди лежит у него на столе. Следовательно, если бы была какая-нибудь неверность, то В. Ф. имел много времени указать её и исправить.

Итак, шуточное переложение Мальборуга погубило человека, а все знающие его полагали тут важное политическое дело... Это напоминает указание в «Северной пчеле», при редакции г. Усова, что известный откупщик Гарфункель выдает себя в Париже за политического изгнанника!..

В отношении влияния В. Ф. на окружающую его среду, могу привести два случая: первый, что я раз видел в его передней сельского священника, подобострастно ожидавшего решения своего хозяина о покупке хлеба (В. Ф. занимался большою хлебною операцией и в то же время по болезни по целым годам не выходил из комнаты); другой: он был женат на простой крестьянской девице и довел ее вот до какого совершенства. Когда я в 1838 году приехал в Тунку, то нашел там поселенным декабриста Люблинского, которого предместники мои десять лет не выпускали из Тунки. Я отпустил его в Урик, где были поселены Волконские и многие из окрестных поселений к ним съезжались, так что Люблинский видел там многих «русских женщин», как назвал их Некрасов. По возвращении он рассказывал, что-де «наши

дамы крайне изменились, совсем нельзя узнать в них прежних аристократок, только одна молодая Раевская (жена В. Ф.) сохранила все манеры прежнего своего положения: сейчас видно столичную даму». А она-то и в глаза не видала ни одной столицы.

В молодости я знал напамять несколько стихотворений В. Ф., между прочим, одно под заглавием: «Она», — без сомнения, тут была воспета его почтенная супруга, составлявшая истинное для него утешение в изгнании. К сожалению, всё это испарилось из памяти и не сохранилось в бумагах*. Одно, что могу привести — это короткую надпись на портрете Наполеона I. Надобно сказать, что В. Ф., по своим убеждениям, не жаловал этого баловня судьбы. Портрет его не пользовался почетным местом в доме Раевского (точно также и история Наполеона I-го, которую видел я разорванною в известном месте). На портрете была такая надпись:

«Не доказал, что крепок ты,
Но доказал, что люди слабы!».

Казань. 10 апреля 1873. С. Черепанов.

Искренно благодарю редакцию за высылку мне журнала в нынешнем году. Плодом чтения этого журнала была посылаемая статейка о Раевском, которую и прошу принять в посильную заслугу за Ваше любезное ко мне внимание.

Всегда готов служить вам Черепанов.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 18, изд. 4, стр. 14—15.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 234.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 103.

[4] В первой части статьи приводятся в систему и полнее раскрываются те положения автора, которые были даны в его же статье Новое о Раевском, Ученые записки Ульяновского педагогического института, Пушкинский юбилейный сборник 1949, стр. 210—219, 314—334 (в дальнейшем Пушкинский сборник), а также в статье Творческий путь Вла-

* Они были у меня частью отобраны, частью истреблены, по случаю розыска «Писем к сестре Лунина», которые и были у меня найдены. С. Ч.

димира Раевского, Ученые записки Ульяновского Государственного педагогического института, вып. IV, Ульяновск, 1950, стр. 177—224. Вместе с тем привлекается новый архивный материал (о Лунине, Бартеневе, Радченко и др.), дающий возможность полнее осветить основные факты политической биографии «первого декабриста».

[5] В. Базанов, Вольное общество любителей Российской словесности, Петрозаводск, 1949, стр. 145.

Письма к Приклонскому опубликованы в Пушкинском сборнике, стр. 298—300.

Кроме железных колец, в 1816 году в Каменце был ещё и Дружеский лист в кругу адъютантов. Р. показывал, что «связи были в кругу товарищей без всякой другой цели, кроме искренности и доброго согласия один с другим, — без всякого союза. Кольца одинакие они носили без другого вида, кроме приязни, и ничего не обозначали. Дружба сия не была в большом кругу». К этому показанию сделано примечание Сабанеева: «Связи дружеские не требуют ни подписок, ни обязательств, ни отличительных знаков (колец). Следовательно, цель связей была не дружба, но прямо заговор, или сумасбродство... Кольца, вероятно, должны были служить знаком для незнакомых той же секты людей. Не может быть, чтобы несколько человек согласились на выдумку колец и утвердить в том присягою».

[6] Справки о членах тайного общества, собранные по показанию полковника Бурцева. ЦГИА, ф. 48, ед. хр. 243, лл. 28—28 об., 39 об.

[7] Журналы заседания Следственной комиссии, там же, д. № 26, заседание XXI, л. 442.

[8] Рапорт начальнику главного штаба... генерал-лейтенанту графу Куруте Комиссии военного суда, учрежденной при войсках Литовского отдельного корпуса, № 52, марта 22 дня, 1827, крепость Замостье, ФЦГВИА, ф. 9, т. III, ч. I, л. 19.

[9] ЦГИА, ф. 48, оп. 48, № 149, л. 15. В «Ответных пунктах Раевского на разные места его «Протеста» (1827) называется иная дата: 1820 год, при переезде из Малороссийского в 32 Егерский полк. Следующие за этим утверждением слова объясняют, почему назван этот год. «Это было в июле или августе 1820 года, а в январе 1821 года Охотников сказал, что Общество уничтожено». Здесь же Раевский утверждает, что он якобы только из запросов Следственного комитета в феврале 1826 года узнал о том, что Общество, в которое его принял Комаров, называлось Союзом общественного благоденствия. ф. ЦГВИА, т. III, ч. I, л. 55—56.

Следовательно, изменение даты (с 1819 на 1820) было вызвано тем, что декабристу необходимо было показать себя пассивным, молодым членом общества, слабо разбирающимся в его целях и задачах. При допросе в Комиссии военного суда при Литовском корпусе 16 февраля 1827 г. он опять назвал 1820 год, как год приема, ИРЛИ, (Пушкинский дом), 3168, л. 37.

[10] Там же, л. 49, об.

[11] М. В. Довнар-Запольский, Мемуары декабристов, Киев, 1905, стр. 37.

[12] Там же, стр. 10.

[13] Ответные пункты майора Раевского по черновым его бумагам, ИРЛИ, 3168, л. 37.

[14] Довнар-Запольский, Мемуары декабристов, цит. изд., стр. 6.

[15] ЦГИА, ф. 48, оп. 48, д. 149, л. 15.

[16] Восстание декабристов, т. IV, ГИЗ, 1927, стр. 192. В освобождении Раевского важную роль должен был играть Комаров, которому Пестель передал для этого духовое ружье, привезенное ему Майбородою из Тулы.

[17] ФЦГВИА, ф. 9, д. 42, т. VII (X), лл. 228—229.

[18] ИРЛИ, 3168, лл. 35, об. 36.

[19] ФЦГВИА, ф. 9, д. № 42, т. I, лл. 99—100.

[20] Там же, т. III, ч. I, д. 94.

[21] Пушкинский сборник, стр. 317.

[22] Там же.

[23] М. В. Довнар-Запольский, Мемуары декабристов, цит. изд., стр. 35.

[24] Там же, стр. 36, 37.

[25] «Красный архив», 1925, т. 13, стр. 161—162.

[26] Восстание декабристов, Центроархив, т. 3, стр. 258.

[27] «Секретный журнал Главного штаба 1822 года», Отношение главнокомандующему 2 армией от 20 апреля, № 36, Архив АН СССР, ф. 100, оп. 1, № 201, л. 88.

[28] Его статья называется Дело Раевского, там же, л. 1—2.

[29] «Красный архив», т. XIII, 1925, стр. 303.

[30] Там же, стр. 304.

[31] Замечания генерала Сабанеева по «Протесту». ФЦГВИА, ф. 9, № 42, т. 3, св. 18, л. 265—30, замечание 34.

[32] Из показаний юнкера Михайловского, там же, т. 1, под лит. А л. 75.

[33] Ответные пункты по «Оправданию».

[34] ФЦГВИА, т. VII, л. 57.

[35] Оригинальная переписка о учинившемся в Аккермане пожаре и прочих обстоятельствах, там же, т. 9 (XIII), лит. В, к № 42, св. 18.

[36] К этому Раевский добавил: «Если вы имеете право рубить руки, то рота имеет право рубить вас», там же, т. II, ч. I, л. 56 об.

[37] Там же, т. I, лит. А, л. 91.

[38] Ответ полицмейстеру дан 5 сентября 1821 года, а письмо Инзову— 9 сентября 1821 г. 26 сентября 1821 г. Инзов указал аккерманской городской полиции на неправильность ведения следствия над Раевским, там же, т. 9, лит. В, лл. 174, 184, 187.

[39] Там же, т. 1, § 25, лл. 287—297.

[40] Дополнение к «Протесту», там же, т. 7, лл. 165—166.

[41] Там же, д. № 648, л. 633.

[42] Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского, под ред. Н. Дубровина, сборник РИО, СПБ, 1891, т. 78, стр. 94.

[43] Пушкинский сборник, стр. 319.

[44] Замечания генерала Сабанеева по «Протесту», № 50.

[45] Пушкинский сборник, стр. 321.

[46] Рапорт начальнику главного штаба... графу Куруте..., ФЦГВИА, т. III, ч. I, л. 3.

[47] Там же, т. 1, лит. А, л. 2.

[48] Там же, т. III, ч. 1, л, 1—19.

[49] Дело Раевского, Архив АН СССР, ф. 100, опись 1, № 201, л. 6.

50 О доносе мичмана Демутье..., ЦГИА, ф. 48, д. № 417, л. 89.
51 Пушкинский сборник, стр. 246,247.
52 Замечания генерала Сабанеева по «Протесту», № 21.
53 Об этом говорит, например, Ф. П. Радченко в своей статье Дело Раевского.
54 Пушкинский сборник, стр. 236.
55 Замечания Сабанеева по «Протесту», № 42, 43.
56 Пушкинский сборник, стр. 232.
57 Замечания Сабанеева по «Протесту», № 70.
58 Пушкинский сборник, стр. 239.
59 Там же, стр. 240, Замечания Сабанеева, № 93.
60 ФЦГВИА, т. 1, л. 130—146.
61 Пушкинский сборник, стр. 236.
62 Там же, стр. 247.
63 Там же, стр. 235.
64 И. П. Липранди, Из дневника и воспоминаний, «Русский архив», 1866, IV, стлб. 1255 (прим. 32).
65 Ответные пункты по черновым бумагам, Дело о майоре Раевском в Комиссии военного суда при Литовском корпусе, ИРЛИ, 3168, лл. 31—31 об.
66 Там же.
67 В меньшей мере это коснулось его казенных денщиков Ф. Григорьева и И. Андреева. Воспользовавшись арестом Раевского, дежурный штаб-офицер 6 корпуса подполковник Кравченко (производивший обыск в камере заключенного декабриста) «силою вынудил» Филиппа Григорьева и Андреева косить для него сено, посадив их в канцелярию сторожами, где и хотел держать их до тех пор, пока не решится дело Раевского. Солдаты вынуждены были косить сено для Кравченко, который за работу не дал им ни копейки. Узнав об этом, Раевский заступился за них, подал об этом рапорт начальнику штаба 6-го пехотного корпуса генерал-майору Вахтену, который «приказал Кравченко, — пишет декабрист, — удовлетворить моих денщиков». Ответные пункты на разные места «Протеста», ФЦГВИА, т. III, ч. I, л. 22 об.

Этих же солдат пытались подкупить. Перед допросом Филиппу Григорьеву и Ивану Андрееву было дано 5 рублей (там же, л. 23 об.), но они ничего нужного для Сабанеева не показали.
68 Пушкинский сборник, стр. 242. Оттиски пятиконечной миниатюрной звезды встречаются на письмах Раевского. Это действительно «таинственная эмблема», связанная, повидимому, с неизвестными нам программно-политическими установками «первого декабриста».
69 С. Гессен, Солдатские волнения в начале XIX века, М, 1929, стр. 48, 60. П. Е. Щеголев, Исторические этюды, 1913, стр. 241.
70 Пушкинский сборник, стр. 231.
71 ФЦГВИА, т. I, лл. 222, 225. Об этом же сказано и в статье Ф. П. Радченко Дело Раевского.
72 Там же, л. 222.
73 Пушкинский сборник, стр. 319.
74 ФЦГВИА, т. 7, л. 216.
75 Пушкинский сборник, стр. 320.
76 Архив АН СССР, ф. 100, оп 1, № 201, л. 30.
77 Письмо к сестре В. Ф. Поповой от 21 мая 1868 г., «Русская старина», 1902, III, стр. 599.

[78] См. П. Бейсов, Дело Мозевского, Пушкинский сборник, стр. 58—73.

[79] Об учреждении надзора за штабс-капитаном Бартеневым, по поводу его связи с бывшим майором Раевским, ЦГИА, ф. III отд., 1 эксп., № 492, 1832 г., л. 3.

[80] П. Бейсов, Новое о Раевском, Пушкинский сборник, стр. 214—215; ЦГИА, ф. III отд., 1 эксп., № 492, 1832.

[81] Эти записки опубликованы в Пушкинском сборнике, стр. 334.

[82] ЦГИА, д. № 492, л. 3 об.

[83] «Русский инвалид», 1828, № 318.

[84] А. Фадеев, Декабристы на Дону и на Кавказе, Ростиздат, 1950, стр. 26. Характеристика В. Д. Сухорукова дается по материалам этой работы.

[85] ЦГИА, д. № 592, л. 3 об.

[86] А. Фадеев, Декабристы на Дону и на Кавказе, цит. раб., стр. 60.

[87] А. С. Грибоедов, соч., Л. 1945, стр. 637.

[88] ЦГИА, д. № 492, л. 4.

[89] Там же, л. 4.

[90] Там же, л. 11.

[91] Там же, л. 42.

Дальнейшая судьба Ивана Бертенева такова. С октября 1834 года он поступает в канцелярию костромского губернатора Приклонского, на что последний запрашивает разрешение Бенкендорфа. В 1835 году И. Бартенев просит «о снисхождении и милосердии», но безрезультатно. В декабре 1837 года он работает правителем дел костромской комиссии народного продовольствия, правителем дел губернского статистического комитета и правителем дел по комитету сооружения в г. Костроме памятника Сусанину. В этом же году устраивает губернскую выставку изделий промышленности к приезду наследника, от которого получает бриллиантовый перстень, что дало повод для просьбы о даровании прощения «за заблуждения молодости» (л. 28), но Бенкендорф отказывает в ходатайстве. В 1839 году Б. был членом-корреспондентом Статистического отделения Совета Министерства, а в 1840 году, как чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел, Б. был командирован для описания Владимирской губернии, «весьма примечательной в промышленном отношении» (л. 49). В этом же году был командирован «для собирания необходимых сведений по части народного продовольствия в Московскую губернию, имевшую в 1839 году скудный урожай хлеба» (л. 60). За Бартенева ходатайствовали: костромской гражданский губернатор Приклонский, граф Чернышов, министр внутренних дел граф Строганов, наследник. 9 декабря 1839 г. на ходатайстве последнего Бенкендорф написал: «Не осмелился бы, но ходатайство его высочества» (л. 44). 11 сентября 1840 г. Николай I, после заверения Строганова, что Бартенев будет работать «под непосредственным личным наблюдением» (л. 49), дал согласие на проживание Б. в Петербурге, «с тем, однако же, чтобы продолжать за ним смотреть» (л. 67).

[92] Архив АН СССР, бумаги Дубровина, ф. 100, оп. 1-я, д. 201, л. 1—42.

[93] Статья состоит из следующих частей: Вступление, Арест, Обвинение, Суд, Заключение, Оправдание, О Союзе. Во «Вступлении» автор называет лейтенанта флота Гамалею, совершившего «черный и презрения достойный поступок»: он передал письмо Раевского к Непенину ге-

нералу Черемисинову для доставления корпусному командиру. Характеристика генерала Киселева дана в главе «Обвинение». По мнению Ф. П Радченко, этот генерал «обязан своим возвышением более стройной наружности тела, приятности лица и природным способностям ума, нежели опыту и познаниям». Убедившись в том, что Орлов совершенно прав, Киселев и Сабанеев, вместо исправления своей ошибки, «решились оболгать и погубить Раевского, дабы оправдать себя в глазах государя. Какая адская политика! Политика, достойная веков Тиберия и Калигулы». В главе «Суд» с восхищением говорится о солдатах 9-ой роты, роты Раевского, которые в течение 15 дней находились под допросом: «Ни ласкательства, ни угрозы, ни побои — ничто не могло поколебать их благородной твердости в угоду тиранской власти». «Заключение» начинается словами: — «Прежде, нежели приступлю к заключению о деле, я должен изобразить характер генерала Сабанеева». Затем идет злая и беспощадная характеристика Сабанеева, которого даже Киселев называл «лимоном». «Случай или судьба, говорит Радченко, возвели его на эту степень самыми мрачными дорогами. Он заслужил чин генеральский, будучи безвестен и, находясь в шведскую, турецкую и французскую войну, нигде не отличил себя особенно. 35-летней своей службе и либеральному образу своих мыслей обязан он тем, что сделался несколько заметен. Эгоист в душе, корыстолюбив до бесконечности, он в маленьком теле заключал самую маленькую душу. Убегая от людей, он старается скрыть свои презренные правила, а дерзкими суждениями свое невежество». Этому «маленькому человеку» автор противопоставляет Раевского, отмечая его смелость в ответах на суде, его уверенность в правоте дела, его равнодушие и веселость, а не ожесточение, как это можно было бы ожидать. Эта часть рассуждения заканчивается словами: «ежели Киселев имеет еще совесть (не говорю о Сабанееве), то нет сомнения, что она часто будет напоминать ему о злодеянии». В противовес этим злодеям автор статьи, вслед за характеристикой Сабанеева и Киселева, с восхищением говорит о солдатах, о их «славном примере», о их решительности, которая разрушивала «все адские намерения и замыслы Сабанеева». Заканчивается эта глава объяснением причины, побудившей Ф. П. Радченко написать статью, и указанием на его встречу с Раевским, после 14-месячного заключения последнего в крепости.

[94] В нём имеются разночтения, по сравнению с общепринятым. Приведу некоторые из них. Вместо стиха «Злодейской смерти под ножом» в списке Ф. П. Радченко сказано: «Безвестной смерти под ножом, иль в мрачных сводах заточенья». В этом же тексте совершенно ясно высказано отношение к солдатам. Если в последних вариантах сказано:

Напрасно голос громовой
Мне верной чести боевой —..,

то в рассматриваемом тексте:

Напрасно голос громовой
Мне верной черни боевой
В мою защиту отозвался: ,
Сей голос верный пред судом
Сочтен был тайным мятежом
И в подозрении остался.

Подобное звучание естественно. Оно определяется ходом событий дела Раевского и ролью солдат, о чем неоднократно говорил сам декабрист и что ясно раскрыто в статье Радченко.

Вместо стиха:

Где прежде жертвы зверской власти, —

у Радченко: Где прежде жертвы царской власти.

Конец произведения также несколько иной, чем в общепринятом тексте:

Ступайте... Там для вас, друзья,
Сияет солнце на востоке,
И отразилася заря
В шумящем кровию потоке.
Под сень священную знамен,
На поле славы боевое
Зовет вас честь добрая, святая.
И сей ужасный звон
Поколебал подземны своды,
Разбудит он народный сон
И гидру спящую свободы!

Этот список послания весьма близок списку Мозевского.

«Послание к друзьям» отвечало общему духу статьи «Дело Раевского» и поэтому они объединены в одно целое.

[95] Прочитав «Певца в темнице» про себя, Пушкин после этого прочитал И. П. Липранди и Таушеву следующие строки, которые ему особенно понравились:

Как истукан, немой народ
Под игом дремлет в тайном страхе:
Над ним бичей кровавый род
И мысль и взор — казнит на плахе.

«Он повторил последнюю строчку, — пишет Липранди, — и прибавил, вздохнув: «После таких стихов не скоро же мы увидим этого Спартанца». Так Александр Сергеевич иногда и прежде называл Раевского, а этот его — «Овидиевым племянником», «Русский архив», 1866, IV, стлб. 1451.

[96] Основные факты политической биографии «первого декабриста» после 1827 года в сибирской ссылке, даны в статье «Творческий путь Владимира Раевского» (Ученые записки УГПИ, Ульяновск, 1950, в. IV, стр. 212—221) и поэтому в настоящей статье я на них не останавливаюсь. Новым фактом является «Заметка о В. Ф. Раевском» С. Черепанова. См. прил. № 8.

[97] «Рассуждение о рабстве крестьян и необходимости скорого преобразования в России» впервые полностью опубликовано мною в Пушкинском сборнике, 1949, стр. 248—252. Этой публикацией и пользуюсь.

[98] ФЦГВИА, ф. 9, к № 42, т. XII, «Разные черновые бумаги»... л. 246 об.

[99] ЦГВИА, ф. 48, Журналы заседания Следственной комиссии, л. 19.

[100] Г. И. Габов, Общественно-политические и философские взгля-

ды декабристов, изд. Знание, М., 1953, стр. 23.

[101] ИРЛИ, 3168, л. 37.

[102] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, под. ред. И. Я. Щипанова, т. II, 1951, стр. 95—123.

[103] ИРЛИ, там же, л. 31. У Липранди был другой список «Рассуждения о рабстве», переданный ему Раевским или Охотниковым (л. 27). Этот список, повидимому, остался у Липранди.

[104] О солдате, сб. Декабристы, сост. В. А. Орлов, ГИХЛ, М.-Л., 1951, стр. 475.

[105] ФЦГВИА, т. I, л. 13, об., 14.

[106] Там же, л. 14.

[107] «Красный архив», 1925, т. XIII, стр. 297.

[108] Пушкинский сборник, стр. 334.

[109] См. приложение, № 2.

[110] Пушкинский сборник, стр. 258.

[111] Там же, стр. 308.

[112] Там же.

[113] П. Е. Щеголев, Исторические этюды, СПБ, 1913, стр. 248.

[114] «Красный архив», 1925, т. XIII, стр. 302. Письмо от 1 мая 1821 г.

[115] Замечания Сабанеева на «Протест», № 80.

[116] А. Н. Радищев, Избранные сочинения, ГИХЛ, М., 1949, стр. 276.

[117] ЦГИА, ф. 48, № 32, л. 81 (17 янв. 1826).

[118] Там же, л. 117 об.

[119] Из показаний. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. II, стр. 170, цит. изд.

[120] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. II, стр. 380, цит. изд.

[121] В указанном выше сборнике высказывания Раевского о монархическом правлении приводятся неточно. Привожу по автографу, ФЦГВИА, т. XII, л. 234. Неточно же приводится его высказывание и о конституционном монархическом правлении. У Раевского сказано: «Новое конституционное монархическое правление пользуется всеми устройствами и благодеяниями республики» (л. 234).

[122] Там же, т. I, л. 23.

[123] Там же, л. 21. Подпоручику Муромцову Р. говорил: «В нашей армии величайшее тиранство, потому что нет равенства, как в других государствах, (где) существует конституция. Пора уже у нас оной быть, тогда бы народ не терпел теперешнего ига», там же, л. 22 об.

[124] В сбор. Избранные социально-политические и философские произведения — неточно. Цитирую по автографу, т. XII, л. 234.

[125] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. II, стр. 167, цит. изд.

[126] Раевский не смог объяснить, откуда он взял такое определение. Он сказал: «Что определение есть самое верное и ясное и взято из разных книг, из коих помнит только географию Зябловского, последнего издания». Книгу проверили, но в ней не оказалось такого определения. Это и послужило поводом для утверждения Сабанеева о том, что автором приведенного определения конституционного правления является Раевский. Последний не отрицал этого, а при повторном допросе заявил, что «не помнит, из какой книги почерпнул это определение». ФЦГВИА, т. I, л. 24 об.

[127] Пушкинский сборник, стр. 262.

128 Там же, стр. 333.
129 Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. II, стр. 78, 79, цит. изд.
130 ФЦГВИА, т. I, л. 19
131 Там же, т. XII, лл. 310—313, об.
132 Пушкинский сборник. стр. 252.
133 А. С. Пушкин, ПСС, т. V, ГИХЛ, М.-Л., 1933, стр. 647.
134 Ответные пункты по черновым бумагам, № 30, см. Приложение № 4.
135 Сб. Декабристы, 1951, стр. 5.
136 Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. II, стр. 386, цит. изд.
137 ФЦГВИА, т. XI, л. 217—227.
138 Там же, л. 228.
139 См. Приложение № 1.
140 ФЦГВИА, т. XII, л. 245—247.
141 Там же, д. 229. Здесь дана характеристика славянских народов и др.
142 Пушкинский сборник, стр. 333.
143 См. Приложение, № 2.
144 Пушкинский сборник, стр. 333.
145 14 декабря 1825 г. и император Николай, издано редакцией «Полярной звезды» по поводу книги барона Корфа, Лондон, 1858, стр. 59.
146 Пушкинский сборник, стр. 333.
147 Послание к друзьям в Кишинев, «Литературный Ульяновск», № 1, 1947, стр. 130.
148 Сб. Поэты-декабристы, Сов. писатель, Л., 1949, стр. 251.
149 Там же, л. 243.
150 «Русский архив», 1866, т. IV, стлб. 1451.
151 Поэты-декабристы, стр. 245, цит. изд.
152 Дело Раевского. Архив АН СССР, ф. 100, оп. 1, № 201, л, 16,
153 «Вестник Европы», 1874, июнь, стр. 857.
154 Пушкинский сборник, стр. 225.
155 См. Пушкинский сборник, стр. 225—243. О «Дополнении к «Протесту», там же, стр. 322.
156 Оправдание напечатано в Пушкинском сборнике, стр. 243—247.
157 Этот проект дан в «Ответных пунктах по «Оправданию», см. Приложение, № 7.
158 В. И. Ленин, Соч., т. XV, стр. 143.
159 Письма опубликованы в Пушкинском сборнике, стр. 303—314.
160 Пушкинский сборник, стр. 309—310.
161 Там же, стр. 304. Даль так объясняет это слово: «Меледа — мешкотное дело, работа без конца, бесконечное одно и то же, работа, из которой ничего путного не выходит; длительная однообразная забава».
162 Послание К-ву, Пушкинский сборник, стр. 293.
163 Письмо к Г. С. Батенькову 28 сент., там же, стр. 305.
164 Там же, стр. 304.
165 Письмо к Вельтману, 3 ф. 1864, там же, стр. 313—314.
166 Письмо к Батенькову 25 июля 1861, там же, стр. 307.
167 Ему же, там же, стр. 310.
168 Письмо к Вельтману 3 февраля 1864, там же, стр. 313.
169 См. сб. Декабристы, 1951, стр. 65.

Люби людей, дай руку им в пути и т. д.

[170] **Приложение.** При разработке темы «Социально-политические взгляды В. Ф. Раевского» были использованы материалы, опубликованные в «Русской старине», «Красном архиве», Пушкинском сборнике и в книге Избранные социально-политические и философские произведения декабристов (1951). Кроме этого, были использованы материалы из черновых бумаг декабриста, находящиеся в архивах. Для полноты картины в настоящем Приложении приводятся эти новые материалы, характеризующие общественно-политические и философские взгляды Раевского. Из показаний декабриста взяты те наиболее яркие ответы, в которых он останавливается на социально-политических вопросах. Некоторые из них приводились в тех или иных работах, посвященных Раевскому. Они приводятся и здесь в связи с тем, что без них извлечение из показаний не будет иметь необходимой полноты и цельности. Большинство же ответов приводится впервые. В Приложении публикуются следующие материалы:

1. Заметка о Бессарабии. 2. Две записки о революции. 3. Предисловие к книге о Петре I и Селиме III. 4. Из показаний штабс-капитана Зиньковского, поручика Андреевского, портупей-юнкера Михайловского, 5. Ответные пункты Р. по черновым бумагам. 6. Ответные пункты Р. на разные места его «Протеста». 7. Ответные пункты по «Оправданию», 8. Заметка С. Черепанова о В. Ф. Раевском.

1. Заметка о Бессарабии. Печатается впервые с автографа ЛОЦИА (теперь ФЦГВИА), ф. 9, к. № 42, т. 12 (лит. В), «Разные черновые бумаги, принадлежащие майору 32 Егерского полка Раевскому 5-му», лл. 109, 239, 308. Разрозненные листки сводятся мною в одно целое. Мною же дано название «Заметка о Бессарабии». Водяной знак на бумаге — «1819». Набросок относится, повидимому, к 1820 году, когда Р. опять вернулся в 32 Егерский полк, в Бессарабию. Декабриста привлекают вопросы истории Бессарабии («Вечер в Кишиневе», «О Бессарабии, из «Истории Российского Государства») и ее общественные отношения. По замыслу «Заметка о Бессарабии» могла быть связана с «Рассуждением о рабстве»... и с работой о Петре I и Селиме III.

Три столетия господства феодально-султанской Турции (XV—XVIII) оставили глубокий след в жизни Бессарабии. Турки разграбили древние молдавские сёла и города, опустошили страну. В 1812 году Бессарабия была освобождена от турецкого ига и в этом же году вошла в состав России. Раевский видел следы гибельного турецкого владычества. Работая над событиями, связанными с деятельностью Петра I и Селима III, он мог привлечь и факты из жизни Бессарабии.

2. **Две записки о революции и об английской конституции.** Это название заимствовано мною из дела Бартенева (ЦГИА, ф. 109, № 492, 1832, л. 3). Записки отобраны у Политковского во время ареста, в связи с привлечением за посещения Раевского в крепости. Первая записка опубликована в «Пушкинском сборнике», стр. 334. Записки имеют прямое отношение к конспекту «О существе законов» и к наброску «О политике». Записки даются в переводе с французского.

3. Предисловие. Печатается впервые с автографа ЛОЦИА (теперь ФЦГВИА), ф. 9, св. 18, 2 отд. Аудитор. д-та, 1827 г., лит. В, т. II, к. № 42, «Разные черновые бумаги, принадлежащие майору 32 Егерско-

го полка Раевскому 5-му», лл. 5—6. Самой работы о Петре I в черновых бумагах Р. нет.

Селим III, султан Османской империи, вступил на престол в 1789 г. Им были проведены реформы, направленные на укрепление центральной власти. Они не имели целью подорвать основы феодального строя, а только ликвидировать такие его пережитки, как янычарское войско, ослабить могущество духовенства и произвол пашей.

Проведение реформ в этом направлении встретило сопротивление реакции. В мае 1807 года реакционеры, опираясь на янычарское войско, восстали, перебили всех сторонников реформ и свергли Селима III, заключив его во дворце, где вскоре он был задушен. Таким образом, попытка Селима III и его сторонников приспособиться при помощи реформ к капиталистическому развитию и предупредить революцию снизу окончилась крахом.

4. **Из показаний штабс-капитана Зиньковского, поручика Андреевского, портупей-юнкера Михайловского.** Эти извлечения сделаны из Выписки, составленной в Полевом Аудиториате армии из Военно-судного дела, т. I, под лит. А, к № 42, §§ 14, 24, 31.

5. **Ответные пункты майора Раевского по черновым его бумагам.** Они взяты из «Дела В. Ф. Раевского в комиссии военного суда при Литовском корпусе», находящегося в Пушкинском доме (подарок П. Е. Щеголева) № 3168. XV, 10/44.

Из многочисленных ответных пунктов взяты наиболее интересные ответы о «Рассуждении о рабстве», в которых есть дополнительный фактический материал, а также высказывания декабриста о рабстве крестьян. Вопросные пункты даются в сокращении, а ответы по ним полностью.

6. **Ответные пункты Раевского на разные места его «Протеста».** «Протест» написан 1 сентября 1823 года в Тираспольской крепости. Вопросные пункты по «Протесту» и «Дополнению к «Протесту» (70 вопросов) были даны Р. Комиссией военного суда при Литовском корпусе в январе 1827 года. Ответы писались Раевским в крепости Замостье. Они находятся в Деле о майоре 32 Егерского полка Раевском 5-м, ФЦГВИА, ф. № 9, д. № 42, т. III, ч. I, лл. 20—62.

Приводим ответы на 62 (л. 58), 63 (л. 58), 64 (л. 59), 65 (лл. 60—60 об.) вопросные пункты.

7. **Ответные пункты по «Оправданию».** «Оправдание» было написано 22 февраля 1826 года в Петропавловской крепости и адресовано Следственному комитету, но рассматривалось в январе 1827 года Комиссией при Литовском корпусе.

34 вопроса по «Оправданию» расположены по разделам, установленным самим Раевским в «Оправдании»: Понятие о законах (с 1 по 19), Понятие о чести (с 20 по 25), О нравственности (с 26 по 34). Ответы дают богатый фактический материал, на который опирался декабрист в «Оправдании». Нами приводятся ответы, характеризующие положение солдат, а также материалы о Сущове и Цыхе — врагах декабриста.

Ответы декабриста по «Оправданию», а также его письма графу Куруте (см. Пушкинский сборник, стр. 324—325) дают представление о поведении Раевского в крепости Замостье. Он опять выступает в защиту солдата русского, отмечая его бесправное положение. Раевский предлагает провести реформу военных судов, суть которой изложена им в проекте «О прочном основании судебной части в полках» (ответ 17-й).

8. **С. Черепанов. Заметка о В. Ф. Раевском**. Печатается впервые с автографа, хранящегося в Архиве АН СССР, ф. 100, оп. I, № 327. С. Черепанов в «Воспоминаниях Сибирского казака» рассказывает о том, что в Александровском заводе он «встретился с крестьянином, говорившим о самых возвышенных предметах и бойко по-французски». Черепанов называет его «недюжинной личностью». Публикуемая заметка раскрывает их более тесные связи, чем случайная встреча. С. Черепанов сообщает также о том, что произведения В. Ф. Раевского распространялись в Сибири рукописным путем, в частности его произведение «Она». Важно отметить, что другие произведения, название которых не дается, были «частью отобраны, частью истреблены по случаю розыска «Писем к сестре Лунина». Это одно из важных свидетельств о популярности рукописных произведений «первого декабриста» в Сибири, в начале 40-х годов. Произведения В. Ф. Раевского распространялись одновременно с письмами Лунина, что характеризует отношение к ним прогрессивной части сибирского общества.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Отв. редактор *П. С. Бейсов*
Тех. редактор *Я. М. Хахам*
*
3М00721 — Заказ № 875.
Тираж 500 экз.
Сдано в производство 3/XII 1952 г.
Подписано к печати 31/1 1953 г.
Формат бумаги $60x84^1/_{16}$
Объём $35^1/_4$ п. л.
*
Тип. Облполиграфиздата,
г. Ульяновск, ул. Ленина, 114

УГПИ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск V
1953